

Russ
time

Елисеѣв, А. В.

ПО БѢЛУ-СВѢТУ

Очерки и картины изъ путешествій

ПО ТРЕМЪ ЧАСТЯМЪ СТАРАГО СВѢТА

Доктора А. В. Елисеѣва

въ 4-хъ томахъ

Съ иллюстраціями художниковъ: академ. В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, проф. А. Д. Кившенко, В. П. Овсяникова, Я. П. Писемскаго, С. К. Піотровича, Е. П. Ризниченко, К. П. Самокишъ-Судковской, академ. Н. С. Самокишъ, Э. К. Соколовекаго, А. А. Чикина и другихъ.

Томъ II

.....
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
.....



О.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание П. П. Сойкина



НИЖНИЙ ОНЛАДЪ НИЖНИЙ МАГАЗИНЪ
Отремянная, 12, собств. д. Невскій 98, уг. Надеждинск.

G 490

E 47

1901

f

v. 2



ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ. 24 ЮЛЯ 1904 Г.

ТИПОГРАФІЯ П. П. СОЙКИНА, СПБ. СТРЕМЯЩАЯ, 12.



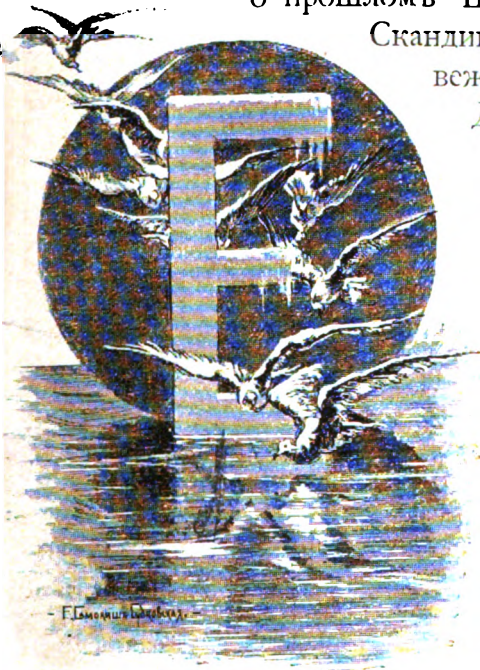
„По Бѣлу-Свѣту“





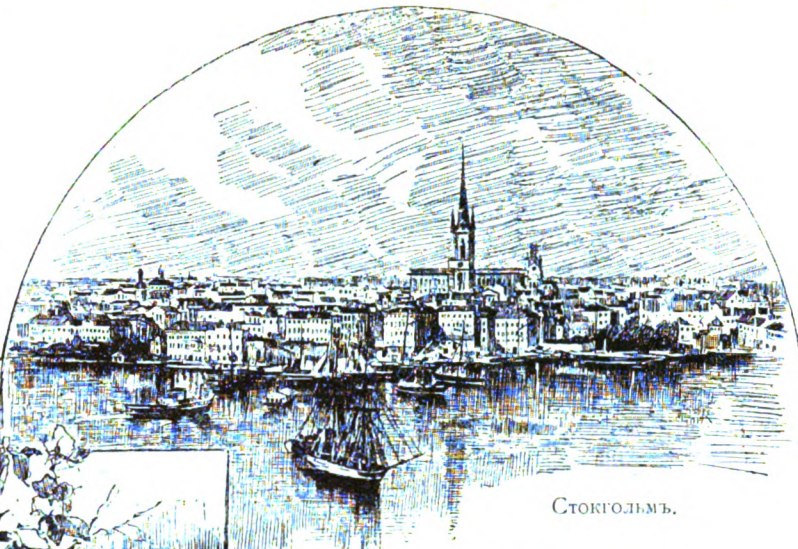
Глава I.

Поѣздка на Скандинавскій полуостровъ. — Нѣсколько словъ о прошломъ Швеціи. — Общій взглядъ на поверхность Скандинавіи. — Переѣздъ въ Норвегію. — Норвежскіе виды. — Трондгеймъ. — Фіорды. — Дѣятельность моря. — Поднятіе и опусканіе береговъ. — Туристы. — Норвежскія женщины.



ЩЕ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, забравшись впервые въ глубину Сѣверной Финляндіи, я почувствовалъ сильное желаніе посѣтить страны самаго дальняго сѣвера, проникнуть въ глубину Лапландіи и побродить по ея тундрамъ и лѣсамъ. Однако, осуществить это желаніе мнѣ удалось лишь послѣ того, какъ я совершилъ свою первую поѣздку на Востокъ.

Приступая теперь къ разсказу о своихъ путешествіяхъ по странамъ, прилежащимъ къ



Стокгольмъ.

Гиперборейскому морю и зашедшимъ далеко за полярный кругъ, я, изъ боязни утомить читателей, не буду описывать ни веселаго Стокгольма, ни прекраснаго Мелара, покрытаго сотнями острововъ, ни даже чудной Швеціи, этой настоящей благословенной Аркадіи въ наше неблагословенное время...

Мы пролетѣли на вѣсѣхъ парахъ поперекъ Швеціи до самаго Кристиненгамна, гдѣ желѣзный пароходъ перенесъ насъ черезъ внутреннее море, Ладогу Швеціи, прекрасное озеро Веннеръ. Пересѣкши его, мы по желѣзной дорогѣ скоро достигли Христиани, пріютившейся въ глубинѣ чуднаго фіорда. Вотъ и промелькнула предъ нашими глазами вся живописная Швеція

съ ея добродушными жителями, красными домиками, водопадами, порожистыми рѣчками, широкими озерами и цвѣтущими городами. На берегу Кларъ-Эльфа у майскаго дерева кружилась веселая молодежь; ея сладкозвучныя пѣсни заглушали шумъ величественнаго водопада. Вся Швеція такъ веселится и поетъ, потому что она счастлива и цвѣтетъ благосостояніемъ.

Нѣкогда, еще не такъ давно, первая могущественная держава Сѣвера, Швеція играла значительную роль въ исторіи восточной половины Европы, но потомъ, разбитая своею могущественною сосѣдкой, она обратила всѣ свои силы, весь свой талантъ на внутреннее преуспѣяніе и на этомъ поприщѣ сдѣлала успѣхи еще большіе, чѣмъ въ области политики и завоеваній...

Владимиръ Гоголь.

Припомнимъ героическій періодъ Скандинавіи. Ни одинъ народъ Европы, исключая грековъ, не имѣлъ такого славнаго героическаго прошлаго. Викинги Скандинавіи, норманны (сѣверные люди), были грозой всего материка; ихъ колоніи были разсыпаны отъ Центральной Россіи до береговъ Англій и Португаліи и шли далеко по Средиземному морю. Въ то время, какъ одни сыны Скандинавіи служили при дворѣ Византіи и восточ-

ныхъ властителей, другіе на легкихъ ладьяхъ открывали Шпицбергенъ, Новую Землю и Гренландію. Въ настоящее время нѣтъ сомнѣнія, что существовали норманскія поселенія на берегахъ Гренландіи и что предки скандинавовъ открыли Америку за 5—6 вѣковъ до Колумба. Благодаря своему географическому



Е [Амохша] [Фаро]ская — Фіордъ.

положенію на внутреннемъ морѣ, ведшемъ къ серединѣ материка, и на внѣшнемъ океанѣ, дававшемъ широкій просторъ, Скандинавія скоро стала первою морскою державою въ Европѣ. Однако, рѣдкое населеніе и суровый климатъ, обусловливающій вѣчную тяжелую борьбу за существованіе, помѣшали Скандинавіи стать великою державою. Населеніе ея, благодаря климатическимъ условіямъ, никогда не могло размножиться до того, чтобы населить огромныя приарктическія пространства, хотя находки доисторической древности позволяютъ думать, что Скандинавія не только была населена во времена отдаленной древности, но даже выработала

особый типъ цивилизаціи, извѣстный подъ именемъ арктической культуры. Теперь Скандинавія, не играющая роли въ большой политикѣ, замкнулась сама въ себѣ и тратится не столько на пушки и ружья, сколько на свою внутреннюю жизнь и преуспѣяніе. Братскіе народы, *brödra folkar*, въ настоящее время представляютъ блистательный примѣръ того, что можетъ сдѣлать народъ, тоже восемь мѣсяцевъ въ году погребенный въ снѣгахъ, подобно сѣверянамъ-русскимъ.

Характеризуя въ общемъ рельефъ Скандинавіи, можно сказать, что Норвегія—область плоскогорій и горъ, тогда какъ Швеція—длинныхъ покатостей и равнинъ; склоны къ внѣшнему и внутреннему морю не одинаковы, и послѣдніе въ нѣсколько разъ шире океанскаго склона. Какъ чудовищная каменная волна, исполинскій хребетъ полуострова, длинная Скандинавская цѣпь на сѣверѣ уперлась въ океанъ, на югѣ выдалась въ Нѣмецкое море, къ востоку спустилась террасами, а на западѣ раздробилась въ безчисленныя бахромки, придавшія берегу такое сильное, почти безпримѣрное развитіе. Самый хребетъ, остовъ страны, не составляетъ одной непрерывной цѣпи, а подобно позвонкамъ животнаго костяка разбился на рядъ отдѣльныхъ каменныхъ громадъ, то пирамидообразныхъ, то многоугольныхъ, то похожихъ на отдѣльныя плато; длинныя ущелья и бреши раздѣляютъ эти отдѣльныя каменные позвонки, круто обрѣзанные на сѣверо-западѣ и скошенные на юго-востокѣ. Бахромчатая линія фіордовъ, островныхъ горъ и полуострововъ, которою окаймлена Норвегія на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, обязана своимъ происхожденіемъ движенію ледниковыхъ массъ. На вершинахъ Скандинавовъ и ихъ плоскогоріяхъ лежатъ обширныя снѣговыя поля и одни изъ величайшихъ глетчеровъ Европы, подпираемые утесами, образующими мрачныя стѣны узкихъ фіордовъ. Эти фіорды, своеобразное развитіе глетчеровъ и безчисленное множество порожистыхъ рѣкъ съ водопадами указываютъ на то, что Скандинавія—страна еще не законченнаго рельефа, страна, гдѣ живая вода—море и вѣтры не уравнили поверхности, не сгладили плоскогорія и уступовъ. Разнообразный рельефъ, характеризующій фізіономію страны, придаетъ ей много живописнаго. Мы только перечислимъ нѣсколько природныхъ красотъ Скандинавіи.

Трольгеттскій водопадъ—лучшее украшеніе Швеціи. Никакая картина не передастъ всей прелести этого каскада, низвергающагося съ высоты десяти сажень тремя послѣдовательными скатами, съ силой, равною четверти милліона паровыхъ лошадей. Рѣка Гломменъ—это рядъ водопадовъ и каскадовъ, а Эльфсдаксеттенъ—самый огромный изъ нихъ. Еще поразительнѣе водопады въ Норвегіи, гдѣ они скатываются съ огромныхъ высотъ, начинаясь изъ могучихъ ледниковъ, а каскадъ Скъогельдгасфоссенъ по своей красотѣ и оригинальности не имѣетъ равнаго въ Европѣ; струю воды его, падающую съ огромной высоты, можно сравнить только съ водопадомъ Вѣдльмъ въ Сѣверной Америкѣ. Рѣки Кларъ-Эльфъ, Далъ Эльфъ, Логенсъ-Эльфъ и другія, составленныя на половину изъ цѣпи озеръ, представляютъ рядъ живописнѣйшихъ ландшафтовъ.

Дорога отъ Христіаніи къ Трондгейму, пересекающая всю Норвегію.—лучшая дорога въ Европѣ по чуднымъ ландшафтамъ, открывающимся на каждомъ шагѣ. Такія дикія красоты, какъ Ромсдальсгорнъ, открываются одна за другою предъ глазами туриста, иногда мчащагося по желѣзной дорогѣ на высотѣ двухъ съ половиною тысячъ футовъ, по склонамъ горъ надъ долинами, заключающими цѣлыя рѣки, озера и города. Вся эта масса воды, которую видитъ путешественникъ въ Скандинавіи, питается огромными снѣговыми полями, глетчерами, залежими на огромномъ пространствѣ по вершинамъ Дофельдскихъ и Келленскихъ горъ. Знаменитое Юстедальское снѣговое поле занимаетъ площадь болѣе 800 кв. верстъ, выдѣляя



отовсюду безчисленные ледяные потоки, стекающие тонкими струйками по бокам обледенѣлыхъ скалъ. Большинство ледниковъ Сѣверной Норвегіи представляетъ тотъ интересный географическій фактъ, что съ 1807 г. они перестали увеличиваться и начинаютъ отступать. Видъ этихъ дикихъ норвежскихъ горъ не поражаетъ глазъ разнообразіемъ видовъ, какъ ландшафты Швейцаріи, но зато здѣсь горная природа и камень подавляютъ все живущее. Растительность, часто представленная одними мхами, ютится лишь на солнечныхъ склонахъ, тогда какъ бокъ-о-бокъ, въ тѣни большихъ камней, даже среди лѣта стоятъ не растаявшія лужи. Кучи огромныхъ камней загромазждаютъ подошву каждой горы. Человѣкъ уходитъ изъ этихъ горныхъ дебрей, печальныхъ и безжизненныхъ, какъ пустыня, и только скандинавскій медвѣдь да песецъ осмѣливаются бродить по этимъ склонамъ, да могучій орелъ своимъ клекотомъ оживляетъ каменистую пустыню.

Отъ Христианіи мы прошли въ сердце Норвегіи—въ провинціи Ютту-ненгеймъ, Ставангеръ и Галендаль, гдѣ природа является во всемъ своемъ величіи. Узкою дорожкой, вьющеюся, какъ ленточка, вдоль какого-нибудь потока, приходится пробираться въ нѣдра Скандинавскихъ горъ. Тутъ снѣжные великаны болѣе версты вышиной, нагроможденные одинъ на другой, украшенные на склонахъ огромными лѣсами, и могучіе ледники, подобныхъ которымъ нѣтъ въ Европѣ, образуютъ цѣлый хаосъ. Глетчеръ Свартизена покрываетъ площадь въ 1500 кв. верстъ и лежитъ въ видѣ шапки на цѣлой группѣ горныхъ великановъ, вершины которыхъ высовываются изъ-подъ снѣжнаго покрова. Подымаясь почти на двухверстную высоту, они другими своими отрогами спускаются прямо къ морю. Только немногіе туристы рѣшаются пробираться изъ конца въ конецъ по этому леднику, котораго фирновыя поля и морены, трещины и провалы представляютъ опасности на каждомъ шагу. Я еле поднялся на морену, но несмотря на свою цѣпкость, изранилъ руки объ острые гребни ея гранитныхъ плитъ. Подъ зыбкими камнями журчала вода; казалось, камни были нагромождены надъ водой и готовы рухнуть въ массы слеглаго снѣга. Мѣстами виднѣлись такія ужасныя трещины, темныя, зіяющія, что становилось жутко, и нога со страхомъ ступала по обледенѣлымъ краямъ. Послѣ трехчасовыхъ усилій мы очутились въ центрѣ ледника. Эта большая, слегка выпуклая площадь слеглаго снѣга, звѣздообразно изрѣзанная трещинами шириной отъ аршина до сажени, глубиной отъ нѣсколькихъ футовъ до пяти сажень, завалена осколками гранита съ журчащею подъ ними водой, а стѣны ея отдаютъ прекраснымъ

зеленосинимъ цвѣтомъ. Поверхность ледника бороздчата и вся въ ледяныхъ осколкахъ и разбитыхъ коркахъ льда. Ходить мѣстами было очень легко, мѣстами же скользко; нѣсколько разъ мы проваливались до пояса въ тающіе снѣга, пронизанные каналами съ обледѣвшими стѣнками, по которымъ сочилась тающая вода. Масса ледника вся ноздревата. Мѣстами я встрѣчалъ маленькихъ насѣкомыхъ, которыя живутъ въ самыхъ снѣгахъ и иногда размножаются миллиардами. Если жизнь есть движеніе, то ледникъ полонъ жизни; онъ ни минуты не находится въ покоѣ; безпрестанно слышится то скрипъ и трескъ льдинъ, то паденіе валуновъ со ската горы, то легкое шуршаніе сползающаго снѣга. Въ одномъ мѣстѣ, спускаясь по склону ледниковъ, мы принуждены были бѣжать, и нѣсколько огромныхъ камней тронулось за нами; къ счастью, они прокатились мимо насъ по сторонамъ, иначе эти лавины и камни могли-бы стереть и вбить въ ледь неосторожнаго путника и его проводника. Впрочемъ для того, чтобы понять впечатлѣніе, производимое колоссальнымъ ледникомъ, надо испытать его самому.

Чѣмъ дальше идешь впередъ, тѣмъ живописнѣе и прекраснѣе становится страна; если ѣхать къ Трондгейму по желѣзной дорогѣ, мѣстами поѣздъ пробѣгаетъ подъ рядъ нѣсколько тоннелей, мѣстами онъ мчитъ надъ городами, лежащими въ глубинѣ долины или у самаго берега

озеръ и порожистыхъ рѣкъ, а порой взлетаетъ, кажется, на самыя вершины опускающихся амфитеатромъ горъ. Ни въ Швейцаріи, ни на Кавказѣ, ни на Уралѣ, ни даже въ Пиринейяхъ нѣтъ такого разнообразія и вмѣстѣ съ тѣмъ такого величія видовъ. Словно въ волшебной панорамѣ смѣняются ландшафты, пока не достигнешь Трондгейма — древней столицы Норвегіи.

Трондгеймъ и въ настоящее время является главнымъ торговымъ пунктомъ страны сѣверныхъ финикянъ, какъ называютъ норвежцевъ, обитающихъ на узкой береговой полосѣ земли у подножія необитаемыхъ горъ и имѣющихъ болѣе могущественный флотъ, чѣмъ обширныя государства, населенныя де-



Свагтенз.

сятками миллионъ жителей, какъ Россія, Испанія и даже Франція. Трондгеймъ въ древности принадлежалъ къ торговому союзу и до сихъ поръ не утратилъ своего торговаго и политическаго значенія; до сихъ поръ еще короли Скандинавіи коронуются въ его древнемъ соборѣ святаго Олафа. Болѣе пятисотъ судовъ принадлежатъ его гавани и около тысячи чужихъ поддерживаютъ его сношенія съ остальнымъ міромъ. Возлѣ самаго собора, выстроеннаго изъ зеленоватаго серпентина въ древне-готическомъ стилѣ, разбито небольшое, но густо поросшее цвѣтами кладбище, хранящее прахъ многихъ героевъ Норвегіи.

Надо видѣть норвежцевъ—этихъ здоровыхъ, широкоплечихъ мужчинъ двѣнадцати вершковъ ростомъ, съ краснымъ обвѣтреннымъ непогодами лицомъ, у себя на дому, чтобы

Железная дорога къ Трондгейму.

понять, какую могучею жизненностью обладаетъ этотъ народъ. Правда, суровый климатъ не благопріятствуетъ его быстрому размноженію, но онъ отличается завиднымъ здоровьемъ: процентъ заболѣваній и смертности въ Скандинавіи не высокъ, особенно въ Норвегіи, гдѣ умираетъ всего 16—17 на 1000,—наименьшая пропорція, какую представляетъ какая-либо европейская страна.

Только одна ужасная болѣзнь способствуетъ вырожденію населенія въ прибрежной Норвегіи, это—проказа, которая на протяженіи береговой линіи отъ Бергена до Трондгейма поражаетъ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Проказа проявляется здѣсь въ нѣсколькихъ формахъ. Пятнистая форма сказывается только красноватыми пятнами на тѣлѣ, но зато сопровождается ужасающими болями, указывающими на глубокое разстройство нервной системы. Внѣшнія ощущенія притупляются, пораженная часть тѣла становится безчувственною, страшныя корчи членовъ переходятъ въ ихъ омертвѣніе, и несчастный страдалецъ кончается въ страшныхъ мукахъ. Другая, шишковатая форма проказы ужасна, наоборотъ, съ внѣшней стороны, но зато не вызываетъ внутреннихъ страданій. При ней все тѣло покрывается толстыми шишками, преимущественно на лицѣ, которыя разрастаются и лопаются, страшно обезображивая физиономію несчастныхъ. Замѣчательнъ тотъ фактъ, что проказа не поражаетъ земледѣльцевъ и обитателей долинъ, а развивается лишь среди рыболововъ,





употребляющихъ въ пищу жирную рыбу, богатую фосфористыми началами. Въ Палестинѣ и Малой Азіи, — другой странѣ міра, гдѣ свирѣпствуетъ проказа, — эта послѣдняя господствуетъ, наоборотъ, среди чистыхъ вегетаріанцевъ, утопающихъ въ вѣковой грязи и нищетѣ.

Несмотря на недостатокъ хлѣба, Норвегія не имѣетъ нищихъ. Это — единственная страна въ мірѣ, гдѣ всѣ равны, гдѣ нѣтъ титуловъ, и чины не имѣютъ никакого значенія; это — страна мужиковъ, рыбарей-судохозяевъ и земледѣльцевъ-собственниковъ. Норвежскій парламентъ — стортингъ — преимущественно собраніе крестьянъ.

Тѣмъ не менѣе этотъ народъ крестьянъ превосходитъ, по своему образованію, всѣ остальные народы Европы. Посѣщеніе школъ дѣтьми съ 7 до 14 лѣтъ обязательно. Всякая, даже небольшая община, будь то приходъ или село, обязана имѣть бесплатную школу съ учителемъ, выдержавшимъ специальное испытаніе. Кромѣ этихъ начальныхъ школъ, есть еще много среднихъ и нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній.

Между прочимъ, оригинальное явленіе представляютъ такъ называемыя подвижныя школы. Существованіе ихъ обусловливается раскиданностью селеній, тонушихъ въ горахъ и снѣгахъ, которые препятствуютъ ребятишкамъ посѣщать мѣстныя школы. Наставникъ долженъ, поэтому, передвигаться самъ, останавливаясь на время въ какой-нибудь гостепріимной фермѣ. Благодаря подобной системѣ народнаго образованія, почти всѣ жители Норвегіи поголовно грамотны, и нигдѣ въ Европѣ не встрѣчается столько людей, получившихъ среднее образованіе, какъ въ Норвегіи. Школьное дѣло ведется въ Скандинавіи такъ толково, что знанія умственныя не идутъ въ ущербъ физическому развитію, и среди здоровыхъ, атлетическихъ молодыхъ норвеж-



Е. Сандкингъ и др.

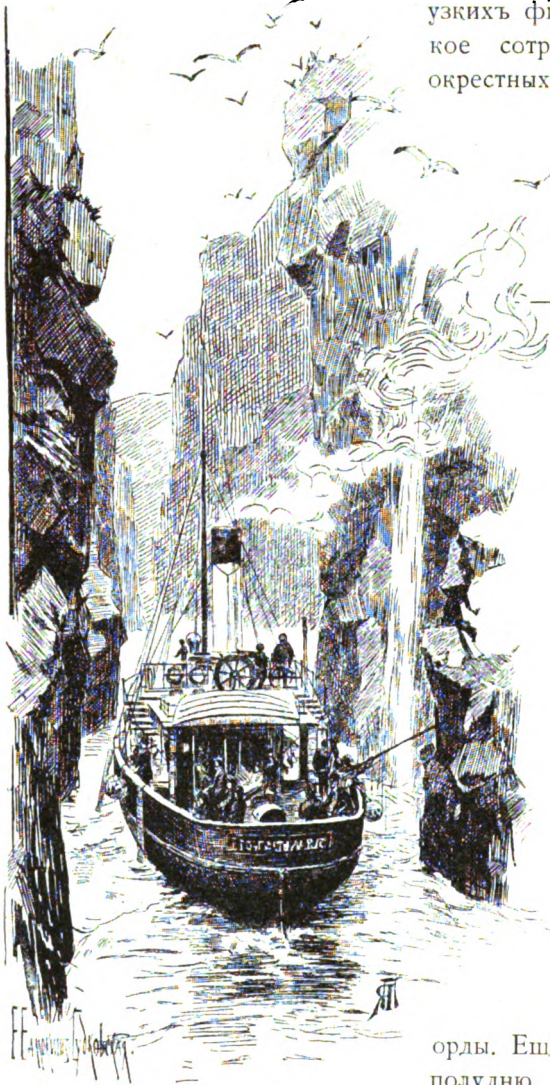
Странствующій учитель и дѣти.

цевъ не встрѣчается ни чахлахъ грудей, ни вялой мышечной системы, ни испорченныхъ глазъ и желудка, какъ у высокоцивилизованныхъ жителей континентальной Европы.

Типичный норвежскій городъ Трондгеймъ стоитъ въ глубинѣ прекраснаго фіорда, въ самомъ центрѣ той замѣчательной системы фіордовъ, подобной которой немного найдется на землѣ. Развѣ берега Чили, часть берега Сѣверной Америки—Британской Колумбіи, берега Далмаціи, Гренландіи и Шпицбергена могутъ быть поставлены рядомъ съ норвежскими фіордами. Длинныя, узкія, но глубокія, словно исполинскою рукою вырѣзанныя бахромки, вьются они въ прибрежныхъ скалахъ вдоль всего берега Норвегіи, отъ Ставангера до Нордкапа. Масса скалистыхъ острововъ, шхеръ, наполняющихъ эти заливы и заграждающихъ ихъ со стороны моря, увеличиваетъ еще болѣе изрѣзанность береговъ. Нѣкоторые фіорды, шириной не достигающіе версты, врѣзаются въ берега полуострова на десятки и сотни верстъ. При своей незначительной ширинѣ, эти заливы отличаются такою глубиною, что даже большія суда могутъ проходить по нимъ. Только масса шхеръ и острововъ и узость фіордовъ, не позволяющихъ повернуться судну, часто мѣшаютъ ихъ судоходству. Много фіордовъ высмотрѣлъ я въ продолженіе своего дальнѣйшаго плаванія по берегамъ Норвегіи и долженъ сознаться, что они произвели на меня впечатлѣніе большее, чѣмъ самый огромный глетчеръ, чѣмъ самая колоссальная вершина. Мы попытаемся набросать нѣсколькими яркими штрихами картину скандинавскаго фіорда.

Вотъ входитъ судно въ одинъ изъ такихъ узкихъ заливчиковъ. Огромныя, часто въ нѣсколько сотъ саженъ, скалы вздымаются по обѣимъ сторонамъ его, какъ-бы готовыя захватить судно въ свои каменные объятія; мѣстами эти горы принимаютъ фантастическія формы и очертанія. Пароходъ, проникшій въ эти темныя аллеи и плывущій среди отвѣсныхъ скалъ, кажется сверху маленькимъ насекомымъ, скользящимъ по дну колодца. Еще нѣсколько верстъ,—и фіордъ начинаетъ суживаться, а прибрежныя скалы, отполированныя еще въ ледниковый періодъ, превращаютъ его въ настоящій корридоръ, по которому судно движется мертвымъ ходомъ, часто давая ходъ назадъ. Вотъ уже совсѣмъ стемнѣло; огромныя каменные громады заперли проходъ; небо едва синѣетъ наверху прозрачною полоской, пароходъ еле движется, чуть не касаясь бортами отвѣсныхъ стѣнъ фіорда, по которымъ спускаются съ высокихъ ледниковъ водопады струей сажени въ полторы шириной и съ паденіемъ до четверти версты. Тихо все вокругъ, парохода какъ-бы неслышно; только журчаніе воды нарушаетъ безмолвіе фіорда. Еще нѣсколько минутъ такого хода,—и вдругъ фіордъ расширяется въ небольшое озерко, гдѣ свободно идетъ пароходъ. Еще дальше,—и снова такіе узкіе корридоры, что даже на лодкахъ проѣзжать опасно, чтобы не нарушить покоя фіорда.

Воды его вѣчно спятъ въ мертвомъ штилѣ, недосыгаемая вѣтрамъ, запертыя въ каменныхъ стѣнахъ; лишь волны прилива, достигающія сажени въ высоту, будятъ заснувшія воды; но во многихъ узкихъ фіордахъ приливная волна, задерживаемая скалами, низвергается съ высоты, какъ настоящій водопадъ. Зато легкое волненіе, вызванное даже всплес-



Пароходъ въ Фіордѣ

комъ весель, ударя о стѣны нѣкоторыхъ узкихъ фіордовъ, иногда производитъ такое сотрясеніе, что камни съ вершинъ окрестныхъ горъ падаютъ и убиваютъ неосторожныхъ пловцовъ. На такихъ опасныхъ мѣстахъ гребцы разгоняютъ лодку, и она пролетаетъ страшную гѣснину подъ Дамокловымъ мечемъ.

Мертвенность воды фіордовъ съ избыткомъ возмѣщается оживленіемъ парящихъ здѣсь птицъ. Тысячи и миллионы пернатыхъ покрываютъ всѣ скалы. Стонъ стоитъ въ воздухѣ, нельзя даже говорить, когда подымается эта стая. Свинцовое небо, разорванные клочки черныхъ тучъ, висящихъ надъ бѣлѣющими ледниками, и темныя громады скалъ при этомъ пронзительномъ крикѣ птицъ—все вмѣстѣ представляетъ такую картину, которая не забывается никогда.

Что касается до растительнаго міра, то онъ не богатъ на скалахъ, окаймляющихъ фіорды. Еще на скалахъ, обращенныхъ къ полудню, разстилаются прекрасныя луга изумрудно-зеленаго цвѣта, испещренныя весной разнообразными цвѣтами, но зато

на сѣверныхъ склонахъ сѣрѣютъ лишь заросли мха да зеленовато-желтаго вереска.

Несмотря на всю запутанность линіи норвежскихъ фіордовъ, только на первый взглядъ они имѣютъ неправильный видъ и расположеніе, тогда какъ на самомъ дѣлѣ направленіе ихъ обуславливается общею архитектурой полуострова. Если мы представимъ себѣ, что весь Скандинавскій хребетъ разломался на отдѣльные куски или позвонки, то направленіе трещинъ разлома опредѣлитъ и направленіе фіордовъ. Горная долина, продолжаясь до берега моря, переходитъ въ каналъ, отдѣляющій кусокъ береговой массы; горный хребетъ, вдаваясь въ море, образуетъ, наоборотъ, полуострова и острова, преимущественно четверугольной формы съ закругленными краями. Нѣкоторые геологи пытались даже начертить главное

направлені трещинъ, по которымъ раскололся Скандинавскій берегъ. Эти линіи уяснили-бы также и развитіе фіордовъ.

Море,—великій геологическій дѣятель, вѣчно бьющійся въ присрежїя, подтачивающій и обивающій цѣлыя скалы,—вѣчно стремится къ тому, чтобы обровнять свои берега. Но на Скандинавскомъ побережѣ, благодаря твердости горныхъ породъ, оно успѣло въ этомъ дѣлѣ всего менѣе. Весь берегъ Норвегіи, поэтому, можно разсматривать какъ берегъ неоконченнаго развитія, точно такъ же, какъ и рѣки Скандинавіи, не успѣвшія еще изгладить и сравнять своего русла, являются также рѣками, находящимися въ младенческой стадіи своего развитія. Главною причиною, затормозившею развитіе тѣхъ и другихъ, были громадныя ледники, которые долго лежали на скалахъ Норвегіи, даже послѣ того, какъ въ остальной Европѣ окончился ледниковый періодъ. Заполненные глетчерами и снѣгами вырѣзы фіордовъ оставались нетронутыми моремъ, пока ледники не отступили внутрь материка, давъ полную возможность океанскимъ волнамъ перестраивать изрѣзанный берегъ. Разрушеніе скалъ и фіордовъ уже началось и масса шхеръ и береговыхъ моренъ указываютъ на дѣятельную разрушительную работу моря. Разрушая, засыпая заливы и изъ обломковъ береговыхъ скалъ строя новыя запруды поперекъ фіордовъ, формируя острова, какъ искусный каменщикъ, изъ обломковъ разрушеннаго зданія, рѣчныя воды приносятъ земляныя частицы и отлагаютъ ихъ въ видѣ ровныхъ плоскихъ береговъ у подошвы горъ, въ то время, какъ море рас-



кидываетъ въ видѣ песчаныхъ поясовъ всѣ обломки скалъ, подточенныхъ его волнами. Благодаря этому обстоятельству, берегъ Скандинавіи растетъ насчетъ засыпанія заливовъ и образованія новыхъ острововъ; помимо этого берегъ растетъ здѣсь и по другой причинѣ. На гранитныхъ и діоритовыхъ скалахъ Скандинавіи было впервые замѣчено, что земля—этотъ символъ неподвижности, какъ мы привыкли ее считать,—находится въ состояніи постоянного колебанія. Верхняя оболочка нашей планеты, преобразовываемая атмосферными дѣятелями, притягиваемая небесными свѣтилами, видоизмѣняемая вліяніемъ атмосферы и воды съ наружной стороны, помимо этого испытываетъ постоянное волнообразное движеніе, подобно плоту, то поднимающемуся, то опускающемуся на волнахъ моря, вслѣдствіе внутренняго напора, подъемныхъ паровъ, газовъ и расплавленныхъ массъ. Повидимому, земля вертится въ міровомъ пространствѣ инертною массой, а между тѣмъ она безъ отдыха трудится надъ измѣненіемъ формы своихъ морей и материковъ. Впродолженіе каждаго геологическаго періода континентальная поверхность, неподвижная съ виду, подымается на огромную высоту надъ уровнемъ океана въ однихъ мѣстахъ и погружается въ другихъ на дно морское, въ океанъ; такимъ образомъ континентальный рельефъ медленно измѣняется.

Въ Скандинавіи имѣютъ мѣсто обѣ формы этихъ измѣненій—и поднятіе, и опусканіе. Города Мальмё, Истадъ и др. постепенно затопляются, тогда какъ большая часть Скандинавскаго побережья возвышается каждое столѣтіе на 4—5, а у Торнео даже до $5\frac{1}{2}$ фут. Въ полярныхъ странахъ Скандинавіи это поднятіе идетъ еще скорѣе и кучи морскихъ раковинъ попадаютъ на высотѣ 600—700 фут. отъ настоящаго уровня. Такимъ образомъ Ботнической и Финской заливы постепенно уменьшаются, отливаютъ свои воды; на поверхности ихъ появляются новые острова, скалы и мели, и можно думать, что черезъ 3,000—4,000 лѣтъ архипелагъ Кваркенъ будетъ перешейкомъ, Торнеосскій заливъ—озеромъ, Аландскіе острова—мостомъ между Швеціей и Финляндіей, а Шпицбергенъ сольется съ Европой, съ Норвегіей. Такъ же возвышаются постепенно сѣверные берега Россіи и Сибири и полярныя побережья Америки; къ югу поясъ поднятія захватываетъ большую часть средиземныхъ странъ. Скандинавскій полуостровъ служить центромъ этой области возвышающихся земель, а потому и несмудрено, что поднятіе земли здѣсь гораздо болѣе рельефно. Такъ какъ Финскій заливъ и устье Невы лежатъ тоже близко къ центру области поднятія, то этимъ и объясняется ихъ быстрое обмелѣніе, которое совершается у насъ на глазахъ. Выдвиганіе суши въ окрестностяхъ Петербурга идетъ такъ быстро, что сравнительно недалеко то время, когда Невская столица станетъ вполне континентальнымъ городомъ, а Финскій заливъ превратится въ небольшое озеро; никакіе морскіе каналы тогда не поддержать значенія Петербурга и не помогутъ ему остаться морскою гаванью.

Въ виду такихъ грандіозныхъ явленій, какія представляетъ Скандинавскій полуостровъ, и особенно побережье Норвегіи, послѣдняя является одною изъ любопытнѣйшихъ странъ земного шара по образованію плоскихъ возвышенностей и морскихъ береговъ. Тамъ каждый ледяной



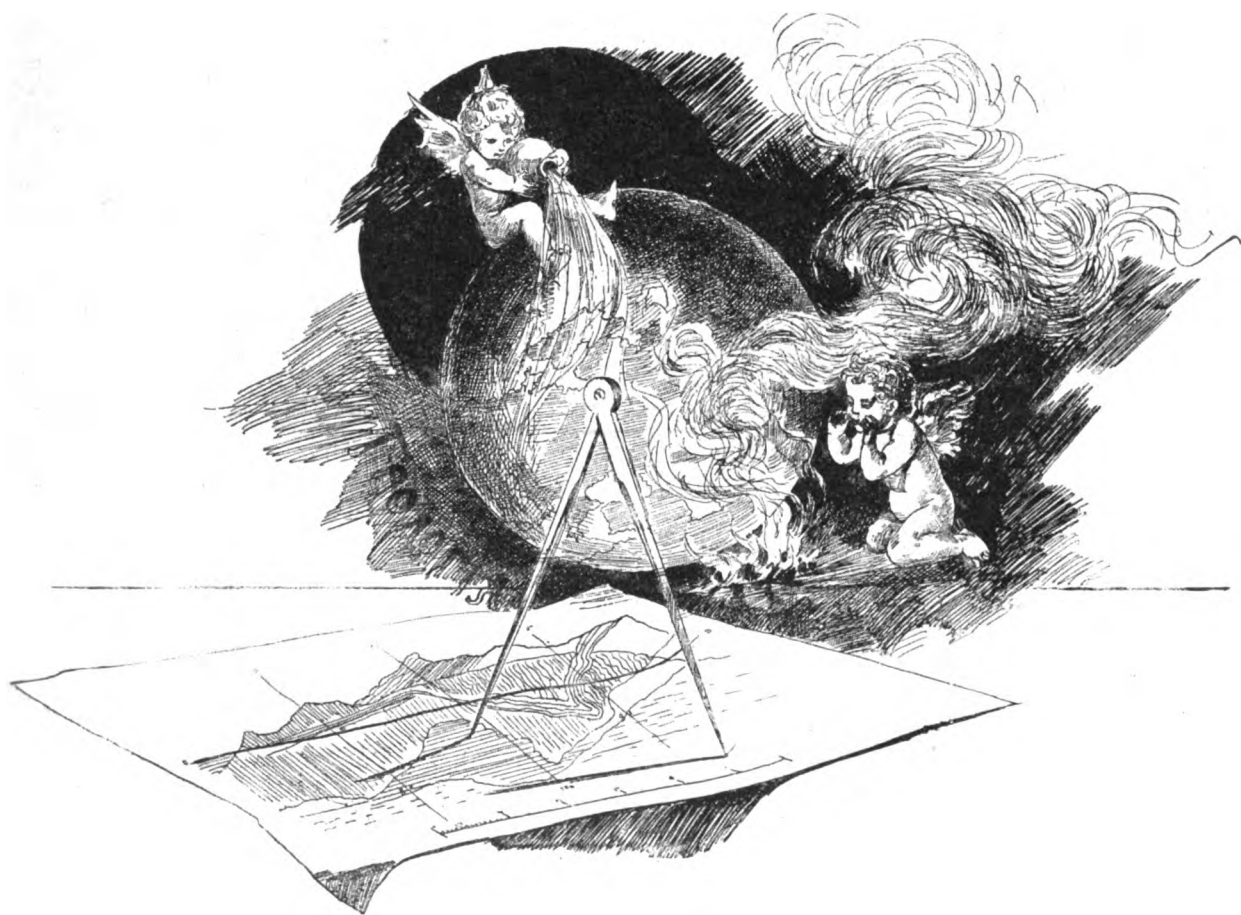
Новейшія фьордські туристки.

потокъ, еще существующій, каждое древнее ложе потока, нынѣ заглохшаго, разсказываетъ во всѣхъ подробностяхъ не только исторію перемѣнъ климата, но даже тотъ планъ, по которому созидались материка. Каждый фьордъ представляетъ, такъ сказать, метеорологическій и геологическій аппаратъ, записывающій на своихъ каменныхъ стѣнахъ каждый фазисъ лѣтописи земного шара

Немудрено, поэтому, что многія сотни туристовъ, ученыхъ и путешественниковъ всѣхъ національностей плывутъ ежегодно вдоль береговъ Норвегіи не только для того, чтобы наслаждаться дикимъ величіемъ природы, но и поучаться, наблюдая величественныя явленія жизни земного шара. Хотя и можно любоваться красотами фьордовъ, но если любопытство не соединено съ жаждой познанія, то дикія воды, подобныя которымъ нѣтъ въ Европѣ, скоро утомятъ взоръ и подавятъ душу туриста своимъ мрачнымъ колоритомъ, своею свинцовою окраскою. Тѣмъ не менѣе путешествія въ Норвегію теперъ начинаютъ входить въ моду, такъ какъ виды Швейцаріи и Італіи уже достаточно пріѣлись и не удовлетворяютъ тѣхъ, кто ищетъ болѣе сильныхъ впечатлѣній и вдохновенія, которыя портятся въ Западной Европѣ обезображеніемъ природы рукой человѣка. «Люди подъ страхомъ постепеннаго измельчанія, умственнаго и нравственнаго,—говоритъ одинъ знаменитый географъ, мыслитель и поэтъ,—должны всѣми силами стараться созерцаніемъ великихъ сценъ жизни земли уравновѣшивать вліяніе той посредственности и пошлости, которыми такъ богата наша общественная жизнь, и въ которыхъ узкіе умы усматриваютъ достоинство современной цивилизаціи. Необходимо, чтобы непосредственное изученіе природы и наблюденіе совершающихся на ней явленій сдѣлалось для каждого вполне развитого человѣка однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ воспитанія. Нужно, кромѣ того, развитъ въ каждомъ человѣкѣ ловкость и мускульную силу, такъ чтобы онъ могъ смѣло взбираться на высокія горы, безбоязненно смотрѣть въ глубокія пропасти и вообще сохранять во всемъ своемъ физическомъ существѣ равновѣсіе физическихъ и умственныхъ силъ. Современный человѣкъ, не отрекаясь отъ громадныхъ преимуществъ, даваемыхъ цивилизаціей, долженъ обладать мощью античнаго человѣка и не уступать ни одному дикарю въ крѣпости мышцъ, въ ловкости и въ знакомствѣ съ природой. Современное общество, развивая въ юныхъ поколѣніяхъ всѣ мужественныя качества и приучая ихъ къ общенію съ природой, можетъ путемъ возрожденія самой расы обезпечить себя отъ всякаго упадка».

Норвежцы, какъ и англичане, давно поняли это, и изо всѣхъ цивилизованныхъ народовъ это лучшіе, по крѣпости организаціи, люди (а въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа). Не говоря о молодыхъ людяхъ, цѣлыя сотни молодыхъ норвежскихъ дѣвушекъ едва кончаютъ свое образованіе, какъ

предпринимаютъ для развитія своихъ физическихъ силъ далекія путешествія на сѣверъ. На пути къ Нордкапу я встрѣчался съ нѣсколькими такими отважными туристками и удивлялся столько же ихъ героизму, какъ и умѣнью переносить физическія лишения. Нѣкоторыя изъ нихъ до того безстрашны, смѣлы и ловки, что предпринимаютъ самыя рискованныя экскурсіи, на которыя не всегда рѣшаются мужчины. Такъ, со мною на Нордкапѣ, быстро взобралась 18-тилѣтняя норвеженка, оставившая позади себя членовъ альпійскаго клуба. Другая молодая дѣвица, недавно окончившая курсъ средней школы, только что возвратившаяся изъ Исландіи, гдѣ она чуть не спускалась въ самое жерло вѣчно дышащей огнемъ Геклы, и едва не погибшая при изверженіи горячей струи гейзера, отправлялась искать новыхъ впечатлѣній въ колоссальныхъ ледникахъ Свартизена. Третья норвеженка два раза переплыла грозный водоворотъ Мальштремъ, правда, въ пору его покоя,—тогда какъ ея товарка спускалась въ корзинѣ съ огромной высоты въ пропасть, чтобы съ уступа самолично снять пуховое гнѣздо гаги. Эти отважныя туристки, путешествуя съ небольшимъ саквояжемъ, альпійскою палкой и иногда съ небольшимъ револьверомъ въ карманѣ, приготовляются къ отправленію будущихъ обязанностей жены и матери семейства, принося своей семьѣ здоровую физическую организацію, трезвый взглядъ на міръ и установившійся образъ мыслей, воспитанный на созерцаніи здоровой природы.



Глава II.

Морская фауна Норвегіи.—Жизнь въ морѣ. — Ловля рыбы. — Треска и сельдь.—Охота за китами.—Пейзажи въ Норвегіи. — Лоффоденскіе острова.—Жизнь за полярнымъ кругомъ.— Долгій день и долгая ночь.

Е МОГУ описать всѣхъ чудесъ, видѣнныхъ въ фіордахъ Норвегіи. Здѣсь не только геологъ и географъ найдутъ много любопытнаго, но и зоологъ и археологъ, равно какъ и политико-экономъ, встрѣтятъ предметы, достойные размышленія и изученія. Зоолога поразитъ прежде всего скудость фауны берега и колоссальное богатство въ морской глубинѣ. Тутъ только можно убѣдиться, что море должно быть разсматриваемо, какъ поприще для животной жизни по преимуществу, и не столько вслѣдствіе

роста и силы своихъ чудовищъ, сколько вслѣдствіе изумительнаго множества существъ, скопляющихся въ громадныя массы разнообразнѣйшихъ формъ. Рядомъ съ огромными китами, длиной превосходящими 10 саж. и вѣсящими столько же, сколько цѣлая армія въ 3,000 человѣкъ, кишатъ миллиарды существъ, цѣлыя тысячи которыхъ помѣщаются въ каплѣ воды. Уйдешь дальше въ океанъ, и громадное скопленіе морскихъ существъ временами измѣняетъ самый цвѣтъ моря. А едва настанетъ ночь, море заблеститъ и засіяетъ страннымъ фосфорическимъ свѣтомъ, который издаютъ изъ себя микроскопическіе морскіе организмы. Какъ горящіе живые факелы, они рѣютъ безчисленными стаями въ глубинахъ океана и освѣщаютъ подводныя пространства свѣтомъ бездны, который является единственнымъ свѣтомъ на глубинахъ свыше 40—50 саж. Бросимъ захватывающій лотъ на дно морское,—и на любой точкѣ океана мы извлечемъ слой грязи, въ которой микроскопъ укажетъ остатки безчисленныхъ живыхъ существъ:

многодырочниковъ, діатомей и глобигеринъ. Въ одномъ гранѣ песку ихъ содержится около 1,000; по одному этому можно судить объ огромномъ множествѣ этихъ ничтожныхъ существъ, покрывающихъ дно океановъ и повышающихъ его ежегодно настолько, что, можно думать, со временемъ они заполняютъ бездонныя глубины.

Но не одною низшею жизнью богатъ океанъ. Всякій, даже сдѣлавшій одинъ пароходный рейсъ, убѣдится, что море вмѣщаетъ въ себѣ, кромѣ колоссальныхъ чудовищъ, каковы кашалоты и киты, тысячи акулъ, бѣлугъ, дельфиновъ и тюленей и безчисленныя полчища рыбъ. Припомнимъ только, что одна самка многихъ видовъ рыбъ можетъ содержать сотни, тысячи и даже миллионы яицъ, изъ которыхъ каждое при благоприятныхъ условіяхъ можетъ произвести особь, и тогда намъ будутъ понятны тѣ массы рыбъ, которыми наполнены сѣверныя норвежскія моря и Ледовитый океанъ. Число сельдей, потребляемыхъ рыбаками одной Сѣверной Европы, должно исчислять миллиардами. Когда армія сельдей подходитъ къ берегамъ норвежскихъ фіордовъ, чтобы метать икру, она покрываетъ собою цѣлыя пространства, достигающія въ длину до 10—15 верстъ, словно «приподнимается громадный островъ и какой-то материкъ готовъ выйти изъ воды». Отдѣльныя особи идутъ здѣсь такъ тѣсно, что не будетъ преувеличеніемъ сказать, что воткнутая въ массу рыбы палка остается въ вертикальномъ положеніи. То же самое можно сказать и о трескѣ, которую мнѣ самому приходилось ловить такимъ примитивнымъ способомъ, какъ простое забрасыванье крючка на извѣстную глубину безъ всякой наживки. Потягивая время отъ времени на счастье заброшенный крючекъ, я нѣсколько разъ черезъ нѣсколько минутъ вытаскивалъ огромную треску, просто подцѣпивъ крючкомъ одну изъ многихъ кишашихъ вокругъ парохода. Количество болѣе мелкой рыбы, на примѣръ мойвы, употребляемой для наживки, маркели, салакушки—превосходитъ всякое вѣроятіе.

Море, переполненное массой живыхъ существъ и, наоборотъ, чрезвычайно бѣдное растительностью, которая ограничивается десяткомъ, другимъ водорослей и нитчатокъ, разумѣется, не можетъ дать кишашему въ немъ животному міру иной пищи, кромѣ животной. Поэтому здѣсь вѣчно царитъ самая ожесточенная борьба за жизнь и смерть, настоящая борьба за существованіе. Съѣсть или быть съѣденнымъ—вотъ дилемма, которую постоянно приходится разрѣшать безчисленнымъ морскимъ существамъ. Только киты, нарвалы, акулы, моржи, дельфины и нѣкоторыя иглокожія могутъ ѣсть, не рискуя быть съѣденными; всѣ остальные ѣдятъ для того, чтобы въ свою очередь послужить пищей для другихъ. При огромномъ количествѣ морскихъ существъ едва-ли одна десятая часть ихъ погибаетъ естественною смертію, а остальная находитъ свою могилу въ желудкахъ другихъ организмовъ. «Море есть ничто иное, какъ арена для убійствъ въ коллосальныхъ размѣрахъ,—говоритъ одинъ натуралистъ,—гдѣ существа, нарождаясь въ безчисленныхъ міриадахъ, тотчасъ же служатъ добычей миллионамъ и миллиардамъ остервенѣлыхъ отъ голода враговъ». Тѣ громадныя стаи сельдей, о которыхъ мы говорили, сопровождаются въ водѣ сотнями разныхъ большихъ морскихъ животныхъ и тысячами хищныхъ птицъ сверху. Всякій хищникъ старается урвать себѣ добычу, изъ стаи безза-

щитныхъ рыбешекъ; хищная акула и зубатка врываються въ самый строй сельдей, тогда какъ сотни и тысячи чаекъ, баклановъ, буревѣстниковъ и прочихъ морскихъ птицъ выхватываютъ добычу, налетая на нее сверху. «Вокругъ по морю плаваетъ мяслянистое вещество, образовавшееся изъ желчи миллионовъ растерзанныхъ рыбъ». Кольчатые черви, медузы и моллюски, десятками тысячъ проглатываемые чудовищами моря, въ свою очередь, пожираютъ мириады глобигеринъ и диатомей, которыхъ до 5—7,000 можетъ помѣститься въ желудкѣ одной медузы.

Въ ужасающей бойнѣ морскихъ существъ принимаетъ участіе и человекъ, который избиваетъ самихъ китовъ, моржей, акулъ и дельфиновъ, не имѣющихъ враговъ въ морской глубинѣ. Цѣлыя сотни тысячъ обитателей Сѣверной Европы занимаются специально морскими промыслами, а Норвегія, какъ лежащая въ самомъ центрѣ обитанія морскихъ существъ, можно сказать, цѣликомъ представляетъ рыболовную страну, такъ какъ земледѣліе не можетъ обезпечить существованія даже двадцатой части ея обитателей. Вся полоса земли къ сѣверу отъ полярнаго круга населена единственно благодаря обилію рыбы, а потому на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега она является настоящей пустыней, гдѣ бродитъ лишь со своимъ оленемъ полудикій лопарь. Богатые рыбные ловы заселили сѣверныя провинціи Скандинавіи, развили правильное пароходство по бесплодной, каменистой линіи фьордовъ и внесли цивилизацію въ тѣ земли, гдѣ человекъ не могъ бы существовать безъ помощи моря.

Развитіе мореходства такъ распространено въ Норвегіи, что большинство бѣдныхъ жителей городовъ помѣщаетъ всѣ свои сбереженія въ долю корабля; такимъ образомъ всѣ жители—судовладѣльцы прямо или косвенно и для всѣхъ одно и то же составляетъ главную статью дохода. Торговый флотъ Норвегіи достигаетъ 9,000 судовъ съ 75,000 чел. экипажа, не считая еще 20—30,000 небольшихъ рыбачьихъ судовъ—ѣлъ,—пропорція наибольшая въ мірѣ для 2.000,000 населенія. Количество товара, поднимаемаго норвежскими судами, превышаетъ общую вмѣстимость французскаго и датскаго флотовъ, взятыхъ вмѣстѣ. Хотя этотъ огромный коммерческій флотъ и занятъ въ значительной мѣрѣ отпускною и привозною торговлею, вывозя лѣса и рыбы почти на 200.000,000 франковъ, тѣмъ не менѣе самая большая часть его посвящена преимущественно рыболовству, которое даетъ каменистой Норвегіи хлѣбъ и жизнь, а жителей ея дѣлаетъ всѣхъ состоятельными.

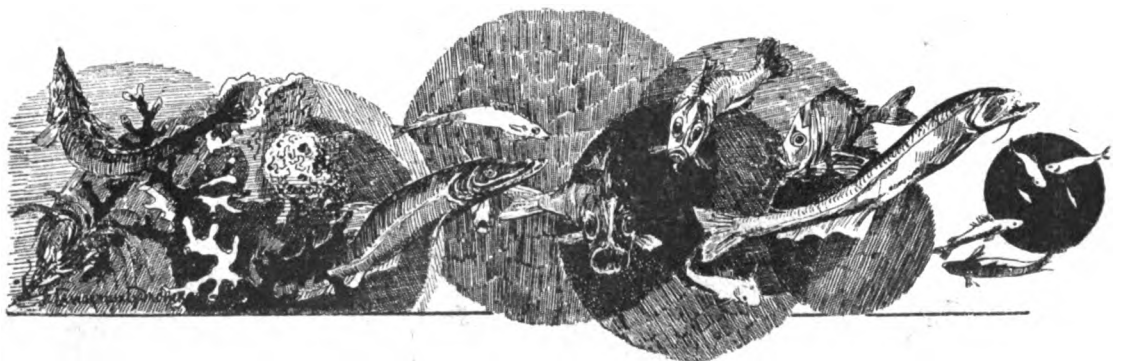
Ни въ одномъ европейскомъ морѣ рыбаки не закидываютъ своихъ сѣтей и удочекъ на болѣе значительную глубину, чѣмъ въ водахъ норвежскаго побережья: даже на глубинѣ въ 450 аршинъ норвежецъ добываетъ себѣ хлѣбъ. Человекъ въ этихъ странахъ, особенно на сѣверѣ въ Финнмаркенѣ, всецѣло зави-



сигь отъ количества рыбы; когда моря доставляютъ обильный уловъ трески, смертность между жителями уменьшается, население возрастаетъ, довольство увеличивается; при меньшемъ количествѣ улова — смертность быстро возрастаетъ, число браковъ и рожденій уменьшается; даже уменьшается число дѣтей, посѣщающихъ школу. Треска и сельдь по-этому—главное сокровище, которымъ живетъ Норвегія, и пропади оно, едва-ли возможно было-бы существованіе населенія выше 55° сѣв. шир. Когда въ началѣ этого столѣтія, вслѣдствіе какой-то морской революціи, рыба перестала появляться въ огромномъ количествѣ у береговъ средней Норвегіи, жители, доселѣ процвѣтавшіе, впади въ крайнюю бѣдность, въ странѣ развилась масса нищихъ, болѣзни, въ томъ числѣ и проказа, начали быстро истреблять населеніе; воротилась рыба,—и расцвѣли прибрежныя селенія. Тресковые и сельдяные промыслы, поэтому,—вотъ на чемъ приходится останавливаться всего чаще путешественнику на Норвежскомъ побережьѣ. Если ловлей одной трески въ странахъ за полярнымъ кругомъ занимается около 10,000 судовъ съ экипажемъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ чело-вѣкъ, а всего занимается морскимъ промысломъ до 200,000 норвежцевъ, то можно судить, какое оживленіе и жизнь кипятъ въ фіордахъ, предста-вляющихъ сами по себѣ каменные корридоры.

Сотни рыбацкихъ селеній цвѣтутъ, пріютившись въ глубинѣ этихъ чудныхъ заливовъ, и можно сказать безъ преувеличенія, что это настоящіе тресковые и сельдяные города. Пароходъ на пути къ Нордкапу посѣщаетъ большинство этихъ рыбацкихъ городковъ. Ничѣмъ не привлекаютъ съ виду эти селенія норвежцевъ, похожія одно на другое, какъ двѣ капли воды, и разнящіяся только окружающими декораціями. Одинъ—два ряда примор-скихъ амбаровъ, спуски и трапы пристаней, чаны съ тресковымъ жиромъ, вытапливаемымъ на солнцѣ, рядъ деревянныхъ домиковъ на каменномъ фун-даментѣ, крытыхъ черепицей и чаще всего выкрашенныхъ красною краской, составляютъ передній фасадъ этихъ городковъ. За ними, на второмъ планѣ, идутъ двѣ-три улицы, тянущіяся на десятки и сотни саженъ и составлен-ныя исключительно изъ козелъ съ навѣшанною распластанною треской. Запахъ полусгнившей рыбы и вытапливаемого жира встрѣчаетъ пароходъ еще въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, и пассажирамъ, находящимся на его палубѣ, приходится дышать рыбною атмосферой даже не сходя на берегъ. Несмотря на суровую природу, окружающую эти города, на нихъ лежитъ печать довольства и недюжинной цивилизаціи.

Великолѣпные, комфортабельные пароходы, дѣлающіе еженедѣльные рейсы, соединяютъ отдѣльныя рыбацкія селенія не только съ другими при-





— Е. [АМОХИНА] ГУДКОВАЯ —

брежными пунктами Норвегіи и со столицей королевства, но даже съ Гамбургомъ, Копенгагеномъ и Лондономъ. Сътъ телеграфовъ оплетаетъ все побережье, служа часто для весьма практическихъ цѣлей—извѣщенія прибрежныхъ рыбаковъ о появленіи стада рыбы въ томъ или другомъ фіордѣ. До 1857 г. правомъ рыболовнаго промысла пользовались лишь лица, получившія на то особую привилегію. Море было распределено между прибрежными землевладѣльцами, основывавшими рыбацкія колоніи на сосѣднихъ мысахъ и островахъ. Теперь же море свободно и открыто для всѣхъ, исключая лишь воскреснаго дня: всякая ловля воспрещена отъ вечера субботы до вечера воскресенья, отъ 5 часовъ пополудни до 5 вечера другого дня. Несмотря на свою небольшую величину, каждое изъ описанныхъ приморскихъ селеній, смотрящихся въ Атлантическій океанъ, имѣетъ по нѣскольку школъ, кирку, небольшую бібліотеку, почтовую и телеграфную станціи, небольшой докъ и собственную флотилію рыбныхъ лодокъ, на которыхъ по временамъ и старъ, и младъ, даже женщины, уходятъ на промыслы. Бойкая, здоровая норвеженка не уступитъ мужчинѣ и въ управленіи лодкой, и въ выметываніи рыболовныхъ сѣтей.

... Не легки рыбныя ловы, какъ бы они ни были прибыльны, и не одна сотня норвежцевъ ежегодно находятъ свою смерть въ морскихъ пучинахъ. Переполненные добычей лова и рыбными снастями, ихъ небольшіе, но довольно длинныя и ходкіе ельы тонуть и разбиваются цѣлыми десятками при входѣ въ фіорды, куда расходившееся море нагоняетъ волну за волной; или еще чаще погибаютъ рыбаки въ открытомъ океанѣ, вдали отъ родныхъ береговъ, тою безвѣстною смертью, которую норвежскіе промышленники зовутъ «роковою судьбиной». Лѣтъ 7—8 тому назадъ, въ февралѣ, въ одинъ бурный день море поглотило до 500 рыбаковъ, возвращавшихся съ удачнаго лова съ лодками, переполненными добычей до бортовъ.

Я зашелъ-бы далеко, если-бы сталъ описывать способы добыванія сельди и трески, массы которыхъ часто своею страшною тяжестью прорываютъ самыя крѣпкія канатныя сѣти. Огромныя ярусы на открытомъ морѣ, различныя сѣти на меляхъ, особенныя удочки съ сотнями нажи-

вокъ и всевозможныя приспособленія для ловли рыбы, изобрѣтенныя норвежцами, покрываютъ събою всѣ берега Норвегіи, особенно весной— въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ, когда рыба идетъ къ фіордамъ изъ открытаго моря нереститься.



На своихъ поворотливыхъ ёлахъ, несущихъ простую, но очень практичную оснастку въ два яруса, норвежскіе рыбаки забѣгаютъ иногда такъ далеко въ море, что тамъ проводятъ цѣлыя недѣли. Нехитро производится самый ловъ трески и сельди, особенно при практичности способовъ, изобрѣтенныхъ рыбаками, но чего стоитъ поработать раннею весной цѣлыя сутки въ сѣверномъ морѣ, когда обледенѣваютъ борта лодокъ и вытасканныя сѣти, когда пальцы корчатся отъ щиплющаго мороза и разѣдающей соленой воды, когда море вѣчно волнуется, а сырой морозящій туманъ пронизываетъ до костей, противъ чего не помогаютъ ни одуряющій норвежскій ромъ, ни теплая шведская куртка, ни полотняное пальто, пропитанное олифой, ни зювестка — просмоленная холщевая шляпа съ широкими полями, закрывающая уши и затылокъ.

Главный снарядъ для ловли трески — ярусъ, похожій на тотъ, который употребляютъ и наши рыбаки. Это — рядъ канатовъ, связанныхъ концами въ одну ли-



Е. Самокишъ-Будобскій

нію, на которую привязаны небольшія бичевки съ крючками; на этихъ послѣднихъ насаживается мелкая рыба—песчанка или мойва, родъ небольшої салакушки. Весь ярусъ съ помощью различныхъ тяжестей опускается на дно; мѣстами отъ этой линіи бичевокъ идутъ веревки до поверхности воды съ деревянными поплавками или стеклянными пустыми шарами, обтянутыми веревочною или проволочною сѣтью; эти полавки помогаютъ слѣдить за положеніемъ яруса. Длина этого послѣдняго доходитъ иногда до 10 верстъ, съ количествомъ крючковъ, выражаемымъ многими тысячами. Можно себѣ представить, сколько труда стоитъ выметыванье и поднятіе такой массы веревокъ, особенно переполненныхъ рыбой, въ холодное весеннее время.

Добытая такимъ образомъ треска идетъ на всѣ потребности норвежца; какъ отъ верблюда и финиковой пальмы въ Сахарѣ все идетъ на пользу человѣку, такъ и у норвежца треска цѣликомъ идетъ на дѣло. Самымъ разнообразнымъ путемъ приготовленная, сушеная, соленая, вяленая и копченая, треска идетъ въ пищу, замѣняя хлѣбъ для многихъ тысячъ норвежцевъ. Высушенное крѣпкое мясо этой рыбы растирается въ особый родъ муки, идущей на приготовленіе лепешекъ. Плавательный пузырь употребляется для добыванія клея, икра—въ качествѣ приманки; отрѣзанныя и высушенные головы, которыя на всѣхъ побережьяхъ Норвегіи возвышаются, какъ курганы, такъ же какъ и высушенные внутренности, переработанныя на фабрикахъ, даютъ прекрасное гуано для удобренія, а тресковая печень и селезенка—извѣстный каждому тресковичи или рыбій жиръ, цѣнность котораго довольно высока. Такимъ образомъ побережья Сѣверной Норвегіи, будучи огромною рыбачьею колоніей, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и обширною фабрикой тресковыхъ продуктовъ, съ миллионнымъ оборотомъ.

Важное значеніе для норвежца представляеть также и сельдь, которая, хотя и ловится у береговъ постоянно, но даетъ главный уловъ лѣтомъ и осенью, когда она приближается къ берегу, отыскивая себѣ въ пищу низшихъ морскихъ существъ, ютящихся подъ защитой берега, и зимой съ конца января до марта, когда она несмѣтными стаями является у береговъ фіордовъ. Эта періодичность улова продлила извѣстную басню о переселеніяхъ сельдей, предводимыхъ сельдяными королями изъ глубины Сѣвернаго Полярнаго моря, еще недоступнаго для моряковъ, къ побережьямъ Скандинавіи. На самомъ дѣлѣ сельдь—постоянная обитательница водъ сѣверныхъ морей, что и доказываетъ ея постоянный небольшой уловъ, но живетъ она постоянно на большой глубинѣ и только для метанія икры поднимается ближе къ поверхности. Дно части Атлантическаго океана, заключенное между Средней Европой, Норвегіей и Великобританіей, представляеть въ общемъ неглубокую равнину футовъ въ 600 глубины и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе значительной глубины. Въ этой-то глуби и находится любимое мѣстопробываніе сельдей. Ловля послѣдней производится огромными сѣтями и всего обильнѣе въ южныхъ фіордахъ Норвегіи, между Ставангеромъ и Бергенемъ, гдѣ около 4,000 судовъ и 25,000 человѣкъ заняты этою ловлей. Сѣвернѣе Тронггейма уловъ незначителенъ, и чѣмъ ближе къ Нордкапу, тѣмъ становится меньше, такъ что



Китобои выкачивают сало китовъ

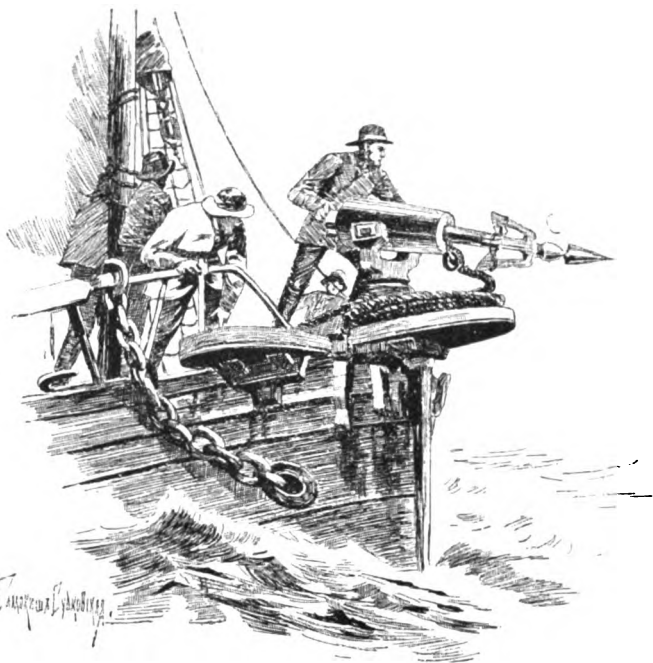
въ норвежскомъ Финмаркенѣ сельди ловится такъ немного, что жители даже не трудятся ее солить.

При громадныхъ, вообще, уловахъ трески и сельдей немудрено, что въ періодъ промысловъ на берегахъ возникаютъ временныя селенія, учреждаются почтовныя и телеграфныя станціи и устраиваются живые мосты на сваяхъ для пѣшеходовъ.

Кромѣ трески и сельди, норвежскіе рыбаки мимоходомъ занимаются ловлею и другихъ рыбъ: лосося, налима, макрели и другихъ, а также морскихъ животныхъ: акулъ, тюленей и китовъ. Обо всѣхъ этихъ промыслахъ мы не будемъ распространяться, такъ какъ они сравнительно незначительны, мы скажемъ только нѣсколько словъ о китовомъ ловѣ.

Величайшій изъ существующихъ и существовавшихъ животныхъ организмовъ—китъ—нынѣ почти совсѣмъ повывелся изъ скандинавскихъ морей и ушелъ дальше на сѣверъ, въ арктическія воды, или поглубже въ океанъ. Еще сравнительно недавно гонялись за китомъ въ виду норвежскихъ фіордовъ, а по временамъ даже и нынѣ море выбрасываетъ этихъ великановъ на берега Сѣверной Норвегіи. Но, вообще-то говоря, золотой вѣкъ китоваго промысла отошелъ въ вѣчность вмѣстѣ съ замѣной поэтическаго, хотя и опаснаго промысла гарпунщиковъ, болѣе прозаическимъ стрѣляніемъ изъ пушекъ въ могучее животное. Для добычи китовъ норвежцы идутъ далеко въ океанъ или въ русскія сѣверныя воды, гдѣ китовъ еще довольно много, хотя число ихъ ежегодно уменьшается отъ неумѣреннаго истребленія. Только моря, омывающія Шпицбергенъ, Янъ-Майенъ и Гренландію, служатъ привольными обиталищами кита, хотя человѣкъ пришелъ и сюда, неся смерть огромному, ни въ чемъ неповинному животному. Съ уменьшеніемъ добыванія китовъ уменьшилось и число фабрикъ, перерабатывающихъ продукты, получаемые отъ кита, и только заводъ Файна

на далекомъ сѣверѣ представляетъ тотъ пунктъ, куда стекаются всѣ китобои. Всѣмъ извѣстна рискованная охота на кита при помощи гарпуна и небольшой ладьи, рискующей быть перебитою могучимъ ударомъ хвоста могучаго животнаго. Но норвежцы ухитрились еще въ древнія времена, когда китовъ было много, бить ихъ изъ громадныхъ самострѣловъ, стрѣлявшихъ деревянною стрѣлою съ желѣзнымъ остриемъ въ футъ длины, которую натягиваютъ на тетиву посредствомъ рычага, толщиною въ руку. Въ настоящее время подобное первобытное орудіе сохраняется только въ музеяхъ, и новые китобои, позаимствовавъ идею, приспособили къ длинной пушкѣ вмѣсто ядра огромный гарпунъ съ канатомъ, которымъ и поражаютъ издалика могучаго кита; огромному животному, разумѣется, становится невозможно бороться съ человѣкомъ при такихъ условіяхъ, и оно предпочитаетъ бѣгство всякой попыткѣ къ сопротивленію.

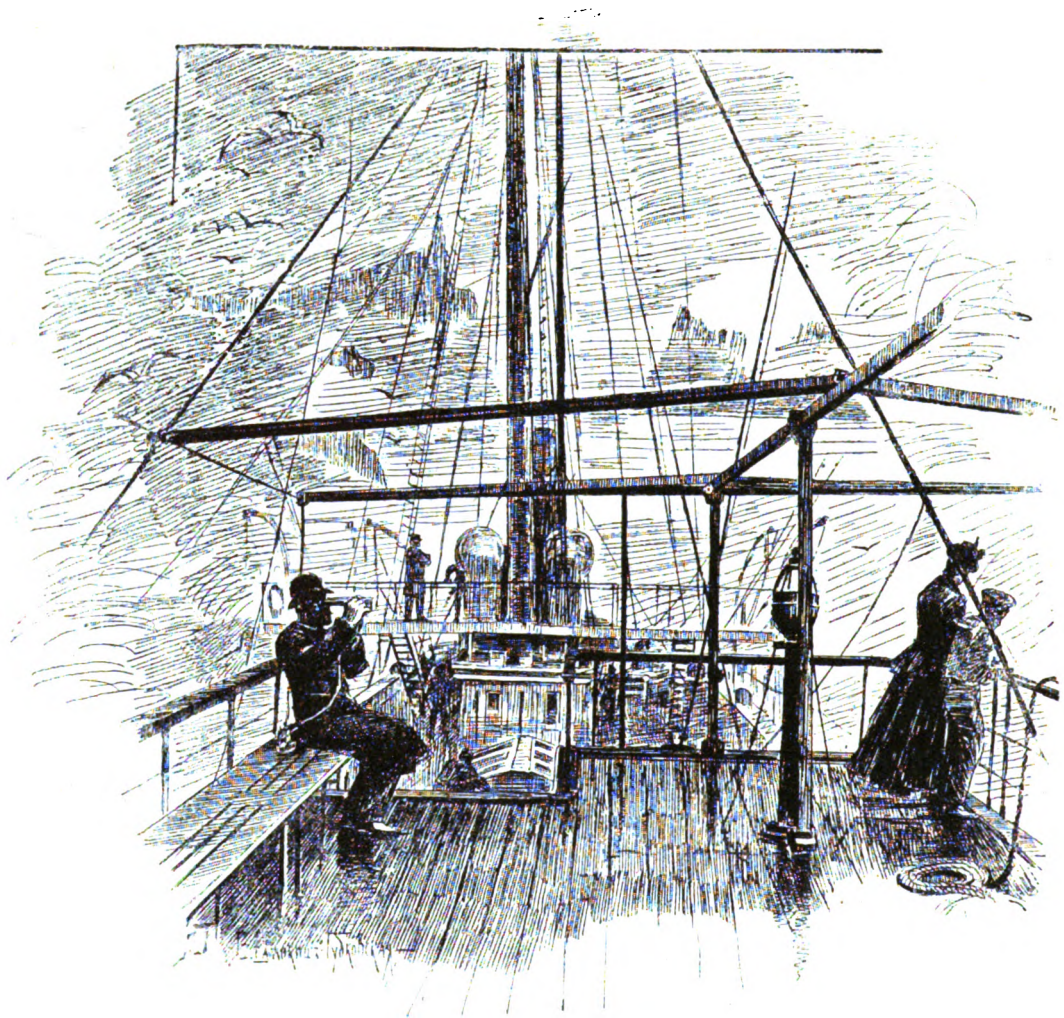


Много мнѣ хотѣлось бы поразсказать о дикихъ красотахъ норвежскихъ пейзажей, которые становятся все диче, глуше и вмѣстѣ съ тѣмъ живописнѣе по мѣрѣ движенія парохода на сѣверъ. Только частые туманы, дожди, холодные пронизывающіе вѣтры и бури препятствуютъ наслаждаться прекрасными ландшафтами. Гладкая поверхность заливовъ и отражающихся въ ней обрывистыхъ утесовъ, высокіе мысы, ледники, украшающіе вершины скандинавскихъ горъ, и катящіе съ высоты прямо въ море водопады,—все это представляетъ картину, подобную которой не увидать нигдѣ въ Европѣ.

Лоффоденскіе острова составляютъ другой центръ запутанной системы фіордовъ, которая увеличивается и отличается еще архипелагами острововъ и массой шхеръ. Здѣсь нѣкогда было царство викинговъ, нынѣ же—царство смиренныхъ рыбарей. Здѣсь возвышаются самыя высокія горы страны,

и весь рядъ островныхъ группъ, разсѣянныхъ по берегамъ, можно разсматривать, какъ отдѣльные куски разрубленнаго на части главнаго хребта страны. Не-





даромъ зубчатую цѣпь Лоффоденскихъ острововъ, вершины которой обрисовываются на голубомъ фонѣ неба остроконечными шпиками, сравнивали съ челюстью акулы. Гребни этихъ островныхъ вершинъ такъ круты и остроконечны, что на нихъ не могъ бы удержаться даже альпійскій козель. Многие изъ острововъ поражаютъ, кромѣ того, своею причудливою формой, которую можно сравнить съ башнями, замками и церквами. Скала Стивенъ—Палка Исполина—это тонкій, высокій шпикъ, поднимающийся надъ огромными ледниками; скалы *Syn Söstre* (семь сестеръ) своимъ соединеніемъ образуютъ корону; пикъ *Huelt* удивительно похожъ на лошадиную голову, а островъ *Hestmandsö* походитъ на всадника, скачущаго на конѣ среди буръ и тумановъ. Скалы Борнезунда образуютъ профиль человѣческаго лица, которому полярное солнце иногда замѣняетъ глазъ. Островъ Торггетанъ (*Torghaettan*) похожъ на громадную шапку съ широкими полями, плавающую въ морѣ; тулья ее, высотой почти въ 100 саж., пробита насквозь естественнымъ тоннелемъ почти въ 200 арш. длиной, со входомъ вышиною въ 60 арш.; стѣнки этого тоннеля отполированы, и онъ весь усыпанъ доисторическими памятниками — каменными кучами (*Kejöhkenmöddings*), показывающими, что этотъ гротъ служилъ мѣсто-

прѣбываніемъ еще доисторическаго человѣка.

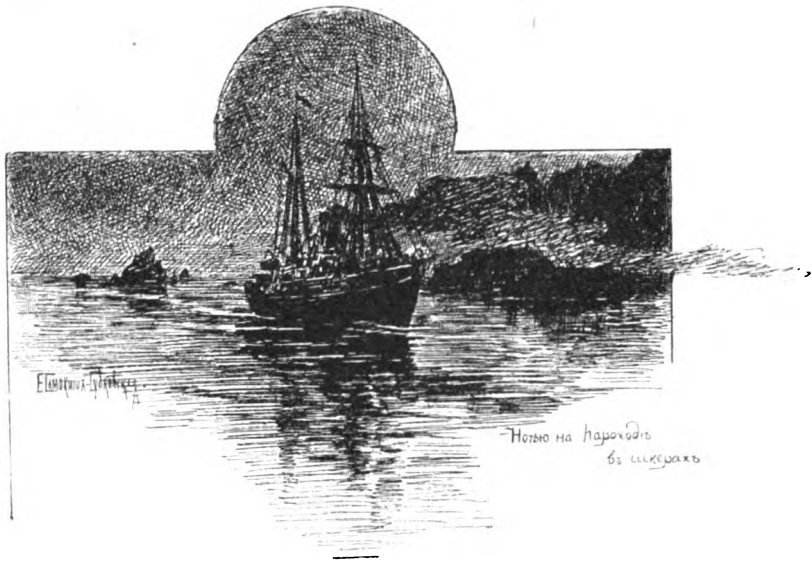
Несмотря на всѣ эти чудеса, самымъ замѣчательнымъ мѣстомъ всего Норвежскаго побережья и прибрежья Лоффоденскихъ острововъ является знаменитый водоворотъ Мальштрэмъ.

Между причудливыми скалами Лоффоденовъ и одиночными пиками, возвышающимися среди водяной поверхности, образуется рядъ водоворотовъ, изъ которыхъ Мальштрэмъ самый ужасный. Водовороты образуются вслѣдствіе встрѣчи двухъ морскихъ теченій, какъ ураганы или циклоны порождаются встрѣчей двухъ воздушныхъ токовъ. Теченіе, несущееся изъ внѣшняго моря навстрѣчу приливной волнѣ изъ глубокаго Вестъ-Фіорда между двумя островами Москэ и Москэнесь, закручивается съ этою послѣднею и образуетъ прославленный водоворотъ. Правда, онъ спокоенъ большую часть сутокъ, но когда, во время maximum'a прилива, онъ забушуетъ, тогда самый ужасный водопадъ не можетъ сравниться по своему величію съ этимъ дивнымъ явленіемъ природы. Словно вулканъ онъ кипитъ тогда въ морѣ, съ огромною быстротою крутится вода между берегами, докручиваясь до глубины нѣсколькихъ десятковъ сажень, откуда онъ выбрасываетъ рыбу и морскихъ животныхъ, а бывали случаи—и обломки кораблей, попавшихъ въ ужасный водоворотъ. Я переѣзжалъ Мальштрэмъ на лодкѣ за два часа до прилива и, если бы не зналъ, мимо чего переплываю, то ни за что не узналъ бы знаменитаго водоворота, пожравшаго уже столько жертвъ и сильно приукрашеннаго разказами моряковъ.

Между отдѣльными островами Лоффоденской группы обращается еще нѣсколько меньшихъ водоворотовъ; но ихъ значеніе важно только для мѣстныхъ мореходовъ; только сердитый Сальштрэмъ, сильно кипящій по нѣскольку часовъ въ сутки, заслуживаетъ большаго вниманія.

Пробираясь на огромномъ пароходѣ, даже ночью и въ туманѣ, черезъ эту сѣть фіордовъ, мелей, острововъ, рифовъ и шхеръ, научаешься цѣнить норвежскихъ мореходовъ, умѣющихъ проводить самыя большія суда, даже во мракѣ, среди тысячи опасностей, благодаря осторожности, неусыпному вниманію и превосходнымъ картамъ всего побережья.

Еще за цѣлый градусъ до Лоффоденской группы пароходъ пересѣкаетъ полярный кругъ на параллели острова Трене—голой скалы, возвышающейся на 650 метровъ надъ уровнемъ океана. Отсюда уже начинается царство холода и зимы, слѣды которыхъ видны бываютъ даже въ лѣтніе мѣсяцы. Огромныя глыбы снѣга покрываютъ вершины горъ, спускаясь часто по ихъ откосамъ почти до самой воды; дики, мрачны, но еще величественнѣе фіорды къ сѣверу отъ полярнаго круга. Въ прибрежныхъ ска-





Полночь за Полярнымъ кругомъ.

лахъ есть дивныя пещеры, которыя проходятъ подъ колоссальными ледниками, въ ледяныхъ откосахъ которыхъ вода прорыла настоящіе ходы со стѣнами бирюзово-аквамариноваго цвѣта.

Разъ десять, пятнадцать въ сутки остановится быстрый бѣгунъ у того или другого прибрежнаго селенія, спуститъ пассажировъ, захватитъ товары и бѣжитъ по лабиринту фіордовъ. Зелени уже не видать на прибрежныхъ скалахъ. Травы и кусты отходятъ дальше вглубь страны; камень, море, снѣга и небо, большую часть года покрытые тучами и туманами,— вотъ все, что видитъ глазъ на огромномъ пространствѣ. А жизнь все-таки кипитъ вокругъ,— и въ морской глубинѣ, откуда выглядываютъ кругленькія мордочки тленей и гдѣ кишатъ мириады рыбъ и красивыхъ медузъ, окружающихъ пароходъ голубыми, красными и зеленоватыми своими тѣлами, и въ тѣснинахъ фіорда, гдѣ спуютъ юркіе елы, и въ воздухѣ, стонущемъ отъ докучливаго крика морскихъ птицъ.

Переваливъ за Полярный кругъ, путешественникъ входитъ въ область полуночнаго солнца. Еще задолго до перехода за Полярный кругъ, въ полночь наступаютъ легкія сумерки, нисколько не мѣшающія читать написанное, а за $66\frac{1}{2}$ градусовъ солнце не сходитъ съ горизонта цѣлыя сутки впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ—трехъ, четырехъ и шести, по мѣрѣ движенія къ сѣверу. Въ 9 часовъ вечера солнце такъ низко, что кажется готово закатиться, но оно продолжаетъ плыть по горизонту почти до полуночи, послѣ которой оно поднимается снова по плоской дугѣ и продолжаетъ свой путь къ югу. При ясномъ небѣ ничего не можетъ быть прекраснѣе полярной ночи. Можно любить лунную ночь съ ея фосфорическимъ сіяніемъ, но полярная бѣлая ночь имѣетъ еще болѣе фантастическій колоритъ. Словно догорающее солнце и луна слили свой свѣтъ и облили этимъ смѣшаннымъ сіяніемъ и океанъ, и небо, и темныя скалы фіордовъ, и ихъ отливающія пурпуромъ, золотомъ и лазурью ледяныя вершины. Можно любоваться цѣлыми ночами на эти полярныя чудеса и не насладиться ими.

Наступаетъ полночь. Солнце, хотя и спустилось до края горизонта, но еще ярко и свѣтло и позволяетъ смотрѣть на свой лучезарный дискъ. Фиолетовая, пурпурная, лазурная и золотая краски переливаются въ водѣ,

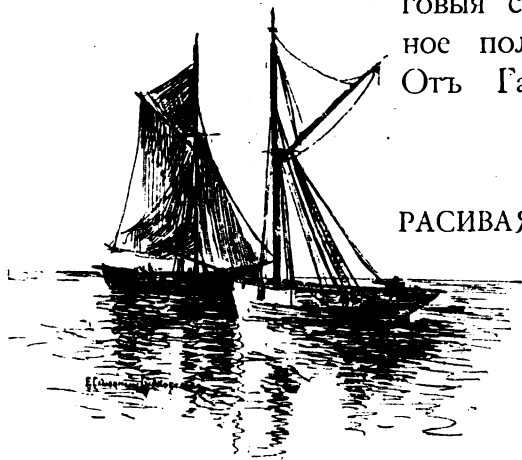
отливающей въ общей массѣ темною лазурью. Массы акалефовъ и медузъ играютъ, подымаясь и опускаясь съ поверхности, а лучи замирающаго солнца пронизываютъ насквозь эти прозрачныя существа, кажущіяся воплощеніемъ красокъ и солнечныхъ лучей. Часто на противоположной сторонѣ горизонта смотрится полный ликъ луны, и тогда серебристый свѣтъ ея сливается съ радужными цвѣтами полузаката въ чудной свѣтовой гармоніи. Изъ темной лазури водъ выглядываютъ круглыя головки котиковъ и тюленей, тоже любующихся ночью. Порой выскакиваютъ, какъ выскны, юркіе дельфины, гонящіеся за пароходомъ; у берега тамъ и сямъ, направо и налѣво, показывается временами плавникъ или разсѣченный хвостъ акулы. Поодаль немного, глядишь, вдругъ изъ воды прорѣзывается словно подводный круглый камень, для того, чтобы скрыться снова въ глубинѣ; сперва недоумѣваешь, но потомъ два фонтанчика воды, быстро поднимающіеся кверху, сразу открываютъ кита, тоже любящаго поиграть съ пароходомъ, котораго онъ и боится, и любитъ, какъ подобное себѣ чудовище. Съ полчаса прошло незамѣтно, а тамъ глядишь, снова солнце начинаетъ играть всѣми цвѣтами утренней зари, не сходя съ горизонта, и тогда блѣдная луна убѣгаетъ снова за темныя скалы фіордовъ. Такъ и прстоишь всю ночь у борта, не смыкая глазъ. Первое время любишь эту прелесть, но потомъ страшно утомляешься постояннымъ присутствіемъ солнца на горизонтѣ и стараешься найти тѣнь.

Вслѣдствіе отсутствія ночи, организмъ, привыкшій къ смѣнѣ свѣта и темноты, постоянно возбуждаемый вліяніемъ свѣта, безъ освѣжающаго вліянія сна въ темнотѣ, начинаетъ изнуряться и искать искусственнаго мрака, который, впрочемъ, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ организма. Раздѣленіе сутокъ на періоды ночи и дня, необходимое для поддержанія разныхъ потерь нашего тѣла, вноситъ извѣстную правильность въ теченіе жизни и во всѣ экономическія отношенія. Долгіи полярный день разстраиваетъ то и другое и отзывается не особенно благопріятно даже на туземцахъ, часто съ нетерпѣніемъ ожидающихъ полярной ночи съ ея чудными сѣверными сіяніями.



Глава III.

Тромсе. — Дорога отъ Тромсе до Гаммерфеста. — Водопадъ Бергфіордъ. — Природа Сѣверной Норвегіи. — Лопари. — Торговья сношенія норвежцевъ съ русскими. — Несчастное положеніе поморевъ. — Мурманскій вопросъ. — Отъ Гаммерфеста вдоль сѣвернаго побережья. — Птичье царство.



РАСИВАЯ, фантастическая картина полуночнаго солнца долго еще освѣщала намъ путь. Мы быстро плыли по берегамъ Нордланда, направляясь къ дальнему сѣверу, къ самымъ крайнимъ городамъ земнаго шара, Тромсе и Гаммерфесту. Чѣмъ дальше подвигались мы на сѣверъ, тѣмъ мрачнѣе, диче и суровѣе становилась природа вокругъ насъ. Высокіе зубчатые профили береговыхъ скалъ мѣстами были совершенно темно-сѣраго цвѣта, лишеные всякихъ признаковъ растительности; даже неприхотливая полярная флора не могла пріютиться на этихъ словно обожженныхъ каменныхъ громадахъ, часто спускающихся почти отвѣсно въ океанъ, образуя тѣ длинныя, узкіе заливы, которымъ норвежцы даютъ названіе «пальцевъ перчатки», а русскіе поморы—«чортовой заводи». Огромныя ледники, сползающіе низко по крутымъ склонамъ, среди зловѣщаго мрачнаго колорита, придавали своею яркою бѣлизной настоящій траурный видъ каменнымъ громадамъ, съ которыми гармонировало и свинцово-сѣрое небо, и бурное море, подымавшееся короткими, но довольно высокими волнами. Въ свинцовыхъ пучинахъ играли предъ бурей дельфины. Суровый сѣверякъ завывалъ осеннею пѣсней въ ряяхъ нашего парохода. Крики морскихъ птицъ вторили ему съ надрывающимъ душу тембромъ. Слизкій непроницаемый туманъ, напоминающій скорѣе студенистую массу, чѣмъ пары воды, лежалъ вокругъ насъ.

Невесело было наше вступленіе въ гавань Тромсе — этого Парижа сѣверныхъ странъ, *das Paris des Nordens*, какъ его величаютъ норвежцы по той кипучей дѣятельности, которая царитъ въ его водахъ и по тому значенію, какое онъ имѣетъ для арктическихъ странъ. вмѣстѣ съ Гаммер-

фестомъ, Вардѣ и Вадсѣ Тромсе является передовымъ постомъ Европы по направленію къ таинственному полюсу. Тутъ снаряжаются многія сотни судовъ въ далекое плаваніе—къ Шпицбергену, Янгъ-Майену и Новой Землѣ. Сюда сходятся всѣ корабли и суда, собирающіе добычу съ Ледовитаго океана. Запахъ трески и рыбьяго жира, приносимый съ берега, уже изда- лека показываетъ, что мы приближаемся къ центру рыболовнаго царства. Небольшой городокъ съ шестью тысячами обитателей, гавань котораго всегда наполнена кораблями, стоитъ на холмахъ, образованныхъ массой раковинъ, лежащихъ на подпочвѣ изъ темнорозоваго обманковаго сланца. Въ окрестностяхъ его встрѣчается много березовыхъ лѣсовъ, прекрасныхъ для широты почти въ 70° , а вдоль узкаго Квалефіорда тянутся настоящіе изумрудные луга, состоящіе преимущественно изъ альпійскихъ травъ, среди которыхъ выдѣляются дягиль, шеврица и ложечная трава. Въ этихъ полярныхъ оазисахъ тромсенскіе купцы имѣютъ свои загородныя дачи и виллы, въ которыхъ даже июльской ночью приходится сидѣть въ пальто. Несмотря на то, что полярная ночь продолжается въ Тромсе около пяти мѣсяцевъ, тамошніе обитатели умѣютъ жить весело, какъ и подобаетъ жить парижанамъ Ледовитаго океана. Въ городѣ имѣются хорошенкій театръ, гдѣ даются произведенія лучшихъ скандинавскихъ авторовъ, двѣ бібліотеки, сѣверный музей и ученый кружокъ. Балы, пикники и танцевальныя вечера помогаютъ коротать длинную полярную ночь. Самыя фантастическія прогулки дѣлаются зимнею порой, когда полярныя сіянія превращаютъ сѣверный ландшафтъ въ фантастическое царство свѣта, въ апоэеозъ блестящей фееріи.

Отъ Тромсе до Гаммерфеста всего сутки пути; пароходъ продолжаетъ пробираться частью фіордами, частью открытымъ моремъ, останавливаясь у городковъ Скворвэ, Лоппена, Бергфіорда, надъ которыми лежитъ огромный глетчеръ, порождающій величественный водопадъ. Черныя скалы съ бѣлыми каемками снѣговъ вздымаются изъ воды, словно деревья, затопленные во время наводненія. Ульфсъ и Лингентъ - фіорды представляются длинными озерами или рѣками, ведущими въ сердце темныхъ, мрачныхъ каменныхъ громадъ, а ихъ зіяющія трещины, наполненыя зеленоватымъ льдомъ, входами въ Дантовъ адъ. Тутъ возвышаются величайшія вершины Сѣверной Норвегіи; нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ 700 метровъ вышины; огромные глетчеры ле-



жать на ихъ зубчатыхъ вершинахъ. Пароходъ идетъ мимо маленькаго острова Лоппена, гдѣ желѣзная настойчивость норвежцевъ возрастила крошечное поле картофеля. Самою поразительною мѣстностью на пути является Бергфюрдъ, знаменитый своимъ глетчеромъ, съ вершины котораго свергается прямо въ море огромный водопадъ. Трудно представить что-нибудь мрачнѣе и печальнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величественнѣе этого зрѣлища, рѣдкаго даже въ Норвегіи. Отсюда берега фюрдовъ образуютъ такъ-называемые цирки, то-есть кругловатые заливчики вродѣ озеръ, запертыхъ отовсюду горными громадами и сообщающихся съ моремъ посредствомъ небольшого пролива — зунда.

Цирки сѣверныхъ фюрдовъ представляютъ величественные ландшафты, предъ которыми блѣднѣютъ самыя дикія ущелья Пиринеевъ и Альпъ. Представьте себѣ небольшое озеро, черныя, почти отвѣсныя стѣны котораго превосходятъ по вышинѣ его длину и на верхушкѣ своей увѣнчаны серебрищимся покровомъ ледниковъ, съ которыхъ шумливо, съ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ, свергаются десятки неболь-



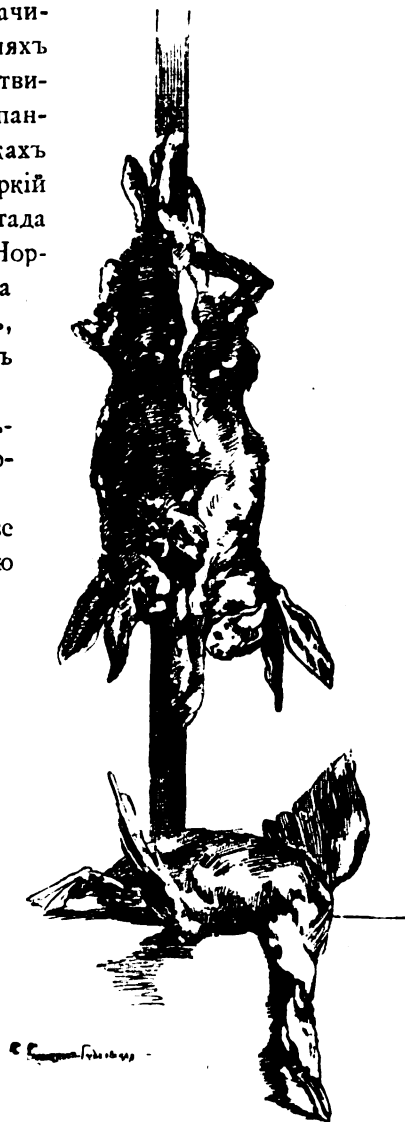
Водопадъ Бергфюрдъ.

ших водопадовъ прямо въ море, то бѣшено бьющееся о подножіе камсныхъ громадъ, то тихое и спокойное, покрытое массою голубыхъ медузъ или освѣщенное фосфорическимъ свѣтомъ луны. Представьте себѣ, что это фантастическое озерко залито сіяніемъ полуночнаго солнца или кровавымъ отблескомъ сѣвернаго сіянія и оживлено миллиардами морскихъ птицъ, населяющихъ обнаженныя скалы,—и вы будете имѣть понятіе о дикомъ величии картины Норвежскаго цирка, подобную которой можно видѣть только на берегахъ Гренландіи и Британской Колумбіи.

Даже профанъ, не говоря уже о геологѣ, внимательно разсматривая строеніе берега, невольно убѣждается, что вся эта часть Скандинавіи — горная страна, опустившаяся въ море на нѣсколько тысячъ футовъ, верхушки которой и представляютъ эти одинокіе острова, зубчатые мысы и обрывистыя стѣны цирковъ. Береза, ель и ольха попадаются только глубже на материкѣ; самые же острова, какъ и прибрежныя скалы, совершенно обнажены. Взамѣнъ недостающей растительной жизни, и въ этихъ заполярныхъ водахъ ключемъ кипитъ животная жизнь: надъ головами путешественника носятся тысячи чаекъ; гагаръ, кайръ, нырковъ, буревѣстниковъ и другихъ водныхъ птицъ. Еще выше гордо взлетаютъ морскіе орлы и рыболовные ястребы. Вокругъ прохода тѣснятся масса медузъ, акалефовъ, гребневиковъ и цѣлыя стада сельдей и трески; зубастая волчанка и страшная касатка—акула порой вынырнуть изъ воды и снова начинаютъ свою охоту за мелкою рыбешкой. На прибрежныхъ меляхъ и грядкахъ камней виднѣются тысячи раковинъ, куски вѣтвистаго розоватаго коралла и обломки красивыхъ звѣздъ и панцирей морскихъ ежей. Порой на обнаженныхъ верхушкахъ прибрежныхъ скалъ мелькнетъ рогатая головка оленя или юркій заяцъ, а на бѣлыхъ поляхъ покажется сѣренькое пятнышко стада пеструшекъ, вѣчно бродящихъ по нагорьямъ сѣверной Норвегіи. Во время остановокъ парохода у Скворнэ и Лоппена пассажиры устроили небольшую охоту на морскихъ птицъ, и черезъ какіе-нибудь полчаса около полусотни несчастныхъ чаекъ, баклановъ и кайръ валялись на борту парохода.

Подъ 70° и 39° сѣверной широты, у подножія небольшой шиферной скалы на островѣ Квало, лежитъ Гаммерфестъ — самый сѣверный городъ въ мірѣ.

Невесель его видъ съ моря; еще мрачнѣе и печальнѣе кажутся его окрестности съ горы Тивенъ, царящей надъ цѣлою сѣтью острововъ. Вокругъ однѣ голыя скалы изъ шифера, сланца и гнейса, покрытыя мѣстами снѣгомъ; ни рошица, ни лужокъ не оживляютъ мрачной природы приполярнаго города; даже тѣхъ жалкихъ березокъ и осинъ, лѣса которыхъ мы видѣли у Тромсе, не было у Гаммерфеста; изъ всѣхъ древесидныхъ только *Betula nana* можетъ расти подъ этими широтами. Бѣдные туземцы, нечуждые любви къ растеніямъ, принуждены даже простыя травы разводить у себя на дому въ горшкахъ; многіе дома на крышахъ своихъ украшены дерномъ; предъ многими





Гаммерфестскій рейдъ.

окнами разбиты небольшіе садики изъ насыпанной на камень земли, въ которую мѣстами воткнуты горшки съ простыми цвѣтами; въ одномъ изъ такихъ садиковъ мы видѣли даже игрушечный фонтанъ. Несмотря на свою скудость, эта зелень все-таки пріятно поражаетъ глазъ среди монотонности общей обстановки. Около одной изъ кирокъ (церквей) находится порядочное кладбище съ красивыми монументами.

Всѣ улицы хорошо вымощены, хотя въ большинствѣ случаевъ мостовая образуется естественнымъ образомъ, благодаря каменистому плитняковому грунту. Въ общемъ видъ этого городка, затерянаго на далекомъ сѣверѣ, съ тремя тысячами обитателей, все-таки говорить о довольствѣ его жителей и о томъ значеніи, которое имѣетъ онъ, этотъ передовой пунктъ европейской цивилизаціи въ Ледовитомъ океанѣ.

Одною изъ замѣчательностей Гаммерфеста является памятникъ, стоящій на сѣверной оконечности дуги меридіана, вымѣренной подъ руководствомъ знаменитаго Струве отъ Нордкапа до Дуная, гдѣ у Измаила, южнаго конца дуги, поставленъ подобный же столбъ, краснорѣчиво говорящій о великомъ научномъ предпріятіи. Невысокій каменный столбъ съ бронзовымъ глобусомъ на вершинѣ и латинскою надписью на одной изъ сторонъ, обнесенный небольшою оградой, — вотъ и весь памятникъ острова Фугельнеса *).

Хотя еще въ Тромсе путешественникъ встрѣчается обыкновенно впервые съ лопарями, но за то въ Гаммерфестѣ онъ можетъ ихъ наблюдать сколько угодно. Невысокіе, но крѣпкіе и коренастые, съ черными ще-

*) *Terminus septentrionalis arcus meridiani 25,20°, quem inde ab Oceano arctico ad fluvium Danubium usque per Norvegiam, Sueciam et Rossiam, jussu et auspiciis Regis Augustissimi Oscar I et imperatorum Augustissimorum Alexandri I atque Nicolai I annis MDCCCXVII ad MDCCCLII continuo labore emensi sunt trium gentium geometrae. Latitudo 70° 11, 3".*



тинистыми и длинными волосами, выдавшимися скулами, одѣтые въ оленьи шкуры и въ оригинальныхъ колпакахъ, эти истыя дѣти сѣвера и льдовъ производятъ довольно сильное впечатлѣніе на туристовъ. Какъ туарегъ созданъ для Сахары, арабъ для пустынь Геджаса и монголь для степей Гоби, такъ и лопарь созданъ для сѣвера и тундры. Весь организмъ его приспособленъ вполне къ тому, чтобы населять тѣ страны, гдѣ не можетъ успѣшно выжить другой человѣкъ. О лопаряхъ мы еще будемъ говорить не разъ, а потому теперь перейдемъ отъ нихъ къ русскимъ поморамъ — нашимъ природнымъ мореходамъ и ловцамъ, которые представляютъ одинъ изъ лучшихъ типовъ «морскихъ людей», какъ любить выражаться норвежцы.

На своихъ утлыхъ ладьяхъ, настоящихъ ушкуняхъ, эти отважные моряки обходятъ весь ледовитый океанъ. Отъ южныхъ береговъ Бѣлаго моря они идутъ, часто безъ компаса и карты, вокругъ Нордкапа, и по берегамъ Норвегіи, и къ Шпицбергену, и къ Новой Землѣ. Далѣе я поразкажу объ ихъ жалкихъ суденышкахъ, шкунахъ и шнекахъ нехитрой работы и о жизни этихъ удальцовъ, а теперь ограничусь только сравненіемъ ихъ съ древними скандинавскими викингамъ, такими же безстрашными сынами моря, или, еще лучше, съ удалыми ушкунниками Великаго Новгорода. Буйный и отважный, предприимчивый и смѣлый духъ вольнаго города и свободнаго народа остался и унаслѣдовался въ современныхъ поморахъ, для которыхъ море-океанъ стало родною стихіей, а утлое суденышко, настоящая посудина, — вторымъ домомъ, а часто и домовиною.

Гаммерфестъ представляетъ центръ торговли съ русскими, суда которыхъ наполняютъ цѣлыми десятками гавань полярнаго города. Привозя изъ Архангельска поволжскую муку и лѣсъ, а съ Поморья — оленьи шкуры и дорогіе мѣха, они мѣняютъ ихъ на рыбу, колониальные товары и мануфактурныя издѣлія, а также и на ромъ. Эта мѣновая торговля нашихъ поморовъ съ норвежцами, производимая преимущественно въ предѣлахъ Норвегіи, а также взаимное отношеніе тѣхъ и другихъ, въ связи съ вопросомъ о правахъ и рыбныхъ ловахъ, составляютъ суть такъ называемаго поморскаго вопроса, о которомъ столько говорено, писано и переписано, но ничего не договорено и не дописано. Никакая регламентація новыхъ узаконеній, никакіе труды сѣверныхъ комиссій, хотя-бы онѣ засѣдали десятки лѣтъ и исписали сотни томовъ своихъ трудовъ, не помогутъ освѣтить дебрей этого пресловутаго вопроса, поднятаго главнымъ образомъ въ послѣдніе десятки лѣтъ благодаря ряду русскихъ изслѣдователей Сѣвера и его промысловъ, начиная съ извѣстнаго Максимова. При всемъ своемъ нежеланіи беречь наболѣвшую рану, я не могу пропустить поморскаго вопроса, говоря о дальнемъ Сѣверѣ и о промыслахъ русскихъ въ Норвегіи.

Я расскажу о немъ вкратцѣ, не съ чужихъ словъ, а только то, что видѣлъ лично или вывѣдалъ самъ отъ поморовъ; насколько я правъ или виноватъ, о томъ можетъ судить всякій, побывавшій на дальнемъ Сѣверѣ.



Еще со временъ отдаленной древности, съ эпохи процвѣтанія Великаго Новгорода, перваго колонизатора на сѣверѣ Россіи и Мурманѣ, основавшаго первую русскую колонію въ Лапландіи, Кола, начались торговыя сношенія русскихъ со скандинавами въ водахъ арктическихъ морей. Сила новгородскаго духа сказалась въ этой торговой предприимчивости и называется донинѣ, несмотря на рядъ препятствій, которыя тормозятъ дѣятельность помора. Какъ раньше велось дѣло, сказать трудно, потому что никто не писалъ о поморской торговлѣ въ XVII и XVIII вѣкѣ, но за то въ XIX ей пришлось не легко. Въ 1830 году былъ изданъ норвежскій законъ о производствѣ рыбнаго промысла русскими въ Финмаркенѣ. Этимъ закономъ предоставлялись русскимъ самыя широкія прерогативы, но на самомъ дѣлѣ послѣднія оказались настоящею мышеловкой и петлей для русскаго промышленника. Поморамъ предоставлено закономъ пользованіе лучшими гаванями сѣверной Норвегіи, предоставлено право ловить рыбу въ норвежскихъ водахъ не ближе одной мили отъ берега, приставать къ берегу для выкапыванія червей, удить рыбу у самаго побережья, не стѣсняя впрочемъ туземцевъ, и разрѣшено даже селиться на норвежскихъ берегахъ, не строясь, а нанимая помѣщеніе у мѣстныхъ жителей. Такія широкія на видъ прерогативы уничтожались на практикѣ: предоставленныя на пользованіе гавани отстоятъ слишкомъ далеко отъ нашихъ береговъ и наполнены туземными и иностранными судами. Русскіе рыбаки не только не подпускаются къ самому норвежскому берегу, но выгоняются часто даже силою изъ предѣловъ скандинавскихъ водъ. Ни о какихъ поселеніяхъ на норвежскомъ берегу нашъ поморъ и думать не смѣетъ, а право нанимать помѣщеніе тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ голаго камня, можно сравнить съ правомъ предоставленія обитателямъ Сахары набивать льдомъ выстроенные благодѣтелями ледники.

Я много разговаривалъ съ поморами и они горько жаловались на обиды со стороны норвежцевъ. Быть можетъ, жалобы ихъ и очень преувеличены, но не вѣрить имъ абсолютно нельзя. Много сотъ русскихъ судовъ и рыбаковъ перебивало въ предѣлахъ Норвегіи, и никогда ни одинъ промышленникъ не рисковалъ поселиться на берегу; даже въ случаѣ кру-



Русскіе Китоловы и рыбопромышленники въ Норвегіи.

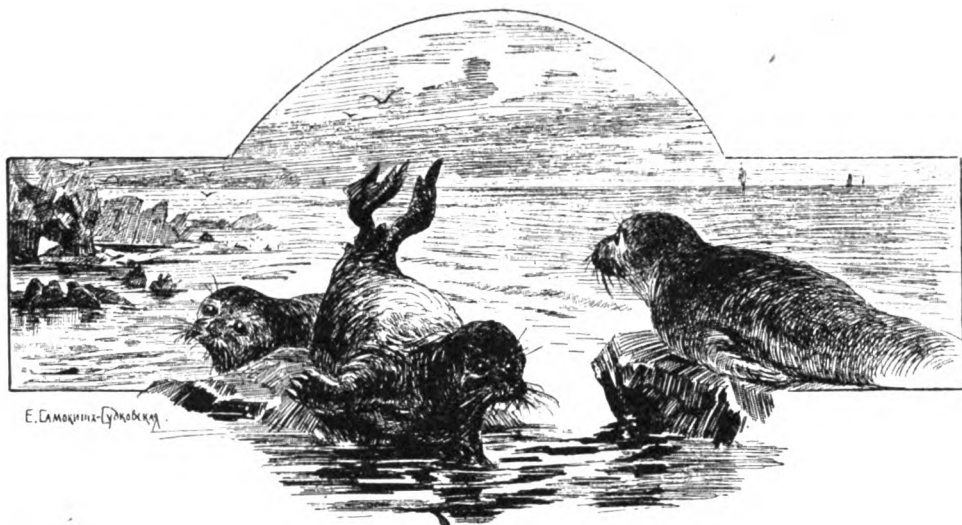
шенія русскихъ судовъ норвежцы не пускали несчастныхъ въ свои жилища, а стронть самимъ русскимъ дома или юрты не разрѣшается по закону. За малѣйшее уклоненіе отъ того или другого драконовскаго норвежскаго постановленія нашему промышленнику часто приходится раздѣливаться и кошелькомъ, и спиной, и долгимъ заточеніемъ. О постоянныхъ штрафахъ, срываемыхъ съ русскихъ за ничтожную провинность, и говорить не приходится, когда нѣкоторымъ поморамъ случалось лѣтъ по десяти, пятнадцати высиживать въ Трондгеймской тюрьмѣ, исполняя чуть не каторжныя работы. Въ самомъ торговомъ дѣлѣ—мѣнѣ русскихъ товаровъ на туземные—нашъ промышленникъ тоже играетъ страдательную роль; всѣ шансы успѣха, всѣ силы на сторонѣ норвежцевъ; за нихъ обыкновенно и консулъ, и права хозяина, и еще чаще право силы.

Мнѣ жаловался одинъ почтенный поморъ, лѣтъ семидесяти, что онъ самъ въ молодыхъ годахъ раза два высидѣлъ въ крѣпости по нѣсколькимъ мѣсяцевъ. Въ первый разъ вся вина заключалась въ томъ только, что онъ наотрѣзъ отказался продать хлѣбъ по той цѣнѣ, какую назначили ему мѣстные купцы.

«О ту пору у норвежца былъ голодъ,—говорилъ старикъ,—а я, видя ихъ скупость и нужду, уже поднялъ парусъ, чтобы отплыть изъ Ганвига, какъ меня заграбистили, осудили и засадили безо всякихъ разговоровъ». Въ другой разъ тотъ же самый промышленникъ потерпѣлъ тѣлесное наказаніе въ Вардо за то, что осмѣлился выйти на берегъ и на голомъ камнѣ на прибрежьи запалить костерокъ. Случаи, въ которыхъ сильныя ватаги норвежцевъ, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, нападали на болѣе слабыя русскія артели, разбивали ихъ суда, ломали и грабили снасти и разрывали сѣти, такъ часто слышатся въ жалобахъ нашихъ поморовъ и описываются такъ рельефно, что нельзя имъ не вѣрить, хотя я и былъ предубѣжденъ противъ правдивости поморовъ.

Взамѣнъ всѣхъ обидъ, чинимыхъ норвежцами надъ забитымъ русскимъ промышленникомъ въ Норвегіи, эти послѣдніе должны уступать пришельцамъ и у себя дома, на Мурманѣ. Пользуясь тѣмъ же самымъ закономъ объ одинаковости и равноправности лова, за примѣненіе котораго они у себя чинятъ русскимъ всякія гадости, норвежцы приходятъ къ намъ на





Мурманъ и хозяйничаютъ тамъ такъ, что нашему помору нерѣдко приходится тѣсно. Нечего и говорить уже о томъ, что на всемъ протяженіи Мурманскаго берега норвежцы охотятся и ловятъ, гдѣ угодно, даже съ берега. Въ то время, какъ русскому нельзя поставить въ Норвегіи даже юрты или вѣжи, норвежець у насъ на Мурманѣ строитъ вполне комфортабельный домъ и селится со всѣми чадами и домочадцами, позволяя себѣ не особенно церемониться съ туземцами, не только съ нашими лопарями, но и промышленниками. Слишкомъ часты и настоятельны, чтобы не обращать на нихъ вниманія, жалобы поморовъ на то, что норвежець въ самомъ Мурманѣ приходитъ сильною ватагой, портитъ снасти и суда, обижаетъ дѣйствіемъ промышленниковъ и распугиваетъ рыбу. Норвежскіе китобои, какъ мы увидимъ впоследствии, тоже хозяйничаютъ въ нашихъ водахъ, истребляя китовъ и разгоняя выстрѣлами мойву и треску.

Мнѣ не хотѣлось вѣрить тому, что русскаго обижаютъ на его собственной землѣ, если-бы въ 1882 году меня самого норвежскій колонистъ на Мурманѣ не грозился застрѣлить изъ ружья за то, что я осмѣлился въ предѣлахъ его фиктивныхъ владѣній ловить кораллы и губки, хотя море никому не принадлежитъ. Мой товарищъ по путешествію, Высоцкій, тоже ни за-что ни про-что подвергся оскорбленію со стороны норвежца на русской землѣ, за то, что ему показалось обиднымъ, что русскіе ходятъ въ полувѣрствѣ отъ его жилья и стрѣляютъ чаекъ, гагаръ и юркихъ нырковъ. Съ этими фактами я никакъ не могу помириться, и для меня обида русскихъ норвежцами не кажется однимъ мифомъ, какъ меня увѣряли до и послѣ моего путешествія на сѣверъ.

Въ чемъ же кроется причина русской обиды и того печальнаго факта, что русскаго обижаютъ и въ Лапландіи, какъ на Амурѣ и въ Камчаткѣ, не говоря уже о Финляндіи, Польшѣ и Остзейскомъ краѣ, обижаетъ всякій чужакъ у него самого на дому? Что-бы ни говорили о нашемъ добродушіи, доходящемъ до крайности, и о пресловутомъ русскомъ «ничего», которымъ мы какъ-бы безповоротно рѣшаемъ всякое дѣло, словно сказочный великанъ, не обращающій вниманія на козни пигмеевъ, хлопочущихъ на его оконечностяхъ, но главною причиною является наше невѣжество, непониманіе собственныхъ русскихъ интересовъ, неумѣніе дѣйствовать солидарно. По нашей славянской розни, мы и на Мурманѣ, какъ и вездѣ, не дѣйствуемъ дружно и сплотясь; русскій поморъ, чиновникъ, колонистъ, купецъ и судовладелецъ—все элементы чуждые другъ другу, часто враждеб-

ные и никогда не только не сочувствующие другъ другу и не понимающіе своихъ взаимныхъ отношеній. Образованіе и большее оцивилизованіе— вотъ что прежде всего нужно нашему помору, а съ нимъ и сѣверу Россіи. Пока нашъ промышленникъ будетъ тонуть въ невѣжествѣ, пока не будетъ у насъ на Мурманѣ, какъ въ Норвегіи, правильного пароходства, телеграфной проволоки, правильно организованныхъ колоній, благоустроенныхъ путей сообщенія, до тѣхъ поръ мы будемъ винить и нашихъ сѣверныхъ консуловъ, и администрацію, и норвежцевъ, всѣхъ, кромѣ самихъ себя.

Нечего и говорить, что отъ нашихъ консуловъ въ мелкихъ прибрежныхъ городахъ русскому промышленнику нѣтъ защиты уже (по тому одному, что консулъ — тотъ же норвежець; мало того, такой же купецъ, которому свои интересы дороже, чѣмъ какая-нибудь нужда оборваннаго помора или крушеніе жалкой шняки, не стоющей и полсотни рублей. Всевозможные господа вродѣ: Бродкорба, Гольмбоэ, Сканске и другихъ норвежскихъ торгашей, носившихъ въ наше время громкое имя русскихъ консуловъ Тромсе, Вардѣ и Гаммерфеста, никогда не поймутъ, да и не захотятъ даже понять нашего помора, а не только что понять его интересовъ. Немудрено, поэтому, что нашъ поморъ и не обращается къ такимъ официальнымъ защитникамъ при обидахъ со стороны норвежцевъ, хорошо зная, что онъ самъ останется виноватъ, потому что воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Только въ самое послѣднее время у насъ на сѣверѣ стали появляться энергичные русскіе дѣятели въ лицѣ генеральныхъ консуловъ всего Финнмаркена. Первымъ изъ нихъ былъ Д. Н. Бухаровъ, который, будучи русскимъ въ душѣ, положилъ всю свою молодую энергію и душу въ дѣло поморовъ и, отвѣдавъ самъ нѣчто отъ скорбной части, облегчилъ, насколько могъ, участь поморовъ отъ безконтрольнаго хозяйничанья норвежцевъ. По тому же пути идетъ и достойный преемникъ Бухарова, г. Островскій.

Кромѣ того, для защиты русскихъ интересовъ въ сѣверныхъ водахъ крейсируетъ наше военное судно, игравшее, впрочемъ, въ 1882 г. весьма незавидную роль. Цѣлью этого военного крейсерства было защищать нашихъ поморовъ отъ насилій и обидъ норвежцевъ, препятствовать этимъ послѣднимъ—производить ловы въ неуказанныхъ мѣстахъ, простирая свои хищничества на русскую территорію, избивать китовъ въ русскихъ водахъ, моржей и тюленей на Новой Землѣ и въ Карскомъ морѣ,—и вообще присматривать за рыбными промыслами всего Мурманскаго побережья. Задача огромная, въ высшей степени сложная и почтенная, но едва-ли возможная для одинокаго военного судна, не имѣющаго даже хорошей гавани на всемъ



огромномъ протяженіи опекаемаго пространства. Отъ границы Норвегіи до Новой Земли, тысячи на полторы верстъ въ длину и верстъ на 100—200 въ ширину, рыбныя ловы, сотни судовъ и тысячи промышленниковъ должны опекаться однимъ судномъ, которое даже при самыхъ лучшихъ морскихъ качествахъ не имѣетъ никакой возможности и два раза въ лѣто обойти всѣ тѣ пункты, гдѣ могутъ понадобится его помощь и защита. Къ довершенію этого, въ мою бытность въ Норвегіи представителемъ русскаго флота въ полярныхъ моряхъ являлось такое судно, которое можно назвать скорѣе сухопутнымъ, чѣмъ морскимъ, и которое двигалось, какъ и полагается заштатному судну Бѣломорской флотиліи, немного скорѣе поморской шняки. Этому бѣдному судну было вмѣнено въ обязанность слѣдить за десятками быстроходныхъ норвежскихъ китобойныхъ пароходовъ, которые въ одинъ-два часа могли уйти изъ виду нашего крейсера. Немудрено, что норвежцы смѣялись надъ нимъ и приравнили русское судно къ комической крѣпости Вардегузу. Помимо невозможности крейсировать и исполнять успѣшно свои обязанности, наше военное судно, не имѣя собственной стоянки въ Ледовитомъ Океанѣ, поневолѣ должно пользоваться гостеприимствомъ норвежцевъ и всего чаще качаться на рейдѣ Вардегуза, играя самую двумысленную политическую роль. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что военное судно въ боевомъ вооруженіи, съ наготовленными орудіями и командой, стоитъ въ порту дружественной державы для того, чтобы контролировать ея поступки и пугать ея подданныхъ военною карой за тѣ или другіе вины,—и вамъ будетъ понятенъ весь комизмъ положенія нашего крейсера. Стоитъ, напримѣръ, наше судно въ Варде и видеть, что мимо него проходитъ быстроходный китобой, а чрезъ нѣкоторое время возвращается съ китомъ, добытымъ обыкновенно въ русскихъ водахъ. Если спросить крейсеръ китобоя, гдѣ убито животное?—отвѣтъ, разумѣется, готовъ: «въ норвежскихъ предѣлахъ». А гдѣ же одному крейсеру услѣдить за всѣми судами и за всѣмъ тѣмъ, что дѣлается тамъ, гдѣ его нѣтъ?

Но оставимъ эту печальную тему, на которую говорили столь многіе и такъ много. Я коснулся ея, только желая сказать, что ни крейсерами, ни консулами мы не достигнемъ того, чего достигла каменная Норвегія, несмотря на свою бѣдность, только благодаря энергіи своихъ жителей, распространенію образованія между ними и сооруженію правильныхъ путей сообщенія на всемъ Скандинавскомъ побережьѣ отъ Трондгейма до Варангеръ-фіорда.

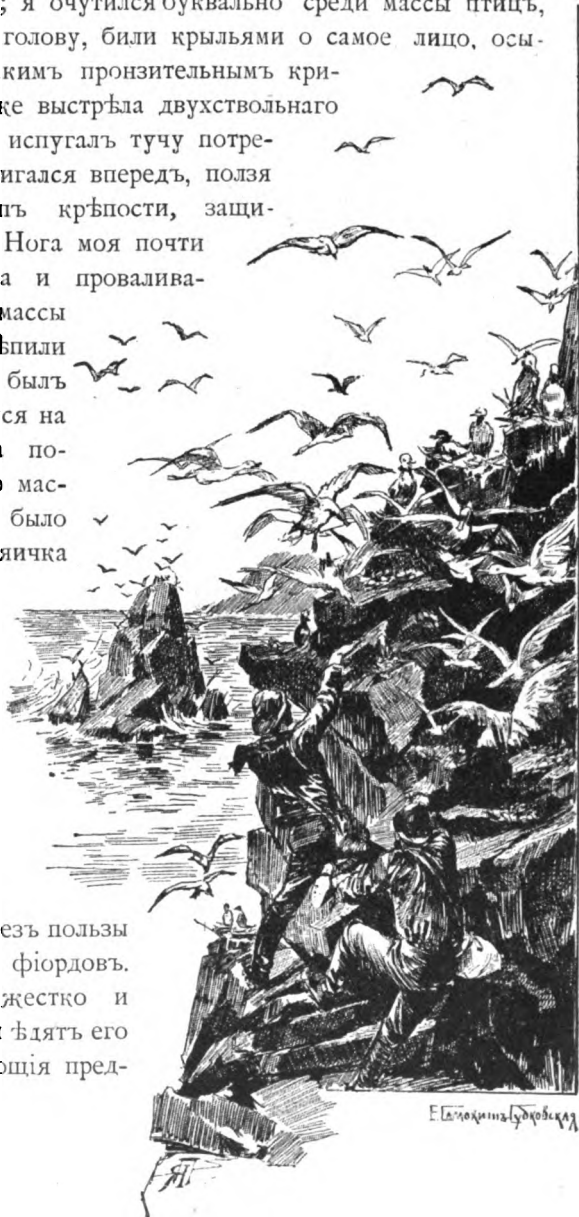
Чѣмъ дальше подвигаемся мы на сѣверъ и чѣмъ мрачнѣе и диче становится природа, тѣмъ болѣе приходится удивляться энергіи норвежцевъ, которые дѣйствительно изъ камня дѣлаютъ хлѣбъ.

Отъ Гаммерфеста вдоль сѣвернаго побережья идетъ еще нѣсколько десятковъ норвежскихъ деревушекъ, которыя всѣ цвѣтутъ благосостояніемъ, хотя и не имѣютъ буквально ничего, кромѣ камня и воды. Земли такъ мало, что даже телеграфныя столбы, соединяющіе каждую приморскую деревушку со всѣмъ побережьемъ, поддерживаются кучами камней. Печаленъ, унылъ и дикъ путь отъ Гаммерфеста до Нордкапа; небольшіе кругловерхіе скалистые острова, совершенно обнаженные и опоясан-

ные у воды темнокоричневымъ поясомъ водорослей и другихъ морскихъ растеній утесы, сверху обсыпанные птичьимъ пометомъ, составляютъ главные элементы ландшафта. Тутъ начинается настоящее царство морскихъ птицъ, о которомъ даже трудно составить себѣ понятіе, не видавъ его.

Нужно видѣть эти громады птицъ, населяющихъ сѣверные фіорды и питающихся тоже при посредствѣ моря, чтобы не удивляться массамъ помета, оставляемаго ими на всѣхъ скалахъ. Издали эти скалы, окруженныя несмѣтными тучами птицъ, кажутся погруженными въ волнующуюся парь или туманъ. Шумъ, производимый размахами крыльевъ поднимающейся стаи птицъ, слышенъ по вѣтру иногда за нѣсколько верстъ, а вблизи походить на свистъ бури. Нѣкоторые скалы и острова, совершенно покрытые тучами чаекъ, тупиковъ, кайръ, гагаръ и гагъ, называются никерами, т. е. птичьими горами или птичьими клубами. Эти птичьи притоны трудно доступны для человѣка, и мнѣ удалось взобраться лишь на одинъ изъ нихъ. По скатамъ острова къ морю я едва пробрался чрезъ тучи птицъ, медленно взлетающихъ и кружившихся вокругъ меня; я очутился буквально среди массы птицъ, которыя чуть не садилась на голову, били крыльями о самое лицо, осыпали пометомъ и оглушали такимъ пронзительнымъ крикомъ, что не слышно было даже выстрѣла двухствольнаго ружья. Грохотъ выстрѣла мало испугалъ тучу потревоженныхъ птицъ, и я подвигался впередъ, ползя наверхъ, словно на приступъ крѣпости, защищаемой тысячами бойцовъ. Нога моя почти не ощущала камня, скользила и проваливалась въ мягкія и засохшія массы помета, которыя скоро облѣпили меня такъ, что я принужденъ былъ бѣжать; при спускѣ я наткнулся на мѣсто высидки и попалъ на поверхность, буквально устланную массой яицъ и птенцовъ; нельзя было ступить, чтобы не раздавить яичка или птенца. Облѣпленный пометомъ, оглушенный криками птичьей рати, подавленный невольнымъ причиненіемъ смерти многимъ десяткамъ молодыхъ птицъ, я бѣжалъ изъ птичьяго царства съ тѣмъ, чтобы не пытаться посѣщать его въ другой разъ.

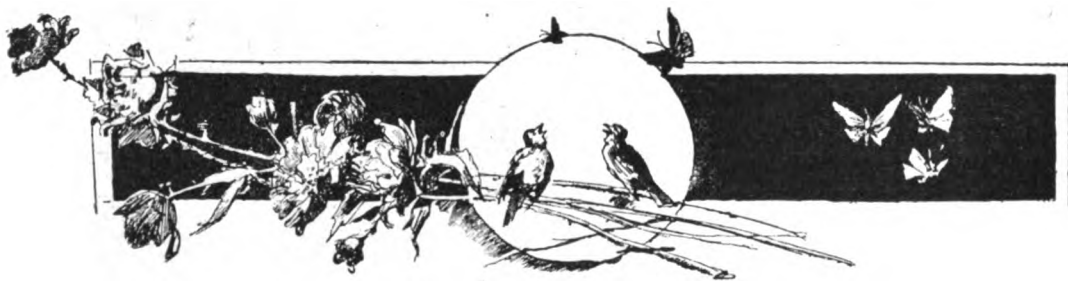
Разумѣется, такая масса птицъ не можетъ оставаться безъ пользы для обитателей сѣверныхъ фіордовъ. Правда, мясо этихъ птицъ жестко и отзываетъ ворванью, но туземцы ѣдятъ его охотно, какъ и яйца, составляющія пред-



Е. С. Чудиновъ

метъ значительной торговли, имѣющей тѣмъ болѣе значенія, что куры не водятся въ этихъ широтахъ. Всего же дороже для торговли птичьи перья и пухъ, особенно получаемый съ прославленной гаги, собираніе пуха которой представляетъ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ промысловъ сѣвера. Хитрая птица, наученная горькимъ опытомъ, кладетъ свои яйца на одинокихъ скалахъ, трудно доступныхъ для человѣка, а потому и промыслить ее становится дѣломъ чрезвычайно труднымъ, сопряженнымъ иногда съ такимъ рискомъ, предъ которымъ блѣднѣютъ даже походы альпійскихъ охотниковъ на сернь. Кто составилъ себѣ понятіе изъ моихъ описаній о неприступности норвежскихъ скалъ, тотъ пойметъ, что нелегко промыслить гагу. Смѣльчакъ долженъ взбираться на страшныя крутизны, одинъ невѣрный шагъ на которыхъ ведетъ уже къ неминуемой гибели, долженъ спускаться съ ужасающихъ отвѣсовъ надъ поверхностью бушующаго океана или надъ зіяющими пропастями. Но жажда добычи драгоцѣннаго пуха, который птица вырываетъ у себя на груди для того, чтобы устлать гнѣздо будущихъ дѣтенышей, превозмогаетъ все. Нѣсколько разъ я пытался въ воздушной корзинкѣ покачаться надъ ужасающими пропастями, но у меня не хватало духу совершить подвигъ, подобный тому, который совершаютъ иногда норвежскія дѣвицы. Такъ какъ гага, помимо рыбы, составляетъ главное богатство жителей острововъ Лсффодеъ и Вестеръ-Аленъ, то она и защищена отъ пріѣзжихъ охотниковъ строгими законами. Добываніе птичьяго гуано представляетъ для норвежцевъ тоже немаловажную статью дохода, которая была бы еще важнѣе, еслибы скалы Финмаркена были доступнѣе.

Во всѣхъ гаваняхъ отъ Гаммерфеста начинаютъ попадаться русскія суда все въ большемъ и большемъ количествѣ. По временамъ съ палубъ шхунъ и шнекъ слышатся звуки гармоники и балалайки, а порою—и заливчатская пѣсня русская, повторяемая многократнымъ эхомъ сѣверныхъ фіордовъ.



Глава IV.

Нордкапъ и Нордкинъ. — Буря, настигшая насъ у Нордкапа. — Жизнь на крайнемъ Сѣверѣ. — Бичъ сѣверянъ. — Вардо и Валсо. — Въ дебряхъ Лапландіи. — Печенгскій монастырь.



СЕГО въ ста верстахъ отъ Гаммерфеста лежитъ Нордкапъ, самая сѣверная оконечность Европы, представляющая окончаніе дикаго, засыпаннаго камнями острова Магеро. Величественный гранитный мысъ, какъ таранъ, смѣло влается въ даль Ледовитаго Океана подъ $71^{\circ} 11' 40''$ сѣв. шир. и $23^{\circ} 40' 30''$ вост. долг. Вокругъ него бушуютъ вѣчныя волны и, разбиваясь о каменный таранъ, образуютъ небольшой водоворотъ, обходящій островъ Магеро. Что-то поразительное, въ высшей степени величественное представляетъ однакая каменная масса Нордкапа, далеко выступающаго своею темною громадой изъ окружающихъ горныхъ острововъ и скаль. Неумолчныя крики морскихъ птицъ заглушаютъ здѣсь по временамъ рсвъ волнъ и свистъ бури. Пароходъ нашъ бросилъ якорь. Капитанъ для утѣхи пассажировъ, страдавшихъ отъ морской болѣзни, велѣлъ выбросить уды съ простыми крючками для трески, шедшей въ то время значительными массами изъ Ту-фіорда, и каждый пассажиръ могъ заняться рыбною ловлей. Въ четверть часа я простымъ крючкомъ, безъ всякой наживки, вытащилъ нѣсколько штукъ трески, подрѣзавъ ихъ за бока.

Подъемъ на Нордкапъ я совершилъ въ большой компаніи туристовъ, въ которой были двѣ норвеженки. Мы высадились на восточномъ берегу Ту-фіорда и начали подъемъ по крутымъ возвышенностямъ, состоящимъ изъ темносѣраго слоистаго камня. И слюдистый сланецъ, и кварцъ, и полевоы шпаты виднѣлись въ его измельченной массѣ. Мощныя пласты кровяно-краснаго гранита, съ наклономъ къ югу, прорѣзывали вездѣ основную темно-

сѣрую, мелко-зернистую, легко вывѣтривающуюся горную породу. Нога постоянно оступалась среди каменныхъ глыбъ, и мы ползли часть дороги на четверенькахъ по увлажненному скату. Мѣстами вывѣтренныя горныя породы образовывали сочную почву, на которой разрастался всевозможный ползучій кустарникъ: карликовая береза, ползучая ива, тальникъ, гонобобель, дягиль, ложечная трава, луговая чина съ желтенько-голубыми цвѣточками и лапчатолстная морошка, которыя представляли собою красивый коверъ зелени и цвѣтовъ, какъ-то не вязавшійся съ дикимъ ландшафтомъ, разстилавшимся вокругъ. Выше кустарники и травы пропадаютъ, и лишь одни мхи напоминаютъ о растительной жизни. На цѣлый фугъ въ вышину разрастаются здѣсь, на каменныхъ плато, бѣлый, желтый и сѣрый олений и исландскій мхи, но всѣ эти остатки растительности ясно говорятъ о томъ, что ей трудно осилить камень и приспособиться къ ужасающимъ условіямъ борьбы за существованіе.

Наша компанія въ первое время взбиралась хорошо, но черезъ часъ подъема по горнымъ склонамъ, устѣяннымъ острыми камнями, а мѣстами и небольшими ложбинками снѣга, большинство поотстало. Впереди, съ лучшими горными ходоками, бодро взбиралась молодая норвежейка, одна изъ первыхъ достигшая вершины Нордкапа, гдѣ на высшей точкѣ, на высотѣ трехсотъ десяти метровъ, стоитъ гранитный столбъ въ память посѣщенія Нордкапа шведскимъ королемъ Оскаромъ II. Видъ съ вершины поразителенъ, и слишкомъ половина горизонта захвачена имъ: безконечный рядъ плоскостей разныхъ высотъ и рельефовъ идетъ за нами въ материкъ; огромныя причудливыя скалы, словно извѣданныя вѣтрами и непогодами, мѣстами просвѣчивающія кровяно-красными полосами на темно-сѣромъ и свинцовомъ фонѣ гнейсовъ и сланцевъ, безконечная панорама горныхъ вершинъ, мѣстами кажущихся покрытыми ледниками,—къ югу,



безконечный океанъ на сѣверѣ, тянущійся до невѣдомаго полюса, и миллионы морскихъ птицъ, носящихся тучами надъ головами съ шумомъ и крикомъ, порою заглушающими ревъ бурновъ,—всего этого слишкомъ достаточно, чтобы потрясти нервы самаго невпечатлительнаго человѣка. На горизонтѣ бушующаго моря, покрытаго свинцово-сѣрою пеленой нависшихъ тучъ, виднѣются порой спины китовъ и плавники акулъ, а временами одинъ - другой бѣлый парусъ архангельской шняки, затерявшейся въ океанѣ.

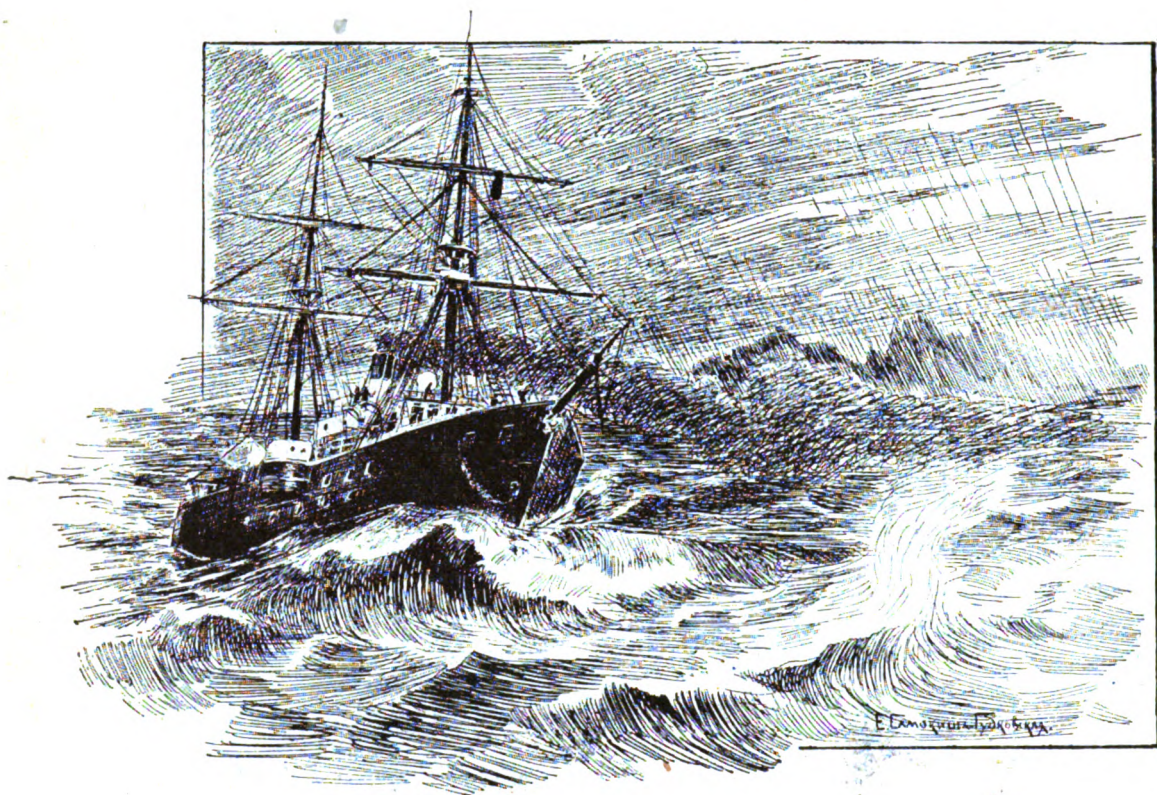


Мрачныя трещины и рывины, полусасыпанныя камнями, кажутся входами въ подземелье, а шумъ бушующаго океана, отдающійся въ каменной толщѣ Нордкапа, — лыханіемъ подземныхъ стихій, подкапывающихъ колоссальную массу сѣверной оконечности Европы.

Послѣ Нордкапа Нордкинъ, настоящая континентальная оконечность нашей части свѣта, лежащая верстъ на 75 восточнѣ перваго, уже не кажется такъ грандіозной. Двѣ ея огромныя скалы образуютъ входъ въ небольшой циркъ, въ глубинѣ котораго лежитъ рыбацье селеніе Зандверъ. Выступы скалъ, составленные изъ кварцево-песчаниковыхъ массъ, страшно зазубренныхъ и избитыхъ волнами, заходятъ далеко въ океанъ. Часто снѣга сходятъ по рывинамъ этого каменнаго мыса въ самое море, волнуемое нерѣдко каменными глыбами, катящимися со скалъ Нордкина. Надъ кварцевыми и гнейсовыми скалами послѣдняго, видно,



Е. Савицкая гравировала.



страшно работали нептуническія силы, изрѣзавшія каменное побережье самыхъ сѣверныхъ фіордовъ. Наши поморы зовуть Нордкапъ Кенрогомъ, а Нордкинъ, мысомъ Наркинымъ и считаютъ ихъ настоящими границами, раздѣляющими русскія воды отъ норвежскихъ.

Страшная буря преслѣдовала насъ, когда мы огибали сѣверную оконечность Европы. Порою изъ темно-свинцовыхъ тучъ, обложившихъ весь горизонтъ Ледовитаго Океана, вырывались снопы электрическаго свѣта; короткіе, но сильныя удары грома рокотали на небѣ и отдавались прибрежными скалами, стонавшими столько же отъ бури, сколько отъ криковъ безчисленныхъ чашекъ и баклановъ. Скоро начался страшный дождь, и туманъ закрылъ бѣловатую, густую дымкою и Нордкинъ, и другіе береговые утесы.

Лучшею гаванью между Нордкапомъ и Нордкиномъ считается Кильвикъ, стоящій въ одномъ изъ великолѣпныхъ цирковъ Норвегіи. Въ гавани его постоянно толпится множество русскихъ судовъ. Изъ кирки Кильвика наши поморы еще въ 1679 году украли большой колоколъ. Огромныя Порзангеръ, Ляксъ, и Квеле-фіорды, несмотря на свои живописныя окрестности, даже среди іюньскихъ жаровъ дышуть осенними туманами и зимними непогодами. Голое каменное плато, покрытое желто-сѣрыми лишаями, представляетъ унылый, мертвый видъ, который не оживляютъ даже многочисленныя суда норвежцевъ и поморовъ; вѣчныя бури и тучи какого-то липкаго, слизкаго тумана, набѣгающія съ Ледовитаго Океана, и какая-то монотонность всего колорита дѣйствуютъ подавляющимъ образомъ на душу туриста, котораго уже не развлекають ни огромныя птичьи горы вродѣ Свергольтклуббенъ, ни фонтанчики китовъ, спующихъ иногда

при входѣ въ фіорды, ни даже вѣжи лопарей, мѣстами разбросанныя на фонѣ унылаго пейзажа. Горный ландшафтъ переходитъ здѣсь постепенно въ пейзажъ тундры, и полярный характеръ страны выступаетъ во всемъ своемъ мертвомъ величіи.

Между 70° и 71° с. ш. прекращается всякій намекъ на древовидное растеніе: флора отражаетъ на себѣ суровый климатъ. Ячмень и овесъ дальше всѣхъ растений идутъ къ сѣверу и встрѣчаются даже на берегахъ Порзангеръ-фіорда, подъ 70° 5' с. ш. и даже на высотѣ 350 метровъ; рожь еле доходитъ до 69° с. ш., а пшеница прекращается выше 64° с. ш. Среди царства оленьяго мха и лишайевъ ютится еще десятка два—три листовныхъ растений, изъ которыхъ родъ щавеля (*Oxuria gemiformis*) и ложечная трава (*Mulgedium alpinum*) занимаютъ первое мѣсто по тому значенію, которое они имѣютъ на этихъ крайнихъ широтахъ, представляя единственный родъ овощи или зелени, доступной для туземца. Норвежцы и лопари постоянно жуютъ сочные стебли этого дягиля и дѣлаютъ его запасы на зиму; изъ сушенога растенія готовится даже родъ лепешекъ, смѣшанныхъ съ медомъ,—flådröd, которыя считаются однимъ изъ противоцинготныхъ средствъ.

Какъ на югѣ Норвегіи проказа, такъ на сѣверѣ ея и въ Лапландіи цынга представляетъ одинъ изъ величайшихъ бичей населенія. Если въ нашихъ странахъ, благодаря обилію и разнообразію пищевыхъ средствъ, цынга распространяется незначительно даже среди бѣднаго люда, то на сѣверѣ, гдѣ весь запасъ пищи сводится къ рыбѣ и консервамъ, безъ свѣжаго мяса и зелени, эта болѣзнь принимаетъ дѣйствительно ужасные размѣры, которыхъ нельзя себѣ и представить въ нашихъ благословенныхъ странахъ. Начинаясь съ общей слабости всего тѣла, она разбиваетъ чело-вѣка и дѣлаетъ его неспособнымъ ни мыслить, ни трудиться. Еле бродитъ полусонный цинготикъ, не зная, куда сунуться. Ноги и руки его начинаютъ пухнуть; на тѣлѣ появляются красныя и синія пятна, преимущественно на ногахъ; мѣстами показываются язвы; руки и ноги начинаютъ корчиться; острыя ноющія боли пронизываютъ больного насквозь; аппетитъ теряется; кровь выступаетъ не только изъ десенъ, но и изъ горла и изъ кожныхъ язвъ; больной издаетъ отвратительный смрадъ и послѣ многихъ дней мученія умираетъ въ страшныхъ страданіяхъ. Цынгу, эту болѣзнь питанія, выражающуюся главнымъ образомъ ломкостью и кровоточивостью сосудовъ, можно вполне назвать болѣзью полярныхъ странъ, какъ желтую горячку—характерною болѣзью притропическихъ областей.

Въ городъ Вардѳ, —Вардегузъ, Варгаевъ нашихъ поморовъ,—мы пришли во время страшной бури, которою сорвало у насъ съ парохода одну изъ кормовыхъ лодокъ. Вардѳ, съ 1.400 обитателей, представляетъ самую сѣверную и, вѣроятно, самую нестрашную крѣпость въ Европѣ, вооруженную нѣсколькими древними пушенками и защищаемую пятнадцатью—двадцатью чело-вѣками команды, которая при нашемъ посѣщеніи потрошила кита, такъ что комендантъ этой комичной крѣпости не могъ найти никого изъ гарнизона для отданія воинской чести прибывшимъ туристамъ. Въ виду этой нестрашной крѣпости въ 1882 году качался на рейдѣ и нашъ нестрашный крейсерь «Полярная Звѣзда», на который не безъ ехидства указывали паль-

цами норвежцы, какъ на вооруженную силу, приготовленную нами для того, чтобы овладѣть Вардѳ, оплотомъ Финнмаркена. Единственная улица Вардѳ исполнѣ носить характеръ города рыбаковъ. Въ городѣ и по побережью двухъ бухтъ—громадныя приспособленія для вяленія рыбы, висящей на козлахъ милліонами. Весь городъ пропитанъ запахомъ рыбы и трескового жира, стоящаго огромными чанами на берегу. Все для рыбы и ради рыбы! Гавань Вардѳ наполнена русскими судами, которыя здѣсь чувствуютъ себя относительно хорошо, какъ и въ сосѣднемъ Вадсо, Васинѣ поморовъ, находящемся на самой русской границѣ.

Кромѣ передней линіи амбаровъ и огромныхъ чановъ, гдѣ на солнцѣ вытапливается жиръ изъ печени и селезенки трески, образующей извѣстный рыбій жиръ, оба города представляютъ рядъ—другой домовъ, довольно приличныхъ, съ магазинами, а затѣмъ цѣлый городъ сушеной рыбы со многими улицами, образованными изъ длинныхъ козелъ съ распластанною треской. Ужасающій для непривычнаго человѣка запахъ рыбы разносится далеко и по окрестностямъ города, такимъ же печальнымъ, какъ и всѣ сѣверныя фіорды: огромныя сланцевыя и шиферныя скалы круто спускаются къ вѣчно-бушующему морю; кое-гдѣ въ логахъ и ущельяхъ видны небольшія зеленыя лужайки съ пучками шавеля, дягиля и заячьей капусты.

Блуждая по берегу въ окрестностяхъ города, я набрелъ на сцену распластанія кита. Надо имѣть самыя крѣпкіе нервы и невзыскательный носъ, чтобы осмѣлиться подойти къ трупѣ огромнаго животнаго. Еще за полъ-версты страшный запахъ колоссальной туши, разлагающейся привольно на берегу, отбиваетъ органъ обонянія. Подойдя къ этой горѣ гнющаго мяса, я ступалъ буквально выше щиколотки въ крови и растопившемся салѣ животнаго, около котораго пятеро норвежцевъ, утопая въ жирѣ и потрохахъ, рубили топорами куски мяса съ реберь, взобравшись въ самую средину огромнаго трупа, какъ жуки-могильщики въ трупѣ мыши или лягушки.

Вадсо, надо замѣтить, въ настоящее время представляетъ центръ китобойнаго промысла, такъ какъ тамъ—единственный въ Норвегіи заводъ Фойна, Etablissement Svend Foyns, не только обрабатывающій китовые продукты, но и занимающійся добываніемъ китовъ. Нѣсколько быстроходныхъ пароходовъ, принадлежащихъ заводу и вооруженныхъ на носу особаго рода пушкой, стрѣляющей гарпунами, постоянно крейсируютъ въ морѣ и высматриваютъ въ подзорныя трубы китовъ. Едва караульщикъ замѣтитъ фонтанчикъ кита, какъ пароходъ направляется на ловлю, и какъ ни быстро убѣгаетъ огромное животное отъ своего страшнаго врага, но гдѣ же ему уйти отъ пара и человѣка?! Гонить, гонить царя океановъ быстроходный китобой и, настигнувъ, бросаетъ смертоносное оружіе, которое дѣйствительнѣе гарпуна самыхъ сильныхъ и смѣлыхъ прежнихъ гарпунщиковъ. Заводъ Фойна избиваетъ такимъ образомъ въ годъ до сотни китовъ, и немудрено, что число этихъ колоссальныхъ животныхъ быстро уменьшается. Можно предвидѣть ту пору,—если китовый промыселъ будетъ поддерживаться съ такимъ же успѣхомъ,—когда зоологъ вычеркнетъ кита изъ списка живущихъ животныхъ, какъ зубра, морскую корову, дронта и пингвина.

Вадсо лежитъ на полуостровѣ Варьянгъ-Пьяргъ, подѣ 60° 4' с. ш., и вмѣщаетъ до 2000 рыбацьяго населенія, изъ котораго почти половина приходится на долю финновъ или квенновъ—выходцевъ изъ Финляндіи, составляющихъ цѣлую колонію. У нихъ путешественникъ можетъ раздобыться молокомъ, котораго не видить часто отъ Трондгейма. Куда ни заходитъ финнъ, вездѣ неразлучна съ нимъ его любимая пища—салака, картофель и молоко; рыбу онъ добываетъ изъ моря, картофель—цѣною страшныхъ трудовъ изъ каменной почвы, а молоко,—разводя коровъ даже подѣ 70° с. ш. Самый городъ Вадсо состоитъ больше изъ козелъ съ навѣшанною треской, чѣмъ изъ домовъ. Въ окрестностяхъ его уже попадаетъ до 50 сортовъ полевыхъ травъ; незабудки, курслѣпы и горицвѣты—лучшіе представители цвѣтовъ на берегахъ Варангеръ-фіорда. Въ окрестностяхъ Вардо находятъ интересныя мегалитическія сооруженія—gammen, представляющіяся въ видѣ огромныхъ каменныхъ кучъ и круговъ; тѣ и другіе надо разсматривать, какъ остатки каменнаго вѣка арктической цивилизаціи, о которой мы еще будемъ говорить впереди.

Городами Вардѣ и Вадсо оканчивается Норвежское побережье, а съ нимъ окончилось и мое путешествіе по цивилизованнымъ странамъ. Отсюда я уже углубился внутрь материка, въ почти дѣвственные дебри Лапландіи. Я не успѣлъ-бы разсказать и десятой доли того, что мнѣ пришлось испытать, пробираясь черезъ дебри этой пустынной и малоизвѣстной страны, гдѣ каждый шагъ впередъ покупается дорогою цѣною для путника. Отъ Вадсо я сѣлъ на небольшую шняку одного помора и на ней переѣхалъ на южнукъ сторону Варангеръ-фіорда, въ которомъ нѣкоторыя гавани не замерзаютъ круглый годъ. Около полутора сутокъ я качался на хлипкой шнякѣ по волнамъ набѣгающаго океана, пока вѣтру не заблагоразсудилось забросить насъ къ устьямъ рѣки Позвика. Южный берегъ Варангеръ-фіорда, лежащій подѣ 69° с. ш., не представлялъ такой пустыни, какъ берега сѣверныхъ фіордовъ, потому что растительность уже начинаетъ одѣвать здѣсь доселѣ безплодныя скалы. Значительныя луга разныхъ полевыхъ травъ смягчаютъ унылый видъ полярнаго ландшафта, а лѣса елей и березъ уже говорятъ о высшей флорѣ; чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ деревья становятся выше и вѣтвистѣе, а лѣса—гѣнистѣе и гуще.

Каждое растеніе нуждается для своего зарожденія въ извѣстной суммѣ теплоты, различной для различныхъ видовъ. У нѣкоторыхъ видовъ жизнь начинается или возобновляется послѣ зимняго сна, какъ только термометръ показываетъ 2° или 3° выше 0°. Другія растенія для начала ихъ годичной жизни нуждаются въ теплотѣ въ 10, 12, 15 или 20°. Каждый видъ имѣетъ, такъ сказать, свой частный термометръ, нулевая точка котораго соотвѣтствуетъ тому градусу температуры, когда въ его зародышахъ пробуждается сила прозябанія. Растенія, подобныя дягилю, ложечной травѣ, горицвѣту, карликовой березѣ и т. п.,—отлично живутъ въ ледовитомъ поясѣ, успѣвая въ продолженіе нѣсколькихъ дней полярнаго лѣта и вырости, и раскрыть свои лепестки, и довести плоды свои до полной зрѣлости, довольствуясь для этого суммой тепла въ 150—160°. Ячмень, изъ всѣхъ хлѣбныхъ растеній ближе другихъ подвигающійся къ полюсу, вступаетъ въ періодъ своего роста, когда температура достигла по крайней

мѣръ 5 или 6°, а для достиженія зрѣлости требуетъ суммы въ 1000°, которую успѣваетъ получить въ продолженіе полярнаго лѣта. Лапландская каменоломка цвѣтетъ даже подъ снѣгомъ, но вода, орошающая ея корни, и воздухъ, окружающій ея стебли, имѣютъ температуру на 4—5° выше нуля.

Постоянные туманы, лежащіе надъ страной, тоже препятствуютъ развитію растительности: солнечные лучи поглощаются густыми испареніями, и количество свѣта и теплоты было-бы слишкомъ недостаточно даже для убогой полярной растительности, если-бы долгій полярный день не возмѣщала этой потери. Въ теченіе длиннаго дня, продолжающагося мѣсяцами, солнце не сходитъ съ горизонта, и количество свѣтовыхъ и тепловыхъ лучей, исходящихъ постоянно изъ него, обусловливаетъ ту чрезвычайную скорость, съ которою сѣверныя растенія по наступленіи весны просыпаются отъ сна и начинаютъ жить...

Рѣка Пазвикъ лежитъ у границы Россіи съ Норвегіей, и входъ въ нее обставленъ величественными скалами, покрытыми тощимъ березовымъ лѣсомъ, который лопарскія сказанія называютъ Святымъ. Длинная, узкая, мѣстами стиснутая долина представляетъ русло этой рѣки, еще недавно бывшей въ предѣлахъ общихъ въ Россіи съ Норвегіей владѣній. До 1826 года весь Варангерскій заливъ, самая лучшая часть Мурмана, съ богатыми ловлями и не замерзающими гаванями, принадлежалъ Россіи, но вслѣдствіе недобросовѣстности нашего комиссара Галемина, изъ-за личныхъ корыстныхъ цѣлей, былъ уступленъ Норвегіи, несмотря на то, что еще въ XVI столѣтіи принадлежалъ русскимъ, и пожалованною грамотой Іоанна Грознаго вся область рѣкъ Пазы, Печенги и Ньявдемы была подарена игумену Печенгскаго монастыря Трифону съ братіей. Въ устьяхъ рѣки Пазвика были издревле колоніи русскихъ, и Печенгскій монастырь имѣлъ тамъ свое подворье. Одинокая деревянная церковь святыхъ Бориса и Глѣба, съ зелеными куполами и съ золочеными крестами, возстановленная въ 1870 г., представляетъ печальную и вмѣстѣ съ тѣмъ славную развалину древней новгородской колонизаціи.

Стоя на паперти этого небольшого русскаго храма, затеряващагося въ самой глубинѣ Лапландіи и украшеннаго роскошно для убогой полярной страны, я припомнилъ всю исторію колонизаціи Примурманскаго края. Еще въ началѣ XIII вѣка въ лѣтописяхъ нашихъ упоминается Кола—первое русское поселеніе у Ледовитаго Океана, основанное удалыми ушкуйниками. Изобиліе рыбы и пушнаго звѣря привлекло сюда немало колонистовъ изъ Великаго Новгорода, который включилъ Мурманъ въ границы своихъ владѣній, расширивъ ихъ до Гонвика. Въ 1530 году, когда Новгородъ былъ подчиненъ Москвѣ, все Заволочье и Кольское поморье отошло туда же. Черезъ три года соорудилась первая церковь въ этомъ краю. Скоро прибыли сюда два апостола лопарей—Ѳеодоритъ, распространившій христіанство между восточными лопарями, и Трифонъ, крестившій западныхъ. Святой Трифонъ, прожившій 60 лѣтъ въ Лапландіи, самъ изслѣдовалъ всѣ берега и мѣста Варангеръ-фіорда и взялъ ихъ въ русское владѣніе, воздвигнувъ на рѣкѣ Печенгѣ монастырь, ставшій оплотомъ православія на крайнемъ сѣверѣ, какъ Кола—центромъ умственнымъ, религиознымъ и политическимъ. Святой Трифонъ, основавъ мона-

стырь и построивъ еще въ XV столѣтїи церковь (въ 1532 году приписанную къ Печенгскому монастырю), завелъ обширныя ловли семги и трески и, какъ истый новгородецъ, завязалъ торговыя сношенія съ сосѣдней Норвегїей. Черезъ 30—40 лѣтъ на мирную обитель напали шведы и норвежцы, сожгли монастырь, избили всѣхъ монаховъ до единого и разорили всѣ хозяйственныя сооружеія. Съ тѣхъ поръ болѣе 300 лѣтъ древнѣйшая русская колонія стояла необитаемая, пока въ 1868 году не основалась новая, болѣе прочная колонія русскихъ, норвежцевъ и кореловъ.

На рѣкѣ Пазѣ, въ погостѣ Бориса и Глѣба, всего 10—15 жалкихъ избушекъ, продуваемыхъ вѣтромъ, покрытыхъ дерномъ, шириною не больше 3—5 аршинъ, и сообщающихся съ воздухомъ посредствомъ низкой двери, чрезъ которую нельзя пройти, не сгибаясь. Полъ въ этихъ избушкахъ земляной и обыкновенно превратившійся въ грязь; около избушекъ идутъ амбарчики и хлѣвы. Грязь, навозъ, изверженія, внутренности рыбъ и убитыхъ животныхъ дополняютъ картину этой лѣтней лопарской резиденціи.

Дикою, мрачною, почти дѣвственною дебрею я пошелъ отъ Бориса и Глѣба чрезъ страну лопарей къ величайшему озеру Сѣверной Европы — Энаре. Цивилизація прекращается скоро за Эльвенесомъ, и страна носитъ вполне полудикій характеръ приполярной земли. Отсюда

началось настоящее путешествіе, прежнее же было скорѣе увеселительною прогулкою. Но прежде, чѣмъ повести за собою читателей въ дебри дикой Лапландїи, въ ея тундры и лѣса, я брошу общій взглядъ на эту негостепримную страну.



Глава V.

Лапландія. — Орографія и гидрографія страны. — Климатъ. — Растительность. — Царство животныхъ. — Видъ тундръ.—Лѣсныя дебри.

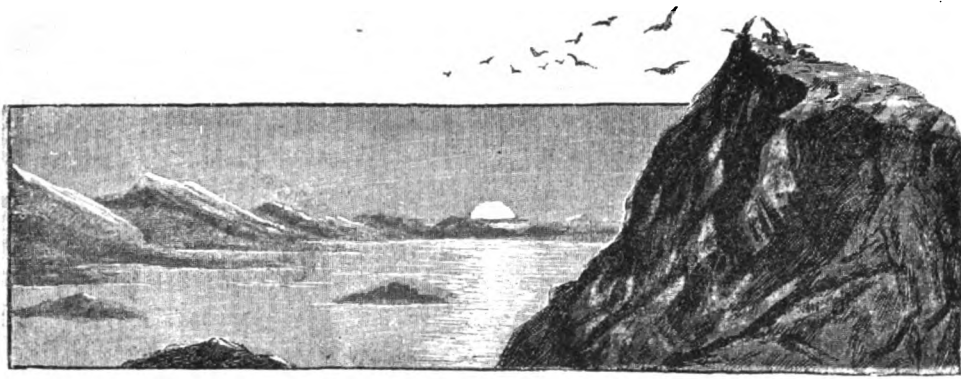


ЛОПСКАЯ земля, широко раскинутая между двумя океанами и полярнымъ кругомъ, принадлежитъ тремъ сѣвернымъ государствамъ Европы: Россіи, Швеціи и Норвегіи; общее пространство ея—7.206 кв. миль, изъ которыхъ на долю Русской Лапландіи приходится 4.150 м. (въ томъ числѣ собственно Русской 2.900 и Финляндской 1.250), на долю Шведской 2.300 и Норвежской — 735 кв. миль. Географически Лопская страна заключаетъ весь Кольскій полуостровъ, окрестности озера Энаре и весь сѣверъ Скандинавскаго полуострова, немного заходя къ югу отъ полярнаго круга. Отдѣльными поселками лопари доходятъ въ Норвегіи даже до 62 параллели, Трондгейма и Рержа, въ Швеціи до Умео-Эльфа, а въ Финляндіи до бассейна Кэми-Юки, то-есть до 64° с. ш. Принимая во вниманіе эти поселки, нужно считать площадь Лопской земли до 10.000 кв. миль.

На всемъ этомъ пространствѣ обитаютъ лопари, числомъ до 30.000 человекъ. На сѣверѣ и западѣ Лапландіи живутъ еще норвежцы, на югѣ—шведы, финны и русскіе, на востокѣ—русскіе и корелы. Всѣ эти народности идутъ своими поселками далеко вглубь Лапландіи, часто ассимилируясь и смѣшиваясь съ туземцами, отчего образуется настоящая смѣшанная народность, изученіе которой въ антропологическомъ и этнологическомъ отношеніяхъ въ высшей степени любопытно. Физическая географія страны всецѣло отражается на ея жителейхъ и обуславливаетъ ихъ типъ и этнологическія особенности.

На всемъ этомъ пространствѣ обитаютъ лопари, числомъ до 30.000 человекъ. На сѣверѣ и западѣ Лапландіи живутъ еще норвежцы, на югѣ—шведы, финны и русскіе, на востокѣ—русскіе и корелы. Всѣ эти народности идутъ своими поселками далеко вглубь Лапландіи, часто ассимилируясь и смѣшиваясь съ туземцами, отчего образуется настоящая смѣшанная народность, изученіе которой въ антропологическомъ и этнологическомъ отношеніяхъ въ высшей степени любопытно. Физическая географія страны всецѣло отражается на ея жителихъ и обуславливаетъ ихъ типъ и этнологическія особенности.

Въ описанныхъ границахъ Лопская земля довольно разнообразна по рельефу и заключаетъ въ себѣ всѣ типичныя особенности сѣверныхъ странъ, начиная отъ ледниковъ и кончая тундрой. На западѣ ея преобладаютъ горы, на югѣ и особенно на востокѣ—низменности (тундры). Весь западъ



и сѣверо-западъ Лапландіи представляетъ продолженіе Скандинавской горной страны. Отроги Дофьеффельдовъ и Келенъ, подходя къ сѣверу, образуютъ значительныя плоскія возвышенности—виттены или гейды. На западѣ онѣ очень круты и обрывисты, на сѣверѣ круты, но невысоки, а на юго-западѣ эти виттены спускаются отлого къ морскимъ склонамъ, образуя террасы, переходящія въ береговыя низменности. Въ Лапландіи Западной, какъ и въ Сѣверной Норвегіи, собственно горъ нѣтъ, а одни обширныя возвышенныя равнины, безъ цѣпей и покатоствей. Главный узелъ Лапландскихъ возвышенностей лежитъ къ югу отъ Альтенъ-фіорда. На возвышенностяхъ расположены отдѣльныя вершины, достигающія 5.500 футовъ. Между отдѣльными возвышенностями выются долины, мѣстами расширяющіяся до равнинъ, мѣстами же суживающіяся до горныхъ ущелій. Горныя массы страны стоятъ на гнейсовомъ основаніи и выше 70° состоятъ изъ песчаника, шифера, конгломератовъ и глинистыхъ образований, а на югѣ— изъ гнейса и слюдистаго сланца. Эти плоскія возвышенности, понижающіяся къ югу и востоку террасами, даютъ множество трещинъ, изъ которыхъ образуются рѣки и длинныя озера, богатыя рыбой.

Изъ рѣкъ этой части Лопской земли замѣчательны: Умео, Скеллефтъ, Питео, Лулео, Торнео (съ притоками Лалисъ, Лайнео, Муоніо), впадающія въ Ботнической заливъ; Альтенъ, Пазвикъ и Гана— въ Ледовитый океанъ; Энаре и Нуотъ-Юки, вливающія свои воды въ озера внутренней страны. Большинство этихъ рѣкъ вытекаетъ изъ длинныхъ горныхъ озеръ, образующихся изъ глетчеровъ, которые покрываютъ огромное пространство норвежскихъ виттеновъ. На островѣ Сейландъ, подъ 71°, лежитъ самый сѣверный ледникъ Европы, не считая глетчеровъ Новой Земли. Прибрежныя низменности и склоны террасъ этой части Лопской страны покрыты богатыми лѣсами; только у берега Ледовитаго океана да на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ царятъ ягели и мхи.

Большое озеро Энаре и рѣка Торнео, можно сказать, даже географически отдѣляютъ западную часть Лопской земли отъ средней и сѣверовосточной.

Средняя часть носитъ еще на сѣверѣ скандинавскій характеръ, а на югѣ принимаетъ вполнѣ финляндскій рельефъ. Отдѣльныхъ возвышенностей уже нѣтъ: преобладаетъ болѣе низменный, болотистый характеръ, хотя сосѣдство Скандинавіи еще даетъ себя знать, и вдоль рѣкъ идутъ небольшія гряды, вродѣ Суола-селька, симулирующія горныя цѣпи. Но чѣмъ болѣе подвигаешься къ югу, тѣмъ рельефише выражается финляндскій характеръ, тогда какъ на востокѣ беретъ верхъ сѣверо-русскій, тундристый и лѣсной. Рѣки: Кеми, Симо, Луто-Юки и другія своими развѣт-



влениями и массой небольших озеръ бороздятъ эту часть Лопской земли, еще покрытую лѣсами, хотя къ сѣверу и востоку лѣсъ этотъ мельчаетъ и мало-по-малу уступаетъ мѣсто мхамъ.

На Кольскомъ полуостровѣ, составляющемъ Русскую Лапландію, преобладаютъ тундры и болота. Правда, отроги Скандинавскихъ горъ выступаютъ и здѣсь, особенно на сѣверѣ, на Мурманскомъ берегу, въ видѣ прибрежныхъ цѣпей, но эти горы не такъ характерны, какъ въ западной Лапландіи, и не такъ обуславливаютъ жизнь ея обитателей. Мурманскія, Тарскія и Кандалакскія береговья горы, несмотря на свою величину и грандіозность, не представляютъ ничего сколько-нибудь связнаго или цѣльнаго, а лишь огромныя каменные массы, нагроможденныя одна на другую. Таковы же Хабинскія и Мингубскія горы въ бассейнѣ Имандры, составляющія орографическій центръ Кольскаго полуострова, изъ котораго идутъ отроги въ разныя стороны, связывающіеся съ береговыми громадами и достигающіе до 500 футовъ вышины. Отдѣльныя вершины, напримѣръ: Божіи горы — у Имандры, Крестовая — у Кандалакши и Соколя — на рѣкѣ Поной и др., возвышаются болѣе, чѣмъ на 1.000 футовъ.

Остальное пространство Русской Лапландіи покрыто тундрой, лѣсами и массой озеръ, которыхъ насчитываютъ здѣсь многія сотни. Озера эти соединяются между собою рѣками и служатъ обильнымъ запасомъ воды для рѣкъ, впадающихъ въ море. Изъ озеръ самое замѣчательное Имандра, почти въ 1.350 кв. верстѣ, т. е. вдвое превосходящее Бѣлое озеро; Имандра богата островами и множествомъ рѣченокъ, впадающихъ въ нее. Изъ рѣкъ самая значительная — Поной, на восточномъ берегу, Ворбуха и Умба — на югѣ, Паза, Ворьема, Печенга, Лица, Ура, Кола, Тулома, Воронья, Каменка и др., впадающія на Мурманскомъ берегу. Въ Русской Лапландіи всѣ эти рѣки и озера имѣютъ то значеніе, что около нихъ находятся всѣ поселки лопарей, подѣлившихъ между собою всѣ воды.

Въ связи съ географическимъ положеніемъ Лапландіи стоитъ и климатъ ея. Суровый, холодный, крайне негостепріимный, онъ нисколько не смягчается ни вѣтрами, ни заливнымъ теченіемъ, не доходящимъ до береговъ Лопской земли. Зимы внутри материка бываютъ холоднѣе, чѣмъ у

береговъ; но и лѣто зато гораздо теплѣе. О другихъ особенностяхъ климата мы распространяться не будемъ; арктической характеръ его самъ говоритъ за себя. Замѣтимъ только, что часто среди лѣта, — собственно дождливой, сырой, холодной осени, — температура иногда съ $+20^{\circ}$ падаетъ до $+5^{\circ}$ и $+3^{\circ}$ при сѣверномъ вѣтрѣ. Мнѣ самому приходилось наблюдать, что снѣгъ лежалъ на открытыхъ мѣстахъ въ Русской и Норвежской Лапландіи даже въ началѣ лѣта. Средняя температура лѣта $+7^{\circ}$, зимняя часто -30° . Въ сѣверной Лапландіи царятъ настоящія полярныя ночи и длинные лѣтніе дни; у Вардѣ солнце не сходитъ съ 21 мая по 21 іюля, и его не видно съ половины ноября до конца января. Словомъ, весь Мурманъ лежитъ въ области полярнаго дня.

Растительность Лапландіи небогата. Почва ея песчана, болотиста, тундриста и представляетъ всѣ условія для развитія мховъ, вообще говоря, широко распространенныхъ по этой странѣ. Однако Лапландія не лишена и болѣе высшихъ представителей флоры. Мы уже говорили о богатыхъ хвойныхъ лѣсахъ, покрывающихъ юго-западную и среднюю часть Лопской земли. На югѣ Русской Лапландіи растетъ также прекрасный строевой сосновый лѣсъ, тогда какъ къ востоку онъ мельчаетъ до того, что на Тарскомъ берегу растутъ однѣ кривыя березы. Въ лѣсныхъ пространствахъ начинается настоящая тундра, покрытая мхомъ, гдѣ только мѣстами пробивается трава, а кустарныя растенія стелются по землѣ. Мхи и лишай доходятъ до берега, покрывая его скалы, а у самаго берега замѣняются высокими тростниками. Въ Русской Лапландіи, подъ 66° с. ш., еще растетъ ивнякъ, за 66° онъ дѣлается ниже, подъ $67-68^{\circ}$ онъ еще можетъ расти, а подъ 69° исчезаетъ. На побережьяхъ Ледовитаго океана нѣтъ древесной растительности; на Мурманскомъ берегу встрѣчаются мѣстами, въ горныхъ ложбинахъ, низкіе лѣса, а иногда и довольно высокіе. На рѣкахъ Печенгѣ, Колѣ,

Туломѣ и другихъ, по Кольско-Кандалакскому quasi-почтовому тракту идутъ тоже хорошіе лѣса. Въ южной и средней части Кольскаго полуострова произрастаютъ, кромѣ хвойныхъ деревьевъ: рябина, береза, а мѣстами — осина и ольха. Изъ кустарныхъ растеній преобладаетъ можжевельникъ. Морошка, ложечная трава,



С. П. Третьяковъ



лютики, вероника, крапива, нѣсколько губоцвѣтныхъ, щавель, горичвѣты и другія травы весьма обыкновенны по всей Лопской землѣ. Мѣстами встрѣчается въ лѣсахъ даже смородина. Голубица, клюква и брусника — очень обыкновенныя ягоды.

Въ Шведской и Норвежской Лапландіи растительность нѣсколько богаче. Это зависитъ отчасти отъ болѣе западнаго положенія, отчасти отъ отсутствія борьбы за существованіе съ лишаями и мхами, отчасти отъ внимательства человѣка. Цѣлой большаго труда скандинавы и финляндцы выращиваютъ яблони подъ 65°, вишню, крыжовникъ и черную смородину подъ 66° и малину съ земляникой подъ 67°. Травяныя же ягоды идутъ до самаго Нордкапа. Пшеница не растетъ въ Лапландіи, хотя трудолюбивые финскіе и шведскіе колонисты выращиваютъ ее почти до 65°, даже на высотѣ 1.000 футовъ. Рожь произрастаетъ даже подъ 69°, а ячмень и овесъ идутъ за 70 параллель.

Земледѣліе вообще слишкомъ незначительно развито во всей Лапландіи и находится не въ рукахъ лопарей. Важнѣйшими дикими растеніями Лопской земли являются уже описанный родъ щавеля или кислицы (*Oxuria gemiformis*) и дягиль (*Mulgedium alpinum*), которые собираются лопарями, варящими изъ нихъ родъ похлебки, а также примѣшивающими эти растенія въ хлѣбъ. Желѣзною настойчивостью колонисты выращиваютъ даже въ Нордкапѣ, подъ 71°, капусту и картофель; у Энонтекиса подъ 68°5' сѣютъ рѣпу и ячмень; за 70° еще растутъ порядочныя травы и возможно еще скотоводство; но это относится болѣе къ Норвежской, чѣмъ къ Шведской и Русской Лапландіямъ.

Относительно распредѣленія растеній въ Лапландіи въ вертикальномъ положеніи можно привести табличку Валенберга. Лѣсная полоса начинается на 3.200 футовъ ниже снѣговой линіи, сосна доходитъ до 2.600 ф., ячмень до 2.400 ф., выше 2.000 ф. нѣтъ березы, до 1.400 ф. доходятъ кусты, кривая береза, морошка, до 1.000 еще поднимаются горныя травы и нѣкоторыя ягодныя растенія, на 700 и до 500 ф. уже растутъ одни мхи и лишай. Если медвѣдь подымается выше 3.000 ф. отъ снѣговой линіи, то лопарь живетъ почти у границъ вѣчныхъ снѣговъ, только были бы необходимыя для него олени мхи и ягели.

Гораздо богаче царство животныхъ. Въ лѣсахъ Лапландіи водится масса пушнаго звѣря. Породъ, правда, немного, но количество ихъ очень велико. Волки, медвѣди, лисицы, горностаи, бѣлки, зайцы, куницы, выдры, песцы, росомахи, пеструшки, рыси, норки и ласки составляютъ настоящее богатство Лопской земли. У озера Энаре и въ другихъ мѣстахъ Русской Лапландіи водятся даже бобры, еще недавно обитавшіе здѣсь цѣлыми тысячами. Въ тундрахъ Лапландіи и лѣсахъ ея пасутся цѣлыя стада дикихъ оленей. Птицъ огромное количество, а особенно водяныхъ и

морскихъ. Въ безчисленныхъ озерахъ и болотахъ Лопской земли привольно живетъ всякимъ голенастымъ; морскія же птицы цѣлыми милліонами водятся на дикихъ скалахъ фіордовъ Сѣверной Норвегіи и Кольскаго полуострова. Соколами, ястребами и орлами издревле славился Мурманъ, и московскіе цари посылали сюда повѣтчиковъ для добыванія царственной птицы. Изъ другихъ птицъ мы упомянемъ только о гагѣ. О безчисленномъ количествѣ водяныхъ обитателей, морскихъ млекопитающихъ и всевозможныхъ рыбахъ и говорить нечего. Едва ли гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ найдется такое множество всякаго рода рыбы, какъ въ рѣкахъ и озерахъ Лапландіи и въ особенности въ моряхъ, ее окружающихъ. О фаунѣ морей мы уже говорили не разъ; изъ прѣсноводныхъ же рыбъ — семга, хариусы, кумжа, сиги и другія занимаютъ первое мѣсто.



Изъ этого краткаго обзора фауны Лопской земли видно, что человеку можно-бы было привольно жить въ этой странѣ, несмотря на ея негостепріимный видъ. При надлежащей утилизаціи естественныхъ произведеній Лапландіи, можно было бы извлекать огромное богатство, особенно, если прибавить сюда еще значительныя минеральныя богатства, пока еще вовсе нетронутыя, а также добычу жемчуга, которая съ незапамятныхъ временъ производится въ рѣкахъ Лапландіи, хотя въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Этотъ жемчугъ давно уже вывозили отсюда скандинавскіе купцы, и при дворѣ конунга Олафа, равно какъ и у посадниковъ Великаго Новгорода, были жемчужныя ожерелья изъ перловъ Гиперборейскихъ странъ.

Однако, несмотря на все богатство страны, население ея очень рѣдко: въ Шведской Лапландіи на квадратную милю приходится всего отъ 0,8—1,8 ч., въ Норвежской 0,5 — 2,7, въ Финской отъ 0,3—0,8, а въ Русской отъ 0,2—0,7 человекъ. Въ среднемъ не приходится даже одного человекъ на квадратную милю. Такая огромная рѣдкость населенія объясняется физическими условіями и географическимъ положеніемъ Лапландіи, одной изъ самыхъ сѣверныхъ



странъ земного шара. Нигдѣ во всемъ мѣрѣ на такихъ широтахъ, между полярнымъ кругомъ и 70 параллелью, не живетъ хорошо человѣку. Это крайніе предѣлы его распространенія. Лопская земля является еще самою населенною страной для своихъ широтъ, на всемъ земномъ шарѣ. Тундры Сѣверной Россіи и Сибири, снѣжныя равнины Сѣверной Америки и Гренландіи гораздо бѣднѣе ея населеніемъ.

Большая часть Лапландіи представляетъ изъ себя, какъ мы уже сказали, или тундры, или лѣса. Тундра — тоже пустыня безплодная и дикая. Тундра это — море мху и лишаяевъ, море, въ которомъ такъ же можно блуждать, отыскивать путь по звѣздамъ и компасу, какъ и на водѣ. Это — пространство, очерчиваемое лишь однимъ горизонтомъ, которое имѣетъ два покрова: снѣжный и сѣро-желтый моховой, въ лѣтнюю пору. Снѣгъ лежитъ девять мѣсяцевъ въ году на необозримомъ просторѣ тундры, а весной, когда жаркое солнышко сгонитъ снѣговой слой, пропитанная влагой почва выдвигаетъ зеленые ростки сфагнома и другихъ полярныхъ растений, вроде морошки, дягиля и кислицы, и образуетъ цѣлыя лужайки, которыя вздуваются наподобіе губки, положенной въ воду, разрастаясь надъ унылою поверхностью мховъ и ягелей. Бѣловатый ягель и сѣрый оленій мохъ царятъ надо всѣмъ и придають тундрѣ бѣлесоватый, какъ-бы зимній видъ. Нога тонетъ въ массахъ мха, вобравшаго въ себя огромное количество воды, и тундра становится непроходимой во многихъ мѣстахъ: фута на 2—3 толщиной нарастають мхи и ягели, засасывая воду, подобно исполинской губкѣ. На глубинѣ нѣсколькихъ футовъ начинается уже промерзлая, никогда не оттаивающая земля.

Другой типъ поверхности Лопской земли представляютъ ея дремучія, чисто дѣвственныя дебри лѣсовъ. Лѣсная глушь — это тоже своего рода пустыня, тоже море, но море кишучей растительной жизни, родникъ дѣвственной, могучей силы природы. Лѣсной океанъ кишитъ жизнью миллионъ растительныхъ и животныхъ существъ. Рождаясь, живя и умирая въ немъ, они никогда не выходятъ изъ его гостепріимной сѣни, служащей имъ колыбелью, ареной жизни и могилой. Въ лѣсу воплотилась животворная сила земли, которая, оплодотворенная солнцемъ и напоенная влагой, излила всѣ свои соки въ земной океанъ, ставшій посредникомъ между атмосферой и землей. Въ лапландскомъ лѣсу царитъ звѣрь, а не человѣкъ. Вой волковъ, ревъ медвѣдя и дикіе выкрики рыси слышатся чаще, чѣмъ голосъ человѣка и выстрѣлъ ружья, а слѣдъ дикаго звѣря топчетъ отпечатокъ человѣческой ступни. Но лопарь идетъ и въ эту дѣвственную чашу, становясь ея обитателемъ, настоящимъ сыномъ лѣса, на которомъ сказалось вліяніе зеленой стихіи. Только лопарь или страстный охотникъ можетъ пробиться черезъ эту тайгу, гдѣ нѣтъ никакого пути, кромѣ рѣчки да тропки, протоптанной звѣремъ.



Глава VI.

Поѣздка въ Русскую Лапландію.—Сѣверное сіяніе.—Путешествіе на карбасѣ.—Кочевая жизнь по рѣкамъ и озерамъ.—Озеро Энаре.—Экскурсія съ пьяными лопарями.



АШГъ путь къ Энаре лежалъ по рѣкѣ Пазѣ, которая, то расширяясь въ длинныя озера, то суживаясь до ущелья, бѣжитъ черезъ самыя глухія дебри страны, образуя рядъ водопадовъ-падуновъ. Падунъ у Борисоглѣбской церкви—одинъ изъ самыхъ значительныхъ. Изъ широкаго озера рѣка вступаетъ тутъ въ каменное ущелье, гдѣ пѣнится, шумитъ и гонитъ волну за волной. Рядъ пороговъ идетъ за этимъ водопадомъ до самаго Зайцкаго падуна. Отсюда мы усѣлись на жалкіе карбасы, небольшія плоскодонныя лодочки изъ тонкихъ досокъ, сшитыхъ оленьими жилами. Эти суденышки, поднимающія не больше четырехъ человѣкъ, чрезвычайно неустойчивы, но зато поворотливы и легки.

Въ первую же ночь нашего перехода по тундрѣ, несмотря на то, что солнце было еще на горизонтѣ, сѣверный небосклонъ загорѣлся ярко-пурпуровой зарей. Полуночное солнце прикрылось свинцовою массой тучъ, облекшихъ горизонтъ тундры, и пурпуровый свѣтъ неба разлился по всей его сѣверной половинѣ, перемѣшиваясь съ голубыми полосами лазури и снопами золотисто-желтаго сіянія. То былъ отблескъ сѣвернаго сіянія, этого прекраснѣйшаго явленія полярныхъ странъ, которое во всей своей красотѣ является лишь въ долгія полярныя ночи, отчасти замѣняя недостатокъ солнечнаго свѣта. Сѣверное сіяніе—это тѣ же магнитныя грозы, которыя разряжаются въ арктическихъ странахъ не быстро и шумно, какъ

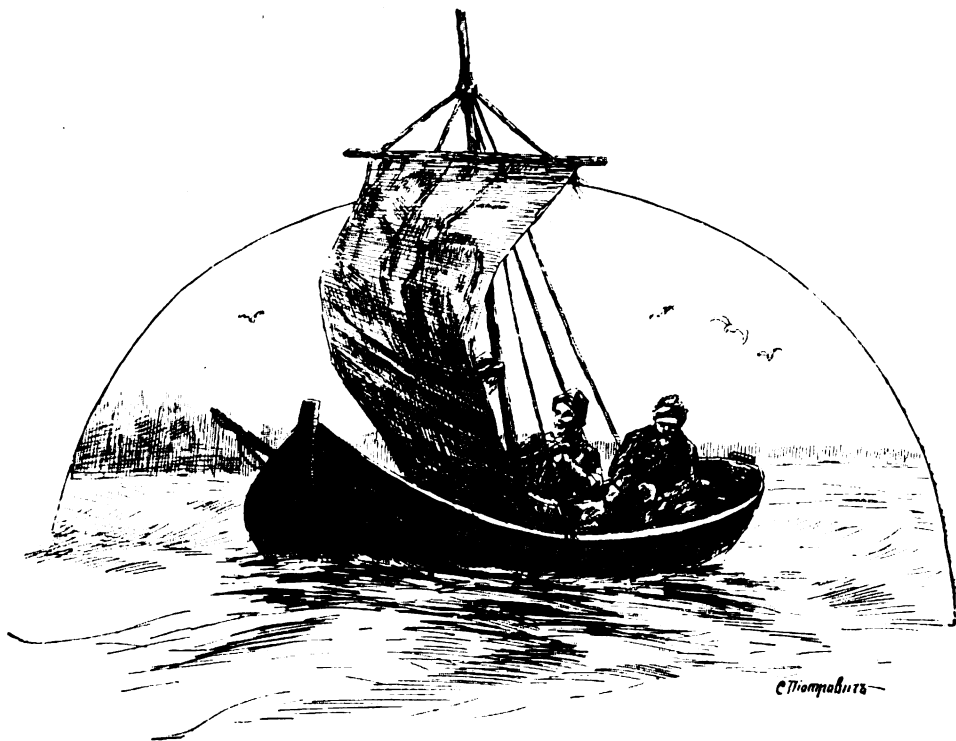
въ болѣ южныхъ широтахъ, а тихо и болѣ продолжительное время, озаряя небесный сводъ своими мерцающими лучами, слабое подобіе которыхъ можно видѣть въ Гейслеровыхъ трубкахъ.

Слабый, блѣсоватый, какъ брезжущій свѣтъ ранняго утра, отблескъ, который показывается въ сѣверной части горизонта иногда съ багровымъ оттѣнкомъ, знаменуетъ начало чуднаго явленія. Свѣтъ сгущается по направленію магнитнаго полюса, мигая и блестя отдѣльными проблесками. Мало-по-малу съ краевъ горизонта, охваченнаго сіяніемъ, выступаетъ блестящая арка, отрѣзывающая свѣтовой сегментъ отъ остальной части голубого неба и на своей блестящей дугѣ увѣчанная короной яркихъ магнитныхъ лучей. Желтовато-бѣлый свѣтъ постепенно усиливается, принимаетъ багово-пурпурный цвѣтъ, который мигаетъ, передливается и колышется, то сокращая, то удлиняя свои блестящіе лучи. Порой изъ яркой свѣтовой дуги встають разноцвѣтные снопы трепещущаго сіянія, которые то обѣгаютъ весь горизонтъ, какъ яркія радуги, то ширятся, расплываются и померкають для того, чтобы загорѣться вновь. Эти цвѣтные столбы иногда съ такою правильностью исходятъ изъ свѣтовой арки, что кажутся колоннами великолѣпнаго зданія, освѣщеннаго солнцемъ, радугой и огнемъ. Цвѣтъ этихъ блестящихъ столбовъ, обыкновенно зеленыхъ при основаніи, золотисто-желтыхъ въ серединѣ и пурпурно-красныхъ наверху, съ промежутками голубой лазури, увеличивается порой какимъ-то особымъ блескомъ, напоминающимъ миганіе электрическихъ искръ. Иногда эти колонны цвѣтныхъ лучей, выходящія изъ одного основанія, сливаются, и на вершинѣ образуется великолѣпный куполъ волшебнаго зданія, построеннаго изъ красокъ и огня. Порой же столбы, волнуясь и дрожа, расплываются по небу и облакають его разноцвѣтною пеленой. Кровяно-краснымъ, багово-пурпуровымъ тогда представляется небо, залитое магнитнымъ сіяніемъ, которое отражается и на поверхности земли, одѣтой въ снѣжный саванъ полярныхъ ночей. Въ магнитномъ зенитѣ небо кажется темнымъ, но это еще болѣе увеличиваетъ яркость остального горизонта. Мало-по-малу блестящіе цвѣта свѣтовыхъ столбовъ меркнутъ и догорають; яркія краски дрожать, расплываются въ блѣсовато-желтый цвѣтъ зарницы и постепенно угасаютъ, еще долго озаряя тучи и сѣверный горизонтъ мигающимъ свѣтомъ фосфорическаго сіянія.

Представьте себѣ всю эту игру свѣта и тѣней надъ тундрой, облеченною въ снѣжный покровъ, или надъ темною громадой лѣсовъ, или надъ покрытымъ причудливыми льдинами океаномъ, и вы не удивитесь, что ради только полярнаго сіянія можно пріѣхать на далекій сѣверъ.

Въ Лапландіи сѣверныя сіянія очень часты, ихъ и можно наблюдать чуть не каждые 24 часа, особенно въ долгую полярную ночь. Въ теченіе года мѣстами бываетъ до полутора и до двухсотъ сіяній, а наблюдались такія сутки, въ продолженіе которыхъ было до пяти сіяній...

Невесело путешествовать на карбасѣ, управляемомъ двумя беззаботными лопарями, особенно при такихъ условіяхъ, въ какихъ приходится путнику подыматься по рѣкѣ Пазвику. На протяженіи сотни - другой версты эта рѣка образуетъ болѣе десяти озеръ и пятнадцати пороговъ, изъ которыхъ каждый жителю нашихъ мѣстъ показался-бы настоящимъ во-



допадомъ. Насколько легко и свободно, особенно при попутномъ вѣтрѣ, распустивъ жалкій парусъ, пробираться по расширениямъ рѣки Пазы, вродѣ Китъ, Чалмо, Лумбала, Вакъ и Пейво-озеро, настолько тяжело и затруднительно приходится подвигаться въ узкихъ тѣснинахъ рѣки и при началѣ пороговъ, гдѣ трудно противъ теченія справиться съ неустойчивою лодкой при помощи неуклюжаго лопатообразнаго весла. Половину большихъ пороговъ падуновъ мы перебирались на карбасѣ. О безчисленныхъ малыхъ не приходится и говорить; только чрезъ большіе падуны не смѣли перебираться и отважные лопари, предпочитая обходить ихъ кругомъ, неся и таща волокомъ по трясинамъ и лѣсамъ свое утлое суденышко. Пробираешься, бывало, въ какой-то бѣшеной, дикой скачкѣ чрезъ тотъ или другой порогъ. Карбасъ пляшетъ и кружится, то выпрыгивая, то накреняясь, то утопая въ мелкихъ волнахъ избитой о камни воды. Бѣлые барашки вьются вокругъ жалкой лодченки, ударяя ее объ острые камни и заливая брызгами и гребцовъ, и сѣдока. Какъ-то жутко становится на сердцѣ, когда бѣжишь на маленькой скорлупѣ между рядами острыхъ камней, которые, какъ зубы хищника, готовы вцѣпиться и прокусить жалкую обшивку нашей ладьи. Знаешь, что малѣйшая оплошность со стороны лопаря, одинъ ударъ объ острый уголъ камня, небольшой уклонъ въ сторону, — и отъ карбаса и его пловцовъ не останется ничего. Но чѣмъ дальше ѣдешь впередъ, чѣмъ больше знакомишься съ падунами, тѣмъ болѣе привыкаешь къ нимъ и начинаешь находить даже удовольствіе въ этой неразумной борьбѣ съ водой и камнемъ, въ этой бѣшеной скачкѣ, гдѣ рискуешь здоровьемъ и головой.

Труднѣе всего намъ досталось при плаваніи чрезъ волопадъ Майдакунскъ, который вздумали переплыть мои лопари, ободренные хорошимъ приемомъ норвежскаго рома. Къ счастью, грозный падунонь вывернулъ насъ въ самомъ началѣ нашего подъема и тѣмъ показалъ невозможность идти впередъ. При этомъ крушеніи мы вымокли съ ногъ до головы, я потерялъ часть своей провизіи, а мои лопари — добрую флягу хмѣльнаго напитка,



потеря котораго привела ихъ въ отчаяніе, но зато спасла меня отъ дальнѣйшихъ купаній въ водопадахъ Пазвика.

Гораздо пріятнѣе было обходить пороги и волочить свой карбасъ подобно древнимъ варягамъ на волокахъ средней Россіи. Нелегка эта работа для трехъ человѣкъ, обремененныхъ провизіей, оружіемъ и одеждой, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по берегу идетъ трясина или глубокій лѣсъ. Гдѣ можно было, мы «бродили»,

то-есть тянули свою лодченку по водѣ, пробираясь сами по берегу. Какую страшную затрату силъ приходилось дѣлать порой, понятно будетъ, если мы скажемъ, что мѣстами грозный потокъ воды такъ стремительно тащилъ нашъ карбасъ назадъ, что мы всѣ втроемъ падали на землю и, упиравъ ногами, еле сдерживали его. Порой намъ приходилось по грудь тащиться въ холодной водѣ или мѣсить жидкую грязь, не имѣя возможности осушиться. Не помогали тутъ ни теплая шведская куртка, ни шерстяная фуфайка, ни толстая блуза, ни кожанья кумаги, т. е. башмаки изъ оленьей шкуры, наполненные сѣномъ.

Измученные, усталые, промошые и голодные, мы останавливались на ночлегъ чаще всего подъ открытымъ небомъ, подъ сѣнью дремучаго лѣса, или въ своемъ карбасѣ, вытасенномъ на берегъ и служившемъ намъ колыбелью. Нерѣдки по берегамъ Пазвика финскіе поселки и

«тупы»—избушки одинокихъ лопарей. Но пользоваться ими было невозможно уже потому, что грязь, духота и тѣснота ихъ превосходитъ всякое вѣроятіе; обиліе же паразитовъ простирается до того, что достаточно влѣзть и вылѣзть изъ тупы лопаря, чтобы принести на себѣ цѣлый звѣринецъ. Поэтому я и предпочиталъ обыкновенно проводить ночь подъ открытымъ небомъ, только изрѣдка, и то у финновъ-колонистовъ, ночуя въ избахъ. Вся поэзія нашего двухнедѣльнаго перехода отъ Эльвенеса до Энаре заключалась въ этихъ ночевкахъ на берегу дикой рѣки, подъ сѣнью дремучаго лѣса. Небольшой костерокъ, на которомъ весело кипѣли походный чайникъ и котелокъ съ немудренымъ варевомъ, и ложе изъ сосновыхъ вѣтвей и упругаго оленьяго мха—вотъ и все, къ чему сводились всѣ наши мысли и мечтанія въ долгіе часы трудового дня. Сладко было растянуться на упругой зеленой постели, вдыхая крѣпкій смолистый запахъ ели и сосны и тяжело-влажную атмосферу, пронизанную дыханіемъ игруньи-рѣки, и подъ унылую пѣсню лопаря забыться до утра, которое принесетъ съ собою новые труды, рядъ новыхъ лишеній. Надъ засыпающимъ путникомъ уныло кричитъ сова и толкутся безчисленныя стаи крылатыхъ мучителей, которые въ Лапландіи представляютъ одно изъ препятствій, мѣшающихъ пробираться черезъ тундры и лѣса. Шелестаніе крыльевъ этой безчисленной рати комаровъ заглушаетъ въ ушахъ путника и ревъ бушующихъ водопадовъ, и вой дикихъ звѣрей, и сотни звуковъ лѣсной чащи, которые различаетъ ухо охотника и лопаря.

Масса птицъ населяетъ лѣса и болота по рѣкѣ Пазвику. На своемъ

пути мы вспугивали цѣлыя стаи всевозможныхъ утокъ, нырковъ, гагаръ, гусей, а порой и лебедей. Мѣстами отъ вѣка не пуганная дичь подымалась изъ-подъ самыхъ ногъ и не летала, а бѣжала или притаивалась въ травѣ, такъ что ее можно было добывать самому неискусному охотнику. Этою-то дичью мы и дополняли свои скудные запасы, состоявшіе изъ нѣсколькихъ фунтовъ консервовъ и хлѣба, чая, сахара и сушенанаго мяса, къ которымъ мы прибавляли еще лѣсныхъ ягодъ и грибовъ.

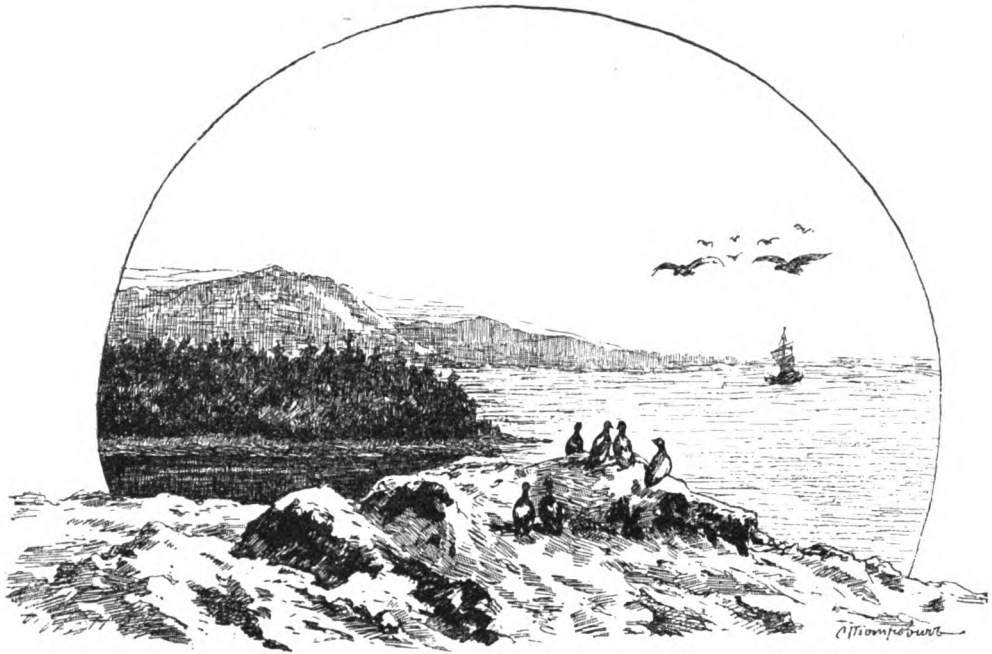
Больше версты намъ пришлось обходить страшный порогъ Хевонакуискъ, но зато мы могли отдохнуть въ уютной избушкѣ одного колониста-финна, который развелъ на берегу рѣки довольно обширный огородъ и содержитъ небольшое стадо коровъ и овецъ. На громадномъ порогѣ Пюренкуискъ страшная сила воды чуть не вырвала у насъ изъ рукъ хлипкій карбасъ со всѣмъ нашимъ имуществомъ; только самоотверженіе моего проводника, вошедшаго по грудь въ кипящую массу падуна, и наши нечеловѣческія усилія спасли отъ потопленія нагруженную ладью. Отъ этого порога до самаго Энаре мы шли больше пѣшкомъ, чѣмъ пользовались лодкой, потому что рядъ пороговъ и быстринь препятствуетъ пользоваться рѣкой. У порога Ньякоска стоитъ 355 пограничныхъ столбовъ между Россіей и Норвегіей, поставленныхъ въ 1826 году. Рядъ простѣкъ и небольшія тропинки по берегу помогали нашему пѣшему хожденію, но зато огромное количество камней, словно умышленно разбросанныхъ повсюду, ставили препятствіе на каждомъ шагу. Только лопарскія кумаги, въ которыхъ мы часто перемѣняли сѣно, могли безнаказанно вынести это безконечное хожденіе по острымъ ребрамъ камней. Дикій непроходимый лѣсъ со строевыми соснами, елями и березами облакаетъ оба берега Пазвика, на каждомъ шагу представляющаго теперь пороги, изъ которыхъ Сатстоккуискъ—самый громадный, памятный мнѣ потому, что я снова принялъ въ немъ прекрасную холодную ванну. Версть тридцать намъ пришлось тащиться до Энаре по способу пѣшаго хожденія; о деталяхъ пути распространяться не приходится, тѣмъ болѣе, что путешествіе по берегу носило болѣе или менѣе однообразный характеръ. Наконецъ, послѣ многихъ дней труднаго пути, мы вышли къ одному изъ безчисленныхъ фіордовъ Энаре, которое подобно скандинавскимъ морямъ имѣетъ изрѣзанные бахромчатые берега. Еще за день пути чувствовалась близость большого воднаго бассейна; густой слизкій туманъ наполнялъ всю мѣстную чашу, переходъ черезъ которую сдѣлался еще труднѣе.

Огромное озеро, полное живописной прелести, съ величественными скалистыми берегами, растилалось предъ нами и своею гладкою серебрящеюся поверхностью, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отражались многочисленные лѣсистые острова,

полное живописной прелести, съ величественными берегами, растилалось предъ нами и своею гладкою серебрящеюся поверхностью, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отражались многочисленные лѣсистые острова,



С. П. Петровъ



манило меня уже тѣмъ, что представляло день—два прекраснаго пути и отдыха во время покойнаго переѣзда на лодкѣ. Изъ Пазвика мы приѣхали къ небольшому лопарскому поселку, стоящему у подножія священной горы, гдѣ, по преданію, возвышался идолъ лопарей, нынѣ исповѣдывающихъ съ грѣхомъ пополамъ, христіанство. Грязна, убога и непривѣтлива была эта деревенька. Все въ ней говорило о скудости и полудикости ея обитателей, хотя огромныя богатства разсыпаны кругомъ и въ водѣ, и въ лѣсахъ, и въ землѣ. Съ помощью нѣкотораго знанія финскаго языка мы объяснились съ лопарями, занятыми чисткой огромнаго количества рыбы, только что выловленной въ озерѣ. Цѣлыми кучами, разлагавшимися на солнцѣ, лежали семга, харіусы, сиги, форели, шикуй и масса другой прѣсноводной рыбы на каменныхъ берегахъ Энаре, и какъ-то обидно становилось за человѣка, не умѣющаго пользоваться этимъ богатствомъ и голодающаго тамъ, гдѣ онъ могъ-бы наѣдаться до отвала. Послѣ нѣкоторыхъ усилій я сговорилъ новую лодку съ двумя лопарями, которые обѣщали «въ какіе нибудь полчаса» перевезти меня поперекъ Энаре съ сѣверной на восточную сторону, то-есть по крайней мѣрѣ на 70—80 верстъ. Однако впослѣдствіи эти полчаса оказались ровно тремя сутками. Во время этой поѣздки, съ какою радостью, послѣ труднаго пѣшеходнаго пути, я ожидалъ раньше возможности покататься привольно на лодочкѣ, съ такимъ же страннымъ нетерпѣніемъ сталъ желать новаго продолженія пѣшеходнаго пути по тундрамъ, болотамъ и лѣсамъ. Всѣ лишенія озернаго путешествія не замедлили сказаться въ первый же день пребыванія на новой ладѣ. Даже теперь неохота вспоминать тѣ дни, которые могли бы остаться одними изъ лучшихъ воспоминаній изъ путешествія на сѣверъ. Дѣло въ томъ, что мои лопари гдѣ-то въ жалкомъ становищѣ отыскали нѣсколько бутылокъ сквернаго рома и водки, которыя захватили въ путь для подкрѣпленія своихъ слабыхъ силъ,— и наше путешествіе по Энаре началось съ того, что они перепились и уснули. Старшій изъ нихъ смастерилъ жалкій парусъ на носу своей допотопной лодки, указалъ мнѣ направление, а потомъ тоже перешелъ въ

безпробудный сонъ. Мое положеніе было не изъ завидныхъ. Не умѣя вовсе обращаться съ лопарскимъ парусомъ, который постоянно вертѣлся на мачтѣ карбаса, увлекаемаго теченіемъ въ сторону, боясь повернуться энергично на зыбкой ладьѣ, каждую минуту готовой опрокинуться, я рѣшительно терялся въ размышленіяхъ о томъ, какъ бы спасти себя и своихъ негодныхъ проводниковъ отъ потопленія. Къ счастью нашему, наступилъ абсолютный штиль, и мы застыли на зеркальной поверхности озера. Долго я крѣпился, но усталость взяла свое, и я, растянувшись на оленьей шкурѣ на днѣ лодки, тоже уснулъ рядою съ пьяными лопарями. Проснулся я къ вечеру отъ сильно пронизывающаго холода и сырости. Мои лопари еще спали. Солнце уже закатывалось; сильный сплошной туманъ закрывалъ озеро и его живописные острова...

Озеро Энаре—это огромный бассейнъ, въ 120 верстѣ длины и 80 верстѣ ширины, который прихотливо разливается среди тундръ, горъ и лѣсовъ. Мѣстами длинные, узкіе, точно пальцы перчатки, глубоко врѣзающіеся въ землю фіорды превращаются въ цѣлую сѣть небольшихъ проливовъ, озеръ и заливовъ, перегороженныхъ островами. Мѣстами они вытягиваются въ узкую рѣку, а подальше отъ береговъ разливаются въ огромную поверхность озера, представляющаго величайшій прѣсноводный бассейнъ сѣвера. «Вола и земля перемѣшаны здѣсь въ необозримомъ хаосѣ,—говоритъ одинъ туристъ объ Энарѣ,—точно руками легендарныхъ гигантовъ набросаны въ воду всѣ эти камни и острова. Мѣстами изъ поверхности воды выступаютъ облизанные волнами валуны, мѣстами цѣлыя шхеры этихъ извѣденныхъ годами и водой камней образуютъ настоящее мѣсиво изъ камней и воды. Сотни разнообразныхъ острововъ, заросшихъ лѣсомъ сосенъ и елей, бороздятъ поверхность Энаре, которое лопари называютъ Эрвесааре (озеро острововъ)».

Мы остались ночевать посреди Энаре. Страшно тяжела была эта ночь. Я буквально дрожалъ отъ вечера до утра, не имѣя чѣмъ согрѣться, съ самыми скверными размышленіями о судьбѣ дальнѣйшаго своего пути. А когда все кругомъ заснуло и лишь тихо плескалось озеро о дно нашей лодки, откуда то съ острова пронесся долгій и протяжный стонъ полярной совы, за которымъ, казалось, замерли и озеро, и небо, и земля. Кое-какъ кутаясь въ истрепанную шкуру, я ожидалъ утра, какъ своего избавленія. На зарѣ подулъ сѣверякъ и погналъ нашу лодку безъ паруса туда, куда было нужно. А мои лопари все спали и спали, и никакія мои усилія не могли ихъ разбудить. Только къ полудню этого дня они проснулись, и первымъ дѣломъ ихъ было протянуть руки къ остаткамъ водки, которую я благоразумно выбросилъ за бортъ. Догадавшись, въ чемъ дѣло, полупьяные проводники полѣзли на меня съ угрозами, и только мои энергичные жесты, сопровождаемые демонстраціей револьвера, отрезвили ихъ, особенно когда я обѣщалъ по приплытіи на мѣсто купить каждому по бутылкѣ вина. Тогда только мы принялись двигаться



впередъ. Паруса были разставлены широко, были пущены въ ходъ даже весла, но, какъ на бѣду, снова заштилѣло, и мы подвигались не шибче черепахи на неуклюжихъ веслахъ. Два дня и три ночи я почти не вытѣзалъ изъ лодки. Ноги отъ сидѣнія въ скрюченномъ положеніи отекли. Пальцы застывали отъ постоянныхъ работъ на веслахъ и обращенія съ парусомъ. Хотя днемъ было довольно жарко, но сырая промозглая атмосфера озера не позволяла отогрѣться совершенно. По ночамъ же наступалъ такой холодъ, усиливаемый еще ночными испареніями, что приходилось буквально стучать зубами. Единственное наше спасеніе было выбираться на каменистые острова, запаливать небольшой костерокъ и обсушивать на немъ свою, часто насквозь измокшую одежду; запасъ чаю и сухарей не позволялъ мнѣ окончатъ совсѣмъ, такъ какъ мы пили чай раза по четыре въ ночь. Къ довершенію нашего горя истощилась провизія на третій день нашего пребыванія на озерѣ. Къ счастью, одинъ смѣтливый лопарь догадался вынуть два—три гвоздя изъ обшивки лодки и смастерить какіе то крючки, съ помощью которыхъ и наловилъ превкусной рыбы.

Лавируя среди безчисленныхъ острововъ Энаре, мы проѣхали знаменитый Священный Островъ, гдѣ стоялъ нѣкогда идолъ Стор-юнкаре или Тьермеса, лопарскаго бога-громовника, видѣнный еще Кастреномъ. Огромныя кучи камней по берегамъ этого острова говорятъ о жертвенникахъ, воздвигнутыхъ нѣкогда лопарями въ честь ихъ высшаго божества. Страшная буря помѣшала намъ высадиться на берегъ Священнаго Острова. За одну попытку къ этому мы заплатились пробоиной карбаса и хорошою холодною ванной, принятою въ честь Зевса Лопской земли.

Послѣ всякихъ страданій мы пристали къ небольшой деревушкѣ финскихъ лопарей Весконіеми, гдѣ и отдохнули сравнительно съ комфортомъ. По берегамъ Энаре есть много лопарскихъ становищъ, въ которыхъ путешественникъ можетъ всего лучше познакомиться съ физиономіей и обычаями этого любопытнѣйшаго народца Сѣверной Европы. Пользуясь случаемъ, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на лопаряхъ, играющихъ не послѣднюю роль въ исторіи пресловутыхъ сѣвернаго и поморскаго вопросовъ.



Глава VII.

Физиономія лопарей.—Раздѣленіе лопарей по группамъ.—Кочевые и осѣдлые лопари.—Антропологическій типъ лопарей.—

Жилища лопарей.—Ихъ богатство.—Прирученіе сѣверныхъ оленей.—Бѣснованіе лопарокъ.—Древнія могилы.—Погребеніе у лопарей.—Прошлое лопарей.—Жизнь современнаго лопаря.



Ы говорили уже, что въ Лапландіи такъ мало людей, что на ея необразимомъ просторѣ царитъ звѣрь, а не человѣкъ. Слабосильному, тихому, убогому лопарю не устоять въ борьбѣ съ медвѣдемъ и волкомъ, если-бы они, при своей многочисленности, не были такъ кротки, какъ я не видалъ нигдѣ (чему причиной служитъ, главнымъ образомъ, неистощимое количество дичи). Низкорослый, широколицый, съ небольшими, узкими, но живыми глазами и монгольскимъ складомъ лица, лопарь непохожъ ни на какого другого жителя Европы. Самый костюмъ его, сшитый изъ оленьихъ шкуръ, украшенныхъ краснымъ и синимъ сукномъ и побрякушками, показываетъ въ немъ скорѣе дикаря, чѣмъ европейца. Сами себя лопари называютъ Same или Sabme и считаютъ себя самымъ древнимъ народомъ своей любимой страны, дорогой для нихъ Sameádnem.

Еще Птоломей зналъ лопарей и помѣщалъ въ числѣ Гиперборейскихъ народовъ полудикій народъ Luriones, а Тацитъ подъ названіемъ Fenpi, безъ сомнѣнія, разумѣлъ лопарей, какъ это доказали скандинавскіе историки. Позднѣйшія саги скандинавовъ, шведскія извѣстія Среднихъ вѣковъ и даже лѣтописи новгородскія помѣщаютъ лопарей далеко южнѣе предѣловъ нынѣшней Лапландіи. На основаніи шведскихъ и норвежскихъ



источниковъ можно думать, что они до-
ходили до бассейна великихъ озеръ юж-
ной Швеціи, а въ Финляндіи до са-
мага Финскаго залива. Русскія лѣто-
писи даже XVI столѣтія говорятъ о
лопаряхъ, жившихъ у Кандалакши и
Онежской губы. Есть также извѣстіе
о томъ, что лопь заходила въ самую
Пятину Новгородскую. Лопскія селе-
нія были въ нынѣшнемъ Новгородскомъ
уѣздѣ, за сто верстъ отъ Новгорода,
какъ и въ бассейнѣ рѣки Полисти, гдѣ
сохранилось нѣсколько урочищъ, наимено-
ванія которыхъ можно произвести отъ народа

лопъ. Сообразно географическимъ условіямъ разныхъ частей Лопской
земли, лопари дѣлятся на нѣсколько группъ, которыя можно рассматри-
вать не только какъ этнографическія подраздѣленія, но даже и какъ антро-
пологическіе подвиды, не говоря уже о помѣсныхъ типахъ со скандина-
вами, финнами и русскими. Такъ, въ Швеціи лопари дѣлятся на лѣсныхъ,
горныхъ и рыбаей, въ Норвегіи—на морскихъ, горныхъ и рѣчныхъ,
въ Финляндіи и Россіи—на горцевъ и рыбаей,—группы не только не
искусственныя, но имѣющія настоящія этнографическія особенности и
различающіяся отчасти языкомъ. Становясь на объективную точку зрѣнія
и рассматривая лопаря, какъ человѣка мало культурнаго, жизнь кото-
раго обуславливается только окружающею его природою, надо признать,
что различныя, но постоянныя физическія условія, тяготящія въ теченіе
многихъ столѣтій надъ человѣкомъ, поставленнымъ въ положеніе лопаря,
могутъ измѣнить даже структуру его, не говоря уже о духовной жизни и
бытовыхъ сторонахъ.

По самымъ условіямъ жизни морскіе лопари, занимающіеся рыбною
ловлей и питающіеся исключительно рыбой, въ теченіе безчисленныхъ по-
колѣній приобрѣли и антропологическія особенности, присущія ихтиофа-
гамъ. Лопарь-охотникъ, проводящій всю свою жизнь въ охотѣ и ловлѣ,
подвергающійся всѣмъ лишеніямъ, сопряженнымъ съ ними, и питающійся
исключительно мясомъ, приобрѣлъ даже краниологическія особенности, ха-
рактеризующія черепъ креофага. Лопарь горный, живущій часто у границъ
вѣчнаго снѣга, постоянно нуждающійся въ дневномъ пропитаніи, подвер-
женный всѣмъ вліяніямъ разрѣженнаго и холоднаго воздуха горъ, при-
бавляющій въ свою скудную пищу даже мохъ и ягели, представляетъ,
безъ сомнѣнія, типъ отличный отъ двухъ предыдущихъ. Типъ рѣчного ло-
паря не можетъ быть такъ характеренъ, какъ обитателя морскихъ бере-
говъ, хотя условія ихъ жизни довольно сходны между собой.

Лопарей можно подраздѣлить на кочевыхъ или номадовъ вполнѣ
(Fieldlappar) и осѣдлыхъ въ большей или меньшей степени (Fastboonde), къ
которымъ можно прибавить и группу рыболововъ (Fiskerlappar). Въ Энар-
скомъ бассейнѣ огромное большинство лопарей перешли изъ тяжелой
жизни кочевника къ болѣе удобной осѣдлой. Еще во времена Кастрена

во всемъ Энарскомъ Лапмаркенѣ не было ни одного кочующаго лопаря, а лишь одни рыболовы и лѣсные лопари, занимающіеся лѣтомъ рыболовствомъ, а зимой оленеводствомъ. Большинство же лопарей вообще не бываетъ никогда осѣдлымъ вполне, такъ какъ ихъ, номадовъ въ душѣ, всегда тянетъ въ родныя тундры и лѣса, къ ихъ сокровищу—олению. Номадами были лопари съ самыхъ доисторическихъ временъ, когда они въ числѣ другихъ финско-угорскихъ племенъ пришли изъ глубины Азіи на сѣверъ Европы.

Лопарь-ихтіофагъ имѣетъ болѣе тонкія кости черепа и мало развитую нижнюю челюсть, тогда какъ лопарь-звѣроловъ обладаетъ хорошо развитымъ жевательнымъ снарядомъ и болѣе выраженной зубною системою. Лопари номады и горцы въ общемъ все-таки болѣе развиты и сильны, чѣмъ лопари долинь и рѣчные. Мускулатура ихъ сильнѣе, соотвѣтственно тому болѣе выступаютъ и мѣста прикрѣпленія мышцъ на скелетѣ, а саблевидность ногъ уменьшается. Типъ горца вообще чище, потому что онъ нелегко смѣшивается съ сосѣдями. Сводя вмѣстѣ всевозможныя описанія лопарей, подчасъ самыя разнорѣчивыя, и подвергая ихъ строгому анализу, основанному на собственныхъ изысканіяхъ, мы сдѣлаемъ краткое описаніе общаго типа лопарей.

Ростъ лопаря невысокъ; женщины гораздо ниже мужчинъ; лопари горные и номады выше своихъ лѣсныхъ и береговыхъ сородичей. Средняя величина роста около 1 м. 50; очень нерѣдки индивидуумы, достигающіе 1 м. 22; только великаны достигаютъ до 1 м. 75. Немудрено поэтому, что Тульдъ считаетъ ихъ за самыхъ малыхъ людей на земномъ шарѣ, какъ бы для контраста съ живущими рядомъ норвежцами—самымъ высокимъ народомъ Европы. Этотъ фактъ знаменателенъ, и его надо поставить, какъ доказательство того, что климатъ не играетъ важной роли въ величинѣ роста. Въ общемъ лопарь очень сухощавъ, подкожная клѣтчатка его развита слабо, мускулатура, особенно конечностей,—слаба. Руки и ноги лопаря пропорціонально малы, плохо развиты, грубо построены и неповоротливы; ноги часто такъ коротки, что это бросается въ глаза, особенно потому, что они саблевидно изогнуты кнаружи. Вслѣдствіе такого устройства ногъ походка лопаря характерна: онъ ходитъ, немного наклонившись впередъ и семеня ногами съ легкимъ выворотомъ ихъ. Голова лопаря настолько кругла, что первые антропологи, изучавшіе этотъ народъ, называли ее шаровидною.

Эта шаровидность зависитъ отъ того, что она очень коротка, а лобъ суженъ и сплюсненъ отъ основанія къ верхушкѣ въ одно время съ сильно развитымъ височными областями; головной указатель отъ 83—88; такимъ образомъ лопари являются одними изъ самыхъ короткоголовыхъ людей земного шара. Ширина лопарскаго лица тоже сильно выражена и бросается въ глаза, придавая ему расплывающійся видъ; съ подбородка лицо постепенно суживается и оканчивается часто остриемъ, что вмѣстѣ съ развитіемъ скуловыхъ дугъ и низкимъ малымъ лбомъ придаетъ лапландцу дураковатую физіо-



номію. Челюсти у большинства развиты несильно, что свойственно ихтиофагамъ; зубы отличные и сохраняются до глубокой старости, но весь профиль выступаетъ сильно впередъ, указывая на низшее положеніе лопаря сравнительно съ его сосѣдями. Орбиты очень велики, овальны и направлены слегка въ косомъ положеніи; косость глазъ обусловливается отчасти и неправильнымъ прорѣзомъ вѣкъ. Самые глаза малы, мало выразительны, обыкновенно сѣро-голубоватаго цвѣта. Носъ лопаря—одинъ изъ типическихъ признаковъ ихъ племени: онъ почти одинаковъ у всѣхъ лопарей—коротокъ, малъ, сплюсненъ, широкъ, часто вздернутъ и обыкновенно ущемленъ между выдающимися щеками. Ротъ у большинства очень великъ, отверстіе его не всегда плотно замыкается тонкими губами, которыя у нѣкоторыхъ чрезвычайно развиты. Усы и борода растутъ плохо, какъ и у финновъ и другихъ монгольскихъ народовъ, съ которыми лопари имѣютъ антропологическое сходство. Волосная система вообще очень слабо развита. Волосы на головѣ прямы, коротки, безъ слѣда курчавости. Въ значительномъ большинствѣ они болѣе или менѣе свѣтлы, хотя какъ черные, такъ и золотистые не считаются особенною рѣдкостью.

Цвѣтъ кожи лопарей издавна смущалъ антропологовъ, считавшихъ ее темною, сѣрою, насыщеннаго цвѣтнаго оттѣнка. Эта ошибка обуславливалась единственно классическою неряшливостью лопарей, которая вошла даже въ пословицу. Лопарь цѣлыми годами не моется вовсе; потъ, струящійся по его лицу, да дождь служатъ единственными жидкостями, прикасающимися къ его загроубѣвшей, пропитанной насквозь грязью кожѣ. Кромѣ накожныхъ отдѣленій, вѣшней грязи и жира, въ которомъ всегда вымазанъ лопарь, кожа его закоптѣваетъ еще отъ дыма его курныхъ вѣжъ. Такимъ образомъ, на кожѣ лопаря накапливается цѣлый слой грязи, отмывъ которую, можно видѣть настоящій цвѣтъ кожи—такой же, какъ и у его сосѣдей—русскихъ, шведовъ и финновъ.

Несмотря на эту неряшливость и происходящій отъ нея довольноно-



ощутительный запах разлагающагося пота, общій типъ лопаря внушаетъ симпатію.

Правда, фізіономія лопаря простовата, въ глазахъ и въ чертахъ лица не видно особеннаго ума, но она очень добродушна и выражаетъ скорѣе радость, чѣмъ оживленіе. Это вполне понятно, потому что лопарь ведетъ самую тихую, ничѣмъ не волнуемую жизнь. «Миръ для него,—говоритъ Кастрень—все его величайшее счастье; онъ питаетъ къ нему такую же привязанность, какую можетъ питать женщина къ своему ребенку». Недаромъ существуетъ старая поговорка, что въ Лопарской землѣ снаружи бѣдно и грязно, но зато въ нѣдрахъ ея скрывается чистое золото — миръ. Жизнь лопаря протекаетъ безмолвно и ровно, подобно тихо журчащему ручейку. Лопарь счастливъ посвоему, если онъ сытъ, сидитъ въ теплѣ и одѣтъ; если-же къ тому онъ можетъ выпить глотокъ рому или вина, то онъ блаженствуетъ вполне.

Покрытый шкурами, какъ настоящій дикарь, коренной лапландецъ живетъ въ юртѣ, вѣжѣ или низкой землянкѣ, полувыкопанной въ землѣ или сложенной изъ дерева, или въ приспособленной для житья пещерѣ и только въ видѣ исключенія—въ избушкѣ, бѣднѣе и грязнѣе которой трудно себѣ что-нибудь представить. Вѣжа лопаря—это шатеръ изъ жердей, крытый дерномъ и укрѣпленный на бревнахъ, врытыхъ въ основаніе. Въ основаніи она бываетъ круглою, четырехугольною, даже шестиугольною. Мохъ и олени шкуры идутъ также на обшивку ея стѣнъ, какъ и лапы елей и сосенъ, обвитыя лишаями. Въ общемъ вѣжа имѣетъ конусообразный или пирамидальный видъ, съ отверстіемъ, закрытымъ дверью на деревянныхъ петляхъ. Полъ вѣжи устланъ чаще всего вѣтвями елей, сосенъ и березъ, а иногда берестой по моховой подстилкѣ. Никакой утвари, кромѣ чашки и котелка, никакой одежды, кромѣ того, что одѣто на самомъ хозяинѣ, не увидишь въ убогой вѣжѣ. Только у богатыхъ лопарей встрѣчаются чайники и кое-какая глиняная посуда. Прямо противъ двери въ вѣжѣ—очагъ съ козлами для полвѣшиванія котловъ. У зажиточныхъ лопарей встрѣчаются кое-какія драгоценности, вродѣ зеркалецъ, мѣдныхъ иконокъ, лубочныхъ картинъ и даже крашеной деревянной посуды. Только очень рѣдкіе богачи изъ лопарей живутъ въ деревянныхъ избахъ, обставленныхъ нѣкоторымъ комфортомъ; въ ихъ жилищахъ встрѣчаются и мебель, и кровати съ настланными на нихъ шкурами и овчинами, много фаянсовой, деревянной и мѣдной посуды и даже книги на лопарскомъ языкѣ, издаваемые въ Норвегіи.

Зажиточныхъ лопарей встрѣчается вообще гораздо болѣе въ Норвежской и Шведской, чѣмъ въ Финской и Русской Лапландіяхъ. Въ Норвегіи о лопаряхъ особенно заботится правительство. Законъ предоставляетъ имъ массу льготъ, даетъ имъ право пользоваться всѣми угольями, даже лѣсомъ, беспошлинно и бесплатно. Кромѣ того, для нихъ настроено нѣ-



сколько школъ, установленъ рядъ приходовъ, и для нихъ собственно на далекихъ окраинахъ Скандинавіи всѣ административные, учебные и духовные посты заняты лучшими людьми Норвегіи,—примѣръ, которому не слѣдуетъ ни одно государство въ мірѣ. Благодаря этому, норвежскіе лопари, и въ особенности приходовъ Энаре и Утсіоки, довольно зажиточны, и между ними встрѣчаются настоящіе богачи, измѣряющіе свое богатство, какъ и всѣ кочевники, количествомъ головъ домашнихъ животныхъ.

Для лопаря стадо оленей—самая главная драгоценность, безъ которой немислимо его существованіе. Какъ верблюдъ созданъ для пустыни, такъ сѣверный олень сотворенъ для полярной тундры; безъ того и другого и пустыня, и тундра были-бы одинаково необитаемы. Тотъ, кто обладаетъ стадомъ въ триста головъ, уже считается богачемъ, хотя нерѣдки магнаты, насчитывающіе своихъ оленей многими сотнями и даже тысячами головъ. Всего домашнихъ оленей въ предѣлахъ Лопской земли насчитываютъ до 400,000 головъ. Изъ нихъ на долю Шведской Лапландіи приходится свыше 225 тыс., Норвежской 105 тыс., Финской 30 тыс., и Русской около 30 тыс. Помимо этого, лѣса и тундры крайняго сѣвера таятъ въ своихъ дебряхъ многія тысячи дикихъ оленей, огромныя стада которыхъ постоянно слоняются по мшарамъ и болотамъ, отыскивая мхи и ягели,—свою единственную пищу въ продолженіе большей части года. По временамъ этими стадами дикихъ животныхъ овладѣваетъ нѣчто вродѣ испуга, и они несутся тогда подобно стадамъ бизоновъ въ преріяхъ Сѣверной Америки на цѣлыя десятки и сотни верстъ.

Неприхотливость сѣвернаго оленя не уступаетъ невзыскательности верблюда; онъ довольствуется также малымъ: нѣсколькихъ горстей мха, выкопаннаго имъ самимъ изъ-подъ сугробовъ снѣга, даже среди 40° зимнихъ холодовъ, вполне достаточно для существованія оленя. Немудрено поэтому, что лопарь, какъ и самоѣдъ, сошлись съ животнымъ, какъ-бы созданнымъ специально для нихъ, и приручили оленя еще съ незапамятныхъ временъ. Есть данныя думать, что въ то время, когда въ Европѣ еще не было и помину не только о славянскихъ и германскихъ племенахъ, но даже о римлянахъ и грекахъ, вся сѣверная и средняя Европа къ югу до Альпъ, а къ западу до Рейна, была заселена лопарями, уже тогда имѣвшими въ своемъ распоряженіи оленя. Какъ и когда совершилось это прирученіе, на это не отвѣтятъ ни исторія, ни преданія народныя. Насколько мнѣ извѣстно, ни одинъ народъ не хранитъ въ своей памяти даже мѣта о прирученіи перваго животного. Прирученіе оленя, я думаю, однако, совершилось безъ особеннаго труда, такъ какъ олень очень довѣрчивъ, пока не пуганъ, и настолько беззащитенъ, что одна защита его отъ дикихъ звѣрей, во множествѣ населяющихъ сѣверные лѣса, равно какъ и прикормка, послужили первымъ звеномъ, навсегда укрѣпившимъ связь человѣка съ оленемъ.

Прирученіе сѣвернаго оленя у полярныхъ народовъ не вездѣ одинаково и не всегда достигало высшей степени—низведенія его на степень домашняго животнаго. На оленѣ различныхъ народовъ сѣвера болѣе, чѣмъ на другомъ животномъ, можно видѣть и наблюдать прогрессивный переходъ отъ жизни охотника къ жизни пастуха. Среди эскимосовъ за сѣвернымъ оленемъ только охотятся. Сибирскія племена уже не только охо-



тятся за нимъ въ дикомъ состояніи, но и пытаются приручить его. Такъ, тунгусы живутъ возлѣ своихъ стадъ, находящихся еще въ полудикомъ состояніи; эти животныя не только доставляютъ имъ молоко, мясо, шкуры для одежды и палатокъ, жилы для веревокъ, кости и рога для орудій, но служатъ также ломовыми и вьючными животными при передвиженіяхъ ихъ покровителей. Здѣсь предъ нами открывается образецъ пастушеской жизни на ея первой ступени. Остяки, вогулы и самоѣды представляютъ слѣдующія промежуточныя ступени дальнѣйшаго прирученія этого полезнаго животнаго, прирученія, достигающаго высшей степени у лопарей, жизнь которыхъ оно вполнѣ обуславливаетъ. У лопарей можно видѣть и весь ходъ прирученія оленя.

Для увеличенія своихъ стадъ лопари ловятъ дикихъ оленей при помощи аркана, подманивая на ручныхъ, пойманныхъ же укрощаютъ, привязывая къ дереву и не давая ѣсть. Спустя дня два-три животное уже укрощено настолько, что ластится къ хозяину, узнаетъ его и можетъ быть помѣщено въ стадо. При охотѣ и ловлѣ дикаго оленя первую роль играютъ также собаки, которыя отличаются какимъ-то особымъ чутьемъ на дикаго оленя; онѣ чуютъ его за нѣсколько верстъ. Начиная облаву, при приближеніи къ оленямъ, лопари завязываютъ глаза своимъ не дрессированнымъ собакамъ, которыя въ противномъ случаѣ распугали-бы все стадо.

Какъ и дикіе олени, домашнія животныя нуждаются въ періодическихъ переселеніяхъ съ мѣста на мѣсто. Лѣтомъ дикіе олени, гонимые тучами комаровъ, спасаются отъ нихъ на вершины горъ или въ самую чащу лѣсовъ, а зимой выкочевываютъ въ тундру, на которой легче добыть любимую пищу оленя—ягеля и мохъ. Прокапывая своими лапами сугробы снѣга, разбивая своими крѣпкими копытами ледяную кору, олени добываютъ себѣ съ большимъ трудомъ пучки ягеля, обгладывая при этомъ и горькую молодую кору березокъ и осинъ. Лѣтомъ въ пищу оленей идутъ различныя травы, молодые побѣги деревь, а весной также и почки растений. Изъ лѣсовъ лѣтомъ стада оленей пробиваютъ тропки къ рѣкамъ и потокамъ на водопой; эти тропки, какъ сѣти, бороздятъ лѣсную глушь и непроходимую мшару. Слѣдуя за оленемъ, обыкновенно кочуетъ и лопарь. Зимой онъ прячется по глухимъ лѣсамъ, гдѣ все-таки не такъ дуютъ вѣтры и заносятъ непогоды, а лѣтомъ перекочевываетъ на берега рѣкъ и побережья моря. На рѣкахъ лопарь ставитъ семужьи заборы, которыми



иногда ловить десятки пудовъ рыбы, а на берегахъ моря онъ маленькими съ-
тями и неводами добываетъ мелкую
рыбешку, работаетъ на промыслахъ въ
качествѣ работника, а по временамъ
потрошитъ китовъ, выбрасываемыхъ
волнами моря на прибрежные камни.
Выброшенный китъ это достояніе ло-
паря, это добыча, посланная ему Богомъ,
чего не отрицаютъ и сами промышленники.

Проведя не мало времени среди лопарей, блуж-
дая по ихъ тупамъ и вѣжамъ, я наткнулся раза два на такъ называ-
емыхъ бѣснующихся лопарокъ. Это любопытное проявленіе психическаго
заболѣванія, имѣющаго склонность принимать повальную форму, заслужи-
ваетъ особеннаго вниманія изслѣдователя. Среди публики и врачей весьма
распространено мнѣніе, что только народы цивилизованные, живущіе больше
нервами, чѣмъ мышцами, могутъ настолько ослаблять свою нервную систему
и переутомлять свой мозгъ, чтобы послѣдствіемъ этого являлись нервныя и
психическія разстройства. На этомъ положеніи построена даже цѣлая теорія
относительно существованія прямой пропорціональности между извѣстной
степенью образованности и распространеніемъ заболѣваній мозга и раз-
стройствъ нервной системы. Полудикія лопарки, такъ же какъ самоѣдки,
тунгусянки и рядъ женщинъ другихъ приполярныхъ (а также нѣкоторыхъ
и экваторіальныхъ) народовъ противорѣчатъ этой теоріи.

По увѣреніямъ многихъ, лопарскія женщины бѣснуются при каждомъ
удобномъ случаѣ, бросаются на проходящихъ и встрѣчныхъ, иногда съ
оружіемъ, кидаются въ огонь, кусаютъ своихъ мужей, катаются по землѣ
съ пѣной у рта и т. д. Во время этихъ припадковъ у бѣснующихся жен-
щинъ является такое сильное возбужденіе нервной системы, что онѣ про-
являютъ нечеловѣческія силы, борясь съ нѣсколькими сильными мужчинами
и бѣгая въ изступленіи по нѣсколькимъ часамъ сряду. Бывали примѣры, го-
ворятъ, что нѣкоторыя лопарки во время экстаза схватывали своихъ мужей
и бѣгали съ ними, качая на рукахъ, какъ маленькихъ ребятъ.

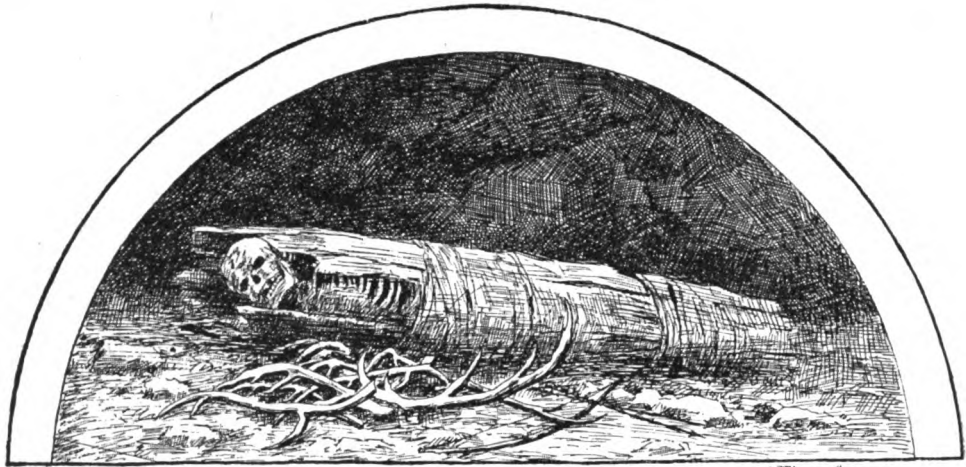
На мой взглядъ это проявленіе изступленія у лопарокъ—остатокъ
сѣдой древности, тѣхъ временъ, когда лопари были погружены въ без-
просвѣтный мракъ язычества. Камланье или колдованіе у лопарей произ-
водилось женщинами, и лопарскія колдуньи, какъ говоритъ Калевала, сла-
вились на всемъ сѣверѣ умѣньемъ пользоваться невидимыми силами (вол-
шебница Лухи въ мрачной Похиолѣ, владѣвшая сокровищемъ Сампо, ко-
торое такъ старался раздобыть Вейнемейненъ). А всѣмъ извѣстно, какое
страшное потрясеніе нервной системы производятъ вызванія духовъ, ко-
торыя у шаманствующихъ народовъ сѣвера имѣютъ мѣсто и до сего дня,
называясь камланьемъ, у народовъ же цивилизованныхъ—столоверченіемъ и
медіумизмомъ. Лопарскія женщины, собесѣдуя часто съ духами, успѣли
разстроить функциональныя отправленія своей нервной системы до того, что
способны передавать изъ рода въ родъ свое болѣзненное отправленіе
нервно-мозговой системы.

Вирочемъ времена язычества для лопарей недалеки. Вся Лапландія полна остатками этой эпохи. Даже и теперь лопарь, нося официально имя христіанина, на самомъ дѣлѣ бываетъ часто грубымъ язычникомъ и пантеистомъ, который обоготворяетъ каждое дерево, каждую гору и рѣку. Весь сѣверъ Финляндіи и Кольскаго полуострова изобилуетъ святыми озерами (Piattsu-jarvi), горами (Piattsu-dudder) и рѣками (Piattsu-joki). Лопарскіе лары и пенаты попадаютъ очень часто въ видѣ неравнобѣрныхъ кучъ камней и каменныхъ сложеній, имѣющихъ обыкновенно форму круга или завитка; не мало было въ Лапландіи и грубыхъ каменныхъ и деревянныхъ изваяній божествъ (сейдовъ), которыя, вывезенныя изъ капищъ, хранятся въ музеяхъ Скандинавіи. Въ жертву этимъ идоламъ приносились огромныя кучи оленьихъ роговъ, кости медвѣдей и коробки изъ бересты. Самыя дикія мѣстности Лапландіи, самыя мрачныя дебри лѣсовъ и горы съ пещерами служатъ и доселѣ сборищами лопарей, которые и теперь не прочь временами принести жертву своему блистающему богу—Тіермесу.

Еще болѣе встрѣчается въ Лапландіи древнихъ могилъ, въ особенности каменнаго и желѣзнаго вѣковъ. Онѣ лежатъ на склонахъ священныхъ горъ или вблизи мѣстъ древнихъ жертвоприношеній (какъ, напримеръ, у мѣстечка Нэссеби на южномъ берегу Варангеръ-фіорда), а также на крутыхъ берегахъ озеръ, большихъ рѣкъ или морскаго берега. Почва такихъ кладбищъ обыкновенно камениста. Въ могилахъ вообще можно установить три типа. Первый типъ—это естественныя пещеры или дыры въ скалахъ, отверстія коихъ закладываются плоскими камнями. Для устройства могилъ второго типа лопари брали два большіе камня, нѣсколько надрубленныхъ на каждомъ ребрѣ, и затѣмъ накладывали ихъ на небольшія углубленія въ землѣ, притомъ такъ, что ребра камней составляли

родъ крыши или свода. Такія могилы представляются открытыми съ двухъ меньшихъ сторонъ этой крыши. Затѣмъ, когда покойника клали чрезъ это отверстіе въ могилу, то каждое изъ нихъ закрывалось плоскими камнями; для устройства могилъ третьяго типа вырывалась четырехугольная яма, и по сторонамъ ея набрасывались разной величины камни, причѣмъ у головного и нижняго конца ямы ставилось по большому плоскому камню. Затѣмъ все это покрывалось тщательно черепитчатообразно плоскими камнями, такъ что могила являлась хорошо защищенной отъ вѣтра, дождя и звѣрей.





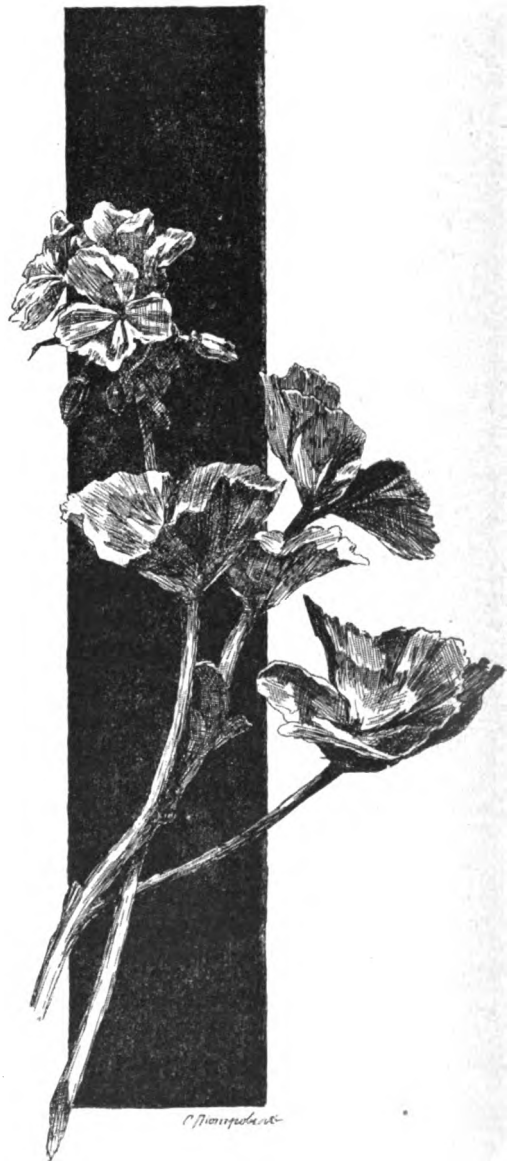
Обыкновенно въ каждой могилѣ лежитъ одинъ покойникъ; но изрѣдка ихъ попадаетъ и нѣсколько. Покойникъ бываетъ обернутъ слоями березовой коры и обвязанъ ремнями; часто березовая кора украшена рисунками оленей, медвѣдей, волковъ и сценами изъ жизни лопарей. Эти берестяныя муміи заслуживаютъ не меньшаго вниманія, какъ и прославленныя муміи египтянъ. Попадаютъ иногда скелеты въ маленькихъ лодкообразныхъ салазкахъ, такихъ же, какія встрѣчаются и теперь у лопарей; весьма вѣроятно, что клались въ могилу тѣ же санки, на которыхъ покойникъ ѣздилъ при жизни, такъ же какъ и его оружіе. Олень, бывший въ послѣдней запряжкѣ, приносился въ жертву на могилѣ различнымъ сейдамъ. Покойникъ лежитъ не на спинѣ, а на боку, лицомъ къ востоку или юго-востоку. У могилы, повидимому, праздновалась тризна и приносились въ жертву одинъ или нѣсколько оленей. Родные сначала объѣдали все мясо, разламывали кости и съѣдали мозгъ, и потомъ все оставшееся, начисто ими обглоданное, складывалось къ покойнику въ могилу вмѣстѣ съ орудіями охоты, предметами домашняго быта и т. п. Все это давалось умершему, по мнѣнію лопаря, для болѣе удобнаго его переѣзда на тотъ свѣтъ. Люди обыкновенно хоронились гдѣ попало, а выдающіеся охотники—на священныя мѣстахъ. Съ охотникомъ клали его промысловую собаку, а также лукъ, стрѣлы и снаряды рыболовства. Въ могилахъ около человѣческихъ костей находятъ также морскія звѣзды, рыбы и птичьи скелеты; многія изъ этихъ костей расщеплены для добыванія мозга діагонально, совершенно такъ же, какъ въ датскихъ кухонныхъ кучахъ (kjokkemoddings). Часто встрѣчается въ лопарскихъ могилахъ еще родъ улитокъ, называемыхъ hundsjol—собачья душа, которая, по лопарскому повѣрью, охраняетъ мертвеца. Попадаютъ въ древнихъ могилахъ и двустворчатая раковины—kosjol, рядомъ со множествомъ орудій изъ кости и рога.

Кромѣ этихъ простыхъ могилъ, есть еще могилы сложныя, то есть группы могилъ, соединенныхъ рядомъ камней. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ у Фалькопинга, имѣютъ видъ комнатокъ со входомъ. Въ Русской Лапландіи попадаютъ могилы лишь въ видѣ простыхъ кучъ камней различной величины, подъ которыми находятся кости, зола и орудія; эти кучи представляютъ настоящіе кухонные остатки. Классическое мѣсто для изученія лопарскихъ могилъ есть южный берегъ Варангеръ-фіорда, гдѣ у Марте-

неса ихъ встрѣчается множество; много ихъ также на Торнео, Каликсъ-Эльфѣ у Альтенъ-фіорда, на рѣкахъ Питео и Умео, а также на берегу противъ Лоффоденскихъ острововъ.

Судя по находкамъ въ лопарскихъ могилахъ, можно думать, что лопари, по приходѣ своемъ въ Гиперборейскія страны, нашли здѣсь уже цивилизацію, которую и отгѣснили къ югу, позаимствовавъ впоследствии сами отъ южной культуры. Находки показали, что въ арктическихъ странахъ было двѣ самостоятельныхъ полярныхъ цивилизаціи, развившихся параллельно: такъ называемыя шиферная и костяная, то есть характеризующіяся исключительнымъ присутствіемъ орудій изъ шифера или рога и кости. Остатки бронзовой и желѣзной эпохи встрѣчаются гораздо южнѣе и не заходятъ далеко за полярный кругъ.

Не разбирая въ подробностяхъ остатковъ, находимыхъ изъ глубинъ древнихъ лопарскихъ могилъ, скажемъ прямо, что лопари несомнѣнно являются не только одними изъ древнѣйшихъ обитателей Европы; но при томъ народомъ, имѣвшимъ въ самомъ началѣ собственную культуру съ довольно рѣзко выраженными особенностями, которая выдѣляла ее изъ ряда другихъ сѣверныхъ цивилизацій. Человѣкъ шелъ на дальній сѣверъ послѣ ледниковаго періода шагъ за шагомъ за льдами до самаго Нордкапа, гдѣ море остановило его постоянное стремленіе. Поэтому изученіе ледниковыхъ бороздъ въ Лапландіи чрезвычайно интересно въ смыслѣ указаній направленія, по которому шло заселеніе Гиперборейскихъ странъ. Направленіе этихъ бороздъ, бросающихся въ глаза каждому путешественнику по Лапландіи и Сѣверной Норвегіи, идетъ на сѣверѣ прямо по направленію къ Ледовитому океану, на востокѣ вдоль береговъ Бѣлаго моря къ востоку, на западномъ берегу Ботническаго залива отъ сѣвера-запада къ югу-востоку. Таково приблизительно будетъ, слѣдуя теоріи Катрфажа, и направленіе волнъ людскихъ переселеній, слѣдовавшихъ за льдами до Ледовитаго океана. Какъ-бы то ни было, лопари прибыли черезъ сѣверъ Ботническаго залива на сѣверъ Скандинавіи еще въ то время, когда употребляли орудія изъ кости и рога, такъ какъ они не находили подходящаго камня кромѣ шифера. Они привели съ собою сѣвернаго оленя и собаку, а съ тѣхъ поръ, какъ они узнали металлы (это произошло уже во времена историческія), они спустились къ югу до 60°, гдѣ ихъ знаютъ уже не только историческія записи, но и память народная. Здѣсь лопари по историческимъ или социальнымъ причинамъ то увеличивались, то уменьшались въ числѣ, то даже, повидимому, исчезали совсѣмъ, будучи отбрасываемы къ сѣверу, пока наконецъ не были отгѣснены въ самый далекій уголокъ сѣвера.





Разумѣется, отношеніе вѣка арктической или лопарской цивилизациі къ вѣку скандинавской культуры опредѣлить точно нельзя, такъ какъ неизвѣстно время переселенія лопарей и скандинавовъ. Но зато болѣе извѣстно, когда лопари познакомились съ металлами. Безъ сомнѣнія, они узнали металлы послѣ каменнаго вѣка у скандинавовъ; это видно ужъ изъ того одного, что лопари переняли отъ этихъ послѣднихъ даже самое названіе металловъ. Приблизительно это случилось около перваго вѣка по Р. Х., такъ какъ Тацитъ въ своей «Germania» говоритъ, что Fenni, подъ которыми онъ разумѣлъ лопарей, употребляли стрѣлы съ каменными наконечниками, а въ эту эпоху, какъ показалъ Ворсо, скандинавы уже знали желѣзо. Такимъ образомъ, въ сѣверной Скандинавіи и Лопской землѣ въ эпоху каменнаго вѣка, можно сказать, существовали двѣ различныя цивилизациі: арктическая у лопарей и скандинавская у скандинавовъ. Обѣ эти цивилизациі не

смѣшиваются нигдѣ и имѣютъ опредѣленное распространеніе; область арктическая хорошо прослѣжена въ Финляндіи и отчасти въ сѣверной Россіи, тогда какъ область скандинавская установлена болѣе на западѣ. Просматривая атласъ финскихъ древностей Аспелина, я былъ пораженъ сходствомъ орудій каменнаго вѣка, найденныхъ въ юго-восточной Лапландіи, съ бронзовыми орудіями урало-алтайскихъ народовъ Прикамья и Приуралья. Нѣкоторыя находки указываютъ на то, что лопарская культура, въ глубокой древности достигавшая сравнительно высокаго развитія, начала регрессировать и возвращаться къ низшему типу. Это воззрѣніе тѣмъ интереснее, что оно аналогично воззрѣніямъ Вирхова на лопарей, какъ на регрессирующую расу и въ антропологическомъ отношеніи. Каменный вѣкъ въ Лапландіи былъ смѣненъ бронзовымъ; переходъ къ нему изъ каменнаго былъ незамѣтенъ; бронзу внесъ туда не новый вторгнувшійся народъ, но примитивная цивилизациія прогрессировала до того, что камень замѣнился ковкимъ металломъ. Это доказывается тѣмъ, что въ предѣлахъ собственно Лопской земли находятся бронзовыя орудія, сходныя не со скандинавскимъ, но съ арктическимъ типомъ.

Бронзовый вѣкъ смѣнился потомъ желѣзнымъ. Въ музеяхъ Норвегіи можно прослѣдить, какъ бронзовыя орудія переходили въ соответственныя желѣзныя. Быть можетъ, и очень вѣроятно, что этотъ переходъ совершался подъ влияніемъ культуры сосѣднихъ странъ, но никакъ не навязывался насильно. Извѣстный Гильдебрантъ говоритъ, что на крайнемъ сѣверѣ желѣзный вѣкъ—германскаго происхожденія и смѣнилъ около II и III в. по Р. Х. бронзовый, существовавшій тамъ еще во времена Але-

ксандра Македонскаго. Во всякомъ случаѣ всѣ факты археологіи говорятъ, что одинъ и тотъ же народъ обиталъ въ предѣлахъ Лопской земли со времени каменнаго вѣка, не измѣняясь даже отъ вторженій новыхъ культурныхъ единицъ. Быть можетъ, вліяніе этихъ послѣднихъ сказалось тѣмъ, что могилы желѣзнаго и бронзоваго вѣка въ сѣверной Норвегіи и Лапландіи мѣстами не менѣе обильны, какъ могилы каменнаго вѣка.

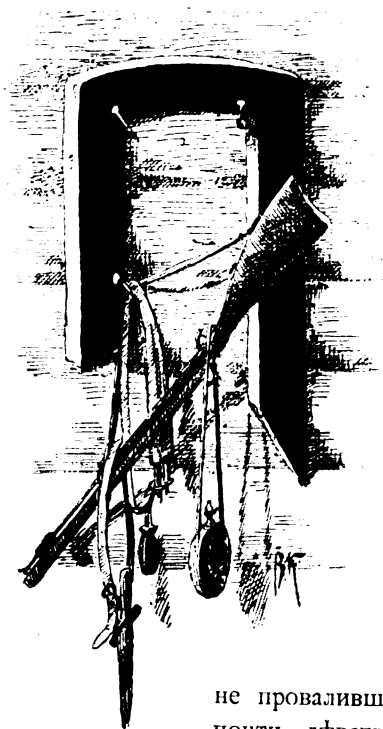
Возвращаясь отъ археологіи опять къ современнымъ лопарямъ, мы повторимъ еще разъ, что среди нихъ осталось немало слѣдовъ древнихъ языческихъ обычаевъ, напоминающихъ шаманство монголовъ. Волшебный барабанъ и бубень играли первую роль еще въ прошломъ столѣтіи среди религиозныхъ обычаевъ и обрядовъ лопарей такъ же, какъ и кора сосны и березы, на которой чародѣи или шаманы нацарапывали изображенія разныхъ орудій, животныхъ, людей и боговъ. Эту кору, называемую норвежцами «деревомъ рунъ», лопари вопрошали, какъ оракулъ, о разныхъ обстоятельствахъ жизни. Толкованіе таинственныхъ знаковъ, начерченныхъ на корѣ, составляло великое искусство и высшую мудрость. Говорятъ, что послѣднее руническое дерево было уничтожено около половины нынѣшняго столѣтія.

Немного я пожилъ среди лопарей, но и того было довольно, чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ любопытномъ народѣ сѣвера, на который мрачная и угрюмая природа наложила свою неизгладимую печать. Вся его жизнь—это отраженіе природы дикаго сѣвера; лопарь такъ же печаленъ и угрюмъ, какъ и его родина, девять мѣсяцевъ погребенная въ снѣгахъ. Только изрѣдка лапландецъ поетъ; но его короткія пѣсни «vuole» монотонны и походятъ на быстрые потоки по неровной поверхности пустыни: частое употребленіе дактиля придаетъ лопарскимъ стихамъ нѣкоторую легкость и поэзію; всѣ стихотворенія говорятъ о борьбѣ за существованіе, не выражая тѣхъ возвышенныхъ чувствъ, которыя могутъ зарождаться лишь въ душѣ болѣе обезпеченнаго жизнью народа. Міровоззрѣніе лопаря нешироко, онъ весь погруженъ въ мысли о добываніи насущнаго хлѣба. Чудные полярные дни и длинныя полярныя ночи какъ бы не созданы для лопаря; онъ живетъ своею однообразною жизнью и день, и ночь. Свернувшись, онъ лежитъ въ своемъ углу, какъ медвѣдь въ берлогѣ, и спитъ или кейфуетъ, будь то ночь или день. А если приспичитъ нужда, то этотъ истый сынъ сѣверной тундры рыскаетъ день и ночь, ища себѣ добычи, лова оленей, ставя силки и добывая рыбу. Но отойдетъ скорбный часъ,— и нужда забыта. Лопарь, какъ и всякій номадъ, не заботится о будущемъ и опять ложится до новаго чернаго дня. Въ кейфѣ и снѣ проходятъ три четверти его жизни. Растительная форма этой послѣдней беретъ въ немъ перевѣсъ надъ жизнью животною и тѣмъ болѣе жизнью разумнаго существа.



Глава VIII.

Отъ береговъ Энаре къ озеру Ноутъ.—
Мои скитанія по дебрямъ и тундрамъ.—
Бичи тундръ.—На берегахъ Туломы.—
Кола.—Общій видъ города.—Вдоль Мур-
мана.—Поверхность Кольскаго полуост-
рова.—Жизнь на Мурманѣ.—Становища
поморовъ.—Устройство артелей на
Мурманѣ.—Тяжелая доля помора.—
Фактории и колоніи.



ОШЕЛЪ я отъ береговъ Энаре по бездорожью прямо къ юго-востоку, по направленію къ Нуотъ-озеру. Лѣсъ, горы и тундра — вотъ и все, что можно сказать объ этомъ пути. Порой онъ идетъ черезъ непроходимую сибирскую тайгу, порой черезъ небольшія кручи и овраги съ еще не растаявшимъ снѣгомъ, а порой черезъ такія трясины, что ни одного шагу нельзя было слѣлать, не провалившись во мшару или болото. Это — первобытная, почти дѣвственная страна, гдѣ каждый шагъ покупается дорогою цѣною. Пробирается здѣсь можно лишь при помощи всѣхъ способовъ, какими можетъ пользоваться одинъ неприхотливый охотникъ. Цѣпляется онъ по скаламъ съ помощью ножа, палки и веревки, спускается въ трещины и овраги, скатывается по ледниковымъ наклонамъ, ползетъ на животѣ по мшистымъ горбинамъ и облизаннымъ дождями каменнымъ лысинамъ, прорубается сквозь лѣса съ помощью топора и ножа и, что труднѣе и ужаснѣе всего, мѣситъ собственными ногами болото на цѣлые десятки верстъ или пробирается по невысокимъ кочкамъ, цѣлыми днями неся на себѣ чудовую ношу по такой топи, по которой невозможно пройти безъ указанія лопаря. Если оступишься или сойдешь съ еле намѣченной тропы, то уйдешь въ трясину, которая засосетъ тебя живьемъ. Только когда промѣсишь по образу пѣшаго хожденія нѣсколько десятковъ верстъ, то выйдешь куда-нибудь къ озеру или рѣчкѣ; инымъ способомъ лѣтомъ нельзя и

путешествовать по Лапландіи. Черезъ одну топкую трясины съ полверсты шириною пробирался я съ помощью нехитраго плота, сдѣланнаго изъ лыка лопарями. Сидя на немъ и подвигаясь впередъ съ помощью двухъ палокъ, я какимъ-то чудовищнымъ способомъ пробирался по морю грязи болѣе двухъ съ половиной часовъ.

Некрасна жизнь путешественника по Лапландіи на сушѣ, не легче она и на водѣ. Пробираясь сухопутьемъ, все-таки чувствуешь себя свободнымъ, зависимымъ исключительно отъ самого себя. Устанешь, отдохнешь—замерзнешь (а и это не разъ бывало со мною въ Лапландіи, несмотря на лѣтнюю пору)—обогрѣешься, разведешь костеръ, напьешься чайку изъ походнаго, и опять готовъ... Я не забуду никогда, какъ въ ночь на 22 іюля на берегахъ Лютіоки температура ночи пала такъ низко, что замерзли не-большія лужицы, а морозка была такъ тверда, что ее едва можно было разгрызть.

Блуждая по тундрѣ и лѣсамъ, порой набредешь на вѣжи одиночнаго лопаря, гдѣ хотя и претить остановиться по страшной грязи, вони и массѣ паразитовъ, но все-таки найдется кое-что изъ съѣстнаго, да увидишь человѣка, хотя и пасынка природы. Нѣсколько разъ среди густого лѣса я натыкался на древнія могилища и капища лопарей, гдѣ сквозь каменную покрывку виднѣются скелеты, покрытые березовымъ лубомъ, мочалками и ремнями; раза два-три я встрѣчалъ большія кучи оленьихъ роговъ,—слѣды древнихъ лопарскихъ жертвоприношеній. Ничего другого нѣтъ любопытнаго для туриста на необозримомъ просторѣ Лопской земли; несмотря на это, охотникъ и лѣсной бродяга никогда и не вышли бы изъ приволья этихъ сѣверныхъ лѣсовъ.

Правда, ѣсть тебя комаръ и всякая мошкарка, такъ что и дымомъ ее не отгонишь, но усталость беретъ свое, и, закутавшись въ даху—оленью шубу (въ ней приходится спать и лѣтомъ), ляжешь на кучку мха и сучьевъ ели и заснешь подъ покровомъ неба богатырскимъ сномъ, забывъ и о комарахъ, и о сырости болотной, и о звѣрѣ, стонущемъ по окрестнымъ лѣсамъ. Съ ночи усыпать тебя рыданія гагары, отрывистые крики дергачей и прочей водной птицы; проснешься въ полночь, прислушаешься къ сто-намъ полярной совы, прерываемымъ приступами зловѣщаго кашля, и къ вою волковъ, и заснешь опять сномъ, не вѣдающимъ сновидѣній. А надъ тобою рѣветъ, свиститъ, толчется и надрывается комариная сила, готовая, кажется, съѣсть живьемъ человѣка. Проснешься рано на зарѣ отъ ночной пронизывающей сырости,—лѣсъ уже проснулся и запѣлъ. Верещать куропатки, перекликаются цапли, гогочутъ гуси, рыдаютъ гагары, кричатъ журавли, и, какъ звонкія трубы, надрываются олени самцы, призывая самокъ. Всѣ гортани соперничаютъ одна съ другой и стараются превзойти другъ друга. Орѣховки и сорокопуты начинаютъ утренній лѣсной концертъ своими однообразными низкими звуками; имъ аккомпанируетъ иволга своимъ органичнымъ крикомъ; горихвостки, вьюрки и синицы также спѣшатъ присоединиться къ концерту. Жизнь лѣсная уже въ полномъ ходу, лѣсъ оживился и началъ свой день; подымается и путешественникъ и его проводникъ, чтобы начать свой дальнѣйшій путь.

Я говорилъ уже, что въ лѣсахъ и тундрахъ Лапландіи, не говоря



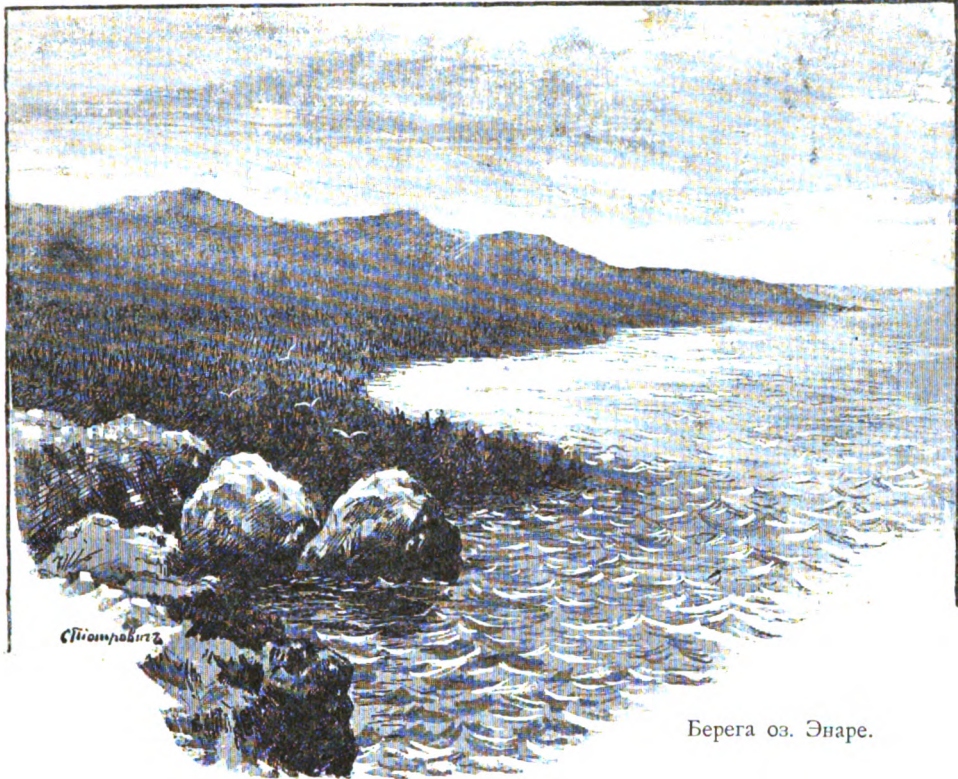
объ оленяхъ, великое изобиліе всякихъ звѣрей, особенно пушныхъ, волковъ, росомахъ, медвѣдей и лисицъ. Частенько приходится слышать ихъ крики и стоны въ дикой дебрѣ лѣсной, но къ нимъ скоро привыкаешь и не хватаешься даже за оружіе, потому что хищники Лапландіи почти безопасны для человѣка тамъ, гдѣ такъ много всякой дичи. Въ пищѣ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ недостатка никому, и для человѣка дичи, сколько угодно. Стрѣляй, — она и не летитъ, потому что часто и не слышала выстрѣла. Цѣлые выводки куропатокъ и утятъ часто шмыгаютъ подъ ногами. Чудныя лебри для охотника, настоящій земной рай для него представляетъ Лапландія!

Сравнительно сносно, какъ я уже сказалъ, еще живется на сухомъ пути путнику, особенно привыкшему жить въ лѣсахъ. Не то совсѣмъ чувствуешь на водѣ озера или рѣчки, на лодкѣ лопаря. Правда, здѣсь не устаешь такъ сильно, не приходится мѣсить болота и нести на себѣ фунтовъ пятьдесятъ—шестьдесятъ багажа въ видѣ одежды, оружія и запасовъ, но зато цѣлыми часами сидишь скорчившись и принимая самыя неудобныя позы. Надо поддерживать равновѣсіе, — не то зыбкая ладья перекувырнется, и придется принять холодную ванну, что не особенно пріятно, когда и обсушиться негдѣ. Мало того,

когда ѣдешь по рѣкѣ, смотри въ оба, чтобы не попасть на порогъ, не втянуться въ стремнину и не разбиться о камни. Часто приходится вылезать изъ лодки и тащить ее на себѣ по трясинѣ въ обходъ опаснаго мѣста.

Изъ странствованій по Русской Лапландіи я вынесъ убѣжденіе, что горы, рѣчки и озера Кольскаго полуострова нанесены на карту на основаніи случайныхъ указаній лопарей и потому намѣчены вовсе невѣрно. Приходится поэтому пробираться ощупью по компасу, довѣряясь прямо лопарю—проводнику и только слегка контролируя его магнитною стрѣлкой.

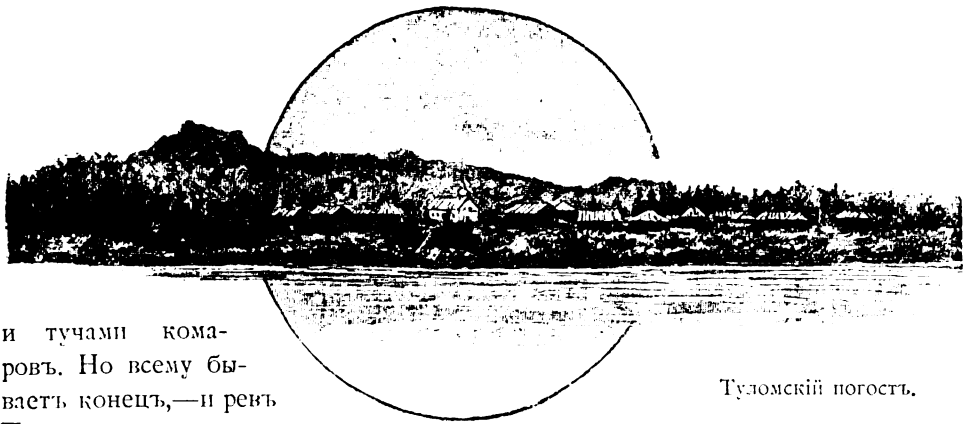
Какъ ни тяжелъ путь по Лапландіи, но всего тяжелѣе и ужаснѣе комариная сила, которая нигдѣ такъ не ужасна, какъ во мшистыхъ тундрахъ сѣвера: она страшнѣе холодовъ, сырости и дикаго звѣря. Меня ѣли всевозможныя двухкрылыя: комары низовьевъ Волги, Кубанскихъ плавней и Дунайскихъ болотъ, москиты Нильской дельты, скнипы Иорданской долины и всевозможная мошкара трехъ частей свѣта, но всего горше



Берега оз. Энаре.

и тяжелѣе мнѣ пришлось въ тундрахъ приполярныхъ странъ, гдѣ цѣлыя тучи комаровъ, затемняющія свѣтъ, наполняютъ воздухъ, ни на минуту не давая покоя ничему живому. Отъ нихъ нѣтъ никакого избавленія. Они преслѣдуютъ тучами и человѣка, и животное, не только жала снаружи, но и забираясь въ глаза, въ носъ, въ уши. Вздохнешь,—и десятки комаровъ уже набились въ горло; мигнешь,—и опять комаръ, другой застрянетъ между вѣками. Дышать становится трудно, и немудрено, что лѣсныя животныя приходятъ въ изступленіе отъ нападенія комариной рати. Съ проволочною сѣткой на лицѣ, закутавшись весь въ даху, въ охотничьихъ сапогахъ и кожаныхъ рукавицахъ я, какъ въ бронѣ, былъ неуязвимъ для комаровъ во время сна, но зато днемъ они ѣли меня страшно, такъ что у меня опухало все лицо, шея и руки отъ постоянныхъ укушеній. Вѣки напухали до того, что глазная щель суживалась. Я повѣрилъ тогда рассказамъ лопарей, что бываютъ случаи, когда комары заживо заѣдаютъ человѣка.

Два дня на пути къ Нуотъ-озеру, истребивъ весь запасъ провизіи, я ѣлъ одну чернику и морошку и всѣ пятнадцать дней перехода былъ на пищѣ св. Антонія, а между тѣмъ приходилось дѣлать по двадцати верстъ въ сутки перехода по топямъ и лѣсамъ, таща на себѣ и оружіе, и ношу, и постоянно находясь въ сферѣ болотистыхъ испареній и ночныхъ вязкихъ тумановъ. Много разъ я сравнивалъ трудности перехода по тундрамъ и лѣсамъ некультурныхъ сѣверныхъ странъ со странствованіями по пустынямъ Востока и обыкновенно отдавалъ предпочтеніе послѣднимъ, особенно увязая по поясъ въ топкомъ болотѣ, будучи облѣпленъ всякою мошкарой



Тулумскій погостъ.

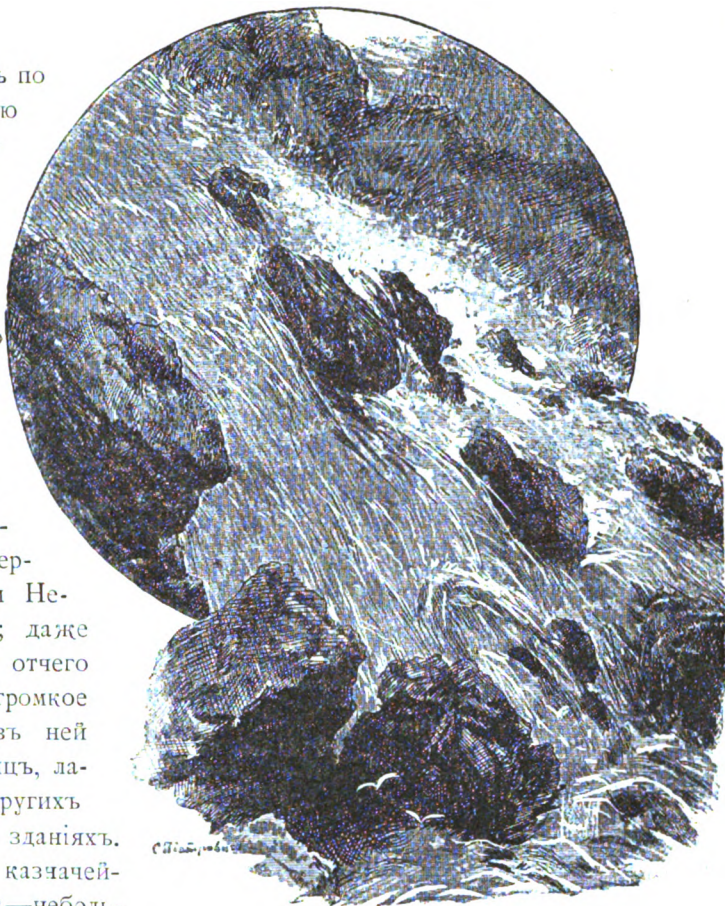
и тучами комаровъ. Но всему бы-
влетъ конецъ,—и ренъ

Тулумскаго водопада при-
вѣтствовалъ насъ послѣ столькихъ лишеній. Свой выходъ къ Нуотъ-озеру
и Туломѣ, вытекающей изъ него, я привѣтствовалъ поэтому съ понятною
радостью.

При началѣ Туломы есть значительный лопарскій погостъ и неболь-
шая убогая православная церковь, затерявшаяся въ тундрахъ и лѣсахъ.
Тутъ меня принялъ чисто по-русски добрый сельскій священникъ, преем-
никъ извѣстнаго въ Русской Лапландіи отца Георгія Терентьева.

По всей Туломѣ идетъ рядъ семужьихъ заборовъ, которыми одной
семги въ годъ вылавливается болѣе тысячи пудовъ, не говоря уже о массѣ
сиговъ, харіусовъ, щукъ и кумжи. Мѣстами на Туломѣ попадаются остатки
бобровыхъ строеній, но сами бобры, потревоженные охотниками, всѣ перебра-
лись въ непроходимую тайгу. Кромѣ рыбы и массы дичи, море строеваго лѣса
съ тысячами головъ дикихъ оленей составляетъ богатство Тулумскаго по-
госта. Все озеро Нуотъ-ярви покрыто островами съ возвышеніями, кры-
тыми ягельями,—настоящимъ раемъ для оленя и всякаго промысловаго звѣря,
особенно куницы и лисицы. Но какъ ни красиво дикое Нуотъ-озеро.
окруженное ягелевыми горами, обыкновенно обрывающимися у берега кру-
тыми, исполосованными трещинами и щелями, стѣнами, но все-таки лучшее
украшеніе Туломы составляютъ ея пороги и водопады-падуны. Первый изъ
нихъ и самый знаменитый лежитъ недалеко отъ погоста. Тутъ Тулома, стѣс-
ненная гранитными и кварцитовыми стѣнами, разъяренная сотнями пороговъ,
останавливающихъ и разрывающихъ ея паденіе, низвергается съ высоты
шести-семи саженъ почти отвѣсно одною массой, что и составляетъ ея
особенную прелесть. Я видѣлъ на своемъ вѣку много водопадовъ, и ни
одинъ такъ не поразилъ меня, какъ этотъ невѣдомый Тулумскій падунъ.
Ни Иматра, ни Трольгетта, ни даже могучій Кивачъ, не говоря уже о
прославленныхъ водопадахъ Шафгаузенѣ и Штаубахѣ, не могутъ срав-
ниться съ нимъ; подобіе Тулумскому падуну надо искать въ великихъ
водопадахъ Сѣверной Америки и Замбезе. Рядъ озеръ на Туломѣ дѣлаютъ
очаровательнымъ путешествіе по ней, если-бы постоянные пороги не за-
держивали ладьи. Самыми знаменитыми изъ нихъ являются Кривецъ и
Сухонъ, которые, по сравненію съ Туломою, я смѣло сопоставилъ-бы съ
прославленными порогами Нила. Скалы на Туломѣ уставились поперекъ
всей рѣки такъ тѣсно, что мѣстами остаются лишь однѣ щели для про-
лета птицъ. Страшный напоръ воды въ этихъ щеляхъ вздымаетъ цѣлыя
горы и образуетъ рядъ водоворотовъ, нарушающихъ на цѣлыя версты
равновѣсіе тулумской струи. Тулома представляетъ рѣку еще болѣе низ-
шаго развитія, чѣмъ Пазвикъ, Вуокса и Луть-йоки: она еще не успѣла
вовсе сравнять свое каменистое ложе.

Мос путешествіе вдоль по
 Туломѣ было настоящею
 прогулкой послѣ испыты-
 танныхъ лишеній, но
 все-таки радостно за-
 билось сердце, когда
 показался бѣлый со-
 боръ Кола и убогая
 кладбищенская цер-
 ковь, окруженная куч-
 кой сѣрыхъ домовъ,
 которыхъ сотни двѣ,
 три составляютъ самый
 сѣверный городъ въ Рос-
 сии — Тромсо и Гаммер-
 фестъ Русской Лапландіи Не-
 казиста Кола и внутри; даже
 удивительно становится, отчего
 и почему она носить громкое
 названіе города, когда въ ней
 нѣтъ ничего, даже улицъ, ла-
 вокъ, не говоря уже о другихъ
 специальныхъ городскихъ зданіяхъ.
 Кольская дума, уѣздное казначей-
 ство и почтовая контора—небольшіе



набиты деревянныя лощечки съ надписями, сдѣланными чуть не дегтемъ.
 Самъ кольскій исправникъ, — этотъ губернаторъ Русской Лапландіи, —
 живетъ въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, который кажется полуди-
 кимъ лопарямъ, не выдавшимъ ничего лучшаго, настоящимъ чудомъ
 свѣта, какъ и двѣ убогія Кольскія церкви. Даже не хочется сравни-
 вать полярный русскій городъ съ полярными городами Норвегіи. Тамъ
 царитъ жизнь и движеніе; комфортъ и цивилизація развились настолько
 прочно, насколько то было возможно за полярнымъ кругомъ, здѣсь же
 все убого, сѣро и бѣдно. Какими-то развалинами, смѣшною пародіей
 на городъ кажется Кола послѣ Вардо и Валсо, не говоря уже о Гаммер-
 фестѣ съ его театрами, музеями, бібліотеками, прекрасными магазинами, боль-
 ницами и школами. Городъ живетъ почти безъ ремесленниковъ, часто
 безъ мяса и хлѣба, питаются по цѣлымъ мѣсяцамъ одною рыбой и вод-
 кой, которою всѣ граждане упиваются по неимѣнію другихъ занятій и
 развлеченій. Нынѣшніе коляне такъ же не похожи на потомковъ славныхъ
 ушкуйниковъ Великаго Новгорода, какъ не похожъ пьяный человекъ на
 трезваго и разумнаго. Коляне живутъ почти исключительно рыбными про-
 мыслами въ океанѣ, промышленяя рыбу круглый годъ,—не такъ, какъ поморы,
 работающіе только лѣтомъ и весной.

Немного намъ пришлось отдыхать въ Колѣ. Пароходъ Мурманскаго
 общества каждую недѣлю заходитъ въ Колу на пути изъ Вардо или изъ

Архангельска. Изъ Колы длинная Кольская губа выводитъ прямо въ океанъ. По берегамъ этой бухты, которая тянется верстъ на пятьдесятъ въ длину, сперва еще идутъ лѣса; поближе къ морскому берегу растительность континента пропадаетъ, и полярный ландшафтъ снова выступаетъ на берега, простираясь вдоль Мурмана до самаго Бѣлаго моря. Кольская губа представляетъ лучшій заливъ Ледовитаго океана, гдѣ могли бы размѣститься огромные флоты торговыхъ и военныхъ судовъ благодаря ряду удобныхъ, прекрасныхъ пристаней.

При выходѣ нашемъ изъ Кольской губы, на полуночномъ солнцѣ играло нѣсколько десятковъ китовъ. Сотни перлъ выглядывали изъ голубого, залитаго золотомъ и пурпуромъ воднаго зеркала. Цѣлый водный миръ игралъ и веселился на поверхности тихаго моря у зубчатыхъ скалъ Мурмана. Цѣлое огромное богатство таитъ въ себѣ океанъ; надо только имѣть отвагу и силу, чтобы добыть этотъ неизсякаемый золотой кладъ. Глядя на эти десятки плывущихъ китовъ, какъ-то обидно становилось за русскихъ, которые словно уступили весь китовый промыселъ своимъ жаднымъ сосѣдямъ. Въ то время, какъ Фойнъ и К^о ежегодно бьютъ китовъ сотнями, у насъ въ 75 лѣтъ не добыли ни одного кита, исключая тѣхъ, которыхъ сама судьба выбрасывала на берегъ, сжалившись надъ бѣдными лопарями.

Въ прошломъ столѣтїи у насъ, въ Кольскомъ заливѣ, была прекрасная китобойная факторїя, которая въ 1809 году была уничтожена и сожжена англичанами, разорившими Колу и сжегшими первый русскій китоловный корабль. Только недавно образовались двѣ новыя компанїи, которыя рѣшили поддержать упавшїй промыселъ и вначалѣ, повидимому, энергично принялись за китоловство на Мурманскомъ побережьѣ. Но и ихъ постигла полная неудача.

Отъ Колы мы поплыли вдоль Мурмана, знакомясь съ его великолѣпными рыбными промыслами, рѣдкими колонїями, становищами и промысловыми избами. Почти на семьсотъ верстъ съ востока на западъ тянется полярная окраина Кольскаго полуострова, которая называется Мурманомъ еще со времени Новгородской вольницы и которая, по словамъ одного шведскаго натуралиста, представляетъ богатѣйшее въ мирѣ мѣсто по обилїю рыбы, могущей дать промыселъ и пищу двумъстамъ тысячамъ человѣкъ; между тѣмъ нынѣ не промышляетъ тамъ и четырехъ тысячъ поморовъ и колянъ, еле зарабатывающихъ себѣ насущный хлѣбъ цѣною нечеловѣческихъ усилїй.

Полуостровъ Кола или Русская Лапландїя, представляетъ громадную гранитную массу, почти въ 10000 кв. миль. Невысокіе, скорѣе походїе на холмы, горные кряжи пересекаютъ его во всѣхъ направленїяхъ, образуя въ центрѣ нѣсколько узловыхъ точекъ. Сѣверная, каменная изрѣзанная кайма геологически и составляетъ Мурманскїй берегъ, представляющїйся поэтому громаднымъ каменнымъ валомъ, напоминающимъ фіорды Норвегїи по своему изрѣзанному очертанїю. Каменная стѣна эта состоитъ изъ гранитовъ, гнейсовъ, діоритовъ и сланцевъ и носитъ на себѣ слѣды борьбы съ



океаномъ, который во многихъ мѣстахъ уже сѣумѣлъ обшлифовать и сра-
внять ея извилистое очертаніе. Массы скалъ, мѣстами расколотыхъ, разорван-
ныхъ, нагромоздились одна на другую, вылѣзли въ океанъ острыми массами,
сочетались въ причудливыя дикія громады, замыкающія прекрасныя бухты и
образующія рядъ острововъ предъ линіей берега. Разноцвѣтные ягели, мхи
и лишай, да скудная полярная травка,—вотъ и вся флора Мурмана. Прорывая
этотъ каменный валъ, чрезъ ущелья и трещины быстрыя порожистыя рѣки
Лапландіи бѣгутъ въ океанъ, образуя мѣстами чудныя бухты, какъ-бы соз-
данныя для поселенія человѣка.

Но большая часть этого берега вовсе необитаема, и жизнь кипитъ
на немъ лишь въ короткое лѣто и полярную весну. Въ остальное же
время весь берегъ спитъ въ своемъ дикомъ величіи, и только неумолчный
океанъ, совершая свою геологическую работу, неустанно бьетъ бурунами
о берега, обравнивая ихъ и нагромождая острова. Кромѣ рева бушую-
щаго моря и порывовъ бури, свистящихъ среди каменныхъ ущелій и бе-
реговыхъ скалъ, дикое поморье оживляютъ лишь неумолчные крики мил-
ліоновъ морскихъ птицъ, клекотъ орловъ, рыданіе гагаръ и пронзительныя
выкрикиванія чаекъ, которыя цѣлыми тучами носятся въ морѣ и
покрываютъ скалы пластами гуано, кажущимися бѣлыми пятнами и
полосами.

Около пятидесяти временныхъ становищъ и двадцати постоянныхъ
колоній, кромѣ одиночныхъ промысловыхъ избъ и жалкихъ вѣжъ лопарей,
разбросано на огромномъ пространствѣ берега, простирающагося со всѣми
извилинами почти на тысячу верстъ. Зимой, когда по свинцовой поверх-
ности океана ходятъ лишь ледяныя горы—стамухи, снѣговой покровъ ле-
житъ бѣлымъ саваномъ надъ всею Лапландіей и морозъ строитъ чудныя
зданія изъ водопадовъ порожистыхъ рѣкъ и морского прибоя, тогда царятъ
на всемъ Мурманѣ лишь ледъ, снѣга, вьюги и морозъ. Длиныя полярныя
ночи освѣщаютъ лишь тихія магнитныя грозы, которыхъ волшебными искрами
являются сѣверныя сіянія,—это лучшее явленіе полярныхъ странъ. Только
лѣтомъ почти въ каждой бухточкѣ, въ каждой губѣ ключемъ бьетъ про-
мысловая жизнь, и сотни поморскихъ судовъ оживляютъ пустынные воды
Мурманскаго побережья. Дикія скалы полярной окраины слышатъ тогда
голосъ людской, нечеловѣческую ругань промышленника или залихватскую
русскую пѣсню, вырвавшуюся изъ изможденной груди покрученника. До че-
тырехъ тысячъ пришлаго люда работаетъ тогда на Мурманѣ, преимущественно
кемлянъ и онежцевъ. Раздѣлившись на девятьсотъ артелей и пятьдесятъ
становищъ, они промышляютъ рыбу, которая обуславливаетъ все ихъ су-
ществованіе.

Поморь, съ одной стороны,—смѣлый, отважный морякъ, умѣющій дер-
жать свой путь и по картѣ, и по маткѣ (компасу), и по звѣздѣ. Онъ часто
знаетъ весь Ледовитый океанъ отъ Лоффоденскихъ острововъ до Новой
Земли. Онъ не боится ни бурь, ни непогоды, и на своей утлой шнякѣ пой-
детъ хоть на таинственный Грумантъ (Шпицбергенъ). Съ другой стороны
тотъ же самый поморь—человѣкъ забитый, запуганный на землѣ, не
имѣющій ни откуда защиты, предоставленный въ жертву норвежцамъ и сво-
имъ кулакамъ.

Становища поморовъ на Мурманѣ—это тѣ же деревни со временными избами, разбросанными довольно прихотливо по ущельямъ и плѣщинамъ береговыхъ уступовъ. Между отдѣльными избами, обыкновенно архангельскаго типа, идутъ амбары, жиротопленныя печи и заводы, кое-какія хозяйственныя приспособленія, цѣлыя длинныя рялы жердинъ съ навѣшанною на нихъ распластанною треской и огромныя кучи тресковыхъ головъ. Вся почва этихъ становищъ и побережья моря усѣяна разлагающимися потрохами рыбы. Вороха послѣдней плаваютъ на нѣсколько десятковъ саженой и въ морѣ, гдѣ качаются шняки, карабасы и шкуны, а на нихъ виднѣются оживленныя группы копающагося люда. Вокругъ и около становищъ, на горюшкахъ и плѣщинахъ, разбросаны одиночныя деревянныя кресты,—по большей части безвѣстныя могилы промышленниковъ, павшихъ въ борьбѣ съ природой, недугами и непосильнымъ трудомъ.

Въ каждомъ становищѣ обитаетъ отъ 20 до 250 промышленниковъ, которые раздѣляются на артели, организованныя такъ, что самый способъ ихъ сложенія убиваетъ промыслы въ самомъ ихъ основаніи. Хозяинъ артели прежде всего—не промышленникъ, не работникъ, а кулакъ, собирающій покручниковъ въ артель и организующій ее. Самое слово «покручникъ» вполне выражаетъ отношеніе хозяина къ членамъ артели. Эти послѣдніе—не наемники, не свободные люди, не работники, а просто рабы, находящіеся вѣчно въ хозяйской кабалѣ, благодаря системѣ, созданной уже много лѣтъ, вслѣдствіе долговъ, за которые покручникъ продается хозяину. Обдѣляемый на промыслѣ, обираемый и спаиваемый, покручникъ приноситъ обыкновенно такъ мало своей семьѣ, что для него не остается возможности самостоятельно прокормиться всю зиму, не дождая у хозяина и не затягивая еще болѣе и безъ того тугой петли. Хозяинъ, снаряжая артель, даетъ шняку, снасти, по одному кулю муки на каждого промышленника, соль и крупу и за все за это, сидя у себя дома, получаетъ восемь паевъ, оставляя только два или два съ половиной на долю покручины. Снаряженіе артели въ четыре-пять человѣкъ обойдется самое большее около 250—300 руб., тогда какъ выручка не менѣе 500—600 руб., съ чистымъ доходомъ въ 300 и болѣе рублей. На долю каждого покручника приходится по этому разсчету не болѣе 50—65 руб. за страшный шести-мѣсячный трудъ. Но и этихъ денегъ не видитъ бѣдный работникъ, потому что онъ никогда не выходитъ изъ долгу у хозяина, кормящаго въ тридорога зимой его семью и его самого и, кромѣ того, умышленно спаивающаго покручника скверною водкой и еще болѣе сквернымъ ромомъ норвежскаго приготовленія. Продавая покручнику хлѣбъ, соль и крупу на 25—40—90 и даже 100%, а вино даже на 300% дороже, хозяинъ, разумѣется, закабалаетъ себя навѣки несчастнаго работника, не имѣющаго никакой возможности вырваться изъ этого заколдованнаго круга. Ужасная сама по себѣ система артельной покруты становится еще ужаснѣе, если разсмотрѣть всѣ тѣ условія, при какихъ работаетъ несчастный поморъ.

Еще въ началѣ весны съ береговъ Бѣлаго моря, изъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ, ватаги покручниковъ начинаютъ пробираться къ Мурманскому берегу чрезъ весь Кольскій полуостровъ, то есть дѣлая отъ 300

до 1000 верстъ пути. Путешествіе это совершается промышленниками обыкновенно пѣшкомъ, среди ужасныхъ холодовъ, въ легкой одеженкѣ, на пищѣ св. Антонія, съ ночевками на голомъ снѣгу, въ который закапываются несчастные путники, или въ избушкахъ, уступающихъ по чистотѣ и удобству норѣ любого дикаго звѣря. Но и прибывъ въ становище, промышленникъ не можетъ вполне отдохнуть. Страшная грязь, тѣснота, холодъ и сырость, обиліе паразитовъ, ужасающіе миазмы разлагающихся органическихъ отбросовъ характеризуютъ избы становищъ. Самое отвратительное помѣщеніе людей, какое мнѣ только приходилось видѣть въ моихъ странствованіяхъ по Европѣ, Азіи и Африкѣ послѣ лопарскихъ тупъ, это—промысловыя избы, гдѣ ютится пять-шесть мѣсяцевъ несчастный поморъ. Правда, большую часть промысловаго сезона покрученикъ проводитъ на морѣ. Но каковы его страданія и тамъ, когда онъ долженъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Ледовитомъ океанѣ проводить на лодкѣ цѣлыя сутки, даже ночи, когда по морю еще ходятъ ледяныя глыбы, когда по ночамъ бываютъ морозы отъ 5° до 10°, когда сѣверные вѣтры и промозглые весенніе туманы страшно дѣйствуютъ на организмъ! Забрасываніе сѣтей, наживка и вытягиваніе обледенѣвшихъ ярусовъ и неводовъ часто обусловливаетъ страшныя язвы на рукахъ, не говоря уже о другихъ страданіяхъ и недугахъ, которые поражаютъ промышленниковъ, несмотря на ихъ желѣзное здоровье. Припомнимъ, что на всемъ Мурманѣ медицинская помощь почти отсутствуетъ *), потому что нельзя же назвать серьезною помощью два-три пріемныхъ покоя, разбросанныхъ на протяженіи почти тысячи верстъ. При такихъ условіяхъ самый искусный и добросовѣстный врачъ не подѣлаетъ ничего. Я видалъ товарищей, работавшихъ на Мурманѣ отъ Краснаго Креста, и удивлялся ихъ энергіи при исполненіи такого малорезультатнаго труда, требующаго, однако, затраты массы времени, здоровья и заботъ.

При ужасныхъ антигигиеническихъ условіяхъ становищъ, при той недостаточной пищѣ, которою питается промышленникъ, немудрено, что на Мурманѣ въ горячее промысловое время тифы и цынга сваливаютъ съ ногъ сотни покручениковъ. Есть официальные данныя, свидѣтельствующія о томъ, что треть, а часто и половина всѣхъ промышленниковъ переболѣетъ непременно хотя разъ тяжело во время промысла, изъ 20—25 же умретъ непременно одинъ или два. Эти-то ужасныя условія, при которыхъ живетъ и работаетъ нашъ поморъ, и обусловливаютъ то печальное явленіе, что Мурманъ,—богатѣйшее мѣсто въ мірѣ по обилію рыбы,—не можетъ накормить и удовлетворить даже 4,000 человекъ, когда здѣсь могли-бы питаться цѣлыя сотни тысячъ рыбаковъ. Кулачество, невѣжество, спайваніе ромомъ, артельная покрута, недостатокъ образованія, какъ и цивилизаціи въ этомъ забытомъ Богомъ краю убиваютъ промыселъ въ самомъ основаніи и забиваютъ помора, представляющаго лучшій типъ природнаго русскаго моряка.

Я не стану описывать тресковаго и сельдяного промысла на Мурманѣ, такъ какъ я говорилъ о нихъ уже при описаніи промысловъ норвежцевъ. Тюлений, акулій, бѣлужій и моржевый промыслы хотя и производятся на Мурманѣ, но не имѣютъ такого экономическаго значенія, какъ

*) Мы говоримъ, разумѣется, о 1882 г.; нынѣ врачебная помощь болѣе организована.



добываніе трески. Относительно промысловъ прибавлю здѣсь только, что, вслѣдствіе невѣжества и неимѣнія путей сообщенія, нашъ поморъ не можетъ пользоваться дарами природы такъ сподручно и легко, какъ скандинавскій рыбакъ. На берегахъ Норвегіи изучены каждая бухточка, каждый заливъ; изслѣдованы струи теплаго теченія, приводящія рыбъ; по всему берегу имѣются тамъ прекрасныя почтовые и телеграфныя сообщенія, которыя позволяютъ промышленнику во-время явиться на мѣсто улова; тамъ усовершенствованы суда и снаряды для ловли, обстановленъ иначе и организованъ бытъ и условія жизни рыбаковъ, работающихъ не по покрутѣ, а для самихъ себя. Тамъ дѣятельно заботятся и о санитарномъ благосостояніи рабочаго люда. А у насъ все та же исторія—вѣчныя жалобы, вѣчныя обиды, надрывающій душу вопль о помощи сѣраго люда, заѣдаемаго кулаками,—и въ результатѣ страшное паденіе промысла и огромный рядъ деревянныхъ крестовъ, увеличивающихся ежегодно въ числѣ и скрывающихся подъ собою могилы забитой, задавленной русской силы, той крѣпости, мощи и труда, которыми можно было-бы творить чудеса.

Какъ курьезъ, я приведу факты изъ функціи почтовой дѣятельности на Мурманѣ. Нашъ поморъ, желая войти въ сношеніе, положимъ, съ Архангельскомъ или Онегой, долженъ ѣхать въ Вадсе или въ любой норвежскій пунктъ, откуда его телеграмма пойдетъ на родину кружнымъ путемъ черезъ всю Скандинавію и Петербургъ. Захочетъ послать или получить деньги промышленникъ на Мурманѣ, онъ долженъ для того ѣхать въ Колу,—верстъ за двѣсти—триста отъ становища, потому что срочный пароходъ, привозящій повѣстки по становищамъ, не возитъ денежныхъ писемъ, такъ какъ для того есть почта въ убогой несчастной Колѣ. Но довольно объ этой печали нашего богатаго сѣвера. Скажемъ еще нѣсколько словъ о другихъ, болѣе прочныхъ элементахъ населенія Мурмана, его факторіяхъ и постоянныхъ колоніяхъ.

Я не буду описывать разныхъ становищъ, видѣнныхъ и посѣщенныхъ мною на пути; они слишкомъ похожи одно на другое и описаны не разъ рядомъ изслѣдователей сѣвера. Семиостровье, Териберка, Еретики, Гаврилова, Ура-губа, Вайда и Корабельная представляютъ главные изъ тѣхъ промысловыхъ пунктовъ, гдѣ работаютъ на артельныхъ началахъ. Этимъ становищамъ не скоро, если не никогда, дорости до того, чтобы сдѣлаться похожими на рыбацкія селенія норвежцевъ. Кулачество и покрута не дадутъ имъ ни силы, ни возможности прогрессировать въ этомъ направленіи. Только отъ факторій и колоній,—новыхъ промысловыхъ элементовъ, появившихся сравнительно недавно на Мурманѣ,—можно ожидать поднятія промысла на новыхъ началахъ. Какъ факторіи, такъ и колоніи—первые камни прочной колонизаціи Мурмана, а потому общество и правительство обратили на нихъ особенное вниманіе. Каждая факторія состоитъ изъ нѣсколькихъ домиковъ, жиротопленнаго завода, ряда хозяйственныхъ заведеній и блокгауза съ лавкой, гдѣ продается все, что нужно

для промышленника, начиная съ сахара и рома и кончая рыболовными снастями. Около этихъ промысловыхъ становъ кипитъ дѣятельность болѣе разумная и живая, хотя бѣдному люду и въ нихъ дышется нелегко. Огромное большинство рабочихъ работаетъ здѣсь по найму, не зная покруты, и по этому самому зарабатываетъ гораздо больше, чѣмъ на становищахъ, гдѣ кулакъ заѣдаетъ не только деньги и трудъ, но и самое здоровье бѣднаго человѣка. Но и въ факторіяхъ хозяева умѣютъ повыжать изъ рабочаго соки. Держа въ своихъ рукахъ



столь необходимую на безлюдьи лавку, они необходимо становятся quasi-благодѣтелями и кредиторами своего рабочаго люда; взимая страшный процентъ за соль, табакъ и вино, они умѣютъ обирать и спаивать бѣдняка, въ чемъ помогаютъ имъ также и норвежскіе колонисты. Но въ общемъ все-таки въ факторіяхъ живется лучше, чѣмъ на становищахъ Мурмана. Особенно славой пользовались въ 1882 года факторіи: Савина, торговавшая прямо съ Англіей, Паллизена, которая снабжала предметами потребленія даже Колу и торговала прямо съ Гамбургомъ и Питеромъ, Филиппова и другія.

Гораздо прочнѣйшій и болѣе доброкачественный матеріалъ для поднятія рыбнаго промысла представляютъ колоніи, основаніе которыхъ положено сравнительно недавно, лѣтъ 25 тому назадъ. Архангельскому губернатору Гагарину принадлежитъ честь почина этого прекраснаго дѣла: 22-го ноября 1868 года, благодаря хлопотамъ Гагарина, состоялось Высочайшее повелѣніе о дарованіи различныхъ льготъ мурманскимъ переселенцамъ, въ томъ числѣ: ссуды отъ 50—150 руб., отпускъ хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ и освобожденіе отъ рекрутчины. Съ тѣхъ поръ колонизація идетъ, хотя медленно, но довольно прочно, число колоній возросло къ 1882 года до 20—85, а число колонистовъ,—русскихъ, финновъ и норвежцевъ,—до 1000 человѣкъ. Лучшимъ элементомъ этихъ колоній надо считать финновъ, умѣющихъ изъ камня дѣлать хлѣбъ. Эти послѣдніе уже успѣли, благодаря своей желѣзной настойчивости, добиться извѣстнаго благосостоянія, тогда какъ русскіе по большей части бѣдствуютъ, не умѣя приняться за дѣло колонизаціи. Норвежцы являются въ колоніяхъ по большей части въ качествѣ коммиссіонеровъ различныхъ норвежскихъ фирмъ и самыхъ энергичныхъ ромоторговцевъ, которые успѣваютъ спаивать весь Мурманъ, даже тихихъ, честныхъ лопарей.

Благодаря развитію колоній, въ наше время на Мурманѣ, кромѣ постоянного населенія, имѣлось около двадцати лавокъ и свыше 300—350 судовъ; съ прибытіемъ колонистовъ начали подыматься давно уже павшіе акулій, тюлений и моржевый промыслы, и стало развиваться скотоводство, такъ какъ Мурманъ представляетъ мѣстами прекрасные покосы; число головъ различнаго скота надо считать нѣсколькими сотнями, а прибавивъ сюда еще оленей,—даже свыше тысячи.



Одна изъ лучшихъ колоній на Мурманѣ—Печенга, основаніе которой положили еще ушкуйники Великаго Новгорода и св. Трифонъ Печенгскій. Число жителей въ ней около 250. Число домовъ достигаетъ до 50—60, не считая амбаровъ и складовъ; ея оборотъ превышаетъ шестьдесятъ тысячъ рублей въ годъ. Эта колонія процвѣтала бы еще болѣе, если бы не служила берлогою одного изъ самыхъ отвратительнѣйшихъ ромоторговцевъ, норвежца Даля, спаивавшаго всю страну верстъ на сто въ окружности. Изъ другихъ колоній отмѣтимъ рядъ цвѣтущихъ поселеній

Рыбачьяго и Средняго полуострововъ, обитаемыхъ финнами и составляющихъ надежду Мурмана. Помимо занятій рыбными промыслами, колонисты держатъ сравнительно много скота, не исключая коровъ. Лучшая изъ всѣхъ колоній Мурмана—Земляная Губа, процвѣтающая съ каждымъ годомъ.

Къ сожалѣнію, дѣло колонизаціи, вначалѣ пошедшее очень хорошо благодаря энергичному губернатору Гагарину, потомъ стало тормозиться разными путями мѣстною администраціей и рутинной канцелярщины. Кромѣ того, ни врачебной помощи, ни пароходства, никакихъ другихъ сообщеній не было организовано здѣсь, зато ромоторговля достигла блестящаго состоянія. Немудрено, что при подобныхъ условіяхъ нашимъ колоніямъ нельзя было достигнуть и четверти того благостоянія, какъ въ Норвегіи.



Глава IX.

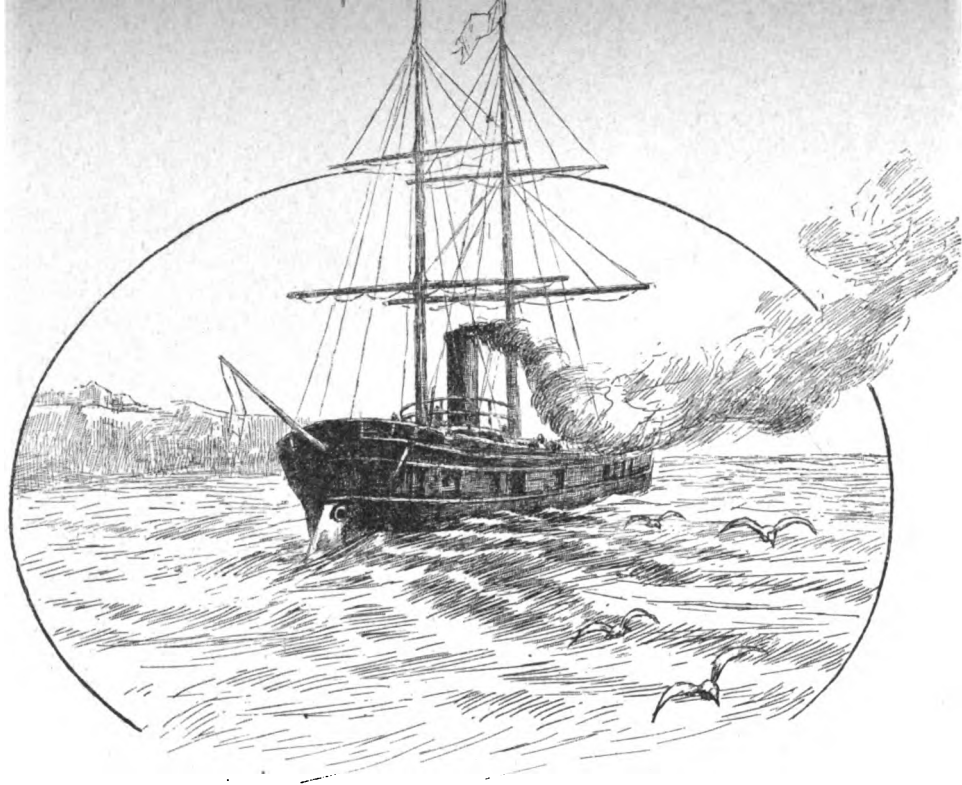
Отъ Колы до Святого Носа.—Бѣлое море.—Его фауна и флора.—Полуостровъ Канинъ.—Двинская губа.—Аргангельскъ и Соловки.—По Бѣлому морю.—Миражи.—Каменные постройки.—Резюме о Русской Лапландіи.



НОГО заняло-бы времени подробно описывать весь путь по Мурману отъ Колы до Святого Носа. Чудныя полярныя ночи и прекрасная погода все время сопровождали насъ, такъ что воспоминаніе о мурманскихъ экскурсіяхъ осталось у меня однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній о поѣздкѣ на сѣверъ. Наше плаваніе вовсе не напоминало поѣздки вдоль полярныхъ

береговъ, которые являлись во всей своей дикой красотѣ въ лучахъ солнца, не сходявшаго съ горизонта. Кругомъ все дышало жизнью и довольствомъ и только вглядываясь пристальнѣе во все окружающее, сравнивая великое богатство съ бѣднотой пришлыхъ поморовъ, какъ-то щемило сердце, чувялось, что только особыми обстоятельствами задавлена могучая русская сила, которой нѣтъ исхода и негдѣ развернуться во всю ширь славянскаго простора. Нашъ мужикъ голодаетъ тамъ, гдѣ одного рыбнаго богатства хватило-бы, чтобы прокормить пѣлый рабочій народъ.

Бѣлое море, какъ океанъ, кишитъ могучею жизнью. Кромѣ безчисленныхъ стай всевозможныхъ рыбъ, тысячи тюленей, бѣлухъ и нерпъ обитаютъ въ прозрачныхъ зелено-голубыхъ его водахъ. Сажень на 5—10 мѣстами въ глубину можно видѣть и наблюдать колоссальный морской міръ, кишачій среди зарослей морскихъ растений и коралловыхъ вѣтвей. Глазъ видитъ массу морскихъ животныхъ, о существованіи которыхъ нельзя было и подозревать, судя по бѣдности наземной флоры и фауны. Съ точки зрѣнія географіи растений и животныхъ Бѣлое



море представляет одинъ изъ самыхъ любопытныхъ уголковъ Ледовитаго океана. Цѣлыя заросли коралловъ, десятки видовъ медузъ, морскихъ звѣздъ и ежей, раковъ, крабовъ и головоногихъ, не говоря уже о массѣ губокъ, ракообразныхъ, моллюсковъ и другихъ низшихъ животныхъ, составляютъ фауну Бѣлаго моря, которая, благодаря трудамъ Соловецкой зоологической станціи, изучена довольно обстоятельно. Устройство этой послѣдней на Соловкахъ помогло уяснить не только фауну русскихъ береговъ, но и вообще фауну полярныхъ морей...

Быстро пробѣгаетъ пароходъ Мурманскій берегъ, еще скорѣе Бѣлое море которое начинается сейчасъ-же за Святымъ носомъ. Переваливъ у острова Сосновца за полярный кругъ, мы снова увидели настоящую ночь, которою жаждали столько недѣль, несмотря на всю прелесть полуночнаго солнца.

Бѣлое море, при началѣ замыкаемое съ запада неуклюжимъ полуостровомъ Колою, на востокѣ, при выходѣ, ограничивается изящно выгнутымъ полуостровомъ Каниной землей, которой сѣверная оконечность, Канинъ носъ, находится подъ $68^{\circ} 38'$ сѣв. шир. Только на сѣверной окраинѣ эта печальная страна имѣетъ голый, невысокій горный кряжъ, Канинскій камень, составляющій хребетъ полуострова, еще въ послѣднюю геологическую формацию отдѣлявшагося проливомъ отъ материка. Остатками этого пролива являются два небольшія озерка, дающія начало рѣкамъ Чижѣ и Чещѣ, направляющимся въ противоположныя стороны. На западномъ берегу Канина полуострова возвышаются еще песчаниковыя Самоковскія горы, дополняющія скелетъ страны. Въ этихъ возвышенностяхъ Канинъ полуостровъ представляетъ громадныя болота съ небольшими ручейками и озерками. Флора и фауна этой печальной страны еще болѣе бѣдна, чѣмъ на противоположномъ полуостровѣ. Вездѣ царитъ тундра, заливаемая водой лѣтомъ и девять мѣсяцевъ погребенная въ снѣгахъ; даже карликовыхъ березъ нѣтъ въ этой полярной пустынѣ, не говоря уже объ островахъ тайги, покрывающихъ мѣстами Лапландію.

Пароходъ быстро мчитъ насъ вдоль унылыхъ береговъ Канина. Скоро онъ теряется изъ виду, какъ и берегъ Мурмана. Прежде чѣмъ покинуть этотъ послѣдній, я скажу еще два слова о недавно народившихся русскихъ китобояхъ на Мурманскомъ берегу. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ не было ни одной, а теперь образовалось сразу двѣ компани для промысла китовъ. Дѣла первой компани идутъ сравнительно хорошо, такъ какъ она успѣла добыть уже нѣсколько десятковъ китовъ. Но зато дѣла второй компани настолько плохи, что она едва-ли можетъ рассчитывать на дальнѣйшій успѣхъ. Ея пароходы въ одну навигацію добыли всего десятка полтора китовъ. Ея салотопный и гуановый заводы стоятъ почти безъ работы, не покрывая даже ежегоднаго ремонта. Да, плохо идетъ дѣло русскаго китобойства, въ то время какъ сосѣди-норвежцы въ тѣхъ же нашихъ водахъ добываютъ сотни лучшихъ китовъ.

Двинская губа — самая живая часть Бѣлаго моря, это то историческое окно, которымъ Россія впервые поглядѣла на океанъ. Красавица Двина, это Волга сѣверной Россіи, далеко несетъ свои прѣсныя воды въ Бѣлое море и нанесла цѣлую дельту въ своемъ устьѣ, размывъ берега и принеся оторванныя частицы со склоновъ Урала и изъ миоценовыхъ пластовъ Средней Россіи. При началѣ этой дельты стоитъ Архангельскъ, первое окно Россіи, прорубленное еще 4—5 вѣковъ тому назадъ въ Европу черезъ Ледовитый океанъ. Архангельскъ имѣетъ свое славное прошлое, когда онъ одинъ за всю Россію торговалъ моремъ съ Европой, когда тамъ заложена была верфь для военныхъ судовъ, когда гениальная мысль Петра Великаго порѣшила соединить Бѣлое море черезъ Двину съ Балтійскимъ, Чернымъ и Каспійскимъ бассейнами. Архангельскъ теперь палъ, но его будущее еще свѣтло. Железная дорога къ Двинѣ, въ связи съ сибирскимъ транзитомъ, помогутъ ему вернуть прежнее значеніе. Еще болѣе могутъ оживить Архангельскъ мурманскіе и новоземельскіе промыслы, русскіе китобои, болѣе правильная колонизація сѣвера, заморское пароходство, въ связи съ заграничною торговлей, и правильное развитіе путей сообщеній на русскомъ сѣверѣ, почти лишенномъ этихъ послѣднихъ. Архангельскъ, расположенный подъ 64,⁰ сѣв. шир., и теперь является лучшимъ городомъ заполярныхъ странъ всего земнаго шара. Развившись же еще болѣе, онъ съ большимъ правомъ, чѣмъ Тромсо, можетъ носить названіе столицы сѣвера, Парижа полярныхъ странъ.

Вторымъ живымъ центромъ на крайнемъ русскомъ сѣверѣ являются Соловки, которые играютъ важную роль въ судьбахъ всего сѣвера Россіи, какъ въ просвѣтительномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Мнѣ нечего распространяться о значеніи Соловокъ, этого Аѳона православнаго сѣвера, и той степени экономическаго благосостоянія, до котораго довели это монашеское царство нехитрые умомъ, но сильныя практическою мудростью смиренныя труженики-монахи. Великимъ трудомъ, многимъ потомъ, кровью и слезами своей братіи, направляемой мудрыми игуменами, Соловки достигли того, что стали послѣ Аѳона первою христіанскою монашескою общиной, которая сдѣлалась вполнѣ самостоятельною, какъ въ образовательномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Правда, значеніе Соловокъ, нѣкогда имѣвшихъ огромный флотъ, первенствовавшій на всѣхъ Ледовитыхъ



С о л о в к и.

моряхъ, омывающихъ Сѣверную Европу, пало съ новыми вѣяніями, пахнущими отъ юга, пало вмѣстѣ съ паденіемъ Архангельска и бѣломорскихъ промысловъ, отчасти по той же причинѣ, почему падаютъ всѣ монашескія общины въ настоящее время. Но въ Соловкахъ еще живетъ, наряду съ аскетическимъ духомъ, великій, предприимчивый, практическій, отзывчивый духъ древняго Новгорода. Устройство зоологической станціи въ виду монастыря, на подобіе первой зоологической станціи профессора Дорна въ Неаполѣ, правильное сообщеніе, содержимое монастыремъ по Двинской губѣ пароходами, управляемыми монахами, и недавнее рѣшеніе монастыря возстановить обитель Св. Трифона Печенгскаго и поставить скитъ на Новой Землѣ говорятъ о томъ, что въ Соловкахъ еще живъ предприимчивый духъ Великаго Новгорода, и обитель Свв. Саватія и Зосимы еще готова сослужить не малую службу сѣверу Россіи и русскому народу.

Отъ Соловковъ на карбасѣ я пустился по Бѣлому морю со старикомъ-кормчимъ и двумя женщинами-гребцами. Поперебѣнные полосы затишья и противныхъ вѣтровъ болѣе недѣли задержали насъ на волѣ. Хотя и порядочно проголодались мы за это время, такъ какъ харчи всѣ повышли, а на голыхъ каменныхъ островахъ Онежской губы ничего достать было нельзя, но эти невольныя остановки дали мнѣ возможность ближе ознакомиться съ фауной Бѣлаго моря. Въ долгіе часы стоянокъ на якорѣ я ловилъ съ карбаса всевозможныхъ медузъ, акалефовъ, морскихъ звѣздъ, добывалъ простенькіе бѣломорскіе кораллы и губки, стрѣлялъ въ тюленей, глядѣвшихъ изъ воды, и поддѣлывалъ на нехитрую уду всевозможныхъ морскихъ рыбъ. Въ это время морского томленія я видалъ нѣсколько разъ прекрасные миражи, которые въ Бѣломорьѣ имѣютъ особый характеръ. Смотришь на островъ,—и кажется, что онъ приподнимается, основаніе его погружается словно въ туманъ, и островъ виситъ какъ-бы на воздухѣ со своими куполообразными верхушками и низенькимъ кустарникомъ. Во время остановокъ на Кемскихъ Кузовахъ я охотился также и на всевозможныхъ морскихъ птицъ. Охота эта была неслишкомъ хитра, потому что птицы—несмѣтное число на Бѣломорьѣ и она еще мало пугана. Тутъ же на Кемскихъ Кузовахъ я безъ особеннаго риска и охотничьихъ приключеній добылъ массу гагачьяго пуха, котораго, несмотря на безжа-

лостные сборы, все-таки еще очень много на разбросанных островах Онежской губы. Одинокіе, пустынные, почти лишенные растительности, они привлекаютъ своею сравнительною безопасностью множество гагъ, какъ и другихъ морскихъ птицъ. Нѣкоторые островки до того заполнены гнѣздами и яйцами, что буквально невозможно ступить, не раздавивъ гнѣзда съ яйцами или птенцами. Оглушительный крикъ встревоженныхъ птицъ преслѣдуетъ нарушителя, который однимъ выстрѣломъ можетъ положить десятки назойливыхъ пернатыхъ.

На Заячьихъ островахъ, какъ и на нѣкоторыхъ другихъ, встрѣчаются интересные каменные узоры. Общая форма этихъ узоровъ—рядъ концентрическихъ, незамкнутыхъ оваловъ или эллипсовъ, которые своими незамкнутыми частями переходятъ одни въ другіе, образуя такимъ образомъ непрерывную запутывающуюся линію. Я рассматриваю эти вавилоны, какъ и другіе каменные узоры нашего сѣвера, какъ типъ оригинальнаго вида мегалитическихъ построекъ, и ставлю ихъ наряду съ кругами кромлеховъ или простыми каменными кругами безцентрального сложенія, а также съ коло (кругами) великорусскихъ кургановъ. Круги кромлеховъ, прогрессируя, развиваются въ рядъ концентрическихъ круговъ, отъ которыхъ нетрудно перейти къ вавилонамъ. Узоръ этихъ вавилоновъ похожъ на узоры бронзовыхъ издѣлій финно-уральцевъ. Болѣе или менѣе опредѣленное мѣстоположеніе вавилоновъ указываетъ на то, что они принадлежали одной опредѣленной группѣ народовъ. Замысловатая форма этихъ сложеній имѣетъ, безъ сомнѣнія, символическое значеніе или мифическую подкладку: завитокъ, сложенный изъ камней и не имѣющій конца, по аналогіи съ символическою безконечною линіей другихъ народовъ арійскихъ и неарійскихъ, можетъ символизировать и бесконечность міра, и змѣю, то есть злое начало, какъ завитокъ спирали у земскихъ народовъ символизировалъ Аримана, охватившаго весь міръ безконечною властью. По моему мнѣнію, вавилоны эти принадлежатъ доисторическимъ аборигенамъ нашего сѣвера, быть можетъ таинственной Чуди или Югрѣ.

Сумами окончилась моя экскурсія въ приполярныя страны Европы. Отсюда по недавно проложенному Сумско-Повѣнецкому тракту, пересекающему мѣстами знаменитую «Осудареву дорогу» (то есть просѣку, проложенную Петромъ при перевозѣ флота сухопутьемъ изъ Бѣлаго моря въ Онежское озеро), я пробрался въ Повѣнецъ.

По дорогѣ я посѣтилъ знаменитое Выгъ-озеро, Палестину раскола. Къ сожалѣнію, мое полуофициальное положеніе не позволило заняться изученіемъ этого любопытнѣйшаго уголка нашего сѣвера. Оглядываясь теперь назадъ, я могу свести счеты всему видѣнному, изученному и переиспытанному.

Поморскій вопросъ встаетъ главнымъ образомъ во всей своей наготѣ предъ умственными очами туриста, который взглянулъ на него глазами посторонняго человѣка. Много русской энергіи, живой русской силы загубило и губитъ ежегодно халатное отношеніе наше къ русскому сѣверу,—золотому дну. Не бѣдствовать и голодать, а процвѣтать въ десять разъ лучше, чѣмъ каменистая Норвегія, могло-бы наше Поморье, а съ

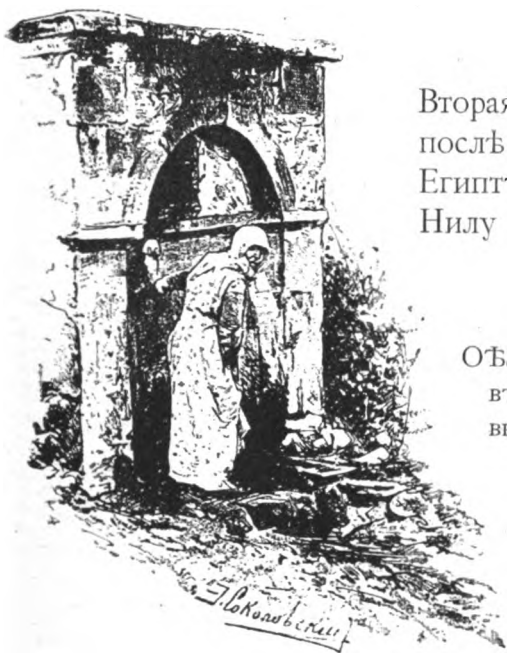
нимъ и весь сѣверъ Русской земли. Всего тамъ есть вдоволь, съумѣй только раздобыть изъ моря, воздуха и изъ земли. Много надо приложить силы рукъ, чтобы добыть это богатство, но еще болѣе оно требуетъ силы высшей,—ума, желѣзной настойчивости и науки.

Безъ распространенія образованія и самыхъ первыхъ благъ цивилизаціи, путей сообщенія и обезпеченности жизни, свободы и гражданскаго порядка, никогда не оживетъ Поморье. Никакія сѣверныя комиссіи, консулы и крейсера не помогутъ ему проснуться и не призовутъ къ жизни дремлющихъ силъ. Дайте грамоту помору прежде всего; за школой постройте ему больницу, чтобы не вымирала ни про что живая русская сила; дайте порядокъ и благоустройство съ хорошо организованною мѣстной властью; освободите предприимчиваго помора, потомка новгородскаго ушкуйника, отъ сѣтей канцеляризма; организуйте почту и правильныя сообщенія на побережьяхъ Ледовитаго океана,—и тогда зацвѣтетъ сѣверъ Россіи. Всякія темныя силы исчезнутъ сами собою; норвежець не будетъ обижать русскаго и спаивать промышленника и лопаря; консулы окажутся заступниками помора; кулачество и артельная покрута вымрутъ исподволь, и промышленникъ будетъ промышленать для себя и для своей семьи. Отъ благосостоянія нашего сѣвера зависитъ будущность русскаго торговаго флота, потому что только на Поморьѣ мы найдемъ природнаго русскаго моряка, который не уступитъ ни одному матросу въ мірѣ.



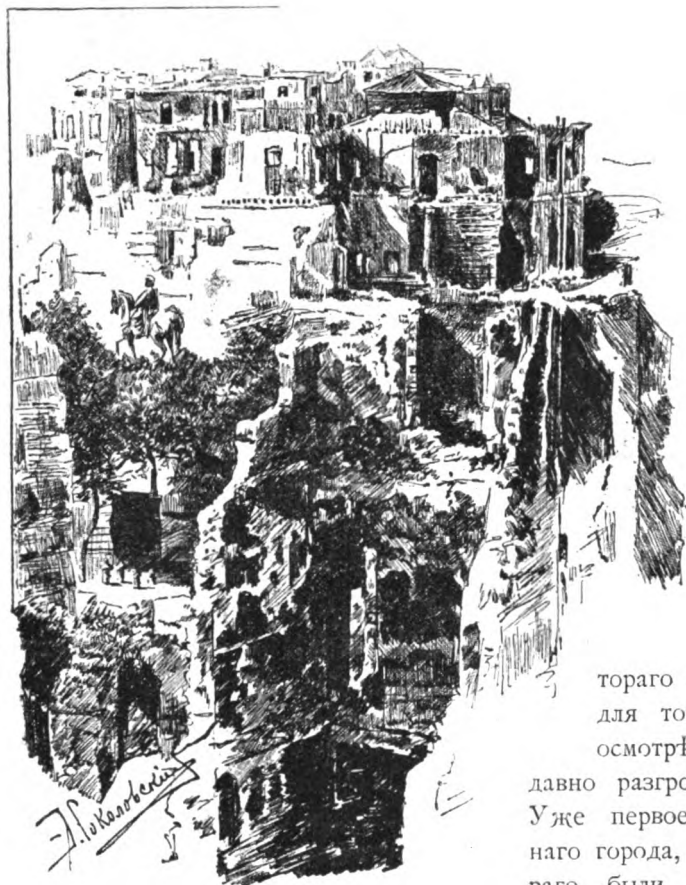
Глава X.

Вторая поѣздка на Востокъ. — Александрія послѣ разгрома. — Англійскіе подарки въ Египтѣ. — Слухи о махди. — Поѣздка по Нилу въ дахабіэ. — Въ гостяхъ у Салеха.



ОБЪЗДКА на дальній Сѣверъ, совершенная въ 1882 году, несмотря на весь интересъ, вынесенный изъ продолжительныхъ странствованій по Лапландіи, все-таки мало удовлетворила меня. Поэтому при первой возможности меня потянуло въ знойныя страны Востока. Небольшое практическое знакомство съ арабскимъ языкомъ, французскимъ Востока, выработанная привычка обращаться съ ориенталами, заманчивость предметовъ, подлежащихъ наблюденію, и масса интереснаго матеріала, встрѣчающагося тамъ на каждомъ шагу,—все это стало манить меня на Востокъ всякій разъ, когда представлялась возможность и заводилась лишняя денга въ карманѣ...

Въ концѣ января 1883 г., еще не успѣвъ даже обработать матеріалы, вывезенные изъ лѣтняго путешествія на Сѣверъ, я поспѣшилъ воспользоваться продолжительнымъ вакамомъ вслѣдъ за окончаніемъ курса въ Медико-Хирургической Академіи и отправился снова на Востокъ. На этотъ разъ цѣли мои были вполне опредѣленны, и весь планъ поѣздки былъ начертанъ еще въ Петербургѣ. Поставивъ себѣ цѣлью возможно полное, постепенное ознакомленіе со всѣми странами Востока, я намѣтилъ себѣ въ эту поѣздку новое посѣщеніе Египта, переходъ черезъ пустыню на берегъ Краснаго моря, ознакомленіе съ главнѣйшими гаванями этого послѣдняго и новый переходъ черезъ Каменистую Аравію отъ Акабы до Хеврона, съ цѣлью



Александрія послѣ разгрома.

посѣщенія «города Камня» — знаменитой Петры, которой я не успѣлъ осмотрѣть въ предыдущую поѣздку. Сѣвши поэтому въ Одессѣ на русскій пароходъ, я отправился прямымъ рейсомъ черезъ островъ Сиру, центральный изъ группы греческихъ острововъ Архипелага, въ Александрію. Тотчасъ же по высадкѣ на берегъ, я отыскалъ своего добраго знакомаго Ф—ко, у котораго и остановился на день для того, чтобы еще разъ осмотрѣть Александрію, недавно разгромленную англичанами. Уже первое впечатлѣніе прекраснаго города, лучшіе кварталы котораго были разрушены бомбардировкою, было не въ пользу надменныхъ агличанъ, гордо прохаживавшихся теперь по улицамъ Александріи. Дальнѣйшее знакомство съ новыми порядками, введенными въ Египтѣ побѣдителями Араби-паши, еще болѣе увеличило это нерасположеніе, и я скоро сталъ искренне раздѣлять убѣжденіе всѣхъ честныхъ египтянъ, ненавидящихъ самозванныхъ пришельцевъ-англичанъ. Нѣсколько разъ, обходя развалины Александріи, я обращалъ вниманіе на группы туземцевъ, слушающихъ зажигательныя рѣчи какого-нибудь факира, указывавшаго на безобразныя груды обломковъ лучшихъ частей города и призывавшаго народъ ко мщенію сѣвернымъ пришельцамъ, пока англійская полиція не разгоняла эти толпы. Пробираясь черезъ груды развалинъ, остовы и обломки еще недавно великолѣпныхъ домовъ, я не узнавалъ улицъ, которыми восхищался съ небольшимъ годъ тому назадъ, и еле отыскалъ знакомаго мнѣ улицу Консуловъ и площадь Мехмета-Али со статуею, пощаженною англійскими бомбами. Самый скверикъ, гдѣ въ 1881 г. царило такое оживленіе, былъ пустъ, и только нѣсколько англійскихъ солдатъ гордо расхаживали среди неоправившихся еще отъ ужаса туземцевъ. Бомбардированіе Александріи, превратившее многіе кварталы ея въ настоящую каменоломню, засыпанную камнями и наполненную ѣдкою известковою пылью, представляетъ позорную страницу въ исторіи англійскаго флота, стрѣлявшаго тяжелыми бомбами въ беззащитный городъ.

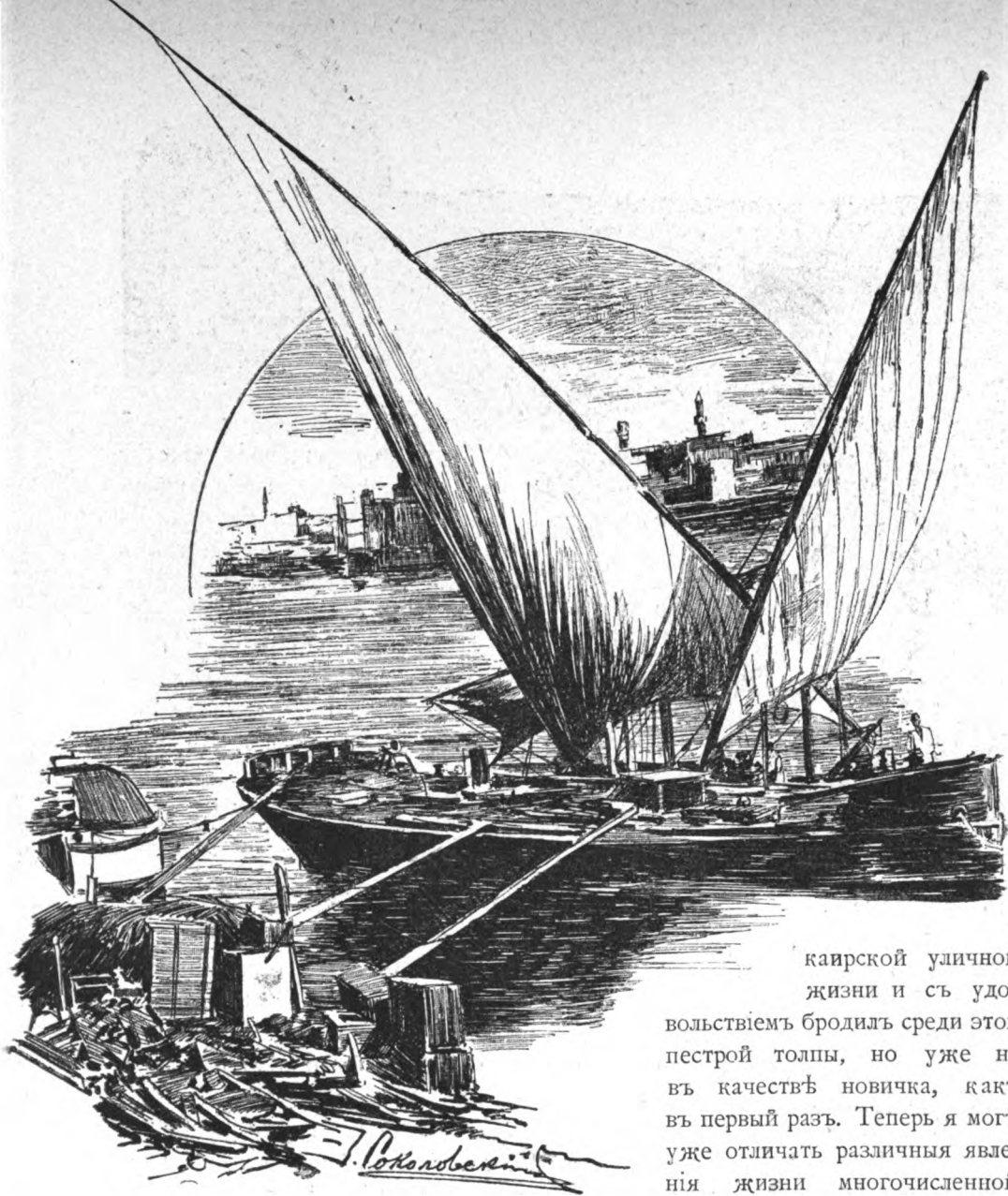


Видъ Каира.

Мой добрый знакомый Ф—ко, пережившій тяжелые дни, предшествовавшіе бомбардированію Александріи, рассказывалъ мнѣ много любопытныхъ фактовъ, освѣщающихъ совершенно иначе всю исторію извѣстнаго бунта Араби-паши; между прочимъ онъ сообщилъ и тотъ интересный фактъ, что, когда бедуины и египетская чернь во время бомбардированія Александріи избивали европейцевъ, одно слово «я московъ» спасало русскихъ отъ общей участи.

Съ помощью этого магическаго слова Ф—ко спасалъ неоднократно жизнь и себѣ, и своимъ соотечественникамъ, и даже иностранцамъ, прибѣгавшимъ подъ его защиту. Этотъ фактъ всего лучше иллюстрируетъ отношенія ориентала къ русскимъ, еще болѣе улучшившіяся послѣ послѣдней войны 1877—78 г., когда сотни тысячъ мусульманъ, захваченныхъ нами въ плѣнъ, на себѣ самихъ испытали все радушіе и гостепримство русскихъ.

На другой день рано, уставъ отъ обзора печальныхъ картинъ разгрома красавицы-Александріи я проѣхалъ въ Каиръ. Великолѣпная столица Востока, разумѣется, не измѣнилась за короткій промежутокъ со времени моего перваго ея посѣщенія и производила то же ошеломляющее впечатлѣніе. Но свѣдѣнію путнику нельзя было не замѣтить той перемѣны, которую внесли даже въ косную и не поддающуюся никакимъ регламентаціямъ жизнь ориентала англичане. Мнѣ бросилось почему-то прямо въ глаза, что каирская толпа стала болѣе дисциплинированной, что англійскіе мундиры и величественные полисмены дѣйствуютъ импонирующимъ образомъ на эту пеструю и разношерстную толпу, что она движется болѣе правильно, производитъ менѣе шума и вообще ведетъ себя нѣсколько иначе, чѣмъ то было въ первое мое посѣщеніе Каира. Обиліе англійскихъ солдатъ, безпрестанное движеніе по улицамъ англійскихъ отрядовъ, запряженныхъ орудій, вызывающе-надменное обращеніе британцевъ съ туземцами,—все это бросалось въ глаза и производило самое непріятное впечатлѣніе. Только въ самыхъ глухихъ кварталахъ Каира, гдѣ меньше было англійскихъ шпионовъ, тамъ толпа чувствовала себя хорошо и всла себя такъ непринужденно, какъ и на всемъ остальномъ Востока. Тутъ я снова узнавалъ кипучую суетолюку



каирской уличной жизни и съ удовольствіемъ бродилъ среди этой пестрой толпы, но уже не въ качествѣ новичка, какъ въ первый разъ. Теперь я могъ уже отличать различныя явленія жизни многочисленной

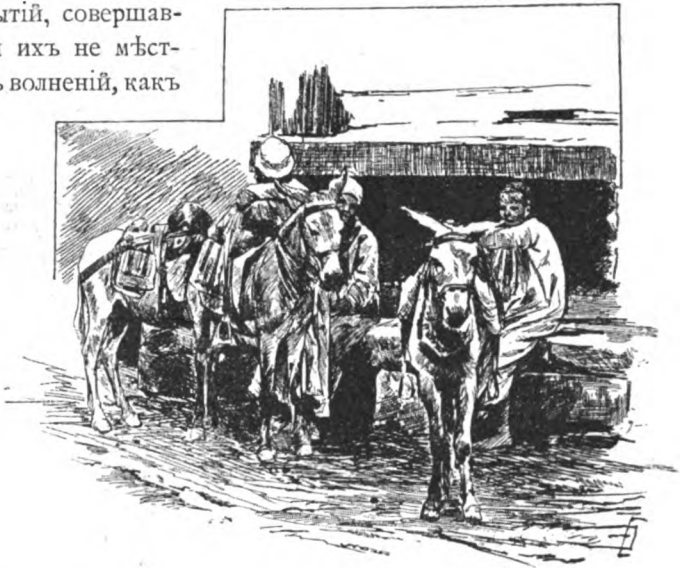
каирской толпы, различалъ разнообразныхъ ея представителей, а нерѣдко и понималъ, что волнуетъ и двигаетъ ея въ настоящую минуту.

Немного надо было мнѣ прислушиваться, чтобы услышать имя суданскаго лжепророка-махди, блистательные успѣхи котораго уже начинали волновать Востокъ. Египетъ особенно чутко относился къ бунту въ Суданѣ, а Каирскій базаръ, какъ средоточіе африканской политической жизни, былъ лучшимъ мѣстомъ, гдѣ можно было знакомиться съ событіями дней не изъ разсказовъ малосвѣдующихъ европейцевъ, а со словъ самихъ очевидцевъ и даже дѣятелей великаго дѣла, заря котораго уже занималась въ Суданѣ. Бродя вмѣстѣ съ Ф—ко по самымъ трущобамъ базара и вмѣшиваясь въ наполнявшую его толпу, мы слушали разсказы суданцевъ о махди и его успѣхахъ, разнорѣчивыя сужденія толпы о послѣднихъ событіяхъ въ Суданѣ и, наконецъ, зажигательныя рѣчи факировъ и братьевъ различныхъ религіозныхъ орденовъ. Вслушиваясь въ этотъ говоръ народа, вѣрившаго, въ общемъ, въ появленіе новаго пророка, мы предъуга-

дывали грандіозность событій, совершавшихся въ Суданѣ, считая ихъ не мѣстными вспышками народныхъ волненій, какъ то полагали европейцы Каира, а однимъ изъ проявленій живучей идеи панисламизма.

Двое сутокъ, проведенныхъ въ Каирѣ, прошли для насъ незамѣтно. Цѣлыми днями мы не выходили изъ базарной толпы, въ которой знакомились съ различными сторонами жизни Востока и почерпали свѣдѣній болѣе, чѣмъ изъ доселѣ прочитанныхъ книгъ. Мы отдыхали и кейфовали въ народныхъ кофейняхъ, объедали среди толпы на базарѣ, поучались, слушая публичныя проповѣди странствующихъ дервишей, и развлекались, смотря на многочисленныхъ фокусниковъ и заклинателей змѣй, сновавшихъ среди толпы. Подъ вечеръ второго дня Ф—ко затащилъ меня въ одну грязную кофейню, гдѣ я впервые увидалъ курителей гашиша. Десятки потребителей опиума уже полулежали здѣсь, опьяненные ядомъ, съ мутными, полуоткрытыми глазами, словно старавшимися рассмотреть въ пространствѣ тѣ волшебныя видѣнія, которыя имъ рисовало возбужденное воображеніе. Потребители гашиша вели себя спокойнѣе: на ихъ лицахъ разлито было какое-то особое блаженство, котораго они тщетно искали на землѣ, пока не обрѣли въ наркотическомъ опьяненіи. Наслышавшись много о дѣйствиіи опіа и гашиша, я самъ хотѣлъ испробовать на себѣ ихъ вліяніе, но, по совѣту Ф—ко, отказался отъ этого намѣренія. Лишь спустя три года послѣ перваго знакомства съ опиофагами и гашишинами, я испыталъ вліяніе обоихъ знаменитыхъ ядовъ Востока на себѣ и до сихъ поръ не могу забыть тѣхъ блаженныхъ моментовъ, которые пережилъ подъ вліяніемъ сока индійской конопли или гашиша.

На этотъ разъ, кромѣ базаровъ и Булакскаго музея, я не осматривалъ ничего въ Каирѣ, потому что торопился отплыть по Нилу въ самую глубину Египта. Хотя всего удобнѣе было бы сдѣлать весь этотъ путь на пароходѣ, поднимающемся довольно высоко по Нилу, но мы предпочли проѣхать часть дороги на парусной баркѣ или дахабіэ, которую мнѣ успѣлъ дешево зафрахтовать до самаго Сіута Ф—ко. Поѣздка эта, несмотря на то, что требовала гораздо болѣе времени, давала за то массу наблюденій, которыхъ нельзя было сдѣлать ни съ палубы парохода, ни изъ оконъ поѣзда, въ нѣсколько часовъ прибѣгающаго отъ Каира до Сіута. Распрошавшись съ Ф—ко и размѣстившись очень удобно на дахабіэ, я отплылъ съ пристани Гизеха, пользуясь попутнымъ сѣверякомъ, установившимся на нѣсколько дней, по увѣренію нашего реиса (кормчаго).





Неказиста съ виду дахабіѣ. Не

длинная, не узкая, не шат-

кая, но и несовсѣмъ устой-

чивая, она однако какъ нельзя болѣе приспособлена къ плаванію по

міровой рѣкѣ. Кормовая часть ея занята каютою, гдѣ я и устроилъ себѣ

удобный и уютный уголокъ. Двѣ-три скамейки перегораживаютъ судно;

двѣ мачты вколочены неуклюже, но такъ крѣпко, что никакой вѣтеръ не

сломитъ ихъ и не сорветъ двухъ парусовъ, укрѣпленныхъ какимъ-то пер-

вобытнымъ способомъ при помощи веревокъ и досокъ. Жалкое подобіе

кухни или, вѣрнѣе сказать, очага помѣщается у передней мачты; небольшая

конура втиснута въ узкій носокъ барки, но въ ней можетъ помѣститься

развѣ сухопарый реисъ—нашъ штурманъ и капитанъ, который безъ имени

Аллаха не открывалъ беззубаго рта.

Подъ вечеръ, когда, послѣ сильныхъ дождей, пышнѣ зацвѣли и за-

благоухали сады Шубры и Родаха, мы отплыли отъ Гизеха, сопровождае-

мые ароматами олеандровъ, померанцевъ и розъ, которые неслись за нами

на легкихъ крыльяхъ вѣтерка. Вскорѣ за кучами пальмъ Гизеха и Родаха

какъ-то сразу пропали признаки великаго города, хотя въ золотыхъ лучахъ

догорающаго солнца еще горѣли и искрились десятки изъ «сорока соро-

ковъ» мечетей Каира, этой мусульманской Москвы.

То было время чудной весны въ Египтѣ. Стоячія воды поросли свѣ-

жимъ высокимъ тростникомъ, приподнявшимъ колосистыя головки къ небу;

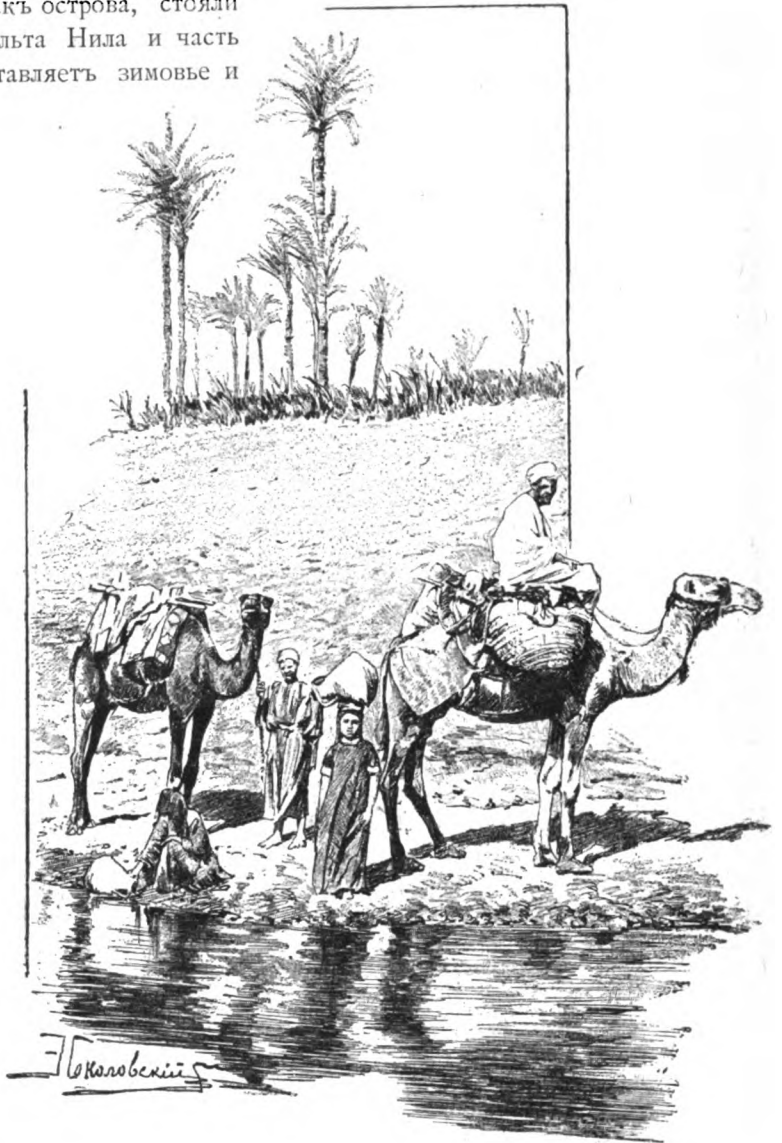
свѣтлорозовая кувшинка усѣлась на своихъ широкихъ листьяхъ; сотни

травъ и цвѣтовъ, пополамъ съ иломъ и водой, наполнили озерки, плесы и

поля. Акаціи, мимозы и сикоморы усталились изгородями посреди этого

моря зелени, на которомъ, какъ острова, стояли купы финиковыхъ пальмъ. Дельта Нила и часть его сѣверныхъ береговъ представляетъ зимовье и кочевье для большинства нашихъ птицъ, тотъ таинственный край, куда направляются наши милые пернатые друзья. Всю зиму и раннюю весну гостятъ въ «странѣ фараоновъ» гости далекаго Сѣвера; особенно живописное зрѣлище представляютъ тогда озера - болота Нижняго Египта, упирающіяся почти въ самый берегъ Средиземнаго моря.

Надо имѣть острое зрѣніе орла, парящаго въ высотѣ, чтобы окинуть взоромъ это зимовище и пристанище нашихъ и другихъ европейскихъ птицъ. Безчисленными стаями усѣлись европейскія утки на подернутыхъ зеленью топяхъ; дикіе гуси и перепела еще не успѣли пообѣстать и съ громкими криками носятся надъ водою; еще выше приподнялись стада морскихъ ласточекъ, чаекъ и мелкой голенастой твари; надъ ними взлетаютъ орлы-могильники и кликуны; бѣлохвостые орланы, скопы и ястреба рѣютъ неподвижно надъ птичьимъ міромъ, не ища, а выбирая жертвы, которыя и не думаютъ улетать. Словно въ исполинскомъ ковчегѣ столпилась безчисленная птичья рать. Посмотришь на поверхность озера и болота,—мѣстами не видно ни грязи, ни воды: живою гатью легли на нихъ бѣлосвѣжные пеликаны, красноогненные фламинго, стаи пестрыхъ чибисовъ, улитъ, ржанокъ и береговиковъ; большія общества лебедей, какъ цвѣты гигантскаго лотоса, легли въ тѣни плесовъ, осѣненныхъ сикоморами; пестрыя и бѣлыя папи и выпи, священные ибисы и ходульная акатка,— все это движется и толчется подъ золотыми лучами африканскаго солнца. Ночной выпъ залегъ, словно въ секретѣ, въ глухой заросли тростника: пестрая кваква, какъ на сторожевомъ посту, засѣла, нахохлившись, на вершинахъ одинокихъ деревьевъ. Въ кустахъ, въ травѣ и въ густой зелени рожицы, что глядятся въ зеркальныя воды, шумитъ иной, еще болѣе под-



вижной и веселый пернатый мирь. Мухоловки, щеврицы, пѣночки, жаворонки, горихвостки, зяблики и десятки другихъ нашихъ сѣверныхъ пѣвцовъ собрались здѣсь въ огромныя общества, словно для борьбы съ мириадами мелкой рати насѣкомыхъ, что копошится между листьями въ травѣ, въ камышахъ, въ водѣ, и толчется докучливыми стаями въ самомъ воздухѣ, пронизанномъ дыханіемъ притропической весны... Всею этою разнообразною картиною, разумѣется, не увидишь съ борта дахабіэ, качающейся на водахъ священнаго Нила подъ самымъ Каиромъ; для того, чтобы увидѣть ее, надо хотя однимъ глазкомъ взглянуть на то, что дѣлается раннею египетскою весною на озерѣ-болотѣ Мензалехъ...

Пользуясь благоприятнымъ вѣтромъ, наша небольшая дахабіэ поплыла вверхъ по волнамъ священнаго Нила. Утомленный за день бѣготни по Каиру, я рано легъ въ своей конурѣ и скоро заснулъ, прислушиваясь къ всплескамъ струй, разсѣкаемыхъ нашею баркою, подъ говоръ священной рѣки и мелодичныя пѣсни птичекъ, рѣзвившихся въ густыхъ заросляхъ тростника...

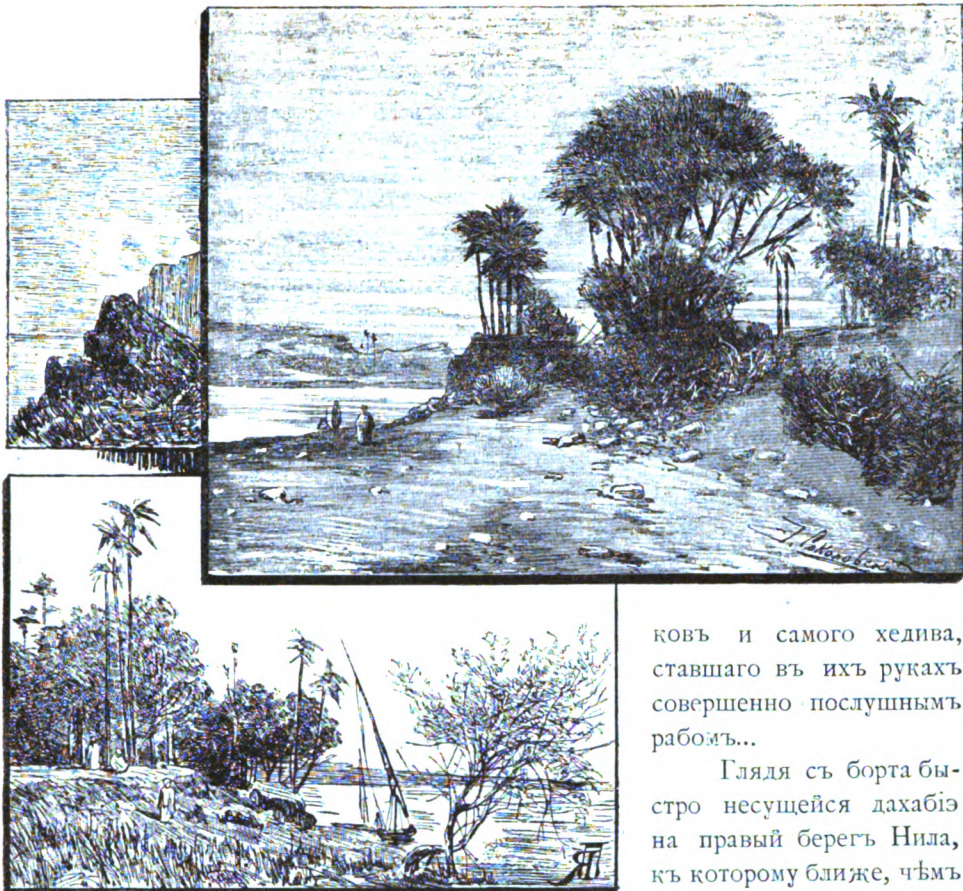
Легкіе всплески весель дахабіэ на зарѣ разбудили меня, и я поспѣшилъ выбраться изъ каютки на палубу, уже залитую яркими лучами солнца, поднимавшагося изъ-за вершинъ Моккатама. Съ вершины недалекаго минарета, что, какъ бѣлая свѣчечка, высоко поднялся къ голубому небу, полились гортанныя, пѣвучія призыванія муэззина, далеко отдававшіяся по струямъ священнаго Нила и въ глубину ливійскихъ пустынь, подошедшихъ съ востока къ рѣкѣ.

— Беисмъ Лилляхи! Салла энъ неби э ахуане! Гай эль саллахъ! (Во имя Божіе! Восхвалимъ, братія, пророка! Живѣе на молитву!)—неслись и таяли въ чистомъ воздухѣ призывныя слова муэззина.

— Хауенъ далэйне и раббо! (Помилуй насъ, Господи!)—отвѣчали матросы, падая ницъ въ ту сторону, гдѣ за бѣловато-желтыми холмами прячутся сотни минаретовъ Каира.

За ночь мы прошли довольно далеко отъ Гизеха, но огромныя пирамиды его еще виднѣлись позади, какъ вершины трехугольныхъ массивовъ, позлащенныхъ лучами восходящаго солнца. За нами далеко оставались и развалины Мемфиса, и знакомыя пирамиды Дашура, Сакъ-Каріа и Абу-Сира, около которыхъ мы бродили года полтора—два тому назадъ. Мы прошли, не останавливаясь, до самаго Масхуна, гдѣ нашъ реисъ Салехъ счелъ нужнымъ постоять съ полчаса, чтобы забѣжать за какимъ-то совѣтомъ къ мѣстному муллѣ, и предоставилъ намъ любоваться на красоты противоположнаго берега, осѣненного пальмами и сикоморами и усѣяннаго разноцвѣтными полосами зеленѣющихъ и цвѣтущихъ полей; группы пирамидъ Дашура и Сакъ-Каріа являлись лучшимъ украшеніемъ этого настоящаго египетскаго пейзажа...

При значительно посвѣжѣвшемъ вѣтрѣ мы быстро прошли деревушку Атфіэ, стоящую на развалинахъ древняго Афродитополиса или города Гаторъ, Венеры древняго Египта. Салехъ, указывая на группу небольшихъ холмиковъ, составленныхъ изъ обломковъ города, прибавилъ намъ, что среди нихъ живетъ теперь святой отшельникъ, питающійся только подаяніемъ, который предсказываетъ близкое освобожденіе Египта отъ ига фран-



ковъ и самого хедива, ставшаго въ ихъ рукахъ совершенно послушнымъ рабомъ...

Глядя съ борта быстро несущейся дахабіэ на правый берегъ Нила, къ которому ближе, чѣмъ къ лѣвому, подходитъ съ

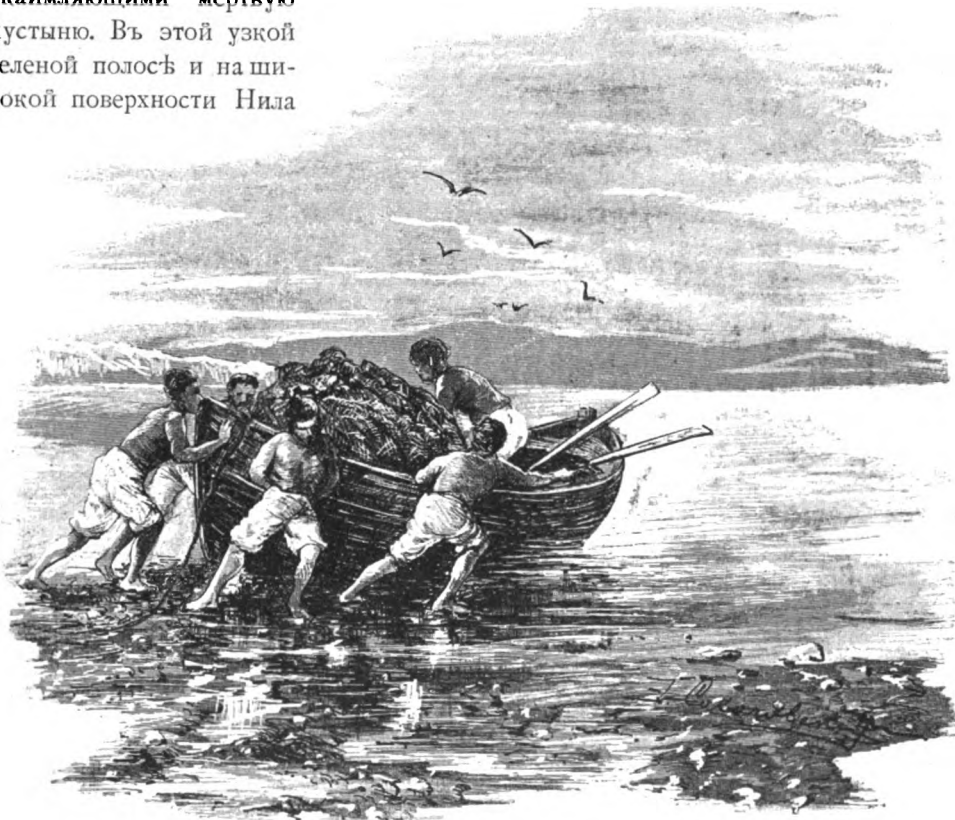
востока пустыня, я переносился мыслью далеко за линію ближайшихъ желтоватыхъ холмовъ аравійской цѣпи. «Въ той пустынѣ,—думалось мнѣ,—мудрые египтяне находили обильный матеріалъ для своихъ гигантскихъ построекъ, въ глубинѣ безчисленныхъ известковыхъ холмовъ они устраивали огромные города мертвыхъ, населяя ихъ муміями умершихъ животныхъ и людей; тамъ же, позднѣе, среди мертвой природы и ничѣмъ не возмущаемой тишины, многочисленные христіанскіе отшельники Египта находили себѣ пріютъ отъ суеты и гоненій языческаго міра!» Мѣстами горы праваго берега подходятъ къ самому берегу, словно готовясь преградить теченіе Нила; древній человѣкъ отмѣтилъ многія изъ этихъ каменныхъ громадъ, вырубивъ въ нихъ погребальныя пещеры, каменоломни и катакомбы. «Тамъ входъ въ подземное царство, страну вѣчнаго мрака и печали»,—говоритъ современный феллахъ. «Тамъ, въ этихъ подземельяхъ, гдѣ царствуетъ Гаторъ, человѣкъ можетъ успокоиться отъ превратностей жизни и приблизиться къ божеству»,—думалъ древній египтянинъ, изрывая погребальными пещерами бока известковыхъ скалъ, окаймляющихъ Нилъ.

Хотя къ вечеру попутный сѣверякъ нѣсколько и уялъ, но мы все-таки не становились на якорь, а плыли медленно всю ночь, распусшивъ всѣ паруса дахабіэ, убаюкиваемые тихими всплесками разрѣзаемой нильской волны. Какъ ни тихо плыли мы эту ночь, но до утра проѣхали нѣкоторыя изъ знакомыхъ мнѣ по прошлой поѣздкѣ мѣстъ и въ томъ числѣ желѣзнодорожную станцію Эль-Васта и Мейдумъ, извѣстный своею оригинальною ступенчатою пирамидою, которая теперь вздымалась позади. Мейдумскою

пирамидою оканчивается группа сѣверныхъ пирамидъ; другіе памятники подобнаго рода находятся уже въ Верхнемъ Египтѣ, куда несла насъ быстроходная дахабіэ.

Рядъ многочисленныхъ феллахскихъ деревушекъ идетъ по обоимъ берегамъ Нила, разнообразя на каждомъ шагу монотонность общаго ландшафта, характеризующаго Египетъ. Узкая долина рѣки, стѣсненная двумя параллельными цѣпями, ограничивающими площадь великой Ливійской пустыни, и покрытая цвѣтущими полями, прорѣзанными безчисленными оросительными каналами, была бы совершенно однообразна, если-бы ее не украшали многочисленные деревушки, окруженныя садами и осѣненные развѣсистыми сикоморами и великолѣпными группами финиковыхъ пальмъ. Нашъ реисъ Салехъ называлъ намъ каждую деревушку по имени и сообщалъ о нихъ разныя подробности, интересныя лишь для него одного, а потому мы слушали только однимъ ухомъ безконечныя розказни болтливаго старика и выпускали ихъ въ другое.

Мы не будемъ подробно описывать всѣхъ деталей нашего долгаго и нѣсколько утомительнаго пути. Какъ въ безконечной панорамѣ, развертывались передъ нами въ разнообразныхъ перспективахъ живописные берега Нила, горные массивы праваго берега, изрытые пещерами, и точно разграфленныя поля Нильской долины. Купы финиковыхъ пальмъ, рощи сикоморъ, красивые сады и деревушки—все это перемѣшалось между собою въ самыхъ живописныхъ сочетаніяхъ. Жизнь Египта кипитъ ключемъ на берегахъ священной рѣки и замираетъ тотчасъ за желтѣющими возвышеніями, окаймляющими мертвую пустыню. Въ этой узкой зеленой полосѣ и на широкой поверхности Нила





ютятся не только человекъ, но всѣ животныя и птицы Египта и болѣе девяти десятыхъ растительныхъ видовъ; лишь немногіе выносливые представители флоры и фауны осмѣливаются отходить далеко отъ животворящей струи Нила и оживлять своимъ присутвіемъ раскаленные пески и камни Ливійской пустыни. Во время своего продолжительнаго плаванія мы наблюдали поэтому съ одинаковымъ интересомъ не только дѣятельность человека, но и животную жизнь береговъ Нила. Стаи водныхъ птицъ оживляютъ берега и воды священной рѣки и нерѣдко, не смущаясь близкимъ присутвіемъ человека, плывутъ и летаютъ возлѣ многочисленныхъ лодокъ и дахабіэ, плывущихъ и качающихся на Нилѣ, и плещаются почти у самыхъ ногъ рыбаей, извлекающихъ свои сѣти. Бѣлые и черные ибисы важно расхаживаютъ по берегамъ Нила, красивые аисты бродятъ по отмелямъ, на которыхъ густо разсѣлись стаи другихъ плавающихъ и голенастыхъ птицъ. Съ борта дахабіэ не разсмотрѣть всѣхъ многочисленныхъ породъ, и приходится принимать на вѣру слова реиса, знающаго каждую птицу, волящуюся на Нилѣ, хотя и подъ арабскимъ названіемъ, не говорящимъ ничего для уха европейца.

Гораздо ближе намъ удалось познакомиться съ рыбами, населяющими воды Нила. Нерѣдко намъ приходилось наблюдать содержимое корзины и сѣтей нильскихъ рыбаковъ; не разъ и съ борта нашей дахабіэ закидывались сѣти, доставлявшія намъ немалую добычу. Между прочими рыбами мнѣ удалось увидеть и тѣхъ, которыя составляютъ особенность нильской фауны, напримѣръ: колючаго факаха изъ (рода *Tetrodon*) змѣевиднаго бишира (изъ рода *Polurterus*) и остроносаго тунца (*Mormyrus oxurhynchus*). Жареная и вареная рыба составляли главную составную часть нашего продовольствія во все время плаванія на дахабіэ.

Быстро промелькнули передъ нашими глазами коптскій монастырь св. Антонія и городокъ Бушкара. Мы достигли красиваго Бени-Суефа, уютнаго среди сикоморъ и пальмъ. Здѣсь нашъ реисъ хотѣлъ заночевать, но я упросилъ его плыть дальше, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, тѣмъ болѣе, что городъ этотъ былъ уже знакомъ намъ по предыдущему путешествію. Во время непродолжительной остановки у Бени-Суефа мы погуляли по городу и посѣтили обширную его фабрику, снабжающую своими тканями половину населенія окружающей Нильской долины. Было уже совсѣмъ темно и моросилъ довольно частый дождь, принесенный вѣтромъ съ Средиземнаго моря, когда мы выѣхали изъ Бени-Суефа. Мое вниманіе обратилъ большой костеръ, зажженный на противоположномъ берегу, на вершинѣ могучаго массива Джебель-Джибула, выступающаго въ самыя воды священной рѣки. По словамъ Салеха, этотъ огонь означалъ празднованіе какихъ-

то сектантовъ,—которыхъ нашъ реисъ обзываетъ «проклятыми»,—справляющихъ всѣ свои торжества въ глубинѣ пещеръ и на вершинахъ горъ, на потѣху злымъ джинамъ, покровительствующимъ имъ...

Во время ночи, подгоняемые свѣжимъ сѣверякомъ, мы прошли городокъ Фрехнъ съ недалекими развалинами древняго египетскаго города Хеба и къ утру были у подножія огромнаго и величественнаго массива Джебель-Ембарека, который словно загородилъ насъ отъ попутнаго вѣтра, подгонявшаго дахабіэ. Нѣсколько зеленыхъ острововъ, расположенныхъ по срединѣ рѣки напротивъ этого массива, придавали особенную красоту пейзажу, которымъ не могъ не залюбоваться даже старый Салехъ.

— То дѣти Джебель-Ембарека,—говорилъ нашъ реисъ, указывая на островки.—Они отпали отъ своего отца, который любовно смотритъ на нихъ со своей каменистой вершины.

«То дѣти не каменистой горы,—неволью подумалъ я при этихъ словахъ реиса,—а дѣти самого Нила». Много такихъ песчаныхъ и илистыхъ островковъ разсыпано на длинномъ теченіи священной рѣки; во многихъ мѣстахъ по теченію Нила эти островки, часто украшенные пальмовыми рощицами, сѣживаютъ могучую рѣку, раздѣляя ее на нѣсколько рукавовъ и еще болѣе увеличивая красоту пейзажа.

При наступившемъ безвѣтріи съ большимъ трудомъ мы дотянулись на веслахъ до Марарраха, значительнаго селенія, богатаго плантаціями сахарнаго тростника. Такъ какъ намъ пришлось здѣсь остановиться до самаго вечера, то я имѣлъ возможность присмотрѣться къ каторжному труду египетскаго феллаха, изнывающаго на своей нивѣ подъ палящими лучами солнца и часто не имѣющаго достаточно хлѣба, чтобы накормить свою голодающую семью. Много страницъ надо посвятить тому, чтобы возможно полно описать ужасное положеніе египетскаго феллаха, страшная бѣдность котораго, такъ сказать, унаслѣдована имъ еще отъ своихъ праотцевъ. «Нѣтъ въ мірѣ народа несчастнѣе феллаховъ»,—говоритъ пословица обитателя Нильскихъ береговъ, и я неоднократно припоминалъ ее, глядя, какъ работаютъ несчастные феллахи на сахарныхъ плантаціяхъ хедива въ окрестностяхъ Марарраха...

Къ счастью нашему, подъ вечерокъ потянулъ снова вѣтеръ съ сѣвера и надулъ трехугольные паруса нашей дахабіэ. Снова пошла она рѣзать встрѣчныя волны священной рѣки, а мы задремали подъ этотъ пріятный для уха всплескъ и заунывныя пѣсни реиса...

Къ утру мы уже оставили за собою городокъ Абу-Гирге съ его красивыми минаретами, развалины Кинополиса, среди которыхъ я бродилъ еще такъ недавно, отыскивая колодцы мумій, и добрались до селенія Қоло-Сана, гдѣ и остановились на цѣлый день, потому что вѣтеръ стихъ при наступленіи знойнаго дня, а хижина нашего реиса Салеха, просившаго принять его гостепрїимство, представляла всѣ данныя для полнаго роздыха послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ на дахабіэ.

Бѣлая мазанка Салеха съ широкимъ гнѣздомъ аиста на плоской крышѣ, затонувшая въ яркой зелени гранатовыхъ деревьевъ, жасминовъ и розъ, показала намъ красивымъ гнѣздышкомъ среди окружающей грязной и непривѣтливой деревни. Широкая сикомора и нѣсколько стройныхъ

пальмъ отгѣняли селамлыкъ или пріемную залу Салеха. Внутри помѣщеніе было довольно неопратно: каменные полы его устланы циновками, не знавшими смѣны; широкая софа залита масломъ, а по стѣнамъ, почернѣвшимъ отъ грязи, бѣгали насѣкомыя. Старая ханьма (жена) реиса встрѣтила меня съ низкимъ поклономъ и привѣтствіями, благодаря Аллаха, пославшаго къ ней такого рѣдкаго гостя. Два сына Салеха, статные феллахи, также какъ и молодая фатъмэ, невѣстка реиса, привѣтствовали насъ при входѣ въ хижину, а два черномазыхъ арабченка, почти неприкрытыхъ одеждою, въ красныхъ тарбушахъ (фескахъ), бросились издали навстрѣчу любимому дѣду.

Пока женщины хлопотали объ обѣдѣ, мы съ Салехомъ и его сыновьями осмотрѣли поле и садъ, которыми справедливо могъ гордиться нашъ реисъ, считавшійся въ своей деревнѣ настоящимъ богачемъ. Оба феллаха посвятили меня во всѣ тонкости ихъ хозяйства, показали свои оросительные каналы и хитро приспособленные шадуфы (оросительныя машины), свои богатые запасы риса и многое другое, что могло болѣе интересовать феллаха, чѣмъ заѣзжаго издалика европейца. Потрудившись вдоволь при обзорѣ хозяйства Салеха, мы съ удовольствіемъ вернулись въ тѣнистый селамлыкъ и принялись за ѣду, уже приготовленную искусными руками стройной фатъмэ. Неизбѣжный пилавъ, вкусно приготовленный изъ риса и баранины, фаршированные египетскіе огурцы, черныя оливки собственнаго соленія и горсть нѣжныхъ финиковъ казались особенно вкусными на свѣжемъ воздухѣ, подъ тѣнью зеленой сикоморы. Молодой лафитъ поднесъ мнѣ еще огромный букетъ жасминовъ и уардовыхъ розъ. Несовсѣмъ гигиеничнымъ, но въ высшей степени пріятнымъ купаньемъ въ Нилѣ окончилось мое пребываніе во владѣніяхъ Салеха; къ вечеру того же дня, пользуясь сильно подувшимъ вѣтромъ, мы поплыли далеко на югъ.



Глава XI.

Встрѣча съ коптскими монахами.—Приглашеніе Мустафы-бея.—Танцы альмей.—Снова на дахабіэ.—Страна руинъ.—Сіуть.—На англійскомъ пароходѣ.—Посѣщеніе древняго храма Озириса.—Дендерскій храмъ.



ОРОШИЙ вѣтеръ дотянулъ насъ недалеко: среди ночи паруса нашей дахабіэ повисли, и мы поневолѣ остановились у подножья извѣстной въ окрестности Птичьей горы, Джебель-этъ-Таиръ, опускающейся своими отвѣсами прямо въ Нилъ. Небольшой коптскій монастырь Дейръ-Бакара лѣпится по склонамъ

ся наподобіе ласточкина гнѣзда; многочисленныя пещеры, изсѣченныя въ толщѣ Птичьей горы, издали кажутся гнѣздовищами стрижей или пчелиными сотами. Нѣсколько монаховъ приплыли къ намъ на небольшой лодкѣ и, узнавъ, что въ дахабіэ находится русскій, полюбопытствовали подняться на барку. Почтенные иноки были очень мало похожи на монаховъ и все время довольно развязно болтали съ моими арабами, выслушивая у нихъ все то, что тѣ знали обо мнѣ. Удовлетворивъ свое любопытство, они пристали ко мнѣ со своими распросами, и только распорядительность стараго Салеха, безцеремонно согнавшаго съ барки монаховъ, освободила меня отъ назойливыхъ гостей. Признаюсь, мнѣ очень хотѣлось-бы подняться на вершину Джебель-этъ-Таира, чтобы съ высоты ласточкина гнѣзда Дейръ-Бакара бросить взоръ на долину Нила и

замыкающую ее пустыню. Многочисленные гроты горы также привлекали мое внимание, тѣмъ болѣе, что Салехъ наговорилъ много любопытнаго про Джебель-этъ-Таиръ, на вершинѣ котораго, по мѣстной легендѣ, собираются ежегодно въ полночь всѣ птицы Африки для того, чтобы распредѣлить между собою страны для обитанія и отсюда разлетѣться во всѣ уголки Чернаго материка. Несмотря на все это, торопясь по возможности впередъ въ болѣе интересныя въ археологическомъ отношеніи страны Верхняго Египта, я согласился съ Салехомъ, что не стоитъ тратить дня для посѣщенія «дрянныхъ монаховъ» Бакара и пещеръ Птичьей горы, гдѣ легко можно встрѣтить оборотня «марафила», отъ встрѣчи съ которымъ да избавить Аллахъ всякаго порядочнаго человѣка! Почти цѣлый день отъ подножія Джебель-этъ-Таира мы тянулись на веслахъ, тихо подвигаясь впередъ; всѣмъ пришлось поработать на веслахъ и даже мнѣ на этотъ разъ пришлось на вре-



Продавецъ сахара.



мя покинуть свою роль ничѣмъ не занятого, привилегированнаго пассажира...

Благодаря такому способу передвиженія, лишь на другой день мы добрались до городка Минніэ, многочисленныя минареты котораго издали манили насъ, но самый городъ не представлялъ ничего интереснаго, такъ какъ сюда уже успѣли пробраться европейскій кузнецъ и мастеровой. За то вокругъ города, въ ближайшихъ его окрестностяхъ, натуралистъ и охотникъ найдутъ себѣ довольно добычи. Насъ мало интересовалъ сахарный заводъ и другія фабрики, заведенныя здѣсь еще со временъ знаменитаго Ибрагима, и мы съ ужасомъ помышляли о томъ, что придется нѣсколько дней въ ожиданіи вѣтра просидѣть въ скучномъ Минніэ. Я думалъ уже покинуть барку и двинуться далѣе сухимъ путемъ, но, къ счастью, меня выручилъ Мустафа-бей, полковникъ египетской службы, съ которымъ я познакомился еще въ вагонѣ между Александріею и Каиромъ. Почтенный бей, пробывшій мѣсяца два въ

плѣну въ Россіи, настолько полюбилъ русскихъ, что до сихъ поръ не могъ забыть о русскомъ гостепріимствѣ и радъ былъ на первомъ встрѣчномъ путникѣ, прибывшемъ изъ далекой Московіи, хотя отчасти отплатить за оказанное ему нѣкогда хлѣбосольство.

Въ Минніэ, гдѣ стояла часть низама, которою командовалъ Мустафа, я былъ принятъ, какъ почетный гость, и весь домъ зажиточнаго бея былъ предоставленъ въ мое распоряженіе. Три дня, проведенныхъ въ городѣ, прошли поэтому для меня незамѣтно. Всѣ, начиная съ офицеровъ и кончая солдатами, ухаживали за интереснымъ гостемъ Мустафы. Въ честь меня устраивались обѣды, попойки, прогулки верхомъ и катанье на лодкѣ по Нилу, а самъ хозяинъ, не зная, чѣмъ только угодить рѣдкому гостю, устроилъ вечеръ, для котораго раздобылъ откуда-то трехъ молодыхъ танцовщицъ, — товаръ, запрещенный въ городахъ Сѣвернаго Египта. Прославленные путешественниками раузіать или танцовщицы Египта, очаровывавшія не только сыновъ Востока, но и пришлыхъ туристовъ изъ Европы, еще сравнительно недавно плясали по всей странѣ. Рѣдкій городъ не имѣлъ тогда своего института раузіать; особенно славился ими богатый розами Эснэ, откуда выходили лучшія плясуньи, потѣшавшія своими танцами изнѣженныхъ эфенди. Суровая рука Аббаса-паши изгнала веселыхъ раузіать изъ Каира и другихъ сѣверныхъ городовъ Египта, и теперь этихъ танцовщицъ можно встрѣтить только въ Эснэ, Кеннэ, Сіутъ и другихъ городахъ Верхняго Египта. Если не ошибаюсь, почтенный Мустафа-

бей, любившій повеселиться самъ и доставить удовольствіе молодымъ офицерамъ, собиравшимся у него, на свой собственный счетъ держалъ трехъ молоденькихъ танцовщицъ въ Минніэ. Позднимъ вечеромъ, послѣ хорошей попойки, собрались обыкновенные гости и завсегдатаи Мустафы въ его меблированную по восточному приему. Для увеселенія гостей были приглашены два гусяра и цѣлый странствующій оркестръ, состоявшій изъ египетскаго барабана, свирѣли, рода цимбалъ съ кастаньетами и однострунной арфы (ребоба). Послѣ долгаго, несовсѣмъ стройнаго, но довольно оглушительнаго концерта изъ-за тяжелой портьеры выпорхнули три молоденькія раузіатъ.

Довольно стройныя, хотя и сильно подкрашенные, кокетливо одѣтыя, эти балерины современнаго Египта производили пріятное впечатлѣніе. Кокетливо завитые подъ красною шапочкою съ золотыми и серебряными монетами волосы прикрывали лобъ. Кружевная розовая, съ глубокою прорѣхою на груди и широкими рукавами рубаха, атласный малиновый корсетъ съ откровенною вырѣзкою и обширныя шелковые шаровары, — таковъ былъ костюмъ, облегавшій гибкое тѣло раузіатъ; поверхъ шароваръ накинута была дорогая шаль, плотно облегающая бедра; темномалиновая бархатная куртка и красныя сафьянныя туфли дополняли костюмъ танцовщицъ.

Держа въ рукахъ двуструнную гитару или увѣнчанный бубенчиками тарабукъ (бубень), побрякивая звонкими кастаньетами, полныя восточной нѣги и огня начинаютъ раузіатъ свою обыкновенную пляску. Быстро выпрямляется ихъ стройный станъ, красивыя обнаженныя руки вскидываются на верхъ, звучитъ бубень, алмея изгибается, словно змѣя, и какъ-то неслышно плыветъ по коврамъ, слѣдуя такту музыки, выбиваемому бубномъ и саджадами (кастаньетами). Все сильнѣе и сильнѣе изгибается раузіатъ, закинувъ далеко назадъ голову; золотыя монеты блистаютъ и звенятъ въ черныхъ, завитыхъ колечками волосахъ, высоко приподнимается полуоткрытая грудь, все тѣло алмеи дрожитъ и содрогается, и ноги скользятъ мелкими шажками подъ лепетъ замирающихъ кастаньеть. Едва касаясь пола, взлетаетъ потомъ она на остромъ носкѣ шитыхъ золотомъ туфель, широкіе шелковые шальвары съ легкимъ шуршаньемъ вьются красивыми складками вокругъ стройной ножки, гремящей металлическими кольцами, гибкій станъ колышется, красивыя смуглыя руки, едва держащія бубень, откидываются безпомощно назадъ вмѣстѣ съ опрокинутымъ туловищемъ и головою, едва не касающаюся ков-



ровъ дорогой софы. Легкій кисейный воротъ спустился ниже съ матово-смуглой шеи,—и плохо сдержанное выраженіе восторга прокатилось по залѣ, когда, мелко сѣменя ногами и дрожа всѣмъ торсомъ, танцовщицы какъ-бы замерли на мѣстѣ.

Послѣ небольшого перерыва, во время котораго и гостямъ, и рауазіатъ были предложены ракичка, ароматная мастика, шербетъ, плоды и другія сласти, танцы продолжались еще съ полчаса, пока отуманенные «огненнымъ напиткомъ» мои собесѣдники не потребовали знаменитый по своей непристойности танецъ пчелы—наэле, изъ-за котораго рауазіатъ и подверглись гоненію Аббаса... Я не буду описывать этого чувственного танца,—остатка древнихъ сатурналій, мистическаго культа Вакха, Адониса и позднѣйшихъ римскихъ оргій. Быстрое неистовое круженіе на одномъ мѣстѣ, всевозможныя движенія рукъ, ногъ и поясницы, кончающіяся постепеннымъ сбрасываніемъ одеждъ подъ сладострастный тактъ музыки, пляской полуобнаженныхъ альмей и медленнымъ ихъ одѣваніемъ среди непрерываемыхъ танцевъ и мимическихъ тѣлодвиженій,—вотъ что представляетъ знаменитый танецъ пчелы или осы, отъ котораго несомнѣнно произошелъ и современный серпантинъ.

Въ ожиданіи спасительнаго вѣтра весь слѣдующій день я пробродилъ по окрестностямъ Минніэ въ сопровожденіи одного изъ офицеровъ, приглядываясь къ жизни несчастнаго феллаха. Нужно самое пылкое восточное воображеніе, чтобы представить себѣ, до чего низко можетъ пасть чело-вѣкъ, задавленный судьбою и тираниею даже среди щедрой природы, среди довольства, которое могло-бы его окружать. У феллаха нѣтъ собственности; онъ обрабатываетъ землю для другого, еще платя за нее пошлину; естественно поэтому, что несчастный вѣчно находится подъ страшнымъ угнетающимъ игомъ, убивающимъ физическія и подрывающимъ моральныя силы. Капризъ, произволъ и насиліе вмѣстѣ съ безправіемъ—вотъ отъ чего зависитъ даже частная жизнь феллаха. Алчные мудирь взимаютъ пошлину даже за тотъ кусокъ хлѣба, ту горсточку дурры или щепотку соли, что купилъ феллахъ для своей истощенной семьи. Онъ платитъ даже за красоту своей дочери или жены, если та или другая приглянулась мудирю, и долженъ быть счастливъ, если еще успѣетъ сохранить ихъ при себѣ.

Поздно вечеромъ я возвратился изъ своей экскурсіи въ гостепріимный домъ Мустафы. Лишь въ полночь, когда все затихло въ пріютившемъ меня конакѣ, я вышелъ на террасу подышать свѣжимъ воздухомъ ночи, напоеннымъ водяными парами Нила, ароматами душистаго сада и прохладой послѣ душнаго дня. Не шелохнется недвижимый воздухъ, старый Нилъ какъ-то безмолвно струить свои воды; звѣзды неба отразились въ нихъ; купаются онѣ, мерцаютъ и пропадають въ глубинѣ, словно падая въ голубую лазурь и серебристыя струи священной рѣки. Сизая дымка повисла надъ водою, и темная дахабіэ Салеха утонула въ ней съ неуклюжимъ тѣломъ и неподвижными снастями. У ногъ моихъ разстилается сонный садъ Мустафы, сдвигающійся къ самому Нилу. Еле покачивая роскошною верхушкою, дремлетъ высокая пальма, словно сторожъ апельсиновой рощи и зарослей жасминовъ и розъ; отъ подножія ея несутся ароматы фелсенеха, жонкилей

и уарда; подъ поцѣлуями медососовъ бѣлая лилія дышетъ еще благовоніе, чѣмъ днемъ широкозѣвные козодои носятся надъ благоухающимъ садомъ, лова десятки ночныхъ бабочекъ, что слетѣлись цѣловаться съ цвѣтами; въ перегонку съ ними ныряютъ въ воздухъ быстрые нетопыри... Но вотъ съ берега Нила раздались томительно нѣжные звуки ребоба, и мелодичная пѣснь незримаго пѣвца понеслась надъ сонною рѣкою. Пріятныя теноровыя, немного гортанныя нотки молодого голоса покатались далеко въ тишинѣ ночи, составляя словно одно цѣлое съ ароматомъ сада, пѣсней цикалъ и всѣми прелестями волшебной египетской ночи.

На утро я снова былъ на Нилѣ, на лодкѣ стараго Салеха, который уже приладилъ свои рваные паруса, чтобы поставить ихъ навстрѣчу сѣверо-восточному вѣтру и съ его помощью тащить далѣе по Нилу нашу уютную дахабіэ. Когда я всходилъ на бортъ этой послѣдней, надъ головою моею вдругъ раздались знакомые милые звуки... Я узналъ ихъ: журавлиная стая неслась по голубому небу, направляясь къ далекому сѣверу, быть можетъ, въ Россію... Мысленно я посылая съ нею свой привѣтъ родинѣ, еще погребенной въ зимнихъ снѣгахъ...

Отъ Минніэ мы быстро поплыли впередъ, словно стараясь наверстать потерянное время затишья. Старый Салехъ почему-то очень торопился. Все дальше и дальше отплывалъ я отъ современнаго Египта, Египта европейцевъ, банкировъ и купцовъ, и съ каждымъ изгибомъ Нила приближался къ иному міру, гдѣ не такъ властно золото, гдѣ не такъ стонетъ феллахъ. Правда, телеграфная проволока бѣжитъ вдоль священной рѣки, правда, англійскіе пароходы пробѣгаютъ по Нилу мимо великихъ развалинъ древняго Кеми, но здѣсь уже Востокъ беретъ верхъ надъ Западомъ. Лоскъ европейской культуры не стираетъ самобытной физіономіи страны, и египтянинъ не ломаетъ изъ себя европейца. Мы вступили уже въ великую область древнихъ руинъ; на каждомъ шагѣ смотрятъ на насъ съ обоихъ береговъ Нила развалины нѣкогда славныхъ городовъ, творенія рукъ фараоновъ, города мертвыхъ и другіе величественные останки цивилизаціи древняго Кеми.

Быстро проносится по свѣжему вѣтру наша дахабіэ мимо погребальныхъ гробовъ Бени-Гассана, испещренныхъ любопытными гіероглифами, воспроизводящими цѣлыя сцены изъ жизни древняго Египта,—мимо развалинъ Антинои и Гермополиса, коптскаго монастыря Абу-Хеннесъ, знаменитыхъ гробницъ Тель-эль-Амареса и Маабде, наполненныхъ муміями крокодиловъ. Все это—мѣста болѣе или менѣе извѣстныхъ мѣстъ изъ предыдущей поѣздки, когда мы посѣтили и осмотрѣли возможно тща-





Видъ Сіута.

тельно эти замѣчательныя древности славнаго Кемп. За городомъ Мон-фолотомъ, гдѣ мы остановились на нѣсколько часовъ, въ многочисленныхъ изгибахъ, дѣлаемыхъ Ниломъ, мы должны были сѣсть снова за весла, чтобы хотя немного подвинуть впередъ тяжело лавировавшую дахабіэ.

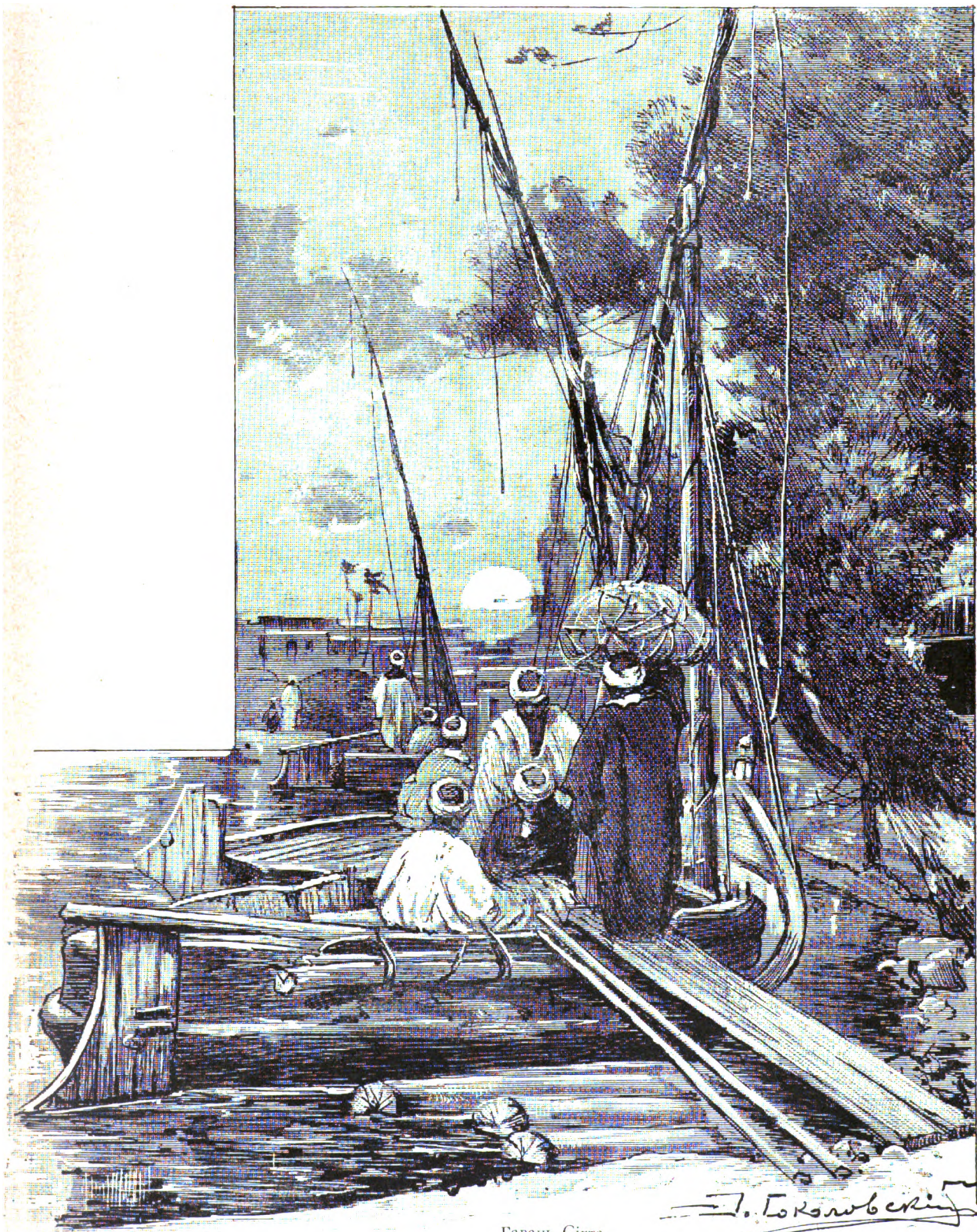
Съ большимъ трудомъ и съ потерю полутора сутокъ мы добрались до Сіута, бывшаго въ прежнюю поѣздку крайнимъ пунктомъ, котораго мнѣ удалось достигнуть въ Египтѣ. Еще издали я замѣтилъ красивыя многочисленные минареты этого большого города, расположеннаго у самаго подножія Ливійской цѣпи; мы были уже достаточно знакомы съ Сіутомъ, чтобы остаться пораженными его красотою, но все-таки долго не могли оторвать своихъ глазъ отъ него. Красивъ Сіутъ, когда подъѣзжаешь къ нему по желѣзной дорогѣ, но еще великолѣпнѣе его вилъ, когда приходится увидеть его съ палубы дахабіэ, подплывающей съ сѣвера къ Эль-Хамрахо, небольшой гавани Сіута.

По разнымъ примѣтамъ нашего рейса сѣверный вѣтеръ, все время подгонявшій насъ противъ теченія, началъ утихать и въ скоромъ времени долженъ былъ прекратиться, уступивъ свое мѣсто долгому затишью. Намъ предстояла такимъ образомъ перспектива долгаго и утомительнаго дальнѣйшаго плаванія по Нилу, которое могло затянуться на цѣлые мѣсяцы. Я рѣшилъ по-

этому покинуть дахабіэ Салеха и отъ Сіута попробовать выйти черезъ пустыню на берегъ Краснаго моря. Планъ этотъ, по трудности его выполненія, оказался, однако, не соответствующимъ скромнымъ средствамъ, бывшимъ въ моемъ распоряженіи, а потому мнѣ приходилось или ворочаться назадъ, что было-бы очень неприятно, или ждать парохода, идущаго далѣе вверхъ по Нилу. Мои размышленія были прерваны свисткомъ парохода, везшаго пассажировъ изъ Каира къ развалинамъ Фивъ. Этотъ свистокъ рѣшилъ всѣ мои колебанія, и я тотчасъ же отправился встрѣчать пароходъ; такъ какъ на этомъ послѣднемъ оказались свободныя мѣста, то я черезъ какой-нибудь часъ послѣ принятаго рѣшенія уже покинулъ барку Салеха и переселся на англійскій пароходъ, полный туристами различныхъ націй, отправлявшимися къ первымъ порогамъ Нила.

Кромѣ туристовъ, никого изъ другихъ пассажировъ не было на пароходѣ, такъ какъ этотъ послѣдній специально занимался перевозкою путешественниковъ, желающихъ бѣгло ознакомиться съ памятниками древняго Египта, и притомъ съ великимъ комфортомъ, какой только можно получить при поѣздкахъ подобнаго рода. Въ числѣ туристовъ нашего парохода находилось одиннадцать англичанъ и англичанокъ, шесть французовъ, двѣ француженки, три нѣмца, два американца, по одному шведу и американцу, два образованныхъ эфенди изъ Стамбула и одинъ итальянецъ; не хватало только русскаго, и я своею персоною заполнилъ пробѣлъ въ этой международной публикѣ. Пароходная компанія, повидимому, довольно сдружившаяся между собою, несмотря на разноплеменность и недавнее совмѣстное плаваніе, съ видимою радостью приняла одинокаго русскаго въ свою среду, и я скоро почувствовалъ себя совершенно свободно въ кругу новыхъ интеллигентныхъ товарищей по путешествію. Десять дней, проведенныхъ въ дальнѣйшемъ плаваніи по Нилу, я провелъ поэтому довольно хорошо, но признаюсь, что поѣздка на пароходѣ, сперва показавшаяся мнѣ блаженствомъ послѣ плаванія на неудобной дахабіэ, скоро наскучила мнѣ до того, что я сталъ жалѣть о томъ, что промѣнялъ неуклюжую барку Салеха и простыхъ арабовъ ея экипажа на быстроходный англійскій пароходъ съ прекрасною публикою и образованнымъ обществомъ, такъ любезно принявшимъ меня.

Какъ ни утомительно было плаваніе на дахабіэ, но тамъ я все-таки былъ полнымъ хозяиномъ своего времени,—на любомъ мѣстѣ могъ высадиться и сдѣлать привалъ, на каждомъ шагу могъ ожидать болѣе или менѣе любопытной встрѣчи и сдѣлать самыя разнообразныя наблюденія, чему способствовалъ уже самый способъ медленнаго передвиженія, полный неизвѣстности на счетъ будущности. Совсѣмъ въ другомъ положеніи я очутился, перебравшись на Нильскій пароходъ. Трудно себѣ представить, до чего точно было составлено распisanіе его продолжительнаго рейса; не только самыя пункты остановокъ были точно указаны, но даже опредѣлено часами время пребыванія на берегу. Не желаніе путешественниковъ, а распisanіе рейса указывало этимъ послѣднимъ мѣста, на которыя туристамъ слѣдовало обратить особое вниманіе; въ опредѣленный промежутокъ времени они должны были осматривать то, что указывается имъ драгоманомъ, состоящимъ при пароходѣ; ни одной минуты времени не остава-



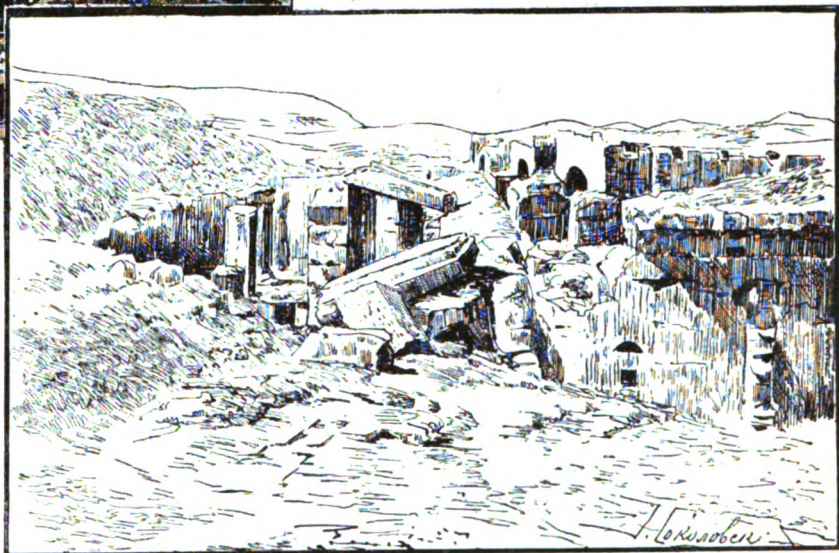
Гавань Сіуга.



лось не заполненнымъ; въ каждомъ мѣстѣ остановки, принаровленномъ къ какому-нибудь пункту, достойному обозрѣнія, заранѣе заготовлены были лошади, ослики и мулы, которые должны были привезти прибывшихъ туристовъ на самое мѣсто, заслуживающее ихъ вниманіе, и черезъ опредѣленный промежутокъ времени отвезти ихъ обратно на пароходъ.

Разумѣется, при всѣхъ этихъ условіяхъ путешествіе по Нилу не могло пред-

ставлять много интереса, особенно для меня, привыкшаго доходить до всего собственными силами и разумѣніемъ и никогда не быть зависимымъ отъ времени и обстоятельствъ. Все дальнѣйшее мое плаваніе по Нилу, лишенное всякихъ разнообразящихъ путешествіе



Развалины Абидоса.

приключеній и встрѣчъ, было одною безконечною панорамой, въ которой, быстро слѣдуя одна за другою, развертывались красоты и памятники долины священнаго Нила, не оставляя достаточно впечатлѣнія даже для того, чтобы отиѣтить ихъ болѣе или менѣе подробно въ своемъ дневникѣ. Веселое и довольно болтливое общество, наполнявшее своимъ разговоромъ и замѣчаніями все время на пароходѣ и въ теченіе высадокъ и посѣщенія тѣхъ или другихъ развалинъ, своимъ постояннымъ оживленіемъ еще болѣе препятствовало сосредоточиться челоуѣку, на котораго дивныя красоты природы и величіе безмолвныхъ памятниковъ древняго Египта производили болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ на большинство другихъ фланирующихъ туристовъ.

Быстро побѣждали по обѣимъ сторонамъ величественныя панорамы

Нильской долины съ ея живописными деревнями, оѣбненными пальмовыми рощами и дикими массивами горъ праваго берега, во многихъ мѣстахъ изрытыхъ многочисленными катакомбами. Впечатлѣнія мѣнялись такъ быстро, что ни надъ чѣмъ нельзя было остановитися, и, несмотря на подробныя объясненія, которыя очень охотно давали путешественникамъ знающій драгоманъ и молодой французскій врачъ, много разъ совершавшій поѣздку по Нилу, мы выносили, въ общемъ, еще менѣе, чѣмъ изъ словъ стараго Салеха. Проѣхали мы живописную горную громаду Джебель эръ-Рахайнъ, испещренную многочисленными катакомбами, развалины древняго Антеополиса съ оригинальнымъ храмомъ, высѣченнымъ въ скалѣ, нѣсколько островковъ, покрытыхъ тысячами водныхъ птицъ, образовывавшихъ настоящей пестрой коверъ, и нѣсколько деревень, пока не остановились на полчаса у Сахата. Недалеко отъ него находятся невидныя съ парохода развалины Атрибуса. Толпа туземцевъ встрѣтила насъ на берегу, предлагая туристамъ разныя древности «антика» весьма сомнительнаго происхожденія. Нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ разорились на нѣсколько десятковъ франковъ, скупая въ три-дорога каменныхъ скарабеевъ у плутоватыхъ феллаховъ.

Въ Беланэ была настоящая остановка на 8 — 10 часовъ для того, чтобы дать возможность путешественникамъ посѣтить развалины Абидоса. Маленькая деревушка вся высыпала навстрѣчу пароходу. Лошади и ослы съ проводниками уже стояли на берегу, ожидая путешественниковъ, и не прошло четверти часа, какъ весь караванъ туристовъ



Барельефъ въ храмѣ Озириса.

двинулся къ подножію Ливійской цѣпи, гдѣ знаменитый Маріэттъ тридцать лѣтъ тому назадъ открылъ останки древнѣйшаго города Египта, вмѣщавшаго нѣкогда гробницу самого Озириса. Феллахскія деревушки со своими жалкими лагунками, сложенными отчасти изъ останковъ великаго города, и финиковыя рощи стали нынѣ на развалинахъ Абидоса...

Хотя раскопки великаго города еще далеко не закончены и большая часть останковъ заключается въ громадныхъ кучахъ мусора и обломковъ, среди которыхъ можно встрѣтить много интересныхъ черепковъ и другихъ обломковъ, восходящихъ до временъ глу-

бочайшей древности, тѣмъ не менѣ самая величина этихъ кучъ, высящихся на подобіе горъ, говоритъ о грандіозныхъ размѣрахъ тѣхъ останковъ, которые успѣлъ вывести на свѣтъ Божій Маріэттъ.

Уже при входѣ въ открытый древній храмъ Сети насъ встрѣчаетъ великолѣпный пилонъ, нынѣ полуразрушенный, ведущій въ первый дворъ огромнаго храма. Многочисленные гіероглифы, вырѣзанные тонкимъ и искуснымъ рѣзцомъ, украшаютъ стѣны, рассказывая посвященному въ тайны чтенія ихъ исторію временъ Сети и Рамзеса, на непосвященнаго же производя лишь неподдѣльное чувство удивленія. Болтовня моихъ спутниковъ и взвизгиванія дамъ, слишкомъ громко выражавшихъ свое восхищеніе, нарушали торжественный покой древняго храма Озириса и мѣшали сосредоточиться тѣмъ, кто осматривалъ не изъ празднаго любопытства величественные памятники древняго Кеми. Подъ руководствомъ опытнаго драгомана, наторѣвшаго въ этомъ дѣлѣ, мы бродили по различнымъ отдѣленіямъ величественнаго храма, осматривали многочисленныя гіероглифическія таблицы, остатки колоссальныхъ изображеній Рамзеса, удивительную колоннаду храма и его огромные монолиты, стараясь составить хотя общее понятіе объ этой грандіознѣйшей постройкѣ древняго Абидоса. Въ нѣсколькихъ словахъ трудно передать все впечатлѣніе, производимое огромнымъ храмомъ Сети, который еще Страбонъ сравнивалъ по величественности съ знаменитымъ Лабиринтомъ. Двѣ огромныя залы, уставленныя рядами монолитныхъ колоннъ и украшенныя великолѣпными гіероглифами, семь криптовъ, посвященныхъ Аммону, Фта, Озирису, Изидѣ и другимъ египетскимъ божествамъ и сложенныхъ изъ огромныхъ монолитовъ съ цѣлымъ рядомъ гіероглифическихъ изображеній и таблицъ, и множество другихъ помѣщеній, представляющихъ святилища различныхъ боговъ Кеми, составляютъ храмъ, достойный вмѣщать гробницу Озириса. Отъ всего этого величія осталось сравнительно немного, но и того, что видитъ доннынѣ путешественникъ на мѣстѣ храма Сети, достаточно, чтобы поразить самое пылкое воображеніе.

Еще менѣе осталось отъ другого величественнаго зданія древняго Абидоса—дворца Рамзеса, отъ котораго уцѣлѣли лишь основаніе да нѣсколько полуразрушенныхъ залъ, украшенныхъ гіероглифическими таблицами; среди нихъ найдена была и знаменитая Таблица Царей. Огромныя кучи мусора и обломковъ окружаютъ всѣ останки Абидоса; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такія кучи образуютъ цѣлыя искусственные холмы, еще не разрытые археологами. Одинъ изъ этихъ холмовъ носитъ названіе Царскаго и, по словамъ нашего драгомана, хранитъ не отысканную до сихъ поръ гробницу великаго Озириса. Кругомъ этого святѣйшаго мѣста древняго Кеми расположился огромный некрополь, заключающій много тысячъ могилъ; каждому египтянину хотѣлось лечь ближе къ гробницѣ великаго бога, и этимъ желаніемъ объясняются находки многочисленныхъ погребальныхъ столбовъ среди некрополя древняго Абидоса.

Объѣхавши наскоро, хотя и подъ толковымъ руководствомъ опытнаго драгомана, всѣ достопримѣчательности древнѣйшаго города Египта, мы тѣмъ же порядкомъ вернулись къ вечеру на свой пароходъ. Едва только вся наша компанія поднялась на его бортъ, какъ пароходъ свистнулъ и побѣ-



жалъ, словно стараясь наверстать время, потерянное даромъ у ничтожной деревеньки Беліанехъ. Я не знаю, какъ на другихъ, но на меня лично первое посѣщеніе античныхъ развалинъ въ большомъ обществѣ и по намѣченному шаблону произвело самое непріятное впечатлѣніе и я уже жалѣлъ, что не оставался на баркѣ стараго Салеха, котораго можно было уговорить хотя денекъ лишній простоять у развалинъ Абидоса. Сидя за позднимъ обѣдомъ въ каютъ-компаніи, путешественники оживленно болтали, перебирая впечатлѣнія только что совершенной экскурсіи, и никому изъ нихъ, повидимому, и не приходило въ голову, что такъ, собственно говоря, не стоит и путешествовать.

Къ ночи на нашемъ пароходѣ составилъ импровизированный концертъ: нашлись двѣ флейты и одинъ корнетъ-а-пистонъ, что вмѣстѣ съ ребабомъ, однострунною гитарою египтянъ, которымъ ловко владѣлъ драгоманъ, образовали довольно стройный оркестръ, до самой полуночи оглашавшій берегъ соннаго Нила и будившій стаи водяныхъ птицъ, качавшихся по волнамъ священной рѣки. Подъ звуки этого оркестра мы проплыли мимо ряда феллахскихъ деревень, ставшихъ на мѣстѣ развалинъ древнихъ городовъ Кеми, цѣлой цѣпи песчаныхъ острововъ и каменныхъ массивовъ, принимавшихъ въ сумракѣ ночи самыя фантастическія очертанія, и къ утру были у Кофъ-эл-зайалъ, ставшемъ на мѣстѣ древняго Хенобосціона. Драгоманъ показывалъ намъ остатки набережной и нѣсколько погребальныхъ пещеръ, хранящихъ одни изъ древнѣйшихъ останковъ Египта. Красивый островокъ Табаннэ съ небольшою коптскою церковью и деревенькою, тонущими въ цѣломъ лѣсу пальмъ, указываетъ на близость обширнаго пальмоваго оазиса, въ которомъ прячутся красивый городокъ Кеннэ и знаменитыя развалины Дендеры.

Скоро пароходъ нашъ остановился у набережной Кеннэ, бѣлые домики котораго и стройные минареты, выступающіе изъ лѣса финиковыхъ пальмъ, издали привѣтствуютъ путника, плывущаго по Нилу. На этомъ мѣстѣ рѣка суживается, и желтоватыя горы подходятъ съ обѣихъ сто-

ронъ, окаймляя неширокую долину, заросшую финиками и сикоморами. Масса судовъ съ поднятыми и спущенными парусами придаетъ еще болѣе оживленія этому бойкому городку, отъ котораго идетъ большой путь на Коссейръ къ берегу Краснаго моря. Большіе караваны верблюдовъ, пришедшіе изъ разныхъ уголковъ Аравійской пустыни, расположились по набережной Кеннэ, перегружая свои тяжести на многочисленныя дахабіэ, поднимающіяся и спускающіяся по Нилу. Въ ожиданіи сбора нашего каравана къ развалинамъ Дендеръ, большинство туристовъ отправились дѣлать бѣглый обзоръ этого торговаго и бойкаго египетскаго городка. Помимо оживленной торговли, нѣсколькихъ порядочныхъ домовъ мавританской архитектуры и роскошной растительности, нѣтъ, впрочемъ, ничего въ Кеннэ, что бросалось бы прямо въ глаза путнику, уже не первый разъ посѣщающему Египетъ. Всего интереснѣе для заѣзжаго европейца посмотрѣть въ Кеннэ знаменитыхъ раузіатъ, которая чувствуютъ себя здѣсь вполне свободно и не стѣсняются тѣми строгими правилами, какія преслѣдуютъ ихъ въ городахъ Нижняго Египта. При нашей короткой остановкѣ въ Кеннэ, разумѣется, объ этомъ нечего было и думать, и мои спутники, бродившіе по кварталамъ города, населеннымъ веселыми танцовщицами, сожалѣли въ этомъ случаѣ о стѣсненіи свободы пароходомъ гораздо болѣе, чѣмъ при бѣгломъ осмотрѣ великихъ руинъ. Это было тѣмъ болѣе печально, что здѣшнія раузіатъ отличаются стройностью и красотой, которая, при пестротѣ и яркости ихъ наряда и украшеній, дѣлаетъ особенно привлекательными ихъ танцы даже для благочестивыхъ паломниковъ Мекки, хаджей, отправляющихся изъ глубины Африки черезъ Кеннэ и Коссейръ на Джедду и Ямбо, гавань Медины. По словамъ нашего драгомана, въ то время въ Кеннэ славилась своею красотой и пластичностью движеній въ танцахъ всякаго рода двѣ молодыя нубійки и три сестры абиссинки, прозванныя «коралловыми красавицами» по массѣ коралловъ и перловъ, украшавшихъ ихъ смуглыя руки, ноги и все полупрозрачное одѣяніе...



Отъ міра раузіатъ, преслѣдовавшихъ насъ вызывающими взглядами черныхъ глазъ на порогахъ своихъ жилищъ, когда мы пробирались черезъ кварталъ этихъ танцовщицъ къ нашему пароходу, мы скоро отрѣшились, чтобы погрузиться въ міръ античныхъ воспоминаній и предпринять экскурсію къ знаменитымъ развалинамъ Дендеръ или Тенткриса, расположенныхъ почти противъ Кеннэ на лѣвомъ берегу Нила.

Переѣхавъ рѣку всею компанією на обширной дахабіэ, мы сѣли на приготовленныхъ осликовъ и направились къ желтовато-бурымъ кучамъ мусора, видимымъ еще изъ Кеннэ и скрывающимъ въ себѣ и подъ собою величественные останки Дендеръ. Величайшее святилище древняго города, храмъ Гаторы, окруженный тройною оградой, еще настолько сохранилось до настоящаго времени, что привлекаетъ невольное вниманіе самаго поверхностнаго туриста. Опытный драгоманъ старался показать намъ мало видныя останки первыхъ двухъ стѣнъ, но все вниманіе наше обращалось на гран-



Дендерскій храмъ.

діозные слѣды третьей великой стѣны, тянущейся на цѣлую четверть версты. Даже привыкши въ Египтѣ измѣрять большими величинами останки древняго Хеми, можно остановиться передъ тройною оградой тройного святилища Дендеры. Драгоманъ указывалъ намъ на останки домовъ древняго города, на слѣды улицъ, ведущихъ ко храму Гаторы, и на отношеніе этого послѣдняго къ двумъ другимъ небольшимъ храмамъ, посвященнымъ Тифону и Изидѣ. Оба эти храма, составлявшіе вмѣстѣ съ храмомъ Гаторы тройное святилище, одно изъ наиболѣе уважаемыхъ въ древнемъ Египтѣ, еще высятся среди кучи развалинъ, составляя какъ-бы дополненіе къ большому храму, сохранившемуся доселѣ во всемъ своемъ величїи и красотѣ.

Послѣ осмотра великой стѣны все наше вниманіе было обращено на величественный храмъ Гаторы, куда пошла провожать насъ большая толпа арабовъ, набравшихся изъ сосѣднихъ деревень и предлагавшихъ намъ всевозможныя «антика». Трудно описать впечатлѣніе, невольно охватившее насъ, когда мы были передъ этимъ грандіознымъ сооруженіемъ древняго Египта. Огромное четырехугольное продолговатое зданіе, сложенное изъ массивныхъ камней и покрытое массою изображеній и гіероглифовъ, казалось одною каменною глыбою, обдѣланною рукою титановъ, испещрившихъ ее пестрою рѣзбою. Еще болѣе глубокое впечатлѣніе произвела

на насъ обширная внутренность храма, разгороженнаго рядами колоннъ на множество отдѣльныхъ помѣщеній. Многія изъ нихъ до того плохо освѣщены, что приходится зажигать давно заготовленные факелы, чтобы окинуть хотя глазкомъ эту удивительную каменную рѣзбу, покрывающую всю внутренность огромнаго храма. Глаза невольно разбѣгаются при видѣ этихъ безчисленныхъ гіероглифовъ и таблицъ, воспроизводящихъ не только различные религиозные тексты, но и цѣлые географическіе списки, перечень лекарственныхъ снадобій, медицинскіе рецепты, заговоры и заклинанія, не говоря уже объ описаніи во всѣхъ подробностяхъ древняго ритуала, наглядно изображеннаго тщательно вырѣзанными фигурами. Наружная и внутренняя поверхность храма Дендеры — огромная каменная книга, безчисленныя страницы которой сохранялись непрочитанными до настоящаго времени. Знаменитый Маріэттъ первый прочиталъ нѣсколько каменныхъ страницъ, но не скоро еще египтологи переведутъ на современные языки все содержаніе этой таинственной книги.

Съ чувствомъ нѣмого удивленія бродили мы среди ряда огромныхъ колоннъ, увѣнчанныхъ коровьею головою Гаторы, теряясь въ составленіи общаго плана этого храма, несмотря на всѣ объясненія драгоманъ. Въ одной изъ большихъ залъ драгоманъ указалъ намъ на потолокъ изображеніе звѣзднаго неба, знаки зодіака и другія астрономическія таблицы; въ другомъ мѣстѣ видно изображеніе солнечнаго бога въ видѣ солнца съ крыльями. Но большая часть изображеній относится къ фигурамъ фараоновъ и разнымъ церемоніямъ религіознаго культа. Едва-ли возможно представить болѣе наглядно и полно всѣ моменты сложнаго ритуала, процессіи жрецовъ, царскій выходъ, молитву фараоновъ и т. п. сцены древне-египетской жизни, чѣмъ то изображено на стѣнныхъ таблицахъ храма Гаторы.

При багровомъ свѣтѣ факеловъ, дымно пылавшихъ подъ сводами древняго храма, мы вошли въ глубокія и слабо освѣщенныя помѣщенія святилища Гаторы. Прохлада, царствующая здѣсь, массивныя колонны, кажущіяся высѣченными изъ толщи земной коры, мертвая тишина и спокойные лики фараоновъ, смотрящіе съ каменныхъ таблицъ, — все это производило на всѣхъ насъ такое обаяніе, что невольно умолкали всякіе разговоры и замѣчанія. Всякому хотѣлось побыть нѣсколько минутъ въ безмолвномъ созерцаніи великихъ древностей, переносащихъ насъ въ другой, чуждый и вмѣстѣ съ тѣмъ волшебный міръ. Багровый свѣтъ факеловъ и свѣчей освѣщаль полутемныя крипты, въ которыхъ нѣкогда совершались великія мистеріи древняго Кемі; здѣсь произносились страшныя заклинанія, читались непонятныя народу слова молитвъ, и мудрые жрецы творили свои таинственныя чудеса. Изъ отверстій, продѣланныхъ въ сводахъ, египетскіе астрологи наблюдали прохожденіе черезъ зенитъ небесныхъ свѣтилъ и чертили ихъ небесные пути на каменныхъ таблицахъ храма Гаторы. Каждая изъ многочисленныхъ залъ и криптъ этого послѣдняго имѣла свое назначеніе, и драгоманъ нашъ, опираясь на изображенія таблицъ, украшающихъ ихъ стѣны, пытался описать мистеріи, совершавшіяся въ томъ или другомъ помѣщеніи храма. Такъ, намъ показали залу, посвященную празднованію новаго года, помѣщенія, гдѣ приготавливались жертвы, подносимыя богинѣ, мѣсто, хранившее роскошныя одѣянія Гаторы, богатую

сокровищницу храма, нѣсколько залъ, посвященныхъ памяти Озириса и украшенныхъ таблицами, воспроизводящими жизнь, смерть и погребеніе великаго бога египтянъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвели на меня крипты храма Гаторы, въ которыхъ лишь при свѣтѣ факеловъ можно было различить каменные лики фараоновъ и божествъ, смотрящихъ безстрастными очами на толпу чужестранцевъ, пришедшихъ ради одного празднаго любопытства нарушить вѣковой сонъ тройного святилища Гаторы. Въ одной изъ небольшихъ комнатокъ храма Озириса драгоманъ показалъ намъ круглую дыру, въ которой помѣщался нѣсколько тысячелѣтій каменный кругъ зодіака, пока его не отправили въ парижскую Національную бібліотеку; въ этой темной криптѣ хранилась нѣкогда и мумія великаго Озириса. Дендеры.

Съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, котораго мы не испытывали даже при обзорѣ величественныхъ развалинъ Абидоса, мы покидали таинственный храмъ Гаторы: не слышно было ни шутокъ, ни болтовни, даже вѣчно веселыя французенки были какъ-то особенно сосредоточены и не пытались нарушать общаго настроенія, навѣяннаго бѣглымъ осмотромъ многочисленныхъ страницъ великой каменной книги, которую представляетъ великолѣпный храмъ Дендеры. Едва къ закату солнца мы послѣдили на свой пароходъ и вслѣдъ затѣмъ скоро покинули веселый Кеннэ и мрачныя развалины Дендеры, одинаково освѣщенные пурпурными и золотыми красками заката. Теперь мы плыли уже прямо по направленію къ Оивамъ, величайшимъ остаткамъ древняго царства фараоновъ и цивилизаціи мудраго Кемі. Обзоромъ ряда болѣе или менѣе значительныхъ руинъ мы были уже достаточно подготовлены къ тому, чтобы приступить къ обзорѣ великихъ развалинъ Карнака и Оивъ.



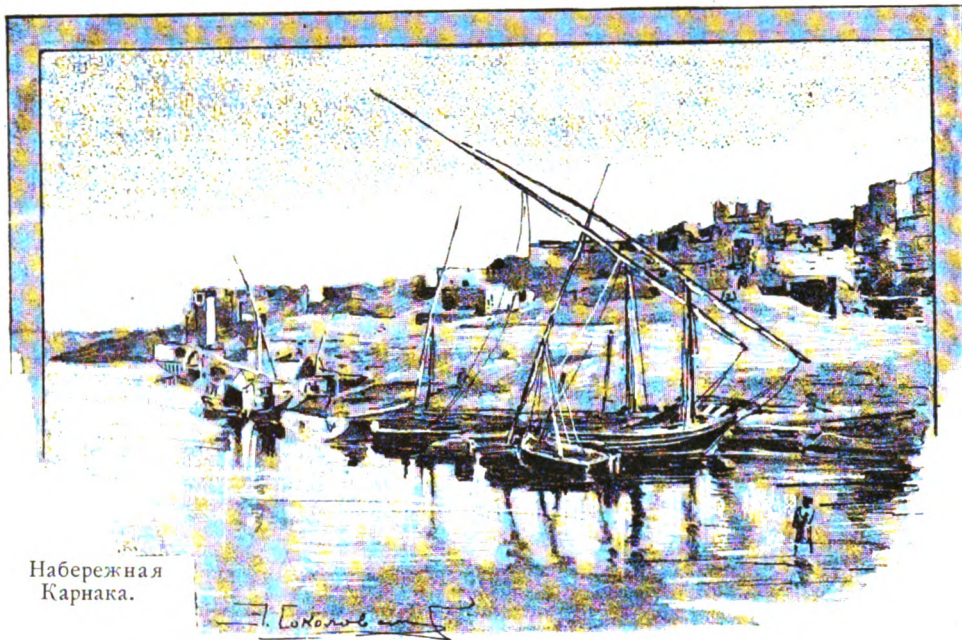
Глава XII.

Отъ Кеннэ до Луксора.—На развалинахъ Стовратныхъ Өивъ.—
Өивскій некрополь.—Гробница Сети I и Рамзеса III.—Дворецъ
Рамзеса.—Статуи Мемнона.—Ночь на
развалинахъ.



ТЪ Кеннэ до Луксора, хорошенькаго селенія, ставшаго на мѣстѣ древней столицы Египта,—по Нилу всего около 70 верстъ. Мы легко могли-бы въ нѣсколько часовъ пройти это разстояніе, но нашъ пароходъ шелъ медленно всю ночь, словно для того, чтобы дать возможность пассажирамъ полюбоваться берегами Нила и нѣсколькими руинами, на которыя указывалъ намъ драгоманъ. За ночь мы прошли небольшіе развалины Коптоса, бывшаго нѣкогда значительнымъ городомъ, посвященнымъ Изидѣ, еще болѣе ничтожныя руины Аполлинополиса, украшенныя красивою мечетью и массою зелени, и остатки древнихъ городовъ Сенхора и Медамута, бывшихъ, такъ сказать, пригородами Стовратныхъ Өивъ...

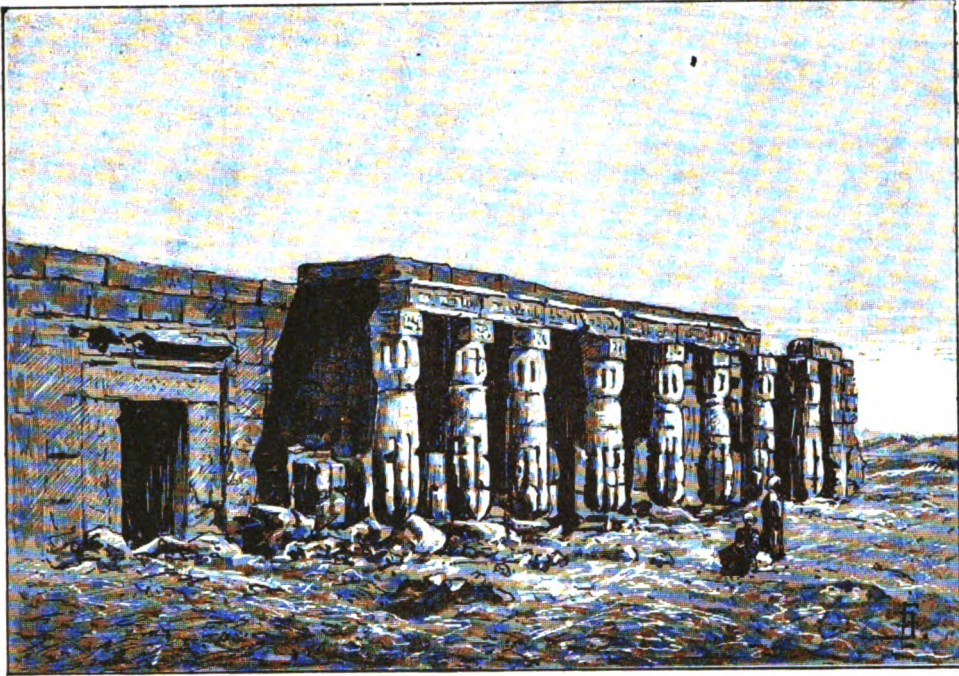
Немного мнѣ спалось въ эту ночь; еще до восхода солнца я стоялъ на рубкѣ нашего парохода, ожидая съ трепетнымъ сердцемъ появленія величественныхъ развалинъ Луксора и Өивъ. Со мною короталъ время молодой французскій врачъ. Вдвоемъ мы ясно прослѣдили, какъ изъ утренняго полумрака впереди, за островами, на каменистомъ основаніи выплывали, постепенно озаряемая золотыми лучами восходящаго солнца, огромныя мрачныя развалины Карнака, ряды его величественныхъ колоннъ, обелискъ и пилоны Луксора, убогіе домики арабской деревушки, красивая пальмовая роща и огромныя статуи Мемнона, словно титаны, оберегающія вѣчный покой цѣлаго поля великихъ руинъ.



Набережная
Карнака.

Луксоръ, еще недавно убогая деревушка, съ возрастаніемъ интереса къ посѣщенію памятниковъ древняго Египта и наплывомъ путешественниковъ, сильно поднялся, порядочно разбогатѣлъ и въ настоящее время представляетъ небольшой, очень красивый городокъ съ мечетью, почтово-телеграфною станцією, гостинницею и рядомъ порядочныхъ домовъ; здѣсь резиденція нѣсколькихъ европейскихъ консуловъ. Пароходъ здѣсь останавливается болѣе трехъ дней для того, чтобы дать возможность путешественникамъ ознакомиться, хотя и бѣгло, съ многочисленными руинами, разбросанными на обширномъ пространствѣ.

Разумѣется, намъ не пришлось заботиться о пріисканіи себѣ верховыхъ животныхъ, лодокъ и проводниковъ для посѣщенія развалинъ Оивъ; все было приготовлено для насъ заранѣе, и намъ оставалось только играть роль толпы школьниковъ, слѣдующихъ за каждымъ движеніемъ опытнаго учителя. Прежде всего подъ руководствомъ драгомана, бывшаго въ данномъ случаѣ нашимъ учителемъ, мы тщательно познакомились съ общимъ планомъ огромныхъ руинъ Оивъ, не дающихъ все-таки полного представленія объ этомъ великолѣпномъ городѣ, занимавшемъ площадь въ 25 верствъ въ окружности и наполненномъ грандіозными сооруженіями, часть которыхъ еще осталась возлѣ Карнака, Луксора и Мединета-Абу. Древнія Оивы были расположены по обѣимъ сторонамъ Нила и отчасти на трехъ островахъ, раздѣляющихъ его теченіе на нѣсколько рукавовъ. По имени арабскихъ селеній, ставшихъ на мѣстѣ древнихъ Оивъ, обширныя руины раздѣляютъ на нѣсколько группъ, расположенныхъ на противоположныхъ берегахъ. На правомъ берегу лежатъ руины Луксора и Карнака, на лѣвомъ — Курнаха, Бабъ-эль-Молука и Мединетъ-Абу. Хотя группа развалинъ, лежащихъ вокругъ Луксора, и болѣе значительна, но мы, слѣдуя совѣтамъ печатныхъ гидовъ, бывшихъ у каждого изъ насъ въ рукахъ, и словамъ драгомана, начали бѣглый обзоръ Оивъ лѣваго берега, бывшихъ болѣе городомъ мертвыхъ,



Курнахскій храмъ.

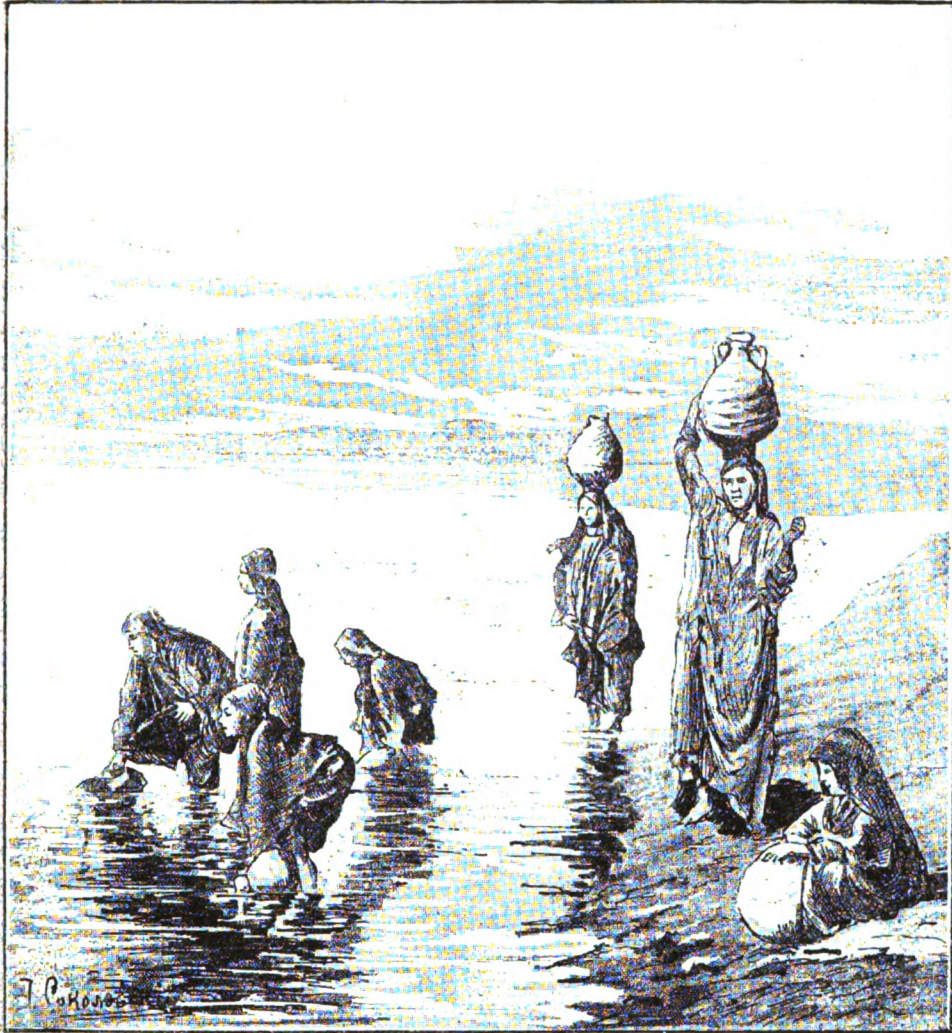
чѣмъ живыхъ. Здѣсь въ небольшихъ возвышеніяхъ Ливійской цѣпи были исѣчены обширные некрополи, здѣсь были воздвигнуты дворцы и мавзолеи для помѣщенія праха великихъ фараоновъ и храмы, бывшіе преддверіями изъ города живыхъ въ обширные города мертвецовъ. Нѣкоторые изъ этихъ храмовъ служили и пышными гробницами, воздвигнутыми надъ могилами тѣхъ или другихъ побѣдоносныхъ царей Египта. Тщательно обдѣланныя муміи богачей и лицъ высокопоставленныхъ были погребены въ особыхъ мавзолеяхъ, нерѣдко въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ пирамидъ; нѣкоторые египтяне предпочитали погребать своихъ дорогихъ покойниковъ въ особыхъ подземельяхъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ помѣщеній, подобныхъ тѣмъ, которыхъ такъ много мы видѣли въ Палестинѣ; бѣдняки ограничивались, разумѣется, простыми пещерками, ископанными въ толщѣ известняковыхъ холмовъ, или колодцами въ каменномъ грунтѣ, заполняемыми муміями и закрываемыми камнями. Надъ нѣкоторыми изъ этихъ колодцевъ люди болѣе или менѣе состоятельные воздвигали также небольшіе склепы или мавзолеи, подобные тѣмъ, какіе встрѣчаются и на современныхъ кладбищахъ. Надо употребить много времени и труда, чтобы осмотрѣть даже поверхностно большую часть изъ извѣстныхъ и хорошо сохранившихся могилъ этого обширнаго некрополя; но чтобы имѣть хотя нѣкоторое понятіе о разнообразіи и роскоши этихъ вѣчныхъ помѣщеній древняго человѣка Кеми, достаточно побродить нѣсколько часовъ у подножья холмовъ, расположенныхъ между Курнахомъ и Мединетъ-Абу.

Возлѣ самой деревушки Курнаха возвышаются остатки древняго храма, первыми встрѣчающіе путника, идущаго отъ берега Нила. Убогія хижины феллаховъ нѣсколько загораживаютъ видъ на этотъ храмъ, его подступы

и плохо сохранившуюся аллею сфинксовъ, которая приводила древнихъ богомольцевъ къ портику храма Аммона. Великолѣпные гіероглифы украшаютъ снаружи какъ портикъ, такъ и ворота, наполовину разрушенныя временемъ и людьми. Особаго рода колонны, представляющія цвѣтокъ лотоса на своей капители и перевитыя стеблями священнаго растенія по своей длинѣ, уже издали останавливаютъ вниманіе туриста. Такія же колонны украшаютъ и внутренность огромнаго храма, покрытую гіероглифами и таблицами прекрасно исполненныхъ изображеній изъ жизни фараона Сети, основателя этого храма. Рядъ другихъ отдѣленій этого послѣдняго, расположенныхъ вокругъ центральной залы, боковыя галереи, обставленныя колоннами, помѣщеніе святилища и всѣ остальныя части огромнаго храма украшены такимъ множествомъ тонко вырѣзанныхъ таблицъ, что даже бѣглый осмотръ ихъ отнимаетъ много времени. Самая массивность постройки, величина каменныхъ глыбъ, пошедшихъ на ея сооруженіе, гармоничность отдѣльныхъ частей,— все это дѣлаетъ этотъ храмъ Аммона однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ останковъ древней цивилизаціи Кеми. Богатая растительность мало-по-малу покрываетъ какъ эти, такъ и многіе другіе останки древности, и съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе приходится ориентироваться на обширномъ полѣ руинъ. Двѣ сильно пострадавшія статуи Рамзеса II, стоявшія недалеко отъ большаго храма, въ 1883 г. были такъ прикрыты кучами обломковъ и мусора съ выросшими на нихъ растеніями, что даже нашъ опытный драгоманъ не сразу отыскалъ ихъ.

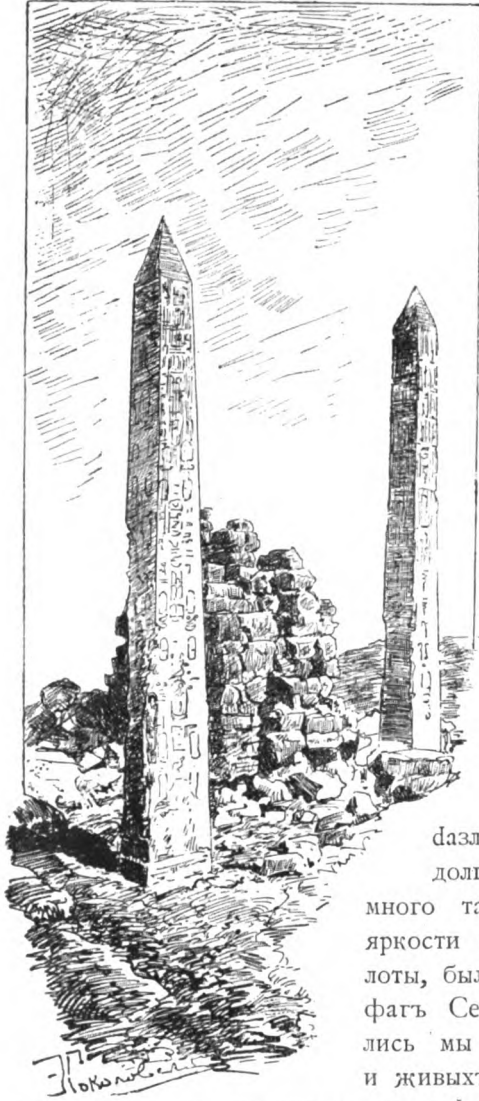
Отъ этихъ черныхъ статуй мы пошли всею компаніею бродить по обширному плато Абдуль-Неха, вмѣщающему самыя древнія части некрополя древнихъ Оивъ. Здѣсь воздвигнуто было семь великолѣпныхъ царскихъ гробницъ, отъ которыхъ въ настоящее время осталось очень немного. Въ гробницахъ этихъ были найдены драгоценныя муміи и много важныхъ останковъ древности, хранящихся теперь въ музеѣ Булака. Нѣкоторые изъ царей были погребены въ сооруженіяхъ, подобныхъ пирамидамъ, другіе—въ пещерныхъ углубленіяхъ, образующихъ обширныя катакомбы, изсѣченныя на склонахъ Курнаха. Гробницы царей подобнаго рода находятся въ значительномъ числѣ въ дикомъ скалистомъ ущельѣ Бибанъ-эль-Молукъ, находящемся недалеко отъ Курнаха. Ущелье это вѣтся въ огромномъ каменномъ массивѣ Ливійской цѣпи, запирающей съ запада долину Нила и образующей плато Абу-Неха. Сюда и повелъ насъ драгоманъ послѣ бѣлаго обзора подземелій Курнаха.

Большинство моихъ спутниковъ были совершенно непривычны къ путешествію при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ приходится пробираться въ знойный полдень, подъ палящими лучами солнца, черезъ узкое дефиле, замкнутое отвѣсно стоящими раскаленными стѣнами, и, несмотря на то, что рядомъ съ нашимъ караваномъ бѣжала толпа арабскихъ дѣтей съ пористыми кувшинами воды въ рукахъ, путники сильно страдали отъ жажды и зноя, а съ одною изъ нашихъ дамъ случился легкій солнечный ударъ. Внеся пострадавшую въ первую небольшую пещеру, въ тѣнь, я вмѣстѣ съ французскимъ коллегой около получаса провозился съ больною, приводя ее въ чувство, что намъ въ концѣ концовъ и удалось. Приключеніе это устрашило дамъ нашего каравана, и потому наша экскурсія въ Бибанъ-эль-Молукъ



была очень непродолжительна. Мы бѣгло осмотрѣли лишь немногія изъ огромнаго числа могилъ, которыя, хотя въ общемъ и похожи между собою, отличаются не только различными размѣрами, но и нѣкоторыми особенностями во внутреннемъ устройствѣ. Большинство погребальныхъ гротовъ представляетъ болѣе или менѣе обширное входное отверстіе, высѣченное въ отвѣсной скалѣ, за которымъ слѣдуетъ родъ преддверія, обыкновенно спускающагося по наклонной плоскости внизъ, подобно входу въ пирамиду Гизека, и рядъ небольшихъ четырехугольныхъ пещеръ, изъ которыхъ одна, обыкновенно самая далекая, служитъ мѣстомъ помѣщенія саркофага; внутренности многихъ погребальныхъ гротовъ испещрены многочисленными гьероглифами, описывающими жизнь и подвиги покойнаго.

Самою замѣчательною изъ этихъ пещерныхъ гробницъ считается гротъ Сети I, лучшія украшенія котораго, барельефы, сильно попорчены и даже уничтожены варварскою рукою европейскихъ туристовъ. При спускѣ въ эту погребальную пещеру, на крутыхъ ступенькахъ первой лѣстницы, другая изъ нашихъ спутницъ пострадала довольно серьезно: сорвавшись съ



лѣстницы, она полетѣла внизъ и могла бы разбиться на смерть, если-бы ее не поддержалъ одинъ изъ туристовъ, шедшій впереди. Перепуганная миссъ отдѣлалась дисторзією ступни и сравнительно небольшими ушибами. Однако это приключеніе не отняло охоты у нашихъ дамъ лѣзть въ глубину темныхъ подземелій, слабо освѣщенныхъ факелами впереди и сзади шедшихъ арабовъ. вмѣстѣ съ мужчинами молодая туристка лазала по лѣстницамъ внутри погребальныхъ гротовъ, протирая свою пытливость до того что бросались въ такіе ходы, куда не совѣтовали пролѣзать даже арабы. Около получаса пробыли мы въ гробницѣ Сети, обходя ея многочисленныя камеры, галлерей и ходы, спускаясь и поднимаясь по лѣстницамъ, пока не дошли до конца этихъ обширныхъ подземелій; большинство ихъ было украшено прекрасно сохранившимися цвѣтными рисунками, изображающими

различныя покоренныя племена и сцены изъ долгой жизни почившаго фараона; особенно много такихъ рисунковъ, поразительныхъ по яркости и свѣжести красокъ и чистотѣ позолоты, было въ камерѣ, вмѣщавшей самый саркофагъ Сети. Въ особенности долго останавливались мы передъ изображеніемъ суда мертвыхъ и живыхъ, которое при слабомъ свѣтѣ факеловъ, казалось, выступало со стѣны какъ живая страница изъ мифологіи древняго Кеми.

Послѣ гробницы Сети I мы останавливались около получаса для осмотра погребальнаго грота Рамзеса III, стѣнные таблицы котораго обнимаютъ всю древне-египетскую жизнь. Можно не читать ни одной книги объ Египтѣ, не видать ни одного памятника, даже гіероглифа, и все-таки познаться съ обыденною жизнью древняго египтянина, лишь тщательно просмотрѣвъ таблицы могилы Рамзеса. Мы видимъ здѣсь цѣлый день древняго обитателя Кеми, его дневныя заботы, занятія, приготовленіе пищи, молитву, всю его обстановку, предметы роскоши, оружіе, снаряженіе, судъ, охоту, увеселенія, игры, женитьбу и, наконецъ, самую смерть. Изображеніе многочисленныхъ божествъ египетскаго пантеона завершаетъ пеструю картину жизни древняго Египта, начертанную на каменныхъ стѣнахъ гробницы Рамзеса III.

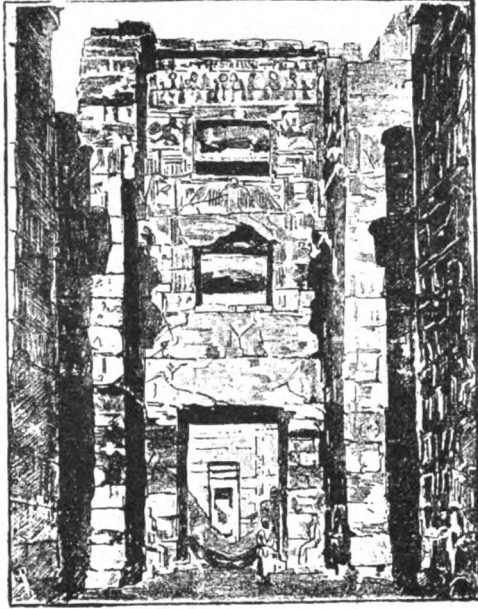
Вслѣдъ затѣмъ мы бѣгло осмотрѣли гробницу Мемнона, представ-

ляющую рядъ обширныхъ подземелій, могилу Рамзеса IV съ великолѣпнымъ саркофагомъ и погребальный гротъ Сифта, также богатый многочисленными изображеніями. Сильное изнеможеніе большинства туристовъ, жажда и зной, особенно сильно чувствовавшійся въ раскаленныхъ стѣнахъ ущелья, заставили насъ, наконецъ, поскорѣе выбраться изъ Бибанъ-эль-Молука снова къ Курнаху, гдѣ подъ стѣною пальмовой рощицы заботливый драгоманъ уже приготовилъ скромный завтракъ, который мы и запили нильскою водою, прохлажденною въ пористыхъ горшкахъ.

Послѣ небольшого отдыха мы проѣхали по каменнымъ остаткамъ нѣкогда славнаго храма Деиръ-эль-бахари, замѣчательнаго длинною аллеєю сфинксовъ и двумя обелисками, отъ которыхъ осталось одно воспоминаніе. Храмъ этотъ былъ построенъ на террасахъ обдѣланнаго наподобіе гигантскихъ ступеней выступа каменнаго массива, покрытаго великолѣпными памятниками зодчества, отъ которыхъ остались одни жалкіе слѣды въ видѣ огромныхъ подземныхъ залъ, еще сохранившихъ свои стѣнные таблицы. Особенно прекрасны изображенія въ такъ называемомъ Южномъ Гротѣ, посвященномъ богинѣ Гаторъ, которыя по красотѣ и чистотѣ представляются одними изъ лучшихъ въ Египтѣ.

Каждый шагъ на обширномъ полѣ Фивскихъ руинъ заслуживаетъ самаго подробнаго описанія, и немудрено, что многіе извѣстные египтологи посвящали цѣлыя книги изученію отдѣльныхъ памятниковъ древней столицы Египта. Къ сожалѣнію, по тѣснымъ рамкамъ нашего труда мы лишены возможности даже болѣе или менѣе подробно перечислить все то, что намъ пришлось видѣть въ продолженіе своихъ странствованій, а потому при описаніи даже такихъ замѣчательныхъ остатковъ древности, какъ развалины Фивъ, мы должны быть краткими болѣе, чѣмъ желательно. Такъ, намъ хотѣлось бы поговорить нѣсколько подробнѣе о замѣчательныхъ погребальныхъ гротахъ, изсѣченныхъ на холмѣ Абу-курнахъ и хранящихъ удивительныя изображенія различныхъ національностей, входившихъ въ составъ великой монархіи фараоновъ,—о замѣчательныхъ гробницахъ Ассасифскаго холма, огромныхъ подземельяхъ Петемундъ, величайшихъ въ некрополѣ Фивъ и представляющихъ цѣлый подземный лабиринтъ, украшенный безчисленными таблицами и іероглифами,—о подземельяхъ Деръ-эль-Медине и, наконецъ, о гробницахъ египетскихъ царицъ, представляющихъ значительный археологическій интересъ. Но мы должны ограничиться лишь однимъ этимъ перечисленіемъ замѣчательнѣйшихъ могилъ обширнаго города мертвыхъ, лежащаго на лѣвомъ берегу Нила напротивъ Стюватныхъ Фивъ, царственнаго го-





Ворота храма Мединетъ-Абу.

великолѣпнаго надгробнаго сооруженія остались лишь жалкіе остатки: длинная аллея сфинксовъ уничтожена; большинство колоннъ, украшавшихъ обширный дворъ Рамессеіона и поддерживавшихъ своды двухъ огромныхъ его залъ, обрушилось; стѣны его сильно пострадали, красивый портикъ полуразрушенъ, колоссы его разбиты, великолѣпныя скульптурныя украшенія и картины растащены или пострадали такъ, что во многихъ мѣстахъ отъ нихъ не осталось и слѣда. Съ какою-то особою грустью всѣ мы смотрѣли на обломки колоссальной статуи Рамзеса изъ розоваго сіенита, валявшіеся на дворѣ Рамессеіона, на громадный пьедесталъ, поддерживавшій колосса, вѣсившаго свыше шестидесяти тысячъ пудовъ и обрушеннаго варварскою рукою человѣка. Остатки двухъ другихъ меньшихъ статуй валяются недалеко отъ дворца Рамзеса. Гораздо лучше сохранились два колоссальныхъ бюста великаго фараона, стоящіе внутри самаго дворца. По описанію древнихъ, вокругъ дворцовъ Рамзеса и Птолемея Филопатора и храмовъ Мединетъ-Абу стояло нѣсколько колоссальныхъ статуй и между ними два знаменитыхъ еще въ древности колосса Мемнона, которые высятся и донинѣ, представляя одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ Египта. Слава звучащаго при восходѣ солнца колосса облетѣла весь древній міръ, и немудрено, что къ подножью его стекались толпы туристовъ древняго міра послушать гармоническіе вздохи, вылетавшіе изъ груди каменной статуи Аменхотепа.

Гигантскія статуи эти, полузакопанныя въ песокъ, имѣютъ болѣе семи сажень высоты и виднѣются еще съ палубы парохода или дахабізъ, плывущихъ по Нилу. Многіе современные туристы ради однихъ колоссовъ Мемнона пробираются до Фивъ, но звучащая статуя нынѣ болѣе не говоритъ; безстрастными каменными очами, въ своей задумчивой позѣ, смотритъ великій фараонъ на окружающій его городъ мертвыхъ, словно ожи-

рода Верхняго Египта. Несмотря на бѣглый осмотръ большинства этихъ замѣчательныхъ подземелій и гробницъ, я смотрѣлъ на послѣднюю древнюю могилу съ постепенно возрастающимъ любопытствомъ, жалѣя о томъ, что не могу посвятить болѣе времени ихъ тщательному осмотру и изученію.

Побродивъ нѣсколько часовъ по склонамъ отроговъ Ливійской цѣпи, представляющимъ сплошной некрополь обширнаго протяженія, мы опять спустились въ долину Нила, гдѣ высятся другіе грандіозные памятники древнихъ Фивъ. Мы прошли прямо къ ближайшему изъ нихъ, Рамессеіону или дворцу Рамзеса II, одному изъ величайшихъ сооруженийъ Фивскаго некрополя. Отъ

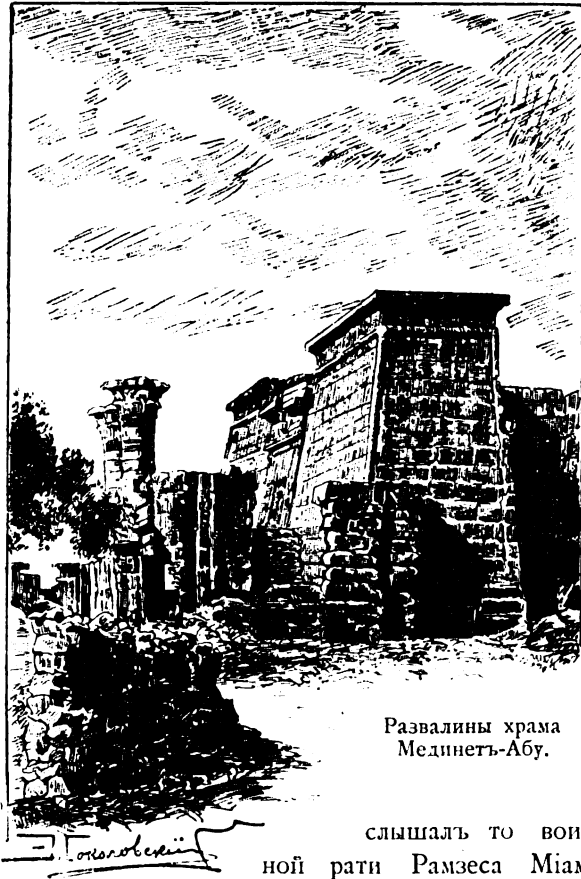
дая того момента, когда и его сокрушить рука времени, какъ сокрушила она другихъ каменныхъ колоссовъ Оивскаго некрополя.

Бѣглымъ осмотровъ изящнаго храма Деиръ-эль-Меринэ и дворца Птолемея Филопатора, представляющаго прекрасное сочетаніе древне-египетскаго съ греческимъ стилемъ, мы и закончили въ этотъ день прогулку по развалинамъ Оивъ. Все общество при наступающихъ сумеркахъ выразило желаніе переночевать на пароходѣ, куда и отправилось подъ предводительствомъ драгомана, а я предпочелъ провести ночь въ деревушкѣ Мединетъ-Абу, на самыхъ развалинахъ Оивъ, чтобы на утро встрѣтиться съ остальною компаніею, которая должна была начать осмотръ памятниковъ, лежащихъ вокругъ Мединетъ-Абу. Толпа арабовъ, все время провожавшая нашъ караванъ, подхватила меня и увлекла въ деревню, надѣясь найти во мнѣ неопытную жертву для полученія солиднаго бакшиша. Мое обращеніе съ ними на арабскомъ языкѣ и знаніе привычекъ и ухватокъ феллаховъ нѣсколько охладили расположеніе ко мнѣ арабовъ, ошибшихся въ расчетахъ, но все-таки я не могу пожаловаться, чтобы арабы Мединетъ-Абу вели себя не тактично и грубо по отношенію къ единственному франку, рѣшившемуся остаться ночевать въ ихъ средѣ.

Въ самомъ началѣ каждый изъ обитателей деревни, старый и малый, пробовали изводить меня предложеніями безчисленныхъ «антика» всякаго рода; но когда я, несмотря на многія дѣйствительно прекрасныя и рѣдкія вещи, продаваемые по сравнительно ничтожной цѣнѣ, отвѣчалъ на всѣ предложенія рѣшительнымъ отказомъ по неимѣнію денегъ, меня оставили въ покоѣ, и я могъ нѣсколько отдохнуть послѣ многихъ впечатлѣній пережитаго дня. Всѣ впечатлѣнія были такъ новы, живы и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоки, что ихъ невозможно было пока перемѣшать, но все-таки я былъ совершенно подавленъ тою массою ихъ, которая не укладывалась сразу въ моей головѣ... Чтобы немного ориентироваться въ этой массѣ впечатлѣній, я покинулъ окружающую меня толпу и пошелъ побродить по обширному полю руинъ, окружающихъ деревушку и осѣненныхъ яркою зеленью пальмъ.

Долго мнѣ не спалось въ эту дивную ночь. Оставшись одинъ, я почувствовалъ себя снова свободнымъ отъ тѣсныхъ узъ, связывавшихъ меня съ шумливой и веселой толпою, и спѣшилъ воспользоваться этою свободою. Не тревожимый никѣмъ, я вновь пересбиралъ полученныя за день впечатлѣнія, анализировалъ ихъ, группировалъ и чѣмъ больше останавливался на нихъ, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ приливъ священнаго трепета, который всегда ощущалъ при видѣ великихъ античныхъ руинъ. Мысленно я переносился въ эти минуты въ далекій древній міръ, жилъ въ его обстановкѣ, чувствовалъ себя чловѣ-





Развалины храма
Мединеть-Абу.

комъ иного времени и до того погружался въ міръ своихъ галлюцинацій, что не хотѣлъ скорого пробужденія. Стоя среди некрополя Стовратныхъ Оивъ, почти у берега священнаго Нила, и смотря на многочисленныя гробницы, зіявшія своими пещерами на всѣхъ окружающихъ скалахъ, на безстрастные лики фараоновъ, смотрѣвшихъ съ каменныхъ таблицъ великолѣпныхъ храмовъ, воздвигнутыхъ надъ ихъ могилами, я переживалъ счастливыя минуты волшебнаго сна, видѣлъ себя въ древнемъ Египтѣ среди сфинксовъ, обелисковъ и пирамидъ, видѣлъ блестящія процессіи мудрыхъ жрецовъ, шествіе блистательныхъ фараоновъ,

слышалъ то воинственные крики побѣдоносной рати Рамзеса Міамуна, то тихій гармоническій звукъ солнца у полножія величественной статуи Мемнона.

Остатокъ ночи я провелъ въ хижинѣ одного феллаха, наиболѣе приглянушагося мнѣ своею скромностью и отсутствіемъ нахальной привязчивости, отличавшей остальныхъ его земляковъ. Тревожно спалось мнѣ на грязной циновкѣ феллаха, полной всякихъ насѣкомыхъ, и только усталость брала свое, и я забывался на нѣсколько минутъ, продолжая и во снѣ витать въ Египтѣ время блистательнаго процвѣтанія Оивъ.

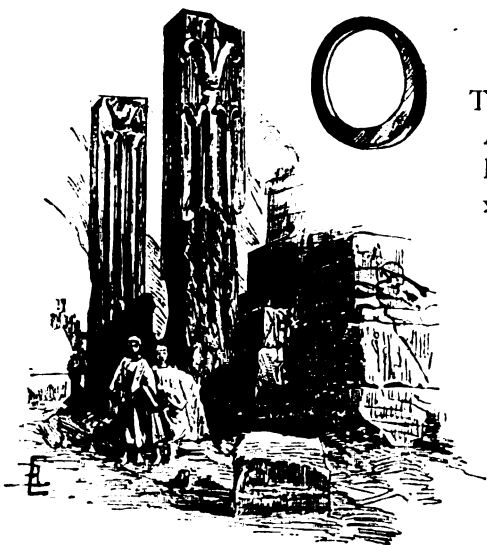
Утромъ все парходное общество прибыло въ деревню Мединеть-Абу, стоящую на развалинахъ замѣчательныхъ зданій античной древности и выстроенную изъ обломковъ этой послѣдней. Драгоманъ показалъ намъ прежде всего остатки древней циклопической стѣны, окружавшей рядъ великолѣпныхъ храмовъ, лишь отчасти сохранившихся до настоящей поры. Храмъ Тутмеса II съ обширнымъ дворомъ, великолѣпными пилонами, рядомъ монолитныхъ колоннъ, длинными галереями, святилищемъ и обломками двухъ гранитныхъ колоссовъ послѣ всего видѣннаго ранѣе не привлекъ однако, нашего вниманія, такъ же какъ и храмъ Рамзеса III, замѣчательный по своей внутренней и внѣшней отдѣлкѣ. Лишь въ одномъ изъ помѣщеній этого храма мы всѣ невольно остановились передъ огромными таблицами, изображающими типы различныхъ народовъ, покоренныхъ Сезострисомъ во время его многочисленныхъ походовъ. Во всемъ Египтѣ нѣтъ памятника болѣе драгоцѣннаго въ этнографическомъ отношеніи, какъ эти таблицы, передающія

до того прекрасно черты и одѣянія различныхъ народностей Азіи и Африки, что ихъ можно узнать сразу, не прибѣгая ни къ какимъ натяжкамъ. Нигдѣ рѣзецъ египтянина-художника такъ не поражаетъ насъ своимъ удивительнымъ искусствомъ, какъ въ этихъ таблицахъ, украшающихъ храмъ великаго завоевателя. Храмъ Рамзеса III—это дѣйствительно «каменная книга завоеваній и побѣдъ знаменитаго фараона», какъ его называютъ нѣкоторые египтологи. Съ чувствомъ, понятнымъ этнографу, я долго стоялъ, любясь на эти странные типы и одѣянія различныхъ кушитовъ, ливійцевъ, лидіянъ, гиттитовъ, этрусковъ, филистимлянъ, данайцевъ и многихъ другихъ народностей, извѣстныхъ лишь по имени и совершенно исчезнувшихъ съ лица земли. Этнографу остается только пожалѣть, что Рамзесъ Великій не покорилъ всего тогдашняго міра, потому что тогда мы имѣли бы понятіе о типѣ, одѣяніи, оружій и даже обычаяхъ многихъ народовъ, о которыхъ помимо ихъ имени не сохранилось въ исторіи ни одной писанной строчки.



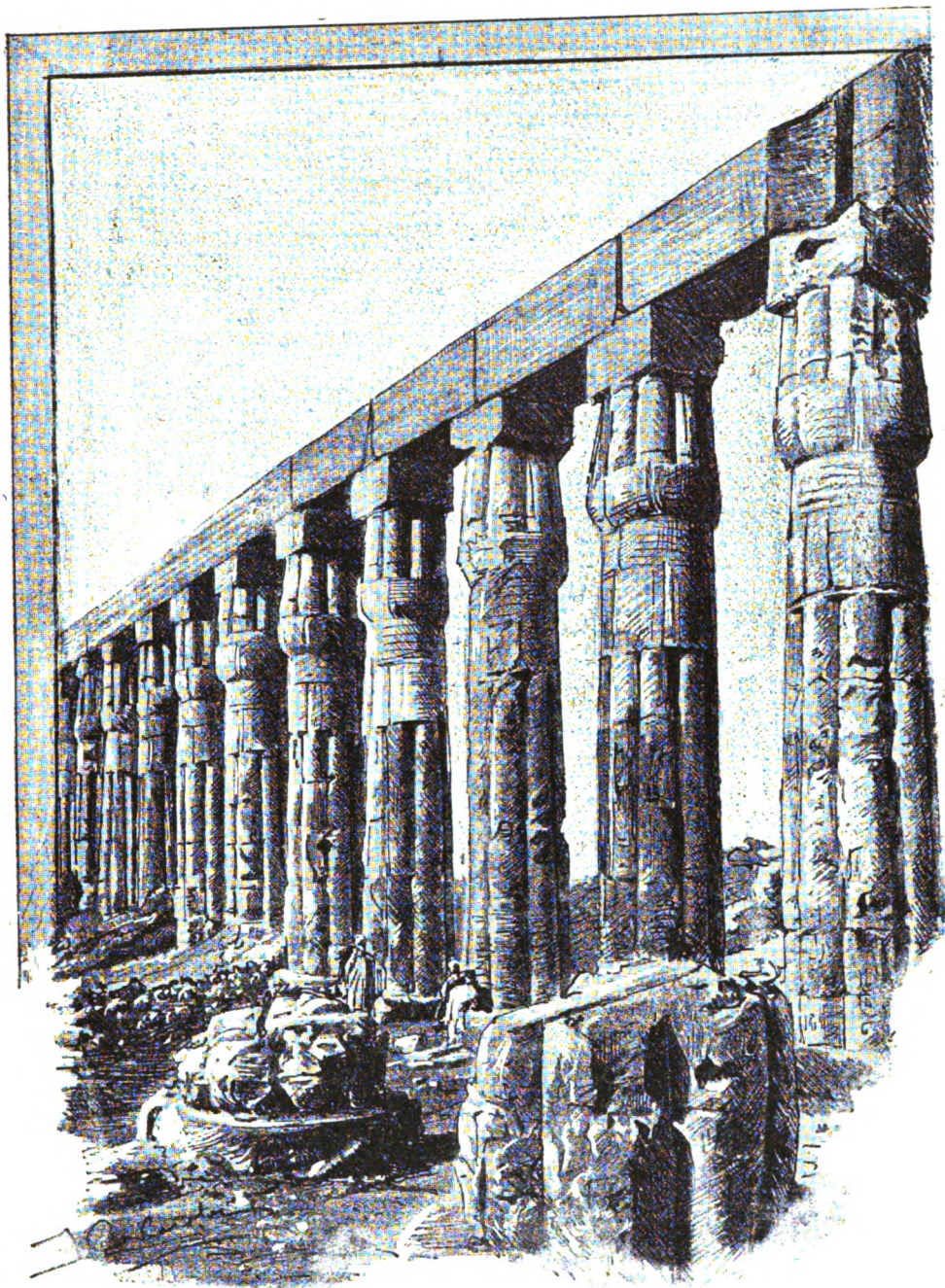
Глава XIII.

Осмотръ правобережныхъ развалинъ Оивъ. — Луксорскій храмъ. — Храмъ Карнака. — Священный прудъ. — Храмъ богини Муть.



ТѢ развалинъ великолѣпныхъ храмовъ Мединетъ-Абу, послѣ полудня, мы снова спустились къ берегу Нила, чтобы переѣхать его на ожидавшей насъ дахабіѣ и заняться обзоромъ другой части Оивъ, города живыхъ, расположеннаго на правомъ берегу Нила. Въ Луксорѣ намъ приготовленъ былъ обѣдъ въ домѣ французскаго консульскаго агента, считавшаго своею обязанностью принимать и угощать многочисленныхъ гостей, посѣщающихъ развалины Оивъ. Послѣ оживленнаго обѣда все наше общество, къ которому присоединился консулъ и еще нѣсколько европейцевъ, пребывавшихъ въ то время въ Луксорѣ, отправилось на осмотръ знаменитыхъ Луксорскихъ руинъ. Нынѣшнее се-

леніе Луксоръ стоитъ на невысокомъ холмѣ, состоящемъ изъ обломковъ и мусора, оставшихся отъ прежнихъ Оивъ. Въ этомъ самомъ холмѣ погребенъ и раскапываемый нынѣ знаменитый Луксорскій храмъ. На него прежде всего и было обращено наше вниманіе. Признаюсь, что послѣ всего видѣннаго нами на лѣвомъ берегу я не ожидалъ уже встрѣтить ничего особенно любопытнаго въ развалинахъ Луксора и Карнака, но скоро мнѣ пришлось разубѣдиться въ этомъ, такъ какъ только въ этой группѣ руинъ древній Египетъ представляется во всемъ своемъ величій, грандіозности и вмѣстѣ съ тѣмъ простотѣ архитектурнаго стиля. Храмы Луксора и Карнака—это лучшее, что можно видѣть въ Египтѣ, и ради нихъ однихъ можно проплыть сотни верстъ не только на комфортабельномъ пароходѣ, но и на утлой дахабіѣ.



Луксорскій храмъ.

Уже издали привлекають взоры путника, плывущаго по Нилу, огромныя развалины, расположившіяся двумя группами у Луксора и Карнака. Луксорскій храмъ, еще не вполне раскопанный изъ груды мусора, зарывшаго великолѣпныя руины, сохранился лишь настолько, чтобы дать понятіе объ его древнемъ величіи. Огромныя пилоны уцѣлѣли довольно хорошо, изъ двухъ обелисковъ, стоявшихъ предъ ними, одинъ увезенъ въ

Парижъ и украшаетъ площадь Согласія, двѣ колоссальныя статуи Рамзеса, поставленныя у входа въ храмъ, сильно изуродованы и болѣе чѣмъ наполовину закопаны въ мусорѣ и обломкахъ, двѣ другихъ статуи пострадали еще болѣе, и отъ нихъ остались одни обломки. Вся поверхность пирамидальныхъ пилоновъ покрыта вырѣзанными картинами, изображающими победы Рамзеса и представляющими огромный матеріалъ для изученія египтологовъ. За пилонами шелъ обширный дворъ съ двумя рядами изящно обдѣланныхъ колоннъ, образовавшихъ длинныя галлерей. Нынѣ все это пространство засыпано горами камней и кучами мусора, среди которыхъ еще высатся кое-гдѣ остатки уцѣлѣвшихъ колоннъ, небольшая мечеть съ стройнымъ минаретомъ, и уютныя бѣдныя хижины феллаховъ, сложенныя изъ камней Луксорскаго храма. Кучи черномазыхъ ребятишекъ, домашнія животныя, куры и голуби бродятъ по двору храма, по которому двигались нѣкогда величественныя процессіи жрецовъ, встрѣчавшихъ побѣдоноснаго фараона. Толпа арабовъ окружила насъ съ страшными криками, едва мы вступили во дворъ Луксорскаго храма. Только энергія драгомана да присутствіе консульскаго агента и его кавасовъ избавили насъ отъ несносныхъ попрошайекъ, навязывавшихъ всевозможныя «антика» и требовавшихъ бакшиша. Съ большимъ трудомъ пробираясь черезъ груды навороченныхъ камней, мы прошли черезъ обширный дворъ храма по величественной колоннадѣ, составлявшей одно изъ лучшихъ украшеній Луксорскаго храма. Трудно передать всю даже настоящую красоту этихъ сложныхъ колоннъ, какъ-бы составленныхъ изъ ряда мелкихъ столбовъ и опоясанныхъ широкимъ поясомъ съ капителью въ видѣ распускающагося бутона лотоса, и можно себѣ представить, какъ прекрасна была вся эта колоннада въ то время, когда каждая изъ колоннъ была разрисована яркими красками. За колоннадою идетъ другой обширный дворъ съ массою колоннъ, образовавшихъ боковыя галлерей, отъ которыхъ нынѣ остались лишь одни основанія, а затѣмъ слѣдуютъ святилища и другія помѣщенія храма, богато обставленныя колоннадами, росписанныя яркими цвѣтами и украшенныя многочисленными таблицами, поясняющими религіозное значеніе этого величественнаго храма. Нѣкоторыя изъ помѣщеній этого послѣдняго еще сохраняютъ свои стѣны, но большая часть разрушена и занята помѣщеніями феллаховъ и ихъ домашняго скота. При видѣ такой профанации священныхъ въ глазахъ европейца руинъ какъ-то невольно сжималось сердце, и руки хотѣли взять бичъ, чтобы изгнать отсюда недостойныхъ, тогда какъ невѣдомый голосъ повторялъ неустанно: «Sic transit gloria mundi...»

Отъ остатковъ Луксорскаго храма недалеко и до великихъ Карнакскихъ руинъ къ нимъ ведетъ отъ самаго Луксора знаменитая аллея сфинксовъ, тянущаяся почти на двѣ версты почти до самыхъ храмовъ Карнака по крайней мѣрѣ тысяча сфинксовъ съ головами женщины, державшихъ въ лапахъ статую Аменхотепа III, составляли эту аллею, отъ которой нынѣ остались одни пьедесталы, обломки священныхъ животныхъ да нѣсколько цѣлыхъ сфинксовъ ближе къ Карнаку. Къ этой длинной аллеѣ примыкаютъ двѣ меньшихъ—одна со сфинксомъ съ бараньими головами, составляющая продолженіе первой, а другая, приводившая прямо къ оградѣ великаго святилища, самостоятельная.



Развалины Луксора.

По длинной аллее мы и дошли до остатков храма Рамзеса III, составлявшего какъ-бы преддверіе великаго храма Эивъ. Хорошо сохранившійся пилонъ, украшенный тщательными сдѣланными изобра-

женіями, небольшая аллея сфинксовъ за нимъ и остатки нѣсколькихъ залъ съ массивными колоннами, очень красиво обдѣланными,—все это напоминаетъ другіе храмы, воздвигнутые рукою великаго фараона. Осмотрѣвъ бѣгло храмъ Рамзеса, мы пошли къ главнѣйшимъ остаткамъ Створатныхъ Эивъ—большому храму Карнака, который величественно высится надъ всѣми другими руинами. Уже издали виднѣется огромный пропилонъ на подобіе гигантскихъ воротъ, предшествующій цѣлому ряду массивныхъ сооружений храма, красиво отдѣненныхъ зеленью сикоморъ и пальмъ. Остатки небольшой аллеи сфинксовъ и двухъ обелисковъ предшествуютъ самому пропилону, представляющему входъ, достойный великаго храма. Драгоманъ повелъ всю нашу компанію наверхъ этого огромнаго сооруженія по тѣсной прямой лѣсенкѣ, проведенной внутри стѣнъ, но большинству моихъ спутниковъ пришлось отказаться отъ этого восхожденія, весьма затруднительнаго для людей мало подвижныхъ. Великолѣпный видъ, открывающійся съ вершины пропилона, заставляетъ зато забыть о трудностяхъ восхожденія, потому что едва-ли гдѣ-нибудь въ мірѣ можно встрѣтить такую грандіозную массу величественныхъ развалинъ, отдѣняемыхъ пальмами, зеленью окружающихъ полей и серебристыми струями Нила. Весь планъ развалинъ Карнака развертывается передъ очами туриста, смотрящаго съ вершины пилона на разстилающіяся подъ его ногами огромныя и прекрасныя руины. Ближе всего



Развалины Карнака.

виднѣются остатки великолѣпной колоннады, ограничивавшей съ боковъ первый дворъ храма, затѣмъ слѣдуютъ храмы Рамзеса, Сети III, Тутмеса I и III и др. отдѣленія великаго святилища, предшествуемая огромными пилонами и колоннадами; просто глаза разбѣгаются при видѣ этихъ безконечныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ величественныхъ руинъ.

Спустившись съ вершины первого пилона, мы вошли во дворъ и осмотрѣли храмъ Рамзеса III, включенный вмѣстѣ съ небольшимъ храмомъ Сети II въ периферію гигантской колоннады. Послѣ всего видѣннаго ранѣе, оба эти храма, особенно послѣдній, не произвели на насъ сильнаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что впереди насъ ожидали остатки величайшаго храма Египта. Развалины второго гигантскаго пилона, остатки двухъ гранитныхъ колоссовъ, темный вестибюль, стѣны котораго украшены гіероглифами и цѣлыми таблицами, и громадныя глыбы полуразрушенныхъ зданій приводятъ насъ къ знаменитой залѣ колоннъ, одному изъ величайшихъ сооружений подобнаго рода въ мірѣ. Словами трудно передать то потрясающее впечатлѣніе, которое производитъ это гигантское сооруженіе рукъ человѣческихъ. Стоишь и недоумѣваешь, какъ возможно было даже строителямъ пирамидъ воздвигнуть нѣчто подобное однѣми руками, безъ пособія могучихъ паровыхъ двигателей. Цѣлый лѣсъ колоссальныхъ колоннъ, изъ которыхъ каждая представляетъ сооруженіе, достойное вниманія, поддерживаетъ своды огромной залы, имѣющей около пятидесяти саженъ въ длину и до двадцати пяти въ ширину, при болѣе чѣмъ десятисаженной высотѣ. Все это колоссальное сооруженіе, также какъ самыя колонны, сложено изъ массивныхъ камней, сокрушить которые могли лишь колебанія самой почвы, а не рука времени или человѣка. Двѣнадцать наибольшихъ колоннъ проходятъ черезъ всю залу, образуя въ ней родъ центральной галлерей; остальные сто двадцать двѣ раздѣляютъ огромный храмъ на цѣлый рядъ отдѣленій, въ которыхъ можно блуждать, какъ въ лѣсу. Всѣ эти колонны



Развалины Карнака.

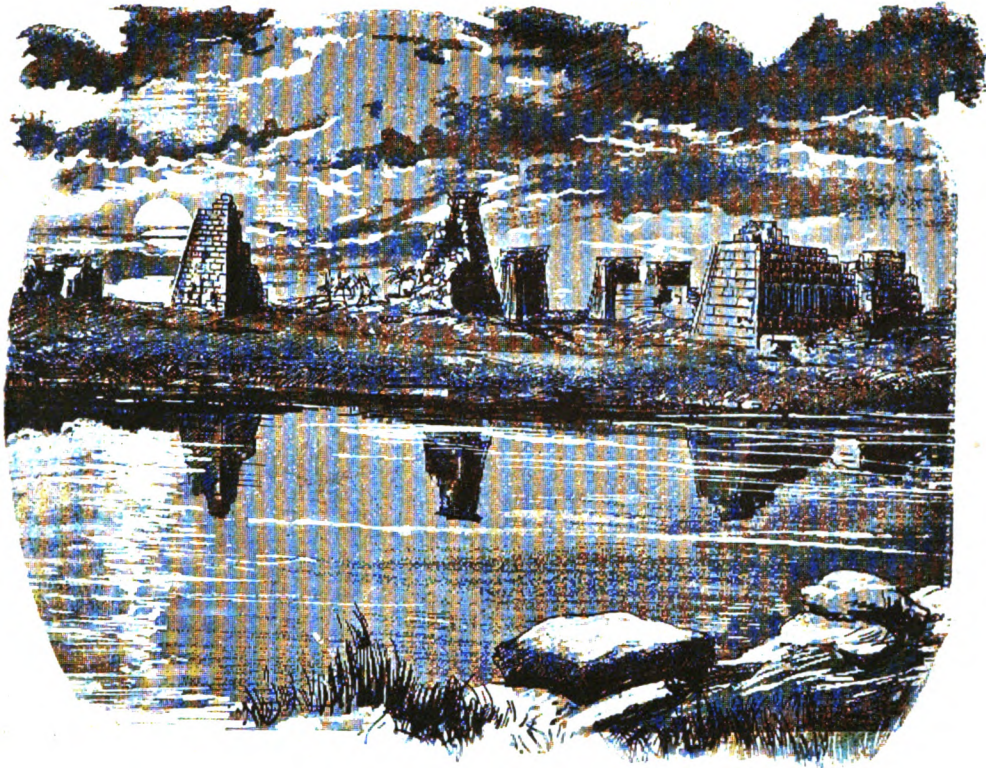
были сверху до низу покрыты скульптурными изображениями, от которых во многих мѣстах нынѣ не осталось и слѣда; множество колоннъ, однако, и до настоящаго времени стоитъ исписанными, свидѣтельствуя о дѣянiяхъ и подвигахъ великихъ фараоновъ, создавшихъ этотъ колоссальный храмъ. Особенно много надписей и всевозможныхъ изображенiй встрѣчается на наружныхъ стѣнахъ залы колоннадъ, гдѣ изображены побѣды Сети I надъ различными народами Палестины, Сирiи и Ливана.

Изъ залы колоннъ величественный третiй пилонъ, болѣе чѣмъ на половину разрушенный, выводитъ насъ на небольшую галерею, предшествующую храму Тутмеса. Здѣсь до сихъ поръ высится одинъ изъ красивѣйшихъ обелисковъ Египта, достигающiй до десяти сажень высоты; парный ему обелискъ валяется тутъ же поверженнымъ на землѣ такъ же какъ и остатки колоссовъ, украшавшихъ входъ въ храмъ Тутмеса. Этотъ послѣднiй имѣлъ предъ собою еще небольшой дворикъ, отдѣленный четвертымъ пилономъ отъ первой галереи и украшенный двадцатью четырьмя изящными колоннами въ формѣ карiатидъ и двумя новыми большими обелисками. Отъ этой прекрасной колоннады осталось не болѣе половины сильно попорченныхъ столбовъ и одинъ изъ обелисковъ, представляющiйся самымъ большимъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ въ Египтѣ. Будучи вы-

шиною свыше пятнадцати саженъ, обелискъ этотъ сверху до низу покрытъ гіероглифами, свидѣтельствующими о постройкѣ его царицею Хитосу; другой обелискъ давно уже упалъ, и остатки его валяются среди развалинъ величественной колоннады залы каріатидъ.

Рядъ развалинъ прежнихъ величественныхъ зданій, нынѣ разрушенныхъ наполовину, ведетъ насъ въ глубину великаго храма; на одной изъ оставшихся стѣнъ драгоманъ указываетъ намъ на знаменитую таблицу, въ которой заключается цѣлая географическая лѣтопись о странахъ и народахъ, прилежащихъ къ Египту. Драгоманъ пытается перечислить намъ множество именъ, прочитанныхъ Маріэттомъ, но насъ поражаетъ не столько этотъ перечень незнакомыхъ и дикихъ терминовъ, сколько самый фактъ существованія этой каменной лѣтописи, говорящей пытливому человѣку изъ глубины вѣковъ. За этими знаменитыми таблицами недалеко и самое святилище, состоящее изъ нѣсколькихъ помѣщеній, болѣе чѣмъ на половину разрушенныхъ временемъ и людьми. Построенное изъ массивныхъ гранитныхъ камней, украшенное изящными колоннами и барельефами, святилище это, безъ сомнѣнія, было мѣстомъ, гдѣ въ самой глубинѣ великаго храма совершались мистеріи, недоступныя для глазъ недостойныхъ. Съ какимъ-то особымъ чувствомъ благоговѣнія мы бродили среди кучи развалинъ, еле напоминающихъ первоначальный планъ, пока не дошли до знаменитой «численной стѣны»—одного изъ прославленныхъ памятниковъ древняго Египта. Вмѣстѣ съ аналогичными памятниками, встрѣчающимися въ другихъ древнихъ руинахъ, «численная стѣна» даетъ громадный географическій и историческій матеріалъ, значеніе котораго могутъ оцѣнить лишь египтологи. Мы долго стояли предъ многочисленными изображеніями новой каменной лѣтописи, всматриваясь въ лики побѣдоносныхъ фараоновъ и типы побѣжденныхъ ими народовъ, и намъ казалось, что нѣкоторые лица знакомы намъ и до сихъ поръ встрѣчаются среди обитателей Сириі, Каменистой Аравіи и Египта.

Остатки великолѣпныхъ, оригинальныхъ, сложныхъ колоннъ, массивныя глыбы камней, тщательно обдѣланныхъ, и кучи всякихъ обломковъ загромаждаютъ довольно обширное пространство, лежащее между древнимъ гранитнымъ святилищемъ и новою группою великолѣпныхъ построекъ, извѣстныхъ подъ именемъ храмовъ Тутмеса III, одного изъ величайшихъ фараоновъ Египта. Въ весьма печальномъ видѣ сохранились до настоящаго времени эти величественныя сооруженія, составлявшія одно изъ лучшихъ украшеній Карнакскаго храма. Груды развалинъ стали на мѣстѣ древнихъ портиковъ, колоннадъ, пилоновъ и обелисковъ, украшавшихъ входъ въ храмину, посвященную культу предковъ великаго фараона. Съ большимъ трудомъ, и то съ помощью драгомана, можно себѣ представить прежнее расположеніе обширной центральной залы, боковыхъ галлерей, различныхъ покоевъ святилища, мѣстъ упокоенія предковъ, погребальныхъ камеръ и другихъ многочисленныхъ частей этого обширнаго сооруженія. Остатки великолѣпныхъ колоннадъ, раздѣляющихъ и поддерживающихъ своды огромной храмины, даютъ весьма слабое понятіе о величій сооруженій Тутмеса, но и этого немногаго достаточно для того, чтобы остановить на долгое время вниманіе туриста, даже видѣвшаго главнѣйшія руины Египта.



Священный прудъ.

Побродивши нѣсколько часовъ во внутренности великаго Карнакскаго храма, мы прошли немного вдоль величественной стѣны, окружавшей нѣкогда все это главнѣйшее святилище Оивъ. Немного отъ нея осталось въ настоящее время. Древніе камни ея кладки до сихъ поръ растаскиваются окрестными феллахами, но еще много ихъ лежитъ на мѣстѣ, смѣшиваясь съ остатками нѣсколькихъ небольшихъ храмовъ и зданій, окружающихъ великій Карнакскій храмъ и нынѣ разрушенныхъ почти до основанія. Нѣсколько болѣе осталось отъ двухъ великолѣпныхъ храмовъ, расположенныхъ внѣ большой ограды и извѣстныхъ подъ именемъ храмовъ Аменхотепа III и богини Муть.

Храмъ Аменхотепа въ свое время имѣлъ впереди себя аллею сфинксовъ, обелиски, колоссовъ, колоннады, центральную залу, глубокія камеры для совершенія обрядовъ и таинствъ культа и рядъ небольшихъ храмиковъ или часовенъ, посвященныхъ тѣмъ или другимъ божествамъ. Отъ всего этого нынѣ осталось немного, и лишь нѣсколько уцѣлѣвшихъ сфинксовъ, остатки колоссовъ, колоннадъ и галлерей, выступающіе изъ груды камней, и красиво обдѣланные обломки напоминаютъ туристу о прежнемъ величїи этого храма, окруженнаго особою стѣною, примыкавшею къ оградѣ великаго святилища Оивъ.

До храма богини Муть, находящагося въ совершенно противоположной сторонѣ отъ храма Аменхотепа, на обширномъ полѣ Карнакскихъ руинъ находится рядъ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ остатковъ, на которые обыкновенно обращаетъ уже весьма мало вниманія туристъ,

совершенно подавленный впечатлѣніями, вынесенными изъ посѣщенія Луксорскихъ и Карнакскихъ руинъ. Многія изъ этихъ развалинъ принадлежать остаткамъ жилищъ и частныхъ зданій древняго города, другія же относятся къ храмамъ, дворцамъ и правительственнымъ учрежденіямъ Стовратныхъ Өивъ. Однимъ изъ любопытнѣйшихъ остатковъ этихъ послѣднихъ является круглый бассейнъ или священный прудъ древняго города, въ стоячія воды котораго смотрятся нынѣ развалины величайшихъ зданій Карнака. По этому пруду прежде плавали священные лодки, круговращательное плаваніе которыхъ символизировало теченіе солнца по небесамъ. Нынѣ на мѣстѣ круглаго бассейна—лужи стоячей воды, а отъ древней обшивки береговъ священнаго пруда остались лишь жалкіе остатки. Обойдя прудъ, мы пришли къ новымъ остаткамъ какого-то грандіознаго и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальнаго сооруженія, въ которомъ виднѣются однѣ келейки на подобіе погребальныхъ камеръ, но безъ всякихъ указаній на принадлежность ихъ къ роду гробницъ. По всей вѣроятности, это зданіе служило помѣщеніемъ для жрецовъ, наблюдавшихъ за плаваніемъ лодокъ по священному пруду и производившихъ тѣ или другія астрологическія наблюденія.

Нѣсколько далѣе отъ этого загадочнаго зданія лежитъ рядъ сооружений, служившихъ соединеніемъ между большимъ храмомъ Карнака и храмомъ богини Мутъ. Сооруженія эти состоятъ изъ нѣсколькихъ пилоновъ, высящихся на подобіе триумфальныхъ арокъ, ряда колоссовъ и аллеи сфинксовъ, слѣдующихъ другъ за другомъ и приводящихъ къ воротамъ храма Мутъ. Хотя пилоны и довольно разрушены, а изъ колоссовъ осталось всего не болѣе десяти, но вся эта аллея, составленная изъ такихъ монументальныхъ сооружений, производитъ до сихъ поръ сильное и подавляющее впечатлѣніе. Можно себѣ представить даже въ настоящее время, какъ великолѣпна была эта аллея прежде, когда на ней стояло нѣсколько десятковъ огромныхъ колоссовъ, высѣченныхъ изъ одного камня, многочисленные сфинксы, обелиски, и высились четыре красивыхъ пилона во всей своей красотѣ, украшенные многочисленными изображеніями, говорящими о подвигахъ фараоновъ.

Самый храмъ богини Мутъ, окруженный прежде высокою стѣною, вмѣщавшей въ своей периферіи два другихъ меньшихъ храма, и полукруглый бассейнъ, прилегающій къ самымъ стѣнамъ храма, не представляютъ особаго интереса для туриста, уже утомленнаго образомъ достопримѣчательностей Карнака. Тѣ же пилоны, тѣ же колоннады, окружающія доступъ въ святилище, тѣ же остатки статуй, многочисленныхъ стѣнныхъ таблицъ, обломки черныхъ гранитныхъ статуй богини Сахтъ до сихъ поръ наполняютъ нѣкоторыя помѣщенія этого храма, но лучшія изъ нихъ давно уже увезены въ музеи Европы.



Глава XIV.

Отъ развалинъ Оивъ. — Эснэ. — Караванъ паломниковъ. — Развалины храма Эдфу.



РОБЫВЪ на развалинахъ Карнака почти полтора дня, мы и не замѣтили, какъ пролетѣло время. Также незамѣтно мы могли бы провести тамъ и еще нѣсколько дней. Но суровое распisanie слишкомъ пунктуально ограничивало сроки нашего пребыванія даже въ самыхъ любопытныхъ мѣстахъ Египта, и пароходъ нашъ громко и нетерпѣливо посвистывалъ, приглашая слишкомъ загулявшихся туристовъ. Съ какимъ-то особенно тяжелымъ чувствомъ я покидалъ величественныя развалины Оивъ. Мнѣ было жаль того постепеннаго

и постоянного разрушенія, которому онѣ подвергались въ теченіе многихъ вѣковъ и подвергаются понынѣ не только отъ варварской руки феллаха, но и заѣзжаго европейца. Каждый туристъ норовитъ захватить съ собою какое-нибудь воспоминаніе, откалываетъ небольшія изваянія, портитъ таблицы гіероглифовъ. Стоя на палубѣ удаляющагося отъ развалинъ Оивъ парохода, я долго смотрѣлъ на знакомыя руины, величественныя пилоны, остатки колоннадъ, храмы, города мертвыхъ и колоссальныя статуи Мемнона; мысленно я воспроизводилъ все бывшее великолѣпіе древнихъ Оивъ, и мнѣ казалось, что никакіе грандіозные памятники современнаго зодчества, даже двадцатиэтажные дома и исполинскія башни, не могутъ сравниться съ тѣми остатками древней цивилизаціи Кѣми, которые и въ своихъ развалинахъ превосходятъ современныя чудеса...

Быстро несетъ насъ далѣе вверхъ по Нилу быстроходный пароходъ. Живо смѣняются разнообразныя панорамы береговъ священной рѣки, и не успѣли еще скрыться совершенно развалины Стовратныхъ Оивъ, какъ на горизонтѣ уже виднѣются среди зеленыхъ полей, рощъ смоковницъ и плантацій сахарнаго тростника развалины древняго Гермонтиса, у которыхъ, разумѣется, и не думаетъ останавливаться нашъ пароходъ. Недалеко



уже и Эсна, мѣсто, — куда давно стремились нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ, которые надѣялись посмѣтрѣть тамъ знаменитыхъ рауазіатъ, которыхъ не удалось видѣть въ Кенне. Эсна — городокъ сравнительно молодой, ставшій на мѣстѣ древняго Ламополиса и выросшій по мановенію руки основателя настоящаго Египта, Мехмета-Али. Красивый минаретъ издали показываетъ приближеніе къ большому населенному центру, и зелень многочисленныхъ садовъ, среди которыхъ виднѣются бѣлыя пятна зданій города, приятно ласкаетъ глазъ туриста, утомленнаго созерцаніемъ мрачныхъ развалинъ.

Пароходъ нашъ остановился въ Эсна всего на нѣсколько часовъ, такъ что и на этотъ разъ любителямъ классическихъ танцевъ не удалось полюбоваться вдоволь искусствомъ мѣстныхъ альмей. Хотя часть моихъ спутниковъ отправилась прямо въ кварталъ, гдѣ живутъ веселыя рауазіатъ, но большинство все-таки, слѣдуя за драгоманомъ, обошло и объѣхало на осликахъ

нѣсколько главныхъ улицъ города, посѣтило фабрику шалей и осмотрѣло все то, что полагается добросовѣстному туристу, осматривающему Египетъ съ печатнымъ гидомъ въ рукахъ. Между прочимъ мы посѣтили и величественный храмъ, посвященный «душѣ міра» — Кнефу, одному изъ божествъ четырехсліяннаго Аммуна, представляющій почти единственный остатокъ древняго египетскаго города Снѣ. Храмъ Кнефа до сихъ поръ еще далеко не раскопанъ и прячется подъ грудю обломковъ, на которыхъ висятъ домики современнаго Эсна. Внутренній осмотръ его мы произвели поэтому при помощи свѣчей, но ничего особеннаго не встрѣтили. Возвращаясь изъ храма, мы зашли въ одну изъ кофеенъ, гдѣ наши товарищи, предпочитавшіе посѣщеніе квартала рауазіатъ обзору наскучившихъ имъ, повидимому, руинъ, проводили время въ созерцаніи танцевъ и мимическихъ тѣлодвиженій далеко не прекрасныхъ танцовщицъ. Послѣ всего того, что мы видѣли въ Минніэ, намъ не приходилось восхищаться пляскою танцовщицъ Эсна; притомъ самый характеръ этихъ танцевъ былъ настолько неблагопристоенъ, что оставалось только радоваться тому, что мы оставались въ Эсна всего нѣсколько часовъ. Между прочимъ меня особенно поразило то обстоятельство, что наши дамы нисколько не стѣснялись присутствовать при нѣкоторыхъ танцахъ рауазіатъ, тогда какъ эти послѣднія, очевидно, чувствовали себя несовсѣмъ ловко въ ихъ присутствіи. Суровый драгоманъ напомнилъ зазѣвавшимся на египетскихъ танцовщицъ туристамъ, что приближается время отплытія парохода, и тѣ съ видимымъ неудовольствіемъ покинули кофейни веселаго Эсна для того, чтобы плыть далѣе по Нилу и созерцать однѣ развалины, которыя многимъ, особенно дамамъ, начали надоедать.

Отправляясь изъ Эсна, мы встрѣтили цѣлый караванъ дахабіэ, при-



Развалины храма въ Эснэ.

везшихъ множество мусульманскихъ паломниковъ изъ Верхняго Египта, которые пробирались черезъ Эснэ, Кеннэ и Коссейръ на Джидду и Мекку. Караванъ благочестивыхъ хаджей не подражалъ вѣчно - торопящимся невѣрнымъ франкамъ и двигался довольно медленно, такъ что паломники могли достаточно отдохнуть въ Эснэ, какъ и въ Кеннэ, и полюбоваться веселыми рауазіатъ, прежде чѣмъ отправиться въ негостепріимныя пустыни Геджаса. Щедрыми подачками благочестивыхъ хаджей, говорятъ многіе, только и живутъ изгнанныя изъ Нижняго Египта многочисленныя альмеи и рауазіатъ Кеннэ и Эснэ, а потому болѣе и менѣе продолжительная остановка паломническихъ каравановъ въ этихъ городахъ болѣе, чѣмъ необходима... Мы плывемъ снова по Нилу, и на каждомъ шагу нашъ драгоманъ успѣваетъ показывать древнія развалины, часто видныя ему одному. Привыкши слушать его безпрекословно, хотя и съ критикою его показаній при помощи Бедекера, мы напрягаемъ свое зрѣніе, рассматриваемъ оба берега священной рѣки въ бинокли и не рѣдко находимъ или стараемся находить то, что намъ указываетъ драгоманъ; проѣзжаемъ мы остатки древнихъ Хнубиса и Гіераконполиса, развалины небольшой пирамиды Элькезла, храма Аммуна, погребальныя гроты Эленгеи и другіе останки древности, лишь отчасти видныя съ палубы парохода. Въ Эдфу, значительномъ поселеніи, стоящемъ на лѣвомъ берегу Нила, пароходъ нашъ дѣлаетъ новую небольшую остановку для того, чтобы дать возможность туристамъ сойти на берегъ и посмотрѣть знаменитый храмъ древняго Теба, огромные пилоны котораго издали привѣтствуютъ путника, плывущаго по Нилу.



Деревня Эдфу.

Нынѣшній Эдфу сталъ на мѣстѣ египетскаго города Теба, остатки котораго видны на значительномъ пространствѣ отъ селенія до берега Нила. Значительные холмы обломковъ, мусора и развалинъ, сильно попорченныхъ наводненіями, слѣды древней набережной и наконецъ два прекрасно сохранившихся храма, откопанные Мариэттомъ, составляютъ главные остатки древняго Теба. Группы финиковъ и красивыхъ думъ-пальмъ осѣняютъ этотъ любопытный остатокъ древности, вышедшій изъ груди песку въ такой цѣлости, какъ ни одинъ другой памятникъ Египта. Храмъ Эдфу представляетъ поэтому настоящій типъ древне-египетскаго храма, съ помощью котораго можно воспроизвести и планы другихъ развалившихся храмовъ. Величественные пилоны, украшенные барельефами и стѣнными

изображеніями народовъ, побѣжденныхъ Птоломеемъ, приводятъ насъ на обширный дворъ, окруженный галлереями, отдѣленными отъ него красивыми колоннадами; на поверхности колоннъ, какъ и на внутреннихъ стѣнахъ двора, — многочисленныя надписи, стѣнныя таблицы и ко-

лоссальные изображенія боговъ египетскаго пантеона. За красивымъ портикомъ идутъ полъ-рядъ двѣ обширныхъ залы, поддерживаемыя колоннами и разнообразными капителями, придающими имъ особую красоту, и двѣ меньшихъ залы, приводящія къ самому святилищу, окруженному корридормъ, въ который открывается до десяти меньшихъ помѣщеній; подобныя меньшія комнатки находятся въ разныхъ этажахъ и надъ меньшими залами, предшествующими святилищу. Вся длина храма не менѣе пятидесяти сажень, а внутренняя поверхность его должна быть измѣряема цѣлыми тысячами квадратныхъ сажень, на которыхъ нѣтъ, можно сказать, почти ни одного фута, не покрытаго надписями, таблицами, изображеніями. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находятся и двадцать семь географическихъ таблицъ, перечисляющихъ и описывающихъ области великаго царства фараоновъ. Благодаря массѣ подобныхъ надписей и начертаній, весь храмъ Эдфу можно разсматривать, какъ одну огромную каменную книгу, въ которой не только описана до мельчайшихъ подробностей цѣлая эпоха изъ древне-египетской исторіи, но передано и самое міросозерцаніе мудраго обитателя Кеми. Долго мы проходили подъ сводами величественнаго святилища, любясь его многочисленными таблицами

и изображеніями, несмотря на толпу арабскихъ ребятишекъ, оглашавшихъ просьбами о бакшишѣ торжественную тишину древняго храма. За позднимъ временемъ мы не успѣли зайти въ некрополь древняго Теба и поспѣшили на пароходъ...

При быстро наступившей темнотѣ и подъ проливнымъ дождемъ, налетавшимъ откуда-то вмѣстѣ съ небольшою грозю, мы поплыли далѣе вверхъ по Нилу, все болѣе и болѣе стѣсняемому въ своемъ быстромъ теченіи могучими горными цѣпями. Эти береговья скалы въ наступившемъ мракѣ ночи казались настоящими стѣнами, совершенно запиравшими теченіе священной рѣки. Драгоманъ долго рассказывалъ намъ о разныхъ примѣчательностяхъ, встрѣчающихся въ пустынѣ, которою мы проплывали, о находкахъ, сдѣланныхъ въ окрестныхъ горахъ, и о разныхъ политическихъ событіяхъ, начинавшихъ все болѣе и болѣе интересоватъ населеніе по мѣрѣ приближенія къ Судану,—аренѣ послѣднихъ знаменательныхъ событій.



Глава XV.

Древнія каменоломни Сильселехъ.—Находка древняго скелета.—
Подземные храмы.—Перемѣна нильскаго ландшафта.—Ассуанъ.—Развалины Сіены.—Элефантина.—Островъ Филэ.—Первые пороги.



АНО утромъ, почти на зарѣ, мы были въ виду Джебель-Сильселеха, одного изъ любопытнѣйшихъ мѣстъ въ Верхнемъ Египтѣ. Въ виду ранняго утра многіе изъ пассажировъ нашего парохода отказались съѣзжать на берегъ и на этотъ разъ наше общество было менѣе многочисленно, но зато болѣе подвижно. Въ этомъ мѣстѣ обѣ параллельныя цѣпи горъ такъ близко сходятся между собою, что образуется узкая тѣснина, въ которую и вкатываются волны Нила. Долины въ этомъ мѣстѣ не существуетъ вовсе, и даже незатѣйливые феллахи не могутъ выгадать здѣсь ни клочка драгоценной земли. Древніе египтяне въ этомъ мѣстѣ устроили однѣ изъ са-

мыхъ обширныхъ каменоломенъ, добытый матеріалъ ихъ которыхъ легко могъ сплавляться по Нилу. Многіе изъ величайшихъ памятниковъ древняго Египта были построены изъ камня Джебель-Сильселехскихъ каменоломенъ, давшихъ имя сіенита одному изъ лучшихъ матеріаловъ для самыхъ грандіозныхъ сооружений. Древнія каменоломни эти представляютъ настоящій городъ, въ которомъ улицы и площади высѣчены искусными камнетесами прямо изъ толщи сіенитовыхъ скалъ. Масса пещеръ, всевозможныхъ гротовъ и подземныхъ галлерей образуетъ какъ-бы жилища этого «города камня», при созданіи котораго человѣкъ приложилъ не менѣе труда, чѣмъ при сооруженіи величественныхъ храмовъ и пирамидъ. Среди гротовъ Сильселеха есть и настоящіе подземные храмы, высѣченные всецѣло въ толщѣ скалы; только въ развалинахъ знаменитой Петры можно встрѣтить такую



Развалины Сильселеха.

массу удивительныхъ сооруженийъ, не сложенныхъ изъ камня, а такъ сказать изваянныхъ прямо изъ скалы. Мы осмотрѣли много всевозможныхъ подземныхъ галлерей, гротовъ и пещеръ и въ одной изъ нихъ, обрушившейся вслѣдствіе недавняго землетрясенія и потому обнажившей до того недоступную глубину, нашли прекрасно сохранившійся скелетъ, несомнѣнно принадлежащій къ древнему египетскому типу. Знакомство съ типами древнихъ египтянъ по черепахъ мумій, хорошо изученнымъ антропологами, и позднѣйшее сравненіе найденныхъ останковъ съ костяками египетскихъ мумеевъ убѣдили насъ въ томъ, что мы нашли, быть можетъ, единственный скелетъ древняго египтянина, добытый не въ видѣ муміи, а въ его настоящемъ видѣ. По всей вѣроятности, останки эти принадлежали несчастному рабочему, задавленному обрушившимися камнями, что доказывали и многочисленные переломы, найденные на его костякѣ.

Недалеко отъ пещеры, въ которой мы сдѣлали эту любопытную находку, виднѣется и входъ въ одинъ изъ подземныхъ храмовъ каменоломни, показываемый обыкновенно всѣмъ туристамъ. Красивый портикъ, поддерживаемый полуколоннами и украшенный гіероглифическими изображеніями, ведетъ насъ въ глубину этого оригинальнаго храма. Внутреннія стѣны этого послѣдняго, какъ и двери его, искусно обдѣланы рѣзцомъ, изобразившимъ различныя сцены изъ жертвоприношеній и обращеній къ божествамъ фараоновъ Египта. Рѣдко гдѣ въ Египтѣ можно встрѣтить болѣе тонкія изваянія, сдѣланныя притомъ такъ художественно, какъ на стѣнахъ этого

подземнаго храма, привлекающаго вниманіе всѣхъ египтологовъ. Небольшіе размѣры его вполне возмѣщаются тою художественностью обдѣлки, которая какъ-то не вяжется съ этими грудями каменоломень, которыя представляетъ тѣснина Сильселехъ. Намъ нечего описывать остальные небольшіе храмы этого любопытнаго уголка Египта и многочисленныя его пещеры, еще далеко не изученныя египтологами, тѣмъ болѣе, что мы сами всего нѣсколько часовъ пробыли въ Сильселехѣ, но видъ этихъ грандіозныхъ каменоломень, расположенныхъ по обѣимъ берегамъ рѣки, представляющимъ здѣсь настоящую горную дебрь, не оживляемую даже зеленью и бѣдными лачугами феллаховъ, произвелъ на насъ не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ величественныя развалины Фивъ.

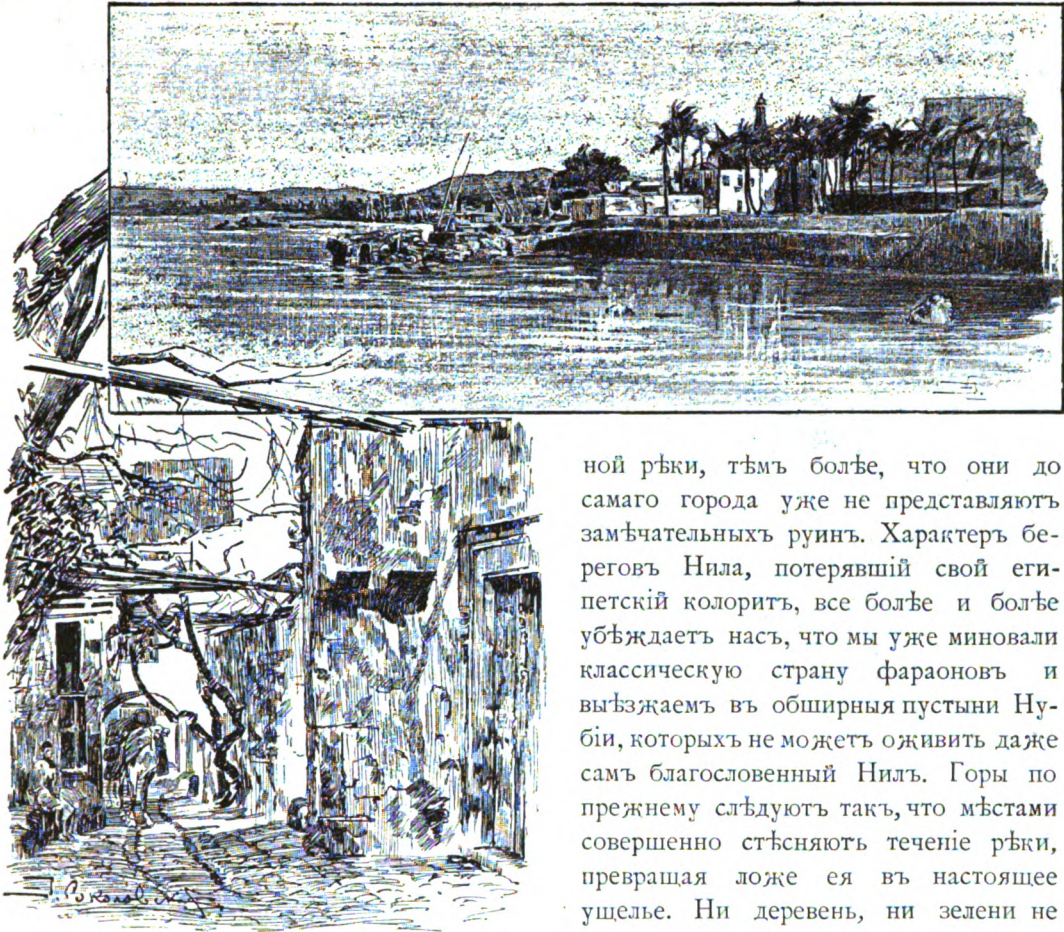
Отъ Сильселеха къ югу священный Нилъ продолжаетъ течь среди ущелья, образованнаго близко сходящимися горными цѣпями, не дающими мѣста для обитанія человѣка на берегахъ благословенной рѣки. Живописный пейзажъ Нильской долины принимаетъ здѣсь совершенно иной характеръ, не свойственный Египту. Чувствуется приближеніе къ среднему теченію великой рѣки и ея знаменитымъ еще въ древности порогамъ.

Мы остановились на короткій промежутокъ времени еще напротивъ развалинъ древняго города Омбоса, лежавшаго на возвышеніи праваго берега, постепенно подмываемомъ струями священной рѣки. Унылый видъ этихъ развалинъ, подмываемыхъ снизу Ниломъ, а сверху заносимыхъ песками пустыни, представляетъ рѣзкую противоположность остаткамъ Стовратныхъ Фивъ, окруженнымъ зеленью и дающимъ пріютъ ряду арабскихъ деревень. Развалины двухъ храмовъ Омбоса высятся издали надъ окружающею ихъ пустынею, и около нихъ не виднѣется толпы жадныхъ до бакшиша туземцевъ, какъ возлѣ другихъ древнихъ памятниковъ Египта. При первомъ взглядѣ на двойной храмъ Омбоса, посвященный двумъ противоположнымъ божествамъ, Горусу—богу свѣта и Себеку—злomu началу, бросается въ глаза массивность колоннъ, образующихъ портикъ и поддерживающихъ своды храма. Капители ихъ представляютъ видъ распутившагося цвѣтка, обхватъ колоннъ не менѣе трехъ сажень, а кажущаяся корот-



кость объясняется тѣмъ, что почти половина ихъ загромождена обломками и надвигающимися со стороны пустыни песками.

Торопясь до заката солнца поспѣть въ Ассуанъ, лежащій уже недалеко за развалинами Омбоса, мы не останавливались болѣе по берегамъ священ-



Городъ Ассуанъ.

полудикіе бишарины, населяющіе пустыню, которая идетъ по берегамъ Краснаго моря. Скоро впереди показываются массивы горъ, господствующихъ намъ пріютившимся у ихъ подножья Ассуаномъ и зеленымъ островкомъ Элефантиною, стройныя пальмы котораго привѣтливо машутъ путнику, выплывающему изъ пустыни Абабдехъ. Было довольно темно, когда мы пришли къ берегу Ассуана, а потому общей живописной его панорамы по первому впечатлѣнію намъ не удалось осмотрѣть. Когда же утромъ золотые лучи восходящаго солнца озарили гранитныя скалы, сверкающій серебристыми струями Нилъ, бѣлыя зданія города, спустившіяся террасами по отлогости берега, и чудный островокъ Элефантину, утопающій въ садахъ, со множествомъ нильскихъ лодокъ и дахабіэ, то нельзя было не восхититься прекрасною панорамою Ассуана, древней Сіены египтянъ. Масса зелени скрываетъ убогость многихъ построекъ современнаго города, а ряды акацій, сикоморъ и копаловъ, осѣненныхъ купами финиковъ и думъ-пальмъ, дѣлаютъ Ассуанъ однимъ изъ живописнѣйшихъ городовъ Египта...

Всею компанією, подъ предводительствомъ драгомана и французскаго врача, мы высадились на берегъ и пошли бродить по тѣснымъ улицамъ и

ной рѣки, тѣмъ болѣе, что они до самаго города уже не представляютъ замѣчательныхъ руинъ. Характеръ береговъ Нила, потерявшій свой египетскій колоритъ, все болѣе и болѣе убѣждаетъ насъ, что мы уже миновали классическую страну фараоновъ и выѣзжаемъ въ обширныя пустыни Нубіи, которыхъ не можетъ оживить даже самъ благословенный Нилъ. Горы по прежнему слѣдуютъ такъ, что мѣстами совершенно стѣсняютъ теченіе рѣки, превращая ложе ея въ настоящее ущелье. Ни деревень, ни зелени не видно по обнаженнымъ и раскаленнымъ берегамъ, на которыхъ кочуютъ



Древнія каменоломни въ Ассуанѣ.

закоулкамъ города, представляющаго почти одинъ сплошной базаръ. Большинство улицъ Ассуана крыто и потому имѣетъ характеръ корридоровъ огромнаго лабиринта, въ который открываются многочисленныя двери отдѣльныхъ помѣщеній.

Ассуанъ—первый городъ Нубіи, лежащій на Нилѣ, а потому въ немъ впервые приплывшій съ сѣвера путникъ встрѣчается съ различными типами народностей и произведеній Судана. Всевозможныя нубійцы, бишарины и негры различныхъ суданскихъ племенъ представляютъ большинство среди толпы, движущейся по тѣснымъ улицамъ Ассуана, въ которой совершенно пропадаютъ немногочисленные турки и египтяне. Мы залюбовались-бы болѣе разнообразными типами, впервые встрѣченными нами въ Египтѣ, если-бы драгоманъ не торопилъ насъ при бѣглому осмотрѣ немногочисленныхъ примѣчательностей Ассуана. На первомъ мѣстѣ среди нихъ нужно поставить базары, вполне заслуживающіе вниманія туриста. Правда, нѣкоторыя изъ произведеній Судана можно встрѣтить и на базарахъ Каира, но тамъ ихъ надо поискать, тогда какъ въ Ассуанѣ на каждомъ шагу встрѣчаются груды слоновыхъ клыковъ, страусовыхъ перьевъ, камеди и различныхъ плетенокъ, оригинальныя по узорамъ и цвѣтамъ ткани и разнобразная утварь и оружіе дикарей Судана. Большинство моихъ спутниковъ накупило разной мелочи и цѣлый арсеналъ оружія дикихъ, надъ чѣмъ основательно посмѣивались арабы, не понимавшіе, къ чему понадобился европейцамъ подобный хламъ. Въ одной изъ сѣстныхъ лавокъ Ассуана я впервые

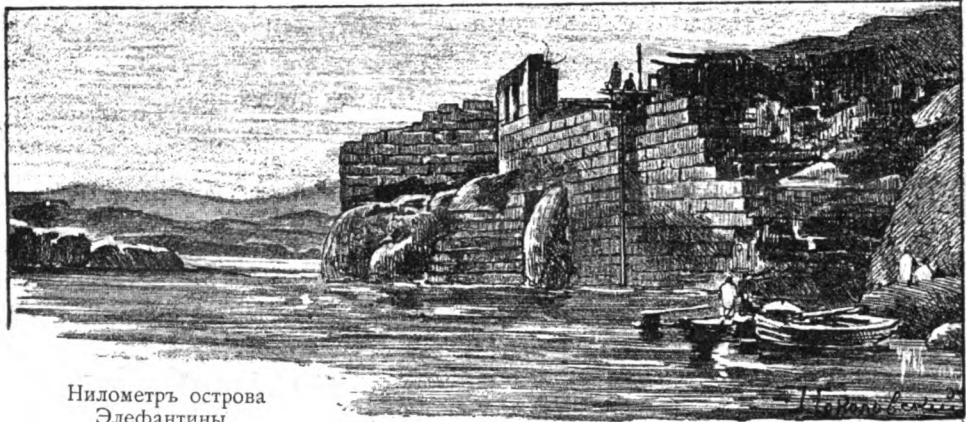
встрѣтилъ сушеную саранчу, которую въ Сахарѣ и Суданѣ употребляютъ въ пищу, какъ дешевый и питательный продуктъ. Я не удержался отъ того, чтобы, преодолевъ природное отвращеніе, не попробовать этого оригинальнаго продукта питанія, и нашелъ, что вкусъ сушеной саранчи походить нѣсколько на вкусъ свѣжей фисташки. Нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ нашли возможность посмотрѣть двухъ хорошенькихъ раузіатъ, о красотѣ, изяществѣ и умѣнїи танцовать которыхъ они рассказывали чудеса. Но я предпочелъ это время бродить по базару, присматриваясь къ массѣ новыхъ предметовъ, которые интересовали меня. Прежде Ассуанъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ невольничьихъ рынковъ Судана, а теперь въ немъ развѣ съ большимъ трудомъ можно купить хорошенькую рабыню.

Недолго побродили мы по городу и полюбовались оригинальною жизнью, наполнявшею его тѣсныя улицы и базары: неумолимый драгоманъ уже велъ насъ насильно за предѣлы Ассуана, гдѣ у подножья черноватыхъ сіенитовыхъ скалъ, сторожащихъ доступъ къ первому Нильскому порогу, лежатъ развалины египетской Сіены и позднѣйшаго города арабовъ Амру. Груды обломковъ, занимающіе обширное пространство, надъ которымъ царятъ мрачныя сіениковыя горы, не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго, хотя въ этихъ остаткахъ можно различить слѣды древнихъ стѣнъ, укрѣпленій, мечетей и гробницъ. Современное кладбище Ассуана занимаетъ часть площади этихъ развалинъ, что какъ нельзя больше гармонируетъ съ унылымъ видомъ этихъ обширныхъ руинъ. Отъ египетскаго города Сіены осталось еще менѣе, и только нѣсколько древнихъ колоннъ, да остатки небольшого храма и стѣнъ напоминаютъ о томъ, что здѣсь нѣкогда стояла знаменитая въ древности Сіена, въ которой Эратосѣенъ впервые измѣрилъ дугу земнаго меридіана...

Самыми замѣчательными останками древности въ окрестностяхъ Ассуана, разумѣется, слѣдуетъ считать огромныя каменоломни, которыя вмѣстѣ съ каменоломнями Сильселехъ доставляли матеріалъ для величайшихъ сооружений древняго Египта. На пространствѣ, тянущемся болѣе пяти верстъ въ длину по берегу Нила, идутъ эти обширныя каменоломни, которыя представляютъ настоящій хаосъ нагроможденныхъ камней и разнообразныхъ, прорѣзанныхъ и изсѣченныхъ скалъ.

Масса зелени, въ которой тонетъ Ассуанъ, обрывается сразу, едва вступаешь въ пустыню, начинающуюся къ югу отъ города за развалинами Сіены. Безмолвно и мертво нынѣ въ этой каменной пустынѣ, нѣкогда оживляемой многими тысячами рабочихъ, выкапывавшихъ здѣсь прямо въ толщѣ скалы величественныя обелиски и удивительные колоссы, украшавшіе древніе египетскіе храмы. Одинъ изъ такихъ образчиковъ древняго искусства до сихъ поръ можно видѣть въ каменоломняхъ Сіены. Это—знаменитый обелискъ, который древніе рабочіе начали вытесывать, но еще не успѣли отдѣлать отъ матерной скалы. Съ любопытствомъ мы разсматривали этотъ удивительный остатокъ древности, напоминавшій намъ нѣкоторые аналогичныя остатки, видѣнные въ каменоломняхъ Палестины, и намъ казалось, что мы присутствуемъ при работѣ самихъ создателей обелисковъ и пирамидъ.

Въ другомъ мѣстѣ намъ показали огромный, обдѣланный лишь вчернѣ



Нилометр острова
Элефантины.

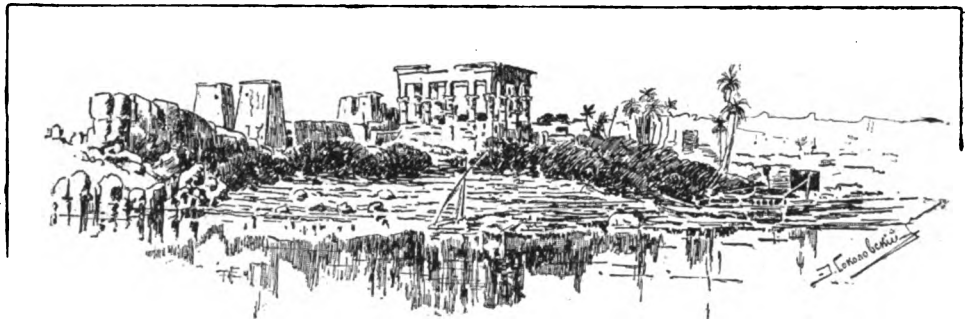
саркофагъ, которымъ до сихъ поръ не воспользовался ни одинъ изъ властителей Египта. Полуобдѣланныя массы камня и плиты виднѣются повсюду среди обширныхъ каменоломентъ, которыя, кажется, покинуты еще недавно и ждутъ могучихъ каменотесовъ, раскалывающихъ цѣлыя скалы. Драгоманъ нашъ указалъ и на слѣды того способа, которымъ мудрые египтяне безъ пособія взрывчатыхъ веществъ отдѣляли огромныя каменные массы отъ толщи родившей ихъ скалы. При помощи металлическихъ и, быть можетъ, кремневыхъ орудій египетскіе каменотесы продѣлывали въ массѣ камня ряды небольшихъ дыръ, въ которыя вбивали деревянные клинья и затѣмъ поливали ихъ водою. Разбухавшее дерево дѣлало глубокія трещины въ скалахъ мелкозернистаго сіенита, и онѣ разсѣдались правильными массами, форма и размѣры которыхъ указывались направлениемъ тѣсно вбитыхъ клиньевъ, замѣнявшихъ египтянамъ и порохъ, и динамитъ.

Подъ вечеръ мы съѣздили на островокъ Элефантину, носящій по справедливости имя Цвѣтущаго или Сада по той массѣ зелени, великолѣпнымъ рощамъ пальмъ и цѣлой заросли разнообразныхъ растений, въ которыхъ нынѣ совершенно тонуть двѣ небольшія деревушки и развалины древняго города, посвященнаго богу Кнефу. Давно мы уже не бродили по ковру свѣжей и яркой зелени, среди благоухающей рощи, оживляемой тысячами птичьихъ голосковъ. Въмѣсто безчисленныхъ змѣй, ящерицъ, гекконовъ и другихъ гадовъ, которыми кишатъ всѣ развалины Египта, мы съ удовольствіемъ останавливали свое вниманіе на томъ разнообразіи животной жизни, которую оживляютъ сады Элефантины. Отъ древне-египетскаго «Города Слоновъ»—Абу—осталась лишь куча измельченныхъ развалинъ, постепенно закрываемыхъ ковромъ пышной растительности, слѣды древней набережной со ступенями, сходившими прямо въ священныя воды Нила, да остатки знаменитаго нилометра, недавно реставрированнаго для того, чтобы слѣдить за поднятіемъ оплодотворяющихъ и созидающихъ Египетъ водъ. Скала черточекъ, надрѣзанныхъ на отвѣсѣ нисходящей каменной стѣны,—вотъ въ общихъ чертахъ все, что составляло сущность нилометровъ, какъ древняго, такъ и современнаго Египта. Варварская рука одного изъ губернаторовъ Ассуана пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ сломала остатки величественныхъ храмовъ Элефантины для до-

бычи матеріала на постройки и сравняла съ землею многіе изъ памятниковъ древности Острова Цвѣтовъ...

На утро мы всею компанією отправились въ послѣднюю экскурсію къ первому порогу Нила и знаменитому острову Филэ, составляющему главную приманку большинства туристовъ, кончающихъ здѣсь свой бѣглый обзоръ памятниковъ древняго Египта. Ассуанъ стоитъ передъ самыми порогами Нила, и черныя скалы съ гробницею шейха Муссы — покровителя перваго порога, являются какъ-бы воротами, за которыми начинается среднее, порожистое теченіе Нила. Шумъ перваго порога можно слышать даже изъ Ассуана, но еще лучше его наблюдать съ каменоломень и мѣста остатковъ древней Сіены, которые подходятъ къ самымъ скаламъ порога. Элефантиною начинается рядъ многочисленныхъ островковъ, запружающихъ теченіе Нила у первыхъ пороговъ. Островки эти и скалы, торчащія изъ воды и составляющія продолженіе обѣихъ сблизившихся принильскихъ горныхъ цѣпей, образуютъ естественную грань между среднимъ и нижнимъ теченіемъ Нила и вмѣстѣ съ тѣмъ границу классическаго Египта отъ высокихъ и пустынныхъ странъ Нубіи. Каменные глыбы и утесы, брошенные среди спокойнаго теченія Нила, разбиваютъ его на безчисленное количество рукавовъ и измѣняютъ самый характеръ теченія священной рѣки. Величавая и спокойная ниже Ассуана, она превращается здѣсь въ рядъ стремнинъ и каскадовъ, черезъ которые съ шумомъ и ревомъ катятся волны священнаго Нила отъ Элефантины до чуднаго островка Филэ, которымъ кончается первый порогъ. Почти на цѣлыя десять верстъ многочисленные утесы, высунувшіеся изъ воды, перегораживаютъ рѣку, образуя сплошное подводное соединеніе между обѣими береговыми цѣпями. И островки, и скалы порога представляютъ грандіозныя развалины горнаго кряжа, промытаго и разрушеннаго могучею рѣкою, которая стремится сгладить и эти послѣдніе обломки препятствія, воздвигнутаго ей природою на пути. Съ каждымъ годомъ все ниже и ровнѣе становятся многочисленные утесы, торчащіе въ порогѣ; мало по малу уменьшаются, постепенно смываемые, и безчисленные островки; рѣка празднуетъ свою постепенную побѣду, и соотвѣтственно тому смолкаетъ ея побѣдный ревъ, который былъ гораздо громче во времена фараоновъ.

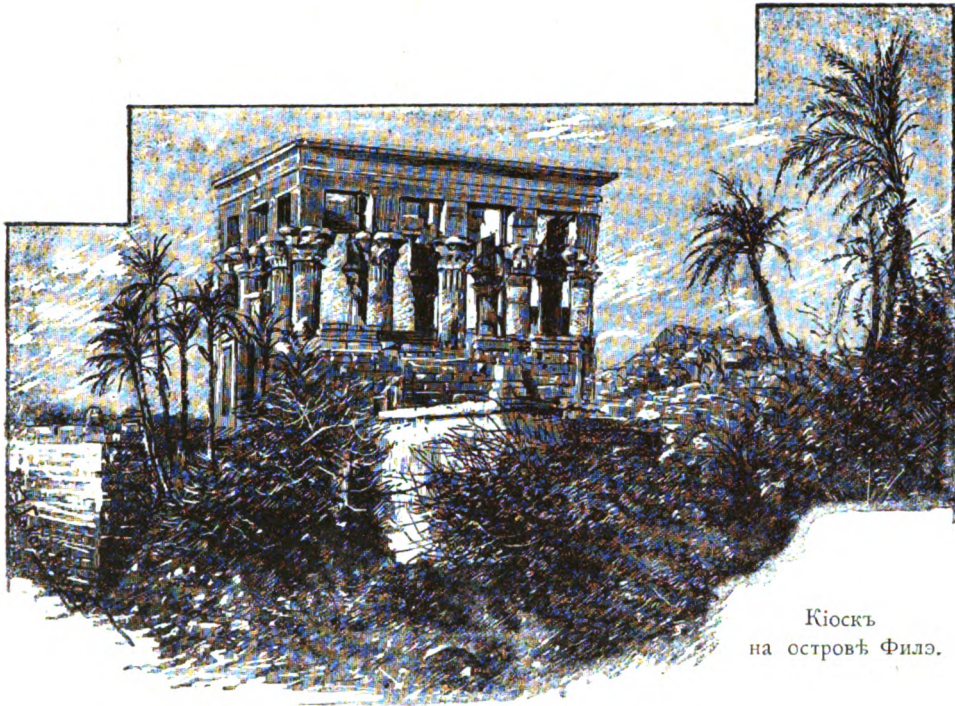
Много мнѣ приходилось до сихъ поръ видѣть пороговъ, но ни одинъ изъ нихъ не произвелъ на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ Ассуанскій порогъ Нила. Величественная рѣка, несомая ею масса воды, длина самого порога, многочисленные островки, украшающіе начало и конецъ катаракта, живописныя скалы, поднимающіяся на обоихъ берегахъ, и масса классическихъ воспоминаній, связанныхъ съ этимъ порогомъ,—все это соединяется для того, чтобы сильнѣе дѣйствовать на воображеніе путника, даже издавна вида. Во все время довольно продолжительной верховой поѣздки отъ Ассуана по берегу рѣки вдоль пороговъ, мы не спускали глазъ съ бурнаго теченія рѣки. Насъ не интересовали ни живописность самой дороги, постоянно поднимающейся въ гору, ни остатки древней стѣны, ни многочисленные гіероглифы, начертанные на скалахъ, прикрывающихъ доступъ къ островку Филэ. Мы видѣли передъ собою только бѣшеное теченіе рѣки, ея многочисленные каскады съ двумя дахабіэ, пробивавшимися



Островъ Филэ.

черезъ пороги, и абрисы постепенно выступавшихъ изъ заросли зелени и финиковыхъ пальмъ изящныхъ памятниковъ Филэ...

Мы всѣ давно уже стремились къ этому чудному островку, составлявшему конечный предѣлъ нашей поѣздки вверхъ по теченію Нила, и привыкли представлять его во всей живописности и красотѣ изящныхъ развалинъ, утопающихъ въ зелени, омываемой каскадами священной рѣки. Но дѣйствительность превзошла всякія ожиданія. Трудно описать то волшебное впечатлѣніе, которое производитъ этотъ небольшой зеленый островокъ, поднимающійся среди бурнаго теченія рѣки, среди цѣлаго хаоса обнаженныхъ подводныхъ камней и мрачныхъ горъ, стерегущихъ входъ въ катарактъ. Напротивъ Филэ, на правомъ берегу Нила, у подножія массивныхъ и безжизненныхъ скалъ, въ тѣни сикоморъ и пальмъ, прячется небольшой арабскій ханъ, окруженный нѣсколькими хижинами нубійцевъ племени барабра. У самаго берега тутъ всегда тѣснится нѣсколько барокъ и дахабіэ, прибывшихъ изъ Нубіи и выгружающихъ товары Судана на осликовъ и верблюдовъ, доставляющихъ ихъ въ Ассуанъ. Отсюда же нѣкоторые смѣльчаки-реисы рѣшаются пускаться и прямо черезъ пороги и обыкновенно благополучно проводятъ свои неуклюжія дахабіэ къ гавани Ассуана. Мы переѣхали черезъ небольшой рукавъ Нила къ зеленѣющему берегу Филэ недалеко отъ великаго храма, вмѣщавшаго нѣкогда гробницу Озириса. Передъ нами, за небольшою рощицею пальмъ, среди другихъ поверженныхъ развалинъ, поднимался изящный кіоскъ, одинъ изъ красивѣйшихъ памятниковъ Египта. Стройныя колонки съ капителями въ видѣ распускающихся цвѣтовъ поддерживаютъ легкій четырехугольный плафонъ; основаніе кіоска нѣсколько пострадало, но красивый выходъ ведетъ и теперь прямо по ступенямъ къ струямъ священной рѣки; остатки древней набережной и другихъ сооруженій тянутся на протяженіи почти всей периферіи острова, но мѣстами они совершенно утонули въ зелени сикоморъ и пальмъ. Черезъ кучи камней и нагроможденныхъ остатковъ древнихъ сооруженій мы идемъ къ величественному храму Изиды, высящемуся своими пилонами недалеко отъ изящнаго кіоска. Часть стѣнъ этого храма спускается къ самому берегу и купается въ священныхъ струяхъ Нила. Знакомые намъ по формѣ массивы перваго пилонна открываютъ доступъ къ храму. Пройдя ворота святилища, мы входимъ въ обширный дворъ, въ которомъ глазамъ нашимъ представляется направо красивый портикъ, а налѣво — небольшой



Кіоскъ
на островѣ Филэ.

внутренній храмъ. Второй, маленькій пилонъ приводитъ насъ со двора внутрь святилища чрезъ два новыхъ портика, поддерживаемыхъ великолѣпными по красотѣ и массивности колоннами. Самое святилище состоитъ изъ ряда небольшихъ помѣщеній и нѣсколькихъ подземелій; въ одной изъ этихъ глубокихъ камеръ храма Изиды и стояла гробница Озириса, перенесенная сюда изъ Абидоса.

Бѣгло осмотрѣвъ поразившій насъ своею красотою большой храмъ Филэ, мы стали присматриваться къ деталямъ этого чуднаго сооруженія; здѣсь все великолѣпно и заслуживаетъ самага тщательнаго вниманія и изученія даже простаго туриста. Первые пилоны поражаютъ насъ чистотою отдѣлки, полировкой камня и тщательною рѣзбою скульптурныхъ изображеній; при самомъ входѣ въ дверь пилона, среди гіероглифовъ и изображеній Гаторъ, мы видимъ французскую надпись, сдѣланную генераломъ Дессе въ 1799 г., во время его экспедиціи въ Верхній Египетъ. Портикъ двора самъ по себѣ представляетъ изящное сооруженіе, состоящее изъ нѣсколькихъ комнатъ и колоннадъ. Небольшой храмъ двора, посвященный Изидѣ въ качествѣ матери Горуса, весь покрытъ изображениями, относящимися къ этому эпизоду египетской міѳологіи; здѣсь и былъ найденъ знаменитый Розеттскій камень, давшій ключъ къ чтенію таинственныхъ гіероглифовъ Египта. Второй пилонъ храма также богатъ барельефами, тонкость рѣзбы которыхъ вызываетъ и понынѣ удивленіе. Особенное вниманіе туриста обращаютъ на себя великолѣпныя колонны двухъ внутреннихъ портиковъ храма, поразительныя не только по своей массивности и красотѣ, но и по яркости красокъ, которыми расписаны были изящныя капители. Нѣсколько порядочно сохранившихся раскрашенныхъ картинъ во внутренности самого храма до сихъ поръ не утратили ни свѣжести кра-

сокъ, ни своего яркаго колорита. Вообще весь храмъ Изиды, еще высящійся на пустынномъ островкѣ Филэ, несмотря на сильныя поврежденія, сохранился все-таки настолько, что по его остаткамъ легко воспроизвести все великолѣпіе этого святилища, вмѣщавшаго величайшую святыню Египта—гробницу глубокопочитаемаго Озириса...

Передъ храмомъ Изиды высились въ древности обелиски и массивные сфинксы въ видѣ львовъ; отъ нихъ остались нынѣ лишь одни обломки, валяющіеся среди кучи другихъ остатковъ, покрывающихъ всю поверхность островка. Двѣ величественныя колоннады шли отъ храма Изиды къ небольшому храму Нептанебо, расположенному на южной оконечности острова и представляющему подобіе того изящнаго кіоска, который и до настоящаго времени высится надъ развалинами Филэ. Одна изъ колоннадъ шла по самому берегу острова, вдоль стѣны, окружавшей Филэ, другая вела прямо ко входу въ храмъ Изиды. Капители колоннъ, составляющихъ эти колоннады, замѣчательныя по своему разнообразію и красотѣ, поддерживаютъ плафонъ, образовывавшій вмѣстѣ со стѣною настоящую галерею, изъ которой были продѣланы выходы прямо къ берегу Нила. Обѣ колоннады почти сходились у небольшого храма Нептанебо, украшеннаго изящными колоннами, обелискомъ и раскрашенными таблицами, покрывавшими нѣкогда внутреннія стѣны этого храма. Каменная лѣстница вела къ нему отъ самой поверхности Нила, и по ней, вѣроятно, поднимались лишь жрецы да фараоны, приходившіе на поклоненіе Озирису и его божественной супругѣ Изидѣ—матери Горуса и правительницѣ Илака, какъ назывались въ древности Филэ...

Трудно передать словами все то впечатлѣніе, которое производитъ этотъ небольшой островокъ съ его изящными бѣлыми развалинами, обнесенными пальмами и окруженными такою панорамой, которой не представляетъ ни одинъ изъ многочисленныхъ памятниковъ древняго Египта! Описанія всѣхъ путешественниковъ полны самыхъ живыхъ изображеній прелести этого чуднаго острова, и многіе, исписавъ даже цѣлыя страницы, не находятъ красокъ для того, чтобы достаточно описать его. Мы пробыли всего нѣсколько часовъ на Филэ, но и этого небольшого промежутка времени было вполне достаточно для того, чтобы воспоминанія о немъ и о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя остались отъ этого посѣщенія, запечатлѣлись навсегда...



Торопясь, по росписанію, въ Ассуанъ, мы даже бѣгло не успѣли осмотрѣть другого интереснаго островка—Бихэ, лежавшаго напротивъ Филэ и богатаго массою надписей и изображеній, изсѣченныхъ на его дикихъ скалахъ. Въ обратный путь большинство нашего общества отправилось тою же сухопутною дорогою, и лишь всего семь человекъ, въ томъ числѣ я и одна англичанка, рѣшились прокатиться водою, чтобы испытать нѣсколько сильныхъ ощущеній, при проходѣ черезъ первый порогъ Нила.

Отъ самага Филэ небольшая дахабізъ съ реисомъ и десятью гребцами арабами под-



Нильскіе пороги.

няда насъ и, спустивъ свои косые паруса, поплыла на веслахъ, огибая сѣверную оконечность священнаго острова Илака. Еще нѣсколько минутъ мы употребляли нѣкоторыя усилія для того, чтобы двигаться впередъ, но потомъ незамѣтно подкрававшаяся сильная струя подхватила насъ и понесла по теченію. Переходъ этотъ былъ такъ внезапнъ, что наша молодая спутница громко вскрикнула, боясь, что утлюю барку тотчасъ же понесетъ на ближайшую гряду камней, торчашую изъ воды, и разобьетъ объ ея острия вершины; однако реисъ и арабы не дремали и сильными ударами веселъ поставили дахабіэ такъ, что она легко проскользнула между двумя острыми камнями... Насъ понесло далѣе съ такою же головокружительною быстротою, и черезъ нѣсколько минутъ мы были среди самаго порога... Со времени своего плаванія по порожистому Улео я не испытывалъ ничего подобнаго, а потому не то съ любопытствомъ, не то со скрытымъ безпокойствомъ посматривалъ на высывающіеся повсюду изъ бурлящей воды острые и круглые камни, между которыми скользила съ ловкостью танцора наша утлая дахабіэ... Арабы однако вели ее среди многочисленныхъ камней и островковъ порога такъ искусно, что наше безпокойство скоро улеглось, смѣнившись однимъ любопытствомъ, съ которымъ мы слѣдили за бѣшеною скачкою и безпрестанными увертками нашей ладьи. Хотя порою, когда дахабіэ вскакивала въ узкіе промежутки между камнями, среди которыхъ теченіе было особенно сильно, снова мелькала мысль о легкой возможности крушенія, и сердце невольно опускалось, но все-таки ощущенія этой поѣздки были вовсе не такъ сильны, какъ намъ представлялось ранѣе, и мы относительно легко и незамѣтно переѣхали самую опасную мѣста порога. Только у послѣдней гряды камней наши арабы немного сплеховали: дахабіэ чуть не перевернуло и не нанесло на порогъ. Этотъ моментъ нѣсколько оправдалъ наши ожиданія, и мы могли похвастаться передъ остальными членами общества, что слушали ревъ порога среди

самой его стремнины, прыгали по бѣшенымъ и вспѣннымъ его волнамъ, среди многочисленныхъ камней, и испытали рядъ опасностей, на которыя они не осмѣлились рѣшиться... Черезъ какіе-нибудь полчаса мы были уже за порогами и подплывали къ островку Сегайлю, въ древности посвященному богамъ пороговъ, которымъ и приносились здѣсь жертвы путниками, рѣшавшимися переходить порогъ...

Въ Ассуанъ мы прибыли гораздо ранѣ своихъ товарищей, возвращавшихся изъ Филѣ по сухому пути. Еще засвѣтло собралось все наше общество на палубѣ парохода, готовившагося къ обратному отплытію въ Булакъ. Только двое изъ моихъ спутниковъ, англичанъ, пробирались далѣ въ Египетъ, къ порогамъ Вади-Гальфа; всѣ же остальные возвращались изъ своей экскурсіи на томъ же пароходѣ въ Каиръ. Первое время я думалъ добраться изъ Ассуана вверхъ по Нилу до Барбека, откуда пустынею пройти по берегу Краснаго моря на Суакимъ. Но потомъ, въ виду скудости моего кошелька и недостатка времени, рѣшилъ вернуться до Кеннэ и пойти оттуда на Коссейръ...

Намъ нечего описывать своего обратнаго плаванія отъ Ассуана до Кеннэ, такъ какъ оно было сплошною прогулкою по рѣкѣ безъ всякихъ высадокъ и съ часовыми остановками лишь въ очень немногихъ мѣстахъ. Мы плыли мимо великихъ развалинъ древности, теперъ уже знакомыхъ намъ, и, мѣняясь впечатлѣніями, вновь переживали часы, проведенные среди тысячелѣтнихъ руинъ. Почти двухсуточное плаваніе поэтому прошло незамѣтно, среди оживленной бесѣды съ милыми спутниками, къ которымъ я уже началъ привыкать...



Глава XVI.

Прощаніе съ пароходомъ.—Опять одинъ.—Въ караванъ паломниковъ.—Путь въ Коссейръ.—Принильская пустыня.—Ночь въ пустынь.—Коссейръ.—Снова на пароходъ.



Бъ чувствомъ нѣкотораго удовольвенія, хотя и не безъ сожалѣнія о разлукѣ съ нѣкоторыми симпатичными товарищами по пути, я покидалъ въ Кеннэ пароходъ, возившій меня въ Ассуанъ; когда раздался послѣдній свистокъ, и пароходъ двинулся въ дальнѣйшее плаваніе по Нилу, увозя съ собою порядочно

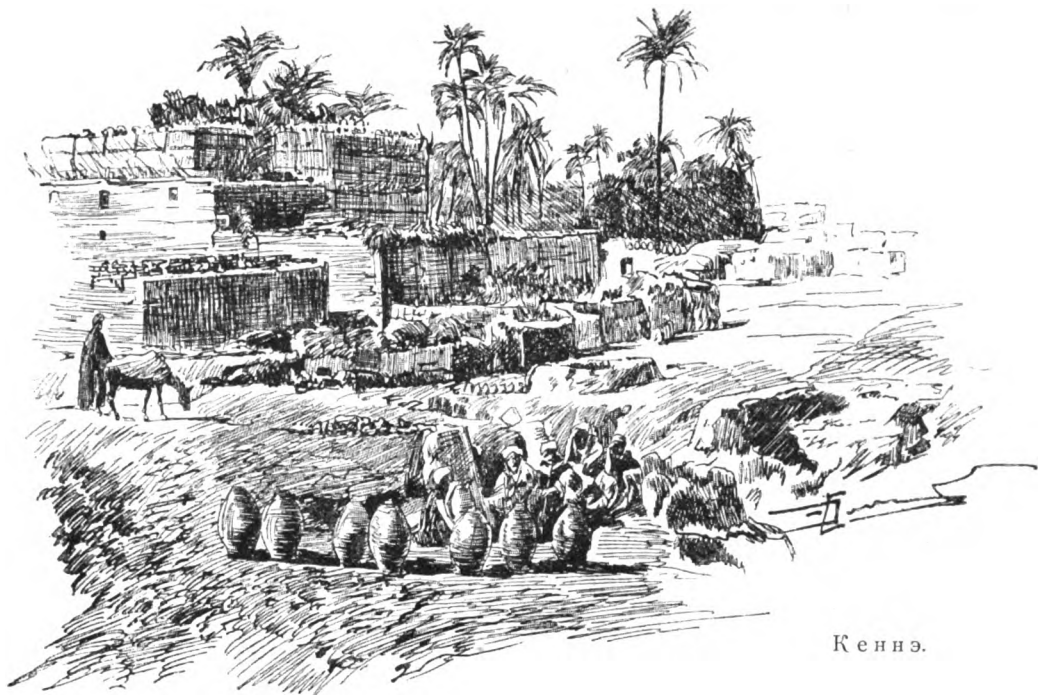
наскучившее и вмѣстѣ съ тѣмъ ставшее мнѣ все-таки симпатичнымъ общество, я почувствовалъ себя вновь на полной свободѣ, безъ всякой посторонней помощи, но зато и безъ стѣснительной указки драгомана. Теперь уже ничто не предусмтрѣно впереди. Обо всемъ приходится заботиться самому. А эта самостоятельность и составляетъ одну изъ приманокъ путешественника, привыкшаго быть самостоятельнымъ и полагаться исключительно на свои собственныя силы...

Недолго я пробылъ въ Кеннэ и на другой день нашелъ уже возможность присоединиться къ большому каравану, отправлявшемуся черезъ пустыню къ берегу Краснаго моря. Караванъ этотъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ сотни верблюдовъ и везъ не только товары, но и массу паломниковъ, пробиравшихся на Коссейръ. Надлежало торопиться переходомъ черезъ пустыню, чтобы поспѣть къ пароходу, отходившему черезъ четыре дня, и мы поэтому въ тотъ же день къ вечеру покинули веселый Кеннэ съ его хорошенькими рауазіатъ и многочисленными кофейными домами. Благочестивые хаджи, повидимому, не особенно охотно покидали берега Нила, потому что впереди ихъ ждали одни лишенія до самой благословенной Мекки, гдѣ, говорятъ, можно встрѣтить усталому отъ подвиговъ бого-

мольцу такія же утѣшенія, какъ въ Эснэ и Кеннэ. Первый разъ я шель съ большимъ караваномъ и потому съ особеннымъ удовольствіемъ наблюдалъ за его своеобразною жизнью, не лишенною особеннаго колорита, мало замѣтнаго въ небольшихъ караванахъ, подобныхъ тому, съ какимъ мы переходили пустыни Синая. Нашъ караванъ былъ по преимуществу паломнической караванъ, и этотъ характеръ накладывалъ на всю его жизнь специальный колоритъ. Всѣмъ караваномъ завѣдывалъ опытный караванъ-баши изъ хаджей, неоднократно посѣщавшихъ Геджасъ. Этотъ глава каравана, какъ и большинство погонщиковъ верблюдовъ, принадлежалъ къ племени Абабдехъ, кочующему въ пустыняхъ между берегами Нила и Краснаго моря...

Караванъ-баши ѣхалъ впереди съ особымъ зеленымъ знаменемъ, какъ бы указывая путь. Нѣсколько почтенныхъ хаджей окружали его, составляя какъ-бы почтенный эскортъ. Остальные богомольцы двигались затѣмъ по два, по три въ рядъ, перемеживаясь съ грузовыми верблюдами и погонщиками ихъ. Среди толпы, обыкновенно отставая отъ нихъ, ѣхалъ и нечестивый гяуръ, примѣшавшійся къ благочестивымъ хаджамъ. Нѣкоторые изъ поклонниковъ Мекки ѣхали съ женами, закутанными съ головами въ свои мѣшки. Среди богомольцевъ находились и двѣ женщины, слѣдовавшія безъ мужей; этимъ поклонницамъ Каабы предстояло въ будущемъ взять себѣ хотя временныхъ мужей, потому что ни одна мусульманка не можетъ самостоятельно поклониться знаменитому черному камню и затѣмъ взойти на Арафатъ и посѣтить долину Муна, во время великаго жертвоприношенія. Все это и многое другое успѣлъ вывѣдать молодой франкъ отъ болтливыхъ погонщиковъ и самихъ хаджей, живо интересовавшихся европейцемъ, затесавшимся въ ихъ благочестивый караванъ. Многое затѣмъ удалось мнѣ узнать отъ бывалыхъ хаджей о паломничествѣ въ Мекку и разныхъ обрядностяхъ, сопровождающихъ этотъ хаджъ. Всего интереснѣе было мнѣ въ своемъ одиночествѣ знакомиться со взглядами и воззрѣніями мусульманъ различныхъ національностей, составлявшихъ нашъ паломнической караванъ. Въ виду того, что среди этого послѣдняго находились не только феллахи и кочевые арабы Египта, но и суданцы, нубійцы и номады Ливіи, то для наблюденія этнографа было достаточно матеріала. Какъ ни мало я зналъ по-арабски, но все-таки понималъ многое, о чемъ говорили хаджи. Событія въ Суданѣ болѣе всего интересовали въ то время массу африканскаго населенія, а потому я могъ получить кое-какія отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ великомъ движеніи, которому сочувствовали почти всѣ мусульманскія народности, съ восторгомъ ожидающія пришествія новаго пророка-махди. Отъ живыхъ свидѣтелей этого движенія я могъ узнать, какую огромную роль въ немъ играли различные орлена обновленнаго ислама,





Кеннэ.

какъ подготовлялось и развивалось суданское возстаніе, какъ относились къ нему африканцы различныхъ національностей, и въ какой формѣ прихотили въ священную Мекку — столицу ислама—вмѣстѣ съ благочестивыми хаджами извѣстія изъ далекаго Судана. Къ сожалѣнію, тѣсныя рамки нашего описанія не позволяютъ намъ здѣсь говорить о многомъ, что удалось разузнать отъ поклонниковъ Каабы.

Мы выступили изъ Кеннэ съ молитвою; съ священными изреченіями на устахъ мы шли всю дорогу; молитвою мы начинали и кончали свои переходы, и имя Аллаха не сходило съ устъ благочестивыхъ хаджей. Всѣ положенныя по закону молитвы и омовенія производились въ нашемъ караванѣ съ тщательностью, достойною подражанія. Бывшіе среди хаджей муллы провозглашали часы молитвъ. Всѣ слѣзали съ верблюдовъ и совершали свой намазъ. Болѣе точныхъ и требовательныхъ въ исполненіи священныя обрядностей мусульманъ мы не встрѣчали нигдѣ на Востокѣ и потому съ особеннымъ удовольствіемъ производили свои наблюденія надъ обрядовою стороною ислама. Поклонникамъ Мекки, разумѣется, слѣдовало выполнять въ точности предписанія корана, и караванъ-баши неусыпно наблюдалъ за этою стороною дѣла...

Вырвавшись снова на просторъ пустыни, которая начиналась тотчасъ за воротами Кеннэ, я почувствовалъ себя совсѣмъ въ своей сферѣ и даже не тяготился нѣкоторою зависимою отъ каравана. Большинство своихъ наблюденій я производилъ, не сходя съ верблюда, и лишь изрѣдка слѣзалъ съ животнаго для сбора интересныхъ геологическихъ образованій и скудныхъ экземпляровъ убогой флоры и фауны пустыни. Аравійская пустыня, идущая отъ береговъ Нила къ Красному морю, одна изъ самыхъ унылыхъ и негостепріимныхъ. Нѣсколько цѣпей горныхъ возвышенностей, повышающихся по мѣрѣ приближенія къ морю, идущихъ вдоль Нила и потому пересѣкавшихъ нашъ путь, представляли видъ пустынныхъ горныхъ дебрей, почти лишенныхъ всякой жизни и любопытныхъ лишь по своимъ геологическимъ образованіямъ. Не интересуясь особенно геологіею, мы проходили мимо



Путь отъ Кеннэ до Коссейра.

весьма интересныхъ аггломераций, которыя чрезвычайно характерны для этого отрѣзка Аравійской пустыни. Большинство горныхъ массивовъ состоитъ изъ кристаллическихъ породъ гнейса, гранита, діорита, порфира, сіенита и сланцевъ; мощные пласты песчаника и известняковыхъ породъ залегаютъ между твердыми образованиями, нѣсколько видоизмѣняя монотонность пейзажа. Настоящихъ песчаныхъ морей нѣтъ между Ниломъ и берегами Краснаго моря; безжизненная пустыня состоитъ преимущественно изъ камня, и это еще болѣе увеличиваетъ ея безлюдность и тишину. Здѣсь природа создала для древнихъ египтянъ такую огромную каменоломню, что строительнаго матеріала хватило-бы для покрытія всей Африки группами величественныхъ сфинксовъ и пирамидъ. Природа, отказавшая древнему Хеми въ строительномъ лѣсномъ матеріалѣ, заставила его обратиться къ камню и съ помощью его создать самую величественную изъ цивилизацій древняго міра. Рядъ уади или длинныхъ сухихъ ложбинъ бороздитъ поверхность Занильской пустыни; большинство ихъ не достигаетъ вовсе берега Краснаго моря, такъ какъ береговые массивы очень могучи и высоки для того, чтобы могли быть пробиты водами, да и общій наклонъ пустыни обращенъ въ сторону Нила; на долину священной рѣки обращено гораздо болѣе отверстій уади, чѣмъ на берега Краснаго моря.

Воды относительно достаточно въ этой мертвенной на видъ пустынѣ. Колодцы, не всегда содержащіе хорошую питьевую воду, встрѣчаются во многихъ уади, а сверленіемъ артезіанскихъ колодцевъ повсюду можно найти порядочную воду. Въ тотъ періодъ времени, когда мы проѣзжали пустыню, поверхность ея была почти совершенно обнажена, и мы лишь съ трудомъ отыскивали кое-какихъ представителей флоры и фауны, но по веснамъ, говорятъ, въ большинствѣ уади встрѣчается зелень, остатки которой и служатъ пищею немногочисленныхъ стадъ, принадлежащихъ кочевникамъ. Арабы племени Абабдехъ одни населяютъ эту непривѣтную

пустыню, поддерживая свое существованіе транспортировкой кладей и перевозкою путешественниковъ отъ Кеннэ до Коссейра. Большинство кочевниковъ пустыни ютится въ уади поближе къ долинѣ Нила или берегамъ Краснаго моря, помогающимъ имъ снискивать пропитаніе. Арабы эти еще довольно дики, мало испорчены, а потому и представляютъ типическихъ номадовъ со всѣми хорошими и дурными сторонами ихъ характера и быта.

Взявъ себѣ монополію на поддержаніе сообщенія между Нильскою долиною и берегами моря, арабы эти очень враждебно относятся къ путешественникамъ, обходящимся безъ ихъ помощи, и потому грабежи и насилія не составляютъ особой рѣдкости въ Принильской пустынѣ. Такова въ общихъ чертахъ та часть великой пустыни, которая лежитъ между Ниломъ и берегомъ Краснаго моря и которую мы пересѣкали вмѣстѣ съ караваномъ хаджей.

Отъ Кеннэ до Коссейра немного болѣе 170 верстъ, и путь проходитъ, по большей части слѣдуя различнымъ уади, въ глубинѣ которыхъ находятся и немногіе колодцы пути. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ дорога взбирается на небольшіе хребты, проходитъ черезъ перевалы и спускается снова въ ложбины, обыкновенно поражающія своею безжизненностью и тишиною. Первый привалъ нашъ, къ которому мы пришли къ утру послѣ девяти часовъ непрерывнаго пути, былъ у Баръ-Эхаита—колодца съ дурною водою, которою брезговали даже верблюды. Несмотря на это качество воды, мы встрѣтили тутъ двѣ палатки номадовъ, пробиравшихся ближе къ долинѣ Нила; возлѣ нихъ мы и расположились на все время дневной страды, чтобы послѣ полудня сдѣлать новый переходъ до ночлега, гдѣ имѣлась хоршая вода...

Не особенно весель былъ этотъ продолжительный отдыхъ для нашего каравана и особенно для меня. Остановившись почти на солнцепекѣ среди раскаленной пустыни, не имѣя ни достаточной тѣни, ни большого запаса воды, мы не отдыхали, а мучились, съ нетерпѣніемъ ожидая спада зноя и дальнѣйшаго пути. Около четырехъ часовъ пополудни, когда навстрѣчу намъ потянуль вѣтерокъ съ моря, мы тронулись далѣе и вошли въ глубокую лощину, обставленную скалами фантастическихъ очертаній. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мы встрѣчали кучи камней, напоминавшія намъ памятники доисторической древности, но оказавшіяся простыми путевыми знаками. Большая кочевка арабовъ встрѣтилась намъ на пути среди совершенно выжженной пустыни, кучка черномазыхъ дѣтей бросилась навстрѣчу, прося





Арабъ племени Абабдехъ.

бакшиша. Нѣсколько путниковъ бросили имъ мелкія монеты, а муллы ограничились лишь однимъ призваніемъ имени Аллаха на голову маленькихъ арабчатъ. Къ ночи къ намъ присоединился еще небольшой караванъ, шедшій въ Коссейръ прямо изъ Луксора пустынею. Онъ состоялъ исключительно изъ хаджей и потому съ радостью вступи-

пилъ подъ начальство опытнаго начальника нашего каравана, разъ десять посѣтившаго Геджасъ. Уже было совершенно темно, когда мы пришли къ колодцамъ Биръ-Факкари, у которыхъ и расположились на ночлегъ.

Такъ какъ воды у насъ было вдоволь, а въ караванѣ нашемъ нашлся небольшой запасецъ сучковъ и бурьяна, то старѣйшіе изъ каравана зажгли костерокъ, на которомъ и сварили кофе, къ которому былъ приглашенъ и нечестивый франкъ. Ко мнѣ относились въ общемъ довольно дружелюбно всѣ хаджи, тѣмъ болѣе, что караванъ-баши взялъ подъ свое покровительство одинокаго и не имѣвшаго никакихъ знакомствъ европейца.

Наступила глубокая, темная и вмѣстѣ съ тѣмъ чудная ночь. Ярко загорѣлись звѣзды надъ нашими головами, смотря на живописно раскинувшійся на голой землѣ караванъ. Распростершись на своихъ плащахъ, мы кейфовали и дремали, слушая рассказы случайно оказавшагося среди насъ сладкорѣчиваго сказочника-медды,—и я много разъ жалѣлъ, что не владѣлъ настолько арабскою рѣчью, чтобы понять все, что рассказывалось въ эту первую ночевку въ пустынѣ... Мнѣ припомнились прежнія блужданія и ночевки въ пустынѣ, и какъ-то отраднѣло мнѣ стало, что я опять иду съ караваномъ, а не плыву въ фешенэбельномъ обществѣ туристовъ...

На зарѣ рано, наполнивъ свои бурдюки водою, мы тронулись далѣе и шли цѣлый день, несмотря на то, что солнце порядочно припекало наши головы... Мы прошли какую-то длинную уади, имени которой не припомню, дошли до ея верховья, перевалили чрезъ небольшую гряду гранитныхъ возвышеній и спустились въ новую ложбину, въ которой расположенъ извѣстный въ здѣшной пустынѣ колодезь Мойলেখъ; здѣсь мы и расположились

на ночевку, совершивъ большую часть пути до Коссейра. Около колодцевъ было расположено довольно значительное кочевье номадовъ, у которыхъ мы достали свѣжаго козьяго молока. Въ виду того, что вблизи отъ колодцевъ Мойলেখъ имѣются и другіе источники годной для питья воды, то въ окрестностяхъ этихъ колодцевъ всегда ночуетъ большая часть племени Абабдехъ. Какъ номады, существующіе насчетъ путешественниковъ и постоянно снующіе между двумя оживленными египетскими городами, кочевники эти во многихъ отношеніяхъ утратили свой поэтическій колоритъ и понравились мнѣ менѣе, чѣмъ бедуины Каменистой Аравіи, представляющіе типъ истыхъ номадовъ пустыни. На ночлегѣ у колодцевъ Мойলেখъ мы замѣтили много несимпатичныхъ чертъ арабовъ племени Абабдехъ; между прочимъ, наше особенное вниманіе обратила и легкость отношеній между женщинами этихъ кочевниковъ и заѣзжими хаджами. Подъ покровомъ ночи на безграничномъ просторѣ пустыни было достаточно мѣста для того, чтобы въ разныя стороны отъ становища разошлись со своими временными подругами благочестивые хаджи... Мужчины кочевья въ то же самое время вертѣлись около становища нашего каравана, выпрашивая бакшишъ и высматривая, гдѣ что плохо лежитъ... У многихъ паломниковъ на другой день обнаружались небольшія пропажи, но на нихъ, какъ и на другія невзгоды, не долженъ обращать вниманія благочестивый хаджа...

Благодаря массѣ людей, столпившихся у колодцевъ, на этомъ нашемъ становищѣ царило такое оживленіе, что нельзя было и подумать, что мы находимся въ самой глубинѣ Принильской пустыни. Крики, шумъ, пѣсни, звуки ребаба и ревъ животныхъ почти всю ночь нарушали безмолвіе пустыни; нѣсколько костерковъ освѣщало живописно раскинувшееся становище; около нѣкоторыхъ огней совершалась фантазія, сопровождавшаяся пляскою. Я долго бродилъ по нашему становищу и кочевью Абабдеховъ, временами присаживаясь то къ одной, то къ другой группѣ бесѣдовавшихъ и жалѣя о томъ, что не могу хорошо понимать ихъ оживленныхъ рѣчей. Въ одной изъ центральныхъ группъ старый хаджа, родомъ изъ Судана, рассказывалъ много интереснаго о подвигахъ народившагося махди; въ этихъ розказняхъ было много легендарнаго, что очевидно дѣйствовало на толпу. По словамъ почтеннаго хаджи, у Мохаммеда бен-Ахмеда лицо свѣтилось по ночамъ, и этотъ свѣтъ виденъ былъ даже сквозь густое покрывало, спущенное на лицо махди; во время битвы, по мановенію его, падали на враговъ огненныя стрѣлы, и бѣлые всадники являлись на помощь войскамъ торжествующаго ислама. Много и другихъ небылицъ рассказывалъ старый хаджа, но мы уже не слушали его, потому что, утомившись за день, прикурнули у костерка и заснули подъ покровомъ звѣзднаго неба, подъ говоръ еще не уснувшего становища.

Еще тяжелѣе, чѣмъ предъидущій, былъ для насъ слѣдующій переходъ. Каменистая дебрь стала еще ужаснѣе, глубина пустыни съ ея безмолвіемъ и отсутствіемъ жизни сказывалась сильнѣе. Едва мы прошли рядъ колодцевъ, слѣдовавшихъ въ близкомъ разстояніи отъ Мойлеха, какъ очутились среди мертвой пустыни, не оживляемой даже птицами и насѣкомыми. Въ первое время еще кое-гдѣ среди камней бѣгали юркія ящерицы и даже промелькнулъ варанъ,—земляной крокодилъ, которыхъ мы ви-

дѣли не разъ, пlying по берегамъ Нила, но затѣмъ совершенно пропали и ящерицы, и змѣи. Солнечный зной, не умѣряемый даже вѣтромъ, отъ котораго загораживали насъ прибрежныя горы, высившіяся впереди, былъ до того жестокъ, что не хотѣлось даже смотрѣть по сторонамъ и изучать дорогу. Закутавшись въ свой бѣлый плащъ и спустивъ платокъ на лицо, я ѣхалъ, покачиваясь на спинѣ своего верблюда, въ какомъ-то забытьи, не заботясь вовсе о томъ, что совершается вокругъ и что виднѣется впереди... Въ такомъ мучительномъ состояніи прошелъ цѣлый день; караванъ нашъ очевидно торопился, потому что мы шли безъ отдыха, все время подгоняя своихъ измученныхъ животныхъ. Несмотря на сильный зной, глава нашего каравана все-таки останавливался въ положенные часы молитвъ для того, чтобы каждый изъ хаджей могъ исполнить свою молитву и намазъ... Лишь къ ночи мы добрались до новаго источника, извѣстнаго почему-то подъ названіемъ «Колодца англичанъ» и расположеннаго на днѣ глубокой ложбины, которая тянется, почти не прерываясь, между Ниломъ и берегомъ Краснаго моря. По поводу «Колодца англичанъ» старый караванъ-баши разсказалъ намъ цѣлую легенду о томъ, какъ по дорогѣ между Кеннэ и Коссейромъ англичане отыскивали направленіе, по которому они думали отвести Нилъ. Пользуясь глубокою ложбиною, преимущественно придерживаясь которой шелъ и нашъ караванъ, проклятые гяуры надѣялись направить теченіе Нила, минуя Египетъ, прямо въ Красное море, но Аллахъ не допустилъ нечестивцевъ до такого ужаснаго дѣла и сокрушилъ ихъ начинаніе.

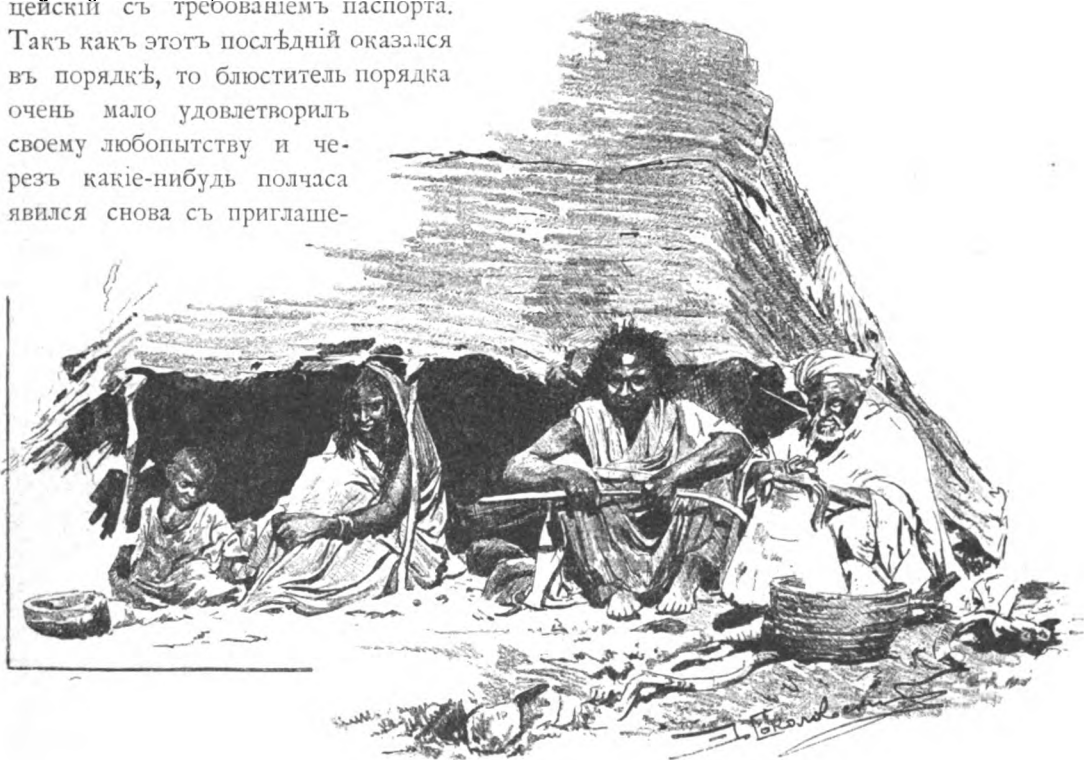
Несмотря на относительное обиліе воды, окружающая мѣстность представляетъ совершенную пустыню, которую не оживляютъ даже колючія травы и кусты терновника, растущіе въ ложбинѣ. Пустыни Синайскаго полуострова представляютъ рай, сравнительно съ тѣми унылыми дебрями, которыя тянутся отъ Кеннэ до самаго Коссейра.

На ночлегѣ у «Колодца англичанъ» мы застали опять цѣлое кочевое селеніе Абабдеховъ, которые почти круглый годъ обитаютъ въ окрестностяхъ колодцевъ Биръ-Инглези и Биръ-Амбахи. Номады приняли нашъ караванъ съ радостью, очевидно надѣясь поживиться отъ хаджей, но эти послѣдніе, разумѣется, обманули ихъ ожиданія. У одного изъ здѣшнихъ арабовъ я впервые видалъ небольшую прирученную антилопу, которая бѣгала за своимъ хозяиномъ, какъ собака. На этомъ кочевьи мнѣ пришлось примѣнить также свои врачебныя познанія, что доставило мнѣ матеріалъ по антропологии кочевыхъ арабовъ Египта. Эту ночь, въ противоположность предъидущей, мы успокоились рано, такъ какъ караванъ рѣшилъ еще до зари тронуться въ путь, чтобы пораньше добраться до Коссейра. Отъ «Колодца англичанъ» до города около 20 верстъ пути по той же унылой выжженной пустынѣ; дорога идетъ нѣсколько на подъемъ, и мы пробираемся глубокою лощиною или уади, врѣзывающеюся довольно далеко въ прибрежную цѣпь возвышенностей. На пути встрѣчается въ двухъ мѣстахъ вода, которою пользуются даже обитатели Коссейра, города, почти не имѣющаго своей собственной воды, которую ему доставляетъ пустыня.

Еще ранѣе полудня мы добрались до Коссейра, хотя блестящая поверхность Краснаго моря показалась впервые гораздо ранѣе,—едва мы

взобрались на небольшую возвышенность, которою окончивается на востокъ Принильская пустыня. Видъ города издали далеко не живописенъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру той пустыни, которую мы только что пересѣкли. Лишь немногія пальмы высятся надъ небольшимъ бѣлымъ городкомъ, расположеннымъ по самому берегу моря въ слабой излучинѣ берега, дающей приютъ лишь небольшимъ суденышкамъ арабовъ. Двѣ—три мечети съ минаретами казеннаго вида, да небольшой фортъ, стоящій на господствующей возвышенности, поднимаются надъ этимъ печальнымъ городомъ, бѣднымъ и растительностью, и водою. Подобно Адену, Коссейръ долженъ пользоваться рѣдкимъ благомъ, падающею съ неба въ видѣ дождя водою, и сохранять ее въ цистернахъ, которыя далеко не такъ благоустроены, какъ въ Аденѣ. Лучшую воду въ городѣ получаютъ изъ пустыни, изъ которой являются ежедневно арабы-водовозы, доставляющіе воду изъ горныхъ источниковъ въ особыхъ большихъ бурдюкахъ. Такъ какъ разстояніе этихъ источниковъ до Коссейра равняется почти цѣлому дню пути, то доставляемая такимъ образомъ вода нисколько не лучше той, которую привезли и мы съ собою въ своихъ кожаныхъ мѣшкахъ изъ Биръ-Амбахи.

Вступленіе наше въ Коссейръ было довольно торжественно, и масса народа высыпала на улицу встрѣчать паломнической караванъ; такъ какъ блестящее время Коссейра, какъ гавани Средняго Египта, прошло безвозвратно съ проведеніемъ Суэцкаго канала, то въ настоящее время значительные караваны сюда изъ Кеннэ составляютъ такую рѣдкость, какую стоитъ посмотрѣть. Присутствіе молодого европейца въ караванѣ хаджей вызывало особенное удивленіе туземцевъ, и я подвергался операциі всесторонняго осмотра со стороны обитателей Коссейра. Любопытство толпы въ этомъ отношеніи раздѣлили даже и власти города. Едва караванъ нашъ вошелъ во дворъ небольшого караванъ-сарая, какъ ко мнѣ явился полицейскій съ требованіемъ паспорта. Такъ какъ этотъ послѣдній оказался въ порядкѣ, то блюститель порядка очень мало удовлетворилъ своему любопытству и черезъ какіе-нибудь полчаса явился снова съ приглаше-



ніемъ отъ мѣстнаго паши отобѣдать у него и остановиться даже въ казенномъ домѣ. Отказавшись отъ послѣдняго приглашенія, я не могъ отказаться отъ перваго и долженъ былъ, не отдохнувши порядкомъ, отправиться на поклонъ къ Коссейрскому пашѣ.

Старикъ принялъ меня очень любезно, наговорилъ массу комплиментовъ за мое путешествіе черезъ пустыню, на которое, по его словамъ, за послѣдніе два года не рѣшался ни одинъ европеецъ, и пенялъ за мой отказъ поселиться въ его домѣ. Просьбу его, выраженную съ такою искренностью, по всей вѣроятности, мнѣ пришлось бы исполнить, тѣмъ болѣе, что мое помѣщеніе въ скверномъ караванъ-сараѣ было не изъ блестящихъ, но, къ счастью моему, во время раздались свистки парохода, который обходитъ берегъ Краснаго моря и всего на нѣсколько часовъ останавливается въ Коссейрѣ. Признаться, свистки этого парохода, который долженъ былъ увезти меня изъ этого печальнаго мѣста, показали мнѣ настоящимъ избавленіемъ отъ плѣна: такъ мнѣ съ перваго взгляда не понравился Коссейрѣ. Остаться здѣсь на нѣсколько дней было-бы настоящимъ мученіемъ, потому что въ Коссейрѣ ровно нечего дѣлать европейцу. Небольшой арабскій городъ безъ всякаго значенія, украшаемый лишь нѣсколькими казенными зданіями, съ небольшимъ базаромъ, не имѣющимъ никакого значенія, и унылыми обнаженными окрестностями не представляетъ ничего интереснаго для туриста. Въ ожиданіи отплытія парохода я побродилъ еще по городу и его правильно проложеннымъ улицамъ, полюбовался на берегъ моря, оживляемый нѣсколькими десятками парусныхъ судовъ, посѣтилъ фортъ Селима, гдѣ мѣстный артиллеристъ съ гордостью указывалъ на единственное стальное орудіе и, наконецъ, искупался въ свѣжемъ прибоѣ, выйдя изъ предѣловъ собственно города. Тутъ же, на берегу, я подобралъ и нѣсколько красивыхъ раковинъ и обломковъ коралловъ, столь обильныхъ и разнообразныхъ въ водахъ Краснаго моря. Дары Амфитриты всегда нравились мнѣ своимъ изяществомъ, художественною законченностью, блестящими красками и пріятными тонами, а здѣсь, на пустынномъ берегу, среди обнаженныхъ камней и холмовъ, разноцвѣтныя раковины и кораллы казались настоящими цвѣтками, выброшенными изъ глубины моря на лишенные зелени берега.

Не только передъ новымъ Коссейромъ, который, собственно говоря, представляетъ сравнительно молодой городъ, получившій нѣкоторое развитіе всего въ 50—60 годахъ нынѣшняго столѣтія, но и вдоль всѣхъ береговъ Египта и Аравіи коралловыя образованія настолько велики, что образуютъ цѣлые рифы, мели и острова. Благодаря этимъ подводнымъ преградамъ, всѣ берега Краснаго моря мало доступны. Старый Коссейрѣ, лежащій верстахъ въ пяти отъ нынѣшняго города и представляющій теперь захудалое селеніе, оттого и потерялъ нынѣ всякое значеніе, что коралловые рифы заперли его совершенно со стороны моря, не давая прохода даже небольшимъ арабскимъ судамъ. Та же участь рано или поздно угрожаетъ и новому городу, передъ которымъ лежитъ постоянно растущій огромный коралловый рифъ. Всѣ морскія суда останавливаются поэтому передъ рифомъ, не находя защиты отъ вѣтровъ.

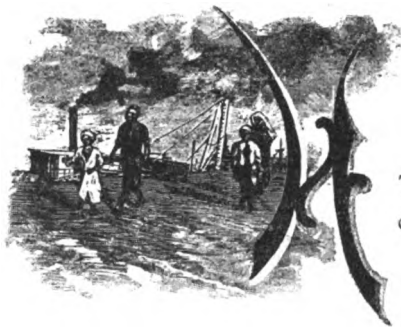
Чтобы добраться до парохода, давно поджидавшаго грузовъ и пас-

сажировъ въ Коссейрѣ, мы вмѣстѣ съ другими хаджами сѣли на довольно большую лодку и, пользуясь боковымъ вѣтромъ, поѣхали въ проходъ между рифами, загораживающими бухту. Однако небольшой вѣтерокъ разводилъ порядочное волненіе, и волны прибоя на рифѣ поднимались съ шумомъ и грохотомъ, пугавшимъ неопытныхъ въ мореплаваніи хаджей. Лодочники-арабы очень искусно перебросили нашу лодку черезъ рифъ, и хотя ее и очень накренило боковою волною, но мы все-таки благополучно выбрались въ открытое море и черезъ какія-нибудь десять минутъ были уже на пароходѣ. Трусливые хаджи за этотъ недолгій переѣздъ перечитали много молитвъ и не разъ побезпокоили Аллаха, воздвигавшаго имъ столько преградъ при достиженіи трижды благословенной Мекки.



Глава XVII.

На итальянскомъ пароходѣ среди паломниковъ.—Патріотизмъ русскихъ мусульманъ.—Неблагопріятныя условія для плаванія по Красному морю.—Солнечные удары.—Суакимъ.—Его портъ.—Вѣсти о махди.—По улицамъ Суакима.



ИТАЛЬЯНСКІЙ пароходъ, на который мы сѣли для того, чтобы плыть далѣе по берегамъ Краснаго моря, специально занимался перевозкою благочестивыхъ хаджей, собирая ихъ съ береговъ Египта и отвозя въ противоположащую Джедду. Большинство пассажировъ было изъ Суэца, но и Коссейръ, на этотъ разъ, доставилъ почти цѣлую сотню третьеклассныхъ пассажировъ. Едва я взшелъ на палубу парохода, какъ попалъ, можно сказать, исключительно въ общество мусульманъ; европейцевъ, кромѣ пароходной команды и двухъ итальянцевъ, плывшихъ въ Адень, вовсе не было тутъ. Мнѣ пришлось наблюдать здѣсь рѣдкое зрѣлище—собраніе мусульманъ различныхъ національностей, соединенныхъ вмѣстѣ на небольшомъ пространствѣ и представлявшихъ собою настоящій живой этнографическій музей. Кромѣ турокъ, египтянъ и немногихъ персовъ, среди пассажировъ нашего парохода находились арабы различныхъ странъ Востока, сирійцы, алжирцы, два марроканца, одинъ курдскій ага, шейхъ изъ Феццана, нубійцы, галласы, негры различныхъ національностей, такруры изъ Судана и, наконецъ, цѣлая группа русскихъ мусульманъ. Среди послѣднихъ были паломники съ Кавказа, Средней Азіи и нѣсколько приволжскихъ татаръ, одѣтыхъ въ знакомыя намъ одѣянія и пересыпавшихъ свою тюркскую рѣчь обильными русскими словами. Какъ-то странно было слышать эти отголоски родной рѣчи среди Краснаго моря на пароходѣ, везущемъ паломниковъ Мекки, но я съ большимъ удовольствіемъ прислушивался къ русскимъ словамъ, тщательно скрывая свою національность не только отъ европейцевъ, но и мусульманъ; только одинъ капитанъ зналъ, что я русскій. Поль-

зуюсь такимъ инкогнито, я хотѣлъ, въ качествѣ иностранца, присмотрѣться и понаблюдать за нашими мусульманами, поставленными въ совершенно исключительныя условія.

Когда нашъ пароходъ двинулся въ путь отъ Коссейра, я съ удовольствіемъ разставался съ этимъ скучнымъ городомъ египетскаго побережья, давая себѣ слово никогда не заглядывать сюда, но мнѣ все-таки жалко было покидать классическую почву Египта съ его пустынями, чуднымъ Ниломъ и развалинами древней цивилизаціи Кеми. Стоя на палубѣ и наблюдая за скрывающимися въ голубоватой дымкѣ бѣлыми зданіями Коссейра, я долго всматривался въ зубчатую линію прибрежныхъ возвышенностей, расцвѣченныхъ яркими красками заката, за которыми идетъ мертвая пустыня, стерегущая вѣчный сонъ древнихъ могилъ; мысли мои шли далеко за эту залитую золотомъ и пурпуромъ пустыню, по которой еще вчера пробирался нашъ измученный караванъ; они летѣли туда, гдѣ бѣгутъ струи священнаго Нила, гдѣ спать въ своемъ древнемъ величіи славныя развалины Мемфиса, Абидоса и Эивъ.

Отъ Коссейра пароходъ нашъ направилъ свой бѣгъ вдоль береговъ Египта къ югу, на Суакимъ. Масса рифовъ, мелей, шкеръ и небольшихъ острововъ, при недостаточномъ знакомствѣ съ гидрографіею Краснаго моря, заставляеть даже опытныхъ моряковъ по возможности дальше отходить отъ береговъ въ глубину моря. Мы ушли къ ночи также довольно далеко отъ береговъ Египта, и мнѣ оставалось наблюдать лишь за тѣмъ немногимъ, что давала жизнь моря на его поверхности, а также изучать тотъ обширный этнографическій матеріалъ, который представляла живописная масса благочестивыхъ хаджей.

Мои наблюденія за послѣдними начались съ ранняго утра, когда почтенный капитанъ, придя въ мою каюту, просилъ меня поскорѣе пойти на бакъ и прислушаться къ словамъ утренней молитвы, которую читалъ старый мулла въ группѣ нашихъ среднеазиатскихъ мусульманъ. Командиръ парохода, хорошо понимавшій, вслѣдствіе постоянного обращенія съ различными оріенталами, многіе восточныя языки, обратилъ свое вниманіе на нѣкоторыя выраженія утренней молитвы русскихъ мусульманъ и поспѣшилъ подѣлиться своимъ открытіемъ съ единственнымъ русскимъ, котораго за десять лѣтъ плаванія въ первый разъ послала ему судьба. Я поспѣшилъ вбѣжать на рубку капитана, откуда, незамѣтно для молящихся, можно было прислушаться къ ихъ молитвамъ. Одно слово сразу поразило меня и всего обратило въ слухъ и вниманіе. Прислушиваясь къ громко и отчетливо выговариваемымъ словамъ молитвы и фэвты, я ясно услышалъ, что наши мусульмане молились за здоровье Русскаго Царя. Имя «Искандеръ» (Александръ), съ титуломъ падишаха, неоднократно слышалось въ ихъ молитвѣ,



и я сожалѣлъ, что мое малое знакомство съ турецко-татарскимъ языкомъ не позволило мнѣ уразумѣть содержанія всей этой любопытной фэвты. Несомнѣннымъ было только одно, что полудикіе азіаты, наши недавніе враги, начавшіе новую жизнь подъ властью Россіи, молились за нашего Царя. Эти молитвы среди Краснаго моря, на итальянскомъ пароходѣ, вызванныя отъ чистаго сердца у мусульманъ, шедшихъ на поклоненіе ко гробу Магомета, можно сказать, въ виду священной земли ислама, были такимъ неожиданнымъ явленіемъ, что его трудно было оцѣнить по достоинству. Сердце мое невольно забилося патриотическою радостью; мнѣ казалось, что здѣсь, среди моря, я получилъ лучшее опроверженіе противъ довольно распространеннаго въ Россіи мнѣнія о политической неблагонадежности нашихъ среднеазиатскихъ и другихъ русскихъ мусульманъ. Почтенный капитанъ отнесся точно также восторженно къ этому удивительному явленію.

— Дай Богъ,—проговорилъ онъ,—чтобы у короля Италиа были такіе вѣрноподданные въ самомъ Неаполѣ и Римѣ! Счастливъ Русскій Царь, имѣющій такихъ подданныхъ! Честь и слава Россіи, покорившей самую сердца своихъ новыхъ, полудикихъ подданныхъ Туркестана!.

Впродолженіе нѣсколькихъ дней плаванія я слѣлалъ много наблюденій надъ разноплеменными хаджами нашего парохода, познакомился со многими изъ нихъ и, насколько позволяло мнѣ небольшое знакомство съ восточными языками, бесѣдовалъ съ поклонниками Мекки. Разумѣется, съ русскими мусульманами я скоро разговорился на родномъ языкѣ, который болѣе или менѣе знакомъ былъ большинству изъ нихъ, и надо было видѣть неподдѣльную радость многихъ изъ почтенныхъ хаджей, когда они узнали во мнѣ русскаго, плывущаго вмѣстѣ съ ними къ берегамъ священнаго Геджаса...

Плаваніе по Красному морю—одно изъ самыхъ утомительныхъ плаваній въ мірѣ. Много мнѣ пришлось посѣтить морей, но ни одно изъ нихъ не оставило во мнѣ такихъ тяжелыхъ впечатлѣній, какъ переѣздъ по Красному морю. Прекрасная лазурь его, принимающая, въ зависимости отъ различныхъ степеней освѣщенія, самые разнообразныя оттѣнки синяго и голубого цвѣтовъ, масса островковъ, коралловыхъ рифовъ и камней, разбросанныхъ на всемъ протяженіи моря, особенно вдоль его береговъ, богатство морской жизни, проявляющейся на поверхности моря, удивительные переливы цвѣтовъ, которыми отливаютъ береговыя скалы часто фантастическихъ очертаній, великолѣпное свѣченіе воды по ночамъ,—всѣ эти прелести не могутъ искупить тѣхъ страданій, которыми сопровождается утомительное плаваніе по этому длинному морю. Даже хорошіе океанскіе пароходы употребляютъ около пяти сутокъ для того, чтобы перейти отъ Суэца до Адена; пароходы же берегового плаванія проводятъ цѣлыя недѣли въ водахъ этого негостепріимнаго моря. Путешественникъ, попавши на одинъ изъ такихъ небольшихъ пароходовъ, подвергается всѣмъ лишениямъ, которыхъ не могутъ искупить никакія красоты этого единственнаго во многихъ отношеніяхъ моря. По самымъ географическимъ условіямъ, господствующими вѣтрами въ Красномъ морѣ являются сѣверные и южные, далеко не соотвѣтствующіе муссонамъ Индійскаго океана. Не го-



Берега Краснаго моря.

вора уже объ южномъ горячемъ вѣтрѣ, даже сѣверный вѣтеръ, проходящій черезъ пустыни Синайскаго полуострова, не можетъ освѣжить удушяющей атмосферы, вѣчно висящей надъ Краснымъ моремъ. Оба же боковыхъ вѣтра, восточный и западный, являются настоящими вѣтрами пустыни, которыхъ мореплаватели боятся не менѣе, чѣмъ караваны, идущие по берегамъ. Страшный самумъ, «дыханіе смерти», жгучій вѣтеръ пустыни, далеко залетая за предѣлы этой послѣдней, несетъ въ море свое жгучее дыханіе, страшный зной и огромныя облака пыли, совершенно застилающія весь горизонтъ моря и взвѣшиваемыя въ тяжелой и насыщенной водяными парами его атмосферѣ. Красновато-желтая мгла виситъ тогда надъ моремъ, какъ и надъ пустынею; солнца или совѣтъ не видно черезъ эти огромныя облака пыли, или оно представляется въ видѣ багрово-краснаго шара, отчего и всѣ предметы на морѣ приобрѣтаютъ кровавый колоритъ. Самая вода кажется тогда темною, какъ-бы съ примѣсью крови. Путешественникъ съ ужасомъ смотритъ на эту густую, непроницаемую мглу, которая заволакиваетъ днемъ и ночью весь горизонтъ. Удушливая всегда атмосфера Краснаго моря становится тогда совершенно негодною для дыханія, и непривычный человѣкъ задыхается въ этомъ горячемъ воздухѣ, пронизанномъ мельчайшею, взвѣшенною въ немъ пылью. Солнечныя удары, всегда частыя въ Красномъ морѣ, учащаются до такой степени, что поражаютъ даже туземцевъ, привычныхъ къ зною, но не привыкшихъ къ перегрѣтой, влажной атмосферѣ моря.

Узкая и длинная полоса Краснаго моря, запертая со всѣхъ сторонъ



горячими пустынями, окаймленными высокими горными цѣпями, представляетъ настоящій паровой котель. Ни одно море въ мірѣ (исключая развѣ Мертваго) не имѣетъ столько благоприятныхъ условий для испаренія, какъ Красное море, и потому немудрено, что, по вычисленіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, изъ Краснаго моря ежегодно испаряется слой воды, равный нѣсколькимъ аршинамъ въ высоту. Если-бы не существовало прилива воды изъ океана въ это оригинальное во многихъ отношеніяхъ море, то оно съ теченіемъ времени изсякло-бы совершенно, единственно благодаря своимъ обильнымъ испареніямъ. Вся эта огромная масса испареній взвѣшивается въ атмосферѣ, лежащей надъ Краснымъ моремъ, и насыщаетъ ее до того, что намоченный платокъ, повѣшенный на бортъ парохода, не можетъ высохнуть. Въ теченіи ночи вся поверхность судовъ покрывается липкою соленою слизью, которая представляетъ ничто иное, какъ осадокъ обильныхъ ночныхъ испареній. При такихъ условіяхъ, особенно при 30—40° градусныхъ жарахъ (нерѣдко даже въ полночь здѣсь бываетъ до 30°), понятно, что непривычный человѣкъ задыхается даже при обыкновенныхъ условіяхъ плаванія, т. е. при отсутствіи страшныхъ вѣтровъ пустыни. Цѣлыми сутками онъ чувствуетъ себя въ обильной, страшно истомляющей испаринѣ, чувствуетъ, что все бѣлье и одежда пропитаны клейкимъ потомъ или солеными испареніями моря, что въ груди не хватаетъ воздуха, и что вся внутренность его пересыхаетъ отъ жажды. Если даже въ водѣ самаго моря нерѣдко температура разнится отъ температуры воздуха всего на пять, на шесть градусовъ, то можно себѣ представить, какъ легко плавать по Красному морю, не имѣя возможности въ продолженіи многихъ дней ни обсушить своего бѣлья, ни освѣжиться даже купаніемъ въ морской водѣ.

Для моряка, кромѣ зноя и страшной духоты, въ плаваніи по Красному морю присоединяются и другія невзгоды, малоощутимыя пассажирами; страшные туманы, препятствующіе особенно ночнымъ наблюденіямъ, масса островковъ, рифовъ и камней, часто не обозначенныхъ даже на картѣ, и постоянная возможность столкнуться съ другими судами на «Большомъ проспектѣ», какъ справедливо называютъ моряки Красное море, пересѣ-



Суакимъ.

каемое тысячами пароходовъ, — все это отталкиваетъ даже опытныхъ моряковъ отъ плаванія по этому узкому и длинному морю.

Понятно, что, при такихъ условіяхъ плаванія, не станешь много любоваться фантастическимъ очертаніемъ береговыхъ скалъ, окрашенныхъ всѣми красками заката, чудною лазурью моря, яркою синевою неба и мерцаніемъ серебристыхъ звѣздъ, особенно красиво мерцающихъ надъ Краснымъ моремъ. Правда, иногда, стоя на палубѣ парохода, залюбуешься дикою прелестью обнаженныхъ каменныхъ громадъ, брошенныхъ среди яркой лазури моря, массою морскихъ животныхъ, плавающихъ на поверхности соннаго моря, и волшебнымъ свѣченіемъ воды, взбиваемой винтомъ парохода; но все это скоро наскучиваетъ, и начинаешь снова томиться плаваніемъ, тянущимся какъ-то особенно медленно во время переходовъ по Красному морю. Самый видъ унылыхъ, безжизненныхъ, словно обожженныхъ скалъ и острововъ, лишенныхъ всякаго признака обитанія, наводитъ какую-то особую тоску, и немудрено, что многимъ пассажирамъ кажется, что болѣе унылаго и безотраднаго вида острововъ и береговыхъ скалъ, какъ въ Красномъ морѣ, не встрѣчается нигдѣ болѣе въ свѣтѣ..

Наше плаваніе до Суакима, а потомъ далѣе до Массовы, Адена и Джедды, продолжавшееся около двухъ недѣль, дало намъ полную возможность извѣдать всю прелесть Краснаго моря. Правда, мы плыли еще въ относительно прохладное время и не подвергались настоящему вѣянію самума, но все-таки береговые вѣтры обдували насъ такимъ горячимъ дыханіемъ и порою такою массою пыли, что мы могли составить себѣ понятіе о томъ, что бываетъ въ морѣ во время самума. Всѣ эти дни я постоянно былъ мокръ отъ пота и, можно сказать, варился въ своемъ собственномъ соку; ночью, забывъ всякое приличіе, я выходилъ совершенно голый, покрывшись одною простынею, на палубу и пробовалъ тамъ заснуть, потому что въ каютѣ не было воздуха дышать; но и тутъ, лежа на голыхъ скамейкахъ, я обливался потомъ и засыпалъ лишь подъ утро, совершенно измучившись отъ зноя и духоты. Уже на второй день по выходѣ изъ Коссейра съ однимъ изъ хаджей сдѣлался легкій солнечный ударъ, отъ котораго,



впрочемъ, скоро его отходили. Черезъ день ударъ поразилъ двухъ паломниковъ и въ томъ числѣ одного изъ чернокожихъ Судана. Послѣдній получилъ отъ инсоляціи полупараличъ, съ которымъ, по всей вѣроятности, останется навсегда. Въ послѣдующіе дни легкіе солнечные удары были постоянны и къ нимъ стали уже привыкать, пока смерть одного стараго сарта, умершаго черезъ два часа послѣ инсоляціи, не напугала снова хаджей. Всѣ эти дни я самъ сильно трюсилъ солнечнаго удара, особенно, когда капитанъ сообщилъ мнѣ, что на непривычныхъ европейцевъ инсоляціи въ Красномъ морѣ дѣйствуютъ особенно губительно. Однако все обошлось благополучно, и я безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій совершилъ круговую поѣздку по берегамъ Краснаго моря.

Не доѣзжая дня пути до Суакима, мы встрѣтили въ морѣ массу погибшей красноватой саранчи. Громадныя тучи ея не могли перелетѣть съ Аравійскаго берега въ Африку и погибли въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Египетскаго побережья. Повсюду въ морѣ виднѣлись цѣлыя островки, образованные изъ плавающихъ труповъ саранчи, которую пожирали и рыбы, и птицы, но которой оставалось все-таки довольно для того, чтобы заражать воздухъ своимъ зловоніемъ. Масса этой саранчи была прибита къ коралловымъ рифамъ, застряла въ плавающихъ водоросляхъ, масса была выброшена на берега материка и безчисленныхъ островковъ моря. Жгучіе лучи солнца быстро сушили эту гниющую массу, но все-таки зловоніе ея было довольно ощутительно, особенно ближе къ берегу, и еще болѣе увеличивало тяготу нашего плаванія, почти при абсолютномъ штилѣ, когда особенно тяжело даютъ себя знать страшный зной, неподвижность воздуха и огромное содержаніе въ немъ влаги...

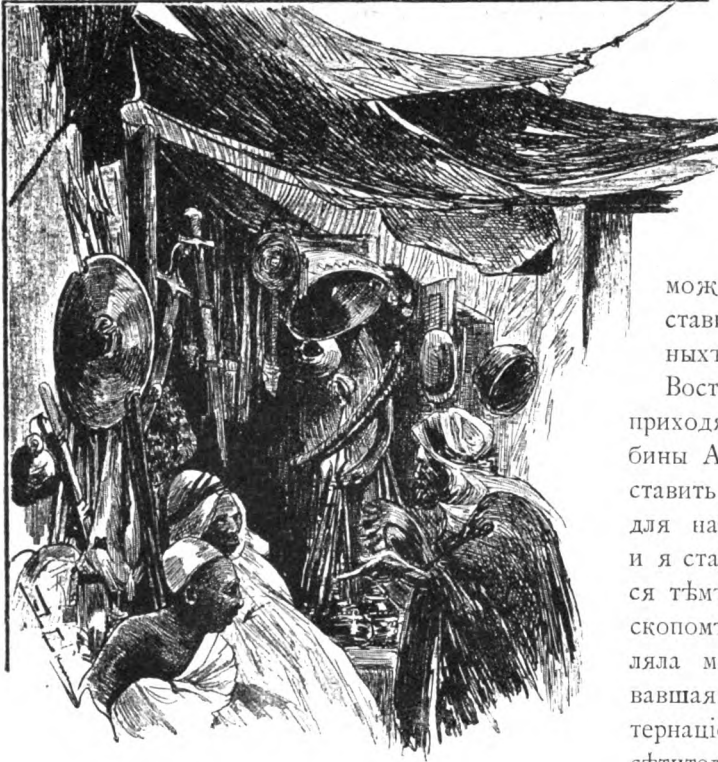
Черезъ три дня утомительнаго плаванія мы добрались до Суакима. Еще не доѣзжая до него, мы подошли довольно близко къ берегамъ Нубіи, такимъ же унылымъ и безжизненнымъ, какъ и всѣ другіе берега Краснаго моря... Глядя на эти унылые, желтокрасные и сѣрожелтые холмы африканскаго берега, тянущіеся на цѣлыя сотни верстъ, какъ-то жутко становится за тѣхъ, кто обреченъ судьбою вѣчно скитаться по этой мертвой пустынѣ, добывая съ большимъ трудомъ себѣ не только пропитаніе, но и каплю прѣсной воды. Широкая полоса коралловыхъ рифовъ, тянущихся вдоль всего берега Африки, составляетъ настоящій барьеръ для судовъ, обыкновенно не переходящихъ этой преграды. Лишь въ немногихъ сравнительно мѣстахъ барьеръ этотъ прерывается, давая родъ проходовъ между рифами, которыми и пользуются суда. Передъ Суакимомъ широкая полоса коралловыхъ рифовъ и отмелей, отчасти образованныхъ и песками, представляетъ довольно удобный проходъ, пропускающій даже океанскія суда. Проходъ этотъ ведетъ въ глубину прекрасной бухты, представляющей лучшій портъ въ Красномъ морѣ, получившій еще въ древности названіе «спасительной гавани». Среди этой бухты расположены два небольшихъ островка, изъ которыхъ южный и занятъ городомъ Суакимомъ, перебросившимся отчасти и на самый берегъ, отстоящій отъ острова

не болѣе, какъ съ четверть версты. Узкій морской рукавъ, отдѣляющій островъ отъ берега, превратился нынѣ въ низменную отмель, позволяющую, посредствомъ моста, установить сухопутное сообщеніе между островнымъ городомъ и его береговымъ предмѣстьемъ Эль-Кефъ. Видъ Суакима издали довольно красивъ, хотя окружающая его природа и не богата растительностью. Небольшія береговья возвышенія, замыкающія бухту, красивыя многоэтажныя постройки островного города, его бѣлые дома, кучки строеній Эль-Кефа, нѣсколько мечетей, обширный городъ палатокъ бишариновъ, расположенный на материкѣ, и наконецъ масса судовъ, стоящихъ между обоими островками, придаютъ Суакиму видъ довольно значительнаго и оживленнаго пункта.

Нашъ парохоль стоялъ цѣлый день въ Суакимѣ, и я съ двумя русскими татарами хорошо осмотрѣлъ не только городъ и его предмѣстье, но и островокъ шейха Абдуллы съ кладбищемъ Суакима и даже городъ кочевыхъ бишариновъ. На островкѣ Абдуллы мы посѣтили нѣсколько красивыхъ зіаретовъ, присутствовали при погребеніи знатнаго арабскаго шейха изъ Токара и участвовали въ рыбной ловлѣ, которую предпринялъ одинъ богатый грекъ на своемъ собственномъ суднѣ. Мелкая рыба, вродѣ нашей корюшки, вошла въ тотъ день огромными стаями въ бухту Суакима и, не тревожась движеніемъ многочисленныхъ судовъ, совершенно наполнила этотъ небольшой морской заливъ. Нѣсколько десятковъ рабочихъ судовъ цѣлый день вылавливали эту рыбку огромными сѣтями; бишарины ловили ее прямо съ берега, жители города съ моста, но количество рыбы, повидимому, не уменьшалось, и вся поверхность бухты трепетала отъ мелкой зыби, поднимаемой играющими стаями. Вмѣстѣ съ рыбою въ бухту были увлечены и многія другія морскія животныя; множество краббовъ и разноцвѣтныхъ медузъ плавало среди трепетавшей массы рыбы; съ моря налетѣли также стаи морскихъ птицъ и приняли участіе въ богатомъ пиршествѣ, предоставляемомъ природою.

Самый городъ не великъ, но величина и архитектура многихъ каменныхъ домовъ говоритъ объ его достаткѣ. Даже въ Каирѣ встрѣчается немного зданій съ такими красивыми рѣзными балкончиками, рѣшетками, окошечками и дверями, какъ въ Суакимѣ. Нѣсколько богатыхъ европейскихъ негодіантовъ, преимущественно грековъ и итальянцевъ, также имѣютъ прекрасные дома въ островномъ городѣ, гдѣ находятся и лучшіе магазины. Мы зашли въ большую кофейню города, украшенную рѣзными окошечками и цвѣтными стеклами, и расположились тамъ кейфовать среди цѣлой толпы посѣтителей всевозможныхъ національностей. Суакимъ





Базаръ въ Суакимѣ.

по справедливости можетъ быть названъ однимъ изъ международныхъ городовъ Африки, гдѣ, благодаря торговому и паломническому движенію, можно встрѣтить представителей всевозможныхъ національностей Востока. Масса хаджей, приходящихъ сюда изъ глубины Африки, могутъ доставить обширный матеріалъ для наблюденія этнографу и я старался воспользоваться тѣмъ пестрымъ калейдоскопомъ, который представляла мнѣ постоянно сновавшая и мѣнявшаяся интернациональная толпа посетителей кофейни. Особенно мое вниманіе обращали арабы Геджаса и

Гадрамаута, главные коммерсанты города, и различные выходцы Судана. Успѣхи новоявленного махди заставляли тогда говорить всю Сѣверную Африку, и Суакимъ, на который было уже обращено вождельніе махдистовъ, имѣвшихъ здѣсь многочисленныхъ сторонниковъ, волновался болѣе другихъ городовъ Нубіи и Египта при каждой вѣсти, приходившей въ него изъ Судана. Много говорили о подметныхъ письмахъ, присланныхъ отъ махди и приглашавшихъ всѣхъ жителей города примкнуть къ законному движенію пророка. Особенно волновались при этихъ извѣстіяхъ бишарины и другіе кочевники, имѣвшие свое жительство въ городѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ. Поговаривали, между прочимъ, что самъ махди думаетъ, покончивъ съ Хартумомъ, пойти на освобожденіе Суакима изъ рукъ невѣрныхъ и для восстановленія непосредственнаго сношенія съ Меккою—колыбелью ислама. Масса прибывшихъ хаджей изъ Судана и отправлявшихся въ Геджасъ еще болѣе поддерживала городское населеніе въ постоянномъ возбужденіи.

Въ день нашего прихода, изъ Судана ожидался большой караванъ хаджей, который торопился поспѣть къ пароходу, отходящему на Джедду. Приходъ суданскихъ каравановъ всегда волнуетъ обитателей Суакима. А на этотъ разъ, въ виду тревожности извѣстій, приходившихъ изъ Кордофана и Дарфура, жители Суакима съ особымъ волненіемъ ожидали каравана. Провожая въ Суданъ еще сравнительно недавно (въ срединѣ февраля) большой отрядъ египетскихъ войскъ подъ начальствомъ англи-

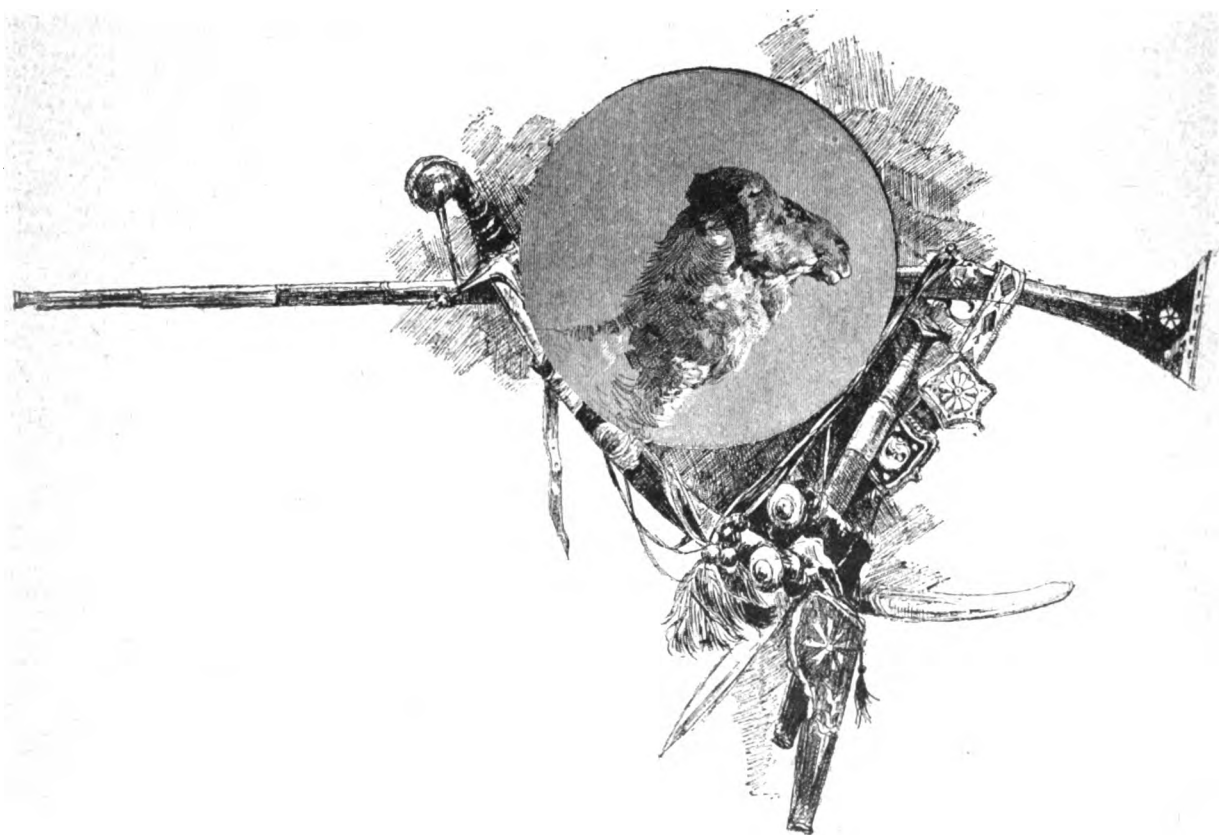
скихъ офицеровъ, съ Гиксомъ-пашею во главѣ, жители Суакима ожидали рѣшительныхъ событій на театрѣ войны. Небольшой отрядъ изъ этого англо-египетскаго войска еще оставался въ Суакимѣ, занимая его небольшіе форты слабыми гарнизонами. Паша города не разъ уже получалъ прокламаціи, указывавшія на скорую осаду Суакима войсками махди, но не обращалъ на это никакого вниманія. По словамъ нѣкоторыхъ хаджей, въ городѣ было уже два шейха, подготавливашіе умы бишариновъ Эль-Кефа. Всѣмъ въ городѣ были извѣстны эти подготовленія со стороны махдистовъ; однимъ властямъ Суакима все казалось пустяками. Эта непредусмотрительность со стороны египетскихъ властей Судана и обусловила повсюду огромный успѣхъ возстанія...

Собственно, въ городѣ живутъ лишь турки, арабы и нѣкоторые изъ европейскихъ негодантовъ, тутъ же стоитъ часть гарнизона и находятся всѣ правительственныя учрежденія. Главная же часть населенія Суакима, даже его базаръ, расположена за мостомъ въ Эль-Кефѣ. Мы бродили нѣсколько часовъ въ кривыхъ и тѣсныхъ закоулкахъ этого предмѣстья, присматриваясь къ дикимъ и подчасъ звѣрскимъ фізіономіямъ бишариновъ, украшенныхъ длинною волнистою шевелюрою, съ короткими каменными трѣбочками въ зубахъ. Многіе изъ кочевыхъ бишариновъ даже по улицамъ города ходили съ саблями, копьями и ножами, поглядывая неособенно благосклонно на бродившаго между ними гяура. На самыхъ окраинахъ Суакима, гдѣ уже раскидывался обширный городъ шатровъ, говорятъ, европейцу было небезопасно ходить въ то время, но я, не зная объ этомъ, нѣсколько часовъ провелъ въ этомъ оригинальномъ кочевьи въ сопровожденіи двухъ своихъ соотечественниковъ, присматриваясь къ оригинальнымъ фізіономіямъ и нравамъ этихъ кочевниковъ.

Между прочимъ, въ Эль-Кефѣ мы посѣтили и довольно обширный базаръ, гдѣ видѣли много произведеній Судана: большіе куски слоновой кости, камеди, шкуры дикихъ звѣрей, оружіе туземцевъ и предметы мѣны съ дикарями, а также дары Краснаго моря—его перлы, кораллы и знаменитыя раковины каури, служащія монетою въ глубинѣ темнаго материка. Въ закоулкахъ базара,—говорили намъ,—можно было еще легче, чѣмъ въ городахъ Нильской долины, купить себѣ невольника или рабыню. Живой товаръ доставлялся сюда изъ Судана хаджами, которые привозятъ его подъ видомъ своихъ слугъ, родственниковъ, женъ и т. п. На берегахъ Аравіи подобныя паломники уже не особенно стѣсняются и ведутъ настоящую торговлю невольницами и рабами. Въ одномъ изъ самыхъ большихъ караванъ-сараевъ Эль-Кефа мы наблюдали за разгрузкою огромнаго каравана, прибывшаго недавно изъ Бербера. Молодцы-бишарины, проводники и погонщики этого каравана, представляли настоящій вооруженный отрядъ, подъ охраною котораго не страшно было-бы перейти любую пустыню. Одинъ изъ почтенныхъ каравановожатыхъ предложилъ и мнѣ отправиться черезъ Берберъ на Хартумъ, но я воздержался отъ этого предложенія не столько изъ-за Суданскихъ волненій, сколько за недостаткомъ времени и средствъ для выполненія этой поѣздки, не входившей въ предначертанный планъ.

Вечеръ этого дня мы провели въ одной отдаленной кофейнѣ, въ глу-

бинъ Эль-Кефскаго базара. Сюда собралось очень много почтенныхъ хаджей съ нашего парохода, которые не хотѣли пропустить случая посмотрѣть хорошенькихъ альмей и раузіатъ. Я со своимъ спутникомъ присутствовалъ лишь при началѣ оргіи, но когда танцы стали принимать характеръ болѣе, чѣмъ нескромный, то мы поспѣшили удалиться изъ этого вертепа, гдѣ возможно было подъ конецъ получить и ударъ ножемъ, что и случилось съ достопочтеннымъ хаджею Измаиломъ, съ которымъ мы шли почти отъ самаго Кеннэ. Все утро мы еще пробродили по Суакиму, поджидая большой караванъ хаджей, и, не дождавшись его, послѣ полудня отплыли изъ «Гавани Счастія». Число пассажировъ нашего парохода, несмотря на то, что мы не дождались еще паломническаго каравана, увеличилось на нѣсколько десятковъ человѣкъ новыхъ хаджей, преимущественно выходцевъ изъ Судана, расположившихся живописными группами на палубѣ нашего парохода.



Глава XVIII.

Отъ Суакима до Джебды. — Антропологическія наблюденія надъ пассажирами. — Джебда. — Разнообразіе ея населенія. — Снова на пароходѣ.



Отъ Суакима до Джебды—съ небольшимъ триста верстъ. Это разстояніе нашъ не особенно быстрый пароходъ переходилъ въ продолженіи болѣе двухъ сутокъ, обходя разные видимые и невидимые рифы и банки. Стараясь, по возможности, утилизировать скучное плаваніе, я открылъ свой аптечный ящикекъ, нѣсколько наполненный въ Суакимѣ, и объявилъ всѣмъ пассажирамъ о безвозмездной полахѣ врачебныхъ совѣтовъ. Моя уловка удалась вполнѣ. Хотя и ранѣе, на пути отъ Коссейра, паломники не разъ обращались ко мнѣ за помощью отъ тѣхъ или другихъ недуговъ, но я, жалѣя скудный запасъ своихъ снадобій, не особенно охотно принималъ на себя роль пароходнаго врача. Теперь же, когда хаджи увидали у меня полный ящикъ всякихъ медикаментовъ, у меня просто не было отбою отъ пациентовъ, и я оба дни плаванія до Джебды не замѣтилъ и врѣмени, возясь съ изслѣдованіемъ многочисленныхъ больныхъ. Мои изслѣдованія, разумѣется, заключались главнымъ образомъ въ антропологическихъ измѣреніяхъ пациентовъ, отчасти въ медико-географическихъ наблюденіяхъ. Имѣя больныхъ различныхъ національностей Африки, я обладалъ матеріаломъ, интереснымъ во многихъ отношеніяхъ, и ряды записей, полученные на этомъ переходѣ, составляютъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ результатовъ моеи поѣздки. Такъ, я получилъ нѣсколько довольно полныхъ измѣреній бишариновъ, нубійцевъ, арабовъ Гадремаута и нѣсколькихъ негритянскихъ племенъ изъ глубины Судана. Разумѣется, здѣсь не мѣсто, даже вкратцѣ, говорить о добытыхъ такимъ путемъ матеріалахъ *).

*) Часть измѣреній надъ представителями различныхъ племенъ Судана представлена въ Societé de Géographie de Paris, въ члены котораго я былъ избранъ въ 1883 г.

Въ Джедду мы пришли на зарѣ. Бродя почти всю ночь отъ страшной истомы, не дававшей возможности заснуть, я видѣлъ, какъ многіе паломники Мекки не ложились спать во всю ночь, предъ вступленіемъ на берегъ Аравіи, истинной колыбели ислама. Почтенные хаджи, молча, перебирая четки руками и съ тихою молитвою на устахъ, стояли у борта парохода, напрягая свои взоры въ туманную дымку, изъ которой скоро должны были показаться высокія горы Геджаса. Наши среднеазиатскіе паломники, также какъ и черные хаджи изъ глубины Африки, оказались наиболѣе благочестивыми и готовыми къ начатію паломничества долгими молитвами и тщательными очищеніями. Когда подъ утро первые лучи восходящаго солнца прорѣзали густую дымку ночныхъ испареній и среди бѣловатой мглы выглянули позолоченныя верхушки горъ, за которыми прячется трижды благословенная Мекка, давно ожидавшіе этого мгновенія паломники пали ницъ, поднимая руки къ небу и громкими криками радости привѣтствуя горы Святой земли.

«Эль хамди Лиллахи» (Славу Богу)! «Лебйякъ Аллѣ хума лебйякъ» (Мы твои слуги, Боже)! «Ла илляхъ иль Аллахъ» (нѣтъ Бога, кромѣ Бога)!— и другія восклицанія безпрестанно слышались на палубѣ нашего парохода, превратившагося въ настоящій паломнический пароходъ. Подъ эти громкіе крики, переходившіе въ настоящее бѣснованіе у такруровъ или чернокожихъ хаджей, наиболѣе фанатичныхъ изъ всѣхъ поклонниковъ Мекки, пароходъ замедлялъ свой ходъ, чтобы войти въ одинъ изъ проходовъ, ведущихъ изъ моря черезъ стѣну коралловыхъ рифовъ, которые тянутся вдоль всего Аравійскаго побережья...

Между тѣмъ среди разсѣивающихся тумановъ постепенно выплывала красивая и величественная Джедда — одинъ изъ лучшихъ городовъ Краснаго моря. Расположенная на низменномъ побережьи, еще недавно составлявшемъ берегъ моря, почти у самаго подножія высокыхъ горъ, и обнесенная высокими стѣнами, которыя поднимаются отъ самаго берега, Джедда рельефно выступаетъ своими бѣлыми постройками на фонѣ желтоватыхъ горъ и прекраснаго синяго моря. Высокіе каменные дома ея въ нѣсколько этажей, съ совершенно плоскими крышами, высятся надъ городскими стѣ-



нами, какъ огромные бастионы, громоздящіеся одинъ на другой. Нѣсколько мечетей съ тяжелыми минаретами и острыми шпицами, придающими имъ видъ тонкихъ башенъ, приподнимается надъ всѣмъ городомъ, лишеннымъ всякой растительности и представляющимъ поэтому настоящимъ городомъ пустыни. Высокій маякъ въ видѣ минарета, стоящій на небольшомъ каменномъ мысѣ, и незначительный фортъ замыкаютъ на югѣ линію городскихъ построекъ. На сѣверѣ, внѣ городской стѣны, виднѣтся еще куча построекъ съ минаретомъ, составляющая особый кварталъ Джедды, гдѣ преимущественно останав-

ливаются паломники. Въ небольшой бухтѣ Джелды, которую образуетъ здѣсь берегъ Аравіи, качалось нѣсколько десятковъ небольшихъ арабскихъ парусныхъ судовъ, которыя осмѣливаются переплывать все Красное море, подвозя отовсюду и богомольцевъ, и товары.

Нашъ пароходъ не могъ даже близко подойти къ Джелдѣ и остановился почти въ верстѣ отъ берега, гдѣ и началъ ссаживать мусульманскихъ паломниковъ на многочисленныя лодки, окружившія его. Джелда, какъ приморскій пунктъ и главныя ворота хаджаджа, живетъ исключительно насчетъ пришлыхъ паломниковъ; это виднѣется въ каждомъ черномазомъ лодчикѣ, привыкшемъ смотрѣть на прїѣзжихъ, какъ на законный предметъ эксплуатаціи для каждаго обитателя Джелды. Санитарная комиссія недолго задержала насъ поверхностнымъ осмотромъ парохода, и я вмѣстѣ съ другими паломниками съѣхалъ на берегъ.

Признаться, не особенно гостепріимно встрѣтили фанатичные обитатели Джелды молодого европейца, примѣшавшагося къ толпѣ правовѣрныхъ хаджей; на лицахъ многихъ изъ нихъ было написано глубокое презрѣніе къ моей особѣ, на что я не обращалъ особаго вниманія; я продолжалъ все время держаться около кучки своихъ соотечественниковъ, надѣясь на ихъ помощь въ случаѣ какихъ-нибудь недоразумѣній. Первое недоразумѣніе случилось уже на берегу, гдѣ турецкіе таможенные и полицейскіе не хотѣли подѣлаться предложеномъ пускать меня въ самый городъ. Я пробовалъ было отдѣлаться отъ нихъ небольшимъ бакшишемъ, но это не помогало. Тогда я прибѣгнулъ не безъ нѣкотораго риска къ обыкновенному средству европейца на Востокѣ, громкому протесту и энергическимъ жестамъ, показывавшимъ во мнѣ знакомство съ нравами и порядками Востока. Когда мѣстные блюстители порядка хотѣли меня задержать у воротъ Джелды, я оттолкнулъ стража, ставшаго поперекъ дороги, и потребовалъ, чтобы мнѣ ука-



зали дорогу къ французскому консулу. Окружавшая толпа, съ любопытствомъ смотрѣвшая на мои пререканія съ мѣстнымъ начальствомъ и, по видимому, сочувствовавшая этому послѣднему, пыталась тоже загораживать мнѣ дорогу. Не знаю, чѣмъ-бы кончились всѣ эти пререканія, если бы на выручку ко мнѣ не подоспѣлъ самъ консулъ, шедшій встрѣчать паломниковъ изъ Алжира. При видѣ консула и его кавасовъ, толпа тотчасъ присмирѣла, а турецкіе чиновники куда-то юркнули и оставили меня въ покоѣ. Разумѣется, я тотчасъ же поступилъ подъ охрану консула и подъ его эгидю совершилъ свою остальную прогулку по Джеддѣ. Уже первое мое столкновение на берегу показало, насколько еще силенъ фанатизмъ у обитателей этого города, еще двадцать пять лѣтъ тому назадъ избивавшаго европейскихъ консуловъ.

Два дня мнѣ пришлось затѣмъ, въ ожиданіи отплытія парохода, прожить въ Джеддѣ, и я поэтому долженъ былъ остаться особенно благодарнымъ любезности консула, предложившаго мнѣ помѣщеніе въ своемъ домѣ. Не говоря уже полной о безопасности такого помѣщенія, я провелъ эти дни въ прекрасномъ обществѣ и познакомился съ городомъ, его базарами и особенностями его жизни гораздо лучше, чѣмъ то могъ сдѣлать одинъ, безъ всякой помощи, при недоброжелательствѣ мѣстнаго населенія. Изъ дома консульства я не выходилъ иначе, какъ въ сопровожденіи консульскаго каваса, расчищавшаго мнѣ путь и оберегавшаго отъ неприятныхъ столкновеній съ толпою, также отъ безцеремонности комиссіонеровъ или драгомановъ, предлагавшихъ свои ненужныя услуги. Эти негодяи давно уже позабрали въ свои руки вновь прибывшихъ паломниковъ и размѣстили ихъ по ханамъ и караванъ-сараямъ, гдѣ несчастныхъ хаджей давно ожидали разные антрепренеры, чтобы высосать изъ ихъ кармана, по возможности, болѣе грошей. На поборы и непрошенное вмѣшательство этихъ комиссіонеровъ горько затѣмъ жаловались мнѣ соотечественники-хаджи.

Какъ городъ, Джедда можетъ быть названа вполне благоустроенною. Во многихъ отношеніяхъ съ ней не могутъ и сравниться многіе другіе города Востока; улицы въ Джеддѣ довольно широки, обставлены прекрасными каменными домами съ красивыми рѣзными оконцами, балкончиками и дверями,

и хотя далеко не содержатся въ исправности, но по нимъ зато совершенно свободно совершается даже усиленное движеніе. Бродя по широкимъ улицамъ Джедды и смотря на ея высокіе каменные дома, обширныя ханы, многочисленныя хорошо обставленныя кофейни, какъ-то не вѣрится, что городъ этотъ служитъ обыкновенно очагомъ развитія различныхъ заразныхъ болѣзней, а въ томъ числѣ и азіатской холеры, частенько поражающей возвращающихся изъ Мекки хаджей. Бесѣды мои съ однимъ почтеннымъ врачомъ — членомъ



европейской санитарной комиссії, наблюдающей за санитарнымъ состояніемъ Джебды и возвращающихся партій хаджей, открыли мнѣ глаза на многія причины, дѣлающія гавань Мекки такимъ страшнымъ очагомъ всякой заразы. При помощи того же самого коллеги, имѣющаго значительную практику въ Джебдѣ, я ознакомился и съ нѣкоторыми интересными формами болѣзней, встрѣчающихся на Аравійскомъ берегу, и тѣмъ дополнилъ свои свѣдѣнія о болѣзняхъ пустынь, которыя началъ собирать еще во время перваго путешествія *).

Одною изъ самыхъ главныхъ достопримѣчательностей Джебды считается ея обширный базаръ, подобный которому трудно встрѣтить даже въ большихъ городахъ Востока. Базаръ этотъ весь крытый, съ прекрасными сводами, дающими хорошую тѣнь, такъ необходимую въ городѣ, гдѣ даже зимой можно получить солнечный ударъ. Подъ полутемными сводами безчисленныхъ заокулковъ джебдскаго базара можно встрѣтить не только произведенія Аравіи и Египта, но даже Индіи и всего Востока. Базаръ приуроченъ къ разнообразнымъ вкусамъ всевозможныхъ поклонниковъ Мекки, а потому здѣсь встрѣчается и большое разнообразіе въ товарахъ. На джебдскомъ базарѣ нѣтъ предметовъ, поддѣланныхъ въ восточномъ вкусѣ для европейца, потому что этотъ послѣдній рѣдко заѣзжаетъ сюда; здѣсь все товары, предназначенные для ориенталовъ, а потому и представляющіе настоящія произведенія Востока во всемъ ихъ разнообразіи, яркости красокъ и оригинальности формъ и узора. Лучшій кофе Мокка, знаменитый Меккскій бальзамъ, благовонія Счастливой Аравіи и великолѣпные арабскіе кони, красный и черный кораллы, жемчугъ, перламутръ и др. главнѣйшія произведенія Аравіи здѣсь выставлены рядомъ съ прекрасными коврами и изящными металлическими издѣліями Востока. Всевозможныя роскошныя ткани, приготовляемыя въ Сири, Персіи и Египтѣ, разнообразныя по формѣ, рисунку и цвѣтамъ глиняныя издѣлія, инкрустированное перламутромъ и бирюзою оружіе, шитыя золотомъ одежды и кожи, роскошная сбруя и многія другія произведенія Востока соперничаютъ по своей оригинальности и красотѣ съ лучшими произведеніями Европы. Цѣлыми часами я бродилъ по базарамъ Джебды и не могъ налюбоваться на массу и разнообразіе выставленныхъ тамъ товаровъ. Одною выставкою великолѣпныхъ лошадей Неджеда въ караванъ-сараѣ Бенъ - Гассана можно наслаждаться въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Нигдѣ я не видалъ до сихъ поръ такихъ чудныхъ коней съ огненнымъ взоромъ, стальными мускулами и сказочнымъ изяществомъ формъ.

Кромѣ того, базары Джебды представляютъ цѣлый калейдоскопъ всевозможныхъ типовъ разнообразныхъ національностей Востока, и нигдѣ, даже въ Каирѣ и Стамбулѣ, нельзя встрѣтить такого множества всевозможныхъ представителей различныхъ уголковъ мусульманскаго Востока. Не говоря о представителяхъ Африки и передней Азіи, здѣсь встрѣчаются магометане Индіи, Китая, Меланезіи и Зондскихъ острововъ. Глядя на эту пеструю толпу всевозможныхъ почитателей Корана, начи-

*) Медико-фотографическія свѣдѣнія, собранныя мною въ поясѣ великихъ пустынь, изложены въ статьѣ «Болѣзни пустынь», В. Суд. Мед. и Общ. Гигіены, 1872 г.

наешь вѣрить во всемірное значеніе ислама и понимать, что многіе паломники Мекки изъ своего хаджіаджа являются съ приподнятымъ духомъ, проникнутыми сознаниемъ величія ислама и, какъ слѣдствіемъ того, съ идеею панисламизма.

Кромѣ базаровъ Джебды, достопримѣчательностью ея считается апокрифическая могила праматери Евы, которую правовѣрные мусульмане показываютъ недалеко отъ города въ видѣ продолговатаго большого могильнаго холма. Такъ какъ курганъ этотъ пользуется большимъ уваженіемъ не только у мѣстныхъ мусульманъ, но и у всѣхъ паломниковъ Мекки, то мы, не желая подвергаться оскорбленіямъ со стороны многочисленныхъ хаджей, пребывавшихъ въ то время въ Джебдѣ, ограничились лишь осмотромъ этой святыни издалека. На томъ же самомъ основаніи мы не пытались проникнуть ни въ одну изъ мечетей Джебды, хотя онѣ и представляютъ не мало интереснаго для туриста.

Бродя по различнымъ уголкамъ Джебды, мы посѣтили почти всѣ кварталы, раздѣленные по національностямъ ихъ обитателей. Только настоящіе хозяева города — арабы — живутъ по всей Джебдѣ, не скучиваясь въ группы. Всѣ же остальные національности, какъ пришлыя, имѣютъ свои особые кварталы. Пришельцы Индіи, турки, алжирцы, персіяне и чернокожіе такруры живутъ отдѣльными группами, иногда враждующими между собою, но сходящимися въ одномъ — въ вопросахъ наживы и эксплуатаціи различныхъ паломниковъ Мекки.



Трудно сказать, сколько проходит за годъ черезъ Джедду различныхъ хаджей. Хотя по официальнымъ, чисто фискальнымъ свѣдѣніямъ, число богомольцевъ за годъ не превышаетъ пятидесяти тысячъ, но, по словамъ нашего хозяина, ихъ проходитъ черезъ Джедду, *de facto*, около ста тысячъ, иначе не изъ чего было бы существовать обширнымъ базарамъ этого города, дѣлающимъ въ годъ не менѣе пятидесяти миллионъ рублей оборота. Въ официальное исчисленіе хаджей, между прочимъ, совершенно не входятъ женщины, которыхъ не мало провозятъ съ собою поклонники Мекки. Въ числѣ этихъ женщинъ, какъ мы уже говорили, ввозится подъ благовиднымъ предлогомъ масса невольницъ, продаваемыхъ въ Аравіи въ настоящее рабство. Кромѣ женщинъ, хаджи Судана привозятъ съ собою и настоящихъ рабовъ, которые до Суакима идутъ подъ названіемъ слугъ, а въ Джеддѣ и Меккѣ продаются, какъ товаръ. Значительная часть населенія города состоитъ изъ невольниковъ, въ свое время проданныхъ въ рабство, а затѣмъ освободившихся отъ своихъ господъ съ ихъ смертью или переходомъ въ исламъ.

Чтобы судить о всемъ разнообразіи типовъ и національностей, собирающихся въ Джеддѣ, надо не только побродить по базарамъ, но и полюбоваться отходомъ и приходомъ многочисленныхъ каравановъ, идущихъ въ Мекку и возвращающихся изъ своего хаджіаджа. Нигдѣ въ мірѣ не встрѣтишь зрѣлища болѣе оригинальнаго, калейдоскопа народностей болѣе разнообразнаго, какъ присутствуя при прохожденіи этихъ паломническихъ каравановъ. Въ нѣсколько минутъ здѣсь можно пересмотрѣть весь мусульманскій Востокъ въ живыхъ и типическихъ его представителяхъ, во всемъ разнообразіи его типовъ, одѣяній и культуръ. Это — цѣлая этнографическая выставка, которой никакое перо не въ состояніи описать; это настоящий микрокосмъ Востока, его отображеніе реальное и живое, составленное изъ многихъ отдѣльныхъ единицъ, но объединенное въ одно цѣлое подъ зеленымъ знаменемъ ислама... Изъ оконъ французскаго консульскаго дома я наблюдалъ не разъ за прибывающими и отправляющимися партіями хаджей и сравнивалъ ихъ съ тѣми паломниками, которыхъ видалъ въ Иерусалимѣ, спѣшившими къ Гробу Основателя религіи міра и любви. Не фанатизмъ и нетерпимость по отношенію къ иновѣрнымъ, какъ у поклонниковъ Мекки, были написаны на лицахъ и во взорахъ паломниковъ Святаго Града, а всепрощающая любовь, кротость, смиреніе и духовная радость свѣтилась въ ихъ очахъ. Передъ моими глазами въ Джеддѣ двигалась толпа послѣдователей воинственной религіи, готовой до сихъ поръ съ мечемъ въ рукахъ просвѣщать міръ кораномъ и надѣющейся рано или поздно на такое завоеваніе; она шла на богомолье съ дикими воинственными кликами подъ знаменемъ борьбы, съ сверкающими отъ изступленія взорами, и возвращалась оттуда еще болѣе нафанатизированною и полною надежды на скорое покореніе міра исламу. Совсѣмъ иначе, припоминалось мнѣ, приближались къ Святому Граду толпы христіанскихъ паломниковъ, шедшія туда съ бременемъ сомнѣній и внутренней борьбы и возвращавшіяся отъ Гроба Христа облегченными отъ душевной тяготы, съ просвѣтленными взорами и еще большимъ смиреніемъ въ сердцахъ. Высокій прообразъ смиренныхъ галилейскихъ рыбарей, уловлявшихъ въ свои сѣти весь міръ,

былъ рѣзкою антитезою послѣдняго мусульманскаго пророка Махди, который долженъ мечемъ покорить исламу всѣ народы земные. Грядущій побѣдитель, Мессія евреевъ и Махди ислама, столь рано народившійся въ Суданѣ, немислимы теперь въ мірѣ, уже покоренномъ кротостью и любовью всепрощающаго Христа. Слѣдя за партіями богомольцевъ, отправляющихся въ Мекку, отстоящую отъ Джебды всего въ какихъ-нибудь ста верстахъ или двухъ-трехъ дняхъ караваннаго пути, я рвался всею душою пойти за ними къ колыбели ислама, взглянуть на знаменитый черный камень—Каабу, святой источникъ Земземъ, священную гору Арафатъ, долину жертвоприношеній—Муна и гробницу Магомета. Мнѣ хотѣлось прослѣдить эту толпу мусульманскихъ хаджей во все время ихъ паломничества, видѣть ее на самомъ мѣстѣ величайшихъ святынь ислама и сравнить ее съ христіанскими паломниками, которыхъ еще недавно наблюдалъ въ Иерусалимѣ и другихъ уголкахъ святой земли. Но Мекка до сихъ поръ недоступна христіанамъ, а тѣ немногіе европейцы, которымъ удалось побывать тамъ переодѣтыми среди хаджей, знали слишкомъ хорошо Востокъ, языкъ, нравы и обычаи арабовъ, чтобы я могъ имъ подражать. Съ безотчетною грустью и полный какого-то неудовлетворенія, я на третій день пребыванія въ Джебдѣ покидалъ ее для того, чтобы плыть отъ береговъ Аравіи снова къ берегамъ Африки, къ морскимъ воротамъ Абиссиніи, нынѣ знаменитой Массовѣ, спорному яблоку между Италією, Турцією и Габешемъ (Абиссинією).

Переходъ отъ Джебды до Массовы совершается въ нѣсколько дней, причемъ пароходъ снова пересѣкаетъ поперекъ все Красное море и идетъ цѣлымъ архипелагомъ его острововъ, сосредоточенныхъ преимущественно въ южной части, вблизи Бабъ-эль-Мандебскаго пролива. Чѣмъ южнѣе подвигались мы, тѣмъ ощутительнѣе, не смотря на весенніе мѣсяцы, дѣлались жара и духота, отъ которой томятся сами туземцы при переѣздахъ по Красному морю. Слабое дуновеніе муссона, заходящаго и въ Черное море, мало освѣжаетъ горячій воздухъ, пропитанный тяжелыми солеными испареніями, но зато замѣтнѣе выступаетъ вліяніе раскаленной пустыни. Со стороны Аравіи и Египта пышутъ зноемъ и несутся воздушныя теченія со взвѣшенными облаками мелкой пыли, застилающими солнце и горизонтъ. Временами небо принимаетъ зловѣщій багровый оттѣнокъ, въ воздухѣ чувствуется какая-то страшная истома, недвижимое море лѣниво колыхается, какъ растопленная масса металла. Ждемъ грозы, урагана или какого-нибудь катаклизма, какъ избавленія отъ мучительной духоты, и не можемъ дождаться ничего... По прежнему лѣниво колыхается темно-голубое небо, а раскаленный воздухъ трепещетъ надъ водяною пустынею. Порою проходишь скалистыми островами, и еще тяжелѣе становится при видѣ этихъ раскаленныхъ каменныхъ громадъ, на которыхъ играютъ лишь свѣто-тѣни, но нѣтъ и признака растительной или животной жизни. Только стаи морскихъ птицъ рѣшаются останавливаться на этихъ уголкахъ ада, какъ называетъ подобные острова нашъ почтенный капитанъ, но и онѣ, немного отдохнувъ, спѣшатъ улетѣть подалѣе отъ раскаленныхъ каменныхъ громадъ, опущенныхъ своимъ основаніемъ прямо въ темное море... Только могучая жизнь морской глубины кипитъ въ безднахъ безконеч-

наго моря. По тѣмъ сравнительно немногимъ проявленіямъ жизни, которыя выступаютъ на поверхность, мы отчасти догадываемся о томъ колоссальномъ развитіи жизни, которая кишитъ въ бездонной глубинѣ... Нѣсколько позднеѣ, плывя на небольшомъ арабскомъ суденышкѣ вдоль береговъ Каменистой Аравіи, мы могли воочию наблюдать все разнообразіе и роскошь жизни морской глубины, но съ палубы парохода намъ давали понятіе о ней лишь многочисленные крабы и медузы, всплывавшіе на поверхность, и чудное свѣченіе моря, отъ котораго мы не могли оторваться цѣлыми часами въ томительныя, душныя ночи, проведенныя среди Краснаго моря.

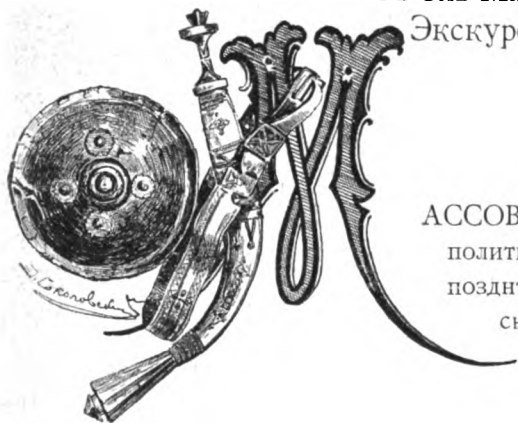
Мы прошли на пути къ Массовѣ цѣлый архипелагъ коралловыхъ острововъ Долакъ, нынѣ обитаемыхъ лишь скуднымъ населеніемъ арабскаго племени, а прежде имѣвшихъ порядочное торговое значеніе. Обитатели Долакскаго архипелага, почти лишеннаго растительности, должны снискивать свое пропитаніе въ морской глубинѣ, доставляющей здѣсь смѣлкамъ самые драгоценные свои дары... Кораллы, разноцвѣтныя раковины, жемчугъ и перламутръ въ обиліи встрѣчаются въ этой части Краснаго моря. Но надобны вся смѣлость и искусство Долакскаго водолаза, чтобы доставать ихъ со дна со страшнымъ рискомъ—встрѣтиться съ прожорливою акулою или задохнуться въ морской глубинѣ. При своемъ проѣздѣ мимо Долакскихъ острововъ, которые приходится проходить довольно близко, мы видали десятки рыбацкихъ судовъ, наполненныхъ водолазами, которые занимались своимъ опаснымъ ремесломъ...



Глава XIX.

Массова.—Переходъ на французскій пароходъ.—Мимо вулкановъ. — Бабъ-эль-Мандебскій проливъ. — Перимъ. — Обокъ.—

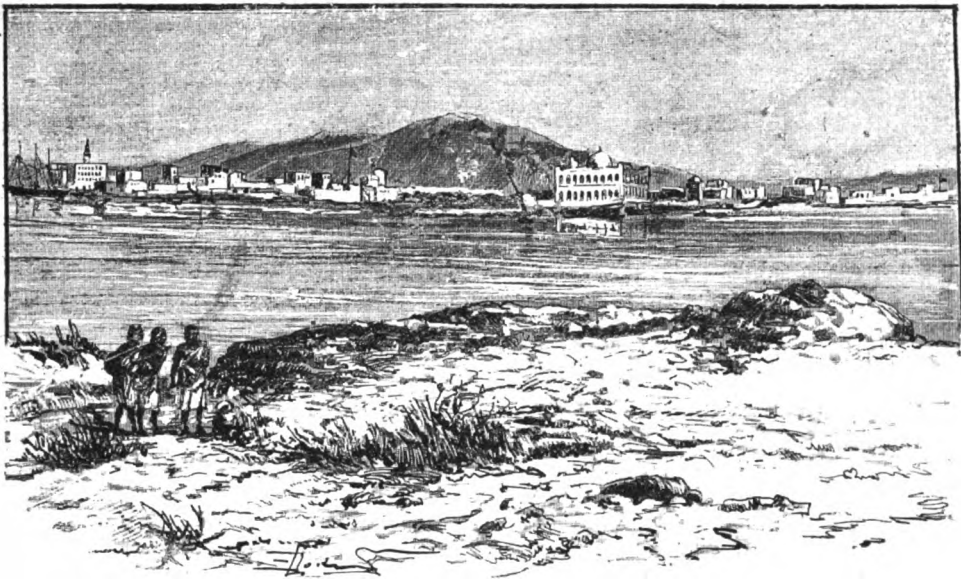
Экспедиція въ городъ. — Среди данакилей. — Прощаніе съ Обокомъ.



АССОВА начала 1883 г. далеко не имѣла того громкаго политическаго значенія, которое она получила нѣсколько позднѣе, благодаря оккупациі ея итальянцами и абиссинской войнѣ. Находясь въ глубинѣ небольшого залива, на крошечномъ коралловомъ островкѣ, Массова производитъ самое унылое впечатлѣніе, которое усиливается еще безотраднѣею карти-

ною окружающею мѣстности, лишенной всякой растительности и представляющей настоящую пустыню. Когда мы впервые увидали бѣлую кучку домовъ, какъ-то внезапно выросшую на синевѣ моря и упирающуюся здѣсь въ желтоватую цѣпь обнаженныхъ холмовъ, то намъ не хотѣлось и вѣрить, что мы видимъ Массову, единственную гавань обширнаго Абиссинскаго плато. Небольшой городокъ, занимающій не болѣе половины крошечнаго острова, безъ всякаго признака растительности, показался намъ слишкомъ недостойнымъ своей значительной роли, и мы съ не особенною охотою съѣзжали на берегъ для осмотра городка. При ближайшемъ знакомствѣ съ Массовой первое впечатлѣніе почти не изгладилось, и мы въ послѣдствіи просто недоумѣвали, какъ это итальянцы могли избрать такой ничтожный городокъ, лишенный зелени и воды, своею операционною базой для борьбы съ воинственнымъ Габешемъ.

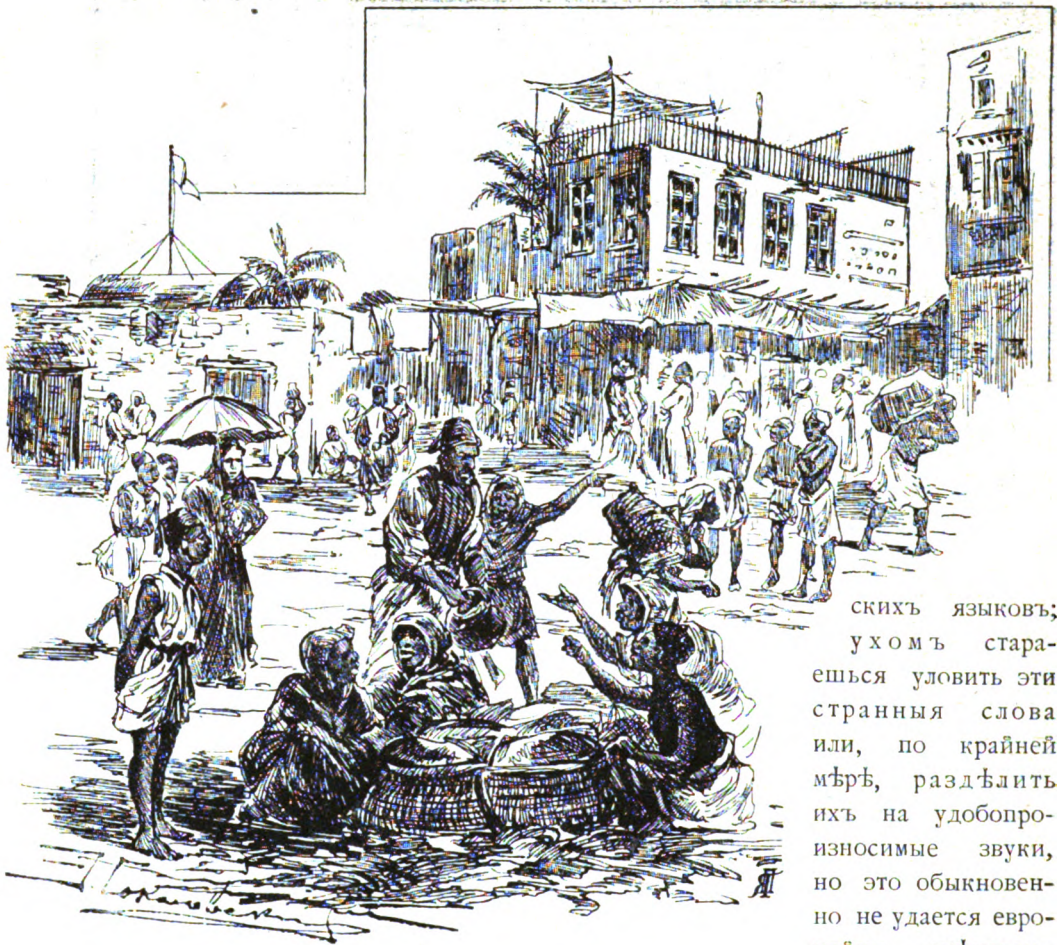
Кучка каменныхъ домиковъ, въ числѣ которыхъ замѣтнѣе выступаютъ домъ губернатора, казарма, тюрьма и нѣсколько фортовъ, прикрываютъ со стороны моря цѣлый городъ убогихъ лачужекъ и шалашей, на половину выстроенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей, цыновокъ и соломы. Самый базаръ, занимающій середину города, не великъ и не заслуживаетъ никакого вни-



Массова.

манія, особенно послѣ роскошнаго Джелдскаго базара. Мы остановили особое вниманіе только на грандіозномъ водопроводѣ, проведенномъ изъ горъ и ведущемъ воду въ цистерны Массовы, не имѣющей, собственно говоря, ни одной капли воды. Такою же грандіозною для Массовы постройкою является и каменная дамба, устроенная египтянами для соединенія города съ материкомъ на протяженіи болѣе версты. Одною изъ достопримѣчательностей Массовы является также невзрачная мечеть, бывшая прежде христіанскою церковью и построенная, по преданію, св. Фрументіемъ, просвѣтителемъ Абиссиніи. Видъ этой мечети, въ общемъ, въ настоящее время очень слабо напоминаетъ архитектуру абиссинскихъ церквей.

Бродя по улицамъ Массовы и, преимущественно, по набережной и большой улицѣ базара, на которыхъ сосредоточивается вся жизнь этого торговаго городка, я сразу замѣтилъ, что нахожусь уже не въ египетскомъ и не въ арабскомъ центрѣ населенія. Хотя стиль каменныхъ построекъ еще былъ арабскій, хотя арабская рѣчь слышалась повсюду и арабы составляли значительную часть населенія Массовы, но уже во всемъ чувствовалась близость другого политическаго и культурнаго центра. Въ обычаяхъ и костюмахъ уже замѣчалась разница; другая толпа наполняла улицы: темнокожій элементъ преобладалъ, и самые интересы населенія имѣли мало общаго съ египетскими, несмотря на присутствіе египетскаго гарнизона и египетскаго флага, развѣвавшагося надъ фортами Массовы. Стройные абиссинцы, галасы, сомали, богосы и представители другихъ народностей, тяготеющихъ не къ Египту, а къ Абиссинскому плато, въ ихъ оригинальныхъ прическахъ и одѣянїяхъ, съ невиданнымъ оружіемъ и украшениями, расхаживали по улицамъ и базару Массовы, придавая ей характеръ, совершенно отличный даже отъ того, который отличаетъ Ассуанъ, Суакимъ и другіе города Судана. Среди гортанной арабской рѣчи, къ которой такъ привыкаешь на Востокѣ, слышатся звуки чуждыхъ варвар-



Улица Массовы.

скихъ языковъ; ухомъ стара- ешься уловить эти странныя слова или, по крайней мѣрѣ, раздѣлить ихъ на удобопр- износимые звуки, но это обыкновен- но не удастся евро- пейцу, имѣющему слишкомъ мало буквъ въ своемъ

алфавитѣ. На базарѣ Массовы мы видѣли нѣсколько львиныхъ шкуръ, рога носорога и различныхъ антилопъ, различное оружіе жителей Габеша, кое- какія металлическія и глиняныя издѣлія, привезенныя изъ глубины Абиссиніи, и красивыхъ бѣлыхъ осликовъ и муловъ.

Въ Массовѣ, къ сожалѣнію, намъ не пришлось провести даже дня. Поэтому мы ограничились только наблюденіемъ разгружавшагося каравана, только что пришедшаго изъ Абиссиніи, въ сопровожденіи цѣлаго отряда погонщиковъ, съ длинными завитыми волосами, живописно драпировавшихся въ свои бѣлыя тоги. Одинъ изъ этихъ погонщиковъ по пути въ Массову убилъ льва и шкуру его, какъ побѣдный трофей, подостлалъ на спину мула, на которомъ и вѣзжалъ важно въ Массову.

Въ день нашего прибытія въ Массову, въ гавани или, можно сказать, каналѣ, который образуется между островомъ и материкомъ, стояло по меньшей мѣрѣ до тридцати небольшихъ арабскихъ судовъ. Всѣ эти суда грузились кофе, золотомъ, слоновю костью, шкурами, масломъ, куссо, бѣлымъ воскомъ и другими произведеніями Габеша. Среди этихъ лодченокъ выдѣлялся, подобно гиганту, большой французскій пароходъ, шедшій въ



Типы жителей Массовы.

Обокъ, Адень, а затѣмъ вдоль западнаго берега Африки до Мадагаскара. Видъ этого парохода, разводившаго свои пары, породилъ во мнѣ быстро созрѣвшее рѣшеніе немедленно перейти на него и воспользоваться рѣдкимъ въ то время случаемъ заѣхать въ Обокъ, новую колонію французовъ, которая меня интересовала болѣе Массовы.

Не прошло и часу, какъ мелькнула въ моей головѣ эта мысль, и я уже со всѣмъ своимъ несложнымъ имуществомъ всходилъ на палубу французскаго парохода, а еще черезъ часъ—уже покидалъ не понравившуюся мнѣ Массову. Бросая послѣдній взоръ на этотъ ничѣмъ тогда не замѣчательный пунктъ, на небольшіе береговые холмы, шедшіе на соединеніе съ могучими массивами Эіонскаго плато, и на кучку арабскихъ судовъ, пріютившихся въ гавани древняго Сабайтикона, я и не думалъ, что не пройдетъ и года, какъ ничтожная Массова будетъ приковывать вниманіе всего цивилизованнаго міра, и что Италія поставитъ въ ней базисъ для своихъ военныхъ операций противъ Абиссиніи, этого африканскаго Кавказа, населеннаго десятью милліонами отчаянныхъ горцевъ.

Обогнувъ островъ Нору, одинъ изъ Долакскаго архипелага, мы вышли снова въ море, придерживаясь больше его середины. На этотъ разъ небольшой прохладящій вѣтерокъ тянулъ съ сѣвера и освѣжалъ удушливую атмосферу моря. Поэтому мы чувствовали себя очень хорошо, тѣмъ болѣе, что небольшая компанія французовъ, направлявшаяся въ африканскія колоніи, была не таковскою, чтобы дать намъ скучать. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ былъ сотрудникомъ извѣстнаго Солелле въ приобрь-

тени Франціею земель Обока и Таджурахской бухты и потому отъ него мы слышали много интереснаго объ этомъ недавнемъ эпизодѣ, имѣвшемъ нѣкоторое сходство съ нашею Ашиніадою. Французъ предлагалъ мнѣ остаться на нѣкоторое время у него въ Обокѣ и сдѣлать небольшую экскурсію въ горы Абиссиніи, но на это заманчивое предложеніе я принужденъ былъ отвѣчать отказомъ. Это не помѣшало мнѣ записать нѣкоторыми небезполезными свѣдѣніями о части Эіопіи, прилегающей къ берегу Обока и Таджуры.

На своемъ пути мы прошли много острововъ и островковъ вулканическаго и коралловаго происхожденія. Несмотря на различную форму и величину, всѣ они представлялись скалистыми клочками суши, вкрапленными въ теплыя воды Краснаго моря. Обнаженные, лишенные всякой растительности, раскаляемые лучами вѣчно палящаго солнца, они казались совершенно непригодными для жизни и обитанія въ нихъ человѣка. Мы удивились поэтому, когда услышали, что на нѣкоторыхъ этихъ «уголкахъ ада» имѣется небольшое постоянное населеніе. Нѣсколько арабскихъ лодченокъ съ косыми парусами, приткнувшись къ грудамъ камней, украшающихъ берега этихъ островковъ, какъ-бы подтверждали истину этихъ словъ. На прибрежныхъ камняхъ одного острова намъ показывали остовъ разбитаго парохода; по словамъ капитана, то было небольшое торговое судно, производившее свою торговлю съ восточно-африканскими берегами. Потерпѣвши крушеніе въ Красномъ морѣ, оно было прибито къ берегамъ этого островка, причемъ очутилось въ печальномъ положеніи, безъ воды и съѣстныхъ припасовъ. Изъ этого отчаяннаго положенія несчастныхъ мореплавателей вывели пираты Краснаго моря, обитающіе на нѣкоторыхъ островкахъ; они перебили оставшійся въ живыхъ экипажъ и ограбили все, что можно было стащить съ разбитаго парохода. Когда подошли къ мѣсту крушенія англійская канонерка съ Перима и казенный египетскій пароходъ, они могли только констатировать слѣды происшедшей драмы.

Между прочими островками мы прошли знакомый всѣмъ капитанамъ судовъ островокъ Джебель-Теиръ, представляющій единственный дѣйствующій вулканъ Краснаго моря. Красивый конусъ его, состоящій изъ лавы, шлаковъ и пепла, высится болѣе чѣмъ на сто саженъ надъ поверхностью моря. Когда мы проходили мимо Джебель-Теира, конусъ его слегка дымился; по ночамъ, говорятъ, тогда виднѣлся и огонь, выходящій изъ вулкана. При недавнемъ прохожденіи нашего парохода, по словамъ капитана, изъ конуса Джебель-Теира вылетали небольшіе камни и масса пепла, и вытекала лава.

Ближе къ Бабъ-эль-Мандебскому проливу намъ встрѣтились другіе, уже потухшіе вулканы на островахъ Цукуръ, Дзебаиръ и Ганише, поражающихъ безжизненностью и мертвеннымъ видомъ своихъ раскаленныхъ скалъ. Капитанъ рассказывалъ намъ много исторій о прежнихъ подвигахъ корсаровъ Краснаго моря, свирѣпствовавшихъ въ немъ не только до открытія Суэцкаго канала, но и въ первое время открытія великаго пути черезъ Черное море. Чѣмъ дальше подвигались мы къ югу, тѣмъ болѣе чувствовалось приближеніе къ океану; его могучее, освѣжающее дыханіе, про-



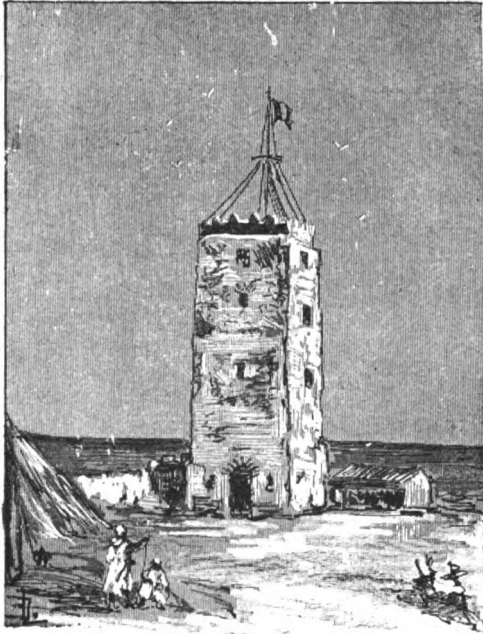
О б о к ъ .

рывавшееся через широкія ворота Бабъ-эль-Мандебскаго пролива, оживило насъ, и мы съ удовольствіемъ вдыхали настоящую атмосферу моря, приносившуюся по временамъ съ океана, вмѣсто удушливаго и теплаго воздуха Краснаго моря. Мало-по-малу на обоихъ горизонтахъ стали вырисовываться каменные громады, указывавшія на приближеніе къ проливу: Азія и Африка сходились здѣсь между собою, отдѣляясь на нѣскольکو верстъ; островокъ Перимъ, одно изъ самыхъ ужасныхъ мѣстъ въ мірѣ для обитанія человѣка, запирающій Бабъ-эль-Мандебъ, является нейтральнымъ клочкомъ земли между обоими материками.

Нашъ пароходъ прошелъ мимо Перима, и мы не ощутили ни малѣйшаго сожалѣнія о томъ, что намъ не удалось высадиться на этомъ печальномъ островкѣ. Подобно другимъ вулканическимъ островамъ Краснаго моря, Перимъ состоитъ изъ массы черной и красной лавы, облегающей огромный кратеръ нѣкогда выступавшаго изъ моря, нынѣ потухшаго вулкана. Съ борта парохода мы хорошо разсмотрѣли небольшую группу каменныхъ домовъ, образующихъ селеніе, большія казармы, форты, разсыпанные по окраинамъ вулканическаго кратера, большой стаціонеръ, качавшійся передъ батареями Перима, и нѣскольکو арабскихъ судовъ, дремавшихъ въ тихой бухтѣ, закрытой отъ волнъ океана. Съ Перима слышались звуки сигнальныхъ рожковъ, будившіе тишину окружающихъ морей, а съ англійскаго парохода доносилсь звуки національнаго гимна, которымъ скучающіе моряки провожали засыпающій день. Заходящее солнце ярко освѣщало своими косыми лучами красноватые скалы Перима, и онѣ казались кровавыми горами, брошенными въ великолѣпную синеву моря...

За Перимомъ начинается уже Аденскій заливъ, часть Индійскаго океана. Едва успѣли мы пройти «Ворота Умиравшихъ», какъ называютъ арабы Бабъ-эль-Мандебскій проливъ, какъ въ воздухѣ замѣтно посвѣжѣло. Нашъ пароходъ уклонился къ африканскому берегу, и небольшія боковыя волны, рабѣгавшія съ океана, съ наступленіемъ ночи загорѣлись тысячами фосфорическихъ огней. Мириады свѣтящихся животныхъ заискрились на всей поверхности парохода; вмѣстѣ съ брызгами воды они залетѣли на палубу и на снасти нашего судна, превратили въ свѣтящуюся искрами влагу—воду, протекавшую по трубамъ и наполнявшую ванны, которыми мы освѣжились передъ тѣмъ, какъ ложиться отдыхать...

Рано утромъ, на зарѣ, мы были уже передъ Обокомъ. Едва первые лучи солнца выглянули изъ-за горизонта океана и загорѣлись на зубча-



Башня Солеллье.

высокая четырехугольная башня, съ развѣвающимся на ней французскимъ флагомъ, носитъ названіе башни Солеллье, по имени отважнаго путешественника, проложившаго дорогу французскому вліянію въ самую глубь Абиссиніи. Группа бѣлыхъ палатокъ, занимаемыхъ французскими солдатами, и, рядомъ съ ними, кучка убогихъ хижинъ туземцевъ являются своеобразнымъ дополненіемъ этой молодой колоніи, всего года полтора или два получившей болѣе или менѣе правильное развитіе... Прекрасная якорная стоянка, защищенная съ сѣвера и юга высокими скалами, а со стороны моря—коралловыми рифами, представляющими легкій проходъ даже для значительныхъ судовъ, близость Бабъ-эль-Мандебскаго пролива и большой торговой дороги судовъ, выгодное положеніе относительно богатаго Абиссинскаго плато и, наконецъ, многія удобства самой мѣстности,—все это дѣлаетъ Обоку одною изъ колоній будущаго Франціи. Основатель этой колоніи, французскій консулъ въ Адентъ Ламбертъ, думалъ сдѣлать Обокъ въ будущемъ серьезнымъ соперникомъ Адена, и многія условія, благоприятствующія этой колоніи, позволяютъ надѣяться, что Франція имѣетъ всѣ данныя въ Обокѣ, чтобы соперничать съ англичанами; нужно еще прибавить къ этому, что Обокъ находится болѣе близко къ Бабъ-эль-Мандебскому проливу и служитъ естественною гаванью для Южной Эіопіи и страны галласовъ и сомалей,—тогда какъ Адентъ, болѣе удаленный отъ выхода изъ Краснаго моря, является островомъ относительно окружающей его бесплодной страны. Трагическая смерть Ламберта, зарѣзаннаго туземцами, и Арну, перваго негодіанта Обока, также убитаго изъ мести послѣдними, не остановили французовъ,—и энергичный Солеллье успѣшно продолжалъ дѣло, начатое его предшественниками.

тыхъ вершинахъ Абиссинскихъ горъ, какъ мы бросили якорь передъ новою французскою колонією и приготовили лодку для того, чтобы съѣзжать на берегъ. Послѣ унылаго и безжизненнаго пейзажа, который мы видали возлѣ Коссейра, Суакима, Джедды, Массовы и Перима, окрестная природа, окружавшая крошечный Обокъ, показалась намъ живописною,—и глазъ, уставшій отъ созерцанія обнаженныхъ красножелтыхъ и багровыхъ скалъ Краснаго моря, могъ немного отдохнуть на группахъ мимозовыхъ деревьевъ, осыненныхъ пальмами, оживлявшими панораму Обока.

Самое селеніе Обокъ не велико, и нѣсколько небольшихъ каменныхъ домиковъ, занимаемыхъ управленіемъ колоніи и ея гарнизономъ, не могутъ придать ему вида города. Вы-

Онъ успѣлъ расположить въ свою пользу самого Менелика. Французы надѣются повернуть въ скоромъ времени на Обокъ старинную торговую дорогу, идущую изъ Внутренней Африки отъ Нила и Страны великихъ озеръ черезъ земли Шоа, Амхара, Сомали и Галла, и доставляющую къ берегамъ моря слоновую кость, шкуры, кофе, хлопчатникъ, индиго, табакъ, строевой лѣсъ, сахарный тростникъ, благовонія, куссо, сезамъ и др. продукты Африки.

Уже въ 1883 г., несмотря на слабое развитіе дѣятельности Обока, мы видѣли нѣсколько каравановъ, пришедшихъ изъ глубинъ страны и разгрузившихъ свои товары въ факторіи Арну. Жемчугъ, кораллы, черепаха, перламутръ и другія произведенія моря тоже появились на небольшомъ рынкѣ Обока, куда уже десять лѣтъ тому назадъ собирались толпы галласовъ, данакилей и другихъ кочевниковъ изъ ближайшихъ окрестностей съ продуктами своихъ стадъ. Мы думаемъ, что колонія много выросла съ 1883 года.

Такъ какъ въ Обокѣ намъ пришлось остаться цѣлыхъ двое сутокъ, до отправленія парохода въ Адень, то мы познакомились не только съ самымъ селеніемъ, но и ближайшими его окрестностями. Найдя пріютъ въ домѣ одного изъ служащихъ въ факторіи Арну, я, съ помощью своихъ добрыхъ спутниковъ, совершилъ небольшую поѣздку внутрь страны, верстъ на 10—15 отъ Обока. Небольшая долинка, на которой расположено самое селеніе, закрыта со стороны суши рядомъ невысокихъ скалъ и покрыта хорошею зеленью и группами пальмъ и мимозъ, которыя постепенно вырабаются, по мѣрѣ расширенія самого Обока. Кое-гдѣ въ этой береговой долинѣ, подъ сѣнью деревьевъ, виднѣются группы палатокъ, въ которыхъ обитаютъ туземцы подъ постояннымъ наблюденіемъ французскихъ солдатъ.

Далеко отлучаться отъ Обока въ то время было небезопасно: за недѣлю передъ нашимъ пріѣздомъ дикіе данакилы убили солдата, ушедшаго всего за версту отъ колоніи на охоту. Поэтому мы отправились въ окрестности Обока компаніею въ десять человекъ, хорошо вооруженныхъ. Черезъ часть пути отъ колоніи мы въѣхали уже въ очень пересѣченную мѣстность, образованную невысокими холмами, составляющими продолженіе береговой цѣпи возвышенностей. Небольшія долинки и склоны этой цѣпи были усѣяны прекрасными лѣсами, принимавшими уже тропическій характеръ. Птицы и насѣкомыя, сверкавшія яркими и блестящими красками, стадо газелей, промелькнувшее передъ нами и скрывшееся въ чащѣ, высокія пальмы, гордо поднявшіяся надъ красивою и пестрою зеленью,—все это уже напоминало близость экватора. Полуобнаженные, темнокожіе туземцы, вооруженные копьями и щитами, попадавшіеся намъ на пути, тоже показывали, что мы находимся уже между тропиками въ странѣ, не знающей холодной зимы. Мы посѣтили небольшое кочевье данакилей и были встрѣчены этими кочевниками въ ихъ шатрахъ такъ гостепріимно, что совѣмъ и забыли о томъ, что находимся въ гостяхъ у дикарей, убившихъ не одного европейца и ограбившихъ не одинъ караванъ. Данакилы стерегутъ дорогу отъ Обока до Абиссиніи и провожаютъ по ней караваны, уплатившіе имъ извѣстную дань. Одинъ изъ моихъ спутниковъ уговорился уже съ данакильскимъ вождемъ Махаго насчетъ безопаснаго проѣзда черезъ страну



Данакили.

данакилей въ южную Эіопію. Махаго этотъ былъ, какъ намъ говорили, извѣстнымъ волшебникомъ, имѣвшимъ сношенія съ міромъ духовъ и не рѣдко вызывавшимъ послѣднихъ къ себѣ на помощь. Искусно пользуясь знаніемъ явленій каталепсіи и гипнотизма, этотъ чернокожій волшебникъ приобрѣлъ значительную власть надъ окрестными племенами, но не злоупотреблялъ ею, какъ то дѣлаютъ другіе подобные Махаго реданто или колдуны. Недалеко отъ кочевья, въ одномъ изъ холмовъ была пещера, въ которой Махаго творилъ свои волшебства и гдѣ входилъ въ сношенія съ міромъ тѣней...

Въ шатрѣ стараго Махаго мы и заночевали, такъ какъ забрались довольно далеко отъ Обока, а возвращаться въ темнотѣ было небезопасно. Оставшись на ночлегѣ въ кочевьѣ данакилей мы,

разумеется, не могли спокойно заснуть и всю ночь ожидали нападенія со стороны вѣроломныхъ дикарей. Впослѣдствіи мы узнали, что страхи наши были напрасны: данакили, подобно другимъ кочевникамъ, настолько свято чтутъ обычай гостепріимства, что никогда не рѣшатся сдѣлать насиліе надъ гостями, тѣмъ болѣе, въ своихъ собственныхъ шалашахъ.

Первая ночь, проведенная среди чернокожихъ дикарей, прошла вполне спокойно, и рано утромъ, на зарѣ, въ сопровожденіи Махаго, мы отправились обратно въ Обокъ, куда и прибыли къ полудню. Къ вечеру мы, распрощавшись съ вновь приобретенными добрыми друзьями, сѣли уже на пароходъ, отправлявшійся на Адень, и покидали Обокъ...

Осматривая съ палубы парохода небольшое поселеніе французовъ, пріютившихся подъ защитою прибрежныхъ скалъ и ставшее по дорогѣ въ Абиссинію, я ощутилъ сильное желаніе попытаться когда-нибудь пройти черезъ Обокъ и землю Данакилей въ Южную Эіопію. Путешествіе это тогда не казалось мнѣ особенно труднымъ, особенно въ виду приобретенныхъ здѣсь знакомствъ. Но вотъ прошло уже десять лѣтъ, а мнѣ все-таки не удалось привести въ исполненіе давно задуманное желаніе. Прощаясь съ добрыми французами, такъ сердечно относившимися къ намъ и предлагавшими свою помощь на случай поѣздки въ Абиссинію, я не могъ и ожидать, что черезъ нѣсколько лѣтъ кучка русскихъ людей высадится на африканскій берегъ недалеко отъ Обока для того, чтобы завязать сношенія съ Абиссинією, и тѣ же французы будутъ разстрѣливать ее со своихъ броненосцевъ. Извѣстный атаманъ Ашиновъ былъ первымъ русскимъ, пробравшимся въ Эіопію черезъ Обокъ и предупредившимъ

мое желаніе, а поручикъ Машковъ пошелъ лишь по его свѣжимъ слѣдамъ. И въ то время, когда Ашинову было постановлено въ вину самое условіе на продажу земель возлѣ Сагалло, заключенное имъ съ султаномъ Таджурахскимъ, французъ Ламбертъ за 50,000 франковъ приобрѣлъ для Франціи весь берегъ Обока съ окружающею его территоріею. Я не видѣлъ Сагалло, облитаго недавно русскою кровью, но очень много слыхалъ о немъ, какъ о пунктѣ, который еще скорѣе Обока можетъ стать соперникомъ Адена.



Глава XX.

Аденъ. — Жизнь въ Аденѣ. — Панорама Адена ночью. — По Бабъ-эль-Мандебскому проливу. — Мокка. — Ходейдахъ. — Ханфудъ. — Снова въ Джеддѣ. — Ямбо.



Гѣ Обока до Адена съ небольшимъ сутки морского пути, и мы на другой же день къ ночи бросили якорь у морской пристани Адена, служившей пріютомъ еще для судовъ финикянъ. Мы не будемъ подробно описывать наружнаго вида Адена, уже описаннаго много разъ, и самого города, состоящаго изъ двухъ частей: туземнаго и англійскаго Адена. Значительная бѣлая масса построекъ города, пріютившагося у подножія массивныхъ скалъ, видна уже издали съ парохода, плывущаго по Аденскому заливу. За нѣсколько верстъ до Адена можно сказать, что то—городъ болѣе значительный, чѣмъ Массова, Суакимъ и даже Джедда, которые кажутся простыми селеніями сравнительно съ этою колонією англичанъ. Поставивъ собственно-англійскій городъ на островѣ, въ сторонѣ отъ туземнаго, расположеннаго на берегу, англичане тщательно укрѣпили природную крѣпость, состоящую изъ вулканическихъ скалъ и прикрывающую не только городъ, но и оба его порта. Аденскія укрѣпленія недаромъ сравниваются съ Гибралтарскими, а сильный гарнизонъ, постоянно занимающій ихъ, указываетъ на то значеніе, которое англичане придаютъ этому порту.

Десятки большихъ пароходовъ всѣхъ націй, отдыхающихъ передъ переходомъ Индійскаго океана или на пути въ Красное море, не говоря уже о массѣ болѣе мелкихъ арабскихъ судовъ, постоянно оживляютъ обѣ гавани Адена. Особенное оживленіе царитъ у западной, собственно морской пристани, гдѣ происходитъ все торговое движеніе Адена; сюда приходятъ и караваны изъ глубины Аравіи, сопровождаемые черными омириатами и привозящіе дары Счастливой Аравіи и Омана.



Аденъ.

Сойдя на берегъ и бродя по улицамъ Адена, мы не столько интересовались самимъ городомъ, не представляющимъ ничего особенно интереснаго, сколько любопытными типами его обитателей, по преимуществу индусовъ, сомалисовъ и выходцевъ изъ Средней Аравіи. Жизнь, можно сказать, кипитъ не только на базарѣ, но и на улицахъ и въ самой гавани Адена. На всемъ побережьѣ Краснаго моря, не исключая и Суэца, нѣтъ такого оживленія, какъ здѣсь, на обнаженной скалѣ, лишенной всякой растительности и вѣчно попяемой жгучими лучами солнца. Мы обошли англійскій и туземный города, издавѣка посмотрѣли на англійскія баттары, поставленныя на самомъ кратерѣ потухшаго вулкана, зашли въ нѣсколько европейскихъ магазиновъ и довольно внимательно осмотрѣли обширный базаръ Адена, наполненный, между прочимъ, роскошными дарами Краснаго моря, произведеніями обѣихъ Индій и Персидскаго залива.

Покончивъ съ городомъ, мы слѣдали верхомъ экскурсію къ знаменитымъ цистернамъ Адена, расположеннымъ за городомъ въ глубинѣ дикаго ущелья и напоминавшимъ намъ пруды Соломоновы, недалеко отъ Виелеема. Огромныя водохранилища, собирающія воду съ обширной площади, несмотря на свой колоссальный размѣръ, говорятъ, нерѣдко пустуютъ, и значительному городу приходится, для пополненія мутныхъ запасовъ воды, прибѣгать къ опрѣсненію морской воды. Яркіе пучки зелени, пробивающейся около цистернъ, составляютъ сильный контрастъ съ окружающими ихъ мертвыми и обнаженными скалами. Вся Аравія представляетъ подобные контрасты; вездѣ, гдѣ есть хотя небольшой родничекъ или струйка живой воды, изъ бесплодной каменистой почвы поднимается яркая зелень, пышно развивающаяся подъ тропическими лучами солнца. Великолѣпныя цистерны Адена слишкомъ часто были описаны, чтобы ихъ описывать вновь. Мы отмѣтимъ только, что въ нихъ, передъ нашимъ посѣщеніемъ въ 1883 г., былъ найденъ трупъ одного туриста, убитаго арабами при поѣздкѣ въ

ушелье цистернъ. Не только около Адена, но и въ самомъ городѣ, наполненномъ массою бездомнаго и бродячаго населенія, всякія преступленія— не рѣдкость, а потому многіе туристы не безъ основанія избѣгаютъ посѣщенія туземнаго города и, особенно, цистернъ, безъ хорошихъ и опытныхъ проводниковъ.

Жизнь и нравы обитателей Адена вообще представляютъ много интереснаго для наблюденій туриста. Въ этомъ отношеніи въ Азіи найдется немного такихъ городовъ, гдѣ для наблюдателя найдется столько благодарнаго матеріала. Хотя англійская власть и даетъ себя чувствовать подчасъ довольно тяжело различнымъ обитателямъ Адена и его окрестностей, тѣмъ не менѣе этотъ любопытный уголокъ Аравіи живетъ отчасти жизнью, общею съ этою послѣднею. Какъ ни хвалятся англичане своимъ режимомъ, но искры пламени, раздуваемаго порою въ Геджасѣ, долетаютъ и до туземнаго городка Адена и волнуютъ его обитателей. Во время нашего посѣщенія Адена, шейхъ-уль-исламъ разослалъ какую-то фэтху по всей Передней Азіи, и я видѣлъ самъ, какъ это посланіе главы ислама читали всенародно на улицахъ базара, и англійскіе полицмѣны не замѣтили подобнаго безпорядка.

Невесела жизнь въ Аденѣ, даже для англичанъ, умѣющихъ устраиваться повсюду на землѣ. Правда, дома зажиточныхъ англичанъ построены со всѣми приспособленіями для умѣренія зноя и доставленія прохлады и всякихъ удобствъ, но зной въ Аденѣ слишкомъ силенъ для того, чтобы его можно было избѣжать. Никакія сквозныя террасы, глухія жалюзи, даже вѣчно движущіеся панка (вѣера), приводимые въ колебаніе прислужниками, не избавляютъ не привыкшаго къ зною европейца отъ страшнаго изнеможенія. Особенно тяжело приходится, когда обстоятельства заставляютъ его, въ пору полуденной страды, двигаться по улицамъ города, накаленнымъ палящими лучами солнца и отражающимъ ослѣпительный блескъ отъ бѣлыхъ стѣнъ своихъ построекъ. Немудрено поэтому, что въ Аденѣ чаще чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Азіи, европейцевъ постигаютъ тяжелые солнечные удары. Частый недостатокъ въ хорошей водѣ, полное отсутствіе всякой зелени въ городѣ, культивируемой лишь съ огромнымъ трудомъ нѣкоторыми богатыми англичанами, и многія другія условія дѣлаютъ Аденъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ мѣстъ для обитанія изъ всѣхъ колоній англичанъ. Смертность и болѣзненность англійскаго гарнизона въ Аденѣ и количество самоубійствъ и преступленій, совершаемыхъ въ его средѣ, служитъ хорошимъ показателемъ того, какъ хорошо живетъ въ Аденѣ даже тѣмъ, кто не особенно обремененъ занятіями. Правда, Аденъ считается санаторіемъ для гарнизона Перима, но изъ этого сравненія одного пекла съ другимъ нельзя выводить особеннаго преимущества Адена. Что касается до меня, то, несмотря на короткое пребываніе въ этомъ городѣ и сравнительную привычку къ зною, я безъ всякаго сожалѣнія покинулъ Аденъ въ первое плаваніе по Индійскому океану, а во второе—прошелъ мимо него, не останавливаясь даже на часъ.

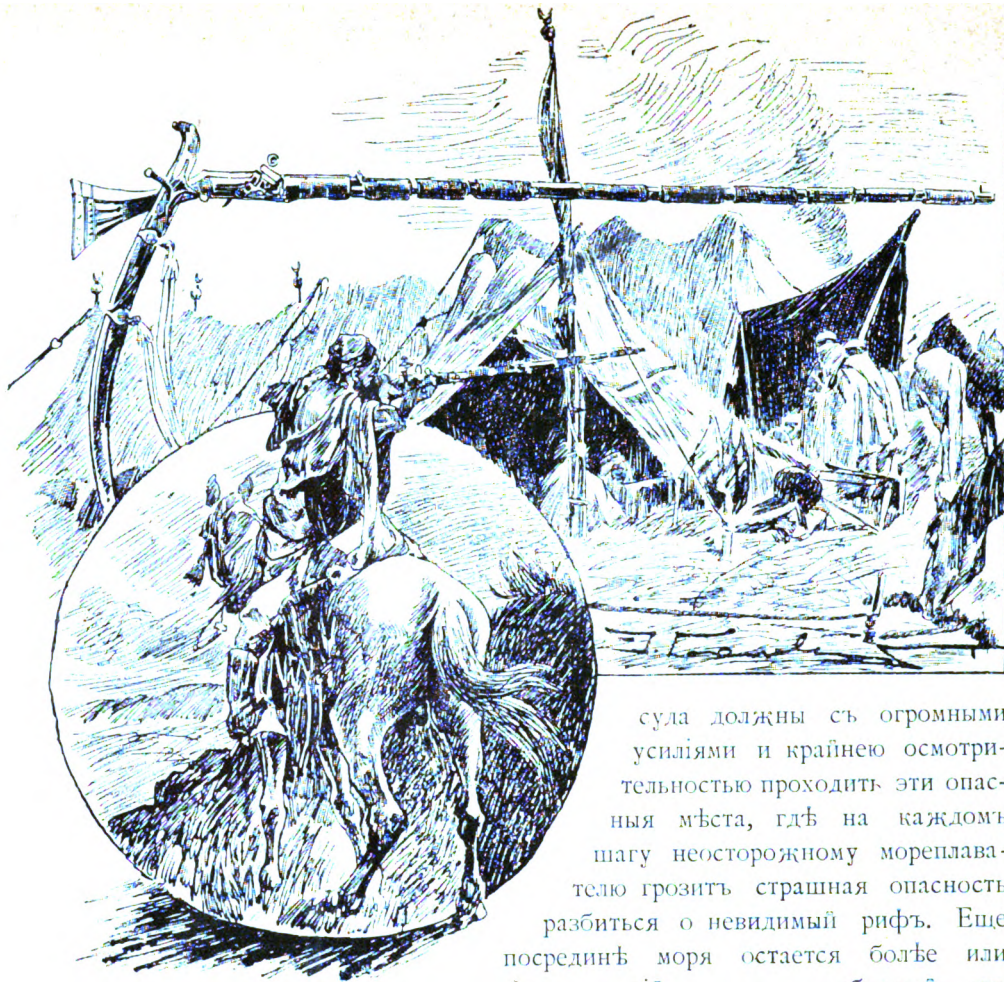
Въ Аденѣ мнѣ пришлось провести всего однѣ сутки, такъ какъ египетскій пароходъ, совершающій рейсы вдоль Аравійскаго берега, отправлялся на другой день. Къ вечеру того же дня, я забрался на палубу этого

парохода, отказавшись от всякаго намѣренія осмотрѣть разные вертепы, обыкновенно посѣщаемые европейскими туристами. Аденъ, подобно другимъ городамъ Краснаго моря, кишитъ разными кофейнями и другими увеселительными мѣстами, начиная отъ рулетки и кончая такими заведеніями, въ которыхъ не трудно получить хорошій ударъ кинжала въ бокъ, что и случается со многими любопытными европейцами несмотря на бдительность англійскихъ полицменовъ. Когда стемнѣло, съ англійскаго стаціонера слышались величественные звуки гимна, а затѣмъ цѣлый музыкальный концертъ, подь который пароходные офицеры отплясывали съ молоденькими леди и миссъ...



Видъ Адена, освѣщеннаго многочисленными огнями, въ темную ночь съ моря великолѣпенъ. Обширная панорама развѣртывается тогда передъ глазами. Сотни огней придають разбросанному городу, расположенному отчасти террасами, довольно обширные размѣры, еще болѣе увеличиваемые многочисленными огнями, сверкающими на бортахъ и мачтахъ судовъ. При слабомъ отсвѣтѣ этихъ огней бѣлая постройка Адена придають ему видъ сказочнаго города, который кругомъ запирають мрачныя скалы, принимающія какія-то чудовищныя формы. Великолѣпное южное небо, сверкающее тысячами яркихъ звѣздъ, и сонный океанъ, въ которомъ отражаются многочисленные огни города, дополняютъ эту обширную панораму. Съ берега доносится глухой гулъ неуспокоившейся жизни большого города, шумъ людской толпы, высыпавшей на улицы подышать вечернею прохлагою, а по другую сторону нашего парохода разстилается безбрежный океанъ, на которомъ лишь порою слышатся всплески весель пльвущей арабской ладьи, выбивающихъ изъ воды цѣлые снопы фосфорическаго сіянія.

Отъ Адена мы вошли снова въ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ и поплыли вдоль Аравійскихъ береговъ; скоро мы прошли знакомыя намъ группы острововъ южнаго отрѣзка Краснаго моря, миновали Ханишъ, Джебелъ-Джебаиръ и Джебелъ-Цукуръ. Возлѣ послѣдняго мы встрѣтили цѣлую флотилію арабскихъ парусныхъ судовъ, занимавшихся ловлею рыбы и добычею тюленей или морскихъ коровъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ встрѣча съ подобною флотиліею могла быть роковою для торговаго судна, потому что опытные корсары умѣли перехватывать даже паровыя суда. Развитію корсарства въ этихъ водахъ много способствовало и то обстоятельство, что значительная часть моря здѣсь наполнена банками и коралловыми рифами, образующими подь водою цѣлый архипелагъ острововъ. Большія



суда должны съ огромными усилиями и крайнею осмотрительностью проходить эти опасныя мѣста, гдѣ на каждомъ шагу неосторожному мореплавателю грозитъ страшная опасность разбиться о невидимый рифъ. Еще посрединѣ моря остается болѣе или менѣе широкій каналъ, свободный отъ

коралловыхъ построекъ, и большая торговая дорога судовъ, проходитъ по этому фарватеру; но ближе къ берегамъ, гдѣ плаваютъ преимущественно небольшія арабскія суда, самые опытные кормчіе могутъ запутаться въ этомъ лабиринтѣ безчисленныхъ подводныхъ сооружений, видоизмѣняющихся не только по годамъ, но даже по мѣсяцамъ.

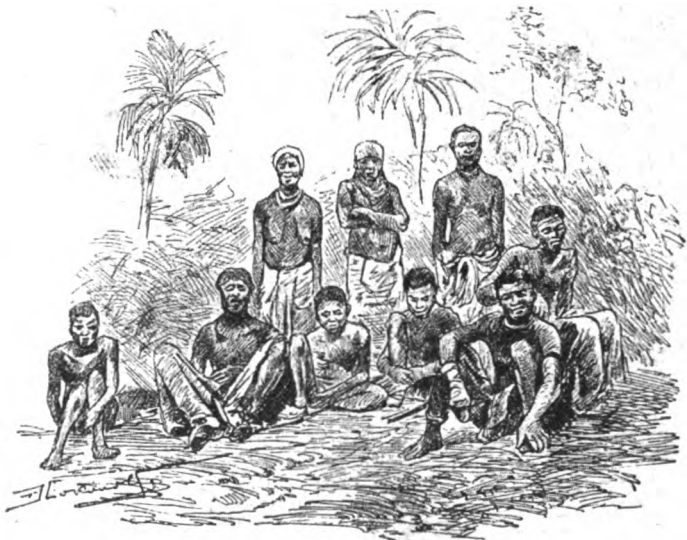
Вдоль всего Аравійскаго берега Краснаго моря идетъ сплошная гряда коралловыхъ рифовъ, уходящая далеко отъ моря и отграничивающая прибрежную полосу, защищенную отъ морскихъ волнъ, въ которой такъ любятъ плавать небольшія арабскія суда. Эта линія коралловыхъ построекъ, прерываемыхъ во многихъ мѣстахъ каналами и проливами, называется Цѣпью или Шэбъ. За этою-то труднодоступною для значительныхъ судовъ грядою и прятались прежде многочисленные корсары и продавцы живого товара, грузившіе невольниковъ на берегахъ Нубіи, Абиссиніи и Египта. Крейсерство англійскихъ и египетскихъ военныхъ канонерокъ, проникавшихъ въ самые глухіе притоны пиратовъ, мало-по-малу уничтожало корсарство, но далеко не прекратило торговли живымъ товаромъ, которая какъ мы видали въ 1881 г. на берегахъ Акабинскаго залива, еще процвѣтаетъ на Аравійскомъ побережьи Чермнаго моря.

Египетскій пароходъ заходилъ на своемъ пути на нѣсколько часовъ во многіе порты Аравіи. Но всѣ они ничтожны и, за исключеніемъ Ходейдаха, представляютъ небольшіе городки, приходящіе въ постепенный упадокъ. Первою нашею остановкою была знаменитая своимъ кофе Мокка, черезъ шэбъ которой мы еле пробрались, и то черкнувши

килемъ о неизвѣстный рифъ. Довольно сильное волненіе и недостатокъ времени не позволяли намъ высадиться въ Моккѣ, и намъ оставалось любоваться ею издали. Высокія и массивныя стѣны скрываютъ городъ довольно значительныхъ размѣровъ. Изъ общей ограды возвышаются нѣсколько многоэтажныхъ построекъ, два-три купола и нѣсколько тяжеловѣсныхъ минаретовъ... Какія-то развалившіяся постройки внѣ городской стѣны на самомъ берегу придаютъ Моккѣ видъ древняго города, пережившаго свое славное прошлое и потерявшаго свое прежнее значеніе. Съ возвышеніемъ Адена вся торговля Іемена пошла черезъ этотъ послѣдній, а Мокка, какъ и другіе порты его, упала и едва-ли когда-нибудь вернетъ свое значеніе. Самыя зубчатыя стѣны города обрушиваются, башни отчасти разобраны, а многіе дома среди города стоятъ запертые по недостатку жителей или превращаются въ не поддерживаемыя никѣмъ развалины. Зелени около города вилно мало, но недалеко отъ него, на синѣющихъ горахъ, капитанъ показалъ намъ мѣсто однихъ изъ лучшихъ плантацій знаменитаго Мокк-скаго кофе. Нѣсколько тюковъ этого драгоцѣннаго продукта принялъ на свою палубу и нашъ пароходъ, но самая ничтожность погруженнаго въ Моккѣ товара показываетъ, насколько упало значеніе этого прежде богатаго и знаменитаго города.

Въ противоположность Моккѣ, стоящій недалеко отъ нея къ сѣверу Ходейдахъ уже издали имѣетъ видъ значительнаго города и торговой гавани. За городскими стѣнами высятся красивые большіе дома, обширныя казармы и довольно вмѣстительный базаръ, гдѣ можно познакомиться со всѣми продуктами Іемена. Передъ городомъ почти всегда стоятъ египетскій стационаръ и масса небольшихъ арабскихъ судовъ. Самые пароходы, неохотно заходящіе въ Мокку, всегда хоть на нѣсколько часовъ останавливаются въ Ходейдахъ. Со времени недавнихъ волненій въ Аравіи этотъ приморскій портъ превратился отчасти въ военный городъ; здѣсь всегда стоитъ довольно значительный гарнизонъ, служащій для подкрѣпленія отряда, расположеннаго въ Санѣ—столицѣ Іемена. Благодаря оживленнымъ сообщеніямъ Ходейдахъ съ главными пунктами Южной Аравіи, и выросъ этотъ городъ, собственно говоря, не представляющій даже порядочной гавани.

Мы высадились въ Ходейдахъ всего на нѣсколько часовъ и, несмотря на то, каймакамъ города потребовалъ, чтобы мы зашли въ его селамликъ или присутственное мѣсто, предъявили свой паспортъ и обязались не записывать и не срисовывать ничего въ городѣ. Для наблюденія за нами было командировано два полицейскихъ и мы такимъ образомъ гуляли по



городу подъ усиленною охраною, что было, быть можетъ, и небезполезно, такъ какъ населеніе Ходейдаха, повидому, очень неблагоклонно относится къ европейцамъ. Крики: «гяуръ», «кафиръ», «келбъ» (собака) и др. слышались повсюду при моемъ проходѣ. Въ одномъ мѣстѣ изъ глухого переулка базара въ насъ полетѣлъ даже камень, пущенный невѣдомою рукою. Проявленія такой слѣпой непріязни къ европейцу мы до сихъ поръ еще не встрѣчали на Востока, даже въ Джебдѣ, среди ея фанатическаго населенія. Въ виду такой непріязненной встрѣчи намъ не удалось познакомиться даже съ интересовавшими насъ типами бедуиновъ Южной Аравіи, представляющими нѣкоторыя отличныя черты отъ изученныхъ нами арабовъ Египта, Палестины и Синайскаго полуострова. Потомки древнихъ омиритовъ или сабеевъ, покрывшихъ своими надписями скалы Іемена и Гадраута, обитатели окрестностей Ходейдаха представляютъ довольно смѣшанный типъ съ примѣсю не только негритянскаго, но и бѣлокурого типовъ. Одна изъ женщинъ, встрѣченная мною при высадкѣ и изъ любопытства открывшая свое лицо, имѣла такой бѣлый цвѣтъ кожи, что можно было подумать, что то была не аравитянка, а европейка. Ходейдахъ, несмотря на присутствіе сильнаго египетскаго гарнизона, до сихъ поръ насчитываетъ среди своего населенія массу вагабитовъ или послѣдователей Мухаммеда эль-Вагаба, которые образовали въ началѣ этого столѣтія обширное царство въ Аравіи. Свое недостаточное знакомство съ Ходейдахомъ мы дополнили уже на пароходѣ, благодаря молодому военному врачу турецкой службы, греку родомъ, но получившему европейское образованіе. Почтенный коллега, несмотря на свою относительную молодость, былъ въ нѣсколькихъ походахъ въ глубинѣ Аравіи, прошелъ страну во многихъ направленіяхъ и потому въ теченіе нѣсколькихъ дней совмѣстнаго плаванія былъ для насъ незамѣнимымъ спутникомъ, которому мы обязаны очень многими свѣдѣніями объ Іеменѣ, Геджасѣ и Аравіи вообще. Кромѣ собственно

медицинскихъ и географическихъ свѣдѣній объ этихъ интересныхъ странахъ, турецкій врачъ сообщилъ намъ попутно и нѣсколько эпизодовъ изъ жизни глубокой Аравіи, которые всего лучше очерчивали



нравы и обычаи осѣдлыхъ и кочевыхъ поселенниковъ этого края. Этому же спутнику мы обязаны и подробными свѣдѣніями о хадяхъ или дѣвушкахъ - предводительницахъ, своего рода героиняхъ, нерѣдко погибающихъ за честь и за славу родного племени, избравшаго ихъ хадіями. Ни одинъ изъ образовъ, даже созданныхъ пылкою фантазіею Востока, не трогалъ меня такъ глубоко, какъ живой образъ

прекрасной хадїи, трагически погибающей во главѣ своего племени во время междоусобицъ или внѣшней войны.

На нашемъ пароходѣ плыли отъ Адена до сотни новыхъ паломниковъ, по большей части индѣйскихъ мусульманъ, и лишь отчасти жителей Омана, Гадрамаута и Самалійскаго побережья. При помощи своего спутника я бесѣдовалъ со мно-



Арабы, обитатели Ассира.

гими хаджами, и каково было мое удивленіе, когда снова на палубѣ иностраннаго парохода, среди Краснаго моря, я услышалъ восторженные диѳирамбы по адресу Россіи и Русскаго Царя, едва мусульмане Индіи узнали, что съ ними ѣдетъ до Джелды невиданный дотолѣ, но любимый ими московъ. Я слышалъ отъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, почти одновременно, проклятїя Англїи и благословенїя Россіи, которая рано или поздно придетъ освободить Индію изъ рукъ англичанъ. Чего только не наговорили мнѣ восторженные индусы, зная, что за ними тутъ не слѣдить англїйскїй полицменъ или шпіонъ, и если бы повѣрить хотя десятой долѣ того, что мнѣ пришлось услышать, то можно-бы подумать, что вся Сѣверная Индія уже охвачена огнемъ возстанїя, готовымъ свергнуть иго англичанъ.

Мы снова прошли знакомый намъ морской вулканъ Джебель-Таиръ, дымившїйся еще болѣе, чѣмъ въ прошлый разъ, оставивъ въ сторонѣ большой островъ Комаранъ, на которомъ международная коммисїя устраивала обширныя зданїя для карантинна и осмотра паломниковъ, направлявшихся изъ южныхъ портовъ Краснаго моря въ Джелду. Недалеко отъ Комарана мы встрѣтили въ морѣ плавающее полуобгорѣлое судно, на которомъ не было уже людей. Какая судьба постигла несчастныхъ мореплавателей, неизвѣстно, но, по всей вѣроятности, они спаслись въ многочисленныхъ шхерахъ и шѣбахъ этой части Краснаго моря. Около острововъ Фаризанъ мы и сами чуть не подверглись крушенїю, неосторожно вѣхавши на коралловый рифъ. Намъ пришлось на немъ простоять всю ночь, и счастье наше, что море было совершенно спокойно, и мы на утро благополучно снялись съ рифа.

Слѣдующїй день мы сильно страдали отъ жары. Съ двумя хаджами слѣзались солнечные удары; одинъ изъ пораженныхъ, несмотря на всѣ усилїя обоихъ насъ, врачей,—умеръ, не приходя въ себя, другой же оправился, лишившись только на время владѣнїя языкомъ. Море было совершенно спокойно, вода не шелохнулась, и пароходъ нашъ плылъ словно по

растопленной металлической массѣ прекраснаго голубаго цвѣта. Подъ вечеръ этого тяжелаго дня со стороны Аравіи сталъ задувать жгучій вѣтерокъ. Мы боялись, что онъ является предвѣстникомъ самума, но, къ счастью, этого не случилось, и мы провели только еще тяжелую ночь. Отбросивъ всякое приличіе, я всю ночь просидѣлъ на палубѣ парохода въ костюмѣ прародителей, прикрывшись одною простынею и не будучи въ состояніи заснуть, такъ какъ духота совершенно стѣсняла самое дыханіе.

На пути въ Джедду мы заходили еще въ небольшой городокъ Ханфуда, представляющій на видѣ настоящую крѣпость, обнесенную высокою стѣною съ башнями и бойницами и напоминавшую средневѣковыя замки. Несмотря на то, что этотъ городокъ является главнымъ портомъ земли Ассирь, въ немъ не нашлось никакого груза для нашего парохода, и мы получили всего десятокъ пассажировъ до Джедды. Почтенный коллега сообщилъ намъ, что обитатели Ассира довольно дики и представляютъ типъ арабовъ, наиболѣе сохранившихъ физическую и нравственную чистоту древнихъ аравитянъ. Во время своего посѣщенія въ 1881 г. земли Ассирь, въ которой тогда свирѣпствовала чума, молодой врачъ едва не лишился жизни изъ-за того, что оказывалъ медицинскую помощь заболѣвающимъ. Лишь благодаря заступничеству одного шейха, спрятавшаго врача въ высокую башню своего замка, нашъ спутникъ могъ избѣжать смерти и затѣмъ, испытавъ рядъ романическихъ приключеній и встрѣтъ, добраться до Ханфуды. Всѣ обитатели этого городка, какъ и всей земли Ассирь,—фанатики-вагабиты, и потому посѣщеніе этой страны далеко небезопасно для европейца; при двухчасовой стоянкѣ нашего парохода у насъ не было и соблазна воспользоваться негостепріимною Ханфудой. За мѣсяцъ до нашего прихода, возлѣ Ханфуды произошло небольшое столкновеніе между бедуинами и правительственными войсками. Номады, все еще находившіеся подъ вліяніемъ идеи новаго ислама, отказались повиноваться властямъ и потому навлекли на себя кровавую реквизицію, во время которой заплатились не только нѣсколькими десятками убитыхъ, но и красивѣйшими дѣвушками своего племени, увлеченными въ неволю.

На переходѣ отъ Ханфуды до Джедды зной по прежнему преслѣдовалъ насъ, но все-таки было немного сноснаѣ, чѣмъ въ предыдущіе дни. Наученные небольшимъ опытомъ на банкахъ Фаризана, мы шли очень осторожно и держались по возможности середины моря, едва опытный лоцманъ вывелъ нашъ пароходъ за линію коралловыхъ преградъ, идущихъ сплошною стѣною вдоль всего Аравійскаго побережья. Въ одномъ мѣстѣ, по серединѣ моря, мы встрѣтили огромное стадо бѣловатыхъ медузъ, которое еще издали измѣняло цвѣтъ морской воды. Болѣе получаса пароходъ нашъ пробирался черезъ эту живую массу, губя многія тысячи этихъ студенистыхъ существъ. Медузы, очевидно, направлялись къ линіи шэбовъ, представляющихъ настоящій водоворотъ морской жизни, особымъ богатствомъ и разнообразіемъ которой отличается Красное море.

Въ Джедду мы пришли подъ вечеръ, и такъ какъ мѣстный лоцманъ не выѣхалъ къ намъ навстрѣчу, а капитанъ самъ не умѣлъ перейти коралловаго рифа, то мы всю ночь простояли въ виду города. На утро мы спустили партію хаджей, пришедшихъ съ далекаго Востока, и приняли на

бортъ не менѣе двухсотъ возвращавшихся изъ паломничества мусульманъ. Среди нихъ мы нашли опять нѣсколькихъ земляковъ и немедленно разговорились съ ними, пользуясь случаемъ хотя немного поговорить на родномъ языкѣ. Въ виду того, что пароходъ простоялъ цѣлый день передъ Джемлю, я сошелъ на берегъ и вмѣстѣ съ коллегой посѣтилъ нѣсколько караванъ-сараявъ, гдѣ останавливаются паломники. Посѣщенія этого было достаточно для того, чтобы понять, почему на почвѣ, загрязняемой цѣлыми вѣсками многими сотнями тысячъ людей и никогда неочищаемой, всѣ эпидемическія болѣзни находятъ благоприятныя условія для развитія. Солнце и горячій вѣтеръ пустыни—единственные дезинфекторы Джемды, но каменные своды построекъ, поддерживающіе въ нихъ постоянную прохладу, мѣшаютъ естественной дезинфекціи и вентиляціи караванъ-сараявъ и другихъ помѣщеній, гдѣ останавливаются далеко не чистоплотные хаджи.

Отъ Джемды мы вышли опять въ открытое море и поплыли однообразною водяною пустынею, неподвижною, какъ растопленное олово, и неоживляемою даже видомъ островковъ. Скучное плаваніе разнообразилось только бесѣдами съ хаджами, уносившими изъ Мекки самыя восторженные ощущенія. Глядя на этихъ хаджей, подогрѣвшихъ свои фанатическія чувства въ священныя города ислама, я не разъ задумывался, насколько вредно это паломничество можетъ отражаться на массѣ нашихъ мусульманъ, совершающихъ ежегодно хаджіаджъ. Идеи пансламизма очень усердно поддерживаются въ Меккѣ; тому способствуютъ не только толпы отовсюду сошедшихся мусульманъ различныхъ націй, объединенныхъ одною вѣрою и кораномъ,—но и зажигательныя рѣчи нѣкоторыхъ учителей обновленнаго ислама. Отчасти отвѣтомъ на мой вопросъ служили тѣ русскіе хаджи, съ которыми я не разъ плавалъ на пароходахъ и встрѣчался въ пустынѣ и городахъ Востока. Какъ истые паломники Мекки, они возвращались изъ своего паломничества съ обновленными чувствами и вѣрою, но они ни разу, даже не подозрѣвая о присутствіи русскаго среди нихъ, не погрѣшали, какъ вѣрноподанные Русскаго Царя. Самый титулъ Падишаха, прилагаемый многими мусульманами изъ всѣхъ властителей земли, кромѣ султана, единственно къ Бѣлому Царю, показываетъ, что вы-



Караванъ-сарай.

сокій престижъ Россіи и ея Верховнаго Вожда не поколеблютъ никакія зажигательныя рѣчи полоумныхъ фанатиковъ Мекки и Медины.

Черезъ полторы сутокъ плаванія мы пришли къ Ямбо, небольшому городку, служащему гаванью для родины пророка—Медины. Ямбо—это настоящій городокъ пустыни, лежащій на береговой окраинѣ ея и представляющій линію бѣлыхъ построекъ на желтоватомъ фонѣ пустыни, окаймленной единственно небомъ и берегами Краснаго моря. Ни одной особенно выдающейся постройки не высится надъ этимъ городкомъ, осѣненнымъ лишь купама финиковыхъ пальмъ, поднимающихся надъ многочисленными родниками прекрасной воды. Двѣ-три мечети съ тонкими минаретами, какъ бѣлыя свѣчи, рисуются на синемъ фонѣ вѣчно-чистаго неба; по линіи этихъ мечетей благочестивые хаджи опредѣляютъ положеніе священнаго города и гробницы пророка, лежащихъ всего въ какихъ-нибудь четырехъ дняхъ караваннаго пути (около 200 верстъ) отъ Ямбо. Несмотря на то, что пароходъ нашъ остановился довольно далеко отъ берега, я со своимъ спутникомъ сдѣлалъ высадку и остался до поздняго вечера въ городѣ. Прежде всего мы посѣтили довольно порядочный базаръ Ямбо, на которомъ, кромѣ обыкновенныхъ произведеній Аравіи и Египта, встрѣтили цѣлыя кучи камеди, ладона и мирры. Хотя эти благовонія произрастаютъ преимущественно въ Южной или Счастливой Аравіи, издревне славившейся своими ароматными и цѣлительными растеніями, тѣмъ не менѣе и горы Срединной Аравіи производятъ эти вещества, хотя и менѣе высокаго качества. Нѣсколько породистыхъ коней, настоящихъ арабскихъ скакуновъ, тоже стояло на базарѣ Ямбо, хотя цѣны на нихъ были такъ высоки, что едва-ли кто-нибудь, кромѣ магнатовъ, могъ позволить себѣ

подобную роскошь; мы прицѣнились къ одному изъ лучшихъ скакуновъ, и съ насъ запросили около пяти тысячъ рублей на наши деньги. Два большихъ каравансарая, въ которыхъ останавливаются паломники, идя на Медину, были почти пусты. Партія хаджей, пришедшихъ въ Ямбо утромъ, отправилась прямо на нашъ пароходъ, оставивъ такимъ образомъ безъ заработка не только страннопріемницы, но и многочисленныя кофейни съ веселыми раузіатъ.

Мы побродили еще по пустынному берегу около Ямбо, собирали красивыхъ раковинъ и обломковъ коралловъ и такимъ образомъ провели время до вечера. Нерѣдко за нами бѣгала толпа туземцевъ, но никакихъ оскорбленій не было нанесено намъ, хотя значительная часть населенія Ямбо принадлежитъ къ послѣдователямъ новаго ислама. Возвращаясь на пароходъ, мы всю дорогу любовались тою волшебною игрою всплесковъ воды, которую вызывали наши весла, разсѣкавшія сонную поверхность моря. Матово-темная или голубая вода вспыхивала тысячами алмазныхъ огней, едва до нея касались весла; въ разбуженныхъ струяхъ моря сверкали мириады свѣтя-



щихся животных; фосфорическими огнями свѣтились носъ, борта и самая весла нашей лодки, обрызганныя каплями фосфоресцирующей воды. Какъ огненные диски, показывались и пропадали снова въ глубинѣ многочисленныя медузы, плававшія на поверхности моря и захваченныя въ сферу фосфоресцировавшей воды. Арабы называютъ свѣченіе моря отблескомъ ада, но оно такъ прекрасно, что его можно было-бы назвать скорѣе сіяніемъ рая.

Около Ямбо пароходъ нашъ покинулъ берега Аравіи и пошелъ наискось Краснаго моря, направляясь къ мѣстечку Раиѳъ или Тору, стоящему на берегу Синайскаго полуострова. Жара нѣсколько спала за эти дни, и вѣтерокъ сталъ потягивать съ юга, какъ то бываетъ въ пору неустановившагося муссона. Воспользовавшись этимъ, всѣ пассажиры вышли наверхъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Съ южнымъ вѣтромъ опять нагнало въ море стаю саранчи, которая и покрывала часть моря своими красноватыми тѣлами. Нѣкоторые хаджи увѣряли, что то было саранча, осмѣлившаяся усѣсться въ Худудъ-эль-Харанъ, т. е. въ области священной территоріи, лежащей окрестъ Мекки и Медины, и за то изверженная въ море Аллахомъ. Въ виду того, что на всемъ этомъ пути наше плаваніе не представляло ничего особеннаго, а красоты Краснаго моря за мѣсячное пребываніе на его берегахъ успѣли достаточно надоѣсть, мы занялись изученіемъ паломниковъ, возвращавшихся на нашемъ пароходѣ. Такъ какъ значительная часть ихъ принадлежала къ различнымъ народностямъ Сѣверной и Западной Африки, между прочимъ марокканцамъ, алжирцамъ и обитателямъ Сахары, то для насъ предстояло обширное поле наблюденій. Совершеніе полного круга паломничества и посѣщеніе всѣхъ геджасскихъ святынь ислама требуетъ у хаджъ достаточнаго напряженія своихъ силъ и здоровья, не говоря уже о большихъ жертвахъ для кошелька, а потому ночью каждый паломникъ былъ боленъ чѣмъ-нибудь или, по крайней мѣрѣ, воображалъ себя больнымъ. Бесплатная амбулаторія съ даровою выдачею лекарствъ, открытая нами, при полномъ бездѣльѣ, царившемъ на палубѣ парохода, была поэтому однимъ изъ развлеченій скучающей толпы. Благодаря лингвистическимъ способностямъ моего спутника, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительнымъ помощникомъ, я тутъ широко и всесторонне воспользовался обширнымъ матеріаломъ, представлявшимся въ мое распоряженіе, и въ приѣмѣ больныхъ съ неизбѣжнымъ антропологическимъ измѣреніемъ ихъ проводилъ незамѣтно не только часы, но и дни утомительнаго плаванія. Молодой врачъ учился у меня методамъ антропологическаго изслѣдованія, и вдвоемъ съ нимъ мы сдѣлали много измѣреній надъ представителями различныхъ національностей Сѣверной Африки. Среди нихъ мы имѣли рѣдкій случай произвести нѣсколько антропологическихъ наблюденій и надъ женщинами, прибѣгавшими къ нашему врачебному совѣту.



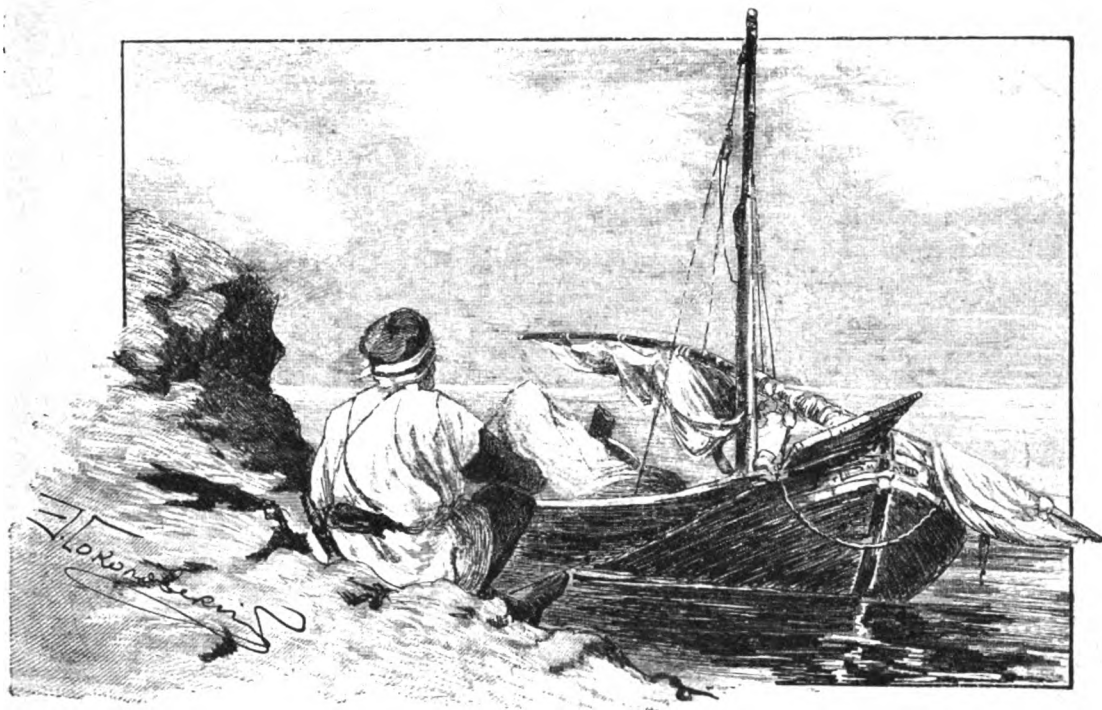
Глава XXI.

Въ виду Синая.—Торъ (древняя Раиѳа).—На лодкѣ кругомъ Синайскаго полуострова.—Чудеса подводнаго міра.—Островъ Гуриахъ.



ОГДА на зарѣ ярко разгоравшагося дня показались изъ-за ночныхъ тумановъ величественные массивы Синайскаго горнаго узла, и постепенно стали вырисовываться на голубомъ небѣ знакомые профили Джебель-Муса, Джебель-Шоумерь, Джебель-Катаринъ и другихъ великановъ Синайскихъ горъ, капитанъ указалъ намъ на небольшую бѣлую точку, виднѣвшуюся на берегу, которую можно было принять за бѣлый парусъ арабской ладьи. То былъ Торъ, древняя Раиѳа, гавань Синайскаго монастыря и страшный пунктъ для всѣхъ паломниковъ Мекки, подвергающихся здѣсь долгому карантину. Перспектива этого карантина

давно смущала и мое непаломническое сердце, хотя мой почтенный спутникъ и увѣрялъ, что египетскій коллега его будетъ настолько милостивъ, что не задержитъ меня, тѣмъ болѣе, что я направляюсь изъ Тора не въ Египеть, а въ далекую Акабу и потомъ далѣе черезъ пустыню. Издалека казалось, что Торъ лежитъ у самаго подножья Синайскихъ горъ, но мы хорошо помнили, что употребили цѣлую ночь для того, чтобы добраться до нихъ, когда, года два тому назадъ, пробирались изъ Тора въ Уади-Гибранъ. Сравнительно небольшой массивъ, поднимавшійся за Торомъ, былъ знаменитый Накусъ, Звучащая Гора. Далѣе за нимъ въ туманѣ приподнимался огромный Сербаль, царившій надъ цѣлою горною странюю.. Сердце какъ-то радостно забилося у меня, какъ-будто я увидѣлъ близко знакомыя и родныя мѣста; мнѣ сразу припомнились всѣ перипетіи перваго путешествія и перехода черезъ пустыню, и я уже горѣлъ стремленіемъ скорѣе бросить плаваніе по Красному морю и, добравшись до Акабы, сѣсть опять на «кораблей пустыни»



для того, чтобы снова направиться къ предѣламъ Святой Земли. Сердце уже подсказывало мнѣ, что въ Акабѣ ждутъ меня вызванные изъ Суэца мои старые друзья Рашидъ, Ахмедъ и Юза. Убогій Торъ, осѣненный пальмами, куда я совершенно неожиданно попадалъ во второй разъ, глядѣлъ такъ привѣтливо, что я стремился скорѣе на берегъ, готовый даже просидѣть въ турецко-египетскомъ карантинѣ, но карантинный врачъ почему-то медлилъ пріѣхать на пароходъ и дать ему разрѣшеніе на высадку пассажировъ. Когда же послѣ двухчасоваго ожиданія явился молодой и изящный египетскій врачъ, представитель международной комиссіи, то мы были просто поражены при видѣ этого настоящаго европейца. Узнавъ о моемъ намѣреніи отправиться изъ Тора на Акабу, онъ не только далъ мнѣ полную свободу, но и предложилъ свои услуги для отысканія нужнаго судна между рыбацкими ладьями Тора. Поручивъ затѣмъ наблюденіе за высадкою пассажировъ на берегъ своему помощнику и гвардіонамъ, карантинный коллега захватилъ меня и моего спутника и повезъ въ свое скромное жилище, гдѣ и оставилъ насъ на цѣлый день. Такъ какъ въ Торѣ нѣтъ особаго карантиннаго зданія, то паломники располагаются большимъ станомъ около города, отчасти подъ сѣнью пальмъ разбивая многочисленныя шатры.

Послѣ долгихъ мыканій по Красному морю и его портамъ, я съ удовольствіемъ провелъ день въ Торѣ, посѣтилъ добрыхъ Синайскихъ монаховъ, пріютившихъ меня въ первое посѣщеніе Тора, гулялъ въ монастырскомъ саду и купался на берегу залива. Счастье, не оставляющее меня вообще въ путешествіяхъ, и на этотъ разъ не покинуло. Въ Торѣ случайно гостила большая лодка изъ Акабы, и хозяинъ ея съ удовольствіемъ согласился отвезти меня за небольшую плату. Для Акабинскаго рыбака

двѣдцать рублей на наши деньги (двѣ лиры) были такою находкою, что старый арабъ просто обезумѣлъ отъ радости и готовъ былъ сейчасъ же расправить паруса своей не менѣ старой ладьи. На всякій случай карантинный врачъ, хорошо зная нравы арабовъ, написалъ условіе, заставилъ моего лодочника подтвердить его и сообщилъ ему, что онъ отвѣтитъ за исправную доставку путешественника передъ грознымъ каймакомъ Акабы, которому будетъ сообщено о моемъ отъѣздѣ.

На утро рано, наполнивъ свою ладью нѣсколькими большими мѣхами прѣсной воды и значительнымъ запасомъ хлѣба, зелени, плодовъ и всего того изъ съѣстныхъ припасовъ, что можно было найти въ Торѣ, я покинулъ Раиоу, принося глубокую благодарность доброму коллегѣ, снарядившему меня въ путь, и распрощавшись съ военнымъ врачомъ, который былъ моимъ добрымъ спутникомъ въ послѣдніе дни плаванія по Красному морю, а теперь остался вмѣстѣ съ паломниками высиживать долгій утомительный карантинъ...

Когда, пользуясь какимъ-то шальнымъ вѣтеркомъ и длинными веслами, моя ладья отошла отъ Тора на такое разстояніе, что виднѣлось лишь одно бѣлое пятно зданій мѣстечка, я почувствовалъ себя далеко не по себѣ. Рѣдко постигающее меня въ путешествіяхъ чувство жуткости вдругъ овладѣло мною, и я долго не могъ преодолѣть его. Покинувъ Торъ и очутившись среди Краснаго моря на небольшой ладьѣ съ восемью полудикими арабами, не внушавшими особой симпатіи, я долженъ былъ плыть нѣсколько дней по Акабинскому заливу, гдѣ, по нѣкоторымъ рассказамъ, до сихъ поръ пошалаиваютъ «арабы моря», или попросту пираты, и затѣмъ, высадившись въ глухомъ мѣстечкѣ Акабѣ, долженъ былъ идти черезъ пустыню въ горы Петры, куда европейцы проникаютъ лишь хорошо вооруженные и съ деньгами, и откуда еще не легко добраться до предѣловъ Святой Земли. Взвѣсивъ всѣ эти неблагоприятныя условія, я прикинулъ въ головѣ и тѣ шансы, которые я имѣлъ въ распоряженіи. Путешествіе до Акабы, благодаря предосторожностямъ, принятымъ коллегой въ Торѣ, я могъ считать болѣе или менѣ обеспеченнымъ; въ Акабѣ у меня былъ знакомый по первому путешествію каймакъ, и тамъ же должны были меня ожидать вызванные изъ Суэца мои вѣрные Рашидъ, Ахмедъ и Юза. При ихъ помощи я надѣялся и во второй, какъ и въ первый разъ, перейти благополучно пустыню. Проводники эти были извѣщены о предстоящемъ путешествіи изъ Акабы черезъ Петру въ Хевронъ, еще во время моего пребыванія въ Каирѣ, гдѣ я получилъ, черезъ своихъ Суэцкихъ знакомыхъ, извѣстіе о полномъ согласіи моихъ вѣрныхъ арабовъ сопровождать меня во второй разъ черезъ пустыни Каменистой Аравіи. Изъ Суакима я послалъ телеграмму въ Суэцъ съ указаніемъ приблизительнаго времени своего прибытія въ Акабу, куда уже должны были прибыть къ этому сроку мои арабы, пройдя изъ Суэца прямою дорогою на Акабу, по пути паломниковъ — Дербъ-эль-Хаджіаджъ.

Плаваніе мое вокругъ Синайскаго полуострова на арабской лодченкѣ началось вполне благопріятно; лодочники арабы, выговорившіе себѣ впередъ еще небольшой бакшишъ, дѣйствительно, старались отработать его и употребляли всѣ свои усилія для того, чтобы подвигаться впередъ.

Въ первый день мы подвинулись не особенно далеко и успѣли только зайти за острый мысокъ, далеко врѣзывающійся въ заливъ. Все время мы шли, придерживаясь берега, иногда приближаясь къ нему настолько, что можно было различать чахлую траву песчаныхъ дюнъ, тянувшихся по побережью, порою же нѣсколько удаляясь въ море, такъ какъ невидимые для моихъ глазъ, но хорошо знакомые нашему реису подводные рифы и банки мѣшали пройти даже мелкосидящей арабской ладѣ. Заночевали эту ночь мы подъ парусами, которые еле натягивалъ слабый, тянувшій съ сѣверо-запада вѣтерокъ. За цѣлый день плаванія я немного присмотрѣлся къ показавшимся мнѣ вначалѣ несимпатичнымъ и даже звѣрскимъ лицамъ моихъ лодочниковъ и нашелъ, что я напрасно составлялъ о нихъ, по первому впечатлѣнiю, такое невыгодное мнѣнiе. Старый кормчiй—реисъ, онъ же и хозяинъ судна, былъ почтенный старикъ, украшенный зеленою чалмою хаджи; двое младшихъ были его сыновьями и представляли типъ чистокровныхъ арабовъ Синая; пятеро остальныхъ были слуги реиса или матросы судна, занимавшагося рыбною ловлею въ Акабинскомъ заливѣ и иногда возившаго хлѣбъ изъ Торы въ Акабу. На суднѣ я устроился скоро настолько хорошо, насколько то было возможно въ моемъ положенiи. Еще въ Торѣ мнѣ было пристроено изъ досокъ нѣчто вродѣ постели, на которую была положена кучка соломы, покрытая моимъ бедуинскимъ плащемъ. Изъ двухъ другихъ дощечекъ реисъ устроилъ подобiе стола, на которомъ я могъ по крайней мѣрѣ писать. Запасовъ пищи и воды у насъ было достаточно почти до самой Акабы, хотя мы надѣялись пополнить свои запасы рыбною ловлею и при нѣсколькихъ остановкахъ на побережѣ Синайскаго полуострова. Садясь на бортъ этого небольшого суденышка, я никакъ не рассчитывалъ, что мнѣ придется пробыть на немъ около десяти дней. Съ небольшимъ триста верстъ, которыя отдѣляютъ Торъ отъ Акабы, при слабой помощи, оказываемой парусами, превратились въ цѣлое путешествiе; но я не особенно жалѣю, что провелъ эти полторы недѣли на небольшой лодченкѣ на берегахъ Акабинскаго залива. Подобно тому плаванiю, которое годъ тому назадъ мнѣ пришлось сдѣлать на такомъ же утломъ суденышкѣ—карбасѣ сумскаго рыбака отъ Соловокъ до посада Сумы, плаванiе на лодкѣ стараго Юнуса

оставило во мнѣ массу впечатлѣнiй, которыя не забудутся никогда.





Одного впечатлѣнія перваго дня и первой ночи, проведенныхъ на углу суденышкѣ стараго Акабинскаго рыбака, было достаточно для того, чтобы дать представление о такихъ скрытыхъ богатствахъ и великолѣпнн подводной жизни Краснаго моря, о которыхъ я могъ только догадываться, плавая чуть не мѣсяць на большомъ пароходѣ по берегамъ безконечно длиннаго моря... Я живо помню то впечатлѣніе, которое охватило меня еще въ первый день плаванія, когда, наблюдая за медленнымъ движеніемъ нашей лодки, я увидалъ впервые въ глубинѣ прозрачной, какъ кристалль, воды часть морского дна и уголокъ коралловаго рифа... Какое-то невѣданное и неиспытанное доселѣ чувство восхищенія сразу охватило меня при этомъ чудномъ зрѣлищѣ, ко-

торое надо видѣть и которое ни словами, ни красками нельзя описать. Жизнь бездны, животный и растительный міръ подводной глубины былъ во всемъ своемъ великолѣпнн, разнообразіи и неописуемой красотѣ передъ моими глазами, отдѣленный отъ нихъ лишь прозрачнымъ, какъ стекло, небольшимъ слоемъ воды. Вода Краснаго моря отличается особенною прозрачностью, быть можетъ, зависящей и отъ значительнаго содержанія въ ней солей; даже на значительныхъ глубинахъ можно видѣть абрисы и коралловыя образованія морского дна; на глубинѣ же нѣсколькихъ саженъ, особенно на отмеляхъ и на не глубоко сидящихъ коралловыхъ рифахъ, прозрачность воды до того высока, что позволяетъ разсматривать всѣ детали дна, какъ будто бы онѣ были не подъ водою, а подъ тонкимъ бѣлымъ стекломъ...

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я впервые увидалъ съ такою ясностью морское дно, это послѣднее представляло сплошную поверхность мелкихъ коралловыхъ сооруженій, которыя своими вѣточками, отростками и стволами переплетались съ массою разноцвѣтныхъ водорослей, трепетавшихъ отъ незамѣтнаго движенія воды. На этомъ бѣломъ, сталактитовомъ, коралловомъ образованіи разстиались разноцвѣтныя и разнообразныя группы великолѣпныхъ зоофитовъ. Морскіе цвѣты, представляемые животнорастеніями, носятъ по справедливости свое названіе. По формѣ, разнообразію и яркости окраски они могутъ вполне соперничать съ земными цвѣтами, а легкое движеніе ихъ живыхъ лепестковъ придаетъ имъ еще болѣе предности. Освѣщенные яркими лучами солнца, пронизывающими толщу прозрачной воды, эти морскія лиліи, анемоны, астры блещутъ всѣми цвѣтами радуги, отсвѣчиваютъ металлическими красками, переливаются драгоценными камнями... Среди этого волшебнаго міра водорослей и животнорастеній кишитъ не менѣ пестрая и разнообразная, богатая морская жизнь... Огромныя разноцвѣтныя медузы, представляющія совершенно стеклянныя, но движущіяся существа, носятъ, какъ прозрачныя тѣни, сквозь которыя просвѣчиваютъ кораллы и зоофиты. Великолѣпныя трубчатники, голубыя nereidy, всевозможныя рыбы, блещущія золотою и се-

ребряною чешуею, и сотни другихъ существъ самой причудливой формы двигаются и толкуются среди этихъ коралловыхъ лѣсовъ и чащи водорослей, тогда какъ морскіе раки и иглокожія ползаютъ по дну, усыпанному тысячами разнообразныхъ раковинъ и перловъ... Какъ ни роскошенъ мѣстами тропическій міръ на землѣ, особенно въ глубинѣ дѣвственныхъ экваторіальныхъ лѣсовъ, но міръ морской глубины, котораго лишь крошечные уголки удастся увидѣть человѣку, превосходитъ его великолѣпіемъ и причудливостью своихъ красокъ и формъ. Глядя на эти подводные лѣса съ ихъ удивительною фауною, забываешь, что находишься на землѣ, а кажется, что созерцаешь могучее развитіе жизни гдѣ-нибудь внѣ земной сферы, на одной изъ планетъ солнечной орбиты. Можно цѣлыми днями любоваться на чудеса подводнаго міра и все-таки не налюбоваться ими, открывая въ каждое ланное мгновеніе новыя его красоты...

Въ долгіе часы ночи, когда сонная поверхность моря превратится въ массу почти недвижнаго растопленнаго металла, подводные лѣса водорослей, коралловъ и зоофитовъ, не освѣщаемые лучами солнца, озаряются свѣтомъ бездны, фосфорическимъ сіяніемъ миллиардовъ крошечныхъ существъ. Никакіе рои свѣтляковъ, даже въ лѣсахъ Экваторіальной Америки и Цейлона, не могутъ дать понятіе о томъ свѣченіи, которое издаютъ обитатели подводнаго міра. Здѣсь все свѣтится: и подводные лѣса, и морскіе цвѣты, и гирлянды переплетшихся водорослей, и всѣ живыя существа этого волшебнаго міра. Свѣтящіяся фосфорическимъ блескомъ тѣльца этихъ животныхъ, начиная отъ микроскопической величины и кончая цѣлыми дисками съ футъ и болѣе въ діаметрѣ, оставляющія при своемъ движеніи цѣлыя струи фосфорическаго сіянія, наполняютъ своимъ свѣтомъ темныя бездны и озаряютъ морскія глубины... Озаренная этимъ сіяніемъ, самая вода кажется живою, особенно, когда свѣтящіеся брызги и струи ея блестятъ на выступающихъ надъ поверхностью камняхъ, на носу и бортахъ тихо разрѣзывающаго ихъ корабля... Я простаивалъ цѣлые часы въ нѣмомъ восхищеніи передъ этимъ удивительнымъ зрѣлищемъ и мнѣ казалось въ эти мгновенія, что весь блескъ небеснаго свода отразился и разлился въ морской глубинѣ...

Созерцаніе чудесъ подводнаго міра и той жизни, что кишитъ на поверхности моря, было главнымъ моимъ занятіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ развлеченіемъ въ долготянувшіеся дни плаванія по узкому и длинному заливу. Чудная игра лучей восходящаго и заходящаго солнца, превращавшая небо, море и окружающія громады горъ въ волшебную панораму цвѣтовъ, оттѣнковъ и свѣтотѣней, и наблюденія за рѣдкими ладьями, плывущими по заливу, да медленно измѣняющимися ландшафтами Синайскаго берега, — доставляли также немало развлеченія томлящемуся отъ бездѣйствія на тѣсной арабской ладѣ молодому туристу. Всѣ страхи передъ корсарями и пиратами Акабинскаго залива, какъ и передъ



своими лолочниками, давно уже исчезли, уступивъ свое мѣсто внимательному наблюденію за всѣмъ тѣмъ, что совершается вокругъ. Къ сожалѣнію, старый Юнусъ и его матросы не отличались особенною болтливостью, свойственною большинству арабовъ, и намъ немного приходилось бесѣдовать съ ними. Помимо удовольствія, доставляемаго созерцаніемъ окружающихъ красокъ, уныло и однообразно тянулись дни нашего плаванія: съ ранняго утра, совершивъ свой намазъ, Юнусъ затягивалъ какую-то тоскливую пѣсенку и выпѣввалъ ее надтреснутымъ гортаннымъ голосомъ, которому вторили его молодые сотоварищи. Подъ звуки этой пѣсни да мирное всплескиваніе струи, разсѣваемой нашей ладью, и совершалось все наше плаваніе, не оживляемое ни бурями, ни грозой. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ лишеній на этомъ пути была трудность приготовленія горячей пищи и даже питья; хотя Юнусъ и ухитрялся на нѣсколькихъ камняхъ и треснувшей жаровнѣ раза два-три въ день кипятить свой измятый кофейникъ, но даже нѣсколькихъ крошечныхъ финджановъ ароматнаго кофе было недостаточно для привыкшаго къ родному чаю путешественника, цѣлыми днями жарившагося на солнцѣ и томившагося отъ жажды, не утоляемой глотками теплой и кисловатой воды изъ бурдюковъ. Постоянная сухомятка также не могла содѣйствовать особенно веселому настроенію молодого туриста, а потому я съ грустью посматривалъ на карту, замѣчая, какъ тихо мы огибали Синайскій полуостровъ и какъ медленно подвигались къ Акабѣ, во второй разъ составлявшей цѣль моихъ вождельній и надеждъ.

Намъ нечего рассказывать всѣхъ подробностей нашего, въ общемъ, утомительнаго и однообразнаго плаванія, которое разнообразилось лишь нѣсколькими эпизодами, которые мы только и должны описать. Огибая далеко выдающійся въ море и довольно высокій мысъ Резъ-Мухамедъ, самую южную оконечность Синайскаго полуострова, мы были захвачены небольшимъ шкваломъ, налетѣвшимъ какъ-то внезапно и также быстро упавшимъ почти до абсолютнаго штиля. Порывомъ вѣтра, сильно накренившимъ наше судно, едва не опрокинуло ладьи. Только самоотверженность одного изъ сыновей Юнуса, полѣзшаго на мачту для восстановленія равновѣсія судна, удержала это послѣднее отъ катастрофы. Шкваль этотъ имѣлъ, однако, и довольно хорошее послѣдствіе, потому что помогъ намъ обогнуть опасный мысъ и, выйдя изъ Краснаго моря, повернуть въ Акабинскій заливъ. Въ эту ночь мы пріютились на берегу Синайскаго полуострова въ хорошей бухточкѣ, прикрытой двумя мысками. Мнѣ удалось побродить по берегу, подстрѣлить черную куропатку и полакомиться теплымъ ужиномъ, свареннымъ на разведенномъ огонькѣ. Половину слѣдующаго дня мы продолжали оставаться на берегу, такъ какъ Юнусъ съ товарищами задумалъ устроить рыбную ловлю по берегу большими сѣтями. Ловля эта удалась хорошо, и кромѣ рыбы въ наши сѣти попались нѣсколько большихъ съѣдобныхъ морскихъ раковъ и разныхъ другихъ животныхъ. Изъ части рыбы старый Юнусъ сварилъ нѣкоторое подобіе ухи; остальную же массу улова онъ разложилъ на солнцѣ и скоро высушилъ ее такъ, что она могла сохраняться въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Сильнымъ теченіемъ при нѣсколько попутномъ вѣтрѣ насъ довольно быстро втянуло въ узкій проливъ между берегомъ и большимъ островомъ

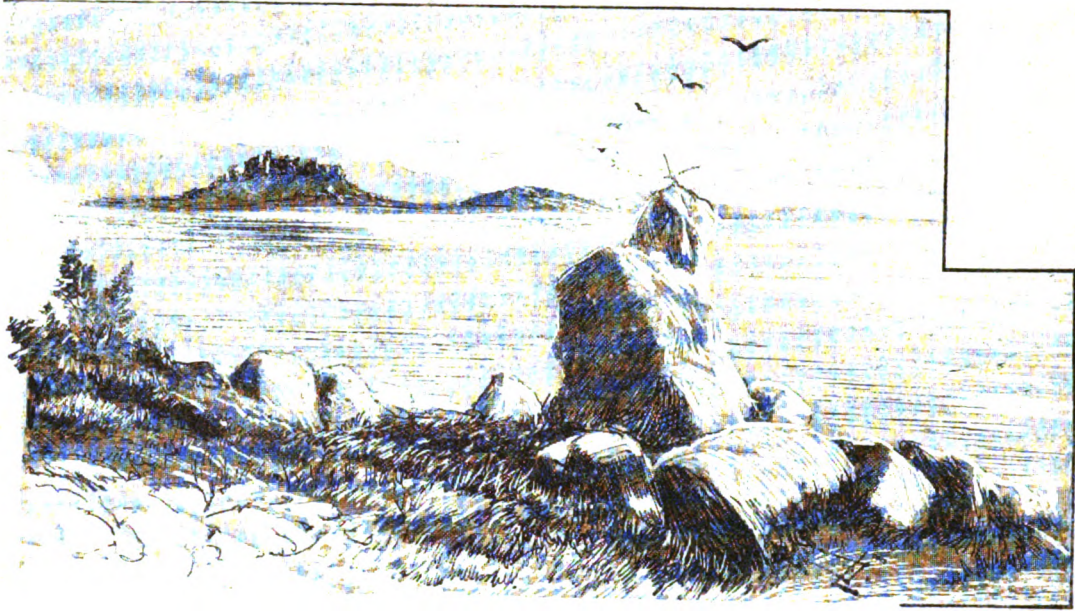
Тираномъ, запирающимъ входъ въ Акабинскій заливъ. При этомъ насъ едва не понесло на прибрежные камни острова, на которыхъ были видны обломки разбитой ладьи. При всемъ соблазнѣ поживиться остатками судна и драгоценнымъ въ этой странѣ деревомъ, мы не рѣшились сдѣлать высадку на островъ Тиранъ, а спѣшили пройти его и закрыться за береговымъ мысомъ.

Небольшой порывъ вѣтра подтянулъ насъ нѣсколько впередъ, и въ то время, когда мы проходили, лавируя, мысъ Расъ-Фартукъ, высунувшійся далеко въ море со стороны Аравійскаго берега, цѣлая флотилія небольшихъ судовъ скрывалась подъ защитою этого мыса, выжидая попутнаго вѣтра. Старый Юнусъ говорилъ, что то были суда Акабинскихъ рыбаковъ, но мнѣ казалось, на основаніи словъ моихъ прежнихъ проводниковъ, что флотилія эта принадлежала «арабамъ моря», т. е. своего рода корсарамъ и продавцамъ живого товара, подобнымъ тѣмъ, какихъ мы встрѣчали въ первое путешествіе у стоянки Даабо. Придерживаясь болѣе Синайскаго берега и пользуясь каждымъ дуновеніемъ бриза или случайно тянувшимъ съ юга вѣтеркомъ, мы тихо подвигались къ сѣверу, иногда проводя цѣлые часы на веслахъ. Громады Акабинской горной цѣпи, Джебель-Сора, висѣли надъ нами, рисуясь всѣми красками и тонами на лучахъ восходящаго и заходящаго солнца. Страшное безмолвіе и отсутствіе всякихъ признаковъ жизни на этихъ, переливавшихся нѣжными и яркими цвѣтами, обнаженныхъ вершинахъ и скалахъ горъ, ясно рисовавшихся на прозрачной синевѣ неба, поражало даже насъ, привыкшихъ къ безмолвію горныхъ пустынь, и намъ казалось невѣроятнымъ, что здѣсь нѣкогда царили жизнь и движеніе, замершія уже въ теченіе многихъ вѣковъ.

Слѣдующую высадку мы сдѣлали въ небольшомъ, но красивомъ оазисѣ Дааба вблизи той стоянки, на которой я отдыхалъ въ первое путешествіе, тотчасъ по выходѣ изъ Синайскаго горной дебри къ берегамъ Акабинскаго залива. Я узнавалъ знакомые абрисы горъ, выходъ изъ каменной уади и ту тропинку вдоль берега полъ нависшими скалами, которую потомъ мы пошли по направленію къ Акабѣ. Подъ пальмами Даабы мы отдохнули почти цѣлыя сутки, снова подкрѣпивъ себя горячею пищею, молокомъ и свѣжю зеленью, купленною у семьи бедуиновъ, посѣтившей наше становище. Въ источникахъ этого красиваго, хотя и совершенно затерявшагося въ каменной дебрѣ оазиса мы обновили и свой запасъ свѣжей воды, начавшей уже портиться въ кожаныхъ бурдюкахъ.

Хотя отъ Дааба наше плаваніе къ сѣверу пошло гораздо скорѣе, благодаря временами поддувавшему съ юга попутному вѣтерку, тѣмъ не менѣе мы употребили почти двое сутокъ для того, чтобы добраться до новаго небольшого оазиса Эль-Уасситъ, подъ жидкими пальмами и тамарисками котораго сдѣлали остановку на цѣлую ночь. На этомъ становищѣ





Островъ Гуріахъ.

насъ постигла цѣлая толпа бедуиновъ Тавара, потребовавшая съ меня большого бакшиша «за пользованіе топливомъ и водою», какъ формулировали они свое предложеніе, но старый Юнусъ, хорошо знавшій этихъ кочевниковъ, посоветовалъ имъ не беспокоить «большого господина», ѣдущаго въ гости къ каймакаму Акабы. Около рубля бакшишу оказалось вполне достаточнымъ для уваженія претензіи бедуиновъ Эль-Уасситъ. Такъ какъ съ этой остановки все время сталъ поддувать хотя и слабый, но попутный вѣтерокъ, то мы больше уже не останавливались для ночевки на берегу, а продолжали, хотя и тихо, тянуться подъ парусами, чтобы скорѣй добраться до Акабы.

За небольшимъ низкимъ мысомъ Эль-Уасситъ Акабинскій заливъ сгузился до ширины не болѣе 13—18 верстъ, что, при мѣстной прозрачности воздуха, представлялось разстояніемъ совершенно ничтожнымъ, особенно при высотѣ обоихъ береговъ. Высокія горы, болѣе массивныя на западной окраинѣ залива, какъ-бы сходились между собою, пропуская узкую серебрящуюся полосу залива, неподвижнаго, какъ стекло. Мы плыли, казалось, по широкой величественной рѣкѣ со спокойнымъ, незамѣтнымъ теченіемъ, обставленной по обоимъ берегамъ высокими и красивыми горами. Акабинскія Альпы западнаго побережья и Джебель-Тауранъ восточнаго берега соперничали между собою въ красотѣ очертаній, вырисовывавшихся на синевѣ неба,—и въ яркости красокъ, обуславливавшихся различнымъ освѣщеніемъ. Утренняя заря, со своими радужными красками, играла на вершинахъ Акабинскихъ Альпъ, оставляя въ синеватой дымкѣ и лилорозовой тѣни массивы Аравійскихъ горъ, тогда какъ на западѣ Джебель-Тауранъ горѣлъ въ пурпурно-красныхъ и огненныхъ краскахъ вечерней зари, а горы Синайскаго побережья тонули въ прозрачныхъ лиловатыхъ тѣняхъ. Эта игра свѣта и тѣней была восхитительна на

фонѣ вѣчно яснаго неба и темно-голубой поверхности соннаго залива. Мы прошли красивый по своимъ очертаніямъ мысъ Семирахъ, бѣлую скалу Абу-Бурка, темный массивъ Джебель-Хайехъ и не остановились даже у источника Суверахъ. Вѣтерокъ, надувшій наши паруса, не особенно шибко, но постоянно несъ насъ мимо раздвигающихся панорамю береговъ Акабинскаго залива, и я съ наслажденіемъ смотрѣлъ впередъ, наблюдая за тѣмъ, какъ бѣжали мимо насъ и оставались позади фантастическія скалы и мыски Синайскаго побережья. Къ вечеру Юнусъ показалъ мнѣ впереди небольшой островокъ Гуріахъ, казавшійся пятномъ на темно-голубой поверхности залива. Ночью мы прошли этотъ островокъ, замѣчательный столько же по красотѣ своихъ очертаній, сколько и по развалинамъ Сарацинскаго замка, виднѣющимся на западной его скалѣ, обращенной къ берегамъ Синая. Въ глубокой сѣдловинѣ Гуріаха горѣли небольшіе костры, и нѣсколько судовъ, сложивъ свои паруса, дремали у гряды его прибрежныхъ камней. То были рыбаки Акабы, и Юнусъ узнавалъ даже знакомыя ему суда. Впереди, за Гуріахомъ, въ синеватой дымкѣ тумановъ, въ которыхъ пропадали послѣдніе массивы Акабинской горной цѣпи, пряталась и оконечность Эланитскаго залива съ тихою Акабою, стоящею на стражѣ великаго пути паломниковъ—Дербъ-эль-Хаджіаджъ.

Среди ночи вѣтеръ прекратился, паруса наши упали, и мы поддерживались на веслахъ, чтобы насъ не прибило въ бухту Гуріаха, которой почему-то особенно побаивался нашъ старый Юнусъ. Когда раннимъ утромъ, при самомъ восходѣ солнца, я открылъ глаза и выглянулъ за бортъ лодки, прямо передо мною между уходящими цѣпями горъ разстилалась безконечная низина Уади эль-Араби—прямая дорога къ Мертвому морю и границамъ Палестины, а направо отъ насъ, въ нѣсколькихъ верстахъ, виднѣлся бѣлый замокъ Акабы, группа рыбацкихъ лачугъ, прячущихся подъ его защитою, и прекрасные сады, осыненные купами красивыхъ пальмъ. Сердце у меня радостно забилось при видѣ этого зрѣлища. Мнѣ казалось, что я уже вижу на берегу своихъ вѣрныхъ проводниковъ съ верблюдами, которые понесутъ меня изъ этого глухого и забытаго Богомъ уголка къ той широкой долинѣ, что виднѣется впереди сейчасъ за сѣвѣрною оконечностью залива, прямо къ предѣламъ Святой Земли. Радость мою отчасти раздѣляли и Юнусъ и весь экипажъ нашего маленькаго судна, но бѣдные арабы радовались возвращенію домой и скорому полученію хорошаго бакшиша. Такъ какъ вѣтра совсѣмъ не было и утромъ легкой бризъ, задувавшій съ берега Аравіи, скорѣй относилъ насъ отъ Акабы, чѣмъ приближалъ къ цѣпи, то мы сѣли за весла и работали такъ усердно, что черезъ какіе-нибудь полтора—два часа подвинули свою тяжелую ладью прямо къ берегу Акабы.

Небольшая кучка народа встрѣтила насъ на берегу; другія кучки, завидѣвъ при-



ближеніе значительнаго судна, спѣшили тоже навстрѣчу; радостные крики привѣтствія и пожеланія всякаго благополучія неслись къ намъ съ берега, пока мы старались причалить свою неповоротливую ладью. Мой острый взоръ уже запримѣтилъ въ толпѣ тѣхъ, кого я ожидалъ встрѣтить въ Акабѣ: на берегу, отдѣлившись отъ всей прочей толпы, стояли мои вѣрные Ахмедъ, Рашидъ и Юса вмѣстѣ съ бравымъ заптѣй, провожавшимъ меня въ прошлое путешествіе до самыхъ предѣловъ Святой Земли.

Трудно описать ту радость, которую я ощутилъ въ своемъ сердцѣ при видѣ своихъ старыхъ друзей; я чувствовалъ, что я не совсѣмъ одинъ въ глухой и удаленной отъ всего міра Акабѣ и спокойно могу смотрѣть впередъ, когда со мной опять пойдутъ въ пустыню испытанные и вѣрные проводники...



Глава XXII.

Акаба.—Встрѣча со старыми друзьями.—Опять' на «корабль пустыни». — Встрѣча съ караваномъ хаджей. — Страхъ предъ разбойничьими племенами бедуиновъ.



АША встрѣча съ проводниками была самая теплая: теперь я смотрѣлъ на трехъ арабовъ не только какъ на друзей, но какъ на родныхъ, которымъ могъ вполне довѣриться, не опасаясь никакой измѣны. Мои проводники уже болѣе недѣли ожидали меня въ Акабѣ, выходя встрѣчать каждое суденышко, подходившее съ моря. За это время верблюды, пришедшіе изъ Суэца, успѣли немного отдохнуть и подкормиться; все нужное для дороги было уже приготовлено, такъ что мы могли въ томъ случаѣ, если-бы я захотѣлъ, хотя сейчасъ, прямо съ берега, выступить въ путь вдоль по манившей къ себѣ Уади эль-Араби. Пока я бесѣдовалъ со своими арабами, ко мнѣ подошелъ каймакъ, мой старый знакомый, привѣтствовалъ меня, какъ дорогого гостя, и предложилъ остановиться у него на все время пребы-

ванія въ Акабѣ. Разумѣется, я съ радостью принялъ это любезное предложеніе, хотя не только дни, но даже часы моего пребыванія въ Акабѣ были сочтены: потерявъ много времени на Нилѣ и въ переѣздахъ по Красному морю, я торопился идти далѣе, тѣмъ болѣе, что путешествіе на лодкѣ, несмотря на свою мо-



нотонность, мало утомило меня. Я хотѣлъ поскорѣе покинуть берега Краснаго Моря и уйти снова въ пустыню, куда тянуло меня еще съ береговъ священнаго Нила.

Такимъ образомъ, несмотря на всѣ просьбы каймакама, удерживавшаго меня хотя на нѣсколько дней въ Акабѣ, я велѣлъ своимъ проводникамъ дѣлать послѣднія приготовления для того, чтобы на завтра же выступить въ путь.

Рано утромъ снова собралась толпа передъ домомъ каймакама, провожавшая въ далекое путешествіе нашъ маленькій караванъ. Тѣ же самые верблюды, которые везли меня отъ Суэца черезъ Синай до самыхъ воротъ Иерусалима, стояли готовые къ новому походу; каймакамъ опять распорядился, чтобы дано было знать ближайшимъ шейхамъ пустыни о свободномъ проѣздѣ нашего каравана, а запятя Мухаммедъ съ молодымъ бедуиномъ Исою должны были сопровождать насъ для того, чтобы обезпечить хорошій пріемъ въ Петрѣ и свободный выходъ оттуда. Распрощавшись съ добрымъ каймакомъ и провожавшею насъ толпою акабинцевъ, мы вышли изъ воротъ крѣпости, охраняемыхъ двумя башнями, и пошли черезъ сады Акабы, придерживаясь берега залива, ко входу въ долину эль-Араби. Старый Юнусъ и всѣ матросы его ладьи провожали насъ до самаго послѣдняго куста, принадлежащаго къ садамъ Акабы, а затѣмъ мы очутились опять одни предъ лицомъ великой пустыни, тянущейся во всѣ четыре стороны...

Подобно тому, какъ Эланитскій заливъ, по своей значительной глубинѣ и по геологическому строенію дна и береговъ, представляетъ настоящее продолженіе Краснаго моря, такъ и уали эль-Араби, идущая почти до самаго Мертваго моря, можетъ быть разсматриваема, какъ дно бывшаго моря, служившаго продолженіемъ Акабинскаго залива и соединявшаго его съ глубокою впадиною Мертваго моря и Иорданской долины. Мѣрно шагаютъ наши: верблюды по дну этой широкой ложбины, устѣянной глыбами и обломками известковыхъ скалъ; временами мнѣ кажется, что мы продолжаемъ свое путешествіе по Акабинскому заливу, который еще

долго виднѣтся позади. Пучки жалкой травки, еще не проснувшейся отъ весеннихъ дождей, виднѣются кое-гдѣ среди массы мелкихъ и крупныхъ камней, мѣстами поросшихъ группами вѣчно зеленыхъ тарфѣ. Дорога идетъ какъ будто бы немного на подъемъ; скалы фантастическихъ очертаній и разнообразныхъ оттѣнковъ и цвѣтовъ высятся по обѣимъ сторонамъ уади, пропуская по обѣимъ сторонамъ устья другихъ второстепенныхъ уади или ложбинъ. Мухаммедъ называетъ по имени каждую изъ этихъ стоковыхъ долинъ, но такъ какъ всѣ онѣ не представляютъ ничего интереснаго, то я и не стараюсь запоминать ихъ, наслаждаясь давно неиспытанною ѣздою на верблюдѣ и вдыхая бальзамическій воздухъ пустыни. Я и не замѣчаю того, какъ подозрительно вглядывается напѣ заптїя въ зїяющія отверстія боковыхъ уади, какъ будто-бы ожидая изъ нихъ нападенія врага. Я знаю изъ рассказовъ каймакама Акабы, что между главнѣйшими арабскими племенами, оспаривающими свое господство въ уади Эль-Араби, Тавара и Алауина, идутъ мелкія междоусобицы, которыми, между прочимъ, въ Акабѣ и пугали насъ различные доброжелатели, но стараюсь не думать о томъ, чтобы изъ-за этихъ бедуинскихъ распрей намъ не было и мѣста, чтобы пройти черезъ пустыню..

Наступаетъ время уже близко къ вечеру; торопясь, мы погоняемъ верблюдовъ, чтобы еще до заката солнца дойти до колодезь Айнь-Худїанъ, гдѣ рѣшили сдѣлать первую остановку и ночлегъ. Заптїя Мухаммедъ ѣдетъ впереди, по прежнему тщательно высматривая дорогу, словно отыскивая притаившихся бедуиновъ... Еще одинъ небольшой подъемъ на горбинку уади,—и должны открыться колодцы Айнь-Худїанъ. Вдругъ нашъ заптїя возвращается съ испуганнымъ лицомъ и заплетающимся языкомъ сообщаетъ, что у источника остановилась большая толпа вооруженныхъ алауинъ. Хотя по всѣмъ собраннѣмъ свѣдѣнїямъ это племя считается однимъ изъ самыхъ разбойничьихъ племенъ въ Синайской пустынѣ, но мы рѣшаемся идти прямо на нихъ, зная хорошо, что намъ некуда дѣваться въ пустынѣ... Приближеніе нашего каравана къ источнику было встрѣчено не-особенно дружельюбно; нѣсколько всадниковъ съ наготовленнымъ оружіемъ и громкими криками бросились на насъ, но Рашидъ съ Мухаммедомъ скоро убѣдили бедуиновъ, что



ѣдетъ «великій франкскій врачъ (хакимъ), собирающій травы въ пустынѣ и подающій исцѣленіе всѣмъ болящимъ». Эта рекомендація облегчила мнѣ почетный доступъ къ костру, у котораго сидѣли шейхи алауиновъ, и мнѣ было предложено душистое наргилѣ...

Послѣ небольшого отдыха, мнѣ пришлось показывать свое искусство на цѣлыхъ двухъ десяткахъ различныхъ пациентовъ и, такъ какъ всѣ мои лѣкарства оказали быстрое дѣйствіе—разумѣется, не терапевтическое, а только физиологическое,—то мои больные остались очень довольны врачомъ. Несмотря на такое доброе начало, шейхи племени все-таки предложили мнѣ внести бакшишъ за проходъ черезъ ихъ пустыню. Бакшишъ этотъ достигалъ до почтенныхъ размѣровъ, о которыхъ я не могъ и разсуждать, а потому я прямо отклонилъ это требованіе. Тогда почтенные шейхи спустили полцѣны, но я еще болѣе уменьшилъ его и въ концѣ-концовъ объявилъ, что такъ какъ у меня вовсе нѣтъ денегъ, то мнѣ и платить не изъ чего, и въ доказательство выворотилъ свои карманы. Это подѣйствовало на жадныхъ бедуиновъ, и они стали просить лишь то, что я могу имъ предложить. Пришлось помириться на 200 піастрахъ, т. е. на двухъ лирахъ, которыя и были вручены шейхамъ еще вечеромъ, у братскаго костра... Ночь мы провели не особенно спокойно, все время присматривая за вороватыми бедуинами и держа наготовѣ свое оружіе, а на утро не безъ удовольствія разстались съ этою шайкою, шедшею къ подножью Этъ-Тиха въ тылъ одному кочевью арабовъ Тавара...

Весь слѣдующій день мы прошли спокойно по ложу уади эль-Араби, также пустынной, какъ и вначалѣ, несмотря на массу открывающихся въ нее съ обѣихъ сторонъ ложбинъ. Чуткое ухо моихъ проводниковъ слышало гдѣ-то въ боковыхъ уади Джебель эль-Шерофэ оживленную перестрѣлку, но я не могъ различить ничего. Мой заптѣя по прежнему былъ насторожѣнъ и потому не позволилъ мнѣ выстрѣлить по хорошенькой газели, выскочившей изъ-подъ самыхъ ногъ моего верблюда и долго бѣжавшей на разстояніи, крайне выгодномъ для выстрѣла. Такъ какъ этотъ день мы шли довольно хорошо, то еще задолго до вечера добрались до новой своей ночевки, у источника Айнъ-Карандель. Здѣсь мы встрѣтили настоящій крошеч-

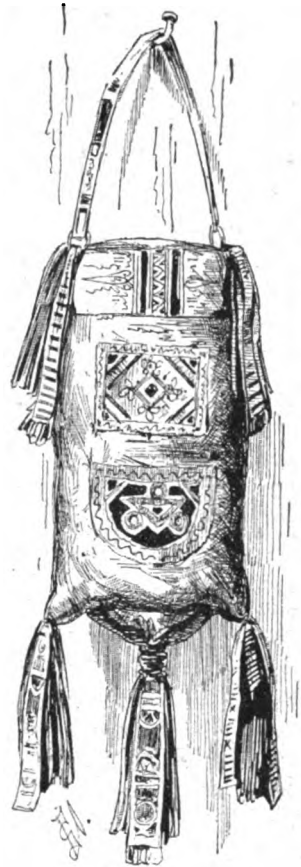


ный оазисъ съ массою зелени и группою тамарисковъ, осѣненныхъ молодыми пальмами. На этомъ становищѣ мы нашли уже небольшую кучку путешественниковъ, оказавшихся хаджами, пробиравшимися въ Хевронъ; объ этомъ караванѣ паломниковъ намъ говорили въ Акабѣ, какъ о людяхъ, которымъ, по всей вѣроятности, не суждено до-

браться до цѣли ихъ паломничества. Однако почтенные хаджи, подобно намъ, не убоились будущихъ и призрачныхъ страховъ и благополучно прошли черезъ кочевье страшныхъ алауиновъ, не сорвавшихъ съ нихъ даже небольшого бакшиша. Такъ какъ этотъ небольшой, но хорошо вооруженный караванъ рѣшительныхъ людей былъ намъ отчасти по дорогѣ, то мы были очень рады этой встрѣчѣ и съ удовольствіемъ провели вечеръ и ночь въ сообществѣ хаджей. Въ эту ночь мы были разбужены одинокимъ выстрѣломъ, раздавшимся недалеко отъ насъ въ ущельѣ; хотя это обстоятельство не имѣло никакихъ послѣдствій, тѣмъ не менѣе заставило насъ прокараулить и эту ночь. Однако страшная усталость и увѣренность, что за меня не будутъ спать мои проводники, заставили меня заснуть подъ утро такъ крѣпко, что я не слышалъ воя двухъ гіенъ, подходившихъ къ самому нашему становищу.

Рано утромъ, на другой день, оба наши соединенные каравана двинулись вмѣстѣ по уади Эль-Араби. Пройдя всего какихъ-нибудь двѣ—три версты отъ нашего ночлега, мы нашли въ устьѣ небольшой, открывавшейся на востокъ уади пятерыхъ бедуиновъ, очевидно, убитыхъ въ недавней свалкѣ и сильно попорченныхъ гіенами. Видъ этихъ объѣденныхъ труповъ, лежавшихъ среди камней съ полуоткрытыми глазами и съ зіяющими сабсельными ранами на головахъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на весь нашъ караванъ. Почтенные хаджи хотѣли-было вначалѣ предать погребенію трупы правовѣрныхъ, павшихъ на полѣ битвы, но потомъ, посоветовавшись между собою, отложили свое благое намѣреніе и поспѣшили удалиться изъ этого опаснаго мѣста. Теперь для насъ было ясно, что междуусобная война между арабскими племенами уже дошла до кровавыхъ расплатъ, и потому лучше было уйти подальше отъ этихъ звѣрей, испробовавшихъ человѣческой крови. Заптія Мухаммедъ, какъ отвѣтственный за благополучный проходъ нашего каравана, вскарабкавшись на высокую террасу близлежащей скалы, знаками подалъ намъ какіе-то сигналы, а затѣмъ, спустившись, сообщилъ важное извѣстіе, что впереди по уади эль-Араби движется большой отрядъ вооруженныхъ всадниковъ, вышедшій изъ уади Тальха, на который мы должны натолкнуться непременно, если будемъ подвигаться въ томъ же самомъ направленіи. Мухаммедъ совѣтовалъ поэтому, во избѣжаніе столкновенія съ вооруженнымъ арабскимъ племенемъ, очевидно, выступавшимъ въ походъ,—свернуть съ уади эль-Араби въ одно изъ боковыхъ ущелій Джебель-эль-Шерефэ и выйти на противоположную сторону этой цѣпи, на другую дорогу, ведущую къ Петрѣ, на которой въ настоящее время бедуинскія племена живутъ въ мирѣ между собою.

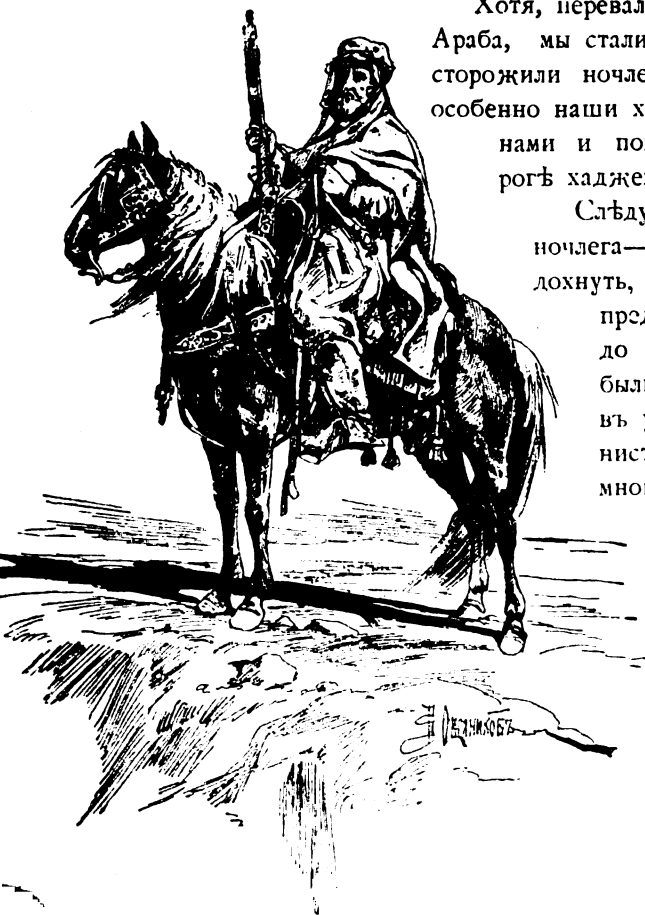
Подъ вліяніемъ какой-то, внезапно охватившей весь нашъ караванъ паники, мы безъ всякихъ возраженій послѣдовали совѣту заптіи и повернули своихъ верблюдовъ въ узкую и каменистую уади, въ самое сердце горной цѣпи, поднимавшейся справа отъ нея высокою обрывистою стѣною.



Признаюсь, что въ первое время паники я вполне раздѣлялъ страхъ своихъ спутниковъ, чувствуя, что какая-то особенная робость охватила все мое существо. Мнѣ казалось, что трупы бедуиновъ являются прообразомъ того, что и насъ ожидаетъ въ скоромъ времени, что мы попали въ самую междуусобицу воюющихъ бедуинскихъ племенъ и отовсюду окружены разбойничьими шайками, выстрѣлы которыхъ мы слышали ночью. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ страховъ мы всячески торопили измученныхъ верблюдовъ, которые еле шли черезъ загроможденное камнями дикое ущелье, каменныя стѣны котораго мѣстами опускались совершенно отвѣсно. Горная ложбина мало по малу вошла въ такія каменныя тѣснины, что мы боялись уже того, чтобы не уткнуться въ вершину уади безъ всякой возможности двинуться впередъ. Къ счастью, нашъ запятія нашелъ выходъ изъ этой тѣснины и повелъ насъ въ обходъ ея на перевалъ. Четыре часа ужасающей дороги, хуже которой трудно себѣ даже представить что-нибудь, привели насъ къ такому же тяжелому спуску, на которомъ не разъ падали наши верблюды. Мы давно уже покинули спины нашихъ животныхъ и вели ихъ подъ узды, боясь каждую секунду скатиться вмѣстѣ съ мелкими камнями, обваливавшимися подъ нашими ногами. Я не припомню всѣхъ подробностей этого ужаснаго перехода, когда мы нѣсколько часовъ шли, какъ будто не по горной тропинкѣ, а по какому-то хаосу большихъ и малыхъ нагроможденныхъ скалъ и камней, безъ всякаго признака какой-нибудь дороги. Въ концѣ-концовъ, почти къ самому закату солнца, мы вышли изъ этого дефиле и очутились по другую сторону хребта недалеко отъ дороги хаджей, илущей изъ глубины Аравіи на Керакъ. Небольшой источникъ порядочной воды, у котораго было предположено остановиться на ночлегъ, указывалъ, что мы снова вышли на настоящую дорогу, которая издавна соединяла берега Эланитскаго залива съ Петрою и другими городами Моавіи и Идумеи.

Хотя, переваливши хребетъ и уйдя съ широкой уади Эль-Араба, мы стали болѣе спокойны, тѣмъ не менѣе усиленно сторожили ночлегъ и провели ночь далеко не безъ волненій, особенно наши хаджи, рѣшившіеся съ утра распрощаться съ нами и пойти въ обходъ горъ черезъ пустыню по дорогѣ хаджей.

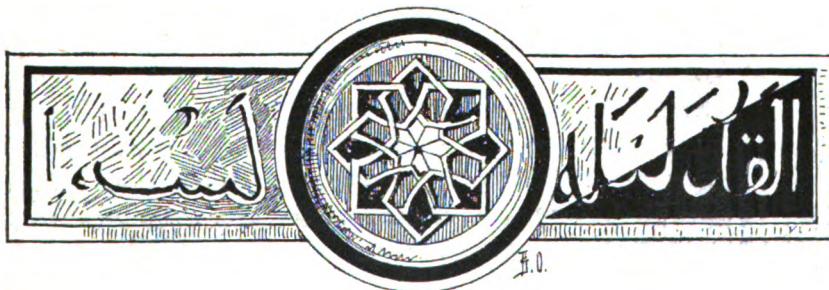
Слѣдующее утро мы не торопились покинуть своего ночлега—съ одной стороны, для того, чтобы лучше отдохнуть, а съ другой потому, что въ этотъ день намъ предстоялъ сравнительно небольшой переходъ до ущелья Эсъ-Сикъ, въ которомъ мы должны были еще разъ заночевать, прежде чѣмъ войти въ уади Муса. Дорога попрежнему была каменистою и шла у подножья хребта, пускавшаго многочисленныя развѣтвленія. Хотя въ этомъ направленіи и проходила прежняя римская дорога на Петру, тѣмъ не менѣе отъ нея не осталось и слѣдовъ, и камни усыпали весь путь, превративъ его въ одну торную



даже для неприхотливого верблюда, тропу. Зелени почти не было видно. Если не считать за таковую пучковъ сѣрожелтаго бурьяна, торчавшихъ между камнями.

Въ одномъ мѣстѣ мнѣ указали рядъ небольшихъ пещеръ, по всей вѣроятности, прежде служившихъ обиталищами. То были первыя пещеры огромнаго города троглодитовъ, которымъ представляется Петра—столица цѣлаго царства подземныхъ обиталищъ и пещеръ, занимавшаго всю Моавію, Эдомъ, Идумею и часть Южной Іудеи.

Последнюю ночь передъ Петрою мы провели у небольшой струйки воды, протекавшей черезъ ущелье Эсъ Сикъ по всей уади Муса, въ которой главнымъ образомъ и расположена изсѣченная въ камняхъ Петра. Несмотря на нѣсколько бессонныхъ ночей и значительное утомленіе, я долго не могъ уснуть, наслаждаясь звѣздною ночью и вдыхая прохладу, что тянула свѣжею струею изъ ущелья уади Муса. Рано утромъ мы тронулись съ ночлега и пошли далѣе по ущелью, слѣдуя теченію небольшого ручья. Благодаря присутствію довольно обильной воды въ самой тѣснинѣ, повсюду видна была свѣжая, хорошо сохранившаяся трава; кустики тарфъ, росшіе среди камней, и яркая зелень олеандровъ еще болѣе оживляли мрачный горный пейзажъ. Скоро олеандры стали образовывать цѣлую заросль, черезъ которую, казалось, лишь съ трудомъ пробивалъ себѣ дорогу ручеекъ. По совѣту заплѣти, мы слѣзли съ верблюдовъ и втроемъ съ Рашидомъ и Юзою стали взбираться по наклону, чтобы съ одного изъ обрывовъ, обращенныхъ въ котловину уади Муса, однимъ взоромъ окинуть всю картину «Города камня и скалы». Болѣе получаса продолжалось это путешествіе, пока на одномъ подъемѣ передъ нашими глазами не представилась величественная панорама.



Глава XXIII.

Панорама Петры. — «Тѣснина огня». — Погребальные гроты. —
Нахальство бедуиновъ.—Храмъ и амфи-
театръ въ Петрѣ.—Кости древняго чело-
вѣка. — Могилы-сар-
кофаги. — Монастырь
Эдъ-Деиръ.



РЕДСТАВЬТЕ себѣ длинную
впадину въ горахъ, обставлен-
ную почти отвѣсными скалами
и прячущуюся въ серединѣ ихъ.
Дно этой впадины, прорѣзан-
ной извилистымъ теченіемъ Мо-
исеева ручья, покрыто небольшими
холмами и грудами камней, дости-
гающими мѣстами огромной вели-

чины. Хотя въ этой впадинѣ и окружающихъ ее
скалахъ и прячется каменная Петра, тѣмъ не ме-
нѣе съ вершины нашей обсерваторіи не замѣтно ника-
кихъ подробностей этого удивительнаго города. Мѣстами
видны лишь зіяющія въ стѣнахъ каменныхъ массивовъ
какія-то отверстія, какъ-бы норы исполинскихъ стрижей;
кое-гдѣ различаются и неясные профили, вырѣзанные на
камени. Но все это не удовлетворяетъ глазъ путника, сто-
ящаго надъ оригинальнѣйшими въ мірѣ развалинами. Огром-
ные массивы, подпирающіе скалы, въ которыхъ вырублена Петра, сливаются
съ отрогами горы Неби-Харунъ, составляющей центръ всего горнаго узла и
вырисовывающейся красивымъ профилемъ на голубомъ небѣ, слегка позлащен-



Панорама Петры.



номъ лучами восходящаго солнца. Еще нѣсколько минутъ — и поднявшееся солнце озарило чудную панораму, лежавшую у насъ передъ глазами. Разноцвѣтная расписная скалы засвѣтились, казалось, самыми яркими красками радуги. Огромная, темно-красная масса Неби-Харуна, кровавыя скалы ложбины уади Муса съ темными зияющими въ нихъ отверстиями пещеръ, массивы всѣхъ оттѣнковъ красного и розоваго цвѣтовъ съ зеленоватыми и лиловатыми тѣнями,—все это на фонѣ ярко голубого неба и золотистой пустыни представляло зрѣлище, не поддающееся никакому описанію.

Догнавши затѣмъ свой ушедшій далеко впередъ караванъ, мы потянулись далѣе въ глубину дикаго ущелья Эсъ-Сикъ или «Тѣснины огня», какъ называютъ его арабы по кровавому цвѣту обставляющихъ его скалъ. Одинъ изъ путешественниковъ сравнилъ это ущелье со входомъ въ Дантовъ адъ; это сравненіе, можно сказать, самое удачное и невольно приходитъ въ голову всякому путнику, впервые вступающему въ багрово-красную «Тѣснину огня». Въ этомъ царствѣ кроваваго камня, куда солнечный лучъ пробивается лишь украдкой, гдѣ мѣстами не видно голубого неба, закрытаго нависшими скалами, гдѣ внизу царитъ какой-то багровый полусвѣтъ, искажающій всѣ оптическія представленія,—мѣстная легенда ищетъ не только входъ въ Петру, но и въ преддверіе подземнаго міра...

Еще нѣсколько шаговъ по ущелью Эсъ-Сикъ—и надъ нами является легкая арка, переброшенная черезъ тѣснину. Этою аркою, можно сказать, открывается рядъ остатковъ древней Петры временъ набатеевъ и римлянъ. Отсюда уже начинаютъ по обѣимъ сторонамъ ущелья появляться погре-



бальные гроты, зіяющіе, какъ черныя ямины, на кровяной поверхности каменныхъ стѣнъ. Отверстія всевозможныхъ пещеръ отовсюду смотрятъ на путника, пробирающагося по городу мертвыхъ, схороненному въ горахъ. Пещеры и погребальные гроты заполняютъ всѣ обрывы скалъ, обставляющихъ Петру, и всѣ долины и проходы, существующіе въ окружающихъ горахъ.

Въ одномъ изъ самыхъ узкихъ мѣстъ ущелья намъ внезапно загородила дорогу кучка вооруженныхъ бедуиновъ во главѣ съ шейхомъ деревеньки Эльджи, лежащей въ уади Муса, считающимъ себя хозяиномъ Петры. Мы сразу догадались, что арабы эти остановили насъ для того, чтобы сорвать съ насъ бакшишъ за посѣщеніе развалинъ, и потому вступили съ ними въ долгія пререканія. Шейхъ Эльджи и уади Муса, разумѣется, запросилъ съ насъ огромный бакшишъ въ двадцать лиръ, т. е. почти двѣсти рублей на наши деньги, а мы давали ему всего десятую часть того, что онъ запросилъ. Долго продолжался этотъ торгъ. Шейхъ Эльджи уже понизилъ свои требованія на половину, а мы продолжали стоять на своемъ. Наконецъ арабы объявили намъ, что въ виду нашей неуступчивости не пропустятъ нашго каравана далѣе по ущелью. Зная хорошо, какъ сильно дѣйствуетъ на бедуиновъ, въ общемъ довольно трусливыхъ, всякая рѣшимость особенно со стороны европейца, котораго повсюду боятся на Востоку, мы рѣшились тогда идти на проломъ.

Наши верблюды двинулись прямо въ толпу бедуиновъ, а мы приготовили свое оружіе, показывая полную рѣшимость немедленно пустить его въ дѣло. Нашъ натискъ былъ настолько быстръ и рѣшителенъ, что арабы не только не сдѣлали ни одного выстрѣла, но даже и не пытались останавливать нашихъ верблюдовъ. Разъ сопротивленіе было сломлено, условія мира были скоро подписаны и мы за двѣ лиры бакшиша получили право посѣщенія Петры и пребыванія въ ней. Вслѣдъ затѣмъ почтенный шейхъ Эльджи и уади Муса удалился со своею свитою, оставивъ при насъ лишь двухъ черномазыхъ молодцовъ, въ видѣ почетной стражи на все время пребыванія въ Петрѣ.

Прочистивъ себѣ путь, мы двинулись далѣе, и узкая тѣснина мало по малу стала расширяться. Не прошло и четверти часа хода, какъ вдругъ передъ нашими глазами предсталъ весь облитый лучами солнца, высѣченный изъ краснаго камня храмъ. Представьте себѣ мощную стѣну красноватаго камня, на которой, какъ огромный барельефъ, было изваяно цѣлое великолѣпное зданіе съ колоннами, куполами, фронтонами, статуями, нишами и тонкою рѣзбою. Массивная скала, удѣлившая небольшую часть своей толщи подъ чудное произведеніе человѣческихъ рукъ, продолжала составлять съ нимъ одно цѣлое; она какъ-бы понадвинулась на него, повисла сверху и окружила свою дикою необработанною массою драгоцѣн-

ный остатокъ античной скульптуры вылившейся въ зданіи-монолитѣ. Великолѣпный храмъ сохранился вполнѣ, и не осыпались даже орлы и статуи, изваянные на его простомъ, но изящномъ фронтономъ. Глядя на эту чудную постройку, носящую названіе Хазнетъ-Фираунъ или «Сокровищницы фараоновъ», невольно удивляешься искусству и терпѣнію древняго человѣка; тутъ, какъ и во всѣхъ античныхъ остаткахъ Петры, нѣтъ ни кирпичиковъ, ни отдѣланныхъ камней, тутъ одна общая матерняя скала, изъ которой древній архитекторъ-скульпторъ изваялъ цѣлое зданіе, какъ небольшую статую. Весь фасадъ храма имѣетъ до десяти сажень; красивый портикъ съ колоннами и пилястрами ведетъ во внутренность храма; верхнюю часть этого послѣдняго составляютъ три башенки съ колоннами и куполами. Внутренность «Сокровищницы фараоновъ» состоитъ изъ большой залы и трехъ небольшихъ комнатокъ, высѣченныхъ въ толщѣ скалы. Подробному осмотру этихъ пещерныхъ камеръ помѣшали мнѣ двѣ змѣи, которыя съ шипѣніемъ бросились на меня, когда ятаганъ Рашида перерубилъ ихъ пополамъ.

Отъ Хазнетъ-Фирауна мы пошли далѣе по расширившемуся ущелью Эсъ-Сикъ. Отсюда уже начинается обширная область погребальныхъ гротовъ Петры, удивительныхъ не только по многочисленности, но и по разнообразію украшеній. «Ущелье огня» уже потеряло свой зловѣщій адскій колоритъ; красноватая скала понизилась, яркія краски крови и огня потускнѣли, а веселая яркая зелень, наполнявшая самое ложе уади, и кусты терновника, олеандра и тарфы придавали ей уже болѣе привѣтливый видъ. Рѣзкій пріятный ароматъ доцветающихъ олеандровъ и веселое щебетанье птицъ въ густой заросли говорили уже о жизни, хотя многочисленные погребальные гроты, глядѣвшіе отовсюду на насъ, напоминали и о смерти. Пробираясь далѣе пѣшкомъ по уади, наполненной ароматами растений, мы пробовали влѣзть въ нѣкоторые погребальные



Храмъ въ Петрѣ.



Храмъ въ Петрѣ.

масса, высоко поднявшаяся надъ всею окружающею мѣстностью, въ нижней части своей была сръзана, обравнена, изваяна, какъ кусокъ мрамора подъ рѣзцомъ искуснаго скульптора. Верхняя часть огромнаго, вырубленнаго почти отвѣсно въ толщѣ камня углубленія образуетъ собою какъ-бы периферію всего театра, отъ которой книзу спускаются тридцать три ряда ступеней, идущихъ по всей окружности амфитеатра и могущихъ вмѣщать до трехъ—четырехъ тысячъ зрителей. Горные кустарники и травы проросли мѣстами самые камни, и театр, нѣкогда шумный и многолюдный, вмѣщаетъ теперь одни эти растения. Яркое солнце

гроты, особенно удобные для посѣщенія. Нѣкоторые изъ нихъ расположены на такихъ гладкихъ, словно отполированныхъ, отвѣсахъ, что даже цѣпкія ящерицы не могутъ посѣщать ихъ; только рѣдкія птицы, по большей части горныя совы, бывають единственными гостями этихъ высокоприподнятыхъ надъ землею могилъ.

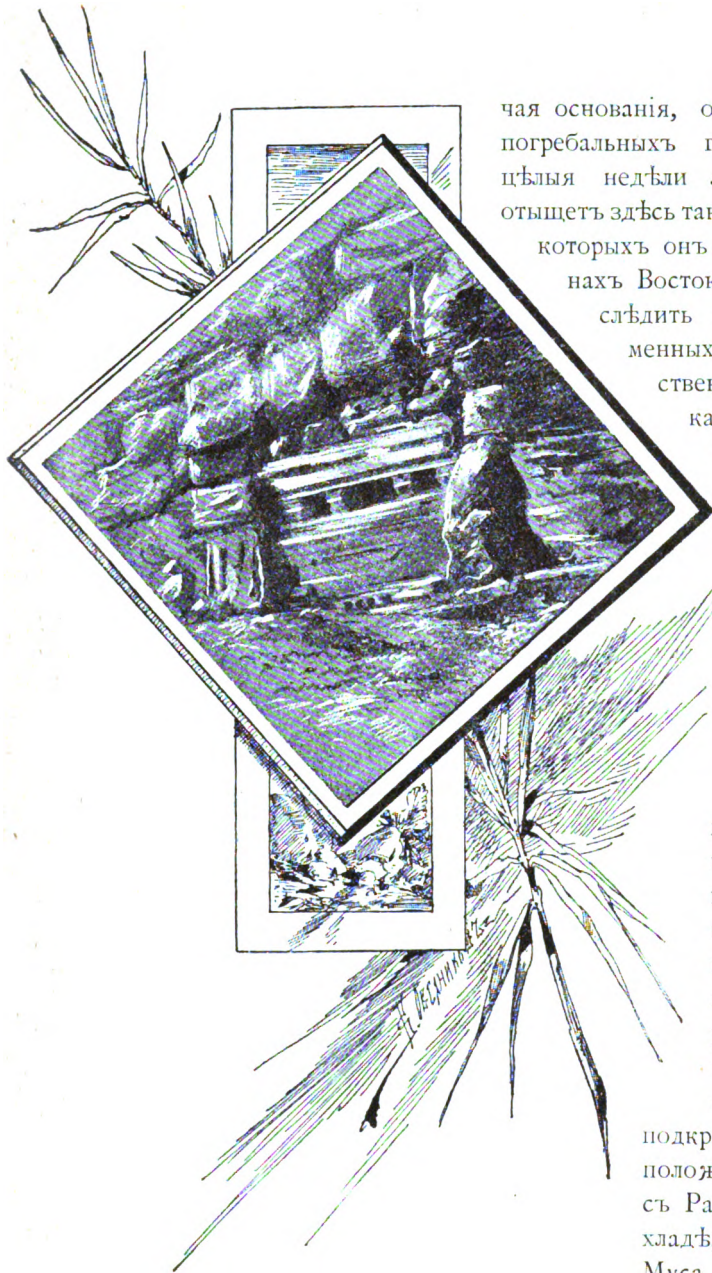
Ползая усердно по камнямъ и скаламъ, залѣзая въ погребальныя гроты и разыскивая разные остатки древности, мы незамѣтно пришли и къ знаменитому амфитеатру Петры. На обширномъ пространствѣ всего античнаго Востока я пересмотрѣлъ много театровъ и коллизеевъ, поражающихъ не только колоссальностью, но и красотою но ни одинъ изъ нихъ не поразила меня такъ сильно, какъ сравнительно небольшой амфитеатръ Петры. Строитель этого оригинальнаго города, имѣвшій дѣло не съ глыбами камней, а съ цѣлыми скалами и горами, не задумался передъ тѣмъ, чтобы вырубить изъ одной скалы цѣлый амфитеатръ на нѣсколько тысячъ чело­вѣкъ. Огромная каменная



Развалины амфитеатра.

заливало своимъ свѣтомъ раскаленные каменные ступени, по которымъ бѣжали однѣ ящерицы и порою извивались черныя змѣи. Солнечные лучи иногда заглядывали и въ тѣ зіяющія темныя отверстія, что прорублены были на периферіи амфитеатра; эти ямины вели въ небольшія комнатки, вырубленные въ камнѣ, расположенныя полукругомъ надъ верхнимъ рядомъ ступеней и служившія, по всей вѣроятности, ложами для привилегированныхъ зрителей. Ширина самой арены не велика и не превышаетъ нѣсколькихъ сажень; но діаметръ всего амфитеатра доходитъ до 15 сажень. Огромная, почти обрывистая скала нависла надъ сценою и амфитеатромъ, словно защищая ихъ со стороны горной дебри и еще болѣе усиливая впечатлѣніе.

У театра погребальные гроты сгучились въ такомъ огромномъ количествѣ, что глазъ не успѣваетъ сосчитать ихъ съ высоты верхнихъ ступеней амфитеатра, съ которыхъ открывается прекрасный видъ на продолженіе долины Айнъ-Муса; могилы виднѣются повсюду, куда-бы ни запалъ взоръ наблюдателя. Онѣ идутъ красивыми, часто правильными рядами, онѣ чернѣютъ и одиночками, и группами, онѣ унижаютъ самыя вершины скалъ и карнизы каменныхъ обрывовъ, занимая, кажется, все, что могутъ занять. Напротивъ театра расположены однѣ изъ интереснѣйшихъ могилъ Петры; простыхъ, еле обдѣланныхъ отверстій въ каменной стѣнѣ здѣсь виднѣтся сравнительно мало; большинство же носитъ слѣды большей или меньшей художественной обработки. Не только карнизы и косяки, но и цѣлыя фасады украшаютъ входное отверстіе этихъ гротовъ, представляющихъ великое разнообразіе. Есть фасады, красиво декорированные орнаментами, есть фасады съ колонками и фронтонами, мѣстами виднѣются гроты, обдѣланные, какъ входы въ храмъ. Двѣ-три могилы кажутся небольшими зданіями-монолитами, отдѣленными со всѣхъ сторонъ, исклю-



Погребальные гроты Петры.

чая основанія, отъ матерней скалы. Изученіе однихъ погребальныхъ гротовъ Петры могло-бы занять на цѣлыя недѣли любознательнаго археолога, который отыщетъ здѣсь такіе типы могилъ, подобіе или развитіе которыхъ онъ можетъ увидать и въ другихъ странахъ Востока. На гротахъ Петры можно прослѣдить все развитіе искусства созиданія каменныхъ могилъ. Отъ простаго, безыскусственнаго отверстія, грубо вырубленнаго въ камнѣ, можно наблюдать здѣсь всѣ переходы до изящнаго грота съ фронтонами и пилястрами, обдѣланнаго на подобіе храма. Такихъ совершенныхъ по архитектурѣ погребальныхъ гротовъ нельзя встрѣтить даже въ Палестинѣ и Египтѣ, гдѣ только такъ называемыя Гробницы Царей могутъ идти въ сравненіе съ усыпальницами Петры...

Усердно занявшись изученіемъ погребальныхъ гротовъ и пещерныхъ жилищъ Петры, очень сходныхъ между собою, мы и не замѣтили, какъ день постепенно склонялся къ вечеру. Нашъ караванъ расположился на ночлегъ въ самомъ живописномъ уголкѣ Петры, на остаткахъ только что описаннаго амфитеатра. Немного отдохнувъ отъ дневныхъ экскурсій и подкрѣпивъ силы, я покинулъ свой расположившійся мирно караванъ и вдвоемъ съ Рашидомъ отправился, по вечерней прохладѣ, побродить по теченію ручейка Айнъ-Муса. Недалеко отъ своего становища я набрелъ на небольшую лѣсенку, ступени которой были изсѣчены въ камнѣ и вели

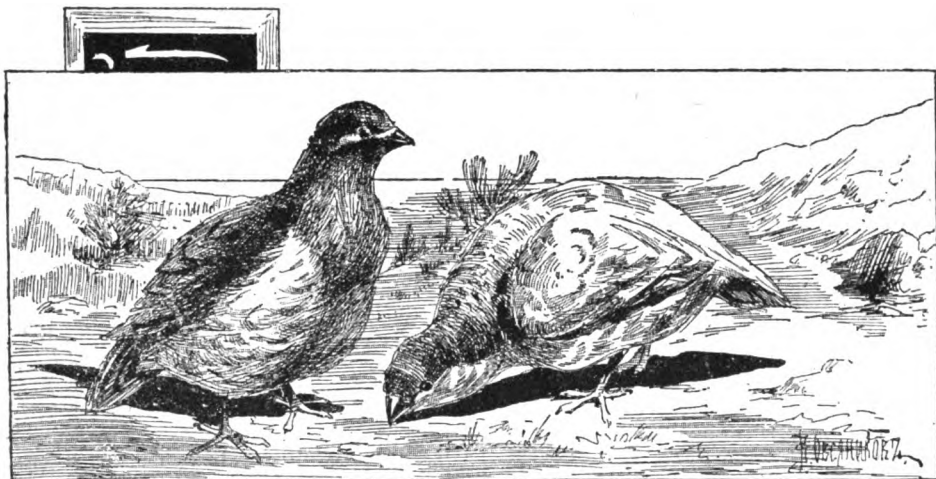
къ верхнему ряду пещеръ. Пользуясь полусвѣтомъ догорающаго дня, я направился къ одной одинокой пещерѣ, висѣвшей на отвѣсѣ. Въ этой пещеркѣ, не отличавшейся по виду ничѣмъ отъ массы остальныхъ, я отыскалъ кости, принадлежащія почти несомнѣнно одному изъ древнѣйшихъ обитателей Петры. Освѣтивъ пещерку огаркомъ свѣчи, я увидалъ, къ своему удивленію, не гладкія стѣны, какъ въ другихъ гротахъ, а большіе обвалы камня, загромождавшіе почти половину подземнаго грота; мелкіе обломки человѣческихъ костей заставили меня обратить особое вниманіе на пещеру и ея обвалы камней. Хотя въ тотъ день никакихъ особенныхъ открытій я не сдѣлалъ, но въ виду того, что на другой день, рано утромъ,

я снова посѣтилъ пещеру съ двумя своими проводниками и нашелъ почти полный скелетъ человѣка,—я и позволилъ себѣ забѣжать нѣсколько впередъ. Осыпавшіеся и нагроможденные камни, мѣстами превращенные въ труху, скрывали подъ собою остатки настоящаго «древняго человѣка», котораго я разыскивалъ повсюду въ древнихъ усыпальницахъ Востока.

Едва къ ночи я вернулся съ Рашидомъ изъ этой экскурсіи къ своему становищу, гдѣ Юза давно ждалъ меня съ ужиномъ, къ которому шейхъ Эльджи и Петры прислалъ двѣ жирныхъ куропатки. Весела и оживленна была наша бесѣда у костра въ эту ночь: много интересныхъ преданій и легендъ, относящихся къ развалинамъ Петры и массивамъ Неби - Харуна, слышался я отъ своихъ арабовъ, но, къ сожалѣнію, большей части того, что рассказывали туземцы, по непривычкѣ къ мѣстному произношенію, я не могъ хорошо понимать. Ночь была дивно хороша, особенно, когда изъ-за темной массы Неби-Харуна показалась убаюкивающая луна и своимъ фосфорическимъ сіяніемъ озарила землю, уснувшую въ объятіяхъ ночи. Разноцвѣтныя горы, блиставшія при освѣщеніи яркостью красокъ и сочностью колорита, теперь представлялись массами сѣро-синихъ и черныхъ камней, посеребренныхъ лишь мѣстами блестками луннаго сіянія; приостренныя вершины Неби-Харуна, каемки каменныхъ громадъ, нависшихъ надъ уади Муса, фронтоны могилъ, обращенныхъ къ амфитеатру и кое-гдѣ виднѣющіеся остатки Петры, все было обрызгано серебристымъ сіяніемъ и ярко блистало въ сравненіи съ остальными массами, погруженными въ дымку лилово-сѣраго тумана. Недалеко отъ насъ журчалъ своими струйками горный ручеекъ; кругомъ, въ сухой травѣ, трещали кузнечики, неумолчно пѣли цикады въ частой поросли олеандровъ и тарфѣ. Отовсюду — сверху и снизу, вблизи и издали неслись жалобные, словно плачущіе, крики шакаловъ; горы и могилы, казалось, были наполнены этими криками, порою сливавшимися въ одинъ общій, трогаящій душу вопль. Къ крикамъ шакаловъ присоединялись, временами, и громкіе вопли черной совы, кричавшей въ погребальныхъ пещерахъ, служащихъ обиталищемъ многочисленныхъ хищниковъ ночи. Не раскидывая даже походной палатки, мы распростерлись на каменныхъ ступеняхъ амфитеатра и, положивъ свои войлоки и плащи, крѣпко заснули подъ крики шакаловъ и совъ, будившихъ мертвенную тишину Петры. Оба араба, приставленные къ намъ шейхомъ Петры и Эльджи, всю ночь сторожили нашъ покой; по всей вѣроятности, не дремали и мои вѣрные проводники.



Погребальные
гроты.



Горныя куропатки.



Весь слѣдующій день съ ранняго утра мы провели на самыхъ развалинахъ Петры, блуждая по долину Моисея, по горамъ и ложбинкамъ, составляющимъ ея продолженіе, и лазая по скаламъ и обрывамъ, куда манили насъ таинственные гроты и пещеры, выдѣлявшіеся повсюду, куда ни заглядывалъ глазъ, во всей области, занимаемой Петрою. Правда, пространство это не велико и, главнымъ образомъ, заключается въ длинной котловинѣ уади Муса, но за то всѣ окружающіе массивы можно считать продолженіемъ этого города троглодитовъ, имѣвшаго болѣе подземныхъ, чѣмъ надземныхъ жилищъ. Въ серединѣ котловины, какъ мы уже говорили, протекаетъ ручеекъ Айнъ-Муса, мѣстами совершенно теряющійся въ густой поросли олеандровъ, тарфъ и другихъ незнакомыхъ мнѣ кустовъ; сравнительно богатая растительность покрываетъ и многія изъ надземныхъ руинъ; куда ни помотришь съ любого возвышенія ложбины уади Муса, повсюду увидишь безмолвныя, важныя руины, выступающія то на вершинахъ холмовъ, то на ихъ склонахъ, то у подножія каменистыхъ горбинъ; нагроможденныя мѣстами цѣлыя кучи камней и густыя заросли кустарниковъ скрываютъ отъ взора еще многія руины. Большинство надземныхъ построекъ древняго города, хотя и сложенныхъ изъ отдѣльныхъ глыбъ, имѣютъ все-таки свое каменное основаніе не сложеннымъ, а высѣченнымъ въ толщѣ подлежащей скалы, которая даетъ обыкновенно и часть стѣны, служащую основою всему зданію. Среди развалинъ домовъ есть и такія сооруженія, которыя можно назвать настоящими монолитами,—такъ близка и тѣсна ихъ связь съ подлежащимъ каменнымъ основаніемъ, опредѣлявшимъ не только топографію, но и архитектуру зданій Петры.

Подобно тому, какъ мы видѣли на погребальныхъ гротахъ, можно прослѣдить аналогичное явленіе постепеннаго развитія и на пещерныхъ обиталищахъ троглодитовъ Петры. Грубая пещера или ниша, выкопанная въ толщѣ скалы, превращалась съ развитіемъ культуры ея обитателя въ великолѣпное подземное сооруженіе, принимавшее стиль и украшенія надзем-

ныхъ жилищъ греко-римскаго стиля. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ культуры пещерное сооруженіе, дотолѣ скрытое въ толщѣ скалы, стало выходить изъ нея, получать свои внѣшнія стороны путемъ постепеннаго уничтоженія периферическихъ частей скалы и превращаться такимъ образомъ въ своеобразное зданіе - монолитъ. Весьма часто единственною разницею между тѣми или другими сооруженіями Петры являлось лишь то условіе, что въ то время, какъ одни зданія складывались изъ отлѣльныхъ камней, другія высѣкались прямо изъ скалъ, на по-



Дворецъ Касръ-Фираунъ.

добіе статуи подъ рѣзцомъ искуснаго художника. Бывшій троглодитъ Петры какъ будто не довѣрялъ сооруженіямъ, строящимся свободно не въ толщѣ каменной скалы, а потому, хотя снизу, давалъ имъ прочное каменное основаніе. Благодаря этому, нѣкоторыя мѣста ложбины уади Муса, если-бы онѣ были освсвождены отъ загромождающихъ ихъ камней, представились-бы въ видѣ каменныхъ ячеекъ большаго сота, въ которомъ каждая ямца соотвѣтствовала тому или другому зданію, какъ-бы вложенному въ нее. Такъ были выстроены въ Петрѣ не только жилища частныхъ людей, но и зданія общественныя, даже храмы. Подлежащая каменная масса повсюду если не входитъ всецѣло въ зданія, т. е., вѣрнѣе сказать, если и не обрабатывается въ ту или другую постройку, то во всякомъ случаѣ даетъ такое прочное основаніе, что низы колоннъ-монолитовъ смѣло воздвигаются на него. Петра времянь высшей культуры, по мѣрѣ своего развитія и роста, рано вышла изъ гротовъ и пещеръ, и зданія послѣдняго періода имѣютъ мало общаго съ городомъ-монолитомъ; но и самые остатки ихъ такъ величественны, что Петрѣ нечего стыдиться ихъ. Огромные камни-монолиты, цѣлые фронтоны, порталы, колонны и ступени, высѣченныя изъ цѣльнаго камня, разбросаны по всему могиліщу Петры и говорятъ о томъ, что недаромъ прозвище «города камня» было издавна присвоено этой послѣдней. Хотя развалины нѣсколькихъ храмовъ Петры и не могутъ сравниться съ великолѣпною «Сокровищницею фараоновъ», тѣмъ не менѣе онѣ обращаютъ на себя вниманіе всякаго еуропейца, посѣщающаго долину Эль-Муса. Большая часть этихъ храмовъ расположена недалеко отъ главной водной арте-



рии Петры—Айнъ-Муса, и остатки нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ густо обросли массою вьющихся растений, что даже трудно выяснитъ ихъ отношеніе къ подлежащей скалѣ.

Самый большой храмъ Петры, имѣвшій четырехугольную форму, несмотря на значительную степень разрушенія, до сихъ поръ производитъ импонирующее впечатлѣніе. Остатки колоннады, арокъ и фронтона этого храма могутъ во многихъ отношеніяхъ поспорить съ наиболѣе замѣчательными руинами Сирии и Палестины. Судя по массѣ каменныхъ кубиковъ, валяющихся повсюду, и особенно около большого храма, можно думать, что жители этого каменнаго города любили мостовыя, которыми выравнивали неровности и выбоины подлежащей скалы. Самый ручеекъ Моисеевъ, повидимому, имѣлъ свою бережную съ красивыми полукруглыми мостами, отъ которыхъ остались одни слѣды.

Трудно даже перечислить всѣ многочисленные остатки Петры, тѣмъ болѣе, что большинство ихъ еще мало изучено и ждетъ серьезныхъ археологическихъ изысканій. Въ

числѣ этихъ остатковъ надо, однако, упомянуть объ оригинальномъ зданіи, называемомъ то храмомъ, то дворцомъ,—Касръ-Фираунъ—и построенномъ изъ отдѣльныхъ небольшихъ камней. Величина этого сооруженія, остатки колоннъ, фризозъ, фронтона и огромныя стѣны—все это говоритъ о великолѣпнн зданія, не даромъ носящаго названіе Фараонова дворца.

Отъ Касръ-Фираунъ, который считается многими за большой дворецъ Петры, идетъ прекрасно сохранившаяся мостовая къ большой триумфальной аркѣ, которая стояла и стоитъ на пути въ середину города для всѣхъ въѣзжавшихъ въ Петру съ западной стороны. Миновавъ эту арку, путникъ доходилъ по своего рода лиоостратону до большого дворца и вступалъ прямо въ середину города къ величайшимъ храмамъ Петры и къ амфитеатру, къ которому шла самая большая улица города, придерживавшаяся теченія Моисеева ручья.

Перечисленными вкратцѣ замѣчательностями Петры, собственно говоря, и исчерпывается монументальная сторона этихъ развалинъ; остаются еще группы всевозможныхъ гротовъ и пещеръ, которыми и начинается, и заключается Петра. Пещеры и могилы встрѣчаютъ насъ первыми, когда мы входимъ въ «Городъ камня», онѣ же провожаютъ путника далеко за предѣлы собственно Петры. Разнообразіе гротовъ, поразительное вблизи амфитеатра, дѣлается еще болѣе замѣчательнымъ по мѣрѣ того, какъ мы двигаемся далѣе, особенно вдоль обрывовъ, замыкающихъ Петру съ востока, гдѣ встрѣчаются самыя поразительныя по внѣшней отдѣлкѣ пещеры. Здѣсь сосредоточены лучшія могилы города и находится, такъ сказать, привил-

легированное кладбище Петры, тогда какъ въ скалахъ, идущихъ къ сѣверу и западу отъ главныхъ развалинъ, погребены лица, не имѣвшія возможности сдѣлать изъ своихъ погребальныхъ гротовъ настоящихъ храмовъ и дворцовъ. По срединѣ огромной каменной стѣны, царящей, можно сказать, надъ Петрою, находится знаменитая большая могила, гордящаяся тремя рядами хорошо сохранившихся колоннъ. Прекрасно обдѣланный фронтономъ этой глубокой пещеры издали придаетъ ей видъ небольшого храма, изсѣченнаго въ скалѣ. Какъ огромный орнаментъ, изваяна на красноватой скалѣ эта колоннада, расположенная тремя рядами, одна надъ другою, и выступающая рельефно изъ камня рядомъ съ темными входами погребальнаго грота. Могилы съ колоннадами и со входными отверстиями, украшенными скульптурными изображеніями, встрѣчаются по обѣимъ сторонамъ большой могилы; нѣкоторыя изъ нихъ подняты такъ высоко, что поневолѣ недоумѣваешь относительно тѣхъ приемовъ, съ помощью которыхъ были обработаны эти пещеры. Тутъ же можно встрѣтить и лучшія изъ такъ называемыхъ могилъ съ урнами, которыя составляютъ особенность Петры. Самая большая изъ подобнаго рода могилъ находится недалеко отъ большой могилы и представляетъ родъ храма, похожаго на Хазнетъ-Фираунъ. Большая урна, поставленная на особомъ пьедесталѣ надъ фризомъ, составляетъ главное украшеніе этого погребальнаго грота, смотрящаго прямо на главныя развалины Петры.



Для того, чтобы дополнить свое описаніе могилъ Каменнаго города, надо упомянуть еще о могилахъ-саркофагахъ, встрѣчающихся какъ въ самой Петроѣ, такъ и въ окружающихъ ее горахъ. Общая форма ихъ кубовидная, иногда усѣченной пирамиды; основаніе ихъ не отдѣляется отъ подлежащей скалы. Такимъ образомъ памятники этого рода, очень характерныя для Петры, можно разсматривать какъ переходныя формы отъ каменныхъ гротовъ къ настоящимъ саркофагамъ; погребальная камера тутъ заключается не въ толщѣ скалы, а выдѣляется изъ нея своими стѣнками, такъ сказать совершенно вырубается изъ массы камня, съ которою она сливается лишь одною стороною, всего чаще основаніемъ.

Помимо всѣхъ этихъ пещерныхъ сооружений, гигантскіе аквадуки, проводившіе воду изъ далекихъ горныхъ ключей, и цѣлыя лѣстницы съ сотнями ступеней, высѣченныхъ также изъ камня, заслуживаютъ вниманія туриста. Глядя на эти огромныя каменныя лѣстницы, особенно на самую большую изъ нихъ, ведущую къ великолѣпнымъ развалинамъ Эдъ-Деиръ, начинаешь сомнѣваться въ томъ, что ихъ сдѣлали руки обыкновенныхъ смертныхъ, и въ воображеніи, склонномъ во всемъ видѣть чудеса, троглодиты Петры начинаютъ рисоваться настоящими титанами, способными раздвигать, поднимать и обтачивать цѣлыя горы.

Страшно измучившись за день усерднаго осмотра остатковъ Петры, мы съ радостью пришли на отдыхъ къ своему становищу, перенесенному со ступенекъ амфитеатра немного ближе къ выходу изъ уади Сикъ, въ самую середину развалинъ. Къ нашему костерку, ярко вспыхнувшему отъ массы смолистыхъ сучковъ тарфы, пришелъ въ этотъ день и старый шейхъ,

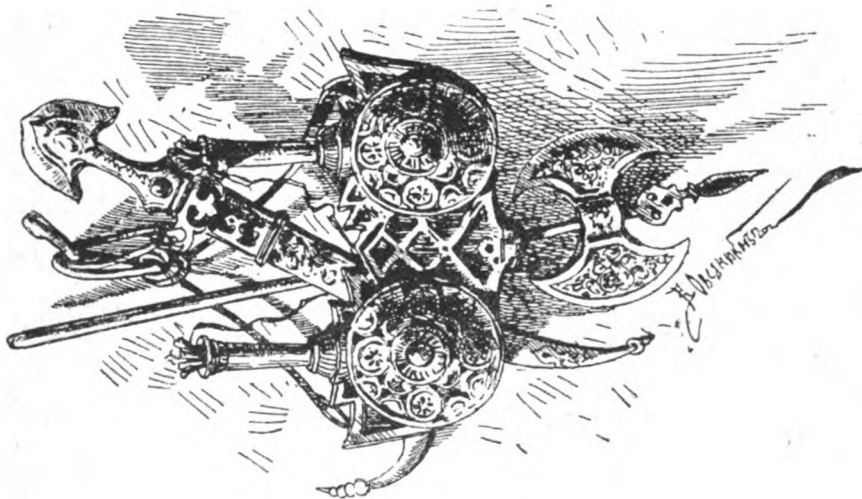
Эльджи и Петры. Но почтенный старшина явился вовсе не для того, чтобы навѣстить своихъ гостей, а только для того, чтобы потребовать добавочнаго бакшиша за нѣкоторыя раскопки и находки, которыя мы сдѣлали сегодня, и которыя, по его словамъ, не входили въ условленную плату. Разумѣется, на такковыя притязанія нахальнаго шейха мы отвѣтили полнымъ отказомъ и, когда негодяй вздумалъ пугать насъ тѣмъ, что не выпустить вовсе изъ уади Муса, мы обѣщали пробить себѣ дорогу выстрѣлами. На этомъ и окончились наши пререканія въ этотъ день. Положеніе наше въ эту ночь, проведенную въ Петрѣ, было не изъ завидныхъ; хотя мы и надѣялись на трусость арабовъ Эльджи, тѣмъ не менѣе не могли спокойно провести ночь. Окруженные врагами, среди обстановки, какъ нельзя болѣе располагающей къ нападенію, не имѣя возможности даже сопротивляться бедуинамъ, если-бы они на самомъ дѣлѣ серьезно рѣшились добиваться требуемаго бакшиша, мы были въ положеніи птицы, запертой въ клѣткѣ, откуда не было никакого выхода. Разумѣется, въ эту ночь, несмотря на всю усталость, я не могъ заснуть и караулилъ вмѣстѣ со своими проводниками. Верблюды наши, на случай коварства со стороны туземцевъ, были привязаны поближе къ становищу, все имущество было собрано вмѣстѣ, а одинъ изъ заптѣевъ дежурилъ на возвышающейся кучѣ развалинъ, чтобы заранѣе подмѣтить приближающагося врага. Въ эту ночь мы не поддерживали даже костра, отчасти изъ боязни служить прекрасною цѣлью для бедуинскихъ пуль...

Несмотря, однако, на всѣ страхи, вторая и послѣдняя ночь въ Петрѣ прошла тихо и безмятежно для насъ. Тѣмъ не менѣе мы должны были торопиться уходить изъ Петры, не познакомившись, даже поверхностно, съ главными остатками этихъ единственныхъ въ мірѣ руинъ... Безъ завтрака и утренняго кофе, мы старались скорѣе сняться съ опаснаго мѣста и уйти подальше отъ бедуиновъ Эльджи...

Яркій солнечный день разгорался со всѣмъ блескомъ и великолѣпіемъ, которые можно наблюдать только въ пустынѣ. Краски травъ, пурпура и огня заиграли на расписныхъ скалахъ Петры; развалины какъ-бы ожили на ласкающихъ лучахъ солнца, и по нимъ побѣждали ящерицы, блестя своими разноцвѣтными спинками. Скоро были собраны всѣ наши пожитки, нагружены верблюды, и нашъ караванъ медленно двинулся черезъ развалины Петры. Пройдя Дворецъ фараоновъ и подножье массива, на которомъ возвышались останки акрополя Петры, мы покинули широкую уади Муса и снова вошли въ узкую долину, извивающуюся между скалами и составляющую продолженіе уади Эсъ-Сикъ. Намъ пришлось теперь идти на подъемъ довольно затруднительный, и только каменные ступени, мѣстами высѣченныя въ скалахъ, облегчали нѣсколько нашъ путь, на которомъ бѣдныя животныя едва не скатывались, а грузы балансировали на ихъ горбахъ. Масса небольшихъ и крупныхъ камней, лежавшихъ на пути, затрудняла каждый шагъ впередъ, а ноги скользили по отполированному камню. Небольшая тропинка продолжала проходить черезъ узкую тѣснину между обрывистыми скалами, покрытыми сотнями погребальныхъ пещеръ. Наконецъ, послѣ тяжелыхъ усилій, разбивъ себѣ ноги и колѣни въ кровь, мы выбрались къ послѣднему изъ чудесъ города-монолита — самому огромному изъ сооруженийъ,

высѣченныхъ изъ камня, носящему нынѣ скромное названіе обители или монастыря эдъ-Деиръ.

Все необыкновенно и поразительно вокругъ этого громаднаго сооруженія, превосходящаго по своимъ размѣрамъ даже Сокровищницу фараоновъ. Представьте себѣ дикую панораму обнаженныхъ обрывистыхъ скалъ, отливающихъ зловѣщими красными цвѣтами. Среди этого моря камней высится огромный массивъ, выступающій надъ другими скалами. Этотъ массивъ и послужилъ тою каменною глыбою, изъ которой могучій троглодитъ Петры изваялъ огромный храмъ или дворецъ. Изваявъ скалу снаружи, онъ глубоко прорубилъ ея толщу, превративъ часть ея во внутренность огромнаго двухъэтажнаго зданія; не довольствуясь этимъ, онъ обривалъ самыя скалы, срубалъ ихъ вершины, отполировалъ обрывы, обрубилъ выступавшіе камни и, наконецъ, чтобы устроить доступы и спуски къ далеко ниже стоящей Петрѣ, образовалъ искусственное ущелье и изсѣкъ цѣлыя лѣстницы въ послушныхъ его волѣ скалахъ. Одна исполнинская лѣстница тянется почти на цѣлую версту на подъемъ... Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ въ окрестностяхъ Петры нельзя встрѣтить такого огромнаго количества этихъ каменныхъ спусковъ и подъемовъ, обработанныхъ рукою человѣка, превратившаго цѣлыя скалы въ огромный улей съ безчисленными ячейками, гнѣздами и ходами. Все зданіе, напоминающее по строгости своихъ линій египетскіе храмы, еще болѣе просто въ своей внутренности, почти лишенной всякихъ украшеній. Гладкія стѣны, какія-то камеры, ступени внутри эдъ-Деира—все это производитъ подавляющее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе сильное, что внутренность святилища плохо освѣщена. Огромная галерея, цѣликомъ высѣченная изъ камня, и стоящая на рядѣ дорическихъ колоннъ, поддерживающихъ нижній фронтонъ, придаетъ особую фізіономію всему зданію, царящему надъ окружающею каменистою пустыней. Съ этой галереи эдъ-Деира открывается одна изъ лучшихъ панорамъ въ окрестностяхъ Петры; огромныя каменные массы какъ-бы стѣснились къ той скалѣ, въ которой высѣченъ этотъ дивный храмъ; напротивъ его своею двойною вершиною высится величественный Небъ-Харунъ; почти всѣ памятники Петры, расположенные въ уади Муса, и безчисленное множество погребальныхъ гротовъ сразу видны взору путника, смотрящаго внизъ съ галереи эдъ-Деира.



Глава XXIV.

Внутри древняго храма.—У подножія Аароновой горы.—Вступленіе въ великую пустыню.—Встрѣча съ караваномъ торговцевъ.—Послѣдняя ночь на границахъ Святой Земли.—Соляная гора.—Путь къ Хеврону.—Развалины Маона, Кармеля и Зифа.—Снова у своихъ.—Размышленія о временахъ исхода израильтянъ.—Иерусалимъ.—Отъѣздъ изъ Яффы въ Россію.



Ъ чувствомъ особеннаго благоговѣнія я входилъ въ огромныя полутемныя вмѣстилища храма. Холодомъ, мракомъ и могилою вѣяло изъ глубины его слабоосвѣщенныхъ залъ. Стаи нетопырей и совъ, испуганныя неожиданнымъ появленіемъ свѣта, взлетали и металась по сводамъ огромнаго храма, масса разноцвѣтныхъ ящерицъ встрѣтила насъ у самаго порога святилища и разбѣжалась такъ быстро, что за нею нельзя было услѣдить. Я не знаю мнѣній другихъ посѣтителей Петры насчетъ цѣли и назначенія этого величественнаго зданія, но для меня эдъ-Деиръ представляется несомнѣннымъ храмомъ въ честь одного изъ невѣдомыхъ божествъ, которымъ поклонялись троглодиты этихъ горъ, сыны Эдома, набатен и другіе позднѣйшіе обитатели Петры. Быть можетъ, подземелья эдъ-Деира могли служить и полумрачнымъ храмомъ солнца, въ которомъ ликованіе во свѣтѣ блистающаго дня смѣнялись необузданными оргіями, совершаемыми подъ покровомъ темныхъ ночей...

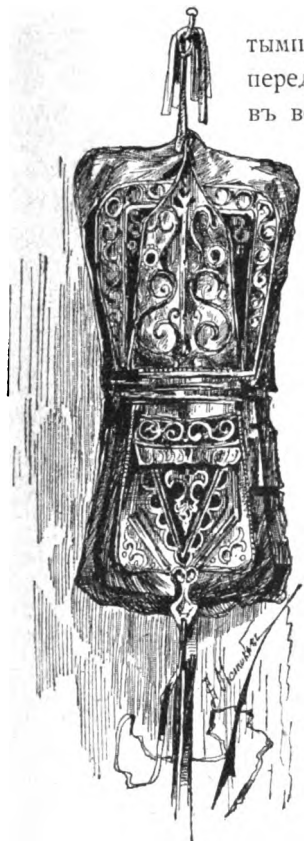
На ступеняхъ древняго храма, въ прохладной тѣни, мы наскоро позавтракали, сварили даже кофе, а потомъ начали осторожный спускъ съ возвышенности эдъ-Деира по направленію къ подножію Небъ-Харуна. Если труденъ былъ подъемъ сюда со стороны Петры, то спускъ былъ еще тяжелѣе; масса отдѣльныхъ камней, нагроможденныхъ въ хаотическомъ

беспорядкѣ, еще болѣе усиливала трудность пути. Мы все еще подвигались впередъ съ большими предосторожностями, опасаясь какой-нибудь засады или нападенія со стороны неудовлетвореннаго шейха Петры и Эльджи. Хотя опасность эта, уменьшавшаяся съ каждымъ шагомъ по мѣрѣ нашего движенія отъ уади Муса, и была все-таки весьма возможна, но, признаюсь я какъ-то мало вѣрилъ даже въ возможность нападенія... Хотя, благодаря адскимъ свойствамъ дороги, мы не особенно быстро подвигались впередъ, тѣмъ не менѣе развалины Петры уже скоро остались за нами. Высокія красноватосѣрыя скалы прикрыли ихъ отъ нашихъ глазъ; еще виднѣлись кое-гдѣ ряды многочисленныхъ погребальныхъ пещеръ, но и онѣ мало-помалу стали пропадать. вмѣстѣ съ Петрою для нашего небольшого каравана оставались позади и опасности, которыя могли поставить намъ на каждомъ шагу корыстолюбивые и жадные бедуины. Вчера еще столь требовательные и нахальные бедуины Эльджи совершенно не показывались даже на горизонтѣ, словно убѣдившись въ томъ, что съ насъ имъ не взять ничего ни запугиваніями, ни силой.

Часа черезъ полтора нелегкаго спуска отъ Деира мы подошли къ подножью Аароновой горы; хотя дорога туда не особенно тяжела, но я не рѣшился сдѣлать подъемъ на библейскую гору Оръ, боясь, чтобы арабы Петры не одумались и не задержали насъ при выхолѣ изъ горъ въ широкую и пустынную уади эль-Араба. Изъ свѣдѣній, собранныхъ у своихъ запіевъ, не разъ побывавшихъ на вершинѣ Небъ-Харуна, можно сообщить счень немного. Гора Оръ, извѣстная еще со временъ Моисея и служащая могилою его брата Аарона, является однимъ изъ многочисленныхъ мѣстъ поклоненія для мусульманъ. Сюда во множествѣ заходятъ благочестивые хаджи на пути къ священнымъ городамъ Геджаса. Кабръ Небъ-Харунъ—гробница пророка Аарона, безъ сомнѣнія, должна быть отнесена къ апокрифическимъ святынямъ ислама. Хотя первосвященникъ Израиля и былъ погребенъ на этой высочайшей послѣ Серболя и Синая горѣ пустыни Исхода, тѣмъ не менѣе Кабръ Небъ-Харунъ весьма недавно происхожденія и не восходитъ даже къ первымъ вѣкамъ ислама. Небольшая четырехугольная мечеть, содержащая гробницу Аарона, построена такъ бѣдно, что ее не украшаютъ даже остатки древнихъ камней, пошедшихъ на ея созиданіе. Самая гробница сложена изъ известкового камня и обмазана цементомъ на подобіе такой-же апокрифической гробницы царя Давида на горѣ Сионѣ.

Долго мы шли вдоль подножья Небъ Харуна, спускаясь съ горъ Петры по направленію къ уади Рубать, ведущей въ обширную уади эль-Араба. Долго огромный массивъ, раскрашенный красками и жел-





тыми цвѣтами, блиставшими на солнцѣ нестерпимымъ блескомъ, стоялъ передъ нашими очами, словно колоссальный маякъ, сторожащій выходъ въ великую пустыню. Вотъ и она виднѣется мѣстами въ видѣ пятенъ желтоватосѣраго и красноватопалеваго цвѣта, просвѣчивающихъ черезъ причудливо сгруппированныя скалы; она манитъ насъ къ себѣ, словно гладкая дорога, ведущая путника къ воротамъ Обѣтованной земли. Все выше и выше поднимаются конусообразныя верхушки Харуна, но за то все ниже и ниже спускаемся мы къ массивамъ, окружающимъ развалины Петры... Еще съ полчаса дороги, и мы выходимъ изъ каменистой дебри и снова спускаемся къ берегу безбрежнаго моря пустыни. На широкомъ привольѣ ея уже не такъ страшны коварныя бедуины Петры, которые, вѣроятно, изъ трусости выпустили изъ своихъ неприступныхъ горъ нашъ маленькій караванъ. Поэтому мы съ радостью привѣтствовали свой выходъ въ пустыню и поздравляли другъ друга съ благополучнымъ окончаніемъ своей рискованной экскурсіи въ уади Муса. Когда на послѣднемъ подъемѣ мы увидали пологій спускъ, ведущій прямо въ уади Араба, и когда окончательно убѣдились, что дорога впереди насъ совершенно открыта, радостныя восклицанія невольно вырвались изъ груди моихъ отважныхъ проводниковъ: Эвалла, эль-хамди-Лилляхи, машаллахъ и др. благодаренія Богу слышались безпрестанно въ нашемъ маленькомъ караванѣ, спускавшемся по легкому наклону въ пустыню. Мы смѣло могли похвастаться тѣмъ, что до сихъ поръ еще ни одинъ европеецъ не бывалъ въ Петрѣ

съ такимъ небольшимъ эскортомъ и не отдѣлался такимъ ничтожнымъ бакшишемъ. Мы убѣдились еще разъ, что при извѣстной настойчивости и самообладаніи можно повсюду пробиться на Востокъ, даже не платя такихъ безумныхъ бакшишей, которыми европейскіе путешественники и туристы повсюду избаловали туземцевъ на Востокъ...

Мы пришли къ тому мѣсту широкой уади Араба, съ котораго должны были-бы начать свою экскурсію въ горы Петры, и теперь радовались, что обстоятельства такъ выгодно измѣнили нашъ маршрутъ: благодаря этому измѣненію, мы прошли черезъ всю область древней Петры и, быть можетъ, миновали опасность, которую намъ могли приготовить бедуины Эльджи. Хотя эту ночь мы проводили на привольѣ широкой уади Араба, вдали отъ всякаго колодца, на мѣстѣ, почти лишенномъ растительности, тѣмъ не менѣе мы чувствовали себя очень хорошо. Верблюды подкормились отлично въ предъидущіе дни, а воды достаточно еще было въ нашихъ бурдюкахъ; мы поэтому выпались отлично въ ту ночь, несмотря на то, что засыпали на голомъ пескѣ, прикрытомъ лишь одними войлоками и плащами.

На утро рано мы двинулись далѣе, нѣсколько наискось по уади эль-Араба и затѣмъ придерживаясь западной цѣпи ея возвышеній. Дорога была довольно однообразна и скучна, а солнце палило невыносимо. Отъ нечего дѣлать я пытался задремать на спинѣ своего дромадера и успѣло было достигнуть исполненія своего желанія, какъ почувствовалъ сильный



приливъ крови къ головѣ. Боясь, чтобы не случилось со мною солнечнаго удара, я по совѣту заптіи открылъ себѣ на правой рукѣ кровь; это средство быстро помогло, и черезъ полчаса я оправился настолько, что могъ продолжать свой путь, принявъ только еще болѣе предосторожностей отъ возможности инсоляціи. Около середины

дня на дорогѣ мы встрѣтили свѣжіе слѣды большого каравана, направлявшагося изъ пустынь этъ-Тиха по долинѣ эль-Араби. Это открытіе не особенно обрадовало насъ, тѣмъ болѣе, что возвращало часть страховъ передъ шайками враждующихъ бедуиновъ, которые могли встрѣтиться на пути. Поэтому весь остальной день мы подвигались съ крайнею осторожностью впередъ и хотѣли даже миновать колодезь Айнъ эль-Уайбехъ, гдѣ намѣчена была наша ночевка. Быть можетъ, «страха ради іудейска», мы бы и привели въ исполненіе свое намѣреніе, если-бы напугавшій насъ караванъ не былъ встрѣченъ ранѣе остановки на ночлегъ. Оказалось, что то были не бедуины, которыхъ мы стали опять опасаться, а караванъ мирныхъ торговцевъ, шедшихъ черезъ этъ-Тихскую пустыню отъ Суеца на Хевронъ. Караванъ этотъ сообщилъ намъ довольно утѣшительныя свѣдѣнія объ относительномъ спокойствіи, царящемъ въ пустынѣ, что окончательно разогнало страхи моихъ проводниковъ. Узнавъ объ этомъ, мы поспѣшили присоединиться къ торговцамъ, чтобы совмѣстно продолжать свой путь до самыхъ воротъ Хеврона.

Вмѣстѣ съ новыми своими спутниками мы расположились на ночлегъ у источника прекрасной воды Айнъ эль-Уайбэха, возлѣ котораго нашлось и нашимъ верблюдамъ пощипать довольно колючей травы. Эту ночь мы провели еще болѣе спокойно, чѣмъ предъидущую, не выставивъ даже своего собственнаго караула. Мало того, примкнувши къ большому каравану, мы могли себя считать въ полной безопасности, а потому отпустили обоихъ заптіевъ Акабинскаго каймакама, вознаградивъ по возможности за ту помощь и самоотверженіе, которыя они намъ оказали во время тяжелыхъ дней, проведенныхъ среди горныхъ дебрей Эдома.

Въ виду того, что на другой день намъ предстоялъ огромный переходъ, мы поднялись еще до восхода солнца и выступили въ дальнѣйшій путь по уади эль-Араби. Дорога по прежнему однообразна и скучна. Широкая долина, на западѣ еле ограниченная невысокими холмами, казалась настоящею пустынею, уходящею далеко на сѣверъ и на сѣверо-западъ; лишь на востокѣ ее замыкаетъ довольно ровная, какъ стѣна, цѣпь

Джебель Шерафэ или горь Эдома. Красноватый цвѣтъ этихъ массивовъ, надъ которыми высится знакомая намъ гора Аарона Небъ-Харунъ, представляетъ рѣзкій контрастъ съ желтоватымъ ложемъ уади, бѣлыми известковыми холмами, тянущимися налѣво отъ нашего пути, и яркою синевою неба, на которомъ вырисовываются ихъ зубчатые абрисы. Утомительно тянулись часы скучной дороги, смотрѣть не на что, и усталый взоръ безпрестанно устремляется въ синѣющую впереди даль, куда склоняется широкая уади эль-Араби и гдѣ начинается глубокая котловина эль-Торъ которою уже начинается Святая Земля. Сердце опять стучитъ какъ-то особенно радостно; свѣтлое чувство наполняетъ его, заслоня самая воспоминанія о пережитыхъ страданіяхъ, которыя остались позади. Съ радостью смотришь, какъ направо, въ пустынѣ Идумеи, отходятъ массивы Эдома, какъ мельчаютъ и отодвигаются къ западу известковые холмы возвышеній эль-Джиба, прорѣзанные многочисленными устьями мелкихъ уади, и какъ постепенно переходитъ уади эль-Араби въ котловину эль-Тора, окаймляющую южную оконечность Мертваго моря.

Было уже около 6 часовъ вечера, когда мы, придерживаясь цѣпи западныхъ холмовъ, вышли въ котловину эль-Тора недалеко отъ впаденія въ нее многоводной уади Фикрэ. Яркая зелень, повсюду блестящая на склонахъ этой долины, полоски кустарниковъ, обрамляющихъ течение весеннихъ потоковъ, кое-какіе слѣды постоянного пребыванія здѣсь человека—все это показывало, что мы уже выходимъ изъ предѣловъ пустыни и вступаемъ въ область съ постояннымъ запасомъ воды и болѣе или менѣе

осѣдлымъ населеніемъ; на нѣкоторыхъ холмахъ, тянущихся впереди, можно было разсмотрѣть въ бинокль даже стада черныхъ козь и овецъ, уже принадлежащихъ обитателю Палестины... Мы расположились на ночлегъ у одного изъ источниковъ, питаемыхъ водами уади Фикрэ, и тутъ провели послѣднюю ночь на границахъ Святой Земли. Хотя ночь эта прошла совершенно спокойно, но радость о близкомъ достиженіи цѣли совершенно не давала мнѣ уснуть, и я почти всю ночь провелъ, любуясь чуднымъ звѣзднымъ небомъ пустыни и прислушиваясь къ плачу шакаловъ, кричавшихъ въ окрестныхъ известковыхъ холмахъ...

На утро мы двинулись уже прямо по направленію Джебель-Иедума или знаменитой горы Содома, ставшей на мѣстѣ библейскаго солянаго столба и виднѣвшейся впереди. Темного-



глубое зеркало Мертваго моря уже красиво глядѣлось среди известковыхъ холмовъ, окаймлявшихъ болотистую низину этъ-Тора, прилегающую къ берегамъ озера Лота. Мы привѣтствовали пустынные берега сго, какъ первое знакомое урочище Святой Земли, и не будь сопровождавшаго насъ каравана — готовы были направить своего верблюда прямо къ манившимъ насъ водамъ Бахрѣ-эль-Лута.

Быстро бѣжали наши верблюды по песчаному ложу этъ-Тора, мѣстами сильно насыщенному солями, кристаллы которыхъ сверкали на солнцѣ, какъ алмазы чистой воды. Нѣсколько чахлахъ растений, не брезгающихъ и солончаками, оживляли пустынный ландшафтъ, который становился еще болѣе мертвымъ по мѣрѣ приближенія къ Джебель-Иедуму. Около полудня мы достигли подножя этой удивительной горы, высотой не выше пятидесяти саженъ, которая тянется длиннымъ основаніемъ на цѣлыя версты по направленію къ сѣверо-востоку. Вся масса Джебель-Иедума состоитъ изъ чистой кристаллической соли, которая появляется совершенно внезапно среди массы известняковъ, составляющихъ главную составную часть всѣхъ возвышенностей западной пустыни. Нѣсколько оригинальный видъ конечнаго утеса, которымъ обрывается Джебель-Иедумъ въ котловину этъ-Тора, изборожденные дождевыми потоками склоны и обрывы этой горы, масса соляныхъ глыбъ, окружающихъ ея подножіе, на подобіе цѣлой колоннады, и самое положеніе горы Содомы на мѣстѣ древнихъ погибшихъ городовъ, — все это поражаетъ воображеніе кочующаго араба, связывающаго цѣлый циклъ легендъ съ массивомъ Джебель-Иедума.

Мы хотѣли сдѣлать привалъ у подножя этой горы, но большинство членовъ каравана сильно воспротивилось, находя неудобнымъ располагаться на отдыхъ на мѣстѣ, проклятомъ Аллахомъ и служащемъ пристанищемъ злыхъ духовъ окружающей пустыни. Напротивъ, оконечности Джебель-Иедума, на берегу Мертваго моря, на мѣстѣ Кала-умъ-Бахеѣ, показываютъ и такъ называемыя развалины Содомы, которая смѣло можетъ проходить мимо, не обращая никакого вниманія, туристъ. Кучка камней, остатокъ неизвѣстной постройки, ничѣмъ не можетъ доказать своей принадлежности къ великому по грѣхамъ Содому Библии, отъ котораго, собственно говоря, не осталось и слѣда...

Обойдя Джебель-Иедумъ, мы пошли по берегу Мертваго моря, по болотистой низинѣ, покрытой густою порослью акацій, тарфѣ и другихъ колючихъ кустарниковъ, высокою травой и камышомъ и насе-



ленной большими стаями диких утокъ и другихъ водныхъ птицъ; здѣсь же, по словамъ туземцевъ, водится и множество небольшихъ кабановъ, многочисленныхъ по всей долинѣ Иордана, носящей также названіе этъ-Тора. На этомъ пути мы встрѣтили уже нѣсколькихъ феллаховъ и обитателей этъ-Торской котловины, которые радостно привѣтствовали нашъ караванъ, приглашая посѣтить ихъ деревню въ уади Тафилэ. На самомъ берегу моря мы сдѣлали небольшой привалъ, и когда я, къ ужасу арабовъ нашего большого каравана, съ явнымъ наслажденіемъ погрузился по горло въ прохладныя воды Бахр-эль-Лута, два феллаха Тафилэ совѣтовали мнѣ у перваго источника облитись чистою водою для того, чтобы смыть грѣшныя воды проклятаго Аллахомъ моря. Это, безъ сомнѣнія, я сдѣлалъ-бы и безъ совѣта арабовъ, но только по другой причинѣ, испытать уже въ предъидущую поѣздку все неудобство купанія въ чистой, но жгуче-соленой водѣ Мертваго моря.

Отдохнувши немного на берегу, мы взяли отсюда на западъ и стали подниматься въ горы Южной Іудеи по направленію небольшой уади Дзуэра, нѣкогда защищавшей доступъ въ богатую котловину этъ-Тора. Нынѣшняя крѣпостца, отъ которой остались еще стѣны и слѣды башенъ, ворота, цистерны и контрфорсы, построена была сарацинами на мѣстѣ библейскаго города Зоара. Дальнѣйшій нашъ путь шелъ по уади Дзуэра черезъ горы Южной Іудеи. Съ каждымъ шагомъ мы подвигались теперь въ предѣлы Святой Земли, которая встрѣчала насъ прохладною, вѣявшею съ моря, и яркою зеленью, еще не успѣвшею выгорѣть на лучахъ, начавшаго палить солнца. Уади Дзуэра извивались

узкимъ ущельемъ, мѣстами поразительной дикости, и шла постоянно на подъемъ, усыпанный горами камней, на каждомъ шагу преграждавшихъ намъ путь. Мы подвигались такъ тихо, что въ часъ дѣлали временами не болѣе $1\frac{1}{2}$ —2 версты, но теперь медленность нашего движенія не казалась утомительною, потому что мы шли уже въ предѣлахъ Святой Земли. Хотя горная дѣбрь, идущая между Хеврономъ и берегомъ Мертваго моря, рѣдко посѣщается туристами и считается небезопасною отъ нападенія бедуиновъ, но теперь для насъ, перешедшихъ два раза пустыни Каменистой Аравіи, переходъ черезъ горы Іудеи казался простою прогулкою, для которой не стоило и вынимать ружей изъ чехловъ. Черезъ нѣсколько

часовъ страшно утомительнаго пути мы прошли развалины верхней Дзуэра, въ которыхъ ничего нельзя было различить кромѣ кучи набросанныхъ камней, да остатковъ невысокихъ стѣнъ, и остановились на ночлегъ, поднявшись изъ уади на небольшую возвышенность, усыпанную мелкими камнями и лишенную весенней растительности. Такъ какъ на этомъ ночлегѣ у насъ не было свѣжей воды, то намъ пришлось довольствоваться водою изъ своихъ бурдюковъ. Невозможность по недостатку топлива даже сварить себѣ чаю и недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, приходившихъ почти къ концу, давали особенно





Развалины Киретеинъ.

чувствовать себя въ эту ночь, но ожиданіе скорого достиженія Хеврона, а съ нимъ и окончанія долгаго пути поддерживали силы и надежды. Эту ночь, — послѣднюю, проведенную съ караваномъ подъ кровомъ голубаго неба, на жесткомъ ложѣ каменистой пустыни, я почти не сомкнулъ глазъ. Словно прощаясь съ безмолвіемъ пустыни и красотою ея звѣзднаго неба, я не спускалъ глазъ съ подернутаго лиловою дымкою горизонта пустыни, на которомъ поднимались неясные абрисы далекихъ горъ и темнаго голубаго небосклона, на которомъ ярко сверкали созвѣздія ночи, и мелькали, оставляя блестящій слѣдъ, десятки падающихъ звѣздъ. Прощаясь снова съ пустынею, я думалъ и о томъ, когда мнѣ вновь придется увидѣть ея широкій просторъ, возсѣсть на «кораблей пустыни» и пройти съ караваномъ по еле протоптанной верблюдами тропѣ. Отчасти съ горечью я думалъ о тѣхъ банальныхъ способахъ передвиженія, которыми отнынѣ придется сдѣлать послѣдніе предстоящіе переходы, и только радость скорого возвращенія на родину смягчала горечь разлуки съ привольемъ пустыни, которую я такъ успѣлъ полюбить...

На слѣдующій день мы нѣсколько часовъ шли по каменистому плато, пока не достигли какихъ-то безформенныхъ развалинъ, стоявшихъ на обрывѣ края, которымъ кончалось къ сѣверу возвышенное пустынное плато. Небольшой, но трудный спускъ въ узкую каменистую уади, какія-то незначительныя развалины, новый подъемъ и новая тѣснина съ рядомъ пещеръ, изъ которыхъ выскочило десятка два вооруженныхъ бедуиновъ, — вотъ и все, что мы встрѣтили на пути къ развалинамъ Киретеинъ, гдѣ и сдѣлали небольшую остановку. Хотя руины этого древняго библейскаго городка и не велики, но въ нихъ можно познакомиться съ типомъ построекъ древнихъ обиталищъ Палестины. Въ двухъ домикахъ, наилучше сохранившихся, обитали семьи бедуиновъ, приспособившія развалины для помѣщенія своихъ дѣтей, скарба и даже многочисленнаго скота. Всѣ эти бедуины, завидѣвъ европейца, путешествующаго среди большаго каравана правовѣрныхъ, прежде всего выражали свое удивленіе, а потомъ, оправившись, принимались неотвязно просить бакшиша.

На длинномъ семичасовомъ пути отсюда до Хеврона мы встрѣтили еще нѣсколько развалинъ, изъ которыхъ только руины древнихъ городовъ Маона, Кармея и Зифа заслуживаютъ нѣкотораго вниманія. Мы останавливались у нихъ ненадолго, чтобы не задерживать каравана, стремившагося до заката солнца достигнуть воротъ благословеннаго эль-Хамеля. Среди развалинъ Маона замѣчательны болѣе всего довольно обширныя цистерны и многочисленныя пещеры, изсѣченныя въ известковыхъ скалахъ и служившія, очевидно, въ древности жилищемъ троглодитовъ. Пещерная область южной Іудеи, можно сказать, съ этой стороны начинается подъ Маономъ, потому что даже во всѣхъ горахъ, окружающихъ Хевронъ, пещеры всякаго рода довольно многочисленны. Въ развалинахъ Кармея, нынѣшняго Курмуля, расположенныхъ полукругомъ около небольшого холма, выступаютъ, наоборотъ, на первый планъ не пещерныя сооруженія, а надземныя постройки. Кромѣ остатковъ многочисленныхъ домовъ, схожихъ по типу съ постройками Киретеина, особенное вниманіе туриста обращаетъ небольшое укрѣпленіе въ видѣ четырехугольной башни, сложенное изъ массивныхъ камней древне-еврейской отдѣлки. Къ числу древнихъ сооружений надо отнести и большія цистерны, изсѣченныя въ скалѣ, и особенно самую грандіозную изъ нихъ, устроенную въ ложѣ долины, лежащей подъ холмомъ. Остатки нѣсколькихъ христіанскихъ храмовъ не представляютъ ничего интереснаго.

За этими развалинами скоро замѣчаются на пути признаки болѣе культурной мѣстности; въ оврагахъ видны зелень, кусты, кое-гдѣ на склонахъ холмовъ показываются полосы воздѣланной земли, а стада черныхъ козъ и овецъ оживляютъ мѣстность, еще мало посѣщаемую человекомъ. Часа черезъ полтора хода отъ Кармея мы встрѣчаемъ новыя, довольно замѣчательныя развалины древняго еврейскаго города Зифа, которыя обращаютъ особенное вниманіе своими многочисленными подземными обиталищами и большими цистернами, изсѣченными въ скалѣ. Остатки надземныхъ зданій не представляютъ ничего интереснаго, исключая развѣ небольшого древняго укрѣпленія, довольно хорошо сохранившагося, защищавшаго доступъ къ Хеврону со стороны Мертваго моря.

Отъ Зифа скоро мы вошли въ уади Холиль, слѣдуя по которой, по каменистой и черной дорогѣ, добрались до небольшого подъема, съ котораго на послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца мы увидели бѣлыя строенія Хеврона. Сердце у меня забилось радостно, и слезы не-



вольно выступили изъ глазъ. Мнѣ хотѣлось, подобно древнему паломнику, пасть ницъ и лобызать почву Святой Земли, на которой кончались долгія перипетіи моихъ странствованій черезъ пустыни и моря. Я предвкушалъ уже отдыхъ въ уютной страннопріемницѣ о. Антонина и не замѣтилъ, что мои проводники уже направляли своихъ верблюдовъ къ тому одинокому бѣлому зданію, стоящему среди садовъ Хеврона, въ которомъ, подъ сѣнью Мамврійскаго дуба, уготованъ каждому русскому уютный уголокъ.

Скоро мы распрощались со своимъ большимъ караваномъ, направившимся прямо на Хевронъ, а сами пошли пробираться среди виноградниковъ и садовъ къ бѣлому русскому дому. Не прошло и получаса, какъ мы уже были у воротъ страннопріемницы и подъ сѣнью тысячелѣтняго дуба слушали привѣтствіе сердобольной матушки Катерины, во второй разъ привѣтствовавшей насъ по возвращеніи изъ пустыни. Въ уютной горенкѣ русскаго дома за кипящимъ самоваромъ и простымъ русскимъ ужиномъ мы скоро забыли всѣ невзгоды и опасности только-что пройденнаго длиннаго пути.

Сидя въ эту ночь на балконѣ русской страннопріемницы и обративъ свои взоры въ ту сторону, гдѣ за синѣющими горами Іудеи, лежитъ дважды пройденная нами пустыня Исхода, я не разъ обращался своею мыслью къ великому библейскому событію, которое совершилось на ней нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ. Безконечная пустыня Исхода, въ которой сорокъ лѣтъ блуждалъ и не находилъ выхода Израиль, осталась и нынѣ такою же безлюдною, какъ и во времена Моисея. Пустыни не измѣняются цѣлыми вѣками, и даже люди, кочующіе въ ней, донинѣ сохраняютъ тѣ же нравы и обычаи, какъ и во времена патріарховъ Израиля. Въ два свои путешествія я обошелъ большую часть пустыни Исхода, обращая постоянное вниманіе на отысканіе возможныхъ слѣдовъ пребыванія въ ней Израиля, и признаюсь, остался недоволенъ ничтожествомъ результатовъ, добытыхъ тяжелымъ трудомъ.

Правда, я убѣдился собственнымъ опытомъ, что пустыня Исхода вовсе не такъ велика, чтобы блуждать въ ней даже сорокъ недѣль, а не только что годовъ, но со времени Моисея она стала еще болѣе бесплодна и мертва. Если Моисей еще могъ провести многія тысячи народа израильскаго черезъ Аравійскую пустыню, то современный вождь не имѣлъ-бы возможности провести по пути евреевъ и нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Пустыни Синая иссохли еще болѣе со временъ Моисея, и нѣтъ того волшебнаго жезла, который-бы могъ изводить воду изъ бесплоднаго, раскаленнаго камня.

Отъ предѣловъ Египта, шествуя шагъ за шагомъ по пути древняго Израиля, мы дошли до подножія горы Оръ, отъ которой начались бесплодныя блужданія Избраннаго народа по пустынямъ Аравійскимъ. Относительно этого великаго событія мы позволимъ себѣ привести три положенія, которыя необходимо вытекаютъ изъ личнаго знакомства съ ареною Исхода и притомъ не противорѣчатъ основнымъ принципамъ Исхода. Прежде всего, чтобы библейскій фактъ не показался невѣроятнымъ, надо допустить два условія, не отрицаемыя и современною наукою. Во-первыхъ, флора и гидрографія Синайскаго полуострова должны были во времена Исхода

представляться совершенно иными, чѣмъ въ настоящее время, и во-вторыхъ, что народа Божьяго было не два милліона, а разъ во сто по крайней мѣрѣ менѣе.

Относительно перваго, мнѣ кажется, слѣдуетъ высказаться положительно, хотя нѣкоторые изслѣдователи и стараются доказать, что флора Каменистой Аравіи вовсе не измѣнилась со временъ Моисея, и что мы видимъ пустыни и дебри Синая такими же, какъ ихъ видѣлъ и Израиль. Многія геологическія данныя указываютъ на то, что въ прежнее время здѣсь много поработали нептуническія силы. Всѣ эти безчисленныя уади, прорванныя въ скалахъ и загроможденныя камнями,—представляютъ результатъ энергической работы водной стихіи; это она прорвала горы и разметала обломки скалъ на своемъ пути, образуя себѣ дороги черезъ горные массивы, ставше нынѣ сухими каменистыми уади. Даже въ наше время, въ періодъ зимнихъ дождей, случаются такія наводненія, которыя заливаютъ цѣлыя уади, топятъ людей и ихъ стада, цѣлые караваны, захваченные водянымъ потокомъ, и разрываютъ самые камни; тысячи же лѣтъ тому назадъ нептуническія силы работали еще энергичнѣе. Безъ сомнѣнія когда было бы больше влаги на полуостровѣ, когда водяные потоки прорывали скалы и холмы, тогда было и болѣе водообильныхъ источниковъ въ нынѣшней пустынѣ, да и самая флора была несравненно богаче, чѣмъ въ настоящее время. Вчитайтесь въ книгу Исхода и тамъ найдете указанія на это, не говоря уже о томъ, что во времена фараоновъ, какъ гласятъ гіероглифы, египтяне обитали въ такихъ мѣстностяхъ полуострова, гдѣ теперь не проходятъ даже кочевники. Если громадныя караваны пересѣкали Каменистую Аравію по всѣмъ направленіямъ въ то время, когда она служила звеномъ, соединяющимъ всѣ торговыя пути древняго міра, тогда безъ сомнѣнія условія существованія для людей тамъ были лучше, иначе-бы не цвѣли Каменистая Аравія, Петра и Мозвія своими многочисленными городами.

Еще несомнѣннѣе наше второе положеніе.

Никогда Израиль не могъ достигать количества двухъ милліоновъ; не даромъ Богъ иногда наказывалъ Избранный народъ за его склонность къ увлеченіямъ. Совершенно вѣрно одинъ остроумный изслѣдователь предполагаетъ, что число евреевъ, превосходившее шестьсотъ тысячъ человѣкъ, носившихъ



оружіе, а, слѣдовательно, достигавшее минимумъ до двухъ милліоновъ чело-
вѣкъ обоого пола, не могло быть не только напоено даже самыми обильными
источниками Синайскаго полуострова, но не могло даже и двигаться по пус-
тынѣ. Сдѣлайте простой ариѳметическій расчетъ, кладя хотя по полквadrat-
ныхъ аршина на челоуѣка, — и вы увидите, что въ Каменистой Аравіи не наш-
лось-бы мѣста даже двигаться такой массѣ людей. Они должны были-бы
при своемъ движеніи идти не одною дорогою по тѣснымъ и узкимъ уади
Синайской пустыни, а распространиться по всему полуострову, который
былъ-бы тогда населенъ гораздо гуще, чѣмъ Средняя Германія. Около 35
тысячъ ведеръ воды ежедневно необходимо было, чтобы напоить такую
массу народа, не считая еще скота. Всѣ источники Каменистой Аравіи нынѣ
не дадутъ и половины такого количества.

Будучи гораздо меньше числомъ, евреи не проблуждали-бы, разумѣется,
и сорока лѣтъ, потому что проблуждать было негдѣ; напротивъ того, они
шли довольно быстро, какъ видно по Исходу, до самаго Синая. Число
сорокъ было выбрано, какъ священное, часто повторяющееся въ Библии.
Я смотрю на весь исходъ евреевъ и блужданіе ихъ по пустынѣ не столько
какъ на переходъ этой послѣдней, сколько на попытку ихъ обосноваться
гдѣ-нибудь на новомъ мѣстѣ. Не находя себѣ подходящаго пристанища,
еврейская орда подвигалась далѣе, пробивалась, отступала, наступала и на-
конецъ, промаявшись нѣсколько лѣтъ на границахъ Палестины, куда ихъ
не сразу пустили туземцы, постепенно овладѣла Землею Обѣтованною. Съ
этой точки зрѣнія исходъ, или время пребыванія Израиля въ пустыняхъ
Каменистой Аравіи, могъ продолжаться и болѣе сорока лѣтъ, указываемыхъ
Библиею.

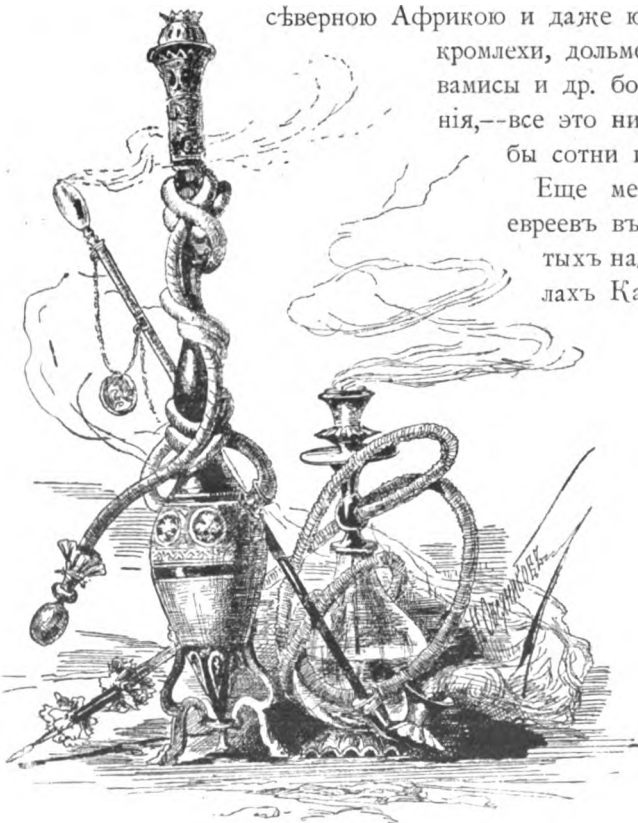
Какъ-бы мы ни смотрѣли на это несомнѣнно историческое событіе,
оно осталось почти безслѣднымъ для пустынь Исхода. Народъ Божій не
оставилъ тамъ никакихъ слѣдовъ своего странствованія, и только нѣко-
торыя урочища великой пустыни, носящія имена вождей Израиля, напо-
минають намъ о тѣхъ долгихъ годахъ мученія народа Іеговы, на которыя
обрекла его неумолимая судьбина. Отголоски древнихъ преданій объ Ис-
ходѣ слышатся въ нѣкоторыхъ легендахъ пустыни, но въ устахъ совре-
меннаго бедуина они потеряли свое историческое значеніе и приобрѣли
еще болѣе фантастическій колоритъ. Быть можетъ, въ многочисленныхъ
пещерахъ Синайской пустыни и хранится прахъ сыновъ Израиля, но
истлѣвшія кости не могутъ сами по себѣ говорить. Увлекаемые горячимъ
желаніемъ найти останки народа Іеговы, мы копались во многихъ гротахъ,
пещерахъ и яминахъ пустыни, но тщетны были наши попытки, потому
что не достижима была и самая цѣль. Слѣдуя мѣстному преданію, указы-
вавшему на круглые домики или каменные невамисы пустыни, о которыхъ
мы говорили впереди, мы осмотрѣли нѣсколько десятковъ ихъ, находили
иногда кости неизвѣстныхъ древнихъ людей и радовались своему открытію,
пока червь сомнѣнія не отравлялъ нашего успѣха. Намъ попадались, правда,
многіе останки людей, принадлежавшіе несомнѣнно къ временамъ глубокой
и даже доисторической древности, мы находили даже слѣды каменнаго
вѣка возлѣ этихъ костей, но ничто ровно не подавало намъ и намека на
принадлежность ихъ народу Іеговы. Напрасно мои проводники и мѣстные

арабы утверждали порою, что разсыпавшіеся отъ древности скелеты и черепа этихъ пещеръ и невамисовъ принадлежатъ несомнѣнно народу іегуди (какъ называютъ евреевъ на Востокѣ), который странствовалъ нѣкогда по пустынѣ. Точно также обманулся я въ ожиданіяхъ и относительно находокъ, сдѣланныхъ въ пещерѣ Судебъ, которая также описана впереди. Самое названіе этого погребальнаго грота, наполненнаго человѣческими костями, и рядъ преданій, существующихъ и доселѣ въ его окрестностяхъ и приписывающихъ эти останки древнему народу, гонимому судьбою черезъ пустыни и моря,—все это говорило мнѣ вначалѣ, что я нашелъ, наконецъ, слѣды народа Божія,—но достаточно было нѣсколькихъ аналитическихъ сужденій, чтобы разсѣять розовыя мечты молодого и неопытнаго антрополога.

Не нашелъ я слѣдовъ народа Израиля и въ древнихъ сооруженіяхъ, разсыпанныхъ по лицу Синайской пустыни. Правда, можно было думать, какъ и дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи путей Исхода, что многіе памятники доисторической древности, даже относящіеся къ эпохѣ каменнаго вѣка, особенно къ его палеолитическому и металитическому періодамъ, составляютъ монументальные останки израильтянъ, поставившихъ ихъ въ честь своего перехода черезъ пустыню,—но немного надо трезвой и неодносторонней критики, чтобы ниспровергнуть это предположеніе. Быть можетъ, сыны Израиля и поставляли на самомъ дѣлѣ различныя каменные сооруженія на память о своемъ долготнѣмъ пребываніи въ пустынѣ, но нѣтъ того критическаго приѣма, который позволилъ-бы намъ отличать памятники, сложенные рукою Божьяго народа, отъ другихъ металитическихъ сложеній, наполняющихъ Синайскую пустыню и общихъ со всею переднею Азією, сѣверною Африкою и даже южною Европою. Эти многочисленные кромлехи, дольмены, менгоры, даже кучи камней, невамисы и др. болѣе или менѣе грубыя каменная сложенія,—все это нисколько не говоритъ объ Израилѣ, хотя бы сотни изслѣдователей пытались доказать это.

Еще менѣе можно видѣть слѣды пребыванія евреевъ въ Синайской пустынѣ въ ея знаменитыхъ надписяхъ, изсѣченныхъ на многихъ скалахъ Каменистой Аравіи, особенно идущихъ къ Сербалю — горѣ Солнца или Вала. Кто бы ни были таинственные люди, начертавшіе свои письмена на камнѣ, словно для того, чтобы дать загадку грядущимъ поколѣніямъ, хотя-бы наботей или сыны Элома и Моава; но только не Израиль, получившій первыя письмена, начертанные Іеговою на Синаѣ, былъ виновникомъ этихъ непонятныхъ и таинственныхъ письменъ.

Израиль, не оставившій никакихъ несомнѣнныхъ слѣдовъ своего пре-



быванія въ Синайской пустынѣ, даже въ формѣ временныхъ сооруженій и могилъ, не оставилъ, разумѣется, и болѣе монументальныхъ сложеній. Ни одна изъ многочисленныхъ развалинъ, утопающихъ въ пескахъ Этъ-Тихской пустыни, не можетъ быть отнесена къ эпохѣ Исхода, тѣмъ болѣе, что израильяне время Моисея еще не строили городовъ; пространныя страницы Исхода, описывающія поразительно точно каждый шагъ народа Божьяго въ пустынѣ, не говорятъ намъ вовсе о томъ, чтобы тѣ и другія стоянки Израиля въ пустынѣ имѣли какія-нибудь постоянныя сооруженія, не представляющія характера шатровъ. Итакъ, сколько мы ни ходили по пустынямъ Аравійскимъ, слѣдуя порою шагъ за шагомъ израильянъ, какъ ни вчитывались мы на мѣстѣ въ страницы Исхода, повѣствующія объ этомъ безпримѣрномъ странствованіи цѣлаго народа, мы не нашли ничего такого, что говорило-бы намъ объ Израилѣ и его многолѣтнемъ странствованіи по Синайской пустынѣ. Все это и многое другое приходило мнѣ на умъ, когда я, вдыхая ароматы теплой ночи, сидѣлъ на террасѣ Хевронской страннопріемницы, перебирая въ своей памяти всѣ перипетіи и результаты двукратнаго странствованія по пустынямъ Исхода.

Въ Хевронѣ я распрощался со своими вѣрными и ставшими мнѣ теперь вдвойнѣ дорогими проводниками. Они шли обратно поперекъ той пустыни, черезъ которую меня двукратно провели, а я устремлялся на родину, покидая, быть можетъ, на вѣки ставшія мнѣ отнынѣ дорогими пустыни Каменистой Аравіи. Хотя и на этотъ разъ я еще общалъ своимъ, привязавшимся ко мнѣ сердечно, вѣрнымъ и добрымъ проводникамъ новое скорое свиданіе и новое совмѣстное путешествіе по знакомымъ намъ пустынямъ, но теперь я былъ не совсѣмъ искрененъ, потому что взоры мои устремлялись теперь на иную, болѣе обширную и великую пустыню.

Ахмедъ, Рашидъ и Юза остались на нѣсколько дней въ Хевронѣ для того, чтобы дать своимъ верблюдамъ отдохнуть для новаго перехода пустыни по кратчайшему и торному направленію черезъ Газу и эль-Аришъ, а я, на другой же день по прибытіи, покинулъ Хевронъ для того, чтобы скорѣе достигнуть воротъ благословеннаго Іерусалима. Для разнообразія я на этотъ разъ взялъ при помощи матушки Катерины хорошаго Сирійскаго скакуна, на которомъ въ какіе-нибудь шесть-семь часовъ проскакалъ разстояніе, отдѣляющее Хевронскую страннопріемницу отъ воротъ русскихъ построекъ въ Іерусалимѣ. Мой небольшой багажъ матушка Катерина обѣщала отправить на осликѣ въ тотъ же день за мною, чтобы не стѣснятъ моей быстрой поѣздки. Съ наслажденіемъ, понятнымъ лишь тому, кто много дней провелъ, мѣрно колыхаясь на спинѣ верблюда, я вскочилъ на быстроногаго скакуна и помчался по знакомой мнѣ дорогѣ, сопровождаемый арабомъ, служащимъ при страннопріемницѣ и всю дорогу занимавшимъ меня своєю полурусскою, полуарабскою болтовнею...

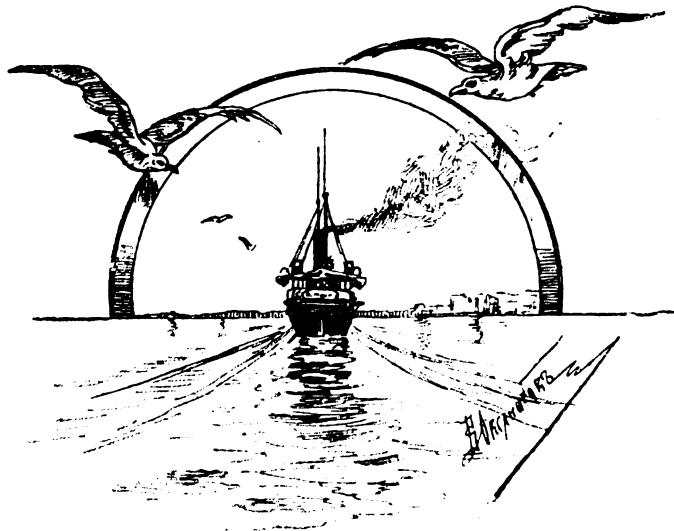
На пути мы остановились не на долго только въ Виелеемѣ, гдѣ я посѣтилъ Базилику и Вертепъ Рождества, а потомъ проѣхали прямо въ Іерусалимъ. Нечего и описывать того тихаго радостнаго настроенія, когда съ одного изъ подъемовъ я увидалъ давно манившій меня Іерусалимъ, во второй разъ становившійся желанною цѣлью моего пути послѣ труднаго и небезопаснаго перехода пустыни. Черный привратникъ русскихъ построекъ

первымъ призналъ меня, и широкая улыбка озарила его скуластое лицо... Прямо съ коня я отправился въ наше консульство. Добрѣйшій В. О. Кожевниковъ привѣтствовалъ меня на крыльцѣ своего дома и, не давъ мнѣ даже раскрыть рта, потащилъ къ себѣ въ то же самое помѣщеніе, гдѣ я останавливался и въ первое пребываніе въ Іерусалимѣ. Такая же сердечная встрѣча ожидала меня и со стороны о. Антонина, всегда живо интересовавшагося моими археологическими изысканіями въ различныхъ уголкахъ столь любимаго имъ Востока...

Несмотря на всѣ просьбы своихъ добрыхъ Іерусалимскихъ друзей, я пребылъ въ Святомъ градѣ всего два дня; такъ какъ пароходъ изъ Яффы отходилъ на-дняхъ, а срокъ моего отпуска уже истекъ давно, то я долженъ былъ торопиться возвращеніемъ, и ни въ какомъ случаѣ не ожидать слѣдующаго парохода. Я успѣлъ только посѣтить храмъ Воскресенія, Патриархію и съѣздить съ о. Антониномъ на вершину горы Елеонской, гдѣ архимандритъ воздвигалъ церковь и попутно производилъ интересныя раскопки, давшія немало остатковъ христіанской древности.

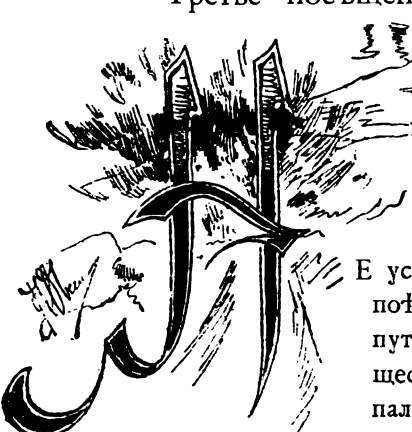
Два дня пребыванія въ Іерусалимѣ среди добрыхъ людей, принимавшихъ меня, какъ родного, настолько подкрѣпили меня, что я совершенно свободно сдѣлалъ ночной переѣздъ на осликѣ отъ Іерусалима до Яффы, остановившись всего на часикъ у Кулоніэ и часа на два въ Бабъ-эль-Уади и Ромлѣ. Переѣздъ я совершилъ въ небольшой компаніи паломниковъ, загостившихся въ Іерусалимѣ съ Пасхи; съ ними вмѣстѣ я сѣлъ на русскій пароходъ «Корниловъ» и отплылъ изъ Яффы, еще благоухавшей ароматами доцвѣтающихъ апельсиновъ и розъ...

Черезъ двѣ недѣли вполнѣ благополучнаго плаванія по знакомымъ мнѣ Малоазійскимъ берегамъ, я высадился въ Одессѣ, вполнѣ выполнивъ ту программу, которую я начерталъ себѣ передъ отправленіемъ во вторую поѣздку на Востокъ.



Глава XXV.

Третье посѣщеніе Палестины въ 1884 г.—Иудея.—Цѣль моей поѣздки.—По дорогѣ въ Св. Землю.—Дарданеллы.—Мимо развалинъ Трои.—Смирна.—Прогулка по улицамъ «Жемчужины Востока».



Е успѣлъ еще я отдохнуть и оправиться послѣ предыдущей поѣздки, какъ мнѣ пришлось уже собираться въ новое путешествіе на Востокъ. Православное Палестинское Общество, озабочиваясь бытомъ и положеніемъ русскихъ паломниковъ въ Святой Землѣ, поручило мнѣ посѣтить снова Палестину, пробыть тамъ время самаго горячаго паломническаго періода и изучить во всѣхъ деталяхъ русское паломническое движеніе по святымъ мѣстамъ Востока. Понятно, я съ радостью принялъ это предложеніе, тѣмъ болѣе, что оно давало мнѣ матеріальную возможность расширить районъ своей новой поѣздки экскурсіею на сѣверный берегъ Африки, о которой я уже мечталъ послѣ посѣщенія Аравійскаго побережья.

Подъ видомъ простаго сѣраго паломника, я сѣлъ въ Одессѣ на пароходъ и чрезъ двѣ недѣли высадился вмѣстѣ съ русскими богомольцами въ Яффѣ. Отсюда я съ ними продѣлалъ весь циклъ паломничества въ Святой землѣ, не только присматриваясь издали ко многимъ невздамъ, сыпавшимся на голову русскихъ паломниковъ въ Палестинѣ, но и испытывая ихъ на своей собственной спинѣ. Это дало мнѣ возможность видѣть, слышать и испытать гораздо болѣе, чѣмъ другимъ интеллигентнымъ паломникамъ, даже обращавшимъ свое особенное вниманіе на любопытное движеніе русскаго паломничества, но не рѣшавшимся влѣзть въ шкуру простаго сѣраго богомольца.

Результаты этого способа изученія быта и положенія русскихъ паломниковъ въ Святой Землѣ были настолько обширны, что не только дали возможность выполнить задачу, предложенную мнѣ Палестинскимъ Обще-



ством и освѣтитъ ее во многихъ деталяхъ, но и указать тѣ мѣры, которыя могли быть полезны для облегченія и упорядоченія положенія русскихъ паломниковъ въ Святой Землѣ. Православное Палестинское Общество, получивъ изъ моего отчета правдивыя указанія на современное положеніе русскаго паломничества въ Святой Землѣ, со свойственною ему энергіею принялось за выравниеніе многихъ недостатковъ, указанныхъ мною,

и достигло самыхъ блестящихъ результатовъ во многихъ отношеніяхъ: посѣтивъ еще разъ Палестину, черезъ девять лѣтъ, я былъ пріятно пораженъ благотворною дѣятельностью Общества, уничтожившею или облегчившею многія нужды русскаго паломничества въ Святой Землѣ. Во многихъ отношеніяхъ я не узнавалъ Палестины и радовался, что мои посильные труды послужили тѣмъ основаніемъ, на которомъ Палестинское Общество, руководимое его Августѣйшимъ Предсѣдателемъ, развиваетъ свою благотворную дѣятельность въ Палестинѣ въ пользу не только русскаго паломническаго движенія, но и поддержанія православія въ Святой Землѣ.

Мы не будемъ останавливаться на описаніи всѣхъ деталей нашего третьяго пребыванія въ Палестинѣ, но должны, хотя вкратцѣ, коснуться тѣхъ любопытныхъ мѣстностей, которыя посѣщаетъ русскій пароходъ на пути въ Палестину и Египетъ. Подъ руководствомъ извѣстнаго знатока и изслѣдователя Востока Тристрана, я еще въ первую поѣздку посѣтилъ нѣкоторые порты Анатолиі и Сириі; проѣхалъ ихъ отчасти и въ прошлую поѣздку на Востокъ, а потому при новомъ посѣщеніи ихъ въ 1884 г. я могъ уже служить порядочнымъ проводникомъ для кучки проводниковъ, всегда окружавшихъ меня во время многочисленныхъ высадокъ по берегамъ.

Изъ Одессы мы ушли на пароходѣ, наполненномъ почти пятьюстами богомольцевъ, спѣшившихъ къ Страстной и Пасхѣ добраться до предѣловъ Святой Земли. Въ Константинополь я въ числѣ другихъ паломниковъ съѣхалъ на берегъ и остановился вмѣстѣ съ прочими въ одномъ изъ Аѳонскихъ подворій, у о. Паисія, съ которымъ вмѣстѣ обожель и другія под-



Видъ Константинополя.

ворья русскихъ и греческихъ монастырей. Въ качествѣ паломника, я теперь не бродилъ по разнымъ закоулкамъ Константинополя, а степенно обходилъ его многочисленныя свята мѣста. Монахъ подворья повсюду провожалъ богомольцевъ и вездѣ успѣвалъ устроить намъ входъ и подешевле и «по-способнѣй». Такъ, мы посѣтили св. Софію, церковь св. Ирины, сходили во Влахернъ и на балуклу къ «Сладкимъ водамъ», посѣтили нѣсколько другихъ достопримѣчательностей Царьграда, могущихъ интересоватъ русскихъ поклонниковъ и, наконецъ, прошли въ Патріархію. Но, несмотря на всѣ наши просьбы, блаженнѣйшій почему-то не удостоилъ принять кучку сѣрыхъ паломниковъ, тогда какъ два «господина» прошли къ нему передъ нашими глазами. Возвращаясь отъ Фанара, мы встрѣтили кучку майноцевъ или казаковъ-некрасовцевъ, живущихъ на берегу Мраморнаго моря и образующихъ большую деревушку Майнось или Козаклы. Они обрадовались русскимъ и приглашали насъ къ себѣ; мы обѣщали посѣтитъ любопытное русское поселеніе, находящееся въ глубинѣ Туретчины, но свое обѣщаніе сдержали лишь черезъ 2 года.

Отъ Константинополя къ намъ присоединилось еще около сотни всевозможныхъ славянскихъ и греческихъ паломниковъ—болгарь, сербовъ, далматовъ, албанцевъ, обитателей Эссалии, Эпира и Мореи. Всѣ эти паломники быстро сдружились съ нашими богомольцами, и нашъ «Корниловъ» вполне превратился въ паломнической парходъ.

За ночь мы прошли Мраморное море и на зарѣ слѣдующаго дня были въ Дарданеллахъ или Танакъ-Каллеси. Высокіе скалистые берега, покрытые кое-гдѣ зеленью и массою баттарей, стерегущихъ входъ въ проливъ, синія воды Архипелага, красивый городокъ и масса судовъ всевозможныхъ націй, стоящихъ здѣсь, — все это представляетъ довольно живописную панораму, которою можно залюбоваться даже послѣ Босфора. Напротивъ самыхъ Дарданеллъ стоитъ знаменитый Генуэзскій замокъ, въ видѣ сердца, представляющій нынѣ грандіозную руину, заплетаемую плющомъ и другими растеніями, постепенно заполняющими внутреннее про-

странство прежняго грознаго укрѣпленія; рядомъ стоящія съ ними современныя земляныя батареи съ Крупповскими орудіями кажутся ничтожными, но многочисленныя коническія палатки, бѣлѣющія среди зелени по всѣмъ окружающимъ горамъ, показываютъ, что здѣсь прячется значительный гарнизонъ. Самый городокъ, замѣчательный только по массѣ казармъ, представляющихъ самыя величественныя его зданія, да по многочисленнымъ заводамъ гончарныхъ издѣлій,—издали довольно красивъ, но внутри не представляетъ ничего интереснаго.

Покинувъ Танакъ-Калесси, мы поплыли далѣе къ суживающемуся отсюда значительно проливу; на лѣвомъ, азіатскомъ берегу, среди горъ, украшенныхъ кое-гдѣ зарослью кустарниковъ, виднѣется большое село Рень-Кей, находящееся уже въ области древней Трояды. Въ этой послѣдней стоятъ нынѣ зданіе карантиннаго и нѣсколько рыбацкихъ хижинъ, расположенныхъ по берегу Геллеспонта. Вдали уже виднѣется вершина многопрославленной Иды; ближе къ берегу уже хорошо замѣтно невысокое плато Гиссарлика, на которомъ Шлиманъ отыскалъ и раскопалъ древнюю Трою; у подножья Гиссарликской террасы идетъ обширная болотистая низина, орошаемая рѣками Симоисомъ и Скамандромъ, съ которыми нѣкогда состязался Ахиллесъ. Нѣсколько невысокихъ кургановъ, хорошо видныхъ съ палубы парохода, носятъ имена могилъ Аякса, Гектора, Патрокла и Ахиллеса. Ближе къ выходу пролива виднѣются дома и мельницы небольшого поселенія Кумъ-Коле съ его бѣлымъ маякомъ; нѣсколько выше, на обрывѣ скалистаго массива, увѣнчаннаго массою вѣтряныхъ мельницъ, стоятъ греческія деревни Ени-Шеръ и Ени-Кей, бывшія нѣкогда пригородами знаменитой Трои. На песчаномъ берегу, возлѣ нынѣшняго Кумъ-Коле, стояли своимъ станомъ греки, когда, покинувъ свою стоянку на противоположномъ европейскомъ берегу, они придвинулись къ стѣнамъ осаждаемой Трои.

Выходя изъ Геллеспонта въ голубыя воды Архипелага, мы видимъ среди прекраснаго моря красивыя массивы его первыхъ острововъ. Круглый Тенедось и не-



большія скалы Таушана или Кроличьих острововъ, большая масса Лемноса и синѣющій вдали Имбросъ, лежащіе по пути къ Аоонской горѣ, первыми встрѣчаютъ насъ въ Архипелагѣ. Пароходъ плыветъ, придерживаясь Троянскаго берега, на которомъ можно разсмотрѣть многія интересныя детали. Нѣсколько искусственныхъ насыпей или могилъ виднѣется на высокому берегу, ниже Ени-Кея; среди нихъ возвышается величественный холмъ Юджекъ - Теке, посвященный пророку Или, смѣнившему на этомъ побережѣ культъ Зевса-Громоуника, какъ Св. Дѣва Марія замѣнила Афродиту, почитавшуюся въ древности на берегахъ и островахъ Архипелага. Еще далѣе по берегамъ Трояды мы видимъ останки такъ называемой Александровой Трои, построенной великимъ Македонцемъ на выдающемся мысу противъ самого Тенедоса. Нынѣшнее названіе ея Эски-Стамбуль или Старый Царградъ соотвѣтствуетъ отчасти довольно значительнымъ руинамъ этого, въ древности значительнаго города. Отсюда еще яснѣе виднѣется красивая вершина Иды, на которой происходилъ знаменитый судъ Париса. Вся мѣстность по берегамъ Анатоли и Эллады и по всѣмъ островамъ Архипелага носитъ на себѣ блестящій ореолъ древнихъ мифовъ и легендъ; здѣсь нѣтъ ни одного уголка на сушѣ и морѣ, который не былъ-бы разукрашенъ какою-нибудь поэтическою легендою или не прославленъ тѣмъ или другимъ историческимъ событіемъ. Пароходъ нашъ плыветъ въ области мифа, сложеннаго главнымъ образомъ на берегахъ Архипелага, подъ обаяніемъ его чуднаго неба, прекраснаго голубаго моря и роскошной природы, искалѣченной нынѣ рукою невѣжественнаго и грубаго Османа.

Подъ вліяніемъ цѣлаго ряда историческихъ и экономическихъ причинъ какъ обширныя страны нѣкогда чудной Малой Азіи и острова Архипелага, такъ и большая часть Эллады обратились въ настоящее время въ бесплодныя каменистыя пустыни, гдѣ современный обитатель его лишь съ трудомъ выращиваетъ небольшія поля злаковъ, крошечныя виноградники и плантаціи табаку. Лишь кое-гдѣ, да и то на днѣ глубокихъ лощинъ и въ ложбинахъ древнихъ высохшихъ потоковъ, еще сберегающихъ горсть плодотворной земли, покрывавшей нѣкогда всѣ острова Великой Греціи и берега Архипелага, сохраняются доселѣ уголки той роскошной растительности, которою славилась еще сравнительно недавно Циклады, прекрасныя долины Малой Азіи и самыя горы Эллады. Лишь лѣса неприхотливыхъ сѣрозеленыхъ



Генуэзскій замокъ.



О-въ Лемносъ.

оливъ мѣстами довольно обильно покрываютъ скалистые острова Архипелага, нѣсколько оттѣняя желтоватобѣлый фонъ каменныхъ громадъ, разбросанныхъ по прекраснымъ донинѣ голубымъ волнамъ древняго Эгейскаго моря. Хотя населеніе острововъ Архипелага, состоящее преимущественно изъ грековъ, живущихъ болѣе моремъ, чѣмъ обработкою земли, и довольно значительно, но все-таки на нихъ лежитъ печать запустѣнія, которая не снимается никогда. Значительные города запустѣли, руины и кладбища мѣстами болѣе многочисленны, чѣмъ современныя селенія, древнія гавани или обмелѣли, или разрушены моремъ; во многихъ портахъ Архипелага путешественникъ съ изумленіемъ видитъ торчащія изъ воды останки древнихъ молвъ и другихъ сооружений, смѣло брошенныхъ нѣкогда въ морскія волны и мало-по-малу разрушенныхъ этими послѣдними.

Однимъ изъ первыхъ такихъ портовъ мы проходимъ нѣкогда славную гавань Тенедоса, вмѣщавшую весь флотъ рати Агамемнона, соорудившей на этомъ островѣ своего знаменитаго деревяннаго коня. Во время послѣдней русско-турецкой войны въ бухтѣ Базика или морскомъ проливѣ между Тенедосомъ и берегомъ Троады стоялъ флотъ англичанъ, наблюдавшихъ за движеніемъ русскихъ войскъ къ Цареграду; самый городъ Тенедоса раза два былъ занятъ русскими моряками и къ сожалѣнію не остался за нами... Пройдя бухту Базика, мы плавали еще вдоль береговъ Троады; довольно высокій известковый кряжъ идетъ по самому берегу, придавая ему дикій скалистый видъ. Этотъ хребетъ, также принадлежавшій нѣкогда Троѣ, входитъ въ составъ той горной системы, которой центромъ является многовершинная Ида... Южный конецъ этого хребта довольно глубоко входитъ въ голубыя воды Архипелага и обрывается скалистымъ мысомъ Баба, представляющимъ самую западную часть азіатскаго материка. На дикомъ сѣромъ скалистомъ обрывѣ, не украшаясь даже пучкомъ зелени, расположено небольшое турецкое поселеніе Баба-Колесси, сѣрые домики котораго, съ небольшою мечетью, кажутся настоящимъ орлинымъ гнѣздомъ, нависшимъ надъ

морскою пучиною. Отъ мыса Баба пароходъ входитъ въ заливъ Эдремида и приближается къ берегамъ большого острова Митилена, древняго Лесбоса—родины Сафо и Алкея. Побережье этого острова, покрытаго деревушками, масличными рощами и виноградниками, довольно живописно и представляетъ одинъ изъ лучшихъ пейзажей на пути. Большой раскинутый городъ Кастро, раздѣленный живописными руинами древняго замка, съ своими двумя портами, разноцвѣтными долинами, расположенными амфитеатромъ и обрамленными красивыми группами зелени и оливковыми лѣсами, пріютился у подножія огромнаго массива, выступающаго надъ всею панорамою своими обнаженными скалистыми верхушками.

Мы прошли мимо Лесбоса, оставивъ влѣво заливъ Эдремида съ массою небольшихъ острововъ и большимъ городомъ Адрамитти, населеннымъ преимущественно греками, для которыхъ берега Анатолии и острова Архипелага являются по прежнему Великою Греціею, а волны голубого моря—общою родиною съ греками Эпира и Эллады. Налѣво виднѣтся небольшой заливъ Чандарлыкъ, служившій нѣкогда гаванью великаго Пергама, величественныя развалины котораго и доннынѣ высятся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. На берегахъ этого залива указываютъ и остатки древнихъ Кумъ, славныхъ по своимъ прорицаніямъ.

Впереди насъ уже высится грозный мысъ Кара-Бурну, указывающій входъ въ великолѣпный глубокій заливъ Смирны, въ который теперь и входитъ нашъ пароходъ... Скоро показывается небольшой островокъ Клазомена, носившій прежде значительный городъ того же имени—родину Анаксагора, а нынѣ превращенный въ обширный лазаретъ и карантинъ. Напротивъ этого островка виднѣтся, среди обширныхъ виноградниковъ, высоко взбѣгающихъ по склонамъ горъ, небольшой городокъ Вурса; всѣ горы полуострова, образующаго съ запада Смирнскій заливъ, покрыты пышною зеленью и представляютъ живописные ландшафты.

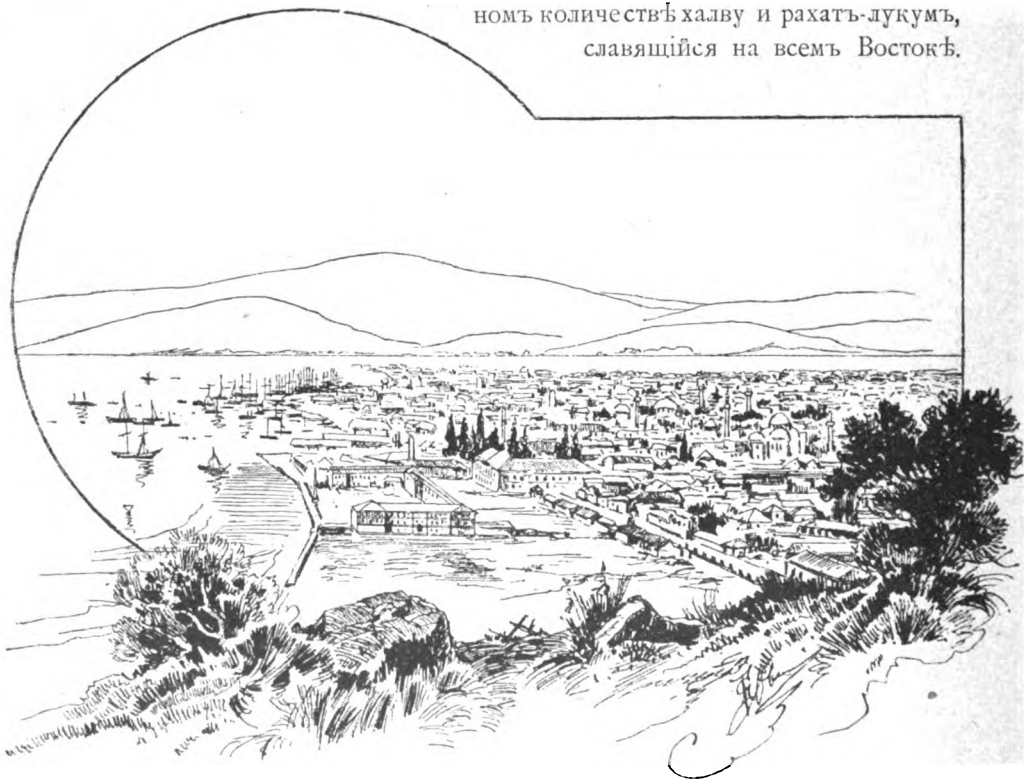
Еще болѣе живописное зрѣлище представляетъ путнику общая панорама Смирны—этого «перла и жемчужины Востока», какъ называютъ свой родной городъ смирніоты. Цѣлый амфитеатръ

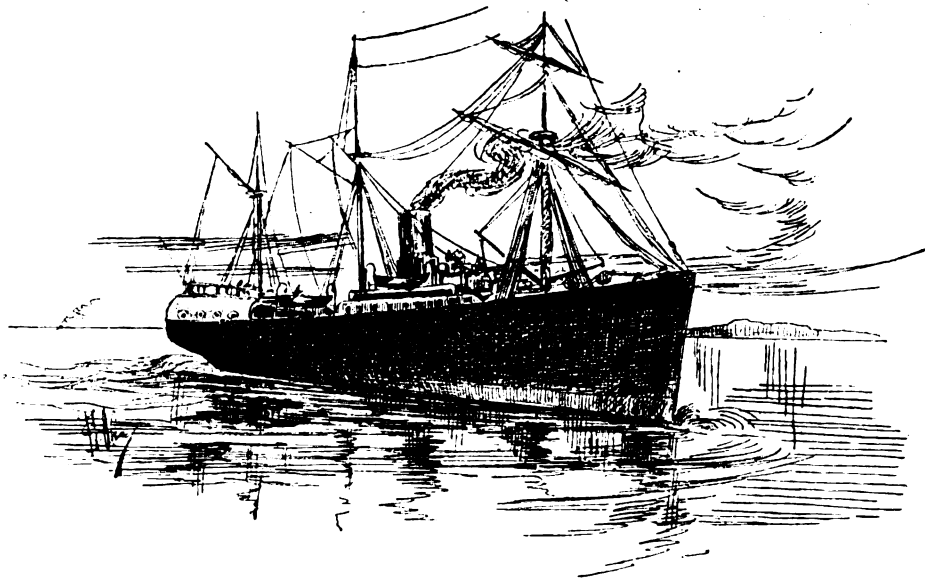


горъ, въ глубинѣ котораго лежитъ городъ, постепенно развертывается по мѣрѣ приближенія къ рейду Смирны. Уже издали видѣется высокій Пагусъ съ вершиной, увѣнчанной живописными руинами; по склонамъ его сбѣгаютъ пестрые домики турецкаго квартала и великолѣпныя кипарисовыя рощи, оберегающія покой мусульманскихъ кладбищъ. Самый городъ расположенъ у подножія массива на обширной низинѣ, но его предмѣстья лѣзутъ по всѣмъ возвышеніямъ, образуя настоящій амфитеатръ. Массивы Тмолуса, Синиха, Пелопса и «Двухъ братьевъ» обступаютъ со всѣхъ сторонъ рейдъ Смирны и закрываютъ отъ всѣхъ вѣтровъ. Многолюдныя предмѣстья съ обѣихъ сторонъ дополняютъ городъ, вытянувшійся по берегу залива и далеко по теченію Мелеса или Гомеровою рѣки.

Массы судовъ всѣхъ націй постоянно толпятся въ гавани Смирны, представляющей лучшую стоянку для судовъ на всемъ побережьи Малой Азіи. Нерѣдко не хватаетъ даже мѣста, чтобы подойти кормою къ прекрасной набережной Смирны, и пароходу приходится оставаться даже не въ гавани, а на рейдѣ, за неоконченнымъ моломъ, прикрывающимъ эту послѣднюю. Великолѣпная набережная, по которой проведена конно-желѣзная дорога, обставленная огромными домами и магазинами и постоянно наполненная массою гуляющихъ, составляетъ главную артерію общественной жизни смирнотовъ. Здѣсь расположены главныя кофейни, различныя депо, консульства, дворецъ паши съ обширными казармами; здѣсь-же по вечерамъ высыпаетъ на гуляніе и весь бомондъ Смирны, смѣшивающійся съ пріѣзжими и моряками.

Отъ набережной начинается такъ называемый кварталъ франковъ, населенный преимущественно греками, левантинцами и европейскими негодіантами; тутъ-же находятся и базары, одни изъ лучшихъ на востокѣ. Различныя «сахаропастеіоны» или кондитерскія грековъ приготавливаютъ въ огромномъ количествѣ халву и рахатъ-лукумъ, славящіеся на всемъ Востокѣ.





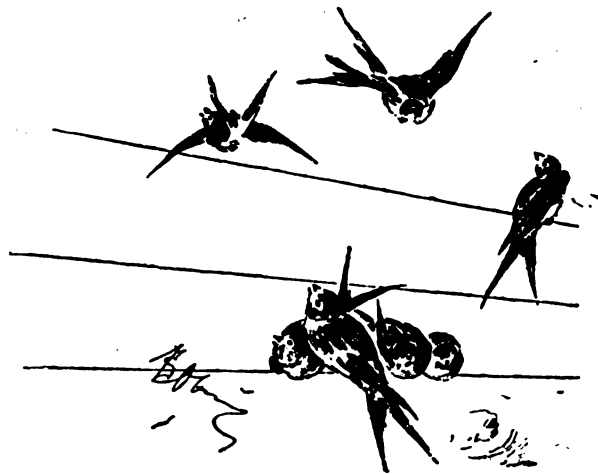
Обыкновенно проѣзжіе не заходятъ далѣе этого франкскаго квартала и самое большое—по такъ называемой «Улицѣ Розъ» проходятъ до конца города къ небольшому ручью на площади Каравановъ, гдѣ любятъ огромными караванами верблюдовъ и ихъ вожаками, юруками и туркменами, приходящими изо всѣхъ уголковъ Анатолиі. Здѣсь же досужіе гиды, уви- вающіеся за каждымъ пріѣзжимъ, показываютъ ему небольшую пещеру, которая носитъ названіе Гомерова грота. Великолѣпная зелень, идущая по теченію этого ручейка, который многіе считаютъ древнимъ Мелесомъ, нѣсколько древнихъ арокъ, обвитыхъ плющами, и другихъ остатковъ старины, утопающихъ въ яркой зелени долины, составляютъ полный контрастъ съ обнаженными склонами горныхъ массивовъ, высящихся надъ Смирною. Желѣзная дорога, соединяющая этотъ городъ съ Алашеромъ, идетъ по теченію Гедизъ-кея, или Мелеса, въ самую глубину древняго Лидійскаго царства.

Не довольствуясь экскурсіями по франкскому кварталу, мы посѣтили армянскій, еврейскій и турецкій кварталы, подходящіе къ самому Пагусу и взбирающіеся по его склонамъ довольно высоко. Выше всѣхъ со своими мечетями и кладбищами, осыненными кипарисами, забрался турецкій городъ; турокъ, настоящихъ владыкъ Малой Азіи, греки, европейцы и армяне совершенно вытѣсняють изъ города и заставляютъ влѣзть выше на вершину Пагуса; только домъ паши да казармы, стоящія на самомъ берегу, показываютъ, что Смирна еще находится во власти султана; во всемъ остальномъ—это передовой и вполне цивилизованный городокъ Востока, который можно сравнить только съ Александрією.

Блуждая по нагорнымъ кварталамъ Смирны, мы могли убѣдиться въ прославленной красотѣ смирніотокъ; въ верхнихъ кварталахъ, особенно въ греческомъ и еврейскомъ, мы встрѣчали такихъ красавицъ, которыя вполне оправдывали славу Смирны въ отношеніи красоты ея черноокихъ дочерей. Не довольствуясь посѣщеніемъ кварталовъ, мы поднялись еще выше и полѣзли на вершину Пагуса... Хотя экскурсія на верхъ горы, къ самымъ развалинамъ, считается не совсѣмъ безопасною въ виду разбойниковъ-пастуховъ, иногда грабящихъ путниковъ, но мы, сопровождаемые четырьмя здоровыми русскими паломниками съ тяжелыми странническими посохами въ рукахъ, считали себя совершенно безопасными.

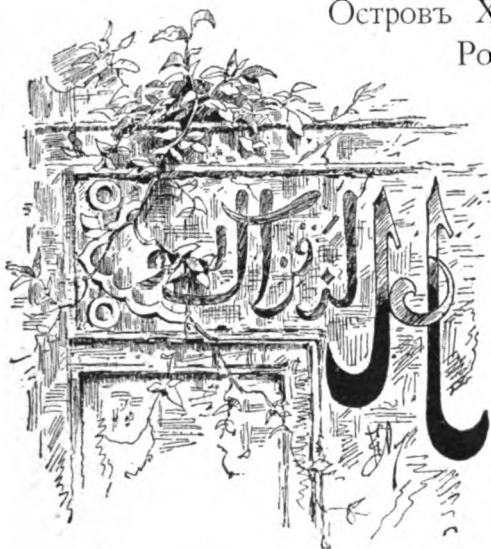
Поднявшись на самую вершину Пагуса, мы полюбовались чудною панорамой лежащей внизу Смирны, амфитеатромъ горъ, образующихъ заливъ, красивыми предмѣстьями города, тонувшими въ зелени, и живописными окрестностями, идущими по зеленѣющей долинѣ Гедиза. Затѣмъ мы осмотрѣли остатки башенъ, стѣнъ и обширныхъ цистернъ древняго укрѣпленія. Среди развалинъ мы повстрѣчали нѣсколькихъ весьма подозрительныхъ личностей, вооруженныхъ кремневыми ружьями; одинъ изъ этихъ субъектовъ вылезъ изъ самой цистерны, при самомъ нашемъ приближеніи. Разумѣется, четыре толстыхъ дубины, бывшія въ рукахъ моихъ спутниковъ, были вполне достаточны для того, чтобы удержать подобныхъ субъектовъ отъ всякихъ поползновеній по отношенію къ чужеземцамъ.

При спускѣ съ Пагуса мы посѣтили еще турецкое кладбище и прошли глухой кварталъ города, черезъ который вышли къ дворцу паши. Всѣ эти прогулки по Смирнѣ не могли удовлетворить моихъ спутниковъ, которые съ первыхъ же шаговъ по Востоку жаждали увидѣть святыни. Пришлось мнѣ провести ихъ въ соборъ Св. Фотины Самарянки, гдѣ мы встрѣтили толпу русскихъ богомольцевъ, которые при помощи случившагося съ ними батюшки уже служили русской молебень. Посѣтивъ еще двѣ-три церкви, мы только къ вечеру вернулись на свой пароходъ. Когда стемнѣло, и вся Смирна загорѣлась огнями, тогда особенно величественнымъ показался этотъ амфитеатръ города, высоко поднимающагося по склонамъ окружающихъ горъ и растянуващагося далеко по побережью.



Глава XXVI.

Островъ Хиосъ.—Островъ Самось.—Мимо Родоса.—Выходъ въ Средиземное море.—Вдоль по Киликійскому берегу.—Лоттакія.—Триполи.



А другой день утромъ мы выѣхали изъ Смирны, прошли мысъ Кара Бурну и вошли въ проливъ, отдѣляющій полуостровъ Смирнскаго залива отъ большаго острова Хиоса. Налѣво отъ насъ виднѣлся глубокой заливъ Чесмы, памятный истребленіемъ турецкаго флота. Возлѣ городишка Чесмы бьютъ

обильные источники горячей воды, дѣлающіе изъ него настоящій курортъ для смирніотовъ, съѣзжающихъ сюда въ значительномъ количествѣ. Термическими и минеральными источниками богатъ весь полуостровъ, который такъ же, какъ и противоположный Хиосъ, служитъ центромъ значительной вулканической дѣятельности. Землетресеніе 1881 г., разрушившее Хиосъ, лишь слабо отразилось на берегахъ полуострова, тогда какъ катастрофа 1883 года, почти не коснувшаяся близкаго Хиоса, разрушила тысячи домовъ въ окрестностяхъ Чесмы и засыпала камнями многіе славившіеся своимъ плодородіемъ уголки полуострова.

Нашъ пароходъ по росписанію остановился на нѣсколько часовъ въ Хиосѣ, и мы не могли удержаться отъ того, чтобы не съѣхать на берегъ и еще разъ присмотрѣться къ развалинамъ цвѣтущаго города, который въ 1881 году мы посѣтили тотчасъ послѣ землетресенія. Хотя слѣды этого послѣдняго были еще очень замѣтны, и весь городъ лежалъ въ развалинахъ и кучахъ мусора, тѣмъ не менѣе видно было, что онъ уже началъ оправляться послѣ ужасной катастрофы, стоившей жизни нѣсколькимъ тысячамъ его обитателей.



Городъ Хіосъ, носящій такъ же названіе Кастро, какъ столица Митилены, представляетъ чрезвычайно красивый видъ съ моря. Далеко растянувшійся по берегу городъ съ многочисленными церквами и пестро раскрашенными домами, съ хорошо сохранившимся средне-вѣковымъ замкомъ и красивыми развалинами портовыхъ сооруженій, уходитъ въ массу яркой зелени, въ которой прячутся загородные домики Хіосцевъ. Нынѣшняя гавань

Кастро, могущая пріютить только крошечныя рыбачьи суда, прячущіяся подъ защитою остатковъ древняго мола, глядящагося изъ воды, мало доступна во время болѣе или менѣе свѣжаго вѣтра, и нерѣдко пароходы, стоящіе передъ Хіосомъ, по цѣлымъ часамъ не имѣютъ сообщенія съ берегомъ.

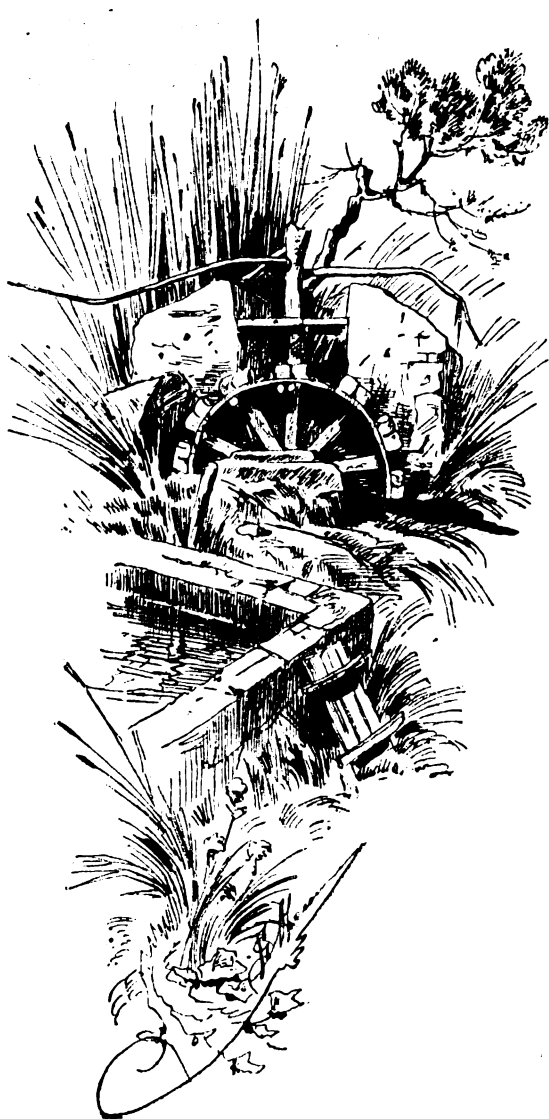
Мы побродили по обширному полю руинъ, погуляли по обширнымъ рощамъ, окружающимъ съ сѣвера городъ, и поднялись на осликахъ почти до вершины массива, царящаго надъ Хіосомъ.—На этомъ пути мы могли полюбоваться на Хіосцевъ, ихъ трудолюбіе и искусство, съ которыми они умѣютъ изъ камня добывать себѣ хлѣбъ. Упорнымъ трудомъ они утилизовали многіе бесплодные на видъ уголки своего каменистаго острова и обратили ихъ въ плодоносные рощи и сады. Обдѣлка каменистой почвы террасами, искусное проведеніе воды изъ далекихъ источниковъ и разныя ирригаціонныя сооруженія, которымъ мы впослѣдствіи удивлялись въ Малой Азіи, были впервые замѣчены нами на Хіосѣ. Благодаря упорному труду хіосцевъ, немудрено, что обширный островъ, на видъ такой-же бесплодный, какъ и остальные острова Архипелага, производитъ въ обиліи не только маслины и виноградъ, но и апельсины, лимоны, яблоки, фиги и знаменитую мастику или особаго рода камедь, идущую для приготовленія любимой водки на Востокѣ—мастики. Мастикою, въ видѣ свѣжесобранной смолы и вполне приготовленнаго напитка, немало нагрузился нашъ пароходъ. Наши паломники, соскучась о русскомъ зельѣ, отвѣдали греческой мастики, но ея смолистый и сладкій вкусъ «не по нутру русскаго человѣка».

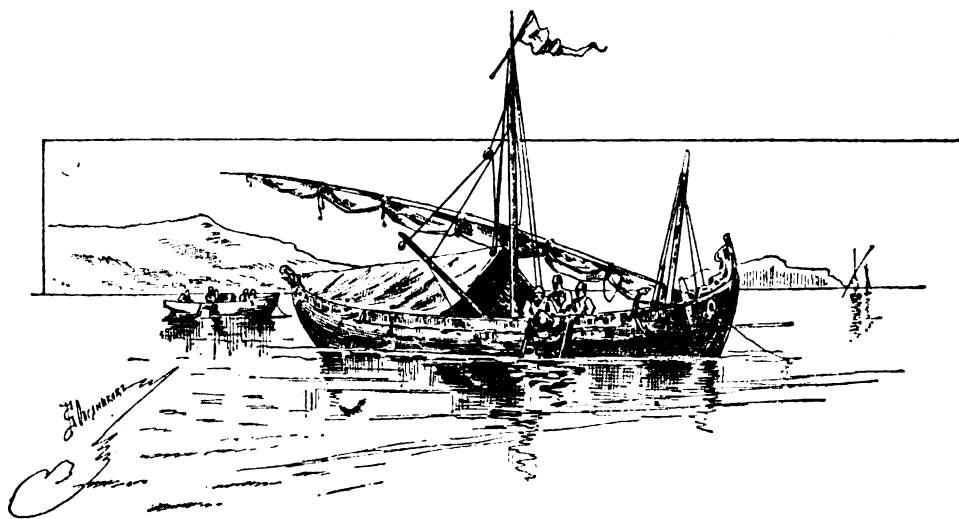
Прошли мы Хіосъ и на нѣкоторое время вышли на просторъ Архипелага; впереди насъ, на лучахъ склонявшагося къ горизонту солнца, виднѣлись уже темныя массы острововъ Никаріи и Самоса, между которыми лежитъ курсъ русскихъ пароходовъ. Налѣво, въ сторонѣ отъ насъ, оставался заливъ Скалановы или Новаго Ефеса; въ этомъ заливѣ въ древности были расположены и гавани славнаго Ефеса, нынѣ представляющаго обширныя, но мало импонирующія руины. Оба острова—Никарію и Самосъ—мы

прошли въ темнотѣ, и намъ не удалось даже бросить взора на могущественный нѣкогда островъ Поликрата, сохраняющій и доселѣ нѣсколько исключительное положеніе среди острововъ Архипелага. Самосскій князь, родъ парламента и собственный флагъ развѣвающійся на многочисленныхъ парусныхъ судахъ Самоса, составляютъ зависть многихъ островитянъ, а Вати, столица княжества, является центромъ довольно кипучей дѣятельности, оживляющей небольшое, но быстро развивающееся населеніе этого островка.

За ночь нашъ пароходъ проходитъ острова Фурни, Патмосъ, Леро, Калимно, Кось и достигаетъ широкаго пролива между Карпато и Родосомъ, который выводитъ его уже въ Средиземное море. Ничего особеннаго нѣтъ на всѣхъ этихъ плохо видимыхъ съ палубы парохода островахъ; высокіе, поднимающіеся на цѣлыя тысячи футовъ массивы, въ общемъ обнаженные и почти лишенные съ виду населенія, красиво вырисовываются своими громадами на голубыхъ водахъ Архипелага. Небольшія пятна зелени и кое-гдѣ видныя хижины украшаютъ немногіе склоны. Жители ютятся въ плодоносныхъ лощинахъ и оврагахъ, сохранившихъ еще прѣсную воду и небольшія количества хорошей земли. Русскіе паломники съ восторгомъ смотрятъ на всѣ эти острова, но особенное вниманіе ихъ привлекаетъ знаменитый Патмосъ, мѣсто заключенія Іоанна Богослова.

Возлѣ многихъ острововъ Архипелага мы видимъ цѣлыя флотилии рыбацкихъ лодокъ, занимающихся преимущественно добываніемъ губокъ; обитатели многихъ небольшихъ бесплодныхъ острововъ живутъ исключительно этимъ промысломъ. Особенно смѣлыми водолазами славятся острова Калимно и Симо, въ водахъ которыхъ встрѣчается масса губокъ, въ иные годы покрывающихъ все морское дно. Островъ Кось—родина великаго Гипократа, сохранившій еще платанъ, посвященный памяти знаменитаго врача, славится не только рыбаками, сколько своимъ плодородіемъ и богатствомъ естественныхъ произведеній. Безъ сомнѣнія, это—одинъ изъ богатѣйшихъ острововъ Архипелага, доставляющій, кромѣ всевозможныхъ плодовъ, еще прекрасное вино, не уступающее Кипрскому и другимъ лучшимъ винамъ Леванта. Минеральные теплые ключи, бьющіе въ обилии въ нѣкоторыхъ уголкахъ острова, указываютъ на вулканическую почву Коса, который, безъ сомнѣнія, этому обстоятельству обязанъ своимъ замѣчательнымъ плодородіемъ. Еще больше воспоминаній возбуждаетъ въ умѣ каждаго туриста темная величественная масса Родоса, виднаго лишь очень неясно съ палубы русскаго парохода, держащагося обыкновенно ближе къ





берегамъ Карпато. Невольно вспоминаются при видѣ прячущагося въ дали Родоса роскошная растительность этой «Страны Розъ», гдѣ царить вѣчная весна, славное прошлое острова и его великолѣпныя развалины. Одна изъ важнѣйшихъ гаваней античной древности, родина отважныхъ мореходовъ, наслѣдниковъ финикянъ, позднѣе оплотъ христіанъ на водахъ Леванта, гнѣздо знаменитыхъ рыцарей, Родосъ до сихъ поръ отчасти сохраняетъ свое важное значеніе. Сюда приходятъ корабли различныхъ націй, отсюда вывозятся многочисленныя произведенія страны, здѣсь еще многое напоминаетъ о прежнемъ величїи, но все-таки и Родосъ раздѣляетъ общую участь всѣхъ знаменитыхъ въ древности торговыхъ центровъ Леванта. Его гавани обмелѣли, древніе молы разрушены, грозныя укрѣпленія, долго сдерживавшія напоръ турокъ, представляютъ развалины, и городъ Рыцарей гордится болѣе прошлою, чѣмъ настояшею славою. Нѣсколько позднѣе, плывя по берегамъ Сирїи на австрійскомъ пароходѣ, я посѣтилъ знаменитый городъ Родосъ, побродилъ по его средневѣковому кварталу и посидѣлъ на развалинахъ церкви св. Іоанна и дворца Гроссмейстера ордена Іоаннитовъ, разрушенныхъ лишь въ срединѣ XIX вѣка.

По выходѣ изъ Родосскаго пролива, пароходъ входитъ уже въ Средиземное море и нѣкоторое время идетъ вдаль отъ береговъ. Это одинъ изъ самыхъ скучныхъ переходовъ отъ Одессы до Яффы, потому что отъ Хюса до Мерсины, слѣдующей остановки, пароходъ цѣлыхъ трое сутокъ идетъ безъ остановки. Въ заливѣ Адолиі при томъ нерѣдко покачивается, и путники, привыкшіе къ виду береговъ, радуются, когда пароходъ приближается снова къ побережьямъ Киликіи.

Дикія скалистыя горы, покрытыя во многихъ мѣстахъ развалинами, почти лишены растительности, встаютъ передъ глазами путника, едва онъ приблизится къ подножію Киликійскаго тавра. Любуясь свѣтовыми эффектами, играющими на обнаженныхъ камняхъ, проѣзжающій не можетъ не замѣтить останковъ прежняго славнаго прошлаго, разбросанныхъ на склонахъ горъ, обращенныхъ къ морю и нѣкогда покрытыхъ городами. Особенно бросаются въ глаза развалины Анамура, представляющія съ моря обширный городъ сѣрыхъ хижинъ, покинутыхъ ихъ обитателями. Скала Правансаля, нѣкогда служившая прїютомъ рыцарей Родоса, Семиносъ, Селевкія и другіе пункты, значительные въ древности, обозначаются нынѣ однѣми убогими деревушками.

Слѣдуя далѣе по Киликійскому берегу, мы замѣчаемъ хорошо видныя съ палубы развалины римскаго города Помпеіополиса, мраморныя колонны котораго до сихъ поръ еще высятся на низменномъ берегу; недалеко отъ нихъ виднѣются другія еще болѣе обширныя руины Соли, а еще далѣе, среди массы зелени, окруженная плодороднымъ полемъ и садомъ выступаетъ Мерсина, современный портъ Киликіи. Паломнику тутъ смотрѣть нечего, но туристъ съ удовольствіемъ прогуляется по красивому берегу возлѣ Мерсины и пройдетъ въ обширныя сады, окружающіе съ сѣвера этотъ молодой городъ, еще въ началѣ этого столѣтія представлявшій группу рыбацкихъ домовъ. Для паломника Мерсина важна, какъ портъ, ведущій въ нѣкогда славный городъ Тарсъ—родину Апостола Павла, бывшій во времена Марка Антонія столицей передней Азіи и соперничавшій во всѣхъ отношеніяхъ съ Александрією. Отъ Мерсины на Тарсъ въ настоящее время *) проложена прекрасная дорога, по которой въ 5—6 часовъ ѣзды можно добраться до столицы Киликіи. Хотя въ Мерсинѣ наши паломники сходятъ довольно рѣдко, но они зато запасаются харчами истраченными за трехдневный морской переходъ. Мерсиною кончается область турецкаго языка, и мы входимъ въ сферу распространенія арабскаго племени и языка. Первымъ городомъ съ арабскимъ населеніемъ на малоазіатскомъ берегу является Искандерунъ или Александретта, стоящая въ самомъ углу, гдѣ сходятся Сирія съ Анатолією. Отъ Мерсины до Александретты всего 12—15 часовъ пути, и пароходъ не покидаетъ берега, вдоль котораго отсюда идетъ уже до самой Яффы.

Пока городъ Александретта еще менѣе замѣчателенъ, чѣмъ Мерсина, но самое положеніе его крайне живописно. Стоя у подножія величественнаго Тавра, образующаго здѣсь родъ амфитеатра, обходящаго съ трехъ сторонъ закрытый заливъ Искандеруна, городокъ, расположенный на болотистой низинѣ, поросшей богатою растительностью, издали производить самое пріятное впечатлѣніе. Такъ какъ пароходъ здѣсь стоитъ цѣлый день, то многіе сходятъ на берегъ, бродятъ по обширной низинѣ, густо поросшей цвѣтущими олеандрами, купаются на песчаномъ берегу и собираютъ разноцвѣтные камешки и ракушки. Въ окрестностяхъ Александретты встрѣчаются первыя пальмы, которыя можно видѣть еще на Родосѣ. Страшныя лихорадки господ-

*) Теперь Мерсину съ Тарсомъ и Аданою соединяетъ желѣзная дорога.





ствують во всей низинѣ Александретскаго залива; всѣ жители носятъ на своихъ лицахъ признаки этой болѣзни и нерѣдко даже дѣти туземцевъ уже поражены худосочиемъ, сказывающимся въ впалыхъ, потускнѣвшихъ глазахъ, въ зеленоватомъ, грязномъ цвѣтѣ лицъ и опухшемъ животѣ, при страшномъ исхуданіи всего тѣла. Часто одна ночь, проведенная пріѣзжимъ въ Искандерунъ, оста-

вляла по себѣ воспоминаніе въ неотвязчивой лихорадкѣ; всякій поэтому, кто можетъ, бѣжитъ отсюда въ горы, гдѣ въ небольшомъ городкѣ Бейханъ, стоящемъ въ живописномъ горномъ проходѣ, расположены дома немногихъ европейцевъ и греческихъ коммерсантовъ, ведущихъ свои дѣла въ Александретѣ.

Позднимъ вечеромъ выходитъ пароходъ изъ Александретты и на другой день утромъ бросаетъ якорь на рейдѣ Лоттакии—древней Лаодикии, которую чествуютъ паломники въ воспоминаніе бывшаго здѣсь Вселенскаго Собора. Въ виду недолгой остановки въ Лоттакии очень рѣдко удается съѣхать на берегъ, хотя въ городѣ и есть что посмотреть. Отсюда, между прочимъ, начинается обширное царство апельсиновъ, тянущееся до самой Яффы и доставляющее около половины всего количества апельсиновъ и лимоновъ, идущихъ въ Европу. Въ Азанъ сбить этихъ плодовъ: всѣ пароходы идутъ, нагруженные тысячами ящиковъ, большая часть которыхъ погружается въ Триполи и Яффѣ.

Самый городъ не великъ и расположенъ на небольшомъ возвышеніи, на которомъ царятъ массивы Ансаріехскихъ горъ. Съ палубы парохода его не легко рассмотретьъ, такъ какъ многочисленные сады скрываютъ многія постройки Лоттакии. Хорошенькіе домики стараго города съ большими окнами и арками, перекинутыми черезъ улицу, нѣсколько изящныхъ минаретовъ, поставленныхъ очень хорошо и, наконецъ, красивыя строенія новаго города, расположеннаго на берегу бухты—все это производитъ пріятное впечатлѣніе, усиливается яркою зеленью и темнымъ фономъ горъ, на которомъ вырисовывается городъ.

Этотъ разъ намъ удалось высадиться на берегъ Лоттакии вмѣстѣ съ нѣсколькими паломниками; взявъ осликовъ, мы быстро объѣхали городъ, какъ и его портъ, и направились къ древнимъ могиламъ, высѣченнымъ въ скалахъ, окружающихъ Лоттакію. Мы посѣтили нѣсколько изъ нихъ и долго любовались красивымъ саркофагомъ, открытымъ незадолго до нашего посѣщенія и украшеннымъ прекрасною рѣзьбою. По словамъ грека-проводника, саркофагъ этотъ принадлежитъ одному изъ македонскихъ царей. Среди погребальныхъ гротовъ особенное вниманіе наше было об-

ращено на обширную пещеру Маръ-Тукса или св. Оеклы, которую почитают до сихъ поръ христіане Лоттакии. Въ этой пещерѣ было вырѣзано много крестовъ и въ одной изъ нишъ ея мы нашли небольшую масляную лампочку въ видѣ башмачка, которая употреблялась въ древности для освѣщенія катакомбъ. Говорятъ, что въ этомъ подземельи были найдены многочисленныя кости замученныхъ христіанъ. Нашъ проводникъ показывалъ намъ и другіе остатки древности Лоттакии—развалины древнихъ зданій, колоннъ и прекрасно обдѣланныхъ плитъ идущихъ нерѣдко на постройку новыхъ зданій города. Моихъ спутниковъ болѣе всего заинтересовали три греческихъ церкви, въ которыхъ намъ показали рукописныя Евангелія довольно почтенной древности.

Услышавъ первый свистокъ парохода, мы стремглавъ бросились удирать изъ Лоттакии, гоня своихъ осликовъ по живописной дорожкѣ, вьющейся среди роскошныхъ садовъ и табачныхъ плантацій, лежащихъ между городомъ и портомъ. Арабы-лодочники хотѣли воспользоваться нашимъ критическимъ положеніемъ и запросили страшную цѣну, но насъ выручила шлюпка агентства, доведшая насъ до парохода. На этой шлюпкѣ мы впервые увидѣли свѣжія собранныя губки, растущія въ значительномъ количествѣ на днѣ водъ, омывающихъ многочисленныя бухточки Лоттакии.

Нагрузившись кипами хлопка и табаку, пароходъ нашъ пошелъ далѣе по Сирийскому берегу; высокіе, красивые массивы Амануса слѣдовали по всему побережью, мѣстами образуя довольно дикіе мѣловые хребты, прорѣзанные темными діоритовыми пластами. Черезъ три часа отъ Лоттакии мы запримѣтили въ морѣ небольшой скалистый островъ Руадъ, около кото-



раго плавала цѣлая флотилія крошечныхъ судовъ. По словамъ нашего капитана, суда эти занимались добычею губокъ, составляющихъ въ настоящее время одинъ изъ самыхъ важныхъ промысловъ обитателей побережья. Островокъ этотъ, не представляющій съ виду ничего интереснаго, на вершинѣ своей скалы вмѣщаетъ цѣлый городъ, стоящій на мѣстѣ древняго Арада, бывшаго столицею Орантскаго царства... Мы, разумѣется, не могли разсмотрѣть ни построекъ Руада, ни обширныхъ развалинъ, тянущихся напротивъ его на Сирійскомъ берегу и извѣстныхъ подъ именемъ Тортозы, составлявшей пригородъ островнаго Арада; цѣлый рядъ воспоминаній, связанныхъ съ этими славными именами, тѣснится въ моей головѣ, но напрасно мы силимся увидѣть величественныя развалины циклопическихъ стѣнъ и хананейскаго святилища древняго города.

Черезъ шесть-семь часовъ пароходъ останавливается въ Триполи—столицѣ малоазійскаго царства апельсиновъ, гдѣ и проводитъ остатокъ дня до самой полночи въ виду значительнаго груза, слѣдующаго въ Александрію. Разумѣется, мы пользуемся случаемъ и, несмотря на наступающій вечеръ, съѣзжаемъ на берегъ, чтобы взглянуть глазкомъ на этотъ городъ Сиріи — одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ на берегахъ Леванта... Агентская лодка быстро свезла меня на берегъ, а одинъ изъ служителей агентства былъ командированъ для того, чтобы въ два-три часа, остающіеся до темноты, показать мнѣ, по возможности, всѣ достопримѣчательности города. Мы высадились въ Эль-Мина или береговой части города, лежащей на небольшомъ низменномъ мыску, впереди котораго далеко выступаютъ въ море остатки древняго мола, защищавшаго гавань Триполи. Остатки башенъ и стѣнъ, окружавшихъ эту послѣднюю, придаютъ довольно живописный видъ небольшому грязному городку, украшаемому лишь домами европейскихъ консульствъ и агентствъ. Укрѣпленія, повидимому, не только окружали городъ, но шли далеко по берегу, на что указываютъ остатки башенъ, встрѣчающіеся до самаго впаденія Нахръ-Қадиша, служившаго въ древности судоходною рѣкою. Черезъ широкую полосу великолѣпныхъ апельсиновыхъ, лимонныхъ и миндальныхъ рощъ, усѣянныхъ перистыми пальмами, мы пробираемся на быстрыхъ осликахъ къ небольшимъ возвышеніямъ, на которыхъ стоитъ собственно городъ, взбѣгающій довольно высоко по склонамъ Ливана. Нашъ проводникъ бѣгло показываетъ намъ довольно богатый базаръ Триполи, нѣсколько мечетей, двѣ греческихъ церкви и нѣкоторые остатки древности, но все-таки намъ не остается времени посѣтить третью часть Триполи — средневѣковый замокъ, отлично сохранившійся.—Қафъ-эс-Санджилъ, служившій резиденціею властителей Триполи во времена крестоносцевъ. Этотъ красивый замокъ со своими башнями, портиками, террасами и обширными залами, вырытыми прямо въ скалѣ, царитъ надъ городомъ, его великолѣпными садами и дивнымъ по красотѣ ущельемъ Нахръ-Қадица... Мы полюбовались издали Қафъ-эс-Санджилемъ и поспѣшили вслѣдствіе быстро наступавшей темноты вернуться къ берегу моря. Нашъ проводникъ повелъ меня обратно не прямо черезъ садъ въ Эль-Мина, вдоль рѣчки, по остаткамъ укрѣпленія, защищавшаго устье Нахръ-Қадиша. Пробираясь отсюда по песчаному берегу, мы около девяти часовъ вечера прибыли къ пристани, а оттуда переѣхали на пароходъ.

Когда многочисленные огни тройного города зажглись среди садовъ и на склонахъ Ливана, еще красивѣе и эффектнѣе намъ показался Триполи; особенно поразительный эффектъ производили далекіе костры, разложенные номадами на вершинахъ горъ, окружающихъ Тарабулосъ. Небольшіе фонари многочисленныхъ судовъ, толпившихся въ гавани Эль-Мина, еще болѣе увеличивали обыкновенную иллюминацію тройного города... Около полуночи пароходъ нашъ тронулся въ путь вдоль Сирийскаго побережья, по прежнему провожаемый зубчатою стѣною красивыхъ массивовъ Ливана.

Въ теченіе ночи мы проходили славныя въ древности мѣста городовъ Ботриса и Гевала или Библоса, еще хранящія останки временъ первобытной цивилизаціи. На мѣстѣ Ботриса теперь стоитъ бѣдное поселеніе маронитовъ Эль-Бадрунъ, древніе гроты котораго еще требуютъ солиднаго изученія; а на мѣстѣ Библоса—одного изъ древнѣйшихъ городовъ міра, создавшаго культъ Солнечнаго бога Таммуза, Адониса грековъ, расположена небольшая деревушка Джебаилъ. Городъ Белиты, Ваала, Таммуза и Адониса, священный городъ финикійской древности сохранилъ лишь очень немного останковъ античной старины; развалины стѣнъ и башенъ, воздвигнутыхъ крестоносцами, остатки цитадели съ глубокимъ рвомъ, выкопаннымъ въ скалѣ, обширныя цистерны, слѣды портовыхъ сооружений,—все это мало говоритъ о древнемъ Гевалѣ, и лишь обширный некрополь, на половину засыпанный песками, указываетъ на памятники, передъ которыми меркнетъ даже древность Эллады и Рима. Саркофаги, надписи, изображенія и первобытные погребальные гроты, пока еще далеко не изслѣдованные и даже не открытые, обѣщаютъ будущему изслѣдователю много любопытныхъ открытій..



Глава XXVII.

Бейрутъ.—Панорама города.—Значеніе Бейрута.—Иновѣрная пропаганда.—Красота женщинъ.—Древній храмъ Георгія Побѣдоносца.—Послѣдняя ночь предъ вступленіемъ въ Святую Землю.—Мимо древнихъ Сидона и Тира.—Яффа.—Иерусалимъ.

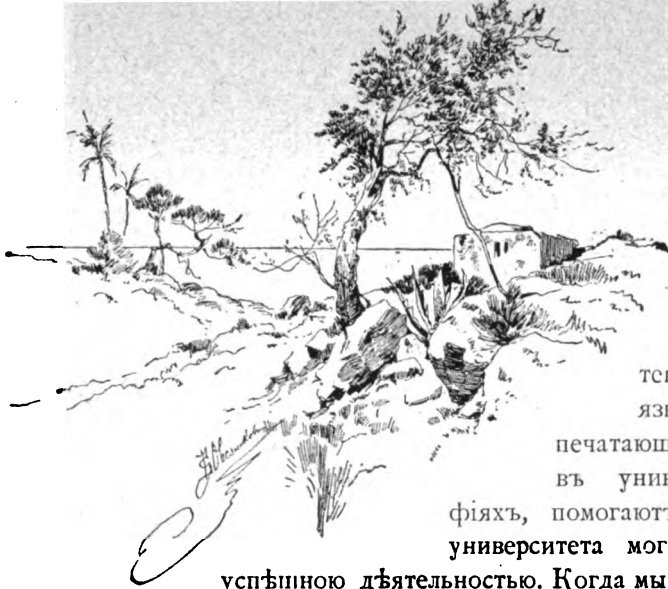


ТРОМЪ рано пароходъ, приходитъ обыкновенно въ современную столицу Сиріи — Бейрутъ. Какъ ни красивы сами по себѣ Смирна, Лоттакія и Триполи, но общій видъ, представляемый Бейрутомъ, заставляеть совершенно позабыть ихъ. Не даромъ древній Беритъ, носившій эпитетъ «красы Сиріи, перла Ливана», былъ издревле окруженъ ореоломъ мифовъ и легендъ. Красота его, дѣйствительно, поразительна, и можно повѣрить тому, кто сравнилъ общій видъ Бейрута съ лучшими панорамами міра. Вѣчно голубое небо, въ которое упираются снѣжныя верхушки Ливана, красивая зубчатая цѣпь горъ и великолѣпное море, со скалистыми изъѣденными волнами берегами, составляютъ общій фонъ, на которомъ поднимаются террасами красивыя зданія города и многочисленныя дачи, тонущія въ роскошной зелени садовъ. Разноцвѣтные домики красивой архитектуры поднимаются по склонамъ окружающихъ горъ, за ними бѣгутъ виноградники, пальмовыя рощи, сады апельсиновъ, гранатовъ и миндалей; первая линія домовъ почти

купаются своими основаніями въ волнахъ прибоя, отъ котораго не защищаютъ ни берега, ни остатки древнихъ укрѣпленій, ни извѣденныя скалы, грозно высовывающіяся по всему побережью. Красноватая дюна, постепенно засыпающія съ запада сады, отбѣняютъ еще эффектиѣе яркую зелень этихъ послѣднихъ, а великолѣпныя рощи пиній съ ихъ зонтикообразными верхушками придаютъ особенную красоту ландшафту. Мы не знаемъ другого мѣста на землѣ, гдѣ-бы пиніи и сосны росли рядомъ съ пальмами, разсѣянными цѣлыми тысячами среди садовъ Бейрута. Пространство, занятое пригородами и дачными домиками, утопающими въ садахъ, превышаетъ въ нѣсколько разъ площадь самого города, придавая ему видъ огромнаго амфитеатра. Множество церквей, мечетей, великолѣпныхъ общественныхъ зданій, больницъ, школъ и тому подобныхъ сооружений, высящихся среди общей массы построекъ, увеличиваетъ еще больше красоту города, стоящаго у самаго подножія Ливанской цѣпи.

Еще болѣе, чѣмъ Смирна, Бейрутъ сталъ европейскимъ городомъ. Вліяніе европейской культуры превратило столицу Сиріи въ настоящій центръ просвѣщенія для всей окрестной страны. Ни Смирна, ни даже Александрія не могутъ похвалиться такимъ культурнымъ значеніемъ, которое въ теченіе многихъ лѣтъ пріобрѣтено и удерживается Бейрутомъ. Всякаго высадившагося впервые въ гавани этого города европейскаго туриста поражаютъ не только прекрасно мощенныя улицы, хорошіе экипажи, великолѣпныя зданія и масса европейскихъ костюмовъ, но и то обиліе всевозможныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, которыя въ Бейрутѣ надо считать многими десятками. Католики и протестанты конкурируютъ между собою въ дѣлѣ просвѣщенія молодыхъ арабовъ и наполняютъ Бейрутъ не только низшими и средними учебными заведеніями, но и высшими, даже специальными школами; двумъ величайшимъ учебнымъ заведеніямъ, обладающимъ медицинскими факультетами, обсерваторіями, библіотеками, музеями, типографіями и мастерскими, присвоены даже названія университетовъ; огромное учрежденіе іезуитовъ, помѣщающееся въ самомъ центрѣ города и видное далеко съ моря, называется католическимъ университетомъ, тогда какъ протестантскимъ университетомъ считается большая американская школа, возвышающаяся надъ городомъ нѣсколько въ сто-





ронѣ отъ Бейрута. Въ
обѣихъ этихъ шко-
лахъ преподають про-
фессора, читающіе
теперь лекціи на арабскомъ
языкѣ; учебныя пособия,
печатающіяся также по-арабски
въ университетскихъ типогра-
фіяхъ, помогаютъ дѣлу обученія, и оба
университета могутъ похвалиться своею
успѣшною дѣятельностью. Когда мы посѣщали католическій
университетъ, намъ показывалъ свою обсерваторію молодой интеллигентный
арабъ, читающій астрономію и высшую математику и кончившій курсъ въ
той же коллегіи іезуитовъ.

О многочисленныхъ другихъ учрежденіяхъ подобнаго рода, состав-
ляющихъ въ настоящее время главную достопримѣчательность Бейрута,
мы не будемъ много распространяться. Институтъ для обученія дѣвушекъ
съ пансіономъ для сиротъ, монастырь Назаретскихъ сестеръ, нѣмецкій
орфелинатъ, двѣ большія англійскія школы и десятки второстепенныхъ
учебныхъ заведеній всякаго рода, вмѣщающія тысячи дѣтей обоего пола,—
все это свидѣтельствуетъ о могуществѣ иновѣрной пропаганды, которая
заботится не столько объ образованіи молодыхъ арабовъ, сколько объ улов-
леніи въ свои сѣти многочисленныхъ маронитовъ, несторіанъ, друзовъ,
сиріанъ и другихъ христіанъ Востока, не исключая и православныхъ. Къ
той же самой цѣли стремятся и другія благотворительныя учрежденія ино-
вѣрныхъ пропагандистовъ, въ родѣ многочисленныхъ пріютовъ, больницъ и
цѣлыхъ госпиталей, устроенныхъ обыкновенно около католическихъ и про-
тестантскихъ церквей. Результаты такой широкой пропаганды, ведущейся
не только съ огромными матеріальными средствами, но и съ замѣчательною
твердостью, энергією, тактичностью и знаніемъ дѣла, внушаютъ невольное
опасеніе. Не даромъ и теперь уже Франція считаетъ себя покровитель-
ницею Ливана, въ горахъ котораго усердно работаютъ всевозможныя като-
лическія миссіи. При видѣ всѣхъ этихъ завоеваній, которыя дѣлаетъ на
Востокѣ иновѣрная пропаганда, становится даже страшно не только за
участь древнихъ восточныхъ христіанъ, обыкновенно сектантовъ различныхъ
ересей, но и за судьбу Православія, которое постепенно угасаетъ даже
тамъ, гдѣ возсіялъ свѣтъ ученія Христа. Намъ не мѣсто распространяться
здѣсь о грозныхъ успѣхахъ иновѣрной пропаганды даже среди православ-
ныхъ арабовъ и грековъ не только въ Сиріи, но и въ Палестинѣ,— но мы
не можемъ умолчать о томъ грустномъ чувствѣ, которое охватило насъ
при видѣ могущественныхъ пособій иновѣрной пропаганды въ Бейрутѣ въ
то время, какъ православіе не имѣло тамъ другихъ опорныхъ пунктовъ,
кромѣ ничтожной греческой школы и 8—10 греческихъ церквей, пастыри
которыхъ ни въ какомъ случаѣ не были борцами за православіе, а тѣмъ бо-
лѣе—его пропагандистами. Мы сожалѣли о томъ, что Россія, которой такъ
симпатизируютъ повсюду на Востокѣ, не имѣетъ ни одной церкви, ни одной
школы, гдѣ православные туземцы могли-бы найти себѣ могущественную

опору во всѣхъ своихъ невзгодахъ. Хотя и многое опущено и многого уже не воротишь,—думалось мнѣ,—но все-таки крайне желательно, чтобы среди массы иновѣрныхъ школъ явилась и русская школа не столько для противодѣйствія пропагандѣ, сколько для сохраненія небольшого стада, оставшагося вѣрнымъ Православію. Обязанностью Палестинскаго Общества, казалось мнѣ, является основаніе одной или двухъ русскихъ школъ въ Бейрутѣ для массы православныхъ его обитателей, и, быть можетъ, скоро настанетъ время, когда мѣстные арабы заговорятъ такъ-же по-русски, какъ говорятъ они на другихъ европейскихъ языкахъ. Мои надежды отчасти уже сбылись, и въ настоящее время Палестинскимъ Обществомъ основана въ Бейрутѣ даже учительская семинарія, приготовляющая преподавателей для учреждаемыхъ православныхъ школъ...

Высаживаясь уже во второй разъ въ Бейрутѣ, я много не останавливался на обзорѣ въ общемъ знакомаго мнѣ города и употребилъ время главнымъ образомъ на посѣщеніе иновѣрныхъ учреждений и сообщеніе ихъ программъ, что входило въ задачу, данную мнѣ Палестинскимъ Обществомъ. Лишь подъ вечеръ я посѣтилъ арабскій кварталъ, еще сохранившій свои тѣсныя улицы и закоулки, и прошелъ по базарамъ, любясь не столько его роскошными товарами, сколько разнообразіемъ типовъ, представителей различныхъ обитателей Ливана. Марониты, друзы, ансаріи, сирійцы, черкесы, греки, левантинцы, арабы и всѣ другія національности Востока имѣли своихъ представителей въ пестрой толпѣ Бейрутскаго базара. Особенно выдавались своимъ типическимъ лицомъ и живописными одѣянiami полудикіе друзы Ливана.

Бейрутъ славится между прочимъ и красотою своихъ женщинъ; однѣ изъ лучшихъ, красавицы Востока считаютъ своею родиною древній Бейрутъ; своеобразная красота сирійскихъ и друзскихъ женщинъ, ихъ оригинальное и часто пышное одѣяніе, красивыя личики бейрутскихъ евреекъ и гречанокъ, взятыя сами по себѣ, способны остановить вниманіе даже художника. Пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ, несомнѣнно, левантинкамъ, нерѣдко представляющимъ типы ослѣпительной красоты. Смѣшанный типъ левантинца, какъ продуктъ смѣшенія европейцевъ и грековъ съ различными туземными обитателями, даетъ чрезвычайно красивую расу, но, къ сожалѣнію, умственныя и нравственныя достоинства этихъ метисовъ далеко не соответствуютъ ихъ блестящей наружности...

Русскій паломникъ, хотя и съ восхищеніемъ смотритъ на живописную панораму, которую представляетъ Бейрутъ, но его вниманіе обращаетъ единственная, да и то апокрифическая святыня—небольшое древнее зданіе, по видимому, остатокъ храма, къ которому приурочиваютъ мѣсто побѣды Св. Георгія надъ дракономъ, выходившимъ изъ озера для того, чтобы поглощать свои жертвы. Досужіе проводники сообщаютъ всѣмъ вѣрующимъ паломникамъ, что въ этомъ зданіи отдыхалъ Побѣдоносецъ послѣ борьбы со змѣемъ, при чемъ клалъ себѣ подъ голову кругловатый камень въ видѣ волчка, показываемый сторожами этого зданія. Недалеко находящійся отсюда древній саркофагъ, по рассказамъ тѣхъ же гидовъ, совершенно неосновательно приурочивается къ гробницѣ Св. Георгія, находящейся, какъ извѣстно, въ Лидѣ. При нашемъ посѣщеніи этого зданія встрѣчаютъ палом-



Левантинка.

никовъ. вышла такая красавица, что, глядя на нее, даже смутились наши мужички. Одинъ изъ почтенныхъ богомольцевъ принялъ прекрасную сирианку за настоящее дьявольское навождение; грекъ же проводникъ при этомъ замѣтилъ довольно эхидно, что хозяинъ этой апокрифической святыни нарочно держитъ красавицу для привлеченія туристовъ... Много хотѣлось-бы еще поразсказать о Бейрутѣ, который мы уже посѣщали не въ первый разъ, но мѣсто не позволяетъ намъ болѣе распространяться объ этомъ «перлѣ Ливанскихъ горъ»... Уже было совершенно темно, когда мы возвратились сильно усталые на пароходъ, гдѣ еще работали весло лебедки и раздавалась обычная портовая пѣсенка «вира» — «майна» (тащи и трави цѣпь лебедки)... Около полуночи мы покинули Бейрутъ и ночью уже шли вдоль береговъ Святой

Земли. Многие паломники не спали эту послѣднюю ночь пребывания на пароходѣ, а сняли шапки и безпрестанно вглядывались въ темнѣющую полосу горъ, обозначающихъ начало Святой Земли... Нехитрые умами, но чистые сердцемъ, простые сѣрые паломники вперяли свои очи по направленію синѣющихъ горъ, зная, что за ними лежитъ земля, нѣкогда попиравшаяся стопами Христа. Частые огоньки, видимые съ палубы парохода, указывали на нѣкоторые значительные пункты этого побережья, но только глаза моряка могли что-нибудь разобрать въ нихъ...

Первою замѣчательною группою огней на берегу были огоньки Саиды, нѣкогда славнаго и великаго Сидона. Знаменитый городъ древности со своимъ обширнымъ некрополемъ, любопытными останками финикійской цивилизаціи и огромными кучами раковинъ, доставлявшихъ пурпуръ, по видимому, совершенно забылъ о своей прежней славѣ и вмѣсто всемирной торговли нынѣ промышляетъ лишь апельсинами, которые во множествѣ доставляютъ его великолѣпные и обширные сады. Еще меньше осталось отъ соперника Сидона, славнаго Тира, превратившагося нынѣ въ небольшое поселеніе Суръ. Огоньки его виднѣются на Палестинскомъ берегу черезъ какой-нибудь часъ или полтора отъ Сидона. Знаменитая скала города Ваала, которую нѣкогда соединяла дамба съ материкомъ, хранитъ лишь незначительные останки древности. Еще меньше, чѣмъ изъ саркофаговъ цекрополя Сидонскаго, извлекли ученые изслѣдователи изъ многочисленныхъ гробницъ древняго Тира. Знаменитая гробница Хирама,

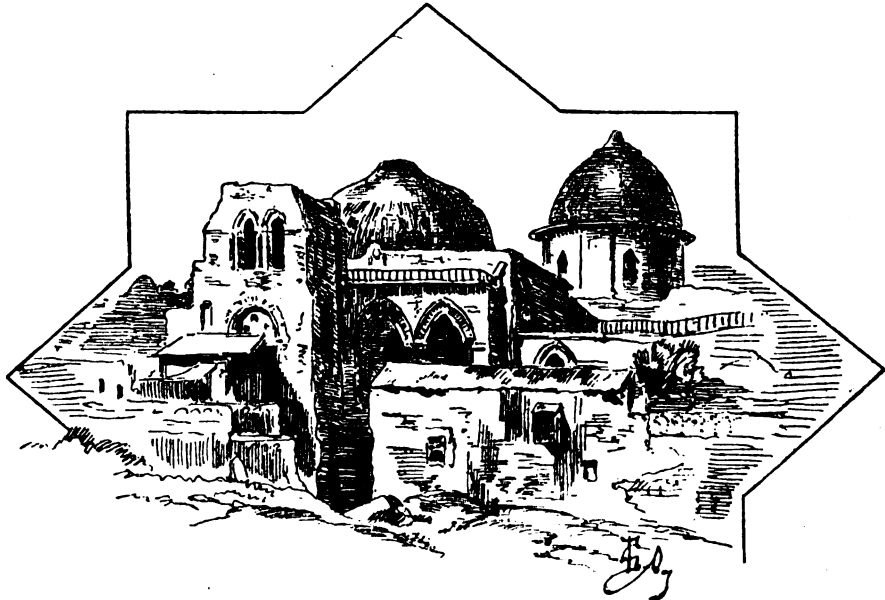
гротъ Астарты и некрополь Адлюна, изсѣченный въ скалѣ, находящіеся въ окрестностяхъ Тира, лишь отчасти восполняютъ недостатокъ древностей на мѣстѣ одного изъ величайшихъ городовъ древняго міра...

Рано утромъ пароходъ, обыкновенно, приходитъ въ Яффу, и паломники, истомившіеся долгимъ пребываніемъ на немъ, неудержимо рвутся выбраться скорѣе на берегъ. Масса арабскихъ лодочниковъ, немного болгарскихъ по-русски, осаждаютъ пароходъ и почти насильно ташатъ на свои лодки ошеломленныхъ ихъ шумомъ, криками и суетнею паломниковъ. Такъ какъ во время нашей высадки море было не совсѣмъ спокойно, и высокіе буруны ходили на яффскихъ камняхъ, то лодки высоко подпрыгивали на волнахъ, временами приближаясь къ самому борту парохода. Нѣсколько часовъ продолжалась выгрузка паломниковъ и посадка ихъ на лодки со всѣмъ скарбомъ, мѣшечками, корзинами, ранцами и сумочками. Много комичныхъ, но еще болѣе драматическихъ сценъ приходилось видѣть при этой посадкѣ, какъ трепещущіе при видѣ огромныхъ волнъ и высоко прыгающихъ лодокъ богомольцы и особенно богомолки, охая и крестясь, спускались съ трапа качающагося парохода и, при помощи лодочниковъ-арабовъ, подобно живому грузу размѣщались на ладьяхъ.

Наконецъ, трудная посадка окончена; десятки лодокъ, нагруженныхъ паломниками, тронулись, прыгая по волнамъ, по направленію къ острымъ камнямъ, о которые разбиваются высокіе буруны; молодцы-арабы ловко проводятъ свои утлыя лодченки черезъ ревущіе буруны, и скоро сотни паломниковъ благополучно достигаютъ берега Святой Земли. Многіе паломники подъ вліяніемъ священной радости, охватывающей все ихъ существо при достиженіи цѣли своего паломничества, падаютъ ницъ и цѣлуютъ землю и камни Яффской набережной, залитой помоями и покрытой всякою грязью... Теперь для нашего богомольца начинается настоящее паломничество со всѣми его радостями, лишеніями и невзгодами, на которыя менѣе всего обращаетъ вниманіе ко всему привыкшіи нашъ сѣрый мужичекъ. вмѣстѣ съ этою сѣрою толпою, не кричащею о своихъ подвигахъ, но постоянно и незамѣтно для себя совершающею эти послѣдніе, я и началъ свое паломничество отъ первыхъ камней набережной Яффы. Я пробылъ съ нею въ негостепріимномъ Георгіевскомъ монастырѣ Яффы, вмѣстѣ съ нею, на другой день, по образу пѣшаго хожденія вступилъ по дорогѣ въ Іерусалимъ, посѣщалъ Лидду, ночевалъ на выжимкахъ маслины, посланныхъ во дворѣ Бабъ-эль-Уади и, наконецъ, на третій день добрался воротъ Іерусалима. Чтобы все время своего пребыванія въ Святой Землѣ стоять возможно ближе къ простымъ паломникамъ, я по прибытіи въ Іерусалимъ первое время сохранялъ свое инкогнито, не показывался въ консульствѣ, поселился въ общихъ помѣщеніяхъ и съ массою паломниковъ совершилъ постепенно весь циклъ паломничества какъ въ Святомъ Городѣ, такъ и ближайшихъ его окрестностяхъ. Такъ какъ мы прибыли почти за двѣ недѣли до Страстной, то времени для совершенія всѣхъ этихъ экскурсій было вполне достаточно, и я имѣлъ возможность присмотрѣться ко многимъ мелочамъ палестинской жизни и тѣмъ выполнить задачу, возложенную на меня Палестинскимъ Обществомъ. вмѣстѣ съ простыми паломниками я провелъ всю Страстную, встрѣтилъ Пасху и только послѣ

Свѣтлаго Христова Воскресенія, когда собралъ достаточно матеріала и прослѣдилъ жизнь паломника въ самый горячій сезонъ паломничества, я счелъ возможнымъ снять свое инкогнито и сдѣлать визиты всѣмъ своимъ знакомымъ въ Иерусалимѣ. Проводивъ главную массу паломниковъ, хлынувшую тотчасъ послѣ Пасхи обратно домой, я уже недолго оставался въ Иерусалимѣ и сдѣлалъ двѣ экскурсіи, которыми и завершилъ свое пребываніе въ Святой землѣ.

Не описывая своего пребыванія въ Иерусалимѣ и всего цикла хожденій, совершеннаго съ паломниками ради своей спеціальной цѣли, я долженъ все-таки немного остановиться на послѣднихъ двухъ экскурсіяхъ, совершенныхъ совершенно при иныхъ условіяхъ. Одною изъ этихъ экскурсій было новое посѣщеніе Иордана и Мертваго моря; въ другую свою поѣздку я посѣтилъ еще разъ Бетъ-Джибринъ и пещерную область Іудеи. Хотя тѣ и другія мѣста мнѣ были хорошо знакомы еще со времени перваго путешествія, тѣмъ не менѣе я съ удовольствіемъ еще разъ увидалъ какъ берега Иордана, такъ и подземелья Бетъ-Джибрина.

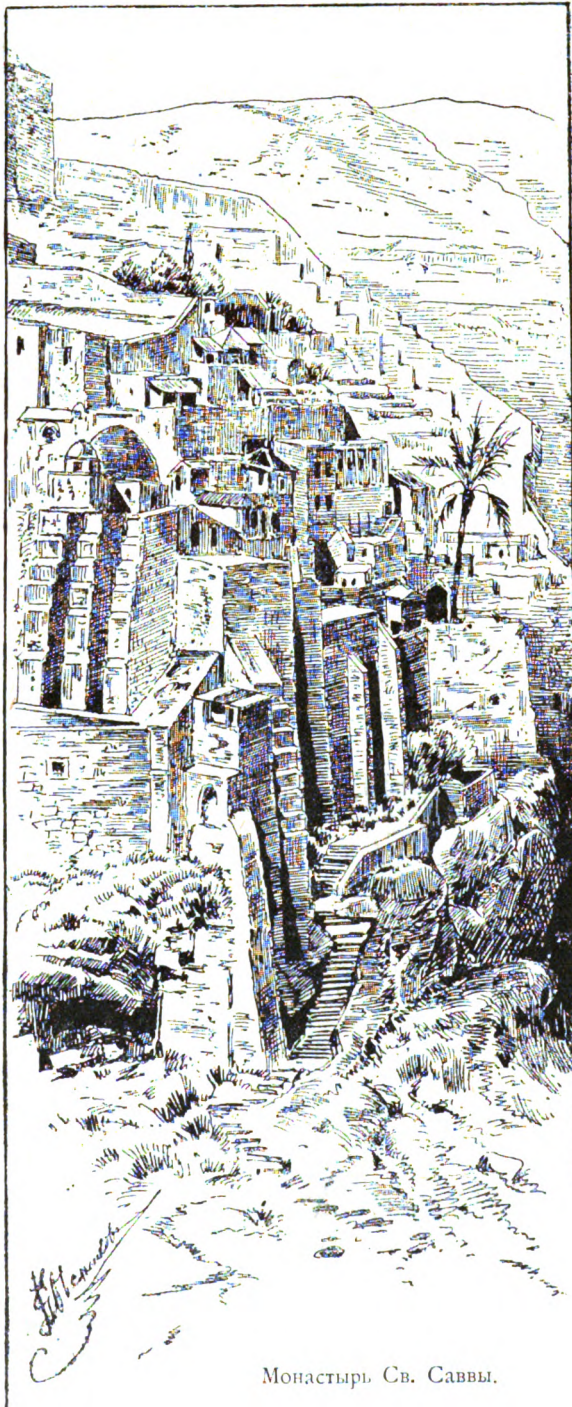


Глава XXVIII.

Экскурсія въ долину Иордана.—Апокрифическая гробница Моисея.—На берегахъ священной рѣки.—Напрасныя опасенія.—Въ страннопріимницѣ.—На сорокадневной горѣ.—Поѣздка на берега Мертваго моря.—Встрѣча съ французомъ.—Неприятное купаніе.—Буря на Мертвомъ морѣ.



А этотъ разъ я выѣхалъ въ Иорданскую экскурсію даже безъ заплѣти, съ которымъ обыкновенно ѣздятъ туристы, а съ однимъ старымъ арабомъ Османомъ, служившимъ на постройкахъ. Посѣтивъ во второй разъ гостепріимную обитель св. Саввы, мы взяли дорогу на Иорданъ черезъ Неби-Муса, или апокрифическую гробницу Моисея. Дикою горною дребюю, по еле замѣтнымъ тропинкамъ, по которымъ мѣстами скользилъ даже привычный сирійскій конь, переходя кромки ужасныхъ обрывовъ и глубокія ущелья, мы выбрались къ обширной постройкѣ, стоящей на вершинѣ одиночной горы. Это зданіе, съ виду похожее на караванъ-сарай, въ срединѣ своего двора вмѣщаетъ маленькую мечеть, поставленную надъ неизвѣстною могилою, которую всѣ окрестные мусульмане почитаютъ за мѣсто погребенія Моисея. Несмотря на то, что христіанамъ обыкновенно не дозволяется вступать въ середину обширнаго двора, мы съ Османомъ смѣло подѣхали почти къ самой мечети. Сторожа святилища послѣ небольшого бакшиша и долгихъ пререканій готовились уже впустить насъ во внутренность



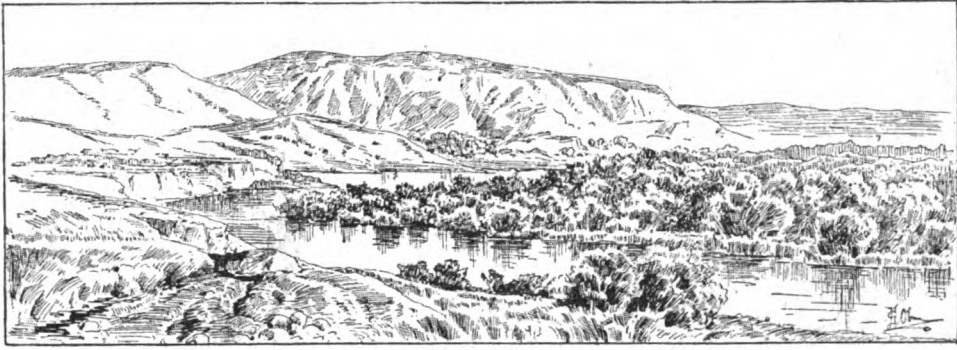
Монастырь Св. Саввы.

водою расположились отдыхать. Ночь была дивно хороша, и снопы лунного сиянія, серебриваго быстрого струи рѣки, придавали особый колоритъ всей окружающей природѣ; рои блестящихъ свѣтляковъ, носившихся въ воздухѣ, оживляли своимъ присутвіемъ темныя массы густаго лѣса, скрывающаго теченіе Иордана. Недолго, однако, я любовался чудною ночью:

самой мечети, но, къ сожалѣнію, ключи отъ нея были у стараго шейха, котораго какъ разъ не оказалось дома.

Уже смеркалось, когда мы съ Османомъ спустились въ долину Иордана. Рядъ огней, зажженныхъ на противоположномъ берегу священной рѣки, на склонахъ Заіорданскихъ горъ, показывалъ, что Заіорданскіе бедуины перекочевали изъ глубины своихъ пустынь къ границамъ Палестины. Въ это время они нерѣдко рыскаютъ и по долине Иордана, а потому мы должны были соблюдать полную осторожность, особенно въ теченіе ночи. Однако, старый Османъ не былъ трусомъ, а я, разумѣется, могъ только сочувствовать своему проводнику. Поэтому мы рѣшились, не заѣзжая на Иерихонскую цостройку, проѣхать прямо къ Иордану и заночевать на его берегахъ.

Прекрасною лунною ночью, пробравшись черезъ колючія чащи Иорданскаго лѣса, мы добрались до береговъ священной рѣки. Мой конь вошелъ прямо въ быстрого струи Иордана, и я еле сдержалъ его горячій порывъ. Утоливъ свою жажду прекрасною водою, мы съ Османомъ слѣзли съ коней, стреножили ихъ, развели костерокъ и, подвѣсивъ походный чайникъ съ Иорданскою



У береговъ Іордана.

усталость взяла свое, и, убаюкиваемый тихимъ журчаніемъ священной рѣки и пѣніемъ веселыхъ цикадъ, я заснулъ на своемъ дорожномъ плащѣ. Старый Османъ, взявъ мою берданку, обѣщаль сторожить въ продолженіе всей ночи мой покой и нашихъ добрыхъ коней.

Я проснулся довольно поздно, когда зеленый лѣсъ былъ уже оглашенъ сотнями птичьихъ голосовъ, а у моего вѣрнаго проводника весело кипѣлъ чайникъ, и были уже напоены кони. Весь этотъ день я провелъ на берегахъ Іордана и до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю его. Все утро я пробродилъ въ густой зеленой чащѣ, вымазавшись въ грязи и порядкомъ исколовшись о многочисленныя колючки Іорданскаго лѣса. Я наслаждался своимъ одиночествомъ и потому былъ непріятно пораженъ внезапнымъ появленіемъ гіены, которая съ отвратительными, хриплыми криками выбѣжала прямо на меня. Вначалѣ я даже растерялся, потому что доселѣ еще никогда не видалъ такъ близко днемъ этого трусливаго животнаго. Я уже собрался послать въ него пулю, какъ внезапный выстрѣлъ, пущенный невидимою рукою, сразу положилъ на мѣстѣ остановившуюся передо мною и ошетинившуюся гіену. Этотъ неожиданный выстрѣлъ, раздавшійся изъ чащи, поразилъ меня, и я уже приготовился встрѣтить невидимаго врага. Остановившись въ густой чащѣ зелени, я ждалъ уже появленія бедуиновъ, о которыхъ мнѣ много наговорили въ Іерусалимѣ, и жалѣлъ о томъ, что Османъ оставался далеко назади. Къ моему изумленію, вмѣсто шайки бедуиновъ вышелъ одинъ арабъ, который, повидимому, и преслѣдовалъ гіену.

Одѣтый въ длинную бѣлую рубаху, съ кривою саблею за поясомъ и кремневымъ ружьемъ въ рукахъ, онъ подошелъ къ убитому животному и, толкнувъ его ногою, разразился страшными проклятіями. Эти проклятія были понятны въ устахъ араба, считающаго гіену «марафиломъ» и «сахромъ», т. е. оборотнемъ и колдуномъ. Когда же туземный охотникъ увидалъ рѣдкаго въ этихъ краяхъ европейца, выходящаго изъ чащи, онъ совершенно оторопѣлъ. Страшный ужасъ изобразился на его искаженныхъ чертахъ. Дрожь всѣмъ тѣломъ, сынъ пустыни произносилъ слова заклинанія, которыми думалъ отогнать навожденіе. Суевѣрному арабу, вѣроятно, представилось, что передъ нимъ стоитъ дьяволъ, привидѣніе, оборотень, а не человекъ—такой же охотникъ, какъ и онъ самъ... Пораженный



подобнымъ открытіемъ, арабъ вдругъ поднялъ дуло ружья, выстрѣлилъ прямо въ меня и вслѣдъ затѣмъ, увидѣвъ не- вредимымъ предполагаемаго оборотня, въ ужасѣ бѣжалъ, испуская страшныя проклятія и заклинанія. . Все происшедшее такъ сильно поразило и меня самого, что я поспѣшилъ къ своему Осману и уже не разлучался съ нимъ во все время прѣбыванія въ долинѣ Іордана...

Послѣ обѣда изъ зажаренной на кострѣ дичи, я искупался въ струяхъ священной рѣки, а затѣмъ отправился въ обитель Св. Іоанна Предтечи, гдѣ и провелъ часы полуденной страды.

Еще задолго до заката, въ сопровожденіи двухъ иноковъ, несшихъ рыболовныя снасти, мы снова отправились на Іорданъ. Помолившись, монахи раскинули свои сѣти въ одномъ изъ плесовъ рѣки и скоро наловили десятка полтора рыбокъ, похожихъ на форели. Тутъ же, на берегу Іордана, добрые иноки приготовили вкусную уху и жареную рыбу, приправивъ ее дикими кореньями и маслинами. Какъ ни уговаривали насъ послѣ ужина монахи идти переночевать въ ихъ обитель, угрожая даже возможнымъ нападеніемъ бедуиновъ, но мы не согласились и остались проводить вторую ночь на Іорданѣ.

Снова любясь чудною ночью, мы сидѣли съ Османомъ около ярко-разгорѣвшагося костра; въ своей оживленной бесѣдѣ мы и не замѣтили, какъ къ нашему огоньку изъ чащи лѣса подошелъ высокій, худой, весь въ бѣломъ бедуинъ. Послѣ первыхъ моментовъ изумленія мы пригласили гостя къ нашему костру. Незнакомецъ тотчасъ же вступить въ длинную бесѣду съ Османомъ, при чемъ совѣтовалъ намъ быть осторожными, потому что бедуинцы Заіорданья будто-бы замѣтили нашъ костеръ и хотятъ перейти рѣку, чтобы попросить бакшишъ у заѣзжаго франка. Разумѣется, и нашъ гость за свою услугу не прочь былъ получить отъ насъ хотя небольшой бакшишъ. Когда же мы отклонили совѣты незнакомца, указавъ на то, что русскіе не боятся бедуиновъ, бедуинъ, называвшій себя мирнымъ арабомъ Эль-Тора (или долины), пожелалъ намъ спокойной ночи и удалился въ чашу лѣса, откуда пришелъ, не повторяя уже просьбы о бакшишѣ.

Такое поведеніе показалось намъ подозрительнымъ, и я чувствовалъ себя не совсѣмъ спокойнымъ, да и мой Османъ послѣ этой встрѣчи потерялъ свое самообладаніе. Еще съ полчаса посидѣли мы у потухающаго костра, не зная, что предпринять, какъ внезапно раздавшійся невдалекѣ отъ насъ выстрѣлъ рѣшилъ всякія наши колебанія. Не было сомнѣнія, что то приближаются бедуины, о которыхъ предупреждалъ насъ таинственный незнакомецъ. Какая-то необъяснимая паника овладѣла сразу и Османомъ, и мною; не желая служить мишенью для невидимыхъ враговъ, мы вскочили на коней и помчались по лѣсной тропкѣ къ выходу изъ чащи

окружающей теченіе Иордана. Второй выстрѣлъ, раздавшійся также неподалеку, усилилъ нашу панику, и мы еще болѣе бѣшено поскакали впередъ. Въ первый разъ въ жизни я испытывалъ тотъ паническій страхъ, котораго не ощущалъ даже въ болѣе критическія минуты жизни въ глубинѣ Синайской пустыни; теперь я понималъ, что тысячи людей могутъ бѣжать передъ однимъ призракомъ опасности...

Черезъ четверть часа бѣшеной скачки мы были уже на открытой мѣстности, тянущейся до самыхъ береговъ Мертваго моря. Здѣсь мы рѣшились немного остановиться и отдохнуть, потому что новое появленіе белуина, въ которомъ мы узнали своего стараго знакома, нарушило нашъ покой. Онъ появился, какъ бѣлое видѣніе, ярко озаренное лучами мѣсяца, на темномъ фонѣ Иорданскаго лѣса, и вначалѣ своимъ появленіемъ сильно напугалъ не только Османа, но и меня. Вчерашній ночной гость подошелъ къ намъ снова съ предостереженіемъ насчетъ шайки бедуиновъ, рыщущихъ въ долинѣ Иордана, и совѣтомъ бѣжать скорѣе въ недалекій Иерихонъ. Первые моменты я повѣрилъ искренности словъ бедуина и даже жалѣлъ о вчерашнемъ недоверіи къ нему, но потомъ легкая улыбка, появившаяся на лицѣ араба, при видѣ страха, произведеннаго его словами, выдала ложь и коварство. Я внезапно понималъ, что онъ лжетъ, что рассказъ о дикихъ бедуинахъ выдуманъ имъ самимъ для того, чтобы сорвать съ насъ бакшишъ, и что даже выстрѣлы, напугавшіе насъ, произведены были также его рукою. Я поблагодарилъ араба за его предостереженіе, повторивъ, что русскій никогда не побоится бедуиновъ, и посовѣтовалъ незнакомцу не заботиться о насъ, а уйти съ миромъ туда, откуда онъ пришелъ.

Когда бедуинъ ушелъ, намъ стыдно было той паники, которой поддались мы изъ ложнаго страха и изъ-за которой покинули благословенные берега Иордана. Но возвращаться туда было уже поздно, и мы поспѣшили проѣхать въ Иерихонскую страннопріимницу отца Антонина. Несмотря на позднее время, старушка, хозяйка пріюта, оказала намъ полное гостепрѣимство и хотѣла даже угостить чаемъ, отъ котораго лишь съ большимъ трудомъ намъ удалось отказаться. Пока приготавлилась постель, я вышелъ въ садъ, облитый луннымъ сіяніемъ, наполненный ароматомъ распускающихся цвѣтовъ флеръ д'оранжа и неумолчнымъ пѣніемъ цикалъ. Перистыя пальмы тихо качались надъ моею головою, рои блестящихъ свѣтляковъ, какъ огненные эльфы, рѣяли среди зелени сада вокругъ дышащихъ благовоніемъ бѣлорозовыхъ цвѣтовъ апельсина; въ жасминовомъ куствѣ надъ журчащимъ ручейкомъ пѣлъ свои пѣсни соловей. Подъ эти чудные звуки, осѣненный пальмами, безмятежно спалъ Иерихонъ, и даже на вершинѣ

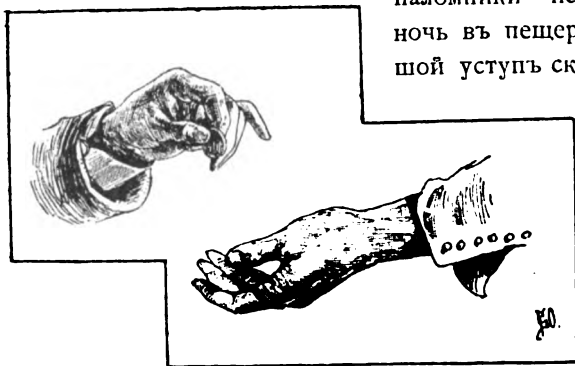


башни, которая назначена для защиты мѣстечка,—завернувшись въ свой синій плащъ, мирно дремалъ турецкій часовой...

На утро, послѣ вкуснаго завтрака, приготовленнаго доброю хозяйкою, мы покинули страннопримяицу и вдоль небольшого ручья поѣхали къ подножью Джебель-Каранталь, или Сорокадневной Горы. Мы не могли не остановиться въ чудномъ уголкѣ зелени, окружающей источникъ Елисъя, гдѣ долго любовались стайкою блестящихъ зеленыхъ медососовъ, напоминавшихъ намъ колибри, и кургузыми крабами, игравшими въ камняхъ источника. Оставивъ своихъ коней у Авинъ-эсъ-Султанъ, подъ присмотромъ араба, даннаго намъ изъ Иерихонскаго пріюта, мы начали свое восхожденіе на Сорокадневную Гору по торной тропинкѣ, проложенной монахами до середины скалы, въ которой изсѣчена обитель. Масса рывинъ, камней и выступовъ преграждали дорогу *); но, несмотря на это, черезъ 12—15 минутъ восхожденія мы были уже у монастыря Сорокадневной Горы. Громкое пѣніе монаховъ встрѣтило бодро взобравшихся путниковъ, и подъ сладостныя слова молитвы мы проникли въ большую пещеру, гдѣ таится убогая церковь во имя Христа Спасителя.

Бѣдная и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенная обитель! До сихъ поръ мнѣ не приходилось встрѣчать ничего подобнаго; ни прославленные монастыри Пиринеевъ, ни обители Тессалии и Аѳона, гнѣздящіяся также на высокихъ горахъ, ни даже уединенный отъ всего міра монастырь Синайской пустыни, не поражаютъ въ такой степени взоръ и сердце паломника, какъ эта убогая обитель Джебель-Каранталь. Изсѣченная скорѣе на обрывѣ, чѣмъ на склонѣ дикой, ужасной и мрачной горы, скрытая въ пещерахъ, гдѣ сошлись Вѣчный Свѣтъ съ исчадіемъ мрака и ада, обитель Горы Искушенія представляетъ все для того, чтобы забыть о мірѣ и его суетѣ. Въ пещерахъ Сорокадневной Горы все дышетъ безмолвіемъ, святостью и пустыней; убогая церковь, изсѣченная въ скалѣ, похожая болѣе на погребальный склепъ и катакомбу, не поражаетъ благолѣпнымъ величіемъ, но за то въ ней легче молиться, чѣмъ въ раззолоченномъ храмѣ, легче въ сердцѣ ощутить избытокъ той полноты, которая не приходитъ отъ міра сего... Немного отшельниковъ въ этой обители, повисшей надъ обрывомъ Иорданской долины; вѣчное безмолвіе, постъ, созерцаніе неба и пустыни, борьба съ камнемъ и нуждой—вотъ на что обрекаютъ себя подвижники Сорокадневной Горы. Страшныя видѣнія нарушаютъ сонъ и покой молодого отшельника, еще не привыкшаго къ безмолвію пустыни; даже

паломники испытываютъ ихъ, оставаясь на ночь въ пещерахъ Горы Искушенія. Небольшой уступъ скалы, въ родѣ балкона, служитъ посредникомъ между внѣшнимъ міромъ, разстилающимся внизу, и внутреннимъ, сокрытымъ въ дивной пещерѣ и серд-



*) Теперь тропинка эта обращена въ порядочную дорожку, а тропка доведена до самой вершины горы.

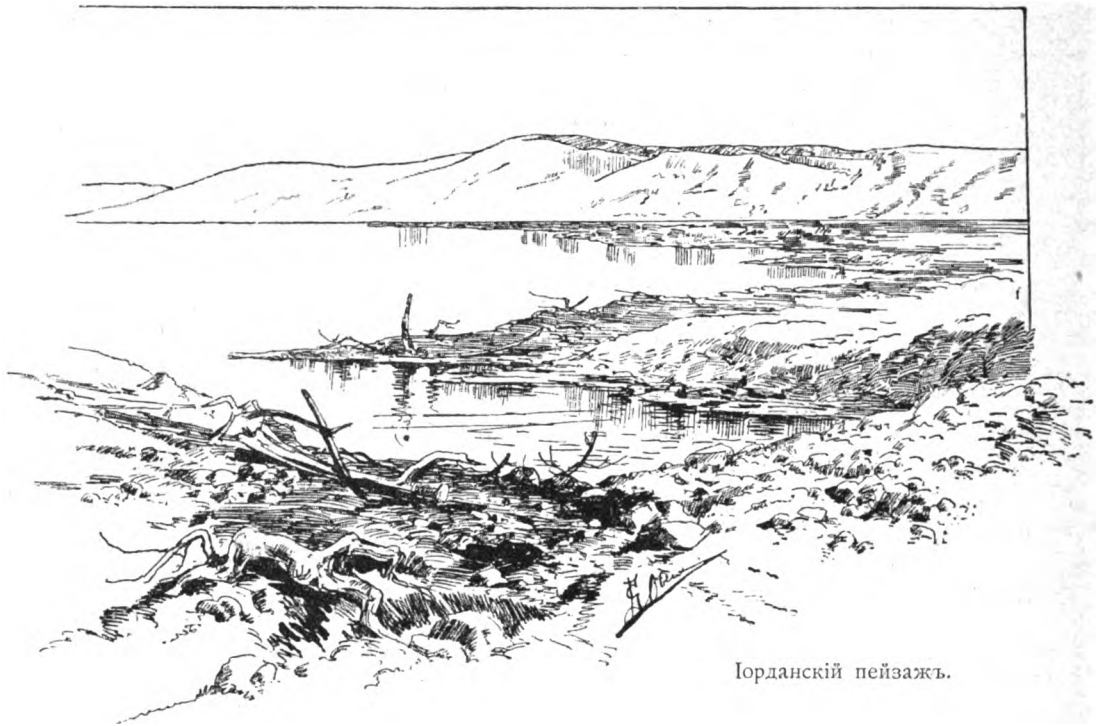
цахъ ся подвижниковъ. Стоя на этомъ балкончикѣ надъ узорнымъ обрывомъ, уходящимъ въ дикое ущелье уади Кельтъ, въ самой срединѣ каменной массы, забываешь о мірѣ и паришь высоко надъ его взыменными интересами и суетой. Прямо внизу разстилается долина Иордана, таящая въ своихъ зеленыхъ берегахъ струи священной рѣки, прямо на сѣверъ и на западъ вздымаются горы, занимающія долину Эль-Тора; на востокѣ, тотчасъ за Иорданомъ, встаютъ стѣны Моавитскихъ горъ, за которыми идутъ страны древней культуры, заселенныя нынѣ полудикими бедуинами; въ нихъ нѣкогда блуждалъ въ послѣдніе годы исхода Израиль, а на вершину одного изъ массивовъ указываютъ, какъ на гору Небо, на которой таинственно умеръ Моисей. На сѣверѣ и западѣ, объемля съ трехъ сторонъ Джебель-Каранталь, возвышаются горы Иудеи, таящія на своихъ склонахъ мѣста Евангельскихъ событій, а на вершинѣ трижды благословенный Иерусалимъ, Иерихонъ, Галгала, мѣсто Крещенія, монастырь Прелтечи и обитель св. Герасима приковываютъ вниманіе паломника, смотрящаго на долину Иордана съ высокаго уступа Сорокадневной Горы. Голубая, блистающая серебристыми струйками, поверхность Мертваго моря, окаймленная какъ бы стѣнами, мрачными каменными громадами, замыкаетъ съ юга долину Эль-Тора, которая представляется въ видѣ пестраго ковра, натянутаго въ рамки между горами Моавіи и Иудеи. Чудная, поразительная картина, лучше которой нѣтъ въ предѣлахъ Палестины!..

Заглядывая внизъ, видишь другую, болѣе близкую, но умильную картину. На темномъ фонѣ сѣраго камня, взлетая, танцую и кружась надъ страшною глубиною, носятся какія-то птички въ родѣ нашихъ скворцовъ; они — друзья обители Горы Искушенія и ея единственные пѣвцы, прирученные монахами; веселыя птички цѣлыми десятками летаютъ надъ обрывомъ, схватывая налету бросаемые имъ сверху кусочки пищи и тѣмъ утѣшая безмолвныхъ отшельниковъ горы.

Отдохнувши въ тихой обители Горы Искушенія, мы спустились съ обрыва, сѣли на своихъ коней и помчались обратно въ Иерихонъ подъ кровъ гостепріимнаго дома о. Антонина.

Цѣлый день я пробылъ въ русской страннопріимницѣ, гуляя по окрестностямъ Иерихона, принимая многочисленныхъ больныхъ и пользуясь случаемъ для того, чтобы производить антропологическія измѣренія. Подъ вечеръ пришла въ стран-





Йорданскій пейзажъ.

нопримницу Иерихона большая партія русскихъ богомольцевъ, и убогая деревушка Эръ-Рахи превратилась въ станъ паломниковъ, пришедшихъ сюда изъ разныхъ уголковъ Россіи. На зеленомъ ковръ русскаго сада, подъ сѣнью пальмъ и апельсиновъ, обрызганныхъ благоуханіемъ, за нимѣніемъ для всѣхъ мѣста въ страннопримницѣ, и прилегла притомившаяся съ пути сѣрая бродячая Русь. Крѣпокъ и безмятеженъ былъ сонъ паломниковъ, которые отдыхали, не зная страха и заботъ и чувствуя подъ собою клочокъ русской земли, а надъ собою Бога, ради Котораго они и подъяли свой тяжелый крестъ... Долго въ эту ночь я гулялъ по русскому саду и по долинѣ веселаго ручейка, наслаждаясь волшебною ночью, которые только и можно видѣть въ зеленѣющей долинѣ Иордана.

Когда я проснулся, говоръ давно уже вставшихъ паломниковъ наполнялъ садъ и постройку, въ которой бѣгала и хлопотала неугомонная хозяйка. Гигантскій самоваръ,—пожертвованіе туляковъ,—уже кипѣлъ на всѣхъ парахъ, чуть не качаясь на своей каменной подставкѣ. Вокругъ него, словно у источника, суетились богомольцы, наполняя свои походные чайники и располагаясь чайничать на зеленомъ ковръ благоухающаго сада. Изъ постройки, хорошо выспавшись и грузно переваливаясь, вышелъ путеводитель-монахъ. На сго румяномъ лицѣ съ красивымъ профилемъ, обрамленнымъ сѣдинами, было написано такое довольство, что сравненіе съ изможденными лицами большинства паломниковъ напрашивалось само собою. Быстро собрались богомольцы вокругъ путеводителя, сняли шапки и запѣли молитву вслѣдъ за батюшкой. Когда окончилось это молитвенное пѣніе, толпа всколыхнулась и двинулась въ путь, стараясь еще до полудня поспѣть на берега священной рѣки.

Вслѣдъ за паломническою толпою покинули и мы гостепріимный пріютъ о. Антонина и помчались къ берегамъ Мертваго моря, оставляя въ сторонѣ монастырь Св. Герасима Хозевита. Вспоминая свое посѣщеніе этихъ пустынныхъ береговъ три года тому назадъ, я рѣшился на этотъ разъ ограничиться только погруженіемъ въ соленныя воды, чтобы поскорѣе, еще до свѣту, вернуться въ Іерусалимъ. Неожиданная встрѣча перевернула всѣ мои предположенія, и я остался на цѣлый день и ночь на берегахъ Мертваго моря.

Едва успѣлъ я доскакать до берега и загнать своего коня до самыхъ колѣнъ въ чистую кристальную воду моря, какъ мой Османъ показалъ мнѣ бѣлую палатку, виднѣвшуюся недалеко отъ берега у подножья небольшихъ холмовъ. Отбросивъ пока всякія заботы о купаніи, мы поскакали туда, радуясь встрѣчѣ съ европейскимъ туристомъ среди безмолвной и дикой пустыни. Около палатки меня встрѣтилъ хозяинъ ея, французъ, одѣтый во всѣмъ бѣломъ, съ пробковымъ шлемомъ на головѣ и двумя револьверами за поясомъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ мы были уже такъ знакомы, какъ будто-бы видались много разъ. М-еиг Пижо путешествовалъ съ серьезною научною цѣлью—собирать при помощи своего фотографическаго аппарата портреты хорошенькихъ женщинъ всѣхъ странъ и народовъ и записывать пѣсни, сложенныя во имя любви. Въ его альбомѣ за шестнадцать лѣтъ странствованій скопилось уже до полуторы тысячи хорошенькихъ головокъ, снятыхъ имъ самимъ въ разныхъ уголкахъ земного шара. Преслѣдуя свою цѣль, этотъ ярый туристъ побывалъ, кажется, вездѣ, кромѣ полюсовъ и неоткрытыхъ странъ. На тѣлѣ его были слѣды кафрскаго копья, индійской стрѣлы, дубины австрайлца, туркменскихъ нагаекъ и двухъ пуль изъ Бирмы и Іемена. Несмотря на это, веселый французъ не тужилъ и думалъ еще получить пулю отъ бедуиновъ Заіорданья, куда онъ надѣялся отправиться на слѣдующій годъ...

Такъ какъ у моего новаго знакома была двойная парусинная палатка и масса всякой провизіи, то мы устроились довольно комфортабельно и провели страдныя часы полуденнаго жара за вкуснымъ обѣдомъ и веселою болтовнею. Часы бѣжали за часами, и время незамѣтно подошло къ вечеру, когда мы, рѣшившись ночевать на самомъ берегу Мертваго моря, передвинули свое становище.

Пока отягощенный бѣлою м-еиг Пижо немного заснулъ, я вышелъ изъ палатки, быстро раздѣлся и бросился въ освѣжающія струи моря. Болѣе получаса пробылъ я въ водѣ, продѣлывая разныя манипуляціи для того, чтобы снова испробовать чудесныя свойства воды, поддерживающей тѣло пловца, и наслаждался вполнѣ тѣмъ непривычнымъ ощущеніемъ, когда чувствуешь, что сама вода несетъ человѣка, даже не производящаго движеній, необходимыхъ для плаванія. Отойдя подальше въ море, гдѣ ноги не доставали до дна, я попробовалъ стать въ водѣ, т. е. проплыть стоя, не употребляя обыкновенныхъ манипуляцій; нѣсколько секундъ я простоялъ въ такомъ положеніи, едва сохраняя равновѣсіе, и затѣмъ, покачнувшись, перевернулся внизъ головою. Лишь съ большимъ трудомъ мнѣ удалось выбраться изъ этого печальнаго положенія, и то—набравши въ ротъ массу соленой жгучей воды... Страшное жженіе въ глазахъ, во рту, носу и горлѣ



На берегахъ Иордана.

заставило меня стремглавъ выскочить изъ воды и бѣжать за помощью къ оставленнымъ на берегу спутникамъ. Жжение это, обуславливаемое огромнымъ содержаніемъ солей въ водѣ Мертваго моря, было до того сильно, что я чуть не кричалъ отъ боли. Представьте себѣ, что въ глаза ваши попалъ растворъ крѣпкаго мыла, что въ горлѣ першитъ пыль табачной трухи, и что всѣ слизистыя оболочки тѣла облиты растворомъ горчицы, — и вы будете имѣть понятіе о томъ ощущеніи, какое испытывалъ я, захлебнувшись въ водѣ Мертваго моря. Закрывъ глаза отъ нестерпимой боли, чихая, кашляя и выплевывая чуть не съ кровью частицы соленой воды, неистово размахивая руками и ногами, я, какъ сумасшедшій, бѣгалъ по берегу, прося дать хоть глотокъ прѣсной воды, чтобы промыть глаза. На мой отчаянный призывъ выскочилъ и полусонный Пижо. Увидѣвъ меня совершенно голаго, мотавшаго головою, махавшаго руками, чихавшаго и кашлявшаго, онъ просто обомлѣлъ отъ изумленія. Издержавъ весь запасъ прѣсной воды, я прозрѣлъ, хотя мои глаза были красны, какъ у альбиноса; но для рта, ушей, носа и горла не достало воды. Понуждаемый жгучею болью, я совершенно неотѣтый вскочилъ на одну изъ лошадей и помчался бѣшенымъ галопомъ къ недалекимъ берегамъ Иордана... Достигнувъ струйки священной воды, я бросился въ нее, упивался, захлебывался ею, мылъ въ ней все тѣло, прополаскивалъ ротъ и промывалъ глаза, и долго не хотѣлъ выходить изъ быстрыхъ струй Иордана. Мой проводникъ Османъ, прискакавшій вслѣдъ за мною, тоже принялъ нѣкоторое участіе въ купаніи.

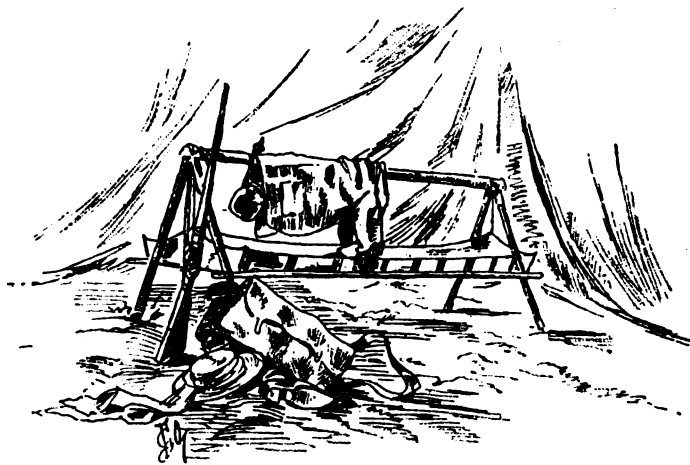
Было уже довольно поздно, когда мы, наконецъ, успокоились отъ трлгикомическаго приключенія нарушившаго мирную стоянку нашего каравана. Добрый стаканъ Иерусалимскаго вина и нѣсколько стакановъ русскаго чая заставили меня скоро забыть о неудачномъ купаніи въ водахъ Мертваго моря. Пижо позабавилъ меня прекрасною игрою на кларнетѣ,

звуки котораго разносились далеко по пустынной равнинѣ Эль-Тора и за-
снущей поверхности Мертваго моря. Такъ мы провели время почти до
полуночи, когда задувавшій слегка съ вечера вѣтерокъ усилился до того,
что разбудилъ сонную поверхность моря. Вотъ ударили въ первый разъ съ
шумомъ о берегъ полукаменные волны Бахрь-Эль-Лута, застонала земля,
въ окружающихъ горахъ послышался ревъ бури, и цѣлая туча брызгъ и
соленаго тумана какъ-то внезапно вырвалась изъ глубины моря, окатила
насъ и понеслась внизъ по долину Эль-Тора.

Застонало и загудѣло до тѣхъ поръ сонное море и, какъ дикій звѣрь,
ринулось на берегъ своими тяжелыми волнами. Надо видѣть и испы-
тать всю страшную силу волнъ Мертваго моря, чтобы судить о томъ
дѣйствиіи, какое они могутъ производить даже на дикій камень, не говоря
уже о мягкихъ берегахъ. Если давленіе воды океановъ, содержащей не
болѣе 4% солей, можетъ достигать страшной силы въ 173 пуда на одинъ
квадратный футъ, а на тѣло человѣка, имѣющее въ среднемъ до 15,378
кв. сант.—силы, превышающей 2,800 пуд., то, при содержаніи почти 25%
соли въ водѣ Мертваго моря, давленіе ея, даже при незначительномъ вол-
неніи, можетъ развивать такую силу, передъ которою не устоять даже
крѣпкому камню. Немудрено поэтому, что берега Бахрь-Эль-Лута страшно
извѣдены и подточены волнами, и что часть ихъ уже обрушилась въ море,
заполнивъ обломками его побережье. Еще при началѣ бури, еще когда на
поверхности моря ходила небольшая рябь, я хотѣлъ испытать на себѣ
силу соленой воды, выведенной изъ состоянія равновѣсія. Полураздѣвшись,
я вошелъ въ воду по колѣно и не успѣлъ еще сдѣлать нѣсколькихъ
шаговъ, какъ сравнительно небольшая волна чуть не сбила меня съ ногъ.
Тогда я, немного разгоряченный сопротивленіемъ моря, задумалъ новое
купаніе, на этотъ разъ зажмурилъ глаза и заткнувъ уши и носъ. Но не
отошелъ я и 5—6 саженъ отъ берега, какъ небольшія, короткія, но
сильныя волны быстрыми толчками, не дававшими возможности сопротив-
ляться, сбили меня съ ногъ, опрокинули, раздавили; я попытался встать,—
онѣ опрокинули снова; съ закрытыми глазами я ринулся грудью навстрѣчу
волнѣ, надѣясь прорѣзать ее руками, сложенными для нырянія... Но одно
мгновеніе—и я былъ уже уничтоженъ и побѣжденъ. Меня хлестнуло что-
то похожее на куль упругой муки, понесло на берегъ и выбросило, бук-
вально какъ щепку или сучекъ. Я очутился на солончаковой окраинѣ,
лежа на спинѣ съ разбитою грудью, съ какъ-бы изломанными и отбитыми
конечностями, не имѣя даже возможности пошевелиться. Когда я
очнулся, Пижо вмѣстѣ съ Османомъ стояли надо мною, отечески
выговаривая за неосторожность, которая могла-бы погубить меня. Глотка
два-три крѣпкаго вина и теплое одѣяло, въ которое завернулъ меня
Пижо, скоро вернули мои силы, но я еще нѣсколько дней чувство-
валъ на своемъ тѣлѣ послѣдствія ударовъ полукаменныхъ волнъ Бахрь-
Эль-Лута...

Было уже далеко за полночь, когда совершенно прояснилось небо;
выглянули блестящія созвѣздія, и убывающая луна бросила тусклое сіяніе
на волнующееся море, наше становище и окрестную пустыню; брызнули
блестки фосфорическаго сіянія на волнахъ вспѣннаго моря, скользнули

по гребнямъ набѣгавшихъ валовъ и наполнили алмазами темную поверхность всколыхнувшейся воды. Чѣмъ-то другимъ, еще болѣе фантастичнымъ и живымъ показалось море, облитое мягкимъ свѣтомъ луны, когда надъ нимъ прояснилось небо, и вѣтеръ прогналъ клочья соляныхъ тумановъ, висѣвшихъ надъ водою.. Было уже около двухъ часовъ ночи когда мы собрались на покой; мой знакомецъ скоро заснулъ богатырскимъ сномъ, а я все время ворочался на жесткомъ ложѣ, потому что мелкая жгучая сыпь выступила на моемъ тѣлѣ, какъ слѣдствіе морской соли, вѣдлившейся въ поры кожи и несмытой въ прѣсной водѣ..



Глава XXIX.

Утренній ландшафтъ на Иорданѣ.—Новое посѣщеніе Беть-Джибрина и пещерной области Іудеи.—Культъ комаровъ.—Осмотръ памятниковъ.—Останки троглодитовъ.—Опасное положеніе—Легенда объ огнѣ.—Снова въ подземельяхъ.—
Страница изъ исторіи древней религіи финикіянь.



ДВА дождавшись утра, я при первыхъ лучахъ восходящаго солнца уже мчался по знакомой тропинкѣ для того, чтобы въ третій разъ погрузиться въ живительныя волны Иордана... Когда,

омывши чистою водою свое просоленное тѣло, я возвращался съ береговъ Иордана, надъ залитою солнечнымъ блескомъ успокоившеюся поверхностью Мертваго моря стоялъ чудный миражъ, невольно приковывая взоръ своею волшебною красотою... Надъ моремъ, казавшимся огромнымъ котломъ расплавленнаго металла, разстилалась свѣтлосиняя, какъ-бы туманная полоса; изъ этой полупрозрачной поверхности выступали какіе-то неясные образы, блиставшіе почти всѣми цвѣтами спектра, но не давашіе ни одного опредѣленнаго абриса; неясность образовъ и расплывчивость абрисовъ и цвѣ-

товъ давали полный просторъ фантазіи, и она могла на этой канвѣ выткать чудные узоры... Минуть десять продолжалось чудное видѣніе; оно трепетало и росло, пока набѣжавшій вѣтерокъ не разсѣялъ творенія солнечныхъ лучей. Какъ духъ, появилась и исчезла Фата-Моргана, это украшеніе моря и пустыни...

Вскорѣ затѣмъ, какъ разгорался чудный ослѣпительный день, мы попрощались съ m-eur Пижо. Всего сутки я провелъ съ нимъ, но разставаніе было тяжело. Напрасно думаютъ, что путевыя встрѣчи и знакомства прерываются такъ же легко, какъ начинаются. Кто говоритъ такъ, тотъ не испыталъ интересныхъ, незаурядныхъ знакомствъ на пути. M-eur Пижо отправлялся далѣе по долинѣ Иордана, тогда какъ я съ Османомъ начиналъ новый подъемъ на горы Іудеи, за которыми лежалъ трижды благословенный Іерусалимъ...

Вторую, не менѣе интересною экскурсіею, совершенною нами до окончательнаго отъѣзда изъ Іерусалима, было новое посѣщеніе Бетъ-Джибрина и пещерной области Іудеи. Съ тѣмъ же самымъ старымъ кавасомъ Османомъ прекраснымъ весеннимъ вечеркомъ подѣзжали мы со стороны Хеврона къ древней Бетъ-Габрѣ, бывшей столицѣ пещерной области Іудеи. Мы остановились въ домѣ шейха Халиля, который любезно предоставилъ въ наше полное распоряженіе свое скромное жилище, стоявшее на самомъ краю деревушки, отъ котораго можно было сразу видѣть триумфальную арку древнихъ воротъ Елевтерополиса, развалины римской крѣпости и остатки храма, вырисовывавшіеся грозными силуэтами въ сумракѣ быстро наступавшей ночи. Высокая и стройная, съ глазами газели, Джемма, дочь Халиля, готовила ужинъ, пока мы, окруженные обитателями Бетъ-Джибрина, мирно бесѣдовали у зажженного костра. Разумная и интересная, полная поэтического колорита, бесѣда нотаблей деревни, прекрасный вечеръ, сладость достиженія цѣли,—все это располагало къ пріятному кейфу, но только рой больно жалившихъ комаровъ нарушали спокойствіе



нашего духа. Правда, густой дымъ овечьего кизяка разгонялъ комариную силу, но едва огонекъ ослабѣвалъ, какъ она подкрадывалась снова и одолевала насъ.. Мы поняли тогда, что находимся въ странѣ, которая издревле настолько славилась обиліемъ всякихъ насѣкомыхъ, что даже работала оригинальный и единственный въ мірѣ «культъ мухъ и комаровъ». Это религиозное почитаніе насѣкомыхъ еще во времена Израиля процвѣтало въ пещерной области Іудеи, а святилища Аккаронскаго бога, или царя двукрылыхъ, служившія оракуломъ для всей Финикіи, были воздвигнуты и въ мрачныхъ подземельяхъ Беть-Джибрина.

Въ своихъ многочисленныхъ странствованіяхъ по Востоку мы встрѣчали слѣды самыхъ разнообразныхъ и оригинальныхъ культовъ. Мы изучали, насколько могли, культъ звѣздъ у бедуиновъ Синаи и туареговъ Сахары, культъ огня—у современныхъ гебровъ (огнепоклонниковъ) въ Иранѣ, культъ дьявола, исповѣдуемый и донинѣ іезидами въ Малой Азіи, находили слѣды культовъ дикихъ звѣрей, змѣй, крокодиловъ (въ Египтѣ), даже скорпіоновъ (на Цейлонѣ и въ Южномъ Алжирѣ), не разъ встрѣчали остатки поклоненія камнямъ, водѣ и деревьямъ (на Кавказѣ и во всей Передней Азіи), но культъ насѣкомыхъ встрѣтили впервые въ пещерной области Іудеи. Какъ современный остатокъ этого оригинальнаго культа, помимо нѣкоторыхъ легендъ, надо считать и то суевѣрное уваженіе къ мухамъ и комарамъ, которое препятствуетъ туземцамъ раздавить хотя одно изъ этихъ назойливыхъ насѣкомыхъ.

Кое-какъ мы провели ночь въ пассивной и бесполезной борьбѣ съ несмѣтными роями жалящихъ насѣкомыхъ, насылаемыхъ безжалостною рукою Аккаронскаго божества, а на утро, послѣ небольшой закуски, приготовленной тою же заботливою рукою Джеммы, пошли на смотръ подземелій и древностей Беть-Джибрина въ сопровожденіи Халиля, трехъ другихъ арабовъ и полудюжины черномазыхъ ребятишекъ. Прежде всего, какъ и въ предыдущей экскурсіи, мы прошли въ ближайшія подземелья Аракъ-эль-Мои. Входныя отверстія этихъ послѣднихъ настолько велики, что могутъ пропустить цѣлыя десятки всадниковъ, а площадь пещеръ, занятыхъ этими огромными подземельями, достаточна для того, чтобы развернуться цѣлому эскадрону. Недолго мы разтѣзжали верхомъ по пещерамъ Аракъ-эль-Мои; старый шейхъ пригласилъ меня сойти съ коня и отправиться въ самую глубину подземелій.

Общее впечатлѣніе, производимое ими, уже описано нами въ рассказѣ о посѣщеніи Беть-Джибрина въ 1881 г. Мы не обходили теперь большихъ залъ, а бродили по темнымъ переходамъ, соединяющимъ большія и малыя второстепенныя пещеры. Въ одномъ мѣстѣ среди подземелій, сильно попорченныхъ землетрясеніемъ, мы нашли большой обвалъ верхняго свода, пропускавшій массу свѣта и, благодаря тому, цѣлый зеленый оазисъ, образовавшійся въ глубинѣ подземныхъ пещеръ. Во многихъ другихъ мѣстахъ стѣны и своды этого подземелья сильно закопчены дымомъ костровъ, разводимыхъ здѣсь обитающими въ нихъ арабскими семьями. Одинъ изъ почтенныхъ представителей этихъ современныхъ троглодитовъ пригласилъ насъ къ своему обѣду, что мы приняли съ большимъ удовольствіемъ. Въ обширныхъ постройкахъ древнихъ обитателей Беть-Джибрина помѣстилась нынѣ

цѣлая арабская деревушка, но помещенія тутъ хватило-бы на нѣсколько десятковъ подобныхъ поселеній со всѣмъ ихъ скарбомъ и многочисленнымъ скотомъ. Отъ подземелій Аракъ-эль-Мои, отличающихся отъ другихъ, между прочимъ, и тѣмъ, что въ нихъ встрѣчаются ключи соленоватой воды, недалеко отстоитъ и другая группа пещеръ Аракъ-эль-Тлиль. Та же амфилада куполообразныхъ залъ, которыхъ я насчиталъ болѣе десяти, та же тщательность въ вырубкѣ свода, тѣ же симметричныя отдушины; нѣтъ только огромнаго числа узоровъ и надписей, тянущихся красивыми лентами по стѣнамъ Аракъ-эль-Мои. Стѣны и куполы подземныхъ гротовъ этой группы поражаютъ своею правильностью и вмѣстѣ съ тѣмъ красивымъ чернымъ глянцемъ копоти, осѣвшей на нихъ. На стѣнахъ многихъ подземелій замѣтны еще цѣлые ряды нишей, расположенныхъ въ видѣ полокъ исполнинскаго шкафа. Массы голубей гнѣздятся въ этихъ нишахъ и ямкахъ, наполняя своимъ монотоннымъ воркованіемъ безмолвную тишину пещеръ. Въ самой послѣдней пещерѣ этой группы, заполненной камнями, — слѣдами недавняго землетрясенія, мы сдѣлали находку полного человѣческаго скелета. Хотя мои спутники и рассказывали по поводу его цѣлую легенду, но несомнѣнно, что останки эти принадлежали современному человѣку, нечаянно упавшему въ свѣтовое отверстіе пещеры. Выйдя изъ Аракъ-эль-Тлиль на пути къ лабиринту Магара, мы посѣтили еще развалины укрѣпленія и христіанской церкви съ прекрасно сохранившимся алтаремъ. Среди камней, наполняющихъ мѣсто древняго форта, я едва не былъ укушенъ большою черною змѣею, которую мой Османъ перерубилъ пополамъ хорошимъ ударомъ ятагана.

Лабиринтъ Магара Тель-эль-Кебиръ—величайшее и самое сложное подземелье Палестины, посѣщенное нами уже въ первое путешествіе, всего болѣе привлекалъ наше вниманіе, и мы направились туда напрямикъ черезъ обширные виноградники, плантаціи табаку, рощи маслинъ и заросли горныхъ травъ, цѣплявшихся среди камней. На минуту мы остановились передъ входомъ въ обширное мрачное подземелье, словно не желая изъ залитаго свѣтомъ простора спускаться въ царство мрака, какимъ представлялся намъ, по прежнимъ воспоминаніямъ, огромный подземный лабиринтъ. Не безъ легкой тревоги вслѣдъ за Халилемъ я полѣзъ въ трещину скалы, которая кончается сразу такимъ крутымъ обрывомъ во внутренность глубокой пещеры, что не будь факела Османа впереди, я сорвался-бы и полетѣлъ въ глубину. Халиль былъ внизу обрыва и принялъ меня на руки, какъ малаго ребенка. Мы были уже совершенно подъ землей въ обширной каменной могилѣ, куда еще продолжали спускаться. Мы сошли на самый низъ огромнаго куполообразнаго подземелья по скользкимъ ступенямъ каменной лѣстницы, высѣченной спиралью въ толщѣ скалы. На самомъ днѣ подземелья мы наткнулись снова на видѣнную уже при прошломъ посѣщеніи кучу человѣческихъ костей, но два цѣлыхъ скелета, еще полу-прикрытыхъ истлѣвшими тряпками, глянувшіе на насъ своими костяными орбитами, представляли своего рода находку, передъ которой, какъ и въ первый разъ, остановились арабы. Съ трепетомъ, читая молитвы и заклинанія, прошли мои проводники постъ, занятый стражсю скелетовъ, и вышли на широкую площадь, представляемую влажнымъ дномъ подземелья.



Обойдя дно перваго подземелья, мы полѣзли по небольшой осыпи и очутились передъ входомъ въ новую подземную залу, не уступающую первой ни по величинѣ, ни по тщательности отдѣлки; скоро мы набрали на совершенно такую же каменную лѣстницу болѣе чѣмъ съ пятидесятью ступенями; съ одной изъ тѣхъ послѣднихъ я сорвался, упалъ и разбился бы совершенно, но меня спасла земляная осыпь, прерывавшая въ одномъ мѣстѣ ступени и удержавшая мое паденіе. На днѣ второй подземной залы мы нашли большую лужу воды, быть можетъ, вытекающую изъ глубокаго подземнаго ручья. Всѣ эти экскурсіи мы совершали совершенно во мракѣ, который слабо лишь озаряли факелы, бывшіе въ рукахъ моихъ арабовъ.

Осмотрѣвъ обѣ главныя подземныя залы лабиринта, мы рѣшились посѣтить хотя часть второстепенныхъ подземелій и потому, оставивъ часть своего багажа и одежды на днѣ второй залы, пошли далѣе съ величайшими предосторожностями, при помощи Аріадниной нити, обезпечивавшей возвращеніе. Цѣлая сѣть подземелій, отчасти искусственныхъ и отчасти натуральныхъ, расположенныхъ на различныхъ горизонтахъ, соединенныхъ между собою ходами различной величины и погруженныхъ въ вѣчный мракъ, идетъ во всѣ стороны отъ описанныхъ главныхъ цилиндрическихъ залъ. Я не въ состояніи описать подробно всѣхъ деталей болѣе чѣмъ двухъ-часоваго пребыванія подъ землею, потому что не могъ составить себѣ даже приблизительнаго плана этого подземнаго лабиринта. Мы направились сначала на сѣверъ, но скоро сбились въ направленія и блуждали по многочисленнымъ камерамъ, часто натыкались на слѣпя, не имѣвшія выходовъ пещеры, возвращались назадъ, брали новое направленіе, причемъ намъ иногда приходилось ползти наверхъ, а иногда скатываться по наклоннымъ плоскостямъ внизъ. Мѣстами мы совершенно задыхались въ тѣсныхъ и узкихъ ходахъ, гдѣ приходилось ползти на колѣняхъ, а иногда и ложиться плашмя, передвигаясь руками. Мѣстами, наоборотъ, мы выходили въ довольно просторныя пещеры съ широкими ходами и входными отверстиями. Большинство подземныхъ пещеръ лабиринта имѣли неправильную форму — не овальную, а угловатую съ многочисленными рукавами или затеками, указывающими на ихъ природное образованіе. Кромѣ небольшихъ



нами и каменными орудіями, въ кучѣ мягкаго, рассыпающагося камня, лежали несомнѣнно останки троглодитовъ Бетъ-Джибрина. При видѣ этого открытія забыты были всѣ трудности перехода и дальнѣйшаго пребыванія подъ землею. вмѣстѣ съ Османомъ мы принялись за поверхностныя раскопки при помощи своихъ ятагановъ и скоро добыли два порядочно сохранившіеся черепа и нѣсколько длинныхъ костей, достаточныхъ для опредѣленія антропологическаго типа пещерныхъ обитателей Палестины.

Передо мною изъ таинственной могилы вышли черепа и кости людей, по типу наиболѣе всего приближающихся къ современнымъ семитическимъ обитателямъ Аравіи и Святой Земли. Болѣе грубое строеніе черепа, меньшій объемъ мозговой коробки, большее развитіе лицевой части указывали на то, что пещерные обитатели Палестины по своему культурному развитію стояли ниже, чѣмъ современные имъ евреи царства Іудейскаго. Въ глубинѣ мрачныхъ подземелій лабиринта я убѣдился и въ томъ, что первичныя троглодиты Палестины, несмотря на повсемѣстное преданіе, подтверждаемое и Библейскимъ сказаніемъ, указывающимъ на нихъ, какъ на людей гигантскаго роста и колоссальной силы,—не превышали обыкновеннаго роста. По костямъ найденнымъ мною въ Магара Тель-эль-Кебиръ, видно, что пещерные обитатели Палестины были людьми немного болѣе средняго роста (1 м. 65 с.) съ конечностями весьма пропорціональными, хорошо развитою мускулатурою и могучимъ развитіемъ таза и груди, какъ того и слѣдовало ожидать отъ людей, борющихся всю жизнь съ камнемъ и нуждою. Таковъ былъ физическій обликъ таинственныхъ троглодитовъ Бетъ-Джибрина...

Покончивъ съ раскопками, мы еще ползали съ полчаса по подземельямъ, шедшимъ къ востоку отъ костяной пещеры, причемъ сдѣлали нѣсколько маловажныхъ находокъ, доказывавшихъ частое посѣщеніе человекомъ этихъ подземелій. Но потомъ, въ виду грозившаго намъ недостатка освѣтительнаго матеріала, мы принуждены были подумать о возвращеніи, чтобы не остаться безъ свѣта въ кромѣшной тьмѣ подземныхъ галлерей. Далеко заползли мы въ глубину телькебирскихъ подземелій, но далеко

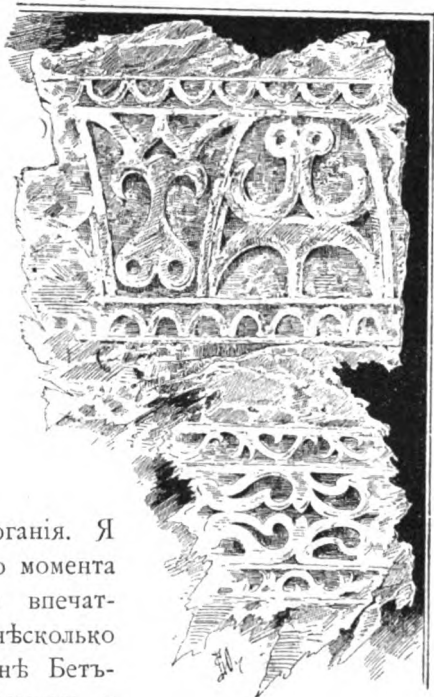
не погасили ихъ всѣхъ; свѣчи наши уже догорали, въ запасѣ оставалась всего одна, нужно было торопиться...

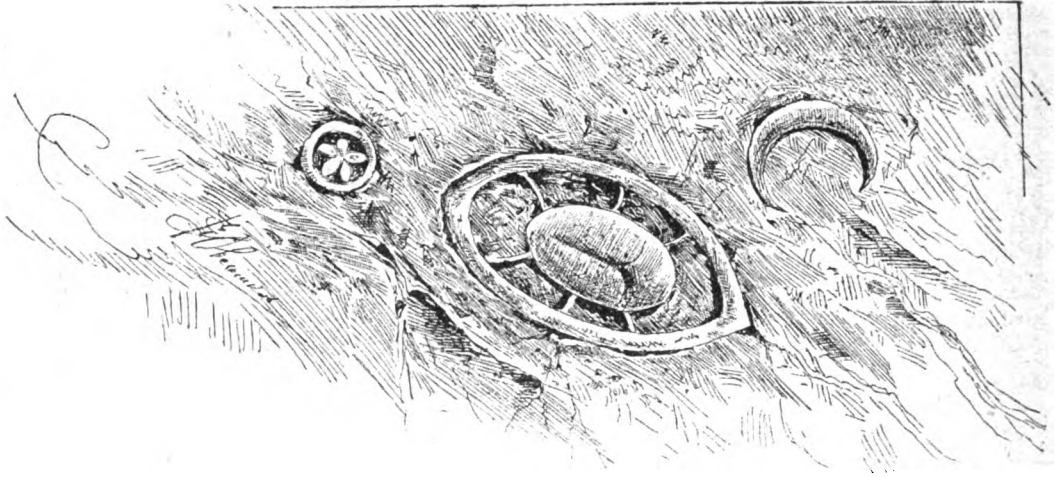
Вначалѣ мы отступали, быстро слѣдуя другъ за другомъ, но вотъ арабъ, шедшій впереди, съ ужасомъ объявилъ намъ о томъ, что мы заблудились, потому что потеряли свою путеводную нить.

— Валлахи (клянусь Богомъ)!—вдругъ какимъ-то испуганнымъ и хриплымъ голосомъ заговорилъ нашъ проводникъ,— веревка наша оборвалась, мы погибнемъ! Иншаллахъ (такъ угодно Богу)!

Наступили минуты такого паническаго ужаса, о которомъ даже теперь, черезъ десять лѣтъ, нельзя вспомнить безъ содроганія. Я не помню ни одного болѣе трагическаго момента въ своей богатой различными сильными впечатлѣнїями скитальческой жизни, какъ эти нѣсколько мгновеній, которыя я прожилъ въ глубинѣ Бетъ-Джибринскихъ подземелій... Какъ ни привыкъ я не теряться въ самыя роковыя минуты жизни, но почувствовалъ, что теряю всякую власть надъ собою, а тутъ еще вдругъ, отъ неосторожности проводника, потухли всѣ наши свѣчи, и мы очутились въ безпросвѣтной, настоящей кромѣшной тьмѣ... Прошло еще нѣсколько мгновеній, и я чувствовалъ уже, что наступилъ другой періодъ моего душевнаго состоянїя, періодъ галлюцинацій, менѣе мучительный, такъ какъ я уже менѣе сознавалъ весь ужасъ своего положенія. Къ счастью нашему арабъ, шедшій впереди, успѣлъ зажечь наплывшую свѣчу и вслѣдъ затѣмъ найти оборванный конецъ нашей ариадниной нити. Я почувствовалъ тогда приливъ новыхъ силъ и пошелъ по направленію забрежжившагося свѣта. Скоро мы были въ болѣе просторной пещерѣ, гдѣ могли вздохнуть свободнѣе. Безумная радость объяла моихъ проводниковъ; они прыгали, хохотали и бѣсновались въ подземельѣ, освѣщенномъ лишь единственною оставшеюся свѣчею.

Черезъ полчаса новаго томительнаго странствованія, а всего послѣ четырехчасоваго пребыванія подъ землею, мы, наконецъ, вырвались изъ душныхъ подземелій лабиринта и купались въ морѣ солнечнаго сіянія и волнъ свѣжаго воздуха, приносившагося съ Яффскаго побережья. Такъ какъ день склонялся къ вечеру, то мы поспѣшили вернуться въ хижину стараго Халиля, гдѣ хорошенькая Джемма давно приготовила болѣе, чѣмъ скромную трапезу. Подъ вечеръ вокругъ небольшого костра, зажженнаго передъ нашею хижиною, собралось снова десятка два обитателей Бетъ-Джибрина, которыхъ я угощалъ чаемъ и русскими папиросами, вызвавшими всеобщее удивленіе. Мирно провелъ я этотъ вечеръ и часть ночи, слушая интересныя легенды, часть которыхъ восходила ко временамъ отдаленной древности. Особенно поразила меня легенда объ Абу-Ниранѣ, Отцѣ





огня, въ которой я видѣлъ отголосокъ довольно распространеннаго на Востоку сказанія о похищеніи съ неба огня.

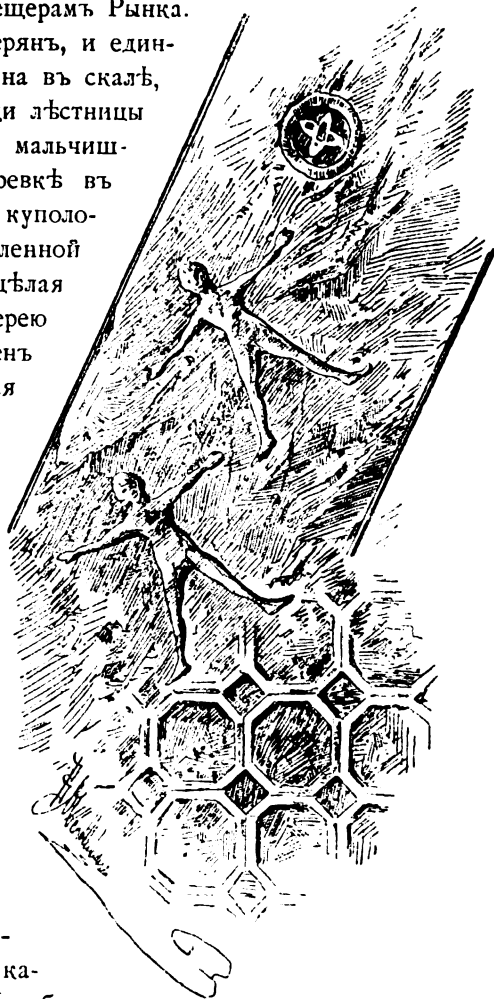
Абу-Ниранъ, подобно греческому Прометею, даетъ людямъ огонь, затѣмъ изводитъ троподитовъ изъ пещеръ, научааетъ ихъ земледѣлію, даетъ религію и законы и превращаетъ ихъ, жестокихъ дикарей, въ настоящихъ людей.

Когда совсѣмъ стемнѣло, молодежь окружавшая насъ, затѣяла пляску или, скорѣе сказать, хожденіе и верченіе по кругу съ выбиваніемъ такта ногами. Любителю пластическихъ движеній, разумѣется, пляска вокругъ костра въ Бетъ-Джибринѣ не могла-бы понравиться, но я смотрѣлъ на нее съ удовольствіемъ, какъ на проявленіе шумной радости, свидѣтельствовавшей о расположеніи къ виновнику этого случайнаго торжества. Скоро откуда-то, среди круга танцующихъ, послышались звуки музыки, и въ тактъ ея быстрѣе и порывистѣе закружилась молодежь. Гулко свистѣли голосистыя свирѣли— «наи» и «сумарахъ», монотонно подпѣвалъ ей однострунный ребабъ и совсѣмъ не въ тактъ пристукивалъ грузный тебльбелэди — родъ мѣднаго барабана, похожаго болѣе на котелъ, чѣмъ на музыкальный инструментъ. На бѣшеную пляску юношей смотрѣла не одна пара блестящихъ глазокъ; около Джеммы, сидѣвшей поодаль, собралось нѣсколько ея подругъ; ихъ звонкіе голоса служили ободреніемъ для пляшущей молодежи, а улыбка дочери Халиля была лучшею наградою для многочисленныхъ ея обожателей. Въ честь черноглазой Джеммы спѣлъ хорошенькую пѣсенку и молодой красивый арабъ, все время не отходившій отъ Халиля и служившій намъ проводникомъ...

Темная Палестинская ночь давно уже опустилась надъ засыпавшею въ легкихъ туманахъ землю; темносинимъ куполомъ, усѣяннымъ звѣздами, опрокинулось на нее небо. Изъ-за темной гряды горъ выглядывала молодая луна; неумолчнымъ концертомъ встрѣчали ее хоры кузнечиковъ и цикадъ. На ближайшихъ холмахъ, привѣтствуя мѣсяць, застонали вдругъ шакалы, и словно въ отвѣтъ имъ закричали хуммары — ослы. Гдѣ-то вдали были слышны длинные, какъ хлопанье бича, выстрѣлы кремневыхъ ружей.

На утро, довольно поздно, мы собрались на осмотръ остальныхъ любопытныхъ группъ Бетъ-Джибринскихъ подземелій и прежде всего прошли

къ Аракъ-эль-Сукъ или, такъ называемымъ, пещерамъ Рынка. Настоящій ходъ въ эти подземелья теперь затерянъ, и единственнымъ сообщеніемъ съ ними служитъ трещина въ скалѣ, черезъ которую нужно спускаться при помощи лѣстницы или каната. Я съ Османомъ и двумя арабскими мальчишками не безъ опаски спустился по толстой веревкѣ въ глубину подземелья. Передъ нами были уже не куполовидныя подземныя залы или пещеры неопредѣленной формы, отличающей естественныя пустоты, а цѣлая подземная улица, представлявшая подземную галерею сажени полторы въ ширину, около трехъ сажень въ вышину и до двадцати въ длину. Эта главная улица пересѣкалась двумя такими же поперечными галереями, почти такой же величины. Стѣны этого подземелья вырублены правильно и по прямымъ линіямъ; никакихъ украшеній въ видѣ орнаментовъ не видно на стѣнахъ Аракъ-эль-Сукской галереи, но зато въ нихъ своего высшаго развитія достигаетъ устройство многочисленныхъ нишъ. Число ихъ по меньшей мѣрѣ около тысячи; идутъ онѣ рядомъ по стѣнамъ и даже на потолокѣ; въ нихъ можно помѣстить массу вещей, тогда какъ каменные выступы, идущіе вдоль обѣихъ стѣнъ улицъ, могутъ быть разсматриваемы какъ помосты лавокъ, подобныя тѣмъ, которые и понынѣ можно видѣть на базарахъ Востока. Хотя большинство изслѣдователей видятъ въ галереяхъ Аракъ-эль-Сукъ рынокъ или базаръ огромнаго подземнаго города, какимъ въ общей сложности представлялся Бетъ-Джибринъ, тѣмъ не менѣе мы склонны видѣть въ этихъ оригинальныхъ подземныхъ галереяхъ огромный некрополь, подобный тѣмъ, которые встрѣчаются во многихъ городахъ Самаріи и Іудеи. Многочисленныя ниши подземелья при этомъ предположеніи будутъ не вмѣстилищами и шкафами для товаровъ, а своего рода гробничками или урнами, въ которыхъ помѣщались истлѣвшія или собранныя кости покойниковъ. Некрополь-эль-Сука, отличающійся по своему устройству отъ всѣхъ прочихъ подземелій обширнаго пещернаго царства, по всей вѣроятности, принадлежалъ народу болѣе позднѣйшему, чѣмъ настоящіе троглодиты Палестины.



Осмотрѣвши пещеры Рынка, мы должны были посѣтить еще одну группу значительныхъ пещеръ Бетъ-Джибрина, носящую имя Аракъ-эль-Хель. Общій планъ этого подземелья такъ же, какъ и форма залъ и ихъ украшенія, напоминаетъ подземныя залы Аракъ-эль-Мои, тогда какъ отсутствіе свѣтовыхъ отверстій приближаетъ ихъ къ пещерамъ лабиринта. Орнаментовка стѣнъ и потолокъ Аракъ-эль-Хель заслуживаютъ самаго тщательнаго изученія, такъ какъ указываютъ на искусство неизвѣстнаго намъ народа, ископавшаго и облѣзавшаго эти пещеры. Узорчатая цестрая лента

орнамента тянется въ видѣ карниза по всѣмъ заламъ, переходитъ на своды и переходы, спускаясь мѣстами до самаго низа подземелья. Между отдѣльными изображеніями встрѣчаются и символическіе рисунки, изображающіе солнце, луну, также виды скарабеевъ, — священныхъ жуковъ Египта. Главная зала этой группы подземелій отличается двумя большими нишами, изъ которыхъ одна занята статуею, высѣченною изъ толщи скалы, а потому и не отдѣлимою отъ стѣны. Статуя эта сильно обезображена, голова и руки ея отбиты, но самая отдѣлка указываетъ на высокій художественный вкусъ...

Прекрасная обдѣлка пещеръ этой группы, художественно сдѣланные орнаменты, присутствіе нишъ и статуй, — все это не вяжется съ полнымъ отсутствіемъ свѣтовыхъ отверстій въ этихъ подземельяхъ, погруженныхъ въ вѣчную темноту. Невольно возникаетъ вопросъ, къ чему и для какой цѣли древніе троглодиты употребляли столько труда для высѣченія и орнаментовки такихъ обширныхъ и совершенно неосвѣщенныхъ пещеръ. Культа Молоха, Ваала и Астарты, требовавшей страшныхъ оргій и жертвъ, и совершавшіяся во мракѣ ночей мистеріи, въ честь этихъ сиропиникійскихъ божествъ даютъ отчасти отвѣтъ на эти вопросы или, по крайней мѣрѣ, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на цѣлесообразность постройки такихъ огромныхъ подземелій. Во мракѣ ночей или въ глубинѣ подземныхъ пещеръ, озаряемыхъ багровымъ свѣтомъ факеловъ, подъ звуки громкой музыки, крики жрецовъ, стоны юношей, рѣзавшихъ свое тѣло, производилась дикая оргія переодѣтыхъ женщинъ и мужчинъ, страшная вакханалія, кончавшаяся сбрасываніемъ одеждъ и всѣмъ тѣмъ, что могла изобрѣсти только утонченность разврата испорченныхъ до мозга костей финикіянъ. Страшная богиня Астарта требовала жертвъ не такихъ кровавыхъ, какъ ужасный Молохъ, но все-таки самыхъ тяжелыхъ, какія только можетъ принести человѣкъ. Передъ ликомъ суровой богини приносилась въ жертву кровь жрецовъ-мужчинъ, рѣзавшихъ свое тѣло ножами, бичевавшихъ себя до изступленія, обрѣзавшихъ цѣлыя члены. Многіе становились при этомъ кастратами, поднося богинѣ кровавыя жертвы, оторванныя и отрѣзанныя отъ своего тѣла; женщины же, принесшія въ жертву свою дѣвственность, посвящали ей все свое тѣло, свои желанія и страсть. Можно себѣ представить, каковъ былъ характеръ этихъ ужасныхъ оргій, гдѣ среди тьмы, огня, крови, страшныхъ воплей, разгоряченныхъ страстей, фанатизма и разврата приносилась въ жертву честь непорочныхъ дѣвъ и даже дѣтей...

Въ настоящее время, вмѣсто страшныхъ оргій и дикихъ мистерій въ подземельяхъ эль-Хель, освященныхъ отчасти дневнымъ свѣтомъ, благодаря обваламъ и землетрясеніямъ, можно видѣть лишь сцены домашней жизни и быта нѣсколькихъ арабскихъ семей, поселившихся въ нихъ... Осмотромъ эль-Хельскихъ пещеръ мы и окончили второй день пребыванія въ Беть-Джибринѣ, проведя вечеръ и ночь также мирно и пріятно въ хижинѣ Халиля. Весь слѣдующій день съ ранняго утра мы принялись за посѣщеніе и осмотръ другихъ многочисленныхъ пещеръ и подземелій Беть-Джибрина. Цѣлая толпа арабовъ теперь провожала насъ, указывая разные уголки этого интереснаго города троглодитовъ... Всего въ окрестностяхъ Беть-Джибрина насчитывается не менѣе полутора тысячъ всевозможныхъ

пещеръ, какъ одиночныхъ, такъ и сложныхъ, переходящихъ въ описанныя обширныя подземелья. Такимъ образомъ, взятыя вмѣстѣ, подземелья Бетъ-Джибрина представляютъ довольно обширный подземный городъ со слѣдами весьма значительной, хотя и своеобразной культуры. По самымъ скромнымъ нашимъ расчетамъ, во всѣхъ подземныхъ обиталищахъ Бетъ-Джибрина проживало не менѣе 10—12 тысячъ троглодитовъ. Какъ самое обширное изъ всѣхъ извѣстныхъ обиталищъ троглодитовъ, Бетъ-Джибринъ превосходилъ даже Петру, потому что «городъ камня» (какъ зовутся развалины въ Уади-Муса) былъ обиталищемъ людей античнаго міра, создавшихъ все его величіе, тогда какъ подземелья Бетогабры вышли грандіозными уже изъ рукъ первобытныхъ троглодитовъ.

Бетъ-Джибринъ, называемый по справедливости обширной столицей пещернаго царства, котораго лишь центральною частицею является Южная Іудея, не представляетъ единичнаго города троглодитовъ. Значительныя группы пещерныхъ обиталищъ разбросаны по всей южной части Палестины, граничащей съ пустынями Синая; большая часть ихъ все-таки расположена невдалекѣ отъ Бетъ-Джибрина, служившаго, очевидно, центромъ этого царства троглодитовъ...

Хорошій вечеръ провелъ я послѣ трудового дня, исполнивъ давно завѣтную мечту—осмотрѣть возможно внимательнѣе знаменитыя подземелья Бетъ-Джибрина. Какъ и въ два предыдущихъ вечера, въ нашей вечерней бесѣдѣ принимало участіе еще нѣсколько почтенныхъ старцевъ деревни. О многомъ говорили мы въ тихую теплую Палестинскую ночь, но всего того даже не вспомнить, а не только что рассказать... Рано утромъ на слѣдующій день, напутствуемые всякими добрыми пожеланіями обитателей Бетъ-Джибрина, повидимому, полюбившихъ меня, мы покинули одно изъ интереснѣйшихъ поселеній Палестины. Когда я обернулся въ послѣдній разъ, чтобы бросить еще одинъ общій взглядъ на Бетъ-Джибринъ, я увидалъ, какъ стройная Джемма, поднявшись на плоскую крышку своей хижины и прикрывъ рукою лицо, слѣдила за нами, пока мы не скрылись за ближайшею горой.



Глава XXX.

Самарія и Галилея.—Гробницы царей.—По дорогѣ въ Наплусъ. — Колодезь Іакова. — Гробница Іосифа.—Древняя столица Самаріи.—Посѣщеніе синагоги.—На горѣ Гаризимъ.—Геваль.



Ослѣ Бетъ-Джибринской экскурсіи я скоро снова покинулъ Іерусалимъ для того, чтобы предпринять болѣе продолжительную поѣздку въ Самарію и Галилею. Хотя часть этого пути и была знакома мнѣ по предыдущей экскурсіи, тѣмъ не менѣе еще оставалось почти неизвѣстною довольно обширная страна, лежащая къ сѣверу отъ Наплуса. На этотъ разъ, кромѣ всего вѣрнаго Османа, со мною выѣхалъ изъ Іерусалима цѣлый караванъ интеллигентныхъ паломниковъ: г. С—ъ съ женою, графъ Н. О. Г—ъ, г. П—ъ и Е—ъ; всего, вмѣстѣ съ проводниками, насъ было 10 человѣкъ. Сборы наши были поэтому нѣсколько болѣе сложны и касались различныхъ мелочей, ненужныхъ для меня лично, но сдѣлавшихся необходимыми, когда я бралъ на свою отвѣтственность нѣсколькихъ человѣкъ. Во время я добылъ рекомендательныя письма отъ Іерусалимскаго паши къ каймакамамъ Наплуса, Дженина и др. болѣе или менѣе значительныхъ пунктовъ на пути,

а отъ патриарха Никодима письма къ настоятелямъ различныхъ греческихъ монастырей въ Самаріи и Галилеѣ.

Послѣ полудня, окончивъ всѣ свои сборы и запасшись провизіею мы покинули Іерусалимъ и пошли по Наплусской дорогѣ. Первую остановку мы сдѣлали, не пройдя и получаса, для того, чтобы осмотрѣть одинъ

изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ древности — гробницы Царей Іудейскихъ.

Какъ и всѣ остальные могилы Іерусалимскаго некрополя, онѣ вырублены въ живой скалѣ и представляютъ родъ пещеръ довольно сложнаго и запутаннаго плана. Двѣ площадки или дворики, изсѣченныя въ камнѣ, вводятъ посетителей въ преддверіе оригинальной усыпальницы. Древняя цистерна, еще наполненная весеннею водою, остатки двухъ массивныхъ колоннъ и красивый фризь, украшающій вестибюль, прежде всего бросаются въ глаза. При входѣ въ первую большую камеру, лишенную гробничекъ, служившую для



Гробницы Царей.

совершенія жертвоприношеній и молитвъ, мы были поражены удивительною чистотою отдѣлки внутренности пещеры. Видно было, что строители потратили тутъ много труда и обладали большимъ вкусомъ; все было отдѣлано замѣчательно красиво, чисто и въ то же время прочно. Нѣсколько тысячелѣтій прошло съ того времени, какъ была закончена отдѣлка этихъ пещеръ, а и до сихъ поръ даже неопытный туристъ найдетъ много достойнаго вниманія въ артистической отдѣлкѣ внутренности Гробницы Царей. А современный архитекторъ можетъ многому поучиться, много вынести изъ обозрѣнія этой замѣчательной, оригинальной усыпальницы Царей Іудей.

Три большихъ четырехугольныхъ камеры съ гробничными нишами, лежащія въ различныхъ горизонтахъ, сообщаются съ пещерою для жертвоприношеній; каждая изъ этихъ камеръ имѣетъ еще по одному отдѣленію, находящемуся ниже ея и составляющему, такъ сказать, ея нижній этажъ, сообщающійся съ верхнимъ посредствомъ небольшой лѣсенки. Двѣ изъ этихъ нижнихъ камеръ еще не очищены; а въ одной открытой были найдены остатки саркофага. Весь этотъ сложный рядъ пещеръ, изсѣченный въ толщѣ скалы, производитъ сильное впечатлѣніе даже послѣ посещения Бетъ-Джибринскихъ подземелій, тѣмъ болѣе, что съ нимъ связанъ цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній.

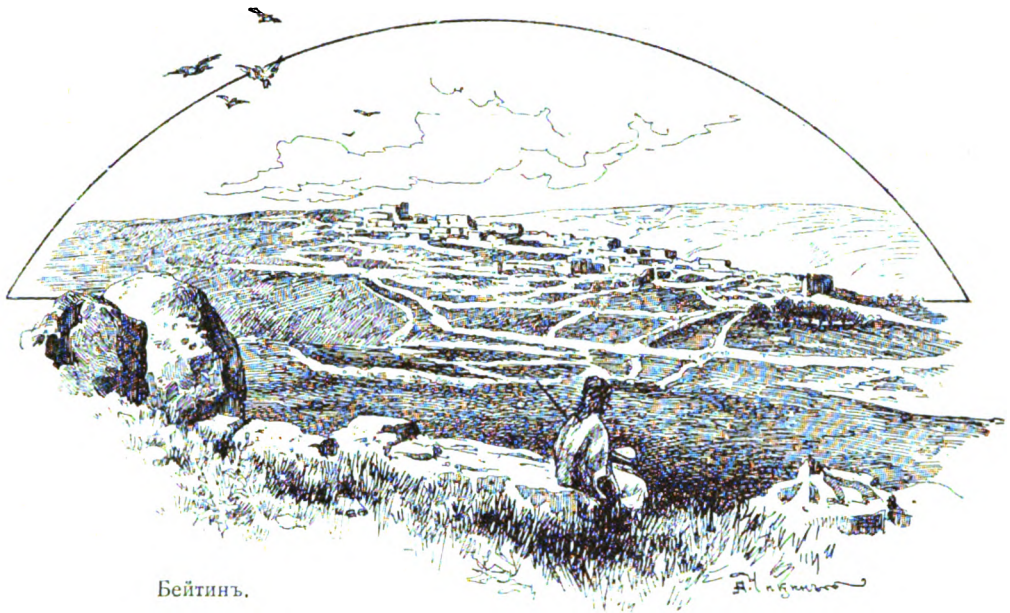
Чей-бы прахъ ни хранили великолѣпныя пещеры Кабръ-эль-Молука,— будь то прахъ царей династіи Ирода, Маккавеевъ, Асы или преемниковъ самого Давида,—несомнѣнно одно, что онѣ служили усыпальницею царей Іудей и недаромъ носятъ свое настоящее названіе.

Отъ Гробницъ Царей мы поднялись на небольшое возвышеніе, съ котораго бросили послѣдній взглядъ на Іерусалимъ, и вошли въ дикую каменистую пустыню. Дорога была вся усыпана камнями, черезъ которые порою еле пробирались наши неподкованные ослики. Многочисленные камни,

валяющіеся вдоль пути, представляютъ остатки древней культуры, среди которыхъ можно различать слѣды разрушенныхъ зданій, древняго шоссе и другихъ памятниковъ, стертыхъ съ лица земли разными опустошителями Палестины. Тихо шли наши ослики по каменистой тропѣ, по пути, нѣкогда считавшемуся проклятымъ у Іудеевъ Іерусалима, какъ дорога, которая вела въ нечестивую Самарію. Но нашъ шумный и оживленный караванъ не ощущалъ никакой тяжести этого труднаго и невеселаго пути. Изрѣдка мы останавливали свое вниманіе на нѣкоторыхъ урочищахъ съ остатками древности. Старый Османъ, привыкшій ходить съ интеллигентными паломниками и знавшій каждый камешекъ на дорогѣ, не пропускалъ ничего интереснаго и объяснялъ своимъ ломаннымъ языкомъ значеніе тѣхъ или другихъ урочищъ или остатковъ, встрѣчавшихся на пути. Далѣе, налѣво, виднѣется замѣтная отовсюду гора Самуила со своею небольшою мечетью и почти на самой дорогѣ—небольшой холмъ Тель-эль-Фуль съ развалинами древней башни и цистерною, въ которыхъ нѣкоторые изслѣдователи видятъ древнюю Габоа, столицу царя Саула. Затѣмъ мы встрѣтили остатки какого-то обширнаго зданія, которое Османъ называлъ развалинами Хана. Вслѣдъ за ними виднѣлись домики деревушки Эр-Ромъ въ древности пограничной еврейской крѣпостцы; нѣсколко другихъ поселеній феллаховъ виднѣлись по окрестнымъ холмамъ; между ними Османъ указывалъ на развалины Атара, указывающія на мѣсто древняго Атарота, отъ котораго остались лишь цистерны, да многочисленныя могилы, изсѣченныя въ скалахъ. Отсюда недалеко уже и Рамалла, полухристіанская деревня, въ которой свила прочное гнѣздо иновѣрная пропаганда. Здѣсь мы должны были остановиться и провести ночь; нашъ Османъ скоро досталъ довольно приличное помѣщеніе въ греческомъ монастырѣ, и мы довольно комфортабельно, хотя и тѣсно, всѣ помѣстились въ одной комнаткѣ,

гдѣ и расположились по домашнему. Такъ какъ у монаховъ не нашлось ничего съѣстнаго, то мы, накупивъ кой-какой провизіи





Бейтинъ.

и пользуясь имѣвшимися при насъ запасами, сами устроили ужинъ, по принципу раздѣленія труда. Въ то время, какъ одни готовили незатѣйливую похлебку, другіе хлопотали насчетъ кипяченія воды на двухъ жаровняхъ, принесенныхъ монахами. Вечеръ и ночь мы провели очень хорошо, а на зарѣ уже выступали изъ Рамаллы, забѣжавъ только на нѣсколько минутъ по приглашенію монаховъ въ ихъ скромный храмъ, въ которомъ иконостасъ, подсвѣчники и всѣ украшенія высѣчены изъ мѣстнаго розоваго камня.

Отъ Рамаллы дорога пошла однообразною, каменистою дѣбрею, безъ особыхъ спусковъ и пологостей; при этомъ, мѣстами, она проходила по такимъ камнямъ, что казалось невѣроятнымъ, чтобы по этому пути цѣлыя тысячелѣтія ходили многочисленные караваны путниковъ и паломниковъ, посѣщавшихъ Галилею. Черезъ полчаса пути мы остановились ненадолго въ деревенькѣ эль-Бирѣ, стоящей на вершинѣ известковаго холма, надъ водораздѣломъ Средиземнаго и Мертваго морей. Издали это поселеніе представляется въ видѣ развалинъ, среди которыхъ выступаютъ рѣдкія маслины. Насъ встрѣтили только женщины съ сосудами на головахъ, бравшія воду изъ источника, находящагося при самомъ входѣ въ эль-Бирей, съ любопытствомъ осматривавшія кучку европейцевъ. Мы проѣхали мимо развалинъ церкви и обширнаго госпиталя крестоносцевъ, немного остановились для осмотра остатковъ древней Хананейской стѣны и сдѣлали приваль у источника, покрытаго небольшимъ сводомъ. По мѣстному преданію, у этого источника не разъ отдыхалъ отрокъ Иисусъ на пути изъ Назарета въ Іерусалимъ.

Отъ эль-Бире мы пошли снова каменистою пустынею среди обнаженныхъ скалъ, кое-гдѣ представляющихъ ряды пещеръ и другіе слѣды обработки человѣческой рукою. По словамъ Османа, въ этихъ пещерахъ еще недавно обитали прокаженные и бѣдные феллахи. Во всякомъ случаѣ, многія

изъ пещерь служили не только усыпальницами, но и жилищами троглодитовъ Хананей. Среди многочисленныхъ скалъ, между которыми вилась наша дорога, мы и не замѣтили, какъ впереди показался холмъ Бейтина съ обширными древними развалинами, среди которыхъ высится башня и ютятся, какъ кучи муравьевъ, жалкія обиталища современныхъ феллаховъ... Здѣсь мы остановили свой караванъ, чтобы дать возможность подкормиться осликамъ, а самимъ побродить по любопытнымъ остаткамъ древняго Веѳила. Ничего цѣльнаго среди нихъ не сохранилось, и напрасно Османъ пытался указать намъ на развалины крѣпости, храмовъ и дворцовъ. Гораздо болѣе, чѣмъ отдѣльные, даже древніе величавые камни, заинтересовала насъ огромная древняя цистерна или, скорѣе сказать, прудъ, нынѣ превращенный въ прекрасное пастбище для скота. Подобно прудамъ Соломона, цистерна Бейтина была построена изъ массивныхъ камней, но большая часть стѣнъ ея развалилась. Древній Веѳиль, одинъ изъ городовъ, посвященныхъ Ваалу, рѣдко воздвигалъ жертвенники въ честь Іеговы, а потому нерѣдко подвергался карѣ со стороны царей Іудей. Въ одной изъ пещерь, выкопанныхъ возлѣ самаго поселенія, мы нашли массу раздробленныхъ человѣческихъ костей, перемѣшанныхъ съ камнями и углями; то была единственная наша находка въ подобномъ родѣ во всей Палестинѣ.

Бейтинъ лежитъ уже въ мѣстности болѣе плодородной, чѣмъ каменная дебрь, идущая съ Рамаллы. Повсюду виднѣется зелень, а поля феллаховъ поднимаются даже по склонамъ обнаженныхъ холмовъ. Далѣе отъ Веѳила дорога пошла чрезвычайно красивыми мѣстами: дикіе обрывы и отвѣсы, разбросанныя въ живописномъ безпорядкѣ скалы, принимающія нерѣдко фантастическое очертаніе, оригинальной формы камни,—все это перемѣшивается мѣстами съ небольшими полями, лугами и цѣлыми рощами маслинъ... Оливковыя и фиговыя деревья появляются повсюду среди камней; масса душистыхъ горныхъ травъ, усѣянныхъ пестрыми цвѣтами, образуетъ настоящій коверъ. Цѣлые десятки разноцвѣтныхъ бабочекъ носятся надъ этими пестрыми лужайками, оживляя и смягчая общій колоритъ. Среди этой цвѣтущей мѣстности древнія преданія указываютъ мѣсто жертвоприношенія Авраама и мѣсто видѣнія Іакова, на пути въ Веѳиль... Хотя нашъ кавасъ довольно точно указывалъ мѣста этихъ Библейскихъ событій, но мы проходимъ мимо нихъ, не обращая особеннаго вниманія даже на камень, на который, по словамъ Османа, былъ возложенъ для жертвоприношенія сынъ Авраама.

До самой Джифны—большого селенія, стоящаго на самомъ пути, мы шли живописными мѣстами, постепенно входя въ долину древней Гофны, славившейся своимъ плодородіемъ и до настоящаго времени образующей одинъ изъ самыхъ живописныхъ и богатыхъ зеленью уголковъ Палестины. Мы остановились на полчаса среди цѣлаго лѣса маслинъ, смоковницъ, орѣшинъ и абрикосовъ, у небольшого источника, возлѣ котораго Османъ показалъ намъ камни, обдѣланные человѣческой рукою.

Въ самую Джифну мы не заходили, несмотря на приглашеніе двухъ католическихъ монаховъ, имѣющихъ здѣсь довольно значительный монастырь, просвѣтившій въ настоящее время почти всѣхъ обитателей Джифны. Развалины стараго замка, красиво высѣщагося надъ бѣдными мазанками ту-



Колодезь Іакова.

земевъ, мы осмотрѣли только издали, торопясь до свѣту добраться до Наплуса. За Джифною мы вошли снова въ каменистую дѣбрь. Дорога становилась съ каждымъ шагомъ все труднѣе и труднѣе: безпрестанные спуски и подъемы по узкимъ тропамъ, засыпаннымъ камнями, уже начали утомлять нашихъ животныхъ. Часть дороги мы шли пѣшкомъ, осматривая на пути нѣсколько пещерокъ и навѣсовъ скалъ. И тѣ, и другіе какъ нельзя лучше приспособлены были къ обитанію въ нихъ человѣка. Всѣ горы Палестины такъ удобны для изсѣченія пещеръ и такъ богаты естественными пустотами, что нечего удивляться тому, что въ ней издревле обитало многочисленное населеніе троглодитовъ, образовывавшихъ цѣлыя царства пещерныхъ обитателей. Еще и теперь кое-гдѣ мы встрѣчали феллаховъ, живущихъ въ пещерахъ; еще недавно многочисленные разбойники Палестины тоже ютились въ древнихъ жилищахъ троглодитовъ. Вся мѣстность къ сѣверу отъ Іерусалима и до сихъ поръ не совсѣмъ безопасна отъ грабежей, а потому вооруженіе путниковъ и присутствіе кавасовъ составляетъ не роскошь, а скорѣе печальную необходимость. Колодезь Айнъ-Хараміэ или Колодезь Разбойниковъ, у котораго мы расположились подъ навѣсомъ скалы, лежащій въ дикой пустынной мѣстности, самымъ своимъ названіемъ достаточно показываетъ безопасность этой каменистой дѣбри, служившей въ теченіе всего историческаго времени приютомъ разбой-



Гора Гаризимъ.

никовъ и воровъ. За источникомъ дорога скоро пошла по болѣе культивированнымъ и населеннымъ мѣстамъ. По склонамъ горъ виднѣлись поля и виноградники; кое-гдѣ въ лощинахъ бѣжали весенніе потоки; яркія луговинки съ пестрымъ ковромъ полевыхъ цвѣтовъ выступали среди камней: рощи смоковницъ и маслинъ поднимались даже на склоны холмовъ; кое-гдѣ по сторонамъ выступали на видъ поселенія феллаховъ. Мы прошли большое поселеніе Синджиль, развалины древняго Шило, гдѣ нѣкогда пребывалъ ковчегъ Завѣта, деревеньку Сейлунъ съ развалинами, видными съ дороги, значительныя развалины Лебоны и нѣсколько другихъ остатковъ древности, о которыхъ подробно рассказывалъ намъ Османъ. Однако, всего болѣе наше вниманіе обращали многочисленные погребальныя гроты, видныя повсюду въ окружающихъ скалахъ и указывавшіе на древнее многочисленное населеніе.

Наконецъ, послѣ многочисленныхъ подъемовъ и спусковъ, мы добрались до перевала черезъ послѣднюю гряду возвышеній, замыкающихъ съ юга значительную долину Самаріи, со всѣхъ сторонъ окаймленную горами. Большіе массивы Гевала и Гаризима предстали во всемъ своемъ величій передъ нашими глазами; къ востоку и къ сѣверу отъ нихъ поднимались другія горы Самаріи, черезъ которыя глядѣла издали уже верхушка большаго Ермона... Въ самую долину Самаріи ведетъ довольно крутой и тяжелый спускъ. Большинство изъ насъ шло на спускъ пѣшкомъ, и несмотря на то, ослики не разъ оступались и падали, а наша дама едва не разбилась при паденіи, вмѣстѣ съ осликомъ, оступившимся на самомъ опасномъ мѣстѣ... Прямо съ горы мы спустились въ глубокую уади, идущую у подножья Самарійскихъ горъ,—и пшли по ней къ основанію Гаризима, прятаншаго отъ насъ столицу древней Самаріи. Нѣсколько деревень, не сох-



Наплусъ.

раняющихъ останковъ древности, видѣется на пути; плодородіе Самаритянской долины, не изсякшее и до настоящаго времени, поддерживаетъ довольно значительное населеніе. Ослики наши, словно чуя скорую остановку, бѣжали довольно весело, и мы еще за часъ до заката солнца, а всего черезъ четыре часа послѣ отдыха у «колодца разбойниковъ» добрались до знаменитаго источника Иакова или колодезя Самаритянки, лежащаго у самаго подножія Гаризима...

Въ настоящее время заброшенный и покинутый Бирь-Якубъ представляетъ родъ глубокаго колодца, выложеннаго хорошо обтесанными камнями и почти наполовину засыпаннаго массою всякихъ обломковъ и камней. Покрытый сводомъ, оставшимся со временъ Елены, выстроившей надъ древнимъ источникомъ великолѣпную базилику, источникъ Иакова совершенно изсохъ, хотя на самомъ днѣ его, по всей вѣроятности, до сихъ поръ еще собирается вода. Мы отдохнули съ четверть часа у источника, гдѣ нѣкогда стояли шатры патриарха Иакова, и гдѣ спустя нѣсколько тысячъ лѣтъ происходила замѣчательная бесѣда Христа съ Самаритянкою; а затѣмъ двинулись по направленію къ недалеко-лежащей гробницѣ Иосифа—Кобръ-Юсфъ. Огромные мрачные массивы священнаго Гаризима и Гевала, совершенно замыкающіе узкую долину Сихема, превращаютъ ее въ настоящую тѣснину, вытянутую по направленію съ Запада на Востокъ. Вся эта тѣснина представляетъ сплошной садъ, съ которымъ по обширности и роскоши растительности могутъ состязаться лишь огромные сады Яффы: апельсины, лимоны, абрикосы, смоковница, тутовина, орѣшина, миндальникъ, маслина и гранатъ, перемѣшанные съ кустами жасминовъ и розъ, составляютъ главное украшеніе Наплусскихъ саловъ. Яркая зелень этихъ послѣднихъ представляетъ рѣзкій контрастъ съ огромными мрачными массивами и зіяющими отверстиями многочисленныхъ погребальныхъ пещеръ, глядящихъ со склоновъ Гевала и Гаризима. Ряды этихъ могилъ расположенныхъ на разныхъ высотахъ, производятъ какое-то особенное, по-

давяющее впечатлѣніе, несмотря на кипучую жизнь, царящую въ долині Сихема. Кобръ-Юсуфъ, или гробница патріарха Іосифа—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ въ обширномъ некрополѣ Самаріи. Она лежитъ недалеко къ сѣверу отъ источника Іакова и хорошо видна съ Іерусалимской долины. Высокая каменная ограда окружаетъ большую могилу, обложенную камнями, оштукатуренную снаружи и потому представляющую родъ саркофага. Масса надписей, какъ еврейскихъ, такъ и арабскихъ, покрываетъ какъ стѣны, такъ и самую могилу, что свидѣлствуетъ о томъ великомъ уваженіи, какимъ она пользуется со стороны какъ евреевъ, такъ и мусульманъ. Разумѣется, въ своемъ первоначальномъ видѣ могила патріарха представляла гробничную пещеру, надъ которою позднѣе была насыпана куча камней, а еще позднѣе былъ воздвигнутъ мусульманами зіаретъ или гробница, подобная тѣмъ, которыя разсыпаны по всему Востоку надъ могилами шейховъ и разныхъ святыхъ.

Отъ гробницы Іосифа мы пошли прямо къ воротамъ Наплуса. Последніе лучи солнца еще освѣщали стройные минареты города, прячущагося въ яркой зелени своихъ пышныхъ садовъ, бѣлыя красивыя постройки его, ползущія по склонамъ Гаризима, красивые куполы городскихъ построекъ и мечетей, зубчатая стѣна, изъ-за которыхъ высились минареты и купы деревьевъ, разсыпанныя среди самаго города. Мы прошли нѣсколько красиво обдѣланныхъ и обильныхъ водою источниковъ, бьющихъ у подошвы Гаризима, большія турецкія казармы, стоящія внѣ города, большую оливковую рощу, и, наконецъ, вступили чрезъ большія ворота, проложенныя въ стѣнѣ, на главную и, собственно говоря, единственную улицу города, раздѣляющую его на двѣ неравныя части: бѣльшая часть жметъ къ подошвѣ Гаризима и возможно высоко поднимается по склонамъ его, другая, меньшая, идетъ глубже въ долину, доходя до подножія Гевала. По этой улицѣ расположены главныя зданія города, большинство молитвенныхъ построекъ и почти всѣ лавки Наплуса, образующія посрединѣ родъ крытаго базара. Мы проѣхали изъ конца въ конецъ эту главную улицу города, пока добрались до греческаго монастыря, въ которомъ должны были переночевать. Какъ и большинство другихъ греческихъ монастырей Палестины, обитель Наплуса служитъ скорѣе гостиницею для паломниковъ чѣмъ настоящимъ монастыремъ: въ ней живетъ одинъ игумень, безъ братіи, но съ нѣсколькими арабами, исполняющими роль прислужниковъ.

Вначалѣ почтенный игумень, привыкшій не особенно любезно обходиться съ русскими паломниками, провелъ насъ въ какой-то подвалъ, гдѣ и предложилъ намъ расположиться. Но письмо патріарха скоро перемѣнило расположеніе этого монаха: онъ сталъ несказанно любезнымъ и предложилъ уже въ наше распоряженіе двѣ свои великолѣпно убранныя комнаты съ подушками, коврами и кошмами.. Тотчасъ же намъ были предложены шербець, кофе и разныя восточныя лакомства, а нѣсколько позднѣе появился самоваръ и довольно порядочный ужинъ. Такимъ образомъ мы очень комфортабельно провели вечеръ и ночь. Перелъ сномъ всею компаніею мы вышли на террасу и долго любовались прекрасною звѣздною ночью...

Рано утромъ мы начали осмотръ Наплуса подъ руководствомъ Османа

и какого-то чиновника, присланнаго намъ каймакамомъ города, извѣщеннымъ Иерусалимскимъ пашою. Мы опять прошли по главной улицѣ, поднялись по кривымъ, узкимъ, наполовину крытымъ улочкамъ верхняго города и осмотрѣли все, что показывали намъ проводники. Далѣе, мы осмотрѣли казарму, гдѣ солдаты отдали намъ честь, а молодой бей самъ вызвался показать намъ нѣкоторые остатки древности. Мы осмотрѣли какія-то древнія колонны съ греческими барельефами и надписями; на одной изъ нихъ замѣтили изображеніе подвиговъ Геркулеса, на другой—изображеніе Артемиды, Аполлона и Латоны. Если не ошибаемся, барельефы эти до насъ еще не были описаны ни однимъ изъ археологовъ, посѣщавшихъ Наплусъ. Потомъ намъ показали обширную древнюю цистерну со слѣдами прекрасной обдѣлки и остатками какого-то древняго зданія съ еврейскими камнями. Но отдѣльные камни, остатки карнизовъ и колоннъ и многіе другіе слѣды древности встрѣчаются на каждомъ шагѣ въ Наплусѣ, ставшемъ на мѣстѣ древняго Сихема, столицы Самаріи, хотя еще большая часть ихъ вошла въ качествѣ матеріала для постройки многихъ зданій современнаго города. Одна изъ самыхъ большихъ мечетей города, Джамі эль-Низръ, выстроена по мѣстному преданію, изъ остатковъ древняго Самаритянскаго храма, другая, Джамі Эль-Кебиръ, изъ христіанскаго храма, время крестоносцевъ...



Житель Наплуса.

Послѣ бѣлаго осмотра всѣхъ этихъ достопримѣчательностей Наплуса, мы прошли къ самому любопытному его зданію, носящему названіе Самарянскоя синагоги и представляющему главную святыню этой небольшой кучки древняго народа, оставшагося съ отдаленныхъ временъ у подножія священной для нихъ горы Гаризима. До сихъ поръ ученые еще не рѣшили вопроса о томъ, кто такіе были самаряне носившіе ранѣе названіе кутеевъ, и какое отношеніе они имѣли къ евреямъ, столь ненавидѣвшимъ этихъ ближайшихъ своихъ сосѣдей, близкихъ къ нимъ по вѣрѣ и одинаково уважавшихъ Моисея и Іегову. По мнѣнію большинства палестиновѣдцевъ, ны-



Пятикнижіе Моисея.

нѣшніе самаряне представляютъ выходцевъ съ Дальняго Востока, насильно переселенныхъ по истребленіи десяти колѣнъ царства Израильскаго. Мы были настолько счастливы, что вечеромъ того же дня измѣрили головы двухъ самарянъ и, кромѣ того, получили въ подарокъ отъ мѣстаго военнаго врача подлинный черепъ одного изъ древнѣйшихъ представителей этой вымирающей кучки людей. Тщательно произведенныя измѣренія показали намъ что по типу современные самаряне совершенно отличаются отъ всѣхъ народностей, живущихъ въ Сириіи и Палестинѣ, и приближаются къ типу ансаріевъ, тоже представляющихъ жалкій остатокъ великаго въ древности народа. Намъ не мѣсто входить здѣсь въ нѣкоторыя любопытныя подробности этого

вопроса, но мы упомянули о своихъ наблюденіяхъ, какъ единственныхъ, сдѣланныхъ надъ вымирающею кучкою самарянъ. Не роднясь съ другими національностями и скрешиваясь съ ближайшими родственниками, немногочисленныя (въ 1884 г. всего 41) самарянскія семейства сохраняютъ чистоту своей крови и древняго типа и вымираютъ постепенно, не представляя особыхъ признаковъ вырожденія. Антропологамъ необходимо изслѣдовать возможно тщательно эту любопытную кучку, уцѣлѣвшую со временъ отдаленной старины, тѣмъ болѣе, что при изученіи ея можно попутно освѣтить и нѣкоторые спорные вопросы о вырожденіи вымирающей подъ вліяніемъ близкихъ, родственныхъ браковъ расы.

Крошечная четырехугольная синагога самарянъ Наплуса, освѣщенная лишь отверстиемъ, сдѣланнымъ въ сводѣ храма, своею бѣдностью и убожествомъ какъ-бы соотвѣтствуетъ современному ничтожеству расы. За зеленой шелковою занавѣсью, закрывающею неглубокую нишу, помѣщается ковчегъ самарянъ, хранящій древній списокъ Пятикнижія, относимый этими послѣдними чуть не ко временамъ Моисея. За небольшой бакшишъ высокій красивый брюнетъ, главный священникъ синагоги, вынесъ передъ нами серебряный ковчегъ, раскрылъ его и показалъ завернутый въ шелковую пелену священный свитокъ библии, написанный на пергаментѣ полуистершимися буквами. Мы просили почтеннаго хранителя этого свитка прочитатъ нѣсколько строкъ, что онъ и исполнилъ съ величайшимъ благоговѣніемъ, совершенно поразившимъ насъ. Вслѣдъ затѣмъ мы зашли въ домъ одного сѣдога самарянина, пригласившаго насъ посѣтитъ его скромное жилище. Сюда собралось десятка полтора представителей этого племени, въ томъ числѣ два священника съ красными чалмами. Мы были очень рады этому знакомству, которое давало намъ возможность присмотрѣться ближе къ типу интересовавшихъ насъ самарянъ.

Послѣ обѣда, оставивъ своихъ уставшихъ товарищей отдыхать въ монастырѣ, я вмѣстѣ съ Османомъ предпринялъ восхождение на священную гору Гаризимъ. Черезъ сады и рощи маслинъ мы дошли довольно скоро до настоящаго подъема и полѣзли по узкой тропинкѣ, ведущей на главную террасу священной горы. У источника Расъ-эль-Айнъ, дающаго прекрасную воду Наплусу и текущаго въ каналѣ, изсѣченномъ въ цѣлой скалѣ, мы сдѣлали небольшой привалъ и полюбовались на всю великолѣпную панораму, разстилающуюся у нашихъ ногъ. Весь Наплусъ со своимъ поясомъ садовъ, прекрасная долина съ извивающимся ложемъ потока и предгоріями Гевала, испещренными пещерами, и самый массивъ «Горы проклятій», изрытый вешними водами, представляли такое гармоническое сочетание, подобнаго которому не встрѣтить въ Палестинѣ. Узкая горная тропинка вела насъ выше по склонамъ Гаризима; по дорогѣ встрѣчались намъ небольшіе колючіе кустарники и лужайки горной травы съ ароматными пестрыми цвѣтами. Добравшись до главной нижней террасы, мы съ увлеченіемъ увидели тамъ палатку одного европейскаго туриста, поселившагося на горѣ для изслѣдованія ея многочисленныхъ руинъ. Мы нашли его копающимся въ кучахъ камней, окружающихъ первую террасу древняго храма, но не старались познакомиться съ ними...

Развалины Самарянскаго храма, построеннаго Санаваллатомъ за 335 лѣтъ до Р. Х., занимаютъ почти всю площадь вершины Гаризима, сработанной строителями храма и спущенной къ сѣверу въ видѣ террасъ. Хотя эти послѣднія сильно пострадали отъ времени и руки человѣка, тѣмъ не менѣе, сохранили еще поддерживавшія ихъ стѣны, возвышавшіяся постепенными рядами. На самой верхней террасѣ высятся развалины массивной ограды и башенъ храма, сложенныхъ изъ большихъ грудъ обтесанныхъ камней. Ограда, вооруженная башнями, составляетъ четырехугольникъ, внутри котораго помѣщалось самое святилище храма, представлявшее восьмиугольное зданіе съ тремя глубокими нишами и четырьмя алтарями, имѣвшими видъ небольшихъ камеръ овальной формы, выстроенныхъ въ концѣ стѣны и сообщавшихся узкими ходами съ внутренностью святилища. Отъ всего прежняго великолѣпія храма, разрушеннаго Гирканомъ, осталось такъ немного, что лишь съ трудомъ можно воспроизвести планъ древняго святилища, его алтарей, двора и помѣщеній наружной стѣны, представлявшихъ службы Гаризимскаго храма. Словно на зло самарянамъ, проявляющимъ величайшее уваженіе къ остаткамъ этого послѣдняго, мусульмане устроили свое кладбище въ самой оградѣ храма и тѣмъ осквернили чистоту священной горы. При нашемъ посѣщеніи Самарянскаго святилища мы были свидѣтелями весьма трогательной сцены: два самарянина послѣ долгой молитвы на развалинахъ ихъ древняго храма спустились въ огромную цистерну, лежащую около этого послѣдняго и представлявшую своего рода купель очищенія, и пытались вытащить изъ нея разлагающійся трупъ осла, который, по всей вѣроятности, нарочно забросили туда мусульмане. Какъ неравна борьба этой небольшой, вымирающей кучки древняго народа, не имѣющаго другой поддержки, кромѣ религіознаго чувства, объединяющаго ихъ немногочисленную семью противъ массы фанатичныхъ мусульманъ Наплуса, готовыхъ всегда растерзать ненавистныхъ



Колоннада въ Самаріи.

имъ самарянъ!—невольно подумалось мнѣ. Какъ любопытный археологическій остатокъ, нужно возможно дольше сохранить въ Палестинѣ быстро рѣдѣющую кучку самарянъ... Хотя современные самаряне не признають описанныхъ развалинъ за остатки своего храма, указывая слѣды своего храма въ сторонѣ отъ Абу Ранема, какъ называютъ они описанныя нами развалины, тѣмъ не менѣе въ глубинѣ души своей они не могутъ не признавать за свое родное грандіознѣйшихъ развалинъ Гаризима. Собираясь въ извѣстные дни на вершинѣ священной горы, убывающая съ каждымъ годомъ колонія самарянъ съ грустью смотритъ на великолѣпныя руины Абу Ранема, оскверненныя кладбищемъ мусульманъ, чувствуя свое полное безсиліе въ борьбѣ съ оскорбителями своей святыни. Быть можетъ, въ головѣ нѣкоторыхъ убѣжденныхъ сѣдинами старцевъ и проносится печальная перспектива, когда на вершину Гаризима придетъ послѣдній самарянинъ...

Бѣгло осмотрѣвъ храмъ Санаваллата, мы поднялись до верхней террасы, на которой Османъ указалъ рядъ камней, образовывавшихъ нѣкогда жертвенникъ Иисуса Навина, воздвигнутый по повелѣнію Божію на горѣ Гаризимѣ изъ 12 камней по числу колѣнъ Израилевыхъ. Хотя для обыкновеннаго туриста рядъ камней, положенныхъ одинъ на другой, и кажется останками какой-то древней постройки, не имѣющей никакого отношенія къ жертвеннику, тѣмъ не менѣе въ Палестинѣ надо придавать особенное значеніе легендамъ, приуроченнымъ къ тѣмъ или другимъ библейскимъ мѣстамъ и пережившимъ въ памяти народной уже многіе вѣка.



Въездъ въ Севастію.

Спустившись съ горы Гаризимъ, мы, несмотря на сильное утомленіе и близость вечера, сѣли на осли-

ковъ и попережнему вдвоемъ съ Османомъ отправились по подножію Гевала, «Горы проклятія», для того, чтобы хотя мелькомъ осмотрѣть многочисленныя пещеры его обширнаго некрополя. Многія изъ этихъ послѣднихъ уже уничтожены, благодаря ломкамъ камней, производимымъ съ давнихъ поръ на склонахъ Гевала. Мы посѣтили болѣе десятка усыпальницъ, но ничего не усмотрѣли въ нихъ интереснаго: совершенно опустошенныя и частью разрушенныя, съ вынутыми саркофагами, онѣ представляютъ по большей части четырехугольныя камеры съ двумя или болѣе нишами или гробничками по бокамъ.

Рано утромъ на слѣдующій день нашъ хорошо отдохнувшій караванъ выступилъ изъ Наплуса. Дорога пошла тѣмъ-же живописнымъ ущельемъ, представляющимъ сплошной садъ, тянущійся на нѣсколько верстъ вдоль по теченію небольшого потока, несущаго незначительную струю вешней воды. Нѣсколько другихъ потоковъ ключевой воды во многихъ мѣстахъ пересекаютъ эту прекрасную долину, орошая ея многочисленныя сады и наполняя ее по веснамъ вселымъ журчаніемъ катящейся воды. Черезъ два съ половиною часа по этой долинѣ мы достигли деревушки Севастіи, стоящей на мѣстѣ древней Самаріи.

Ничтожное поселеніе феллаховъ, ставшее на развалинахъ города Ваала и построенное изъ камней Самаріи, виситъ на небольшомъ кругломъ холмѣ, царящемъ надъ окружающею ее живописною долиною. Вершина холма, прежде застроенная великолѣпными зданіями, нынѣ частью



Деревня Севастія.

раскопана подъ виноградники, частью еще загромождена кучами обломковъ всевозможнаго рода, изъ которыхъ можно выстроить еще десятки современныхъ севастій... Какъ печальные *memento* прежняго величія Самаріи, высится еще обширная колоннада, повидимому, въ древности, опоясывавшая весь городъ по склонамъ круглаго холма; отдѣльныя колонны этого древняго сооруженія съ каждымъ годомъ подвергаются сильному разрушенію со стороны распахивающихъ землю феллаховъ, и вѣроятно скоро уже наступитъ время, когда обрушится послѣдняя изъ колоннъ. Другая, меньшая колоннада, оставшаяся отъ древняго театра, виднѣется на самой вершинѣ холма выше другихъ остатковъ древности, но и этимъ массивнымъ колоннамъ, до половины вросшимъ въ землю, рано или поздно грозитъ совершенное уничтоженіе.

При вѣздѣ въ Севастію насъ окружила цѣлая толпа арабовъ, довольно нахально требовавшихъ бакшиша. Г. С—ъ, ѣхавшій сзади каравана вмѣстѣ со своею женою едва не былъ святъ съ сѣдла нахалами. Когда-же г-жа С—а, желая оградить своего мужа отъ насѣвшихъ на него арабовъ, вынула висѣвшій у нея за поясомъ револьверъ, разгоряченные феллахи едва не нанесли ей оскорбленія. Во время мы замѣтили этотъ инцидентъ, напали на негодьяевъ и заставили ихъ отступить, затѣмъ немедленно командировали одного изъ проводниковъ къ каймакаму съ письмомъ отъ паши и только тогда, когда получили заптія, могли болѣе или менѣе спокойно оставаться въ Севастіи.

Помимо указанныхъ останковъ древности, здѣсь смотрѣть нечего. Однако, каждый паломникъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ посѣтить еще развалины храма Предтечи и небольшую мечеть, поставленную надъ погребальною пещерою Крестителя. Спустившись по лѣстницѣ, изсѣченной въ скалѣ, въ гротъ Предтечи, мы нашли тамъ новую толпу арабовъ, требовавшихъ съ насъ бакшиша. Присутствіе заптія смутило нахаловъ, и они поспѣшили ретироваться. Самая усыпальница Предтечи состоитъ изъ трехъ пещеръ, изъ которыхъ двѣ заняты были по преданію костями пророковъ Авдія и Елисея. Отъ Севастіи дорога снова пошла на



кою каменистою дѣбрю, мѣстами почти лишенною растительности, мѣстами же представлявшюю небольшія поля и рощи маслинъ. По сторонамъ дороги, на склонахъ возвышеній, виднѣлись небольшія поселенія,

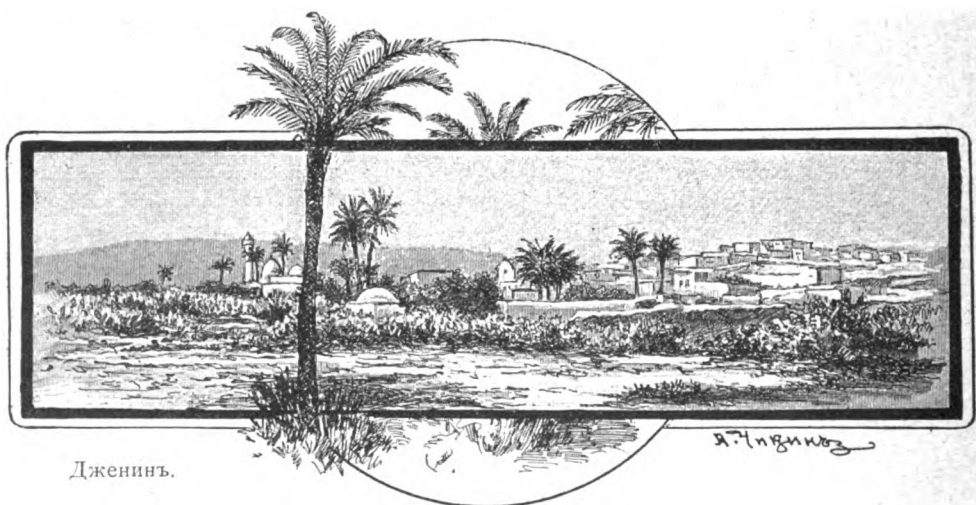
по словамъ Османа не пользующіяся хорошою репутаціею. Въ этой мѣстности не рѣдко встрѣчаются и кочевые арабы, которые никогда не прочь пограбить одиноко пробирающагося туриста. Послѣ двухъ-часового утомительнаго перехода по горамъ мы расположились отдыхать въ небольшой рощѣ маслинъ, на берегу весело журчавшаго ручейка. Тутъ мы быстро устроили обѣдъ, причѣмъ всѣ члены каравана усердно помогали нашей единственной дамѣ, принявшей на себя роль хозяйки: пока одни разводили костеръ, другіе приготовляли съѣстные припасы, а нашъ милѣйшій спутникъ Г. Е—въ, взявшійся перемывать посуду въ ручейкѣ, по своей неловкости потерялъ равновѣсіе и упалъ головою въ воду. Это комическое приключеніе заставило много посмѣяться нашу и безъ того нескучную компанію...

Послѣ отдыха мы пошли гораздо скорѣе. Хотя дорога была и не особенно живописна, но все-таки мѣстами встрѣчались прекрасные уголки. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на насъ Саннуръ, небольшая крѣпостца, стоящая на одинокой скалѣ надъ окружающею низиною и служащая резиденціею одного изъ независимыхъ шейховъ, цѣлыя сотни которыхъ встрѣчаются на протяженіи всей имперіи Османовъ. Высокія зубчатая стѣны этой крѣпостцы, ея круглыя башни и господствующее положеніе относительно окрестной страны какъ бы подтверждаютъ догадку нѣкоторыхъ палестинцевъ, считающихъ ее за Бетулію, мѣсто родины и подвиговъ знаменитой Юдифи.

Пройдя Саннуръ, мы очутились въ довольно обширной для Палестины низинѣ, покрытой полями и лугами. Рядомъ съ пашущими феллахами мы видѣли тутъ и черные шатры номадовъ, блуждающихъ въ сосѣднихъ горахъ. Мы перешли еще нѣсколько возвышеній. Съ вершины одного подъема какъ-то внезапно показалась налѣво блестящая и синѣющая полоса Средиземнаго моря, но она и скрылась также внезапно, едва мы пошли на спускъ... Скоро съ небольшого подъема нашъ Османъ указалъ впереди долину Эзраелона и цѣпь холмовъ, за которыми прячется тихій Наза-

реть. Не особенно крутой, но довольно каменистый спускъ провель насъ отсюда въ горную тѣснину, богатую живописными видами и представляющую при выходѣ въ долину довольно богатую растительность, украшающую дикія скалы ущелья. Такъ какъ мы путешествовали безъ запѣсвѣ, а это ущелье пользовалось дурною славою вслѣдствіе частыхъ грабежей и разбоевъ, то всѣ мы приготовили свое оружіе. Я съ Османомъ, съ револьверами наготовѣ, пошли впереди, а графъ Г—ъ и г. П—въ замыкали нашъ караванъ. Горную тѣснину мы прошли благополучно и изъ нея спустились въ зеленѣющую долину Дженина. Первая большая деревушка, встрѣченная нами на пути, поддержала плохую репутацію ущелья, оставшагося позади: при нашемъ проѣздѣ въ насъ полетѣли камни, на которые мои спутники хотѣли отвѣчать выстрѣлами, отъ чего я еле могъ удержать ихъ.

Такъ какъ ущелье Дженина служить выходомъ изъ горъ Самаріи въ долину Эзраелона, то горы стали быстро понижаться, а вмѣсто нихъ поднялись невысокіе, усѣянные всевозможными травами и цвѣтами холмы, постепенно сходящіе на пѣтъ. Мы шли теперь уже не каменистою тропю, а узенькою тропинкою, между высокими травами и хлѣбами, поднимавшимися выше роста нашихъ осликовъ, которые совершенно тонули въ морѣ зелени, окружавшемъ насъ. Такъ какъ солнце уже закатилось и тихая палестинская ночь спустилась надъ ущельемъ Дженина, то даже ближайшія окрестности скрылись изъ нашихъ глазъ. Османъ видѣлъ вдали огоньки Дженина, но мы не замѣчали ничего, кромѣ безчисленныхъ роевъ свѣтляковъ, носившихся въ зелени и вылетавшихъ блестящими искрами изъ-подъ самыхъ ногъ нашихъ ословъ. Тихо дремавшія на ходу, подъ мелодичное пѣніе цикадъ и оглушительный концертъ лягушекъ, наши усталыя животныя еле передвигали ноги, и, казалось, готовы были упасть послѣ длиннаго и утомительнаго перехода.



Дженинъ.

Глава XXXI.

Дженинъ.—Разлука со своими товарищами по путешествію.— Долина Эзраелона.—Дзеринъ.—На развалинахъ города Ахава.—Фаворъ.—У береговъ Тиверіадскаго озера.—Развалины Капернаума.—Отъ Кайфы до Назарета.



БЫЛО уже совершенно темно, когда мы, пройдя обширную масляную рошу, служащую обыкновеннымъ приютомъ нашихъ паломниковъ на пути въ Назаретъ, вошли въ Дженинъ, значительное поселеніе, тонущее въ виноградникахъ и садахъ, осыненныхъ многочисленными пальмами, которыя составляютъ лучшую красоту селенія. Ароматы жасмина и розъ неслись къ намъ навстрѣчу изъ садовъ Дженина. Веселое журчаніе ручейка и звонкія пѣсни бульбуля издалека привѣтствовали насъ. Но за то при самомъ входѣ въ селеніе наше обоняніе было поражено острымъ запахомъ разлагающейся гнили, а стаи бѣшеныхъ собакъ совершенно оглушили насъ.

Оставивъ свой караванъ при входѣ въ Дженинъ, я съ графомъ и Османомъ отправились отыскивать каймакама. Такъ какъ была пятница, и добрые мусульмане кейфовали, а быть можетъ и вкушали ракичку, то въ конакъ каймакама насъ встрѣтили не особенно любезно. Османъ, шедшій впереди, былъ остановленъ солдатами, которые ударили его кулакомъ въ грудь и чуть не свалили съ ногъ и, только увидя европейцевъ, слѣдовавшихъ за кавасомъ, нѣсколько смирились и вступили въ переговоры. Когда же они узнали, что прибыли «знатные» москвы съ письмомъ къ каймакаму отъ вали, то обращеніе всѣхъ окружающихъ перемѣнилось самымъ волшебнымъ образомъ. Вскорѣ самъ каймакамъ вышелъ къ намъ на встрѣчу и просилъ зайти къ нему въ конакъ. Нѣсколько минутъ мы по-



Въездъ въ Дженинъ.

сидѣли у него, выпили по чашечкѣ кофе, а затѣмъ въ сопровожденіи офицера и нѣсколькихъ солдатъ, которые несли фонари, пошли къ своему каравану, на который уже настѣла и полиція и толпа.

Торжественно вошли мы въ середину города, гдѣ каймакамъ приказалъ приготовить намъ помѣщеніе въ самомъ своемъ диванѣ, или въ присутственныхъ мѣстахъ. Намъ отвели двѣ большія комнаты, уставленныя софами; офицеръ съ командою остались въ нашемъ распоряженіи. Миѣ никогда не забыть, какъ почтенный турецкій вояка,

украшенный двумя орденами, прежде всего поднесъ каждому изъ насъ по букету розъ, сорванныхъ въ саду дивана, а затѣмъ хлопоталъ у костра, на которомъ стояли наши чайники и готовился скромный ужинъ, заказанный Османомъ. Когда чай былъ готовъ, почтенный офицеръ снялъ свои туфли и въ однихъ чулкахъ самъ внесъ большой подносъ съ чашками чаю и во все время нашего ужина служилъ такъ добросовѣстно, что вполнѣ заслужилъ тотъ бакшишъ, который получилъ при нашемъ отправленіи. Вечеръ и ночь мы провели еще лучше, чѣмъ въ Наплусѣ, весело и шумно празднуя свое прибытіе въ Галилею и не ожидая, что на завтра насъ ждетъ непредвидѣнная разлука.

На утро съ г. С—ъ случился припадокъ лихорадки, который пригвоздилъ его къ постели. Такъ какъ большинство моихъ спутниковъ очень торопилось съ экскурсіей по Галилеѣ, чтобы успѣть во-время застать австрійскій пароходъ въ Кайфѣ, то они поѣхали далѣе, а я съ г. С. и его женою остались въ Дженинѣ. Хотя мы и общались свидѣться со своими спутниками въ Назретѣ или въ Тиверіадѣ, но не особенно рассчитывали на это, а потому прощались уже такъ, какъ-бы разставались навсегда... Я видалъ, что у одного изъ отъѣзжающихъ навернулись даже слезы при прощаніи: такъ совмѣстное путешествіе даже въ нѣсколько дней сближаетъ между собою случайно столкнувшихся людей.

Признаюсь, далеко не весело было и намъ оставаться съ больнымъ въ незнакомомъ Дженинѣ, въ гостяхъ у каймакама, безъ вѣрнаго Османа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ знающаго проводника.

Весь день мы провозились съ нашимъ больнымъ, боясь, что намъ придется просидѣть еще нѣсколько дней въ Дженинѣ при тѣхъ неважныхъ условіяхъ, въ какія мы были поставлены этою невольною остановкою. Такъ какъ мы заняли диванъ каймакама и въ нашихъ комнатахъ находились не

только казна, запертая въ массивномъ желѣзномъ сундукѣ, но и всѣ дѣла, помѣщавшіяся въ видѣ свертковъ въ полотняныхъ мѣшкахъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ дивана, то административная машина Дженина въ этотъ день, можно сказать, совершенно бездѣйствовала. Мы видѣли, что по утру немало народу приходило по дѣламъ къ каймакаму, но, заставъ на мѣстѣ его странно одѣтаго европейца и еще болѣе странную бѣлокурую женщину, въ шелковой черкескѣ, съ кинжаломъ и револьверомъ за поясомъ, смущенные обитатели Дженина останавливались на дворѣ дивана, но долго не хотѣли уходить. Несмотря на увѣщаніе солдатъ, толпа любопытныхъ все болѣе и болѣе росла и, наконецъ, начала врваться въ самое наше помѣщеніе. Къ нашему счастью, пришелъ самъ каймакамъ справиться о здоровьи больного и своимъ появленіемъ разогналъ толпу. вмѣстѣ съ нами на дворѣ дивана въ особыхъ кѣтушкахъ помѣщались и многочисленные арестанты, выглядывавшіе изъ-за рѣшетокъ и безпрестанно просившіе у насъ бакшиша.

Подъ вечеръ больному стало гораздо лучше, такъ что и я могъ немного отлучиться отъ него и поблуждать по окрестностямъ Дженина. Болѣе часу погулялъ я по тѣнистымъ садамъ, идущимъ по теченію веселаго ручейка, а затѣмъ немного полазалъ по скаламъ, осматривая небольшія пещерки, изсѣченныя въ нихъ. Малочисленность этихъ послѣднихъ уже сама по себѣ указывала на то, что въ древности на мѣстѣ Дженина вовсе не находилось значительнаго города, всегда оставлявшаго послѣ себя болѣе или менѣе обширный некрополь. Существуетъ, однако, мнѣніе, что нынѣшній Дженинъ былъ родиною Юдифи и мѣстомъ пораженія рати Олоферна...

Вернувшись изъ своей прогулки, я засталъ уже больного немного приподнявшимся съ постели. Остатокъ дня мы провели поэтому довольно весело, несмотря на присутствіе массы турецкихъ солдатъ, сдѣлавшихся снова довольно нахальными и лѣзшими прямо въ наше помѣщеніе, едва только сторожившій насъ офицеръ ушелъ домой. Видъ красивой европейской женщины, повидимому, опянялъ нѣкоторыхъ негодяевъ, и мой арабъ проводникъ совѣтовалъ быть осторожнѣе во время ночи, такъ какъ, по его наблюденіямъ, одинъ заптія, любимецъ каймакама, извѣстный своимъ нахальствомъ, способенъ произвести насиліе. Не сообщая объ этомъ открытіи своимъ спутникамъ, я принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности и такъ какъ наше помѣщеніе не имѣло внутренняго запора, заставилъ его софю, на которой и легъ, положивъ подъ голову свои револьверы...

Однако, ночь прошла вполне благополучно, и на другой день еще на зарѣ мы покидали Дженинъ, радуясь тому, что намъ удалось выбраться изъ этого дикаго мѣстечка тѣмъ болѣе, что по слухамъ каймакамъ его въ тотъ же день уѣзжалъ въ Иерусалимъ. Отъ Дженина мы скоро вѣхали въ обширную долину Эзраелона, представлявшую настоящее зеленое море, обставленное на всѣхъ горизонтахъ синѣющими въ дали горами. Плодородіе этой долины, богатой черноземомъ, дѣлало ее издревле не только мѣстомъ обитанія многочисленныхъ жителей, но и театромъ безпрестанныхъ военныхъ дѣйствій. Многія урочища Эзраелона памятны по воспоминаніямъ тѣхъ или другихъ кровавыхъ событій. Кромѣ мирныхъ феллаховъ, обра-

ботывающихъ плодородную землю Мерджъ-ибнъ-Амира, какъ арабы зовутъ Эзраелонъ, по ней блуждаютъ довольно многочисленныя шайки бедуиновъ, разводящихъ здѣсь на тучныхъ пастбищахъ огромныя стада. Благодаря этимъномадамъ, проѣздъ по Эзраелонской долинѣ не всегда безопасенъ, и еще не задолго до насъ недалеко отъ Дженина былъ ограбленъ цѣлый караванъ.

Первое время по выходѣ со своей стоянки мы шли недалеко отъ подножія базальтоваго хребта, выдающагося мысомъ въ долину Эзраелона. Этотъ рядъ возвышеній въ древности назывался Гильбоа и былъ преданъ проклятію со стороны Давида; дѣйствительно, обнаженныя и лишенныя растительности скалы, словно нося на себѣ печать проклятія, представляютъ рѣзкій контрастъ съ яркою зеленью полей и луговъ долины и рощами смоковницъ и маслинъ, поднимающихся невысоко по скатамъ Гильбоа.

Черезъ два съ половиною часа ѣзды мы достигли Дзерина, стоящаго на мѣстѣ древняго Эзраеля, столицы нечестивыхъ Ахава и Іезавели, занимавшей самую сѣверную оконечность Гильбоа. Немного осталось нынѣ на мѣстѣ столицы, запятнанной столькими злодѣяніями. Волчцами и терніями въ буквальномъ смыслѣ заросло все мѣсто Эзраеля;—только немногіе камни болѣе или менѣе значительной величины показываютъ мѣсто города Ахава, которое занимаютъ нынѣ убогія хижины современнаго Дзерина. Всѣ остальные остатки, въ видѣ кучъ мусора, полузасыпанныхъ цистернъ и обточенныхъ камней, прячутся въ заросляхъ кактуса и тернія, служащихъ пріютомъ кое-какой дичи, да многочисленныхъ шакаловъ, наполняющихъ по ночамъ своимъ плачемъ каменистыя дебри Гильбоа.

За Эзраелемъ мы должны были совершить небольшой подъемъ для того, чтобы перевалить черезъ нижнія террасы малаго Ермона. Тропинка

наша пошла по горнымъ кручамъ, по которымъ мѣстами намъ приходилось слѣзать съ осликовъ, оступавшихся на каждомъ шагѣ. Спускъ съ гор-



Дзеринъ и Гильбоа.

ной кручи привелъ насъ снова въ долину Эзраелона, на которой впереди, какъ зеленый куполь, высился евангельскій Өаворъ. Туда, чрезъ море зелени, мы и направили нашихъ осликовъ, не обращая никакого вниманія на слова проводника, убѣждавшаго взять болѣе восточное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе окружное направленіе. Но такъ какъ вся долина Эзраелона испещрена массою тропинокъ, то намъ нечего было бояться бездорожія, и мы смѣло углубились въ травянистую низину, заросли которой нерѣдко совершенно покрывали нашихъ животныхъ и даже насъ самихъ. Мы оставили въ сторонѣ деревушки Наинъ и Эндоръ, извѣстныя, первая—по воскрешенію Исусомъ дочери наинской вдовы, а вторая—по колдовству, совершенному знаменитою волшебницею, вызывавшею тѣнь Самуила. Въ то время, какъ въ Наинѣ латиняне устроили свой монастырь, мрачные гроты Эндора до сихъ поръ даже не изучены археологами, хотя, быть можетъ, въ нихъ можно найти слѣды знаменитаго оракула еврейской древности.

Болѣе трехъ часовъ мы пробирались черезъ море зелени, разстилавшееся до самого подножія Өавора. Священная гора словно убѣгала отъ насъ, тогда какъ мы стремились къ ней со всею прытью нашего ослинаго бѣга. На пути мы раза два попадали въ трясины, изъ которой выбирались съ нѣкоторымъ трудомъ, а наша спутница совершенно вылетѣла изъ сѣдла при паденіи ея ослика, запутавшагося ногами въ травѣ. Масса дичи взлетала передъ нашими глазами, но мы, при всемъ соблазнѣ, не рѣшались выстрѣлами своей берданки оглашать мирную тишину Эзраелона. Наконецъ, мы были у подножія Өавора, и отъ убогой деревушки Табуріэ, пріютившейся на ея первыхъ возвышенностяхъ, начали утомительный подъемъ. Узкая дорожка, мѣстами носящая слѣды древняго обработаннаго пути, мѣстами вырубленная въ цѣлой скалѣ, вьется зигзагами среди густого лѣса, который покрываетъ склоны Өавора. Заросли колючаго дуба, тамариска, дикаго рожечника и другихъ по преимуществу колючихъ кустарниковъ образуютъ мѣстами настоящую чащу; массы птицъ гнѣздятся въ этой заросли, оглашая по веснамъ склоны Өавора тысячами своихъ голосовъ. Небольшія открытыя площадки поросли прекрасною горною травою, на которой пасутся дикіе зайцы и газели; въ глубинѣ чащи, говорятъ, живетъ много кабановъ, шакаловъ и лисицъ, но ружье охотника никогда не оглашаетъ своими выстрѣлами мертвой тишины Өаворскаго лѣса.

Чтобы облегчить своихъ осликовъ, мы сошли съ нихъ и поднимались пѣшкомъ, постоянно любясь великолѣпною панорамой, разстилающеюся съ зеленаго купола Галилеи. Горы Самаріи, холмы, скрывающіе Назаретъ, массивъ большого Ермона, увѣнчаннаго снѣгами, цѣпи Заіорданскихъ горъ и вся долина Эзраелона съ частью Тиверіадскаго озера образовывали чудную картину. Внизу, по дорогѣ къ Тиверіадѣ, мы замѣтили и своихъ спутниковъ, недавно спустившихся съ Өавора и направлявшихся къ морю Галилеи. Это открытіе очень обрадовало насъ, потому что мы надѣялись тѣмъ же вечеромъ нагнать свой караванъ въ Тиверіадѣ.

Черезъ часъ, хотя немного и утомительнаго, но въ высшей степени пріятнаго восхожденія черезъ зеленыя чащи лѣсовъ, мы добрались до вершины Өавора, которая представляетъ небольшую вдавленную площадку,



Гора Озворъ.

возвышающукся не болѣе полутора саженъ надъ долиною Эзраелона и не свыше трехсотъ саженъ надъ поверхностью Средиземнаго моря. Вершина Озора, въ древности представлявшая сильную крѣпость, была обнесена довольно высокою стѣною. Но отъ послѣдней въ настоящее время остались лишь однѣ развалины, еще болѣе придающія живописной прелести вершинѣ священной горы. Среди развалинъ этой крѣпости въ 53 г. по Р. Х. было истреблено до десяти тысячъ возставшихъ іудеевъ и тогда потоки крови лились на вершинѣ горы, освященной стопами еще недавно вознесшагося Христа.

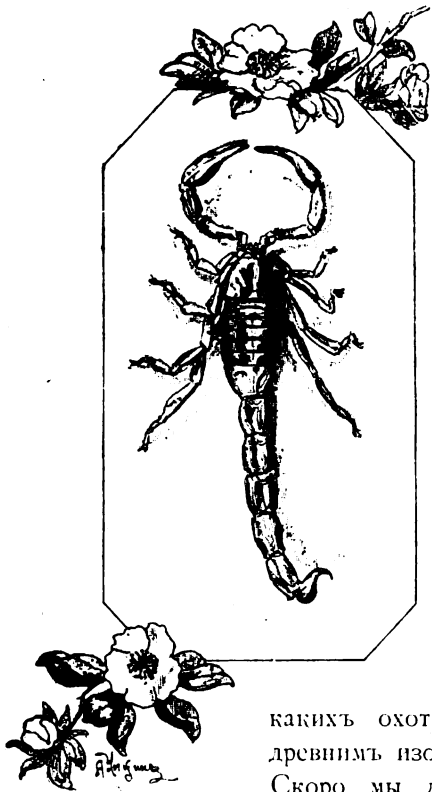
Не было еще и полудня, когда мы остановились у воротъ небольшого греческаго монастыря. Самъ игумень съ братією встрѣтилъ насъ очень любезно и, сообщивъ, что наши товарищи провели здѣсь ночь, пригласилъ насъ въ свой фандарикъ. Послѣ обычныхъ восточныхъ угощеній мы прошли въ церковь, алтарь которой, по преданію, воздвигнутъ на самомъ мѣстѣ Преображенія. Храмъ этотъ построенъ на развалинахъ прежней базилики, слѣды которой сохранились и до сихъ поръ. Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ греческаго монастыря расположенъ и латинскій монастырь, поставленный также на развалинахъ древней латинской церкви времени крестопосцевъ. Разумѣется, латинскіе монахи, отрицающая подлинность мѣста Преображенія въ греческомъ монастырѣ, показываютъ

его въ своей капеллѣ. Посѣтивши оба храма, мы, подъ руководствомъ одного изъ монаховъ, обошли достопримѣчательности Эавора, преимущественно его многочисленныя развалины, которыми наполнены не только вершина, но и склоны священной горы. Не говоря уже объ остаткахъ стѣнъ и башень, а также о слѣдахъ зданій древняго города, мы на каждомъ шагу встрѣчали многочисленныя хорошо обдѣланныя цистерны, хранящія и до сихъ поръ остатки дождевой воды, да еще, обломки колоннъ, фризовъ и утлыя пещеры, изсѣченныя рукою человѣка. Всѣ эти остатки древности не представляютъ однако особаго значенія, и ихъ легко можетъ пропустить не только паломникъ, но и туристъ.

Вернувшись въ келію игумена, мы были встрѣчены скромною трапезою и большимъ кипящимъ самоваромъ, недавнимъ пожертвованіемъ москвичей. Въ то время, когда мы кейфовали, передъ окошкомъ нашей келіи, на зеленой лужайкѣ десятка полтора арабскихъ юношей и дѣвушекъ, приходшихъ на поклоненіе преимущественно изъ Каны Галилейской, устроили оригинальный хороводъ. Подъ звуки флейты молоденькія арабки, украшенныя полевыми цвѣтами, кружились, взявшись за руки, тогда какъ молодые люди образовали вокругъ нихъ другое, вращавшееся въ противоположную сторону кольцо. Когда г-жа С—а вышла къ танцующей молодежи и вошла въ кругъ дѣвушекъ, онѣ забросали ее цвѣтами и съ радостными криками завертѣлись вмѣстѣ съ нею. Хотя зрѣлище было довольно умильное, но все-таки хороводъ на вершинѣ Эавора казался намъ какою-то аномаліею, не соотвѣтствовавшешо святости мѣста.

Хорошо отдохнувши въ келіи игумена, около 4 часовъ пополудни мы сѣли на осликовъ и начали спускаться съ Эавора. Толпа арабской молодежи провожала насъ, а двѣ хорошенькія арабки, какъ быстрыя газели, бѣжали впереди нашего каравана, срывая полевые цвѣты и засыпая ими не только нашу спутницу, но и двухъ мужчинъ, ѣхавшихъ за нею. На самомъ спускѣ мы предпочли опять часть дороги сдѣлать пѣшкомъ, что было весьма небезполезно, потому что мы слышали объ одномъ русскомъ паломникѣ, разбившемся на смерть при спускѣ съ Эавора... Если подъемъ





на гору совершался болѣе часу, то спустились мы, пожалуй, менѣе чѣмъ въ полчаса... Хотя мы и недолго пробыли на Өаворѣ, но намъ было какъ-то особенно жалко распротиться съ нимъ, и мы завидовали товарищамъ, которые провели тамъ почти цѣлыя сутки.

Спустившись съ Өавора, мы пошли опять по обширной равнинѣ Эзраелона, поросшей такимъ густымъ лѣсомъ, что внѣ дороги черезъ него трудно даже пробираться... Услышавъ знакомое хрюканье кабановъ, я бросился было съ берданкою въ рукахъ въ чащу лѣса, но скоро былъ остановленъ колючею зарослью и долженъ былъ вернуться, исколотый и исцарапанный шипами терновника, встрѣчающагося повсюду въ Палестинѣ. Проѣзжая лѣсомъ, мы слышали постоянное воркованье горлицъ и крики различной пернатой дичи, но уже и не думали ни о

какихъ охотничьихъ предпріятіяхъ. Дорога все время шла древнимъ изорваннымъ путемъ и потому была довольно удобна.

Скоро мы добрались до развалинъ хана Этъ-Туяръ, передъ которымъ лѣсъ началъ пропадать. Около этихъ развалинъ мы повстрѣчали цѣлый городъ бедуинскихъ шатровъ и, несмотря на это, все-таки не удержались отъ посѣщенія любопытныхъ остатковъ древняго хана. Мрачныя и огромныя развалины, заросшія терніемъ и волчцами, издали уже привлекали наше вниманіе, а вблизи еще болѣе поразили насъ своимъ оригинальнымъ видомъ и величиною. Въстѣ съ г-жею С. мы прошли было во внутренность этихъ развалинъ, но шипѣніе нѣсколькихъ змѣй потревоженныхъ нашимъ приходомъ, остановило мою спутницу. Я попытался пройти далѣе во дворъ хана, но одинъ изъ бедуиновъ остановилъ меня, предупреждая о какой-то опасности, скрытой въ глубинѣ развалинъ. Позднѣе я узналъ отъ Османа, что бедуинъ былъ правъ, потому что бывали случаи, когда неосторожные паломники проваливались въ отверстіе глубокихъ цистернъ и разбивались тамъ.

За развалинами хана дорога стала болѣе однообразною. Послѣ небольшого спуска, шедшаго отъ самаго подножія Өавора, начался небольшой подъемъ на сплошную возвышенность, по которой мы и поѣхали по направленію къ берегу скрывавшейся внизу Тиверіады. Налѣво, почти на самомъ нашемъ пути, возвышался небольшой круглый холмъ, въ которомъ мѣстное преданіе видитъ гору Блаженствъ. Мы остановились у подножія этого возвышенія и поднялись на него. Такъ какъ наша спутница чувствовала себя разбитою, то хотѣла немного прилечь на разостланной буркѣ, пока мы собирались закусить. Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ г-жа С. громко вскрикнула: оказалось, что скорпіонъ забрался на ея платье и дѣлъ по направленію къ обнаженному локтю руки. Палестина, какъ и вся Сирія, въ извѣстное время кишитъ скорпіонами, которыхъ можно найти подъ каждымъ камнемъ и даже въ обитаемыхъ домахъ, не

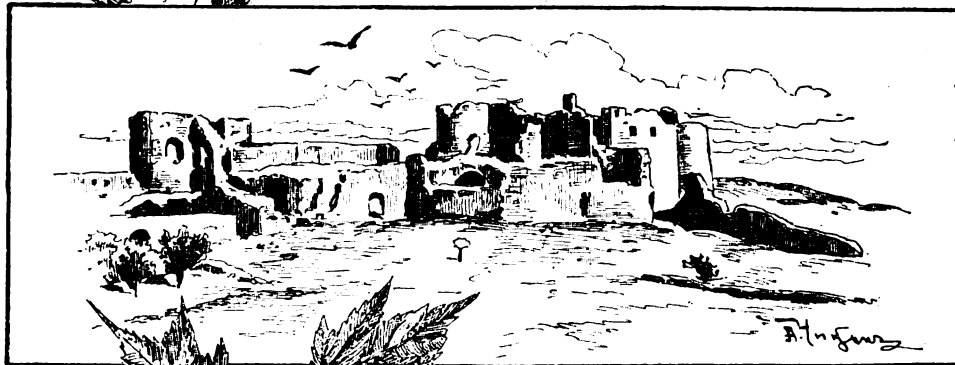


Тиверіада.

говоря уже о развалинахъ, всегда служашихъ любимымъ пріютомъ не только скорпіоновъ но и тарантуловъ, и змѣй. Поэтому появленіе скорпіона на платьѣ нашей спутницы не было особенною рѣдкостью. Разумѣется, кейфъ нашъ былъ нарушенъ, мы сѣли на осликовъ и поѣхали впередъ.

Дорога казалась безконечною. Впереди не было даже намека на спускъ къ Тиверіадѣ, а между тѣмъ солнце было уже близко къ закату. Это обстоятельство начало сильно беспокоить насъ, потому что многочисленность черныхъ бедуинскихъ шатровъ, виднѣвшихся повсюду на равнинѣ, и звѣрскія лица нѣкоторыхъ встрѣчавшихся на пути и всегда вооруженныхъ номаловъ не внушали увѣренности въ безопасности ночного перехода. Достаточно привыкнувъ уже къ бедуинамъ и зная ихъ трусость, заставляющую ихъ прибѣгать чаще къ тайнымъ ночнымъ нападеніямъ, чѣмъ открытымъ атакамъ, даже на слабѣйшія силы врага, я боялся, что насъ застанетъ ночь среди разбойничьихъ кочевьевъ, и тогда могущее быть нападеніе негодяевъ представляло бы нѣкоторую опасность, въ виду присутствія молодой и красивой дамы въ нашемъ небольшомъ караванѣ. Мы поѣхали нѣсколько камней, лежавшихъ въ сторонѣ отъ дороги и носившихъ на себѣ изображеніе креста; по мѣстному преданію, на этомъ мѣстѣ происходило чудесное насыщеніе пятью хлѣбами и двумя рыбами пяти тысячъ человѣкъ. Но, разумѣется, какъ это мѣсто, такъ и указываемая гора Блаженствъ, кромѣ преданія, не имѣютъ никакого основанія считаться за подлинныя урочища великихъ Евангельскихъ событій, совершившихся недалеко отъ Тиверіады.

Скоро стало совершенно темно, и мы, держа наготовѣ оружіе, съ осторожностью подвигались впередъ. Въ потемнѣвшей зелени опять заискрилась масса свѣтляковъ; цѣлые рои ихъ взлетѣли и заиграли въ воздухѣ; ароматы весеннихъ цвѣтовъ наполняли уже дышавшую влажными испареніями атмосферу. Мы внимательно прислушивались къ каждому шороху въ травѣ и не разъ невольнo вздрагивали, когда какая-нибудь проснувшаяся птичка или убѣгавшій шакалъ нарушали тишину ночи. Еще черезъ нѣсколько минутъ заросли зелени начали пропавать; копыта осликовъ стучали опять объ обнаженные камни, груды базальтовыхъ обломковъ и лавы стали затруднять наше движеніе, и мы были готовы уже остановиться, чтобы провести ночь среди каменной дебри, какъ внезапно подъ самыми нашими ногами заблистали огоньки Тиверіады. Темною гладью, слегка



Замокъ Тиверіады.

отсвѣчивающею подъ яркими лучами звѣздъ, появилось тихое море Галилеи. Мы начали спускъ съ плоской возвышенности, обрывающейся довольно круто къ берегамъ озера, по небольшой тропинкѣ, вившейся зигзагами среди базальтовыхъ и лавовыхъ глыбъ. Такъ какъ наша дама была совершенно разбита двумя тяжелыми переходами и не могла идти пѣшкомъ, то мы шли возлѣ ея ослика, сдерживая его подъ уздцы и поддерживая всадницу, еле сидѣвшую на сѣдлѣ. Несмотря на всѣ эти предосторожности, г-жа С—а не удержалась и упала съ ослика при первомъ же его неосторожномъ шагѣ такъ неожиданно, что мы еле могли удержать ее. При этомъ паденіи наша спутница все таки получила нѣсколько ссадинъ, тогда какъ безъ нашей помощи могла-бы разбиться окончательно. Спускъ къ Тиверіадѣ—одинъ изъ самыхъ неудобныхъ въ Палестинѣ; совершать же его темною ночью—значитъ много разъ рисковать своею головою... Около часа продолжался нашъ спускъ, и мы просто не вѣрили окончанію его, когда входили въ узкія и кривыя улицы Табаріэ, какъ называется нынѣ Тиверіада. Мы вошли въ нее черезъ проломъ разваливающейся стѣны времени крестоносцевъ и направились прямо въ пріютъ Палестинской комиссіи, нанимающей его для помѣщенія русскихъ паломниковъ. Около девяти часовъ вечера мы достигли этого пункта своей остановки, гдѣ въ самомъ дѣлѣ встрѣтили своихъ товарищей, ни въ какомъ случаѣ не ожидавшихъ такого скорого съ нами соединенія...

Долго мы проболтали въ дружеской бесѣдѣ, дѣлясь своими впечатлѣніями, а потомъ разошлись спать... Однако жара и духота были настолько сильны въ тѣсныхъ и низкихъ келейкахъ, что я, захвативъ свою бурку, вышелъ спать на террасу старыхъ построекъ, почти входящихъ своими основаниями въ тихое озеро Тиверіады. Долго я не могъ заснуть, любуясь прекрасною звѣздною ночью, гладкою поверхностью заснувшего озера, на которомъ еще плескались рыбки, и панорамю горъ, окружающихъ со всѣхъ сторонъ море Галилеи. Потомъ утомленіе взяло свое, и я крѣпко заснулъ, забывъ даже о скорпіонахъ, безъ сомнѣнія, въ значительномъ количествѣ бродившихъ по развалинамъ сводовъ, на которыхъ была разостлана моя бурка.

На другой день, на зарѣ, я разбудилъ своихъ товарищей, и мы всюю компанією пошли купаться въ водахъ озера, набѣгавшихъ на песчаный берегъ, поросшій густою зарослью цвѣтущихъ олеандровъ.. Мои спутники купаясь, забавлялись ловлею небольшихъ крабовъ, цѣлыми десятками бѣгавшихъ по берегамъ. Искупавшись, мы напились чаю и пошли на осмотръ Тиверіады. Немного осталось въ настоящее время отъ города, служившаго столицей Ирода Антипы и бывшаго послѣднею резиденціей Синедріона и тѣхъ знаменитыхъ синагогъ, которыя составили книгу еврейскихъ постановленій (Мишну). Развалины средневѣковой стѣны, въ нынѣшнемъ столѣтіи обрушенной землетрясеніемъ, ея многочисленные проломы и остатки башенъ такъ-же, какъ и развалины городскихъ построекъ, повсюду видныя въ Табаріэ, мало интересовали насъ, и мы, осмотрѣвъ только своды древней постройки, находящейся недалеко отъ пріюта, пошли по приглашенію латинскихъ монаховъ въ католическій храмъ, построенный по преданію на самомъ мѣстѣ чудесной ловитвы апостола Петра.

Затѣмъ вся наша компанія прошла въ знаменитый еще въ древности горячими водами Хаммамъ эль-Табаріэ. Извѣстные еще во времена Моисея источники теплой воды, вытекающіе изъ-подъ базальтоваго обрыва, окружающаго съ запада впадину Генисаретскаго озера, стекаютъ по берегу въ море. Но лишь воды одного изъ этихъ источниковъ утилизированы въ настоящее время и превращены въ грязный еврейскій курортъ, привлекающій многихъ больныхъ со всѣхъ уголковъ Сиріи. Самое зданіе минеральныхъ водъ представляетъ небольшую куполообразную постройку, сланную на аренду евреямъ и потому весьма неопрятно содержимую. Когда мы вошли въ самое зданіе, то въ большой круглой цистернѣ купалось до тридцати человекъ евреевъ, поднявшихъ страшный гвалтъ. Такъ какъ по бокамъ общей цистерны находилось нѣсколько небольшихъ одиночныхъ ваннъ, обдѣланныхъ также мраморомъ, какъ и ообщая купальня, то мы и взяли каждый по теплой ваннѣ къ великому смущенію евреекъ, ожидавшихъ въ самомъ помѣщеніи, когда окончатъ свое купаніе мужчины. Вода Тиверіадскихъ источниковъ довольно высока (до 50°) и въ первое время обжигаетъ тѣло купающихся; кромѣ того, удушливый запахъ сѣрводорода, вмѣстѣ съ горячими парами, наполняетъ небольшое помѣщеніе ваннъ. Поэтому немудрено, что мы тотчасъ-же, какъ только кончили свое купаніе, побѣжали на берегъ озера, чтобы освѣжиться и окунуться въ его прохладныхъ струяхъ...

Въ католическомъ монастырѣ, гдѣ мы встрѣтили еще двухъ интеллигентныхъ русскихъ паломниковъ, для насъ былъ приготовленъ обѣдъ, который мы приняли съ большимъ удовольствіемъ. Къ обѣду былъ приглашенъ и мѣстный врачъ д-ръ Поллакъ, выходецъ изъ западной Россіи, уже достигшій 70-лѣтняго возраста и жаждавшій прошенія и возможности вернуться на родину, гдѣ онъ хотѣлъ умереть. Почтенный коллега сообщилъ намъ много интереснаго какъ о Тиверіадѣ, такъ и о ближайшихъ ея окрестностяхъ. Но, къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь подѣлиться добытыми въ этой дружеской бесѣдѣ свѣдѣніями. Онъ же взялся быть нашимъ чичероне и въ экскурсіи по развалинамъ Капернаума, куда мы направились тотчасъ по окончаніи обѣда. Большая гребная лодка съ десятью



На Тиверіадскомъ озерѣ.

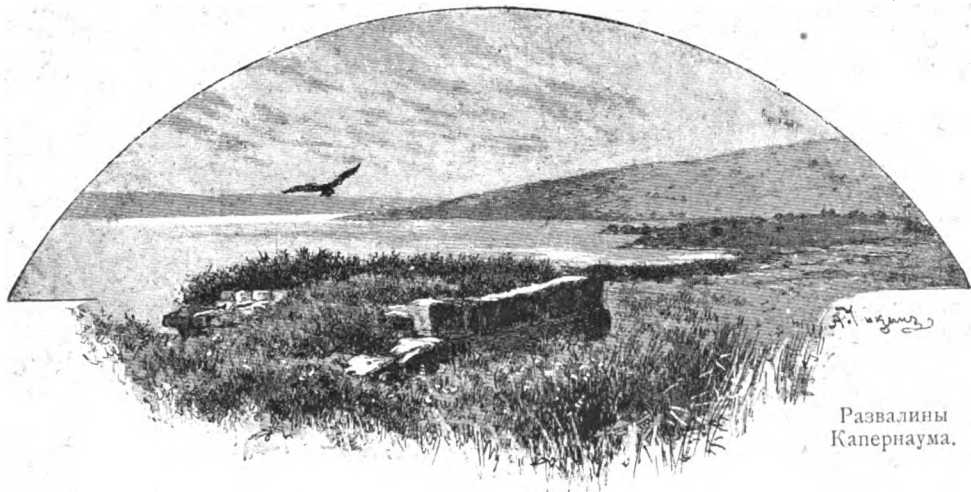
гребцами уже ожидала насъ, и мы всѣмъ обществомъ забрались въ нее, запасшись на всякій случай провизією, плодами и виномъ...

Не велико вовсе озеро Тиверіады илишь въ маловодной Палестинѣ оно такъ-же, какъ и Асфальтовое озеро, можетъ носить громкое названіе моря. Наибольшее протяженіе его немногимъ превышаетъ 20 верстъ, а самое широкое мѣсто не болѣе 12—13 верстъ. Вулканическая природа береговъ нынѣ тихой Тиверіады сказывается не только въ частыхъ землетрясеніяхъ, всегда причиняющихъ большія опустошенія въ прибрежныхъ селеніяхъ и самой Табаріэ, но и въ самомъ характерѣ геологическаго строенія западныхъ береговъ озера, состоящихъ изъ базальтовъ и лавъ. Обиліе горячихъ ключей на восточномъ и западномъ берегахъ озера также указываетъ на вулканической характеръ всей впадины Тиверіадскаго озера. Быть можетъ, поэтому, имѣеть основаніе и предположеніе, высказанное нѣкоторыми геологами на счетъ того, что и самый куполь Фавора можно разсматривать, какъ конусъ потухшаго вулкана.

Пріятная на вкусъ вода Галилейскаго моря, питаетъ многочисленныя стаи разнообразныхъ рыбъ, и потому до настоящаго времени могутъ повторяться случаи настоящаго чудеснаго лова. Не менѣе двѣнадцати породъ рыбъ живетъ въ водахъ Тиверіады; къ нимъ надо причислить еще многочисленныхъ крабовъ, неохотно, впрочемъ, употребляемыхъ въ пищу туземцами. Рыбная ловля составляетъ одно изъ самыхъ главныхъ подспорій существованія прибрежныхъ обитателей моря Галилеи, хотя по берегамъ озера прекрасно растутъ всевозможные хлѣба, овощи, великолѣпныя арбузы, табакъ, индиго, виноградъ и финиковыя пальмы, не считая еще олеандровъ и розъ... Отъ Тиверіады до развалинъ Тель-Хума, стоящихъ на мѣстѣ древняго Капернаума, по прямому пути не больше десяти верстъ... При хорошихъ гребцахъ и легкомъ вѣтрѣ, надувавшемъ наши паруса, мы прошли это разстояніе почти въ два съ половиною часа... На сѣверъ отъ Тиверіады нашъ проводникъ указалъ на небольшую деревеньку Меджедель, дрвнюю Магдалу, родину одной изъ мироносицъ *).

Уже издали острые глаза д-ра Поллака усмотрѣли черную гряду развалинъ Тель-Хума, лежащихъ на небольшомъ холмѣ недалеко отъ берега озера. Скоро и наши глаза начали различать останки гордаго Капернаума, возносившагося, по словамъ Христа, своею гордынею до небесъ. Сбылись

*) Здѣсь Православное Палестинское Общество выстроило нынѣ церковь.



Развалины
Капернаума.

пророческія слова Спасителя, и отъ гордаго Капернаума дѣйствительно не осталось камня на камнѣ, по чему можно было-бы судить объ его древнемъ величіи. Волцемъ и терніемъ поросло то самое мѣсто, гдѣ стоялъ городъ, вызвавшій осужденіе Христа. Съ большимъ трудомъ пробираясь чрезъ колючіе кустарники и травы, мѣстами образующіе такую густую заросль, что чрезъ нее невозможно продраться, мы обошли часть огромной площади, занимаемой развалинами Тель-Хума, оставивъ нашихъ дамъ почти на самомъ берегу, потому что онѣ не рѣшались продираться черезъ чащу. Въ густой заросли совершенно тонуть развалины, такъ что ихъ трудно даже поверхностно осмотрѣть. Лишь немногіе остатки высятся среди этой чащи, образуя по большей части черныя кучи базальтовыхъ камней, носящихъ слѣды обработки человѣческою рукою; отдѣльные обломки колоннъ, фризовъ, карнизовъ и пилястровъ разбросаны на огромномъ пространствѣ. Большинство этихъ остатковъ сосредоточено около двухъ еще болѣе или менѣе сохранившихся развалинъ, стоящихъ недалеко отъ берега. Первыя представляютъ видъ башни или храма; другія-же, рѣзко выдѣляющіяся своимъ бѣлымъ цвѣтомъ среди горныхъ развалинъ Тель-Хума, являются, по всей вѣроятности, остатками величественной синагоги, поражая какъ своею грандіозностью, такъ и великолѣпною отдѣлкою, отъ которой остались лишь одни слѣды. Массивность постройки, грандіозный фронтонъ, масса колоннъ, съ красивыми капителями и рѣзьбою, и множество другихъ остатковъ различныхъ украшеній свидѣлствуютъ о великолѣпнн этого зданія, достойнаго величія древняго Капернаума...

Недалеко отъ развалинъ Тель-Хума высились при нашемъ посѣщеніи десятки черныхъ шатровъ бедуиновъ. Д-ръ Поллакъ и сопровождавшіе насъ арабы были очень невысокаго мнѣнія объ этихъ номадахъ, способныхъ не только ограбить, но и убить заѣзжаго туриста, а потому посовѣтовали не оставаться долго на развалинахъ, а держаться ближе къ ладѣ. Пробывъ часа два на мѣстѣ древняго Капернаума, мы сѣли въ лодку и отплыли въ обратный путь.

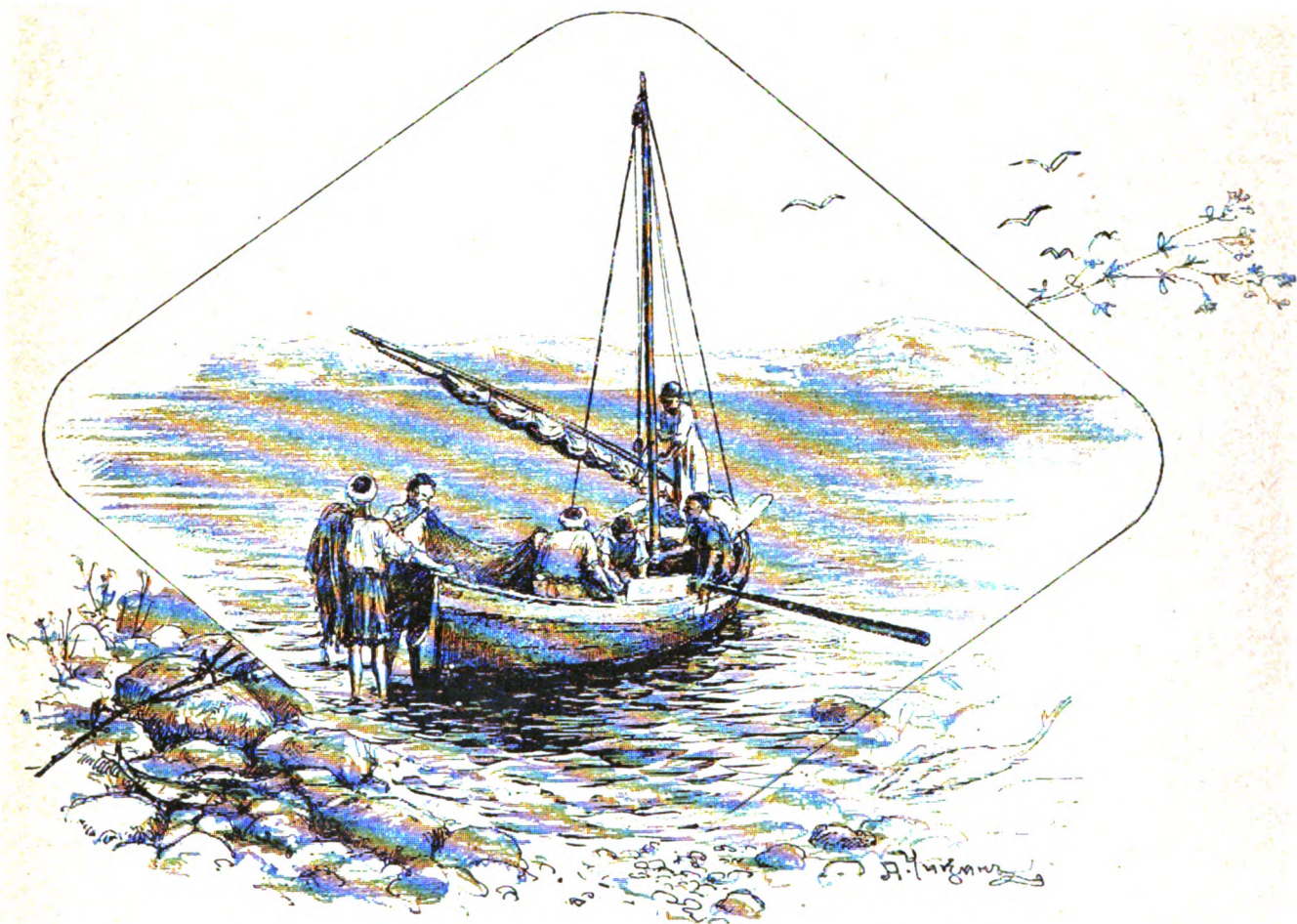
Начало уже смеркаться, и въ Тиверіадѣ загорѣлись огни, когда мы вернулись изъ своей прогулки по тихому морю Галилеи. Эта экскурсія оставила во всѣхъ насъ самое пріятное воспоминаніе; всѣ были какъ-то особенно настроены, и это тихое, благоговѣйное настроеніе сохранилось во весь второй вечеръ пребыванія въ Тиверіадѣ.

На другой день утромъ снова всѣмъ своимъ караваномъ мы выступили въ дальнѣйшій путь. Подъемъ нашъ на возвышенность, подъ которою лежитъ Табуріа, благодаря болѣе удачно выбранной тропѣ, былъ совершенъ гораздо легче, чѣмъ спускъ, и мы выѣхали на ту же сплошную возвышенность, которою ѣхали отъ Фавора. Снова мы прошли «мѣсто насыщенія пятью хлѣбами» и такъ называемую «гору Блаженствъ». Въ сторонѣ отъ нашего пути осталось мѣсто знаменитаго побоища подъ Хаттиномъ, которое рѣшило судьбу крестноснаго движенія и передало въ руки Саладина Палестину, а также мѣста подвиговъ французской арміи, поразившей въ 1799 г. турокъ въ битвахъ подъ Қаномъ и Назаретомъ. Дорога шла сперва по каменистому ложу, усыпанному массою камней, а затѣмъ среди полей и небольшихъ холмовъ, покрытыхъ кустарниками и пестрѣющею цвѣтами травою. Болѣе четырехъ часовъ мы шли, пока не достигли подножія довольно значительнаго зеленѣющаго холма, на склонѣ котораго расположена убогая деревушка Кефръ Қана, стоящая на мѣстѣ Евангельской Қаны Галилейской...

Съ большимъ трудомъ наши усталые ослики взобрались по узкой тропинкѣ, вившейся среди камней и заросли колючихъ кустарниковъ, на вершину Қанскаго холма. Передъ самою деревнею насъ встрѣтила толпа молодежи, среди которой мы узнали и своихъ знакомыхъ, съ которыми встрѣтились еще на Фаворѣ. Небольшой бакшишъ, брошенный въ эту веселую толпу, вызвалъ взрывъ такой шумной радости, что мы показались настоящими триумфаторами, ѣхавшими среди ликующей толпы. Въ настоящее время въ Қанѣ смотрѣть нечего; правда, въ ней показываютъ кое-какія развалины, гроты, цистерны и другія древности, но всего этого довольно разбросано по всей Сиріи и Палестинѣ. Мы прошли прямо въ бѣдную греческую церковь, гдѣ священникъ показалъ намъ двѣ огромныхъ каменныхъ чаши, изсѣченныхъ изъ монолита и употребляемыхъ нынѣ въ качествѣ купелей для крещенія. Эти чаши, по его словамъ, служили водоносами, въ которыхъ было совершено первое Евангельское чудо. Нечего и говорить, насколько произвольно такое толкованіе, противорѣчащее даже здравому смыслу. Немудрено поэтому, что и въ католической церкви, стоящей недалеко отъ греческой, показываютъ другую пару Евангельскихъ сосудовъ. Мы посѣтили еще въ Қанѣ небольшую патріаршую школу, отдохнули съ четверть часа въ убогой кельѣ священника и отправились въ дальнѣйшій путь...

Отъ Қаны до Назарета около полутора часовъ хода... Послѣ труднаго, хотя и небольшого, подъема по усыпанной острыми камнями тропѣ, мы поднялись на возвышеніе, съ котораго разстился обширный видъ на долину Эзраелона и на цѣлое море холмовъ. Затѣмъ дорога пошла уже болѣе обработанною и населенною мѣстностью и скоро привела насъ къ новому небольшому возвышенію, съ котораго мы увидѣли въ первый разъ

бѣлые домики Назарета. Расположенный на южномъ склонѣ невысокаго мѣловаго массива и окруженный яркою зеленью садовъ, этотъ небольшой но чистенькій городокъ производитъ издали самое пріятное впечатлѣніе. Мы не знаемъ ни одного путника, который-бы не ощутилъ въ сердцѣ своемъ особеннаго чувства удовлетворенія, когда, послѣ трудныхъ переходовъ по Самаріи и Галилеѣ, онъ достигаетъ вершины холма, съ котораго разстилается видъ на близкій сердцу каждаго бѣлый Назаретъ.



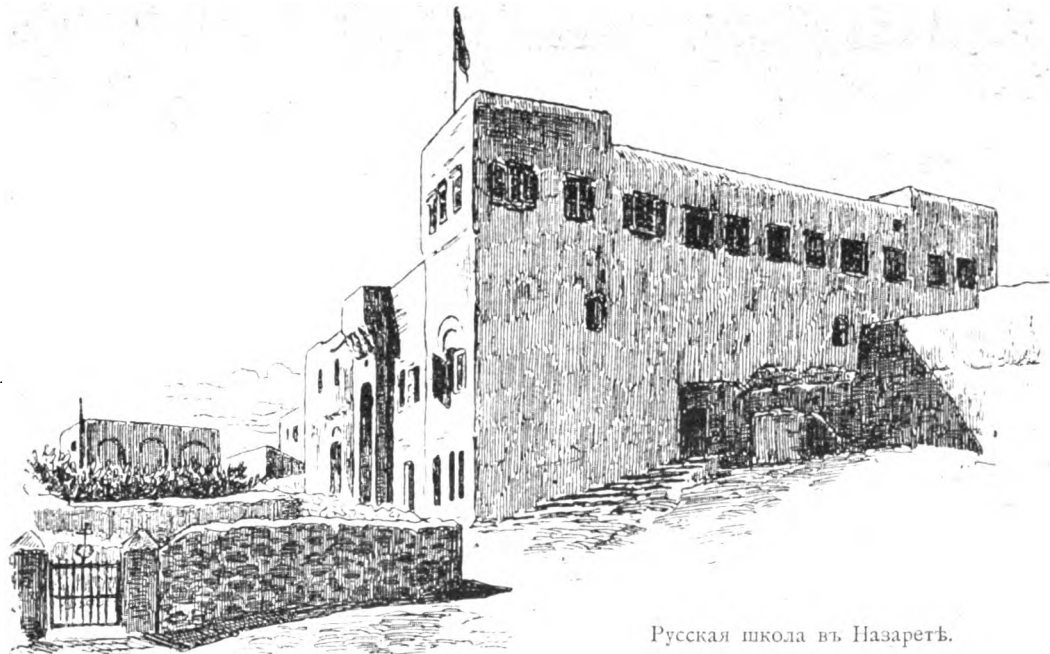
Глава XXXII.

Назаретъ. — Достопримѣчательности Назарета. — Мѣсто Благовѣщенія. — По дорогѣ въ Кайфу. — Кайфа.



ОСЛѢ небольшого спуска, мы скоро вошли въ обширныя оливковыя рощи, виноградники и сады Назарета, слѣдуя по которымъ, мы незамѣтно въѣхали въ самый городъ, оставивъ направо небольшой греческій храмъ во имя Архангела Гавріила. Уже при самомъ въѣздѣ въ Назаретъ насъ поразили особенный типъ его обитателей, отличающихся отъ другихъ туземцевъ не только оригинальными костюмами, но и болѣе правильными и красивыми чертами лица. Будучи въ огромномъ большинствѣ христіанами и находясь подъ особымъ покрови-

тельствомъ европейскихъ консуловъ, далѣе, получивъ воспитаніе въ многочисленныхъ школахъ и учрежденіяхъ всякаго рода, обитатели Назарета во всѣхъ отношеніяхъ выгодно отличаются отъ жителей другихъ Палестинскихъ городовъ, не исключая даже Іерусалима и Внелеема... Смышленность и способность юношей, такъ-же, какъ красота дѣвушекъ Назарета, вошли даже въ пословицу, совершенно обратно тому какъ думали въ древности, во времена Христа, когда не допускали «ничего добраго выходящаго изъ Назарета». Вліяніе европейской культуры въ сравнительно короткое время во многомъ переродило жителей Назарета, и остается только жалѣть, что эта культура, внесенная въ среду христіанскаго населенія, и въ Назаретѣ, какъ и во всей остальной Пале-



Русская школа въ Назаретѣ.



стинѣ иновѣрными пропагандистами, была въ ущербъ православію, сильно умалившемуся здѣсь со времени прочнаго установленія миссіонеровъ и учрежденій латинской и протестантской пропаганды. Какъ и повсюду въ Палестинѣ, греческіе монахи не оказались здѣсь на высотѣ своего призванія, не сумѣли поддержать падаваго православія и допустили продѣлать въ немъ значительныя брешы. Палестинскому Обществу, взявшему въ свои руки поддержаніе православія на Святой Землѣ, предстоитъ много дѣла, и хотя позиція православія въ Назаретѣ еще достаточно тверда, но многое уже упущено и едва-ли возможно воротить. Во всякомъ случаѣ Назаретская русская школа, основанная Палестинскимъ Обществомъ и работающая такъ успѣшно, что вызываетъ зависть со стороны иновѣрной пропаганды представляетъ настоящую твердыню православія въ Галилеѣ. Многочисленные ученики и ученицы этой школы, нерѣдко перешедшіе въ нее изъ иновѣрныхъ учреждений, являются уже стойкими борцами не только за православіе, но и за русское вліяніе, поддерживающее пошатнувшійся авторитетъ Иерусалимской патріархіи.

Мы пришли прямо къ обширному дому русской страннопріимницы, принадлежащему Палестинской Комиссіи, гдѣ и расположились вполне комфортабельно, чувствуя себя дома, въ родномъ русскомъ уголкѣ. Арабская семья, присматривающая за страннопріимницею, хлопотала и суетилась около насъ, приготовляя для насъ обѣдъ и чай; нѣсколько простыхъ русскихъ паломниковъ помогали хозяевамъ, и скоро передъ нами появился гигантскій самоваръ, подобный тому, который мы видали только въ Иерихонѣ...

Подъ вечеръ мы вышли всею своею компаніею осматривать городъ и его достопримѣчательности и святыни. Къ намъ присоединилась и кучка русскихъ паломниковъ, уже проживавшихъ нѣсколько дней въ Назаретѣ. Блуждая по кривымъ и тѣснымъ улицамъ города, мы все-таки не могли не замѣтить, что даже чистотою и опрятностью Назаретъ какъ-то выдѣ-



ляется изъ числа другихъ Палестинскихъ городовъ. Поднимаясь уступами по склону холма, разсѣченный нѣсколькими оврагами, Назаретъ занимаетъ довольно обширное пространство; его бѣлые домики, выстроенные изъ камня и нерѣдко окруженные смоковницами, маслинами и кактусовыми изгородами, съ каждымъ годомъ ползуть во всѣ стороны по холмамъ, закрывающимъ городъ, и быть можетъ, скоро наступитъ время когда вся лощина вмѣстѣ съ окружающими холмами будетъ занята Назаретомъ. Въ настоящее время городъ раздѣленъ на три квартала—православный, католическій и мусульманскій; православные пока еще берутъ верхъ надъ католиками и протестантами, но если дѣло инновѣрной пропаганды, за 30—40 лѣтъ сманившей изъ лона православія болѣе полутора тысячъ человекъ православныхъ арабовъ, пойдетъ такъ же быстро, а православіе съ своей стороны не приметъ энергичныхъ мѣръ для отпора, то латинство скоро возьметъ подавляющій верхъ.

Прежде всего мы прошли къ митрополиту Нифонту, который принялъ насъ довольно сухо, несмотря на письмо изъ Патріархіи. Изъ полчасаго разговора съ этимъ архипастыремъ, хорошо говорившимъ по-французски, мы не могли почерпнуть даже самыхъ поверхностныхъ свѣдѣній о положеніи православной паствы въ Назаретѣ. Гораздо больше мы узнали потомъ отъ латинскихъ монаховъ, скорѣе уменьшавшихъ, чѣмъ преувеличивавшихъ свѣдѣнія о количествѣ православныхъ, остающихся въ Галилеѣ.

Отъ митрополита насъ повели на край города къ греческой церкви Архангела Гавріила, мимо которой мы уже проходили на пути изъ Тиверіады. Православное преданіе указываетъ на эту церковь, какъ на мѣсто Благовѣствованія, въ противность латинянамъ, будто бы тоже обладающимъ этимъ мѣстомъ. Убогая древняя церковь, наполовину вросшая въ землю, вмѣщаетъ въ себѣ глубокой колодезь, изъ котораго черпала воду св. Дѣва, когда услышала слово Благовѣствованія... Изъ этого колодца вода по особому каналу переходитъ въ старый источникъ, лежащій по другой сторонѣ дороги, откуда нынѣ черпаютъ воду обитатели Назарета. Этотъ открытый для общаго пользованія источникъ также носитъ названіе фонтана св. Дѣвы Маріи. Около него постоянно, особенно же по утрамъ и по вечерамъ, можно видѣть прекрасныхъ дочерей Назарета въ ихъ оригинальныхъ костюмахъ, украшенныхъ серебряными монетами. Мы долго простояли у этого источника, любуясь прекрасными лицами современныхъ назаретянокъ, словно пытаясь по нимъ мысленно возсоздать неземныя черты Матери Иисуса...

Идя отъ источника св. Дѣвы Маріи къ латинскому монастырю, мы посѣтили такъ называемую мастерскую св. Іосифа Обручника, представляющую въ настоящее время католическую капеллу, выстроенную на мѣстѣ разрушеннаго храма временъ Крестonosцевъ. Самый монастырь Благовѣщенія, окруженный большимъ садомъ, представляетъ родъ небольшой крѣпости, высокія стѣны которой совершенно скрываютъ прячущуюся въ нихъ обитель. Довольно красивая и обширная церковь хранитъ главное святилище Назарета, мѣсто Благовѣщенія, къ которой ведетъ мраморная лѣстница, начинающаяся за алтаремъ. Самое мѣсто состоитъ изъ четырехъ частей. Первая камера называется пещерою Архангела Гавріила и украшена двумя латинскими алтарями; средняя камера носитъ названіе комнаты св. Дѣвы Маріи; въ ней, по преданію, и произошло Евангельское событіе; мѣста, на которыхъ стояли Архангелъ и Св. Дѣва, обозначены колоннами, причѣмъ колонна, соотвѣтствующая мѣсту Богоматери, наполовину разбита и представляется однимъ верхнимъ, висящимъ съ потолка кускомъ. За пещерою Благовѣщенія идетъ небольшая камера св. Іосифа Обручника, а еще далѣе, ниже на нѣсколько ступеней,—древняя цистерна, составляющая четвертую часть священнаго мѣста и неправильно носящая названіе кухни св. Дѣвы. Нечего разумѣется, и распространяться о томъ, что мѣсто Благовѣщенія, показываемое въ латинскомъ монастырѣ, ни въ какомъ случаѣ не могло быть мѣстомъ великаго Евангельскаго событія. Какъ-бы ни было бѣдно жилище св. Дѣвы Маріи, оно было наземнымъ, а не помѣщалось въ пещерахъ подъ землею. Латинскій монастырь, быть можетъ, и воздвигнутъ на подлинномъ мѣстѣ дома родителей Богородицы, какъ то доказываютъ и слѣды древней базилики, но напрасно католическіе монахи къ позднѣе выстроенному зданію приурочили мѣсто Благовѣствованія.

Напротивъ латинскаго монастыря расположена и обширная странно-пріимница для католиковъ (Casa Nova) и рядомъ съ нею католическій женскій монастырь. Посѣщеніемъ этого послѣдняго мы и закончили въ тотъ день осмотръ назаретскихъ достопримѣчательностей, а вечеръ и ночь провели въ своемъ обществѣ, увеличившемся еще двумя паломниками.

На другой день мы прежде всего посѣтили развалины синагоги, позднѣе христіанской церкви, поставленной на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда училъ Христосъ, а затѣмъ прошли на самый западный конецъ города, гдѣ намъ показали такъ называемую «Трапезу Христа», каменную плиту въ видѣ стола, помѣщающуюся въ серединѣ латинской капеллы. Мы зашли еще въ бѣдную церковь маронитовъ, живущихъ небольшою кучкою въ Назаретѣ и находящихся подъ защитою Франціи, но почему-то все надѣющихся на защиту Россіи, которой, по ихъ убѣжденію, рано или поздно суждено завоевать весь Востокъ. Имѣя въ распоряженіи еще около двухъ часовъ времени, мы отправились еще въ англійскій сиротскій домъ, расположенный выше города на террасѣ, съ которой разстиляется прекрасный видъ на весь Назаретъ. Двѣ изящныхъ и красивыхъ миссъ вышли къ намъ навстрѣчу и съ изысканною любезностью пригласили осмотрѣть это дѣйствительно образцовое заведеніе. Этотъ пріютъ, основанный почти для



Долина Эзраелонская
и гора Кармилъ.

сотни сиротъ, по своему комфорту, чистотѣ и порядку, царствовавшему въ немъ, понравился намъ болѣе, чѣмъ всѣ аналогичныя учрежденія въ Палестинѣ, не исключая даже находящихся подъ Иерусалимомъ. Дѣвочки арабки, воспитывающіяся въ этомъ пріютѣ, обучаются главнымъ образомъ хозяйству и рукодѣліямъ всякаго рода. Обширный садъ, заключающій въ себѣ до 10 тысячъ плодовыхъ деревьевъ, и великолѣпная каменная лѣстница, идущая по скату горы по направленію къ городу, составляютъ лучшее украшеніе Назарета.

Вернувшись къ раннему обѣду въ русскій пріютъ, мы съ грустью представляли себѣ тѣ могущественныя средства, съ помощью которыхъ иновѣрная пропаганда распространяется и растетъ на Востокѣ, въ ущербъ умаляющемуся православію, представляемому лишь убогими храмами и еще болѣе убогими служителями при нихъ...

Послѣ полудня мы покинули Назаретъ, чтобы къ вечеру добраться до Кайфы и подножія Кармила, мощный массивъ котораго мы видали не разъ, спустившись съ горъ Самаріи, особенно при подъемахъ на холмы Галилеи. Отъ Назарета до Кайфы не болѣе восьми часовъ пути, и притомъ по дорогѣ довольно сносной, можно сказать, даже прекрасной, послѣ ужасныхъ тропинокъ Самаріи и Іудеи...

Едва мы выѣхали изъ роскошной долины Назарета и оставили позади ея многочисленныя сады, какъ наша дорога пошла снова по горамъ, превращаясь мѣстами въ узкую каменистую тропу. Съ одного подъема мы хорошо увидели и синѣющее море, и великолѣпный массивъ Кармила, которые показались намъ довольно близкими, несмотря на остающіеся семь часовъ пути... Но скоро мы спустились съ этихъ каменистыхъ кручей и пошли вдоль небольшихъ холмовъ, покрытыхъ яркою зеленью и полосами распаханной земли. Дорога стала веселѣе; рощицы маслинъ, кудрявые дубки, въ которыхъ ютились цѣлыя стаи голубыхъ соекъ и горлицъ, работающіе въ поляхъ поселяне и небольшія деревеньки, замѣтныя на склонахъ холмовъ, окаймляющихъ съ сѣвера долину Эзраелона,—все это оживляло путь. Намъ невольно припоминались слова одного ученаго путешественника, который такъ вѣрно охарактеризовалъ Галилею: «здѣсь каждая гора масличная, каждая долина—золотой лугъ». Обиліе пернатыхъ пріятно поражало насъ по мѣрѣ приближенія къ морю; унылыя и безжизненныя каменные дѣбри Самаріи и Іудеи, нерѣдко не оживляемыя даже присутствіемъ вездѣшней птицы, смѣняются повсюду въ Галилеѣ плодоносными уади и зеленѣющими холмами, обильными водою, разнообразною растительностью и

представителями животнаго царства. Кое-какія развалины попадались на нашемъ пути. Но ихъ не могъ назвать даже нашъ всезнающій Османъ, а потому мы были вправѣ совсѣмъ игнорировать ихъ.

У подножія холма съ развалинами башенъ и стѣнъ, носящими имя Самуніэ, возлѣ источника прекрасной воды, мы сдѣлали первую непродолжительную остановку. Но такъ какъ г-жа С--а снова едва не подверглась укушенію скорпіономъ, то мы скоро снялись съ привала и пошли по склону послѣднихъ холмовъ, окаймляющихъ съ сѣвера долину Эзраелона. Османъ показалъ намъ цѣлый рядъ погребальныхъ пещеръ, выкопанныхъ въ мѣловой почвѣ холмовъ, добавивъ, что въ нихъ было найдено нѣсколько саркофаговъ, полныхъ человѣческихъ костей. Боясь запоздать приходомъ въ Кайфу, мы воздержались отъ того, чтобы полазять по пещерамъ, всегда привлекавшимъ особенное наше вниманіе. Мы продолжали идти еще около часу небольшими холмами, поросшими мелкимъ лѣсомъ, преимущественно дубнякомъ, оживленнымъ мелодичнымъ воркованіемъ горлицъ, пока не спустились въ обширную низину, составляющую продолженіе Эзраелонской долины, тянущейся по теченію древняго Кисона до берега моря и тамъ сливающейся съ прибрежною низиной. Вся эта обширная равнина представляла одно сплошное поле и лугъ, покрытый массою полевыхъ цвѣтовъ. Наши животныя, повидимому, съ наслажденіемъ опустились въ это море зелени и пошли быстро, срывая на пути клочки свѣжей, душистой травы. Оставивъ вправо зеленѣющіе холмы Назаретской возвышенности, мы перешли въ бродъ Нахрѣ-эль-Мукката, — небольшую рѣчку, носившую въ древности названіе Кисона; при этой переправѣ вода поднялась выше колѣнъ всадниковъ, не ожидавшихъ внезапной ванны, въ которую погрузили ихъ загнанные съ большимъ трудомъ въ быстрое теченіе потока ослики, боящіеся воды, какъ огня...

Переправившись черезъ Кисонъ, мы пошли по лѣвому берегу его, по прекрасной дорогѣ, шедшей вдоль самаго подножія Кармила. Огромный массивъ, вытянувшійся верстъ на двѣнадцать почти прямою линіею, идетъ надъ долиною Кисона и круто обрывается въ море, образуя далеко видный и опасный мысъ. Изрытыя вешними потоками склоны его поросли густою растительностью, смягчающею мрачный колоритъ горы св. Иліи. Колочій дубъ, терновникъ, дикій рожечникъ, теревиню, маслины и густыя заросли всевозможныхъ колючихъ кустовъ образуютъ во многихъ мѣстахъ настоящіе лѣса, черезъ которые лишь съ трудомъ пробираются сами туземцы; въ труднодоступныхъ чащахъ Кармила водится много кабановъ, шакаловъ и гіенъ; нерѣдко встрѣчаются здѣсь и пантеры, наводящія ужасъ на мѣстныхъ арабовъ, не любящихъ встрѣчаться съ дикими звѣрями. Нѣкоторыя урочища Кармила совершенно недоступны, по словамъ Османа, вслѣдствіе множества ядовитыхъ змѣй, избравшихъ ихъ своимъ обиталищемъ... Въ пещерахъ горы св. Иліи, по мѣстному повѣрью, живутъ и злые духи, заключенные туда великимъ Пророкомъ и пугающіе путниковъ своимъ внезапнымъ появленіемъ и дикими криками, раздающимися въ тишинѣ ночей... Быстро бѣжали наши ослики по хорошей дорогѣ, словно чуя скорый отдыхъ послѣ долгаго пути... Уже совершенно стемнѣло, когда мы, пройдя оставшіеся вправо обширныя сады Кайфы, осѣненные купами



Окрестности Кайфы.

финиковыхъ пальмъ, подходили къ городу, огоньки котораго уже издалека манили нашъ утомленный караванъ. Мы ясно слышали шумъ набѣгавшаго прибоа и свистки парохода, снимавшагося съ рейда Кайфы...



При самомъ вступленіи въ улицы хорошо вымощеннаго, но не освѣщеннаго города, мой осликъ споткнулся, и я упалъ впервые, за все время пребыванія въ Палестинѣ. Паденіе было неопасно, но оно заставило меня слѣзть со спины окончательно измученнаго животнаго и пѣшкомъ добраться до русскаго пріюта, содержамаго Палестинскою Коммиссіею. Такъ какъ домъ былъ запертъ, а ключи хранились у вице-консула, то мы, въ ожиданіи этого послѣдняго, простояли около получаса среди собравшейся толпы любопытныхъ. Скоро явился консулъ изъ мѣстныхъ арабовъ, Селимъ-Хури, очень обязательный и любезный человекъ. Онъ не только предоставилъ въ наше распоряженіе обширный домъ страннопріимницы, но и прислалъ своихъ арабовъ для того, чтобы служить намъ; мало того, изъ дома консула было принесено все нужное для ужина, и самъ Селимъ-Хури заботился обо всемъ, начиная съ самовара и кончая чистыми постелями... Послѣ ужина мы еще долго просидѣли на террасѣ, прощаясь съ Палестиною, остававшеюся назади, и любясь бушующимъ моремъ, набѣгавшимъ на берега.

На утро, отворяя ставню своей комнаты, я былъ пораженъ массою летучихъ мышей, набравшихся за нее въ продолженіе ночи; это небольшое обстоятельство доставило много развлеченія моимъ спутникамъ, игравшимъ съ неповоротливыми животными и продѣлывавшимъ съ ними разныя штуки... Не успѣли мы еще выпить чаю, какъ пришелъ Селимъ-Хури и повелъ насъ осматривать Кайфу. Ничего особеннаго послѣ массы грандіозныхъ остатковъ прошлаго, видѣнныхъ въ другихъ частяхъ Палестины, не представилось нашему вниманію въ этомъ небольшомъ городкѣ, лежащемъ въ глубинѣ Галилейскаго залива и обнесенномъ невысокими стѣнами.

Пройдя по городу, мы прошли въ его великолѣпные сады, дающіе одни изъ лучшихъ апельсиновъ и лимоновъ прибрежья. Среди садовъ, недалеко отъ моря, находился загородный садъ консула съ хитроумно построенною водочерпалкою и обширною цистерной... Тутъ для насъ былъ

приготовленъ легкій завтракъ, во время котораго малѣйшій хозяинъ совершенно засыпалъ насъ розами, жасминами и другими ароматными цвѣтами. Послѣ завтрака мы сѣли на своихъ ословъ и отправились на Кармель въ сопровожденіи одного изъ арабовъ Селима-Хури, служившаго для насъ проводникомъ.

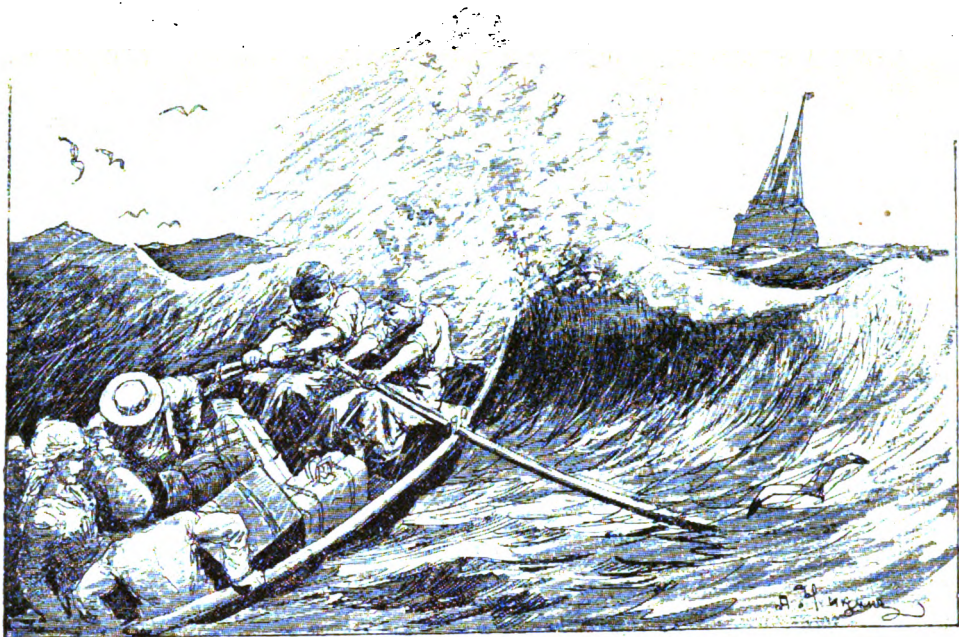
Выѣхавъ изъ Кайфы, мы попали прямо въ большую нѣмецкую колонію, расположенную у самаго города и представляющую настоящій уголокъ Германіи, пересаженный на классическую почву Востока. Ряды чистенькихъ бѣлыхъ европейскихъ домиковъ, съ верандами, обвитыми виноградомъ, широкія выметенныя улицы съ рядами кипарисовъ, группы бѣлоурныхъ и розовыхъ дѣтей, играющихъ передъ домами, лавки съ нѣмецкими товарами и школы, изъ которыхъ слышалось стройное пѣніе учениковъ,—все это переносило насъ въ Европу, если-бы рядомъ не виднѣлись еще домики и мечети Кайфы и массивный Кармель, нависшій надъ берегомъ Галилейскаго залива.

Миновавъ колонію и рощу маслинъ, мы начали подъемъ. Дорога, во многихъ мѣстахъ вырубленная въ скалѣ ступенями, незамѣтно вела насъ на вершину Кармела. Постепенно поднимаясь, мы не переставали любоваться чудною панорамой, разстлавшеюся подъ нашими ногами. Весь заливъ Галилеи съ бѣлѣющею на противоположномъ берегу его Акрою, безконечный горизонтъ моря, залитаго солнечнымъ сіяніемъ, веселенькая Кайфа, лежащая прямо внизу, со своею колоніею и роскошными садами, развалины древняго Сикомоніума, лежащаго у подножія Кармельскаго мыса и, наконецъ, долины Кисона и часть Эзраелонской зеленѣющей долины съ ея моремъ холмовъ и далекимъ массивомъ горъ образовывали одну изъ самыхъ обширныхъ панорамъ Палестины...

Хотя высота Кармела достигаетъ болѣе полуверсты, тѣмъ не менѣе знаменитый монастырь Кармелитовъ, видный издали, и со стороны моря, и со стороны суши, лежитъ не на самомъ высокомъ пунктѣ горы св. Іліи, а всего на 80 саженьяхъ надъ поверхностью Кайфской низины. Поэтому добраться до него было не трудно, и менѣе, чѣмъ черезъ часъ, мы были уже у подножія громаднаго четырехугольнаго трехэтажнаго зданія, вмѣщающаго въ себѣ не только церковь и монастырь, но и обширную страннопріимницу, внутренній садъ, службы и дворы. Монастырь Кармелитовъ можно сравнить съ нѣкоторыми обитателями Авона и отчасти съ Синайскимъ монастыремъ, тоже представляющими снаружи видъ крѣпости, готовой встрѣтить врага.

Латинскіе монахи съ обычною ихъ привѣтливостью встрѣтили нашъ





караванъ и прежде всего повели насъ въ свою страннопріимницу, гдѣ предложили различныя угощенія. Самъ настоятель пришелъ привѣтствовать гостей и вызвался быть нашимъ проводникомъ по всему монастырю. Насъ провели въ великолѣпно украшенную капеллу, посвященную памяти великаго Пророка, гдѣ обыкновенно происходитъ служеніе. Подъ главнымъ алтаремъ этого храма находится величайшая святыня Кармела—пещера, въ которой спасался нѣкогда Илія. Спустившись сюда по нѣсколькимъ ступенькамъ, мы были поражены великолѣпною рѣзною статуею Пророка, быть можетъ уважаемую даже мусульманами, но профанирующею чувства православнаго христіанина. Еще большею профанаціею показалось намъ другое рѣзное изображеніе—Божіей Матери, одѣтой въ модное платье и украшенной монистами изъ турецкихъ монетъ; фигура плачущаго Божественнаго Младенца съ куклою въ рукахъ, и занавѣсь, поднимаемая и опускаемая монахомъ, какъ на авансценѣ, довершаютъ непріятное впечатлѣніе, производимое театральностью обстановки.. Мы поспѣшили уйти изъ латинскаго храма и поднялись на террасу, откуда разстилается одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ въ Палестинѣ... Немного отдохнувши тамъ, мы покинули монастырь, не поинтересовавшись ни его страннопріимницею, ни обширною бібліотекою, ни древностями, валяющимися на монастырскомъ дворѣ, ни даже любопытными окаменѣlostями въ видѣ орѣховъ, тыквъ и арбузовъ, которые сложены въ одной изъ келій настоятеля..

На прощаніе монахи успѣли все-таки снабдить насъ пузырьками ароматной Кармельской воды и нѣсколькими фотографіями, за которыя намъ пришлось заплатить, не торгуясь, довольно дорогую цѣну. Пройдя мимо маяка и памятника въ честь павшихъ подъ Акрою французскихъ воиновъ, мы начали свой спускъ съ Кармела въ направленіи, отличномъ отъ того, которымъ поднялись. Мы посѣтили еще двѣ пещеры, связанныя съ именемъ великаго Пророка; одна изъ нихъ довольно обширная, вся испещрена всевозможными надписями, къ которымъ было прибавлено и нѣсколько нашихъ именъ. Всевозможныхъ гротовъ и пещеръ встрѣчается повсюду великое множество на Кармелѣ; огромное большинство ихъ про-

дѣла но
руками от-
шельниковъ,
издавна облюбо-
вавшихъ гору св. Іліи
для своего обитанія; ны-
нѣ эти гроты заняты лишь
шакалами, совами да нетопырями.

Массивъ Кармела издавна носить
эпитетъ Священной или Божьей горы.
Еще во времена язычества, гораздо ранѣе
жертвенника Іеговъ, здѣсь воздвигались ал-
тари въ честь Ваала, Астарты, а позднѣе—Юпи-
тера и другихъ языческихъ божествъ. Какъ бы въ
подраженіе школъ Пророковъ, собранныхъ на Кармелѣ
Іліею, позднѣе здѣсь обитала община языческихъ жре-
цовъ, посвятившихъ себя созерцанію природы и непре-
рывнымъ жертвоприношеніямъ въ честь солнечнаго бо-
жества.

По изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, латиняне сдѣлали не-
поправимую ошибку, поставивъ свой монастырь на мѣстѣ жертвенника Юпи-
тера и Ваала, принявъ его за мѣсто алтаря, воздвигнутаго въ честь Іеговы...

Спустившись съ Кармела къ самому берегу моря, недалеко отъ раз-
валинъ Сикомоніума, мы помчались черезъ нѣмецкую колонію обратно въ
Қайфу. Въ русской страннопріимницѣ насъ ожидалъ обѣдъ, пригото-
вленный заботами Селима-Хури, хлопотавшаго о немъ вмѣстѣ со своею же-
ною... Около 6 часовъ вечера мы, забравъ свои скромные пожитки, уже
садились въ лодку для того, чтобы сѣсть на австрійскій пароходъ, ух-
дившій сегодня же вечеромъ въ Яффу... Телеграмма, полученная мною
изъ Іерусалима, заставляла меня возвращаться туда вмѣсто того, чтобы
пробираться далѣе въ сѣверную Палестину и Сирію, какъ я ранѣе пред-
полагалъ. Приходилось поэтому продѣлывать еще разъ скучный путь до
Іерусалима и такимъ образомъ провести хотя до Яффы своихъ спутни-
ковъ, отправляющихся въ Александрію, а оттуда въ Россію. Графъ Г—нъ
возвращался со мною также въ Іерусалимъ..

Такъ какъ къ вечеру разыгрался довольно свѣжій вѣтерокъ, то на
рейдѣ Қайфы ходили высокія волны, съ ревомъ разбивавшіяся о камни
прибрежія. Какъ ни трусили нѣкоторые мои спутники передъ волнами, но
приходилось садиться, потому что въ Қайфѣ надо ловить случай, чтобы по-
пасть на пароходъ. Сильно бросало и кидало нашу грузную ладью, направ-
ляемую черезъ буруны искусною рукою арабовъ, но мы все-таки благо-
получно перебрались черезъ волны, и лишь передъ самымъ достиженіемъ
парохода шальная волна налетѣла на насъ и почти покрыла ладью, вы-
мочивъ насъ всѣхъ такъ основательно, что у меня даже въ ротъ попалъ
глотокъ соленой воды. Крики ужаса раздались съ нашей полузалитой
лодки, на моихъ спутникахъ не было и лица, но арабы-лодочники про-
должали еще улыбаться и скалить свои бѣлые зубы... Вскорѣ насъ другою
волною пришибло къ борту парохода. Этимъ мгновениемъ воспользовались



Монастырь на г. Кармель.



арабы, уцѣпились за бортъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы всѣ были благополучно доставлены на палубу «Клио». Наша молоденькая спутница, несмотря на то, что была вымочена до послѣдней нитки, показала болѣе присутствія духа, чѣмъ большинство мужчинъ.

Около девяти часовъ вечера пароходъ тронулся. Мы долго сидѣли на палубѣ, перебирая различные эпизоды совмѣстнаго путешествія и лѣбруя прекрасною ночью и успокоившимся къ полуночи моремъ... Рано утромъ, еще до зари, мы были уже на рейдѣ Яффы, гдѣ по обыкновенію ходили сильныя буруны... Мы распрощались съ своими спутниками, пожелали имъ благополучнаго возвращенія и вмѣстѣ съ графомъ Г. отправились въ Яффу... Волны прибоя снова порядочно побросали нашу ладью, но мы не обращали на это никакого вниманія, провожая взорами своихъ товарищей по пути, оставшихся на палубѣ парохода; мы долго смотрѣли, какъ наша милая спутница въ своемъ голубомъ бешметѣ стояла на самой рубкѣ капитана махая оттуда платкомъ...

Лихо переѣхавъ Яффскіе буруны мы были уже на берегу, хотя для того намъ пришлось выскочить изъ лодки почти по поясъ въ волѣ, а черезъ какіе-нибудь полтора часа уже мчались верхами по дорогѣ, ведущей въ Іерусалимъ, въ сопровожденіи лишь одного погонщика-араба, не отстававшаго отъ насъ..

Дѣла, призывавшія насъ въ Іерусалимъ, были такъ несложны, что мы оставались тамъ всего нѣсколько дней и вслѣдъ затѣмъ, сдѣлавъ прощальные визиты, уже окончательно покидали Іерусалимъ. Передъ

отъездомъ мы услышали въ консульствѣ, что патриархъ, узнавъ о миссиі возложенной на меня Палестинскимъ обществомъ, почему-то сильно вознегодовалъ и очень рѣзко отозвался какъ объ обществѣ, такъ и обо мнѣ, какъ о шпионѣ, посланномъ изъ Россіи для того, чтобы наблюдать за дѣлами патриархіи. Не имѣя желанія оправдываться въ такомъ обвиненіи, я еще болѣе поспѣшилъ своимъ отъездомъ изъ Іерусалима, такъ какъ считалъ свою миссію въ Палестинѣ вполне законченною и дальнѣйшее свое пребываніе на Святой землѣ болѣе, чѣмъ неумѣстнымъ...

Подъ вечеръ, въ сопровожденіи графа Г. и одного русскаго архимандрита, я сѣлся въ нѣмецкую колымагу, увозя на этотъ разъ, вмѣстѣ съ хорошими, и массу неприятныхъ воспоминаній, какъ изъ Іерусалима, такъ и изъ другихъ уголковъ Святой Земли. Сердце мое обливалось кровью при видѣ многого, творимаго «на святомъ мѣстѣ»; я переболѣлъ душой за нашего сѣраго паломника, извѣдавъ на себѣ всю тяготу возложеннаго имъ на себя добровольнаго креста и утѣшалъ себя лишь тѣмъ, что многое вопіющее, что удалось наблюдать, не будетъ схоронено мною на страницахъ записной книжки, а повѣдано тѣмъ, отъ кого зависитъ многое удалить, а многое облегчить...

Провожаемые почтеннымъ о. Антониномъ и почти всею русскою миссіею, а также генеральнымъ консуломъ В. Ѳ. Кожевниковымъ, мы тронулись по Яффской дорогѣ изъ Іерусалима уже безъ надежды когда-нибудь воротиться въ него вновь.

Около полуночи мы прибыли въ Бабъ-эль-Уади, гдѣ по обыкновенію возница остановился на два часа, чтобы покормить лошадей. Такъ какъ ночь была дивно хороша, то, оставивъ своихъ спутниковъ дремать въ глубинѣ колымаги, я пошелъ одинъ побродить по холмамъ, нависшимъ надъ Яффскою дорогою и одинокимъ ханомъ, затерявшимся въ камняхъ. Я поднялся на вершину ближайшаго холма и сталъ спускаться въ неглубокую лощину, заваленную глыбами камней и массою колючихъ кустовъ. Молодая луна выплывала изъ-за горъ Іудеи; кругомъ неумолчно стрекотали кузнечики; вдали въ скалахъ ухали горныя совы и плакали шакалы; воздухъ былъ напоенъ одуряющимъ, бальзамическимъ ароматомъ горныхъ травъ. На душѣ мнѣ было какъ-то особенно легко: какъ легкія тѣни, соскользнули съ нея недавнія неприятности, полученныя въ Іерусалимѣ. Последняя ночь, проведенная на Святой Землѣ, примирила меня со многимъ, отъ чего возмущалась моя душа.

Погрузившись въ свои мечтанія, я уже началъ было обратный подъемъ, какъ вдругъ изъ-за камней поднялась передъ мною во весь ростъ чья то высокая фигура во всемъ бѣломъ, и не успѣлъ я опомниться отъ изумленія, какъ раздался выстрѣлъ, произведенный по мнѣ почти прямо въ упоръ... Я вздрогнулъ и невольно отшатнулся, еще не понимая, остался-ли я цѣлъ или получилъ уже рану... Почти машинально я выхватилъ изъ кармана свой небольшой револьверъ-бульдогъ и сдѣлалъ подрядъ два выстрѣла по направленію невѣдомаго врага, который, пользуясь нѣсколькими мгновеніями моего испуга, произведеннаго неожиданнымъ выстрѣломъ, успѣлъ уже бѣжать и скрыться во мракѣ ночи, среди хаоса камней и кустарниковъ, наполнявшихъ лощину. Все это произошло въ нѣсколько



мгновеній; невѣдомый и непонятный врагъ появился, сдѣлалъ выстрѣлъ по мнѣ и исчезъ такъ внезапно, какъ привидѣніе. Первые моменты послѣ его исчезновенія я уже думалъ, что ничего подобнаго не было, что я просто галлюцинировалъ подъ волшебнымъ волненіемъ чарующей ночи, но пробитый и обожженный лѣвый рукавъ моей куртки скоро убѣдилъ меня въ томъ, что все происшедшее было не галлюцинаціею, а дѣйствительнымъ событіемъ, едва не ставшимъ роковымъ для меня. Невѣдомый злодѣй, очевидно, цѣлилъ прямо въ сердце; только испугъ и легкій трепетъ, пробѣжавшій по мнѣ и заставившій меня сильно отшатнуться передъ непонятнымъ появленіемъ бѣлой фигуры, спасли меня отъ вѣрно направленной пули... Весь локоть моей охотничьей куртки былъ обожженъ; пуля сорвала

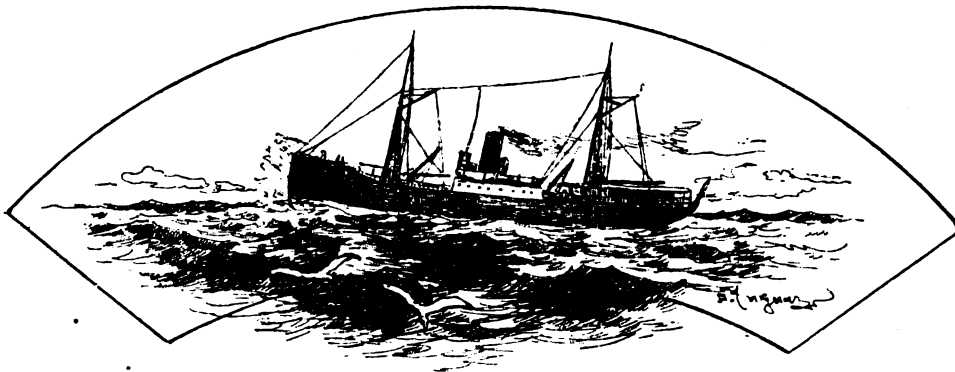
часть сукна и сорочки, но вовсе не тронула тѣла, на которомъ чувствовалось лишь ощущеніе легкаго обжога...

Послѣ этого ужаснаго происшествія едва я пришелъ въ себя, какъ поспѣшилъ ретироваться и въ волненіи долго не находилъ настоящаго направленія... Съ сильнымъ біеніемъ сердца и съ ощущеніемъ мурашекъ, бѣгавшихъ по тѣлу, я пролѣзалъ черезъ заросли колючихъ кустовъ, перебирался черезъ каменные глыбы, разбивая въ ссадины колѣна и сгибы пальцевъ широко растопыренныхъ рукъ. Мнѣ казалось, что за мною гонится невѣдомый врагъ, я слышалъ порою шумъ его шаговъ, лязгъ взводимого курка и ожидалъ каждое мгновение, что нѣтъ—нѣтъ,—и явится снова передъ мною, какъ грозное привидѣніе, бѣлая фигура, которая на этотъ разъ ужъ не дастъ промаха... Я не помню, какъ мнѣ удалось обратиться къ хану, гдѣ мирно пережевывали ячмень наши кони и дремали въ колымагѣ мои товарищи по пути... Когда я добрался до своего возка, то силы окончательно покинули меня, и я упалъ на руки пробудившихся спутниковъ. Черезъ пять минутъ я очнулся, а черезъ четверть часа, выпивъ стаканъ добраго вина, уже могъ рассказать о случившемся... Недоумѣнію моихъ спутниковъ не было и конца. Всѣ обстоятельства этого покушенія были настолько непонятны и странны, что даже цѣли этого послѣдняго нельзя было объяснить... Если то было простое покушеніе на убійство неосторожнаго путника и послѣдующій за тѣмъ грабежъ, то гораздо легче было-бы подстрѣлить меня изъ-за куста, чѣмъ рисковать подвергнуться и отпору. Поспѣшность единственнаго выстрѣла, произведеннаго по мнѣ, и, наконецъ, еще болѣе поспѣшное бѣгство невѣдомаго врага были также далеко не понятны, и мнѣ невольно приходила въ голову

мысль о связи этого покушенія съ происками моихъ враговъ, которыхъ я уже успѣлъ нажить въ Святой Землѣ...

Прибывши подъ утро благополучно въ Яффу, я, разумѣется, сообщилъ обо всемъ происшедшемъ въ Иерусалимѣ, генеральному консулу и о. Антонину, такъ же какъ и Яффскимъ властямъ, но, насколько мнѣ извѣстно, ничего не было выяснено, и странное покушеніе, произведенное на меня въ Бабъ-эль-Уади въ послѣднюю ночь, проведенную въ Палестинѣ, остается до сихъ поръ непонятной загадкой...

Съ тяжелымъ чувствомъ я покидалъ теперь берега Святой Земли; невольно на глазахъ у меня выступали горькія слезы, но онѣ уже не были слезами умиленія: я уносилъ съ собою изъ Палестины горечь на сердцѣ, вмѣсто тихой радости и душевнаго успокоенія... Прощай, Святая Земля,— говорилъ я мысленно, провожая глазами уходящій берегъ Палестины,—и прощай, быть можетъ, навсегда! Не съ охотою теперь ступить моя нога туда, куда три раза меня тянуло сердце и откуда уже столько-же разъ я уходилъ, не ощущая въ сердцѣ того, о чемъ мечталъ и чего не находилъ!.. Немного, я думаю, паломниковъ покидало съ такими мыслями уходящіе берега Палестины...



КОНЕЦЪ II ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

СТРАН.

ГЛАВА	I. Поѣздка на Скандинавскій полуостровъ. — Нѣсколько словъ о прошломъ Швеціи. — Общій взглядъ на поверхность Скандинавіи. — Переѣздъ въ Норвегію. — Норвежскіе виды. — Трондгеймъ. — Фіорды. — Дѣятельность моря. — Поднятіе и опусканіе береговъ. — Туристы. — Норвежскія женщины	1
ГЛАВА	II. Морская фауна Норвегіи. — Жизнь въ морѣ. — Ловля рыбы. — Треска и сельдь. — Охота за китами. — Пейзажи въ Норвегіи. — Лоффоденскіе острова. — Жизнь за полярнымъ кругомъ. — Долгій день и долгая ночь	15
ГЛАВА	III. Тромсе. — Дорога отъ Тромсе до Гаммерфеста. — Водопадъ Бергфіордъ. — Природа Сѣверной Норвегіи. — Лопари. — Торговля сношенія норвежцевъ съ русскими. — Несчастное положеніе поморовъ. — Мурманскій вопросъ. — Отъ Гаммерфеста вдоль сѣвернаго побережья. — Птичье царство	28
ГЛАВА	IV. Нордкапъ и Нордкинъ. — Буря, настигшая нась у Нордкапа. — Жизнь на крайнемъ Сѣверѣ. — Бичъ сѣверянъ. — Вардо и Вадсо. — Въ дебряхъ Лапландіи. — Печенегскій монастырь	41
ГЛАВА	V. Лапландія. — Орографія и гидрографія страны. — Климатъ. — Растительность. — Царство животныхъ. — Видъ тундръ. — Лѣсныя дебри	50
ГЛАВА	VI. Поѣздка въ Русскую Лапландію. — Сѣверное сіяніе. — Путешествіе на карбасъ. — Кочевая жизнь по рѣкамъ и озерамъ. — Озеро Энаре. — Экскурсія съ пьяными лопарями	57
ГЛАВА	VII. Физиономія лопарей. — Раздѣленіе лопарей по группамъ. — Кочевые и осѣдлые лопари. — Антропологическій типъ лопарей. — Жилища лопарей. — Богатство (олени). — Прирученіе сѣверныхъ оленей. — Бѣснованіе лопарокъ. — Древнія могилы. — Погребеніе у лопарей. — Прошлое лопарей. — Жизнь современнаго лопаря	65
ГЛАВА	VIII. Отъ береговъ Энаре къ озеру Нуотъ. — Мои скитанія по дебрямъ и тундрамъ. — Бичи тундръ. — На берегахъ Туловны. — Кола. — Общій видъ города. — Вдоль Мурмана. — Поверхность Кольскаго полуострова. — Жизнь на Мурманѣ. — Становища поморовъ. — Устройство артелей на Мурманѣ. — Тяжелая доля помора. — Факторіи и колоніи	78
ГЛАВА	IX. Отъ Колы до Святаго Носа. — Бѣлое море. — Его фауна и флора. — Канинъ полуостровъ. — Двинская губа. — Архангельскъ и Содовки. — По Бѣдому морю. — Миражи. — Каменныя постройки. — Резюме о русской Лапландіи	91

		СТРАН.
ГЛАВА	X. Вторая поѣздка на Востокъ. — Александрія послѣ разгрома. — Англійскіе порядки въ Египтѣ. — Слухи о махди. — Поѣздка по Нилу въ дахабіэ. — Въ гостяхъ у Салеха	97
ГЛАВА	XI. Встрѣча съ коптскими монахами. — Приглашеніе Мустафы бея. — Танцы алмей. — Снова на дахабіэ. — Страна руинъ. — Сіутъ. — На англійскомъ пароходѣ. — Посѣщеніе древняго храма Оеириса. — Дендерскій храмъ	110
ГЛАВА	XII. Отъ Кеннэ до Луксора. — На развалинахъ стовратныхъ Өивъ. — Өивскій некрополь. — Гробница Сети I и Рамзеса III. — Дворецъ Рамзеса. — Статуи Мемнона. — Ночь на развалинахъ	127
ГЛАВА	XIII. Осмотръ правобережныхъ развалинъ Өивъ. — Луксорскій храмъ. — Храмъ Карнака. — Священный прудъ. — Храмъ богини Мутъ	138
ГЛАВА	XIV. Отъ развалинъ Өивъ. — Эснэ. — Караванъ паломниковъ. — Развалины храма Эдфу	147
ГЛАВА	XV. Древній каменоломни Сильселехъ. — Находка древняго скелета. — Подземные храмы. — Перемѣна нильскаго ландшафта. — Ассуанъ. — Развалины Сіены. — Островъ Элефантина. — Островъ Филэ. — Первые пороги	152
ГЛАВА	XVI. Прощаніе съ пароходомъ. — Опять одинъ. — Въ караванъ паломниковъ. — Путь въ Коссейръ. — Принильская пустыня. — Ночь въ пустынѣ. — Коссейръ. — Снова на пароходѣ	165
ГЛАВА	XVII. На итальянскомъ пароходѣ среди паломниковъ. — Патріотизмъ русскихъ мусульманъ. — Неблагопріятныя условія для плаванія по Красному морю. — Солнечные удары. — Суакимъ. — Его портъ. — Въсти о махди. — По улицамъ Суакима	176
ГЛАВА	XVIII. Отъ Суакима до Джелды. — Антропологическія наблюденія надъ пассажирами. — Джелда. — Разнообразіе ея населенія. — Снова на пароходѣ	187
ГЛАВА	XIX. Массова. — Переходъ на французскій пароходъ. — Мимо вулкановъ. — Бабъ-эль-Мандебскій проливъ. — Перимъ. — Обокъ. — Экскурсія по городу. — Среди Данакилей. — Прощаніе съ Обокомъ	196
ГЛАВА	XX. Адентъ. — Жизнь въ Адентѣ. — Панорама Адена ночью. — По Бабъ-эль-Мандебскому проливу. — Мокка. — Ходейдахъ. — Ханфулъ. — Снова въ Джелдѣ. — Ямбо	206
ГЛАВА	XXI. Въ виду Синая. — Торъ (древняа Реиоа). — На лодкѣ кругомъ Синайскаго полуострова. — Чудеса подводнаго міра. — Островъ Гуріахъ	218
ГЛАВА	XXII. Акаба. — Встрѣча со старыми друзьями. — Опять на «кораблѣ пустыни». — Встрѣча съ караваномъ хаджей. — Страхъ передъ разбойничьими племенами бедуиновъ	229
ГЛАВА	XXIII. Панорама Петры. — «Тѣснина огня». — Погребальные гроты. — Начальство бедуиновъ. — Храмъ и амфитеатръ въ Петрѣ. — Кости древняго человѣка. — Дворецъ Фараоновъ. — Могилы-Саркофаги. — Монастырь Эдъ-Деиръ	236
ГЛАВА	XXIV. Внутри древняго храма. — У подножія Аароновой горы. — Вступленіе въ великую пустыню. — Встрѣча съ караваномъ торговцевъ. — Последняя ночь на границахъ Святой Земли. — Соляная гора. — Путь къ Хеврону. — Развалины Маона, Кармеля и Зифа. — Снова у своихъ. — Размышленія о временахъ исхода Израильтянъ. — Іерулимъ. — Отѣздъ изъ Яффы въ Россію	250
ГЛАВА	XXV. Третье посѣщеніе Палестины въ 1884 году. — Іудея. — Цѣль моей поѣздки. — По дорогѣ въ Св. Землю. — Дарданеллы. — Мимо развалинъ Трои. — Смирна. — Прогулка по улицамъ «Жемчужины Востока»	265

		СТРАН.
ГЛАВА	XXVI. Островъ Хіосъ.—Островъ Самось.—Мимо Родоса.—Выходъ въ Средиземное море.—Вдоль по Киликійскому берегу.—Латанія.— Триполи	275
ГЛАВА	XXVII. Бейрутъ.—Паворама города.—Значеніе Бейрута.—Иновѣрная пропаганда.—Красота женщинъ.—Древній храмъ Георгія Побѣдоносца.—Послѣдняя ночь предъ вступленіемъ въ Святую Землю.— Мимо древнихъ Сидона и Тира.—Яффа.—Иерусалимъ	284
ГЛАВА	XXVIII. Экскурсія въ долину Иордана.—Апокрифическая гробница Моисея.—На берегахъ священной рѣки.—Напрасныя опасенія.—Въ страннопріимницѣ.—На сорокадневной горѣ.—Поѣздка на берега Мертваго моря.—Встрѣча съ французомъ.—Непріятное купанье.— Буря на Мертвомъ морѣ	291
ГЛАВА	XXIX. Утренній ландшафтъ на Иорданѣ.—Новое посѣщеніе Бетъ-Джебрина и Пещерной области Іудеи.—Культь комаровъ.—Останки троглодитовъ.—Опасное положеніе.—Легенда объ огнѣ.—Снова въ подземельяхъ.—Страница изъ исторіи древней религіи финикіянъ	303
ГЛАВА	XXX. Самарія и Галилея.—У гробницы царей.—По дорогѣ въ Нап-лусъ.—Колодезь Іакова.—Гробница Іосифа.—Древняя столица Самаріи.—Посѣщеніе синагоги.—На горѣ Гаризимъ.—Геваль	314
ГЛАВА	XXXI. Дженинъ.—Разлука со своими товарищами по путешествію.—До-лина Эзраелона.—Дзринъ.—На развалинахъ города Ахава.—Өаворъ.—У береговъ Тиверіадскаго озера.—Развалины Каперна-ума.—Отъ Канны до Назарета	331
ГЛАВА	XXXII. Назаретъ.—Достопримѣчательности Назарета.—Мѣсто Благовѣще-нія.—По дорогѣ въ Кайфу.—Кайфа	346